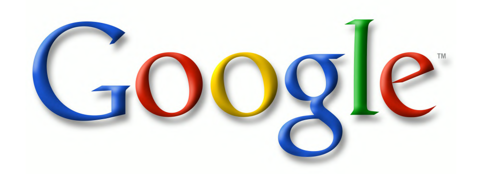
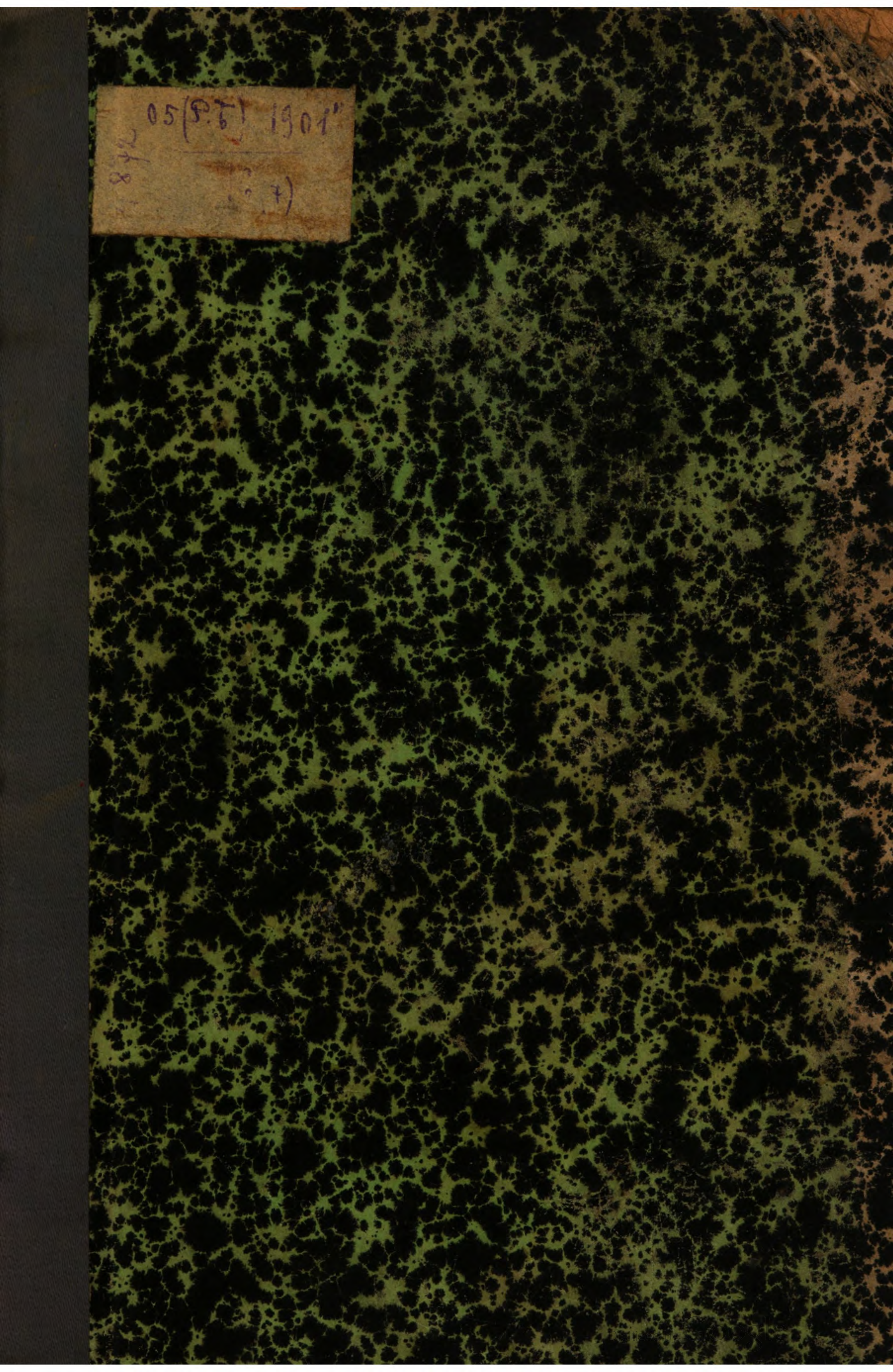

05(P.T.) 1901"

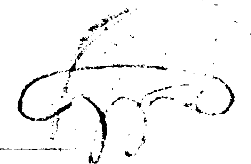

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

ІЮЛЬ 1901.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

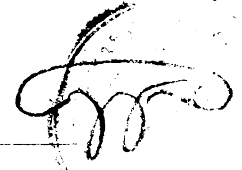

Digitized by Google

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 2083.

ІЮЛЬ 1901.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 7.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

ІЮЛЬ. 1901.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го іюля 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

НАЙДЕНКА.

(Изъ воспоминаній дѣтства).

I.

Она сидѣла, зажавъ руки между колѣнъ, съежившись отъ холода, и плакала, какъ плачутъ дѣти, когда утомятся отъ долгаго плача—тоскливо, монотонно, надрывающе.

Было свѣжо. Солнце еще не взошло, птицы не проснулись. Стояла та напряженная тишина, которая предшествуетъ восходу солнца. Вездѣ кругомъ—въ полѣ, въ лѣсу, надъ селомъ—скопилась масса звуковъ, и они повисли въ воздухѣ, какъ будто въ ожиданіи сигнала зашумѣть и на цѣлый день наполнить неумолкающимъ гомономъ всю окрестность. Они, эти повисшіе въ воздухѣ звуки, какъ будто о чемъ-то перешептывались между собой, какъ рѣзвыя дѣти передъ запертой дверью, за которой ихъ ожидаетъ блестящая елка: но она еще не готова, и дѣти, толкаясь на ципочкахъ въ сосѣдней комнатѣ, сдержанно шушукаются между собой.

Вдругъ откуда-то вырвался, какъ будто нечаянно, какъ будто онъ и не ожидалъ, что такъ выйдетъ, вырвался и прозвенѣлъ один стройный, мелодичный звукъ; не успѣлъ онъ растаять въ утреннемъ безмолвіи, какъ вслѣдъ за нимъ вырвался другой, такой же, но только выше и длиннѣе, потомъ третій, четвертый... и отъ дальняго конца, отъ засѣянныхъ полей, полились ясные, печальные переливы пастушьяго рога.

Пастухъ игралъ очень хорошо и такъ печально, что дѣвочка на минуту примолкла, а потомъ заныла еще тоскливѣе.

Этотъ пастушій рогъ и былъ сигналомъ для скопившихся въ воздухѣ звуковъ. Заскрипѣли ворота, заблеяли овцы, запѣли, не смолкая, пѣтухи, раздались человѣчьи голоса.

На востокѣ, надъ горизонтомъ, залитымъ огнемъ, показался верхній край солнца. Изъ села пѣшкомъ и на телѣгахъ народъ потянулся въ луга.

Бабка Оксинья Кащеева вышла доить коровъ и только

что приладилась съ дойникомъ къ коровѣ, какъ вдругъ услышала гдѣ-то на задворкахъ дѣтскій плачъ. Она поставила дойникъ на опрокинутыя сани и черезъ заднія ворота вышла на огородъ. Тамъ, у картофельной полосы, на грудѣ старой соломы сидѣла дѣвочка и плакала. Около нея валялась большая синяя тряпка, служившая въ оно время кому-то сарафаномъ. Дѣвочка взглянула на старуху и съ прежнимъ равнодушіемъ продолжала тянуть унылую ноту.

— Господи Іисусе! — удивилась старуха, вглядываясь въ незнакомую дѣвочку.—Ты чья?—нагнулась она къ ней. Дѣвочка не отвѣчала.—Чья ты? откуда?.. а?.. Что ты не баешь?— Опять ни слова.—Айда въ избу! вишь назяблась, инда посинѣла!—Старуха взяла дѣвочку за руку и хотѣла поднять на ноги. Дѣвочка взвизгнула, выдернула руку и заплакала еще громче.—Экій пострѣленокъ, прости, Господи!—проговорила старуха и пошла назадъ. Минуты черезъ двѣ всѣ большаки Кащеевы спѣшили на задворки.

— Мм... чумаза кака!—протянула старшая сноха, Марья.

— Да чья же это?—сказала вторая сноха, Дарья.

— Родимые!.. вѣдь, знать, подкинули.

— И то! вонъ одѣвка, — переговаривались между собой бабы. Дѣвочка продолжала ныть, не обращая вниманія на окружавшихъ.

— Ну, ладно лалакать-то: въ луга пора! Бери ее, Марья, въ избу! — приказалъ своей женѣ Василій, старшій братъ, набольшій въ домѣ. Марья подхватила дѣвочку подъ локти, чтобы поднять, но та вдругъ съ громкимъ крикомъ припала къ ея рукѣ, намѣреваясь укусить.

— Ахъ, чтобъ те пришибло!—проговорила Марья, отнимая руки, и дѣвочка снова брякнулась на солому. Василій съ сердцемъ вскинулъ дѣвочку на руки и понесъ домой. Она закричала, забилась руками и ногами, начала щипаться, царапаться, но не проронила ни одного слова. Василій внесъ ее въ избу и скинулъ съ рукъ на лавку. Дѣвочка, заложивъ руки за спину, крича во весь голосъ, впивалась въ глаза окружавшихъ упорнымъ, блестящимъ взглядомъ, какъ бы готовясь броситься на кого нибудь.

Кащеевы наскоро закусили и тутъ же ушли въ луга. Дома осталась бабка Оксинья, да старый дѣдъ Власъ, мужъ ея, восьмидесятилѣтній старикъ, за свое благодушіе признанный выжившимъ изъ ума. Дѣвочка все продолжала кричать. Бабка, наконецъ, начала браниться. Дѣдъ попробовалъ было утѣшить дѣвочку, но, замѣтивъ, что она старалась нарочно громче кричать, чтобы не слышать его увѣщаній, отступился. „Ну, ну, наревешься, сама перестанешь“,—закончилъ онъ свои назиданія.

Проснулась на шумъ и мелюзга Кащеевыхъ, вповалку спавшая на полу, въ сѣняхъ. Они удивленно обступили плакавшую дѣвочку, не успѣвъ какъ слѣдуетъ очнуться отъ сна.

— Это, дѣдка, чья?—спросила Оленка, старшая внучка стариковъ, лѣтъ шести, съ любопытствомъ таращa на гостью свои заспанные глаза.

— Богова,—отвѣчалъ дѣдъ.

— Нѣтъ, исправда?

— Исправда, Богова.

— Бабка, онъ хвастатъ? — обратилась Оленка къ бабкѣ. Та промолчала.

— А гдѣ ее нашли?

— Нашли-то гдѣ? На задворкахъ у картошки, вотъ гдѣ.

— У насъ?—съ возраставшимъ интересомъ допрашивала Оленка.

— У насъ, у насъ.

Наслушавшись всякихъ розсказней о появленіи въ семьѣ своихъ братьевъ и сестеръ, родныхъ и двоюродныхъ: то въ крапивѣ нашли, то сорока на хвостѣ принесла, то самъ прилетѣлъ и проч.,—Оленка чрезвычайно заинтересовалась дѣвочкой.

— А что она какая большая?

— Да ужъ такую нашли.

— Нѣтъ, исправда?

— Исправда и есть.

— Что она ревѣтъ?

— Кто ее знаетъ; вотъ ты взяла бы и утѣшила,—посовѣтовалъ дѣдъ.

— Ну, нишкни, чего тебѣ?—приговорила Оленка, подсаживаясь къ дѣвочкѣ. Она дружелюбно обняла ее за спину и подоломъ своего сарафана начала вытирать ей чумазое личико. Вдругъ та схватила ее зубами за пальцы. Оленка взвизгнула и рванула руку къ себѣ, но дѣвочка такъ крѣпко вцѣпилась, что всѣмъ корпусомъ подалась вслѣдъ за рукой, а зубовъ не разжала. Ребятишки съ крикомъ заметались около. Подбѣжала бабка. Увидавъ, въ чемъ дѣло, она кинулась отнимать Оленку. Старый дѣдъ тоже тумашился около.

— Пусти! Пусти, говорятъ... ахъ, дьяволенокъ!...—кричала бабка, задыхаясь отъ злобы и напрасныхъ усилій. Оленка верещала, что было силъ, но дѣвочка руки не выпускала. Бабка схватила ее за горло, и та, наконецъ, разжала зубы. Ротъ ея былъ полонъ крови. Оленка вынула искусанные пальцы и, продолжая кричать, замахала отъ боли рукой, разбрасывая кругомъ капли крови.

— Покажь! покажь!—кричала бабка, хватая Оленку за

руку. А дѣвочка—найденка, обхвативъ руками свою шею, блестящимъ взглядомъ пронизывала толпившихся около нея ребятишекъ и ужъ не плакала.

— Ахъ, чтобъ те издохнуть, поганкѣ!—вскрикнула бабка, осмотрѣвъ окровавленную руку, и костлявымъ кулакомъ ткнула дѣвочку въ лицо. Ударъ былъ очень силенъ: дѣвочка откинулась назадъ и съ глухимъ стукомъ ударилась головой въ стѣну. Это было сигналомъ къ нападенію на нее всей мелюзги. Кто билъ ее кулакомъ, кто ладонью, кто щипалъ, кто царапалъ. Дѣвочка сидѣла въ самой беззащитной позѣ—сложивъ ноги калачикомъ и закрывши лицо руками, безъ единаго звука. Изъ-подъ ладони и сквозь пальцевъ у нея сочилась кровь—это ужъ ея собственная: бабка разбила ей носъ и ротъ.

— Бога въ тебѣ нѣтъ!—крикнулъ на старуху дѣдъ и кинулся отнимать у ребятишекъ дѣвочку; но кто-то вцѣпился ей въ волосы, и она бокомъ свалилась съ лавки на полъ. Ребятишки раздались. При паденіи дырявая рубашенка поднялась у дѣвочки до пояса, и на спинѣ ея обнажились огромные разбереженные рубцы и ссадины съ проступавшею мѣстами кровью; но ихъ видѣла, и то мелькомъ, только мелюзга. Дѣвочка быстро поднялась на ноги и проворно, какъ кошка, взобралась на печь.

Понемногу всѣ успокоились. Ребятишки поѣли и разбрелись; дѣдъ ужъ пересталъ ворчать на бабку; бабка не огрызалась на дѣда, только Оленка продолжала плакать, качая обмотанную искусанную руку.

Вѣсть о подкидышѣ тотчасъ же разнеслась по селу. До полденъ перебывало у Кащеевыхъ все оставшееся въ деревнѣ населеніе. Дѣвочка сидѣла въ самомъ углу на печи, и, какъ пойманный звѣрёкъ, сверкала оттуда на всѣхъ глазами. Она была лѣтъ около пяти, съ большой всклокоченной головой, со спадавшими напередъ густыми космами выцвѣтшихъ на солнцѣ волосъ, изъ-подъ которыхъ сверкали съ зеленоватымъ отливомъ упорно и недружелюбно смотрѣвшіе глаза; верхняя губа и носъ ея сильно припухли, но, несмотря на это, ея чумазое донельзя личико было красиво, особенно ея зеленоватые глаза. Вскорѣ дѣвочка, вѣроятно, продрогнувъ всю ночь и утомленная утренней сценой, свернулась въ углу и заснула. Оленка уже спала на кутникѣ, въ защиту отъ мухъ закрывшись подоломъ сарафана.

II.

Найденка (такъ послѣ всѣ называли дѣвочку) проснулась отъ мучительнаго голода. Было уже довольно поздно. Она приподнялась и осмотрѣлась. Изъ чулана (уголъ за перегородкой впереди печи) доносился мѣрный стукъ рѣшета,—это бабка сѣяла муку. Оленка сидѣла у окна на лавкѣ и что-то жевала. „Ѣстъ..... лепеску.... Не леветъ“, — чуть слышно прошептала дѣвочка, разсматривая Оленку, и опять прилегла. Но, вѣроятно, отъ голода ей не лежалось. Почти тотчасъ же она опять приподнялась и, выглядывая изъ-за печной трубы въ чуланъ, начала что-то старательно высматривать. Опершись руками на полѣно лучины, дѣвочка потянулась впередъ, чтобы заглянуть въ уголъ на лавку, гдѣ у крестьянъ обыкновенно хранится хлѣбъ. Вдругъ полѣно подъ руками опустилось, другой конецъ приподнялся и, опрокинутый на него жестяной подойникъ со звономъ полетѣлъ на полъ. Бабка съ Оленкой вздрогнули. Оленка даже съ лавки спрыгнула.

— Что тебя лѣшіе-то ломаютъ, чтобъ те разорвало! — закричала бабка. Затаивъ дыханіе и крѣпко зажмуривъ глаза, дѣвочка упала ничкомъ въ самый уголъ и лежала—ни жива, ни мертва.

— Это она, бабка, какъ?—спросила Оленка.

— А шутъ ее знаетъ какъ, прости ты меня, Господи! Только на грѣхъ наводитъ поганка!... Возится, ровно лѣшій въ полѣнницѣ... Вотъ какъ расшибла подойникъ-отъ, такъ я тебѣ задамъ!—заключила она и снова принялась сѣять муку. А дѣвочка боялась не только пошевелиться, но даже перевести духъ, и не успѣла она оправиться отъ испуга, какъ вдругъ бабка подошла съ квашней къ самой печи.

— Гдѣ ты тутъ? Вишь пришипилась; смотри, квашню-то не срони!—сердито приговорила она. Дѣвочка ужъ не дышала отъ страха.

Управившись съ хлѣбами, бабка стала накрывать на столъ, чтобы, какъ вернутся съ луговъ, отужинать и спать. Найденка, затаивъ дыханіе, прислушивалась къ каждому движенію ея. Все существо дѣвочки было проникнуто одной мыслью—достать хлѣба: она не ѣла съ прошлаго вечера. Когда бабка на нѣсколько минутъ выходила изъ избы, дѣвочка съ дикой рѣшимостью вскакивала на ноги съ намѣреніемъ спуститься на полъ за хлѣбомъ, но у нея каждый разъ захватывало дыханіе отъ страха. Ея маленькое сердце разрывалось отъ злобы на Оленку за то, что она сидѣла тутъ и мѣшала ей.

Пригнали стадо.

— Баба,—корова!—проговорила Оленка.

— Подь пусти, я только вотъ воды достану, отвѣчала бабка. Оленка ушла. Бабка достала изъ печи воды и налила въ подойникъ.

— Ахъ, поганка, чтобъ те издохнуть!.. росшибла дойникъ-отъ! Ахъ, распрострѣлитъ те горой!.. Во что теперь доить-то!.. Ну, дай срокъ, я те задамъ!—кипятилась бабка.

Дѣвочка сидѣла съ широко раскрытыми глазами и ждала расправы. Продолжая браниться, бабка налила въ водоносное ведро воды и отправилась доить коровъ. Въ одно мгновеніе дѣвочка спустилась на полъ, схватила со стола ломоть хлѣба, тутъ же вцѣпилась въ него зубами и также проворно залѣзла на печь.

Бабка воротилась со двора въ сопровожденіи цѣлой ватаги своихъ разнокалиберныхъ внучатъ. Въ избѣ поднялся гвалтъ. Кто канючилъ хлѣба, кто просилъ пить, нѣкоторые ссорились; бабка бранилась. Процѣдивши молоко, она обдѣлила ребятишекъ кусками, и они убрались въ сѣни спать. Оленка тоже ушла.

Въ самыя сумерки, когда уже совсѣмъ стемнѣло, вернулись съ луговъ и большаки. Когда бабка разсказала исторію съ Оленкой и про подойникъ, всѣ были сильно возмущены противъ дѣвочки. Марья, мать Оленки, нѣсколько разъ порывалась на печь для возмездія, и если бы не дѣдъ,—быть бы дѣвочкѣ избитой.

Сѣли ужинать и не успѣли всѣ изъ-за стола встать, какъ въ избу сталъ набираться народъ.

Пришелъ и староста.

— Ну-ка, кажите находку-то,—проговорилъ онъ, поздоровавшись съ хозяевами.

— Вонъ, смотри на печи. Забилась, что ежъ какой! Цѣлый день ни одинова не слазила,—желчно отвѣчала бабка, разогрѣтая воспоминаніями объ утрѣ.

— Что, слышь, Оленку больно укусила?

— Чего—не больно? Разнесло руку-то—страсть смотрѣть; все утро въ истошный голосъ безперечь кричала. Вѣдь какъ вцѣпилась-то, родимые! насилу отняла; держитъ тебѣ, хоть ты что хошь! Я ужъ за горло, ну, и... а то бы... Да дойникъ поганка разбила! ужъ такъ жаль... И какъ ей лукавый помогъ! Теперь и доить не во что, ужъ въ ведро подоила,—повѣтствовала бабка разъ въ десятый. Староста подошелъ къ печкѣ, стараясь въ темнотѣ разсмотрѣть дѣвочку.

— А! вотъ гдѣ она! Иди-ка сюда! Не знай, какъ звать-то?—обратился онъ къ бабкѣ.

— Не баетъ, ни единаго словечушка не вымолвила, ровно нѣмая, братцы мои.

— Можетъ еще никакъ и не зовутъ: на ней и креста-то нѣтъ,—злобно вставила Марья.

— А-а? И то, вѣдь, нѣтъ! Батюшки! — вдругъ спохватилась бабка, — а мнѣ и не вдомекъ... Нѣтъ, нѣтъ!.. пустая шея-то!..

Начались догадки, выводы, заключенія. И безъ того не въ пользу дѣвочки настроенный народъ, при этомъ извѣстіи, казалось, сталъ еще недружелюбнѣе, особенно женщины.

Староста поднялся на первый приступокъ. „На-ка, я что тебѣ дамъ“,—проговорилъ онъ, опуская руку въ пустой карманъ, чтобы выманить дѣвочку изъ угла. Дѣвочка прижалась къ самой стѣнѣ и, видимо, приготовилась защищаться. „Экъ, вѣдь дикая какая!“—проговорилъ староста и, ухвативъ ее за подолъ рубашонки, потащилъ къ себѣ. Дѣвочка завизжала, упираясь ногами въ кирпичи и хватаясь за стѣны. „Нѣтъ, братъ, шалишь, теперь моя!“—шутилъ староста, снимая дѣвочку съ печи. Онъ любилъ дѣтей, можетъ быть потому, что у него ихъ не было.

Вдругъ дѣвочка обѣими руками впѣпилась въ его длинную бороду и съ визгомъ начала рвать. Староста закричалъ отъ боли. Стоявшіе около кинулись ему навыручку. Дѣвочка визжала и металась, какъ бѣшеная, стараясь кого-нибудь укусить, но бороды не выпускала. Василій Кащеевъ стиснулъ своими огромными руками тоненькія руки дѣвочки, и ея пальцы разжались сами собой. Онъ сорвалъ ее съ рукъ старосты и почти бросилъ на полъ. Найденка простонала, поднялась съ пола и, цѣпляясь ужъ только одной рукой, проворно опять залѣзла на печь.

Все это произошло при глубокомъ молчаніи присутствующихъ. Сцена была очень тяжелая.

— Ну, головушка, и больно! Кажись, за что хошь, только не за бороду,—первый нарушилъ тяжелое молчаніе староста.

— То-то же; мотри, женѣ не сказывай, — пошутилъ надъ нимъ одинъ старикъ, сосѣдъ Кащеевыхъ. Никто даже не улыбнулся на его шутку. Въ избѣ поднялся безпорядочный говоръ. Всѣ, особенно женщины, на разные лады, со всевозможными комментаріями утверждали, что дѣвочка порченая.

Было уже совсѣмъ темно, когда народъ началъ расходиться по домамъ. Староста обѣщалъ на слѣдующій день дать знать въ станъ относительно дѣвочки. Изба опустѣла. Кащеевы разошлись по постелямъ

III.

Ночь. Все спитъ, даже собаки, и имъ не на кого лаять. Одна Найденка лежала съ открытыми глазами, переживая въ мысляхъ только что пережитое въ дѣйствительности. Она лежала на животѣ и отъ бездѣлья била ногами по разбросанной на печи одежѣ. Черезъ растворенную дверь до нея доносилось клеканье куръ на насѣсти, топтанье овецъ, сопѣнье коровъ, и она шепотомъ называла каждый доносившійся до нея звукъ. „Колёвы... Овцы... Кули...“ чуть слышно отъ времени до времени шептала она.

Въ сѣняхъ раздался легкій храпъ. Дѣвочка притихла. „Хляпятъ... бабка, сяй“, и, ощупавъ осторожно руками свое разбитое лицо, она вздохнула глубокимъ, прерывистымъ вздохомъ, какъ вздыхаютъ наединѣ съ собой обиженныя, безпривѣтныя дѣти.

— „Ой-ой-ой! пусти!“—донесся изъ сѣней громкій бредъ. Найденка вздрогнула. «Оленка... больно, сяй, люку-то... И болёду-то, сяй, больно...“ снова зашептала она.

И долго такъ валялась Найденка по печи, перекатываясь съ мѣста на мѣсто, и все что-то шептала. Изъ отдѣльныхъ словъ, повременамъ произносившихся съ печи чуть слышнымъ шепотомъ: „длялись... кляуль... леменемъ (ремнемъ)“ и пр.—можно было догадаться, что она отдавалась воспоминаніямъ изъ своего горькаго прошлаго. Потомъ ей, должно быть, надоѣло лежать: она осторожно спустилась на полъ и сѣла у окна на лавку, гдѣ давеча сидѣла Оленка.

Ночь была свѣтлая, какъ день. На небѣ стояла луна. Найденка чуть слышно отодвинула окно, облокотилась на подоконникъ и, опустившись подбородкомъ на ладони рукъ, стала смотрѣть на улицу.

Улица была какъ заколдованная—ни единаго звука, ни единаго движенія, даже воздухъ стоялъ неподвижно, какъ будто это былъ краешекъ спящаго царства. „Звѣздоськи, — прошептала дѣвочка,—вотъ одна, и вотъ одна, и вотъ одна,“—перечисляла она, переводя глаза отъ одной звѣзды къ другой... И припомнилась ей другая ночь, но только темная и холоднѣе. Тогда ея мать съ отцомъ разодрались пьяные, и онъ выгналъ ихъ обѣихъ на волю. Онѣ ушли къ церковной оградѣ на лугъ. Мать растянулась на травѣ и заснула. И тогда дѣвочкѣ не спалось, и тогда она считала звѣздочки, но ей было холодно и хотѣлось ѣсть. Она разбудила мать и стала просить хлѣба. Та избила ее, какъ могла, и опять заснула.

Доннъ... раздалось съ колокольни среди мертвой тишины. Дѣвочка вдрогнула. „Кляульссикъ“,—прошептала она, прерванная въ своихъ воспоминаніяхъ, но взамѣнъ той ночи ей припомнилась другая, дождливая и темная, такая темная, что въ окно выглянуть страшно было. И въ эту ночь мать съ отцомъ были пьяные. Отецъ валялся на полу, а мать еще держалась на ногахъ. Мать разсердилась на нее за что-то и столкнула съ окна, на которомъ она сидѣла. Она упала на завалину и ударилась плечомъ о жердь. „Бо-ольно было“, шепотомъ протянула дѣвочка, ощупывая лѣвой рукой правое плечо; а давеча бабка съ Марьей за эту больную руку ее и поднимали, и съ лавки она упала на эту же руку, и Василій потревожилъ ей эту руку, когда оттаскивалъ отъ старосты. Найденка опять вздохнула тѣмъ же тяжелымъ, прерывистымъ вздохомъ. Какъ зажгло и заломило у нея тогда плечо, когда она упала съ окна... Да и теперь ломитъ. Тогда ее пріютилъ у себя церковный караульщикъ, старикъ. Онъ накормилъ ее теплой кашей, закуталъ въ полушубокъ и уложилъ спать на печкѣ, „Доблинькай“, съ улыбкой закончила горемыка свои воспоминанія объ этой ночи.

Изъ-за рѣки, съ луговъ долетѣлъ неопредѣленный, тоскливый звукъ. Дѣвочка прислушалась. Звукъ повторился. „Овеська“,—прошептала она, и новыя тяжелыя воспоминанія зароились въ ея бѣдной головѣ. Вотъ еще ночь; все ночи! Это было недавно, всего съ недѣлю, въ послѣднее ненастье. Мать ушла въ городъ искать мѣста, а они съ отцомъ остались домовничать. Онъ ушелъ изъ дома съ утра и вернулся въ сумерки. Она сидѣла у окна и играла деревянными гвоздиками, которыми онъ прибивалъ подметки къ сапогамъ и башмакамъ. Онъ такъ закричалъ на нее, что она уронила коробку, и гвозди разсыпались. Тогда онъ схватилъ толстущій ремень, зажалъ ей голову между колѣнъ и съ плеча началъ бить. Вѣдь тѣ-то рубцы, которые давеча Кащеевы ребятишки видѣли, вотъ это они самые и есть; а Василій давеча, какъ поднялъ ее на руки, эти рубцы-то и разбередилъ; и Оленка, какъ стала ее утирать, тоже за рубцы схватилась; и староста тоже, когда снималъ ее съ печи, самый то больной изъ нихъ рукой и придавилъ. Дѣвочкѣ до мельчайшихъ подробностей припомнился минувшій вечеръ. Одно за другимъ промелькнули передъ ней непріязненныя лица; припомнилось все, что про нее говорили,—и ни единой улыбки, ни единаго ласковаго взгляда!

— И завтля плибьютъ,—въ безнадежной тоскѣ прошептала она, припомнивъ давешнія угрозы бабки за подойникъ,— и измученное воспоминаніями сердечко дѣвочки черезъ край переполнилось горечью. Она сложила на подоконникъ рученки,

положила на нихъ свою кудлатую голову и залилась слезами, но тихо-тихо, чтобы кто нибудь не услыхалъ.

„Бя-а-а"!—уже совсѣмъ явственно донеслось изъ за рѣки. Прерванныя воспоминанія дѣвочки потянулись своимъ чередомъ. Тогда отецъ избилъ ее и, какъ всегда, выкинулъ на улицу. Было темно и холодно, дулъ вѣтеръ. Все тѣло ея горѣло и ныло отъ ударовъ ремнемъ. Въ окнахъ огней уже не было—всѣ спали; спалъ и дѣдушка-караульщикъ. Какъ хорошо бы теперь, если бы дѣдушка опять окуталъ своимъ полушубкомъ; но дѣдушка не идетъ. Вдругъ у крайней избы она наткнулась на что-то бѣлое. Это была овца. Дѣвочка чрезвычайно обрадовалась товаркѣ-бездомовницѣ. Она тогда примостилась къ ней и заснула.

„Бя-а-а"!—кричала и теперь овца за рѣкой. Найденкѣ было очень жаль ее. „Пляцитъ",—шептала она, прислушиваясь къ блеянью.

„Бя-а"!—совсѣмъ близко прокричала овца. Дѣвочка встрепенулась, смахнула слезы, и въ радостномъ волненіи высунулась изъ окна. Изъ прогона, который былъ напротивъ и велъ къ плотинѣ на старую водяную мельницу, выбѣжала овца и, припрыгивая, побѣжала вдоль села направо. Дѣвочка даже засмѣялась отъ радости. Она снова откинулась въ избу и прислушалась. Было попрежнему пусто и тихо, только въ сѣняхъ слышался храпъ и сопѣнье. Найденка взяла со стола кусокъ хлѣба изъ оставшихся отъ ужина, осторожно черезъ окно вылѣзла на улицу и побѣжала отыскивать овечку.

Дѣвочка нашла ее уже у воротъ сосѣдняго двора. Съ искренней радостью подбѣжала она къ ней, протягивая кусокъ. Овечка осталась на мѣстѣ и стала ѣсть хлѣбъ. Дѣвочка присѣла къ ней, любовно гладила ее, называла ее ласковыми именами и цѣловала. Думала-ли она въ простотѣ сердца, что это была та самая овца, случайно тоже бѣлая, или это было инстинктивное влеченіе ребенка приласкаться къ кому нибудь? Долго она возилась съ овечкой и, наконецъ, мирно заснула.

IV.

На востокѣ опять занималась заря. Какъ и наканунѣ, все каждую минуту готовилось проснуться.

Вотъ опять, какъ и въ прошлое утро, раздался точь-въточь такой-же звукъ—сперва одинъ, потомъ другой, повыше, потомъ третій, и въ утреннемъ воздухѣ заплакала вчерашняя пѣсня пастушьяго рожка, такая же тоскливая и жалобная. Заскрипѣли ворота, замычали коровы, заблеяли овцы, раздались человѣчьи голоса.

Дѣвочка спала въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ заснула. Со двора вышла работница доить коровъ и спустила овецъ. Вчерашняя шатунья, завидя своихъ товарокъ, вскочила, какъ встрепанная, и дѣвочка покатилась на землю. Въ ту-же минуту она проснулась и поднялась на ноги. Увидавъ работницу, она какимъ-то летучимъ бѣгомъ, встряхивая космами, пустилась подъ гору къ рѣкѣ. Выбѣжавши на кочкарникъ, она оглядѣлась и опять тѣмъ-же бѣгомъ, какъ будто спасаясь отъ погони, направилась къ плотинѣ и скрылась за рѣкой, въ ивнякѣ.

Было свѣжо, какъ и наканунѣ. Болотная трава и кустарникъ стояли, словно окаченные росой. По одной изъ многочисленныхъ тропинокъ, протоптанныхъ черезъ кустарникъ коровами, дѣвочка ударилась бѣжать дальше и выбѣжала на широкую поляну, вдоль дальняго края которой, вплоть до полей, перпендикулярно къ рѣкѣ, тянулась канава и валъ, отдѣлявшіе выгонъ отъ покосовъ. Дѣвочка перебралась черезъ канаву, взобралась на валъ и начала осматриваться.

По ту сторону вала на огромномъ пространствѣ, какъ муравьиныя кучи, были раскиданы копёшки недавно скошеннаго сѣна. Тамъ было все пусто и тихо—косцы еще не пришли. Ближе къ селу, по сю сторону вала, на открытой болотинѣ, красовалась купа кустовъ, составлявшихъ рамку небольшого, саженъ десять въ діаметрѣ, почти круглаго озерца, извѣстнаго подъ названіемъ Дальней Гривы. За лугами синей стѣной стоялъ высокій осинникъ, куда ребята бѣгали за ягодами и за грибами, а на лѣсныя озера—удить окуней. „Люга... лѣсъ... долёга“,—шептала дѣвочка, обводя кругомъ глазами. Со стороны плотины, изъ-за кустовъ послышался густой шумъ. Дѣвочка оглянулась. „Колёвы“,—прошептала она и опрометью, все тѣмъ же летучимъ бѣгомъ понеслась вдоль вала къ полямъ. Поровнявшись съ Дальней Гривой, она перелѣзла черезъ канаву и юркнула въ кусты. Стадо продолжало надвигаться. По луговой дорогѣ медленно шелъ пастухъ—маленькій, сѣденькій старичекъ, и бойко покрикивалъ на коровъ.

Этотъ пастухъ былъ мордвинъ, родомъ откуда-то изъ подъ Оранокъ (монастырь Нижегородской губерніи). Онъ пасъ въ селѣ лѣтъ 15 и послѣднія 5—6 лѣтъ жилъ здѣсь безотлучно, нанимаясь по зимамъ изъ за хлѣба въ работники. Привѣтливый, незлобивый, онъ былъ всей мелюзгѣ большимъ пріятелемъ: забавлялъ дѣтвору всякими разсказами—то изъ личныхъ наблюденій, то изъ слышаннаго отъ другихъ; училъ изъ лыкъ плести мячи, дѣлать дудки, и каждую весну по селу шла такая музыка, что всѣ только ругались и гоняли ребятъ, кто какъ умѣлъ. Вообще, въ исторіи дѣтской духовной

жизни нѣсколькихъ поколѣній дѣдъ-пастухъ, невѣдомо для себя, сыгралъ немаловажную роль... И я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю его чудныя, наивныя, нескладныя росказни про лѣшихъ, кикиморъ, водяныхъ, домовыхъ, про нравы и обычаи коровъ, телятъ, лошадей, птицъ и пр. и пр., особенно вотъ эти послѣдніе его разсказы изъ самодѣльной естественной исторіи. Къ тому же и человѣкъ онъ былъ прекрасный, съ чистой, безкорыстной, дѣтски незлобивой душой.

Но чѣмъ онъ особенно славился на цѣлую округу,—такъ это игрой на своемъ самодѣльномъ рожкѣ. Не хитрая штука—рожокъ, да еще самодѣльный, а какія удивительныя вещи, всегда жалобныя и грустныя, дѣдъ игралъ на немъ...

Надъ кустами со стороны плотины заколыхались грабли и косы—народъ спѣшилъ въ луга.

Пастухъ взошелъ на валъ, вынулъ изъ-за пазухи тростинку и принялся дѣлать дудку. Дѣвочка, притаившись за кустами, глазъ не сводила съ него, чуть слышно комментируя про себя каждое его движеніе. Къ валу приближалась артель бабъ съ граблями.

— Богъ помочь,—крикнула одна.

— Богъ спасетъ,—отвѣчалъ старикъ.

— Не видалъ ли тутъ дѣвчонку, не пробѣгала-ли?

— Оленкина мамка,—одними губами прошептала дѣвочка, удерживая дыханіе.

— Али сбѣжала?

— То-то, сказываютъ, сюда будто пробѣжала.

— Нѣтъ, не видалъ.

Бабы прошли, и вслѣдъ за ними потянулись другія. А пастухъ все ладилъ дудку, время отъ времени зорко посматривая на коровъ.

— Богъ помочь! Али дудку сломалъ?—кричали ему съ дороги словоохотливыя бабы.

— То-то сломалъ, ногой наступилъ,—откликался дѣдъ.

Долго возился онъ со своей дудкой, все прилаживалъ: то продудитъ, то подуетъ, то вставитъ въ рожокъ, то опять вынетъ.

Солнце поднималось все выше и выше и сгоняло росу. Косцы принимались за косы.

Наконецъ готова и дудка. Пастухъ вставилъ ее въ рожокъ и заигралъ то самое, что игралъ каждое утро, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали наскучившіе безмолвіемъ неугомонные звуки. Потомъ онъ заигралъ что-то такое тоскливое, какъ будто про себя самого, про свою молодость и силы, размыканныя по чужимъ полямъ, въ уходѣ за чужимъ скотомъ, вдали отъ родной деревушки. Поняла дѣдову пѣсню

и Найденка, только жаль ей стало не дѣда, а себя самое—одинокую, голодную, холодную, брошенную на произволъ чужихъ людей; и глаза ея стали наполняться слезами, такъ что изъ-за нихъ и дѣда стало не видно. Потомъ эти слезы покатились по грязнымъ щекамъ, полились ручьями. Должно быть, и дѣвочкѣ много говорила дѣдова дудка. А дѣдъ все игралъ и чѣмъ дальше, тѣмъ тоскливѣе... „Смерть придетъ, и похоронить будетъ некому", какъ будто говорила его дудка, а дѣвочка все плакала, но тихо-тихо, чтобы кто-нибудь не услыхалъ.

— Музикъ... до клёви... любцы... бабка... плибьютъ...—шептала она.

Солнце поднималось все выше и выше, сгоняя росу. Заглянуло оно и за кусты Дальней Гривы и обдало посинѣвшую отъ холода дѣвочку своими теплыми, мягкими лучами. Она пригрѣлась и заснула.

V.

Ее разбудило то же самое солнце, которое и убаюкало. Оно стояло надъ самымъ озерцомъ и палило во всю силу. Дѣвочка проснулась вся въ поту, разомлѣвшая. За валомъ косы не звенѣли, какъ звенятъ онѣ, когда ихъ точатъ; не слышно было и коровъ на болотѣ. Дѣвочка вышла изъ-за кустовъ и взобралась на валъ. Пріютившись въ тѣни сметанныхъ стоговъ, косцы отдыхали и обѣдали. Захотѣлось ѣсть и дѣвочкѣ: за весь вчерашній день она поѣла только одинъ разъ. „Обѣдаютъ, пилёги, чай—съ кальтоской",—шептала она, переводя глаза отъ одной группы къ другой. Видъ обѣдающихъ нестерпимо раздражалъ ея голодъ.

Народъ отдохнулъ и снова принялся за работу. Дѣвочка тяжело вздохнула и побрела назадъ, къ озерцу. Она сѣла на берегу и отъ бездѣлья стала болтать въ водѣ ногами. Но гдѣ усидѣть, когда мучительно хочется ѣсть! И она опять побрела на валъ.

Солнце стояло высоко и пекло, но кругомъ было такъ весело,—все какъ будто смѣялось и радовалось: въ лугахъ опять звенѣли косы, иногда слышалась пѣсня, мѣстами весело перекидывались шутками, только у дѣвочки-найденки было черно на душѣ. Растянувшись на животѣ по отлогому валу, она въ раздумьи смотрѣла на народъ. „Не дадутъ, плибьютъ", уныло шептала она, должно быть, въ отвѣтъ на свои мысли попросить поѣсть у косцовъ.

Нѣтъ, и лежать нѣтъ мочи. Дѣвочка побрела назадъ, къ озерцу. Хоть бы чего-нибудь поѣсть, хоть бы ягодъ. „Ягодки,

ягодки!"—тоненькимъ голоскомъ выкликала она, какъ няньки тѣшатъ дѣтей, заглядывая подъ кусты. А голосъ такъ и дрожалъ отъ слезъ. Но какія ягодки на болотѣ. Она обошла вокругъ Гривы разъ, другой, но ягодъ не было, не было и щавелю, и козловокъ, и борщовокъ, и ничего изъ того, чѣмъ привыкли лакомиться крестьянскіе ребятишки. Она опять усѣлась на берегу и съ гримасой страданія и досады на чумазомъ лицѣ сквозь слезы вдругъ залепетала что-то и въ негодованіи, крѣпко сцѣпивъ зубы, начала бить прутомъ по травкѣ.

Но вдругъ она остановилась, какъ будто отъ осѣнившей ее мысли, и задумалась. „Доблинькай... заступилься... дастъ", оживленно заговорила она вслухъ, и личико ея просвѣтлѣло. Она быстро поднялась на ноги, вышла изъ-за кустовъ и вопрошающе, въ тяжеломъ раздумьи съ минуту смотрѣла на село.

„Бабка... лебятиски",—снова зашептала она, опять потускнѣвши лицомъ.—„Пойду!"—черезъ минуту рѣшительно закончила дѣвочка свои думы и бѣгомъ, встряхивая космами, пустилась по луговой дорогѣ къ плотинѣ. Прямо отъ плотины дорогой она поднялась въ прогонъ. У завалины крайней направо избы, грузно переваливаясь, съ большимъ кускомъ ржаной лепешки въ рукахъ, бѣгалъ за курами кривоногій, большебрюхій, съ одутлымъ лицомъ, лѣтъ трехъ мальчуганъ. Дѣвочка подбѣжала къ нему, вырвала кусокъ и стремглавъ понеслась назадъ. Мальчуганъ заревѣлъ. Въ это время съ рѣки послѣ купанья навстрѣчу дѣвочкѣ поднималась прогономъ гурьба ребятишекъ:

— Глянь-ка, робя, подкидышъ!—крикнулъ одинъ.

— И то, держите ее!—загалдѣли ребята и разставились поперекъ прогона. Глядь—изъ села бѣжитъ къ нимъ старуха Тарантасъ, машетъ руками и кричитъ: „держите ее, воровку!" Дѣвочку окружили. Она съ непонятной жадностью кусала лепешку и глотала куски, почти не прожевывая.

— Ахъ ты, мразь!—задыхаясь, кричала издали старуха. Дѣвочка крѣпко, обѣими руками, прижала къ себѣ кусокъ и вызывающимъ, угрюмымъ взглядомъ смотрѣла на приближавшуюся старуху. Старуха подошла и, вцѣпившись одной рукой дѣвочкѣ въ волосы, другой стала отнимать кусокъ. Найденка, улучивъ минуту, припала ртомъ къ ея рукѣ и хотѣла укусить.

— Ай-ай! ахъ, ты подлюга!—прохрипѣла старуха и, нагнувши дѣвочку за волосы, сильно ударила ее по спинѣ. Найденька широко раскрыла глаза, бросила лепешку на землю, выплюнула изо рта нажеванное и съ дикимъ крикомъ кинулась къ плотинѣ. Должно быть, и въ этотъ разъ ударъ при-

шелся по рубцамъ. Старуха подняла кусокъ съ земли и направилась назадъ, продолжая браниться: „Подлюга! пра, подлюга!.. я те дамъ!.. Я вѣдь не Оленка!.. Я те укушу!"—кричала она, поднимаясь по прогону.

Тарантасъ была старая дѣвка, „съ яринкой въ головѣ", т. е. попросту съ большой дурью. Тарантасъ—конечно, прозвище, а какое было у нея настоящее имя, едва-ли кто и зналъ, потому что всегда и всѣ называли ее Тарантасомъ или Тарантасихой.—Свое прозвище она получила, повидимому, за то, что постоянно „тарантила", постоянно кого-нибудь бранила. Она вступала въ препирательство не только съ живыми существами, но даже съ вещами, съ азартомъ и страстностью обрушиваясь, напримѣръ, на свое коромысло, и безъ устали громила его, не щадя ни времени, ни собственнаго горла...—Тоже деньги плачены... ни тебѣ воду носить, ни тебѣ что... дурь-дурью... дуракъ и дѣлалъ, дуракъ и покупалъ... давно бы пора въ печи сожечь, лопни глаза—пора... и сожгу, вотъ те издохнуть—сожгу!.." И такъ битыхъ полчаса. Поставленная въ необходимость, вслѣдствіе своей безтолковости, всю жизнь возиться съ ребятишками, въ качествѣ домовницы или няньки, Тарантасъ питала самую искреннюю ненависть къ дѣтямъ, адресуясь къ нимъ не иначе, какъ съ кличкой пострѣлятъ, дьяволятъ, чертенятъ; другихъ названій у нея не было. Дѣти, разумѣется, платили ей той же ненавистью.

Теперь дѣти стояли и въ недоумѣніи смотрѣли вслѣдъ убѣгавшей дѣвочкѣ.

— Какъ она глаза-то вытаращила,—проговорилъ одинъ послѣ долгаго молчанія.

— Вытаращишь, небось, какъ изо всей-то силы...—отвѣчалъ другой.

— Эхъ, голова, знать, и жрать хочетъ... такъ и зобатъ!

— Ужъ этотъ Тарантасъ!.. ей только попадись, — переговаривались ребята, поднимаясь въ прогонъ. Старуха сидѣла на завалинѣ и все еще бормотала ругательства.

— За̀ што ты ее?—вскинулся на нее одинъ.

— А за̀ то, что не ходи пуза̀то, не воруй,—огрызнулась старуха.

— Не воруй! Жрать-то захошь—небось и ты украдешь.

— Спроси.

— Спро̀си! Такъ ты и дашь, скавалыга такая!

— Ахъ, ты дьяволенокъ!

— Сама ты тарантасъ!

— „Тарантасъ!! Тарантасъ!!"—загалдѣли ребята хоромъ.

Старуха взбѣленилась.

— Плуты, мошенники, распрострѣлило бы васъ, окаян-

ныхъ! Разбойники, чтобы вамъ ни дна, ни покрышки, дьяволятамъ!—сыпала она свои пожеланія, швыряя палками, комьями земли, чурками. Долго старуха не могла успокоиться послѣ перебранки. „Попадись въ другой разъ, я те не такъ, дьяволенка... я те задамъ кусаться... у меня узнаешь, мразь поганая... только попадись—изорву, въ лоскутки изорву!..“—кричала она, разбрасывая вокругъ себя попадавшіяся подъ руки траву, щепки, землю.

А Найденка на берегу озерца сначала долго плакала и чуть слышно причитала, что ей больно, что ей хочется ѣсть, роптала на ребятъ, что они удержали ее въ прогонѣ, и, наконецъ, успокоилась.

Она лежала внизъ животомъ, опустившись подбородкомъ на ладони рукъ и била ногами по травѣ. Временами она какъ будто застывала въ глубокой задумчивости, устремивъ глаза на воду.

Такъ она лежала долго. Наконецъ, вздохнувши долгимъ, прерывистымъ вздохомъ, опустила на руки свою косматую голову и заснула.

Въ тотъ день и я былъ съ ребятами на улицѣ и вмѣстѣ съ ними заступилъ дорогу убѣгавшей отъ Тарантаса Найденкѣ. Послѣ перебранки съ Тарантасомъ я пошелъ домой обѣдать. Образъ дѣвочки, съ такой жадностью пожиравшей грубую лепешку, не выходилъ у меня изъ головы. Я часто бывалъ голоденъ, но о такомъ голодѣ не могъ составить себѣ представленія. Нервный, воспріимчивый ко всему, что видѣлъ и слышалъ, и постоянно находившійся подъ впечатлѣніемъ этого видѣннаго и слышаннаго, я пришелъ домой взволнованный и разсказалъ про свою встрѣчу съ Найденкой матери. Она отрѣзала мнѣ большой кусокъ бѣлаго хлѣба, и я, наскоро пообѣдавши, отправился за рѣку разыскивать дѣвочку. Я облазилъ всѣ кусты, обшарилъ всю водяную мельницу, кричалъ, звалъ, но дѣвочки не нашелъ и съ тяжелымъ сердцемъ воротился домой.

VI.

Была ночь, когда Найденка проснулась. На небѣ ни облачка, и луна сіяла во всемъ блескѣ, затмѣвая ближайшія звѣзды. Дѣвочка вышла изъ-за кустовъ на открытое мѣсто. Голодъ такъ истомилъ ее, что она даже шаталась. Ни ночь, ни одиночество, ни пустынное, незнакомое мѣсто ничуть не смутили ее. Она совершенно спокойно озиралась вокругъ и прислушивалась. Кругомъ скрипѣли коростели, квакали лягушки, ржали и фыркали лошади, и дѣвочка, по своему обыкнове-

нію, шепотомъ называла каждый звукъ. Хотя ночь была и теплая, все же ее пробирала дрожь. Она ежилась, кутаясь въ свою дырявую рубашонку.

Доннъ...—раздалось изъ-за рѣки.—„Кляульссикъ",—прошептала Найденка, оборотившись на звонъ.

Вѣроятно, ноги плохо служили ей, и она опустилась на траву. Поджавъ одну ногу подъ себя и опершись руками и подбородкомъ на колѣно другой, она надолго погрузилась въ тяжелыя думы.

Запѣли первые пѣтухи,—одинъ, другой, третій и, наконецъ, всѣ по всему селу.

— Пойду,—прошептала Найденка и побрела къ плотинѣ.

Она вошла въ село. На улицѣ ни души, ни звука. Пѣтухи пропѣли каждый свою партію и молчали. Въ тѣни избъ дѣвочка направилась къ церкви. Она остановилась на углу улицы и нѣсколько минутъ молча разсматривала церковь. „Длюгая",—разочарованно прошептала она и съ поникшей головой, какъ будто отъ несбывшихся надеждъ, побрела назадъ.

Что означало это „другая"? Думала ли она, по своеобразной логикѣ, и въ нашемъ селѣ встрѣтить свою церковь и того же самаго караульщика, который тогда накормилъ ее теплой кашей, или это относилось къ чему нибудь другому, Богъ ее знаетъ. Она шла въ глубокой думѣ, низко опустивъ голову, просто куда глаза глядятъ. Но вотъ, молодая ветла, окутанная снизу соломой въ защиту отъ овецъ, вотъ колодецъ съ высокимъ очепомъ, вотъ опрокинутыя у колодца дровни. Найденка остановилась и осмотрѣлась. Она стояла противъ Кащеевой избы. Минуты двѣ дѣвочка въ нерѣшительности что-то обдумывала, потомъ осмотрѣлась и, крадучись, подошла къ избѣ. Она влѣзла на завалину и сквозь открытое волоковое окно чутко прислушалась. Въ избѣ было тихо. Уцѣпившись за наружную часть рамы и переступая по бревнамъ, она добралась до окна и, съ трудомъ переводя дыханіе отъ волненія и усталости, влѣзла въ избу. Изба была пуста, и только дверь въ сѣни отворена. Оттуда доносился сапъ и храпъ, какъ и наканунѣ. Дѣвочка кинулась къ столу и отмахнула столешникъ, которымъ были покрыты остатки ужина. Но тутъ были одни объѣдки и пустыя чашки. Набивши ротъ корками, Найденка на цыпочкахъ юркнула въ чуланъ, гдѣ въ углу, на лавкѣ, въ большомъ лукошкѣ хранился хлѣбъ. Она взяла первый попавшійся кусокъ и начала ѣсть.

— Господи Іисусе! Свѣтлынь-то, ровно днемъ,—бормоталъ самъ съ собой, входя изъ сѣней, дѣдъ Кащеевъ. Дѣвочка вздрогнула. Сцѣпивши обѣими руками кусокъ, какъ будто

изъ боязни, чтобы его не отняли, и вытянувшись вдоль перегородки, она перестала жевать и затаила дыханіе. Дѣдъ вошелъ въ чуланъ, изъ-подъ руки высматривая буракъ съ квасомъ.

— Кто это тутъ? Ты, Оленка?—спросилъ онъ, присматриваясь къ фигуркѣ, съ ногъ до головы облитой свѣтомъ луны.

— Я,—отвѣчала растерявшаяся Найденка съ набитымъ ртомъ.

— А, это ты! Что, али поѣсть захотѣла?

— Да.

— Ну, поѣшь, покушай на здоровье, а я вотъ кваску испить. Господи благослови!—и дѣдъ напился квасу. — Ты гдѣ это пропадала?—спросилъ онъ, присаживаясь на лавку.

— Тамъ,—махнула рукой дѣвочка, съ трудомъ двигая челюстями.

— Проголадалась, видно? То-то вотъ и есть. А ты бы даве прибѣгла, я бы тебя и покормилъ, вотъ и была бы сыта.

Дѣвочка не отвѣчала. Она доѣла кусокъ, но не уходила.

— Али все? Постой-ка, нѣтъ ли тутъ?..—и дѣдъ сталъ рыться въ лукошкѣ. Онъ отыскалъ большой конецъ пирога съ картошкой и подалъ дѣвочкѣ.

— На-ка вотъ, поснѣдай! А ты-бы съ кваскомъ! Налить, что ли?!

— Налей.

— Вотъ, оно и скуснѣе... На-ка вотъ...

Дѣдъ налилъ въ ковшикъ квасу и поставилъ на окно.

— Подь, садись къ окошку, поѣшь съ кваскомъ-то и прихлебывай... Мотри только, мухъ нѣтъ ли, али тараканова.

Дѣвочка стала карабкаться на лавку. Дѣдъ подхватилъ ее и хотѣлъ подсадить. Она вскрикнула и поспѣшно соскользнула назадъ.

— Что ты, Христосъ съ тобой?

— Болитъ,—отвѣчала Найденка, корчась и морщась отъ боли.

— Гдѣ болитъ? Али зашибла?

— Нѣтъ, тятька леменемъ (ремнемъ).

— Неужто? Нутка, покажь.

Дѣвочка обернулась къ дѣду задомъ и подняла рубашенку.

— Мм...—невольно всхлипнулъ онъ.—Ахъ, кромѣшникъ, чтобъ ему пусто было, прости Ты меня, Господи!

Найденка съ помощью дѣда влѣзла на лавку и примостилась съ кускомъ пирога въ рукахъ къ ковшу съ квасомъ.

Дѣдъ нахмурился и думалъ, въ негодованіи пережевывая губами.

— Охъ, Господи!.. вовсе звѣри...—закончилъ онъ свои

думы.—Кушай, дитятко! Не знаю, еще-то есть ли,—и дѣдъ снова принялся шарить въ лукошкѣ.

— Не хосю больсе, сыта,—проговорила дѣвочка.

— Не хочешь? Наѣлась? Ну, и слава Богу! Кваску-то не еще ли?

— Не надо.

— Ну, не надо—и не надо. Вотъ, и слава Богу! Охъ, Господи! Много-ли надо человѣку? И жили бы, а то нѣтъ, все мало да тѣсно, такъ-то вотъ... Такъ тебя, видно, Оленкой же звать?

— Оленкой,—отвѣчала дѣвочка.

— Впрямь? Ну, вотъ! И у насъ есть Оленка, у коей ты палецъ-отъ укусила, вотъ. За што ты ее?

— Она мнѣ тутъ вотъ... вотъ такъ,—указала дѣвочка себѣ на спину и, сцѣпивши зубы, изо всей силы ущипнула дѣда за руку, пытаясь выразить, какъ ей было больно.

— А! Это, видно, гдѣ болитъ-то? Ахъ, ты моя золотая. Вѣдь это она тебѣ не нарочно; она хотѣла тебя утѣшить, чтобы ты не ревѣла, такъ-то!

Дѣвочка молчала.

— Болитъ теперь у ней палецъ-отъ, реветъ все, такъ-то,—продолжалъ дѣдъ.

— Леветъ?—повторила дѣвочка.

— Реветъ, а рука-то распухла, вотъ какая стала.

— Ласпухля,—опять протянула дѣвочка.

— Такъ-то, негоже этакъ-то, вотъ,—урезонивалъ дѣвочку дѣдъ. Дѣвочка слушала и молчала.

— И старосту... коего ты за бороду-то... тебя за это любить не станутъ.

— Онъ вотъ!..—заторопилась дѣвочка, закинувъ обѣ руки за спину, придумывая, какъ объяснить дѣду суть дѣла.

— Тоже, видно? А-а! Вотъ оно дѣло-то какое! Разбередилъ? Такъ оно и есть... ахъ ты, моя горькая!—погладилъ дѣдъ дѣвочку по головѣ и опять задумался.—Ну, матушка, спать пора; скоро вторые пѣтухи запоютъ. Полѣзай на печь, а то вотъ на кутникѣ: на печи-то, мотри, тараканы, да жарко будетъ. Вотъ постелю тебѣ, и ложись.

— А ты гдѣ? На печи?

— Нѣтъ, я тамъ, на задворкахъ, въ мякинницѣ.

— И я съ тобой, я не буду Оленку кусать-то.

— Не будешь, впрямь? Хе-хе-хе—добродушно разсмѣялся дѣдъ.—Ну, не будешь, такъ пойдемъ, давай руку!—Взялъ дѣдъ дѣвочку за руку, и они отправились въ мякинницу.

— Такъ бы вотъ и все: миркомъ да ладкомъ, оно бы и гоже, а то... эхъ, Господи милостивый! Чапыжимся, чапы-

жимся вѣкъ-отъ, а всего-то надобно эко мѣстечко землицы на погостѣ. Такъ ли, Оленка?

— Такъ,—отвѣчала дѣвочка.

— Три шага дѣвать некуда! А? Три?

— Тли!

— Да, три, и богатому, и бѣдному, и мужику, и барину; а который покороче, такъ и того меньше, хоть и богатый, али хоть и баринъ. А?

— Да.

Такъ переговаривались дѣдъ съ дѣвочкой, пробираясь въ темнотѣ черезъ длинный дворъ къ заднимъ воротамъ, гдѣ стояла мякинница.

До самой зари пробалагурилъ дѣдъ съ дѣвочкой. Она уже выспалась, а ему не спалось. Онъ все разспрашивалъ, она все разсказывала. Отъ нея дѣдъ узналъ, что мать ея звали „Дунькой", а отца „Глинькой". Онъ былъ сапожникомъ въ какомъ-то селѣ. Оба они постоянно пьянствовали и дрались и ее били. Отца за что-то съ сотскими угнали въ городъ. За нимъ пошли и онѣ съ матерью. На дорогѣ мать оставила ее когда она уснула, и ушла.

VII.

Міръ ли такъ рѣшилъ или начальство распорядилось, только дѣвочка осталась въ селѣ и на воспитаніе, какъ порѣшили на сходѣ, была отдана Оксену Кривому, съ правомъ разъ въ годъ собирать хлѣбомъ и льномъ.

Оксенъ Кривой была лѣтъ подъ 60 старая дѣва высокаго роста, худощавая, объ одномъ глазѣ, съ рѣзкими мужицкими манерами и грубымъ голосомъ, представлявшая поэтому рѣзкій диссонансъ со своимъ костюмомъ. Она и образъ жизни вела мужицкій: вмѣстѣ съ мужиками являлась на помочи; водку пила, какъ мужикъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что не напивалась до пьяна; компанію водила съ мужиками и бабъ не любила. Говорили, что въ былую пору она и силой не уступала мужику. Словомъ—это былъ настоящій мужикъ, по странному капризу природы обрѣтавшійся въ образѣ бабы. По разсказамъ, до 14 лѣтъ Оксенъ одѣвалась въ рубаху и порты и стриглась въ скобку, какъ парни. Ни насмѣшки, ни побои,—ничто не могло заставить ее отказаться отъ мужского костюма, и сдалась она лишь на угрозы бурмистра отдать ее въ солдаты; тогда она облеклась въ сарафанъ и стала ростить косу. Жила Оксенъ на духовномъ порядкѣ, на церковной землѣ, въ крайней къ кладбищу кельѣ. Вотъ ей-то и порѣшили отдать дѣвочку.

Теперь предстояло рѣшить задачу, какъ водворить ее на мѣсто назначеннаго ей жительства. Дѣло въ томъ, что съ той самой ночи она такъ привязалась къ дѣду, что ни на шагъ не отходила отъ него, и когда Оксенъ хотѣла увести ее къ себѣ насильно, она такъ заверещала, вцѣпившись въ дѣдовы порты, что волей-неволей пришлось на нѣкоторое время оставить ее въ покоѣ. Видимо и дѣдъ привязался къ дѣвочкѣ, и будь его воля, ни за что бы онъ не отдалъ ее. Всѣмъ было на диво, что дикая, недовѣрчивая, ни съ кѣмъ не промолвившая ни единаго слова, съ дѣдомъ Найденка была, что называется, нараспашку и, не умолкая, толковала цѣлые дни.

Меня очень интересовали ихъ бесѣды, и мнѣ чрезвычайно хотѣлось подружиться съ дѣвочкой, но, лишь только я подходилъ къ нимъ, Найденка замолкала и, сколько бы я ни пробылъ около нихъ, она бывало рта не раскроетъ. Я пробовалъ заговаривать съ дѣдомъ въ надеждѣ, что, можетъ быть, и она приметъ участіе въ разговорѣ,—дѣвочка не издавала ни единаго звука, какъ будто ея и не было. Пытался я расположить ее къ себѣ и подарками: приносилъ ей пирога, бѣлаго хлѣба, сахару. Она, бывало, хотя и возьметъ, но не сразу: сперва взглянетъ исподлобья на кусокъ, потомъ, будто нехотя, положитъ на что нибудь около себя, а потомъ уже начнетъ ѣсть, но ни разу не взглянетъ на меня.

Такое нерасположеніе ко мнѣ со стороны дѣвочки, при моей готовности служить ей всѣмъ, чѣмъ только я могъ, сильно огорчало меня, но охота подружиться съ ней не только не умалялась, а съ каждымъ днемъ усиливалась. Я искренно завидовалъ дѣду Кащееву и, прислушиваясь къ ихъ разговорамъ, приглядываясь къ тому, какъ онъ обращался съ дѣвочкой, старался угадать причину,—чѣмъ онъ привязалъ ее къ себѣ. И меня не мало удивляло, что дѣдъ не только не ублажалъ, не только не баловалъ Найденку, а даже нерѣдко журилъ ее за что нибудь; и она не дулась на него, а ластилась къ нему, стараясь загладить свою вину.

Но, не смотря на привязанность и на послушливость дѣду, въ избу къ нимъ Найденка не шла. Когда дѣдъ уходилъ обѣдать или ужинать, она оставалась ждать его у завалины или гдѣ-нибудь на задворкахъ. Въ ненастье и холодъ она убѣгала въ мякинницу, гдѣ ночевала съ дѣдомъ, и тамъ зарывалась въ солому. Я нѣсколько разъ приглашалъ ее къ себѣ въ комнаты, но въ отвѣтъ получалъ то же упорное молчаніе. Моя мать тоже нѣсколько разъ пробовала приласкать ее. Часто, когда она пробѣгала мимо нашего дома, мать предлагала ей какое нибудь лакомство, но дѣвочка

даже головы не поворачивала. Такъ-же неудачны были попытки въ этомъ родѣ другихъ, и всѣ скоро отступились отъ нея и предоставили ее самой себѣ. Одни совершенно перестали обращать на нее вниманіе, другіе относились къ ней даже враждебно.

Между тѣмъ время близилось къ осени, становилось холодно, начиналось ненастье, но Найденка не поддавалась ни на какіе уговоры. На всякія ласки и угрозы дѣда она только тихо плакала, молчала и съ утра до вечера толкалась у Кащеевой избы все въ той же дырявой рубашонкѣ, босоногая, посинѣвшая отъ холода. И дѣдъ поневолѣ долженъ былъ выходить къ ней. Онъ самъ уводилъ ее къ Оксену въ келью и просиживалъ у нея съ дѣвочкой цѣлые дни.

VIII.

Стояла осень. Послѣ продолжительнаго ненастья недѣли на двѣ установилось вёдро. Въ самомъ началѣ ясныхъ дней, дѣда Кащеева схоронили. Померъ онъ какъ-то совсѣмъ неожиданно: недальше какъ дня за два я видѣлъ, какъ онъ подъ дождемъ проковылялъ съ Найденкой къ Оксену въ келью.

Едва-ли кто другой изъ нашего села могъ умереть болѣе незамѣтно, чѣмъ дѣдъ Кащеевъ—до такой степени онъ былъ чуждъ всеобщей житейской сутолокѣ. И едва-ли кто даже изъ Кащеевыхъ искренно пожалѣлъ о немъ. Хоть онъ особенно и не мѣшалъ, а все и за столомъ мѣсто опросталось, и въ избѣ къ зимѣ стало просторнѣе; а посторонніе,—какое имъ дѣло до старика, отъ котораго не только они, а и свои-то родные по цѣлымъ недѣлямъ слова не слыхали, совсѣмъ какъ будто его и не было въ деревнѣ.

Горевала о немъ одна Найденка. Все время, какъ дѣдъ хворалъ, она шаталась у Кащеевой избы, а ночи проводила Богъ ее знаетъ гдѣ. Говорили, впрочемъ, что, когда ей сказали о смерти дѣда, она осталась повидимому совершенно равнодушной—какъ будто не поняла...

Хотя первые дни послѣ смерти дѣда стояли и ясные, все же было довольно свѣжо, а главное — грязно, поэтому на улицу меня не пускали, и о Найденкѣ я не зналъ ничего. А какъ мнѣ хотѣлось взглянуть на нее! Но вотъ обсохло, потеплѣло, и насъ съ сестрой Марусей пустили гулять.

Разумѣется, прежде всего я отправился отыскивать Найденку. У Кащеевой избы ея не было, да и дѣлать ей тамъ было уже нечего. Стало быть, она была гдѣ нибудь у Оксеновой избы. Черезъ задніе сады, украдкой отъ сестры Маруси,

я отправился подъ гору и подходилъ уже къ Оксеновой избѣ, какъ вдругъ до меня донесся чей-то унылый плачъ. Я остановился и прислушался. Мнѣ былъ виденъ уголъ кладбища съ бѣлымъ тесовымъ памятникомъ въ видѣ домика съ крестомъ посрединѣ и около него Найденка. „Дѣдуська-а-а, дѣдуська-а-а“, уныло тянула она, сидя около памятника. Эта картина произвела на меня сильное, почти мистическое, впечатлѣніе. Опрометью бросился я домой и, путаясь и волнуясь, разсказалъ матери, что Найденка „зоветъ изъ могилы дѣда“. Мать встревожилась моимъ волненіемъ и пробовала меня успокоить. „Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, пойдемъ скорѣе! — теребилъ я ее и тащилъ на кладбище. Чего собственно хотѣлъ я отъ нея? Мать одѣлась и мы отправились.

Вотъ изъ за кладбищенскихъ березъ показался бѣлый тесовый памятникъ, и около него попрежнему стояла Найденка. „Дѣдуська-а-а“, донеслось до насъ.

— Слышишь? слышишь?—снова заволновался я, затыкая уши. Мать остановилась и прислушалась. Она была блѣдна и съ затаенной мыслью смотрѣла мнѣ въ глаза глубокимъ, скорбнымъ взглядомъ. Можетъ быть, она думала о томъ, какъ тяжело достанется мнѣ жизнь при такой болѣзненной впечатлительности.

Найденка не могла насъ видѣть, такъ какъ сидѣла къ намъ задомъ, но, заслышавъ шаги, когда мы стали подходить, оглянулась, вскочила на ноги и убѣжала.

— Оля! Олеся! погоди, мы тебя не тронемъ! — кричала мать ей въ слѣдъ. — Ну, какъ ее утѣшишь!—грустно проговорила она, провожая дѣвочку глазами, пока та не скрылась за плетнемъ капустниковъ.

— Здорово, матушка! Знать, погулять вышла. Времячко-то гоже уставилось—кричала баба Оксенъ, поднимаясь къ намъ отъ своей кельи.

— Да, хорошо—отвѣчала мать.—Плохо, знать, привыкаетъ къ тебѣ дѣвочка-то?

— Чего, матушка! въ избу-то никакъ не заманю, совсѣмъ смаялась съ ней, ума не приложу, какъ и быть. Хочу ужъ отказаться, Господь съ ней совсѣмъ.

— Что ты это!

— Да сила, матушка, не беретъ; все сердечушко изболѣло, на нее глядючи. Третій день не ѣстъ, не пьетъ. Сядетъ вонъ у могилы, да и голоситъ: „дѣдушка, батъ, дѣдушка“! все, знашь, старика-то кличетъ, да тоскливо таково, инда сама-то ревѣла не одинова. И сейчасъ вотъ все тянула—„дѣдушка“, да, видно, вы спугнули. Диво, да и диво! Ужъ и впрямь не порченая ли, молъ?

Возвратившись домой, мать отобрала кое-что изъ Маруси-

ныхъ вещей и отослала Оксену. Маруся приложила нѣсколько куколъ, я—большую конфекту съ портретомъ Комиссарова—именинный подарокъ крестнаго—и собственнаго издѣлія альбомъ. Этотъ альбомъ былъ просто тетрадь изъ сѣрой бумаги, съ налѣпленными на листахъ картинками съ конфектъ, съ помадныхъ банокъ, съ чайныхъ обложекъ, изъ иллюстрированныхъ журналовъ и виньетками, которыя я добывалъ самымъ контрабанднымъ образомъ, вырѣзывая изъ проповѣдей, поученій и различныхъ твореній святыхъ отцовъ. Былъ налѣпленъ даже кусокъ шпалера, который мнѣ очень нравился; было кое-что и собственной живописи, главнымъ образомъ, очень кудрявыя и очень длинноносыя человѣческія головы въ профиль, съ глазами en façe... и т. д.

Оксенъ разсказывала, что Найденка конфекту съѣла, на куклы не обратила никакого вниманія, но альбомомъ заинтересовалась очень и часто разсматриваетъ въ немъ картинки. Мнѣ это очень пріятно было слышать. За то Маруся даже покраснѣла съ досады и потребовала все свое обратно. Получила она, впрочемъ, только куклы, которыя тутъ же демонстративно повыкидала на дворъ.

Между тѣмъ дни становились короче, холода усиливались, особенно холодно бывало по ночамъ. Найденкѣ по неволѣ приходилось большую часть времени проводить въ избѣ. Но прирученіе ея подвигалось плохо. Какъ ни старалась Оксенъ расположить ее къ себѣ, дикарка не поддавалась ни на какія ласки и упорно молчала на всѣ ея заговариванья. Она ни за чѣмъ не обращалась къ Оксену, а что было нужно, пить или ѣсть—брала безъ спросу, или оставалась голодной. Старуха выходила изъ себя и, наконецъ, начала браниться, а это, разумѣется, только ухудшило дѣло.

Большую часть дня Найденка проводила на кладбищѣ, и я часто видалъ, какъ она въ Марусиной шубкѣ и съ открытой головой меланхолически бродила между могилами или копалась около дѣдова памятника. И такимъ одиночествомъ, такой сиротливостью вѣяло отъ ея маленькой фигурки!.. Мнѣ очень хотѣлось подойти къ ней, но не хватало рѣшимости. Притаившись гдѣ нибудь за деревомъ, я по цѣлымъ часамъ наблюдалъ за Найденкой, иногда продрогши до костей. Дома я всячески скрывалъ свои симпатіи къ дѣвочкѣ изъ тѣхъ побужденій, ради которыхъ дѣти всегда скрываютъ отъ большихъ свои экстра-ординарныя чувства и мысли.

IX.

Миновали и красные дни. Опять зачастили дожди, началась слякоть, но и на этотъ разъ ненадолго: ударилъ морозъ, насыпало снѣгу, и зима была готова.

Кто жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, что значитъ тамъ появленіе зимы, особенно для дѣтей: насидятся они за время ненастья въ тѣсныхъ, душныхъ, темныхъ избахъ и потомъ, когда получится возможность вырваться на свѣтъ, на просторѣ, на вольный воздухъ,—радуются зимѣ, какъ освободительницѣ отъ злой неволи. Зиму встрѣчаютъ въ деревняхъ едва ли не радостнѣе, чѣмъ весну. Всѣ околицы настежъ для дорогой гостьи!

Вдоль всего нашего поповскаго порядка, отъ самой почти церкви и до кладбища тянулась гора, — излюбленное мѣсто зимнихъ потѣхъ и развлеченій всей сельской мелюзги. Лишь только напорошило снѣгу, сюда со всѣхъ сторонъ, какъ муравьи изъ разоренной кучи, поползла дѣтвора, подчасъ въ самыхъ неописуемыхъ костюмахъ, преимущественно съ плечъ большаковъ— въ материныхъ куцавейкахъ съ рукавами до земли, въ отцовыхъ шапкахъ, которыя отъ каждаго тычка летѣли съ головъ, въ валеныхъ сапогахъ по самое брюхо, и кто на чемъ: кто на салазкахъ, кто на подмороженныхъ лукошкахъ, кто на скамьяхъ. И вотъ наша гора зазвенѣла, застонала съ ранняго утра до темной ночи отъ крика, визга, плача, рева, смѣха ребятишекъ.

Найденка и тутъ не примкнула къ дѣтямъ. Она неизмѣнно сидѣла у крайняго къ кладбищу окна, облокотившись на подоконникъ и опустивъ на ладони рукъ свою косматую голову. Иной разъ какой нибудь шалунъ корчилъ ей рожу, безъ всякаго, впрочемъ, злого умысла, или выкидывалъ какой нибудь фортель... дѣвочка, бывало, не моргнетъ глазомъ. Бывали попытки и разсмѣшить ее: нарочно падали, сшибались, толкались, и ни разу никому не удалось вызвать у нея ничего, похожаго на улыбку.

Мои симпатіи къ дѣвочкѣ росли съ каждымъ днемъ. Видѣть ее стало для меня какъ будто потребностью. Для катанья я выбиралъ время, когда на горѣ было немного народа. Собственно катался я мало, а большею частью подъ какимъ нибудь предлогомъ шатался противъ оконъ Оксеновой избы: обивалъ снѣгъ съ сапоговъ, перевязывалъ веревку у салазокъ, выравнивалъ дорогу, или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Такъ шло время, и я былъ совершенно доволенъ. Но вотъ

наступили настоящіе, зимніе холода. Какъ-то, однажды утромъ, докатившись до Оксеновой избы, я увидалъ, что оба окна ея сплошь затянуло инеемъ. Это было совсѣмъ неожиданно. Я тутъ же воротился домой и кататься пересталъ.

Потянулись скучные, томительные дни. На меня напала досада и хандра. Изрѣдка я спускался подъ гору посмотрѣть, не оттаяли-ли окна, но ихъ заволакивало все болѣе и болѣе.

Я начиналъ серьезно скучать о Найденкѣ и по цѣлымъ днямъ ломалъ голову, какъ мнѣ увидать дѣвочку. Мои планы были одинъ нелѣпѣе другого. Однажды я чуть было не остановился на томъ, чтобы снять у Оксена что-нибудь изъ бѣлья съ шеста передъ окнами, а потомъ принести—не твое-ли, молъ,—нашелъ, дескать, въ сугробѣ; но на такой подвигъ у меня не хватило смѣлости. Существовалъ, положимъ, прекрасный поводъ видать Найденку, по крайней мѣрѣ, раза два. Нужно было только вызваться носить то, что наша мать часто посылала ей изъ съѣстного—супъ, кашу, моченые яблоки и пр. и за чѣмъ приходила сама Оксенъ. Но, во-первыхъ, я почему-то самымъ тщательнымъ образомъ скрывалъ свои симпатіи къ дѣвочкѣ, а во-вторыхъ, для такихъ отвѣтственныхъ порученій, какъ доставить въ цѣлости, напр., горшокъ съ супомъ, увы! я рѣшительно не годился! Постоянно углубленный въ размышленія по поводу своихъ впечатлѣній, я часто не замѣчалъ ни пороговъ, ни косяковъ, ни имъ подобныхъ препонъ и поэтому за все зацѣплялся, задѣвалъ, запинался, все роնялъ и даже падалъ. Кромѣ того, я почти каждый разъ забывалъ, что мнѣ поручалось, или перепутывалъ.

Разсѣянность моя доходила до того, что однажды изъ бани вмѣсто своего дома я прошелъ къ діакону, который жилъ рядомъ; разъ во время службы прокатилъ черезъ всю церковь въ алтарь въ шапкѣ; разъ потерялъ въ лѣсу корзину съ грибами. Сколькихъ слезъ стоила мнѣ эта разсѣянность, трудно представить. Насмѣшки и прозвища сыпались на меня со всѣхъ сторонъ и отъ своихъ, и отъ чужихъ. Поэтому неудивительно, что я былъ нелюдимъ, скрытенъ, завистливъ и мелочно падокъ до похвалъ.

Но на фонѣ этой обидной, тяжелой для воспоминаній поры дѣтства передо мной возникаетъ прекрасный образъ моей матери—съ ясной, ласковой улыбкой, съ полуприподнятыми бровями,—съ той милой гримаской на блѣдномъ лицѣ, съ которой она бывало ласкала меня въ свои добрыя минуты. Потому-ли, что она не вѣрила въ спасительность для меня насмѣшекъ, или ею руководилъ инстинктъ матери, всегда готовый защищать свое обездоленное дѣтище, она съ

горячностью вступалась за меня и часто ссорилась съ отцомъ и бабушкой; а на долю моей сестры Маруси перепадало кое-что и посущественнѣе. И Боже мой! какой неизъяснимой благодарностью, какой жгучей любовью къ ней горѣло тогда мое сердце!! Смѣялась надо мной и она сама, но совсѣмъ не такъ, какъ другіе: когда смѣялась она, смѣшно было и мнѣ, и мы часто хохотали вмѣстѣ, припоминая болѣе забавные случаи моей разсѣянности. Но когда смѣялись другіе, я если не плакалъ, то только потому, что не хотѣлъ показать, какъ мнѣ было больно.

Истощивши, наконецъ, всю изобрѣтательность въ изысканіи средствъ увидать Найденку, я пересталъ думать объ этомъ и съ покорностью подчинился обстоятельствамъ.

X.

Какъ ни долго тянулась зима, но и она подходила къ концу. Стало пригрѣвать, стало и съ крышъ покапывать; повисли сосульки. Побѣжали ручьи; показались проталины; въ поляхъ зазвенѣли жаворонки; у скворешницъ защебетали скворцы; подернулись дымкой кусты за рѣкой; брызнули изумрудомъ первыя проталинки; улица зазвенѣла отъ пѣтушинаго пѣнья и кудахтанья куръ. Понемногу начали выставлять зимнія рамы, вынимать холодную одежду и прятать шубы и тулупы; валенки давно уже оставили. Потомъ сани поставили подъ навѣсы и вмѣсто нихъ выдвинули телѣги; ребятишки бѣгали босые, въ однѣхъ рубашонкахъ. Потомъ снѣгъ сталъ уже рѣдкостью, только въ лѣсу да по оврагамъ. Наступила весна—свѣтлая, веселая, радостная, со смѣхомъ и пѣснями, но и съ упорнымъ, тяжелымъ деревенскимъ трудомъ. Состоялся первый выгонъ стада въ поле. У ребятишекъ открылся дудочный сезонъ, и улица загудѣла, задудѣла, засвистала; одновременно съ этимъ началось и гоненіе на музыкантовъ.

Между тѣмъ Найденки было не видать на кладбищѣ. Я по нѣскольку разъ въ день выбѣгалъ за задній садъ въ поле, откуда былъ виденъ бѣлый памятникъ дѣда Кащеева, и каждый разъ возвращался въ большой досадѣ и чуть не по колѣна въ грязи. Наконецъ, однажды, когда я по обыкновенію выбѣжалъ заглянуть на кладбище, Найденка была тамъ. Она была въ Марусиной шубкѣ, повязана платкомъ и въ башмакахъ. Въ этомъ видѣ она до того не соотвѣтствовала моему представленію о ней, что я долгое время не былъ увѣренъ, что это она, и когда, наконецъ, увѣрился, то вмѣсто радости меня охватила какая-то досада—такъ все это было

ей не къ лицу. Въ моемъ воображенiи дѣвочка всегда рисовалась босая, въ рваной рубашонкѣ, съ косматой, спадавшей напередъ гривой выцвѣтшихъ темнобурыхъ волосъ, изъ за которыхъ угрюмо блестѣли ея зеленоватые глаза; только въ этомъ видѣ я и понималъ ее. Въ платкѣ же и шубкѣ она была настолько не интересна для меня, что я почти тутъ же вернулся домой.

Впрочемъ, это было единственный разъ; потомъ я видалъ ее всегда раздѣтой и разутой, но ужъ не въ той дырявой рубашонкѣ, а въ Марусиномъ платьѣ. Она обыкновенно или копалась въ землѣ у дѣдова памятника, или бродила между могилами и все о чемъ-то разговаривала. Меня особенно это занимало. Я изъ всѣхъ силъ напрягалъ слухъ, но до меня доносились лишь отдѣльныя слова.

Однажды, когда я по обыкновенiю прибѣжалъ на кладбище, дѣвочка сидѣла у дѣдовой могилы и плакала. Сквозь слезы она что-то бормотала и прутомъ била по памятнику. „Вотъ тебѣ!"—разслышалъ я между другими непонятными мнѣ словами. Этимъ случаемъ я рѣшилъ воспользоваться, чтобы подружиться съ дѣвочкой. Это было, должно быть, въ праздникъ. Я тотчасъ же воротился домой, выпросилъ кусокъ ватрушки и опять побѣжалъ на кладбище. Дѣвочка замѣтила меня, когда я подошелъ уже вплоть. Характернымъ жестомъ лѣвой руки отбросивъ назадъ спадавшiя на глаза космы, она уставилась на меня угрюмымъ, непривѣтливымъ взглядомъ своихъ зеленоватыхъ, наполненныхъ слезами глазъ. „Хочешь?"—проговорилъ я прерывающимся отъ волненiя голосомъ, протягивая кусокъ. Вмѣсто отвѣта дѣвочка ударила по моей рукѣ снизу, кусокъ подпрыгнулъ, творогъ упалъ около нея, а корка отскочила въ сторону. Въ то же время Найденка заплакала.

Я былъ чрезвычайно озадаченъ. Я такъ хотѣлъ ей добра, такъ жалѣлъ ее, а она... Впрочемъ, я увѣренъ, что Найденка потому и заплакала, что прочитала на моемъ лицѣ, какъ она сильно оскорбила меня. Уничтоженный до послѣдней степени, не въ силахъ сдерживать слезы, я повернулся и пошелъ домой. Найденка заплакала громче. Я въ недоумѣнiи остановился. Она притихла. Я опять пошелъ, она опять заплакала.

— Вѣдь я тебѣ ничего не сдѣлалъ,—проговорилъ я.

— Уйди!—взвизгнула дѣвочка и, поднявъ съ земли творогъ, яростно метнула имъ въ меня. Я пошелъ ужъ не оглядываясь и почти всю дорогу слышалъ за собой громкiй плачъ ея.

Послѣ этого у меня пропала всякая охота подружиться съ дѣвочкой, но интересъ къ ней нисколько не умалился. Я

видѣлъ въ ней много такого, чего ни въ комъ до сихъ поръ не встрѣчалъ. Кромѣ того, меня занимала ея дикая, красивая, съ косматой головой фигура, зеленые глаза, въ которые такъ хорошо и такъ жутко было смотрѣть, красивый характерный жестъ, которымъ она откидывала назадъ свои космы, и я по прежнему бѣгалъ на кладбище, чтобы по цѣлымъ часамъ наблюдать за ней.

XI.

Время близилось къ сѣнокосу. Лѣто стояло во всей красѣ. Было жарко и сухо. Найденка все время проводила на кладбищѣ, но вдругъ съ нѣкотораго времени перестала бывать тамъ. Оказалось, что Оксенъ за что-то побранила ее, и она съ того дня пропадала гдѣ-то за рѣкой, часто даже и ночевать не являлась. Только около полденъ она прибѣгала поѣсть и снова убѣгала за рѣку.

Помню, какъ это поразило меня. Какой ничтожной букашкой казался я себѣ въ сравненіи съ этой беззащитной, почти вдвое моложе меня дѣвочкой. Она подавляла меня своей непостижимой смѣлостью. Добровольно ночевать одной на волѣ, можетъ быть, за рѣкой, куда ночью страшно было изъ окна смотрѣть, а можетъ быть, даже на кладбищѣ, у дѣдова памятника!.. Нѣтъ, это было недоступно моему пониманію. Въ моемъ представленіи кусты за рѣкой кишѣли волками и медвѣдями, а по кладбищу, постукивая костями, бродили скелеты въ саванахъ, съ черными впадинами вмѣсто глазъ. А пауки? А лягушки?.. Маленькая косматая фигурка съ зелеными глазами выростала передо мной въ гордую, величавую фигуру, недоступную никакимъ страхамъ.

Однажды, возвращаясь изъ-за рѣки, куда меня посылали за тальникомъ для починки корзинъ, я услыхалъ въ кустахъ чей-то дѣтскій голосъ. „А ты сиди, пока цѣлъ",—говорилъ кто-то. Я пошелъ на голосъ и какъ разъ наткнулся на Найденку. Откинувъ назадъ длинныя космы волосъ, она остановилась и смотрѣла на меня, какъ будто чего-то ожидая. Около нея съ жалобнымъ пискомъ вились двѣ птички. Въ рукахъ она держала собранные края подола.

— Ну, давай ватлюски-то,—проговорила она, слегка улыбнувшись.

— Я не принесъ,—въ замѣшательствѣ отвѣчалъ я, вспыхнувъ, но чрезвычайно польщенный тѣмъ, что, наконецъ, она удостоила меня разговоромъ.

— А ты бы плинёсъ,—протянула недовольно Найденка.

Мое смущеніе увеличилось еще болѣе. Наступило молчаніе. Я стоялъ, какъ виноватый.

— Пойдемъ, — пригласила меня дѣвочка. Я покраснѣлъ еще болѣе: вѣдь это значило, что сбывались мои мечты. Мы выбрались на луговую дорогу и направились къ Дальней Гривѣ.

— Это у тебя что?—спросилъ я больше для того, чтобы завязать разговоръ.

— Питюськи, вонъ какія,—отвѣчала дѣвочка, распуская въ рукахъ концы подола. Тамъ барахтались штукъ пять еще не совсѣмъ оперившихся птенчиковъ. Одинъ былъ значительно больше другихъ, должно быть, кукушонокъ. Птички продолжали виться вокругъ насъ и жалобно пищали.

Мы пришли въ Дальнюю Гриву. „Смотри", проговорила Найденка и вытряхнула птенчиковъ въ воду. Это было такъ неожиданно, что я невольно вскрикнулъ. Дѣвочка вопросительно вскинула на меня своими глазами, присѣла на корточки и спокойно стала наблюдать за трепыхавшимися птенчиками. Я тоже смотрѣлъ. Чрезъ минуту всѣ птенцы плавали мертвыми, только одинъ слабо еще бился на большомъ листѣ кувшинки.

— Ну, тони сто ли?—проговорила Найденка, палкой погружая листъ въ воду. Птенчикъ разъ два трепыхнулся и сталъ неподвиженъ.

— Всѣ,—полушепотомъ проговорила Найденка, поднимаясь на ноги, и вздохнула. Я тоже вздохнулъ. Откинувъ спадавшія напередъ космы, она посмотрѣла на меня пытливымъ, пристальнымъ взглядомъ. Ея глаза свѣтились такимъ, какъ мнѣ показалось, недобрымъ блескомъ, что я невольно отвелъ свой взглядъ въ сторону.

— Тебѣ заль?—спросила она.

— Нѣтъ,—совралъ я, разсчитывая угодить дѣвочкѣ.

— А мнѣ такъ заль,—къ моему великому удивленію проговорила Найденка, и снова повернулась къ утонувшимъ птенчикамъ. Она долго въ задумчивости переводила глаза съ одного птенца на другого, потомъ снова вздохнула и опять взглянула на меня.

— Это сколько?—спросила она, жестомъ головы указывая на птичьи трупы.

— Пять,—отвѣчалъ я.

— Да утломъ тли. Это сколько? Много?

— Много. За что ты ихъ?

— Такъ,—отвѣчала сухо и нехотя Найденка.

Между тѣмъ, птички все вились по кустамъ и жалобно пищали. Найденка долго молча водила за ними глазами, потомъ, вѣроятно наскуча ихъ пискомъ, выдернула изъ мо-

его пучка длинный прутъ и начала за птичками охоту, старалась сбить ихъ. Сначала она хлестала по кустамъ довольно спокойно, но по мѣрѣ того, какъ число промаховъ увеличивалось, Найденка разгоралась болѣе и болѣе. Я видѣлъ, какъ сквозь густыя космы блестѣли ея глаза. Скоро она пришла въ какое-то изступленіе. На нее страшно было смотрѣть. Въ этотъ разъ мнѣ невольно пришло на мысль общее убѣжденіе, что она порченая.

— Бей и ты!—вдругъ крикнула она мнѣ, бѣшенымъ жестомъ откидывая назадъ свою гриву. Я вздрогнулъ. Наши взгляды встрѣтились, и я въ продолженіе нѣсколькихъ мгновеній не могъ оторвать своихъ глазъ отъ ея. Ея глаза какъ будто брызгали какимъ-то огнемъ. Мнѣ сдѣлалось жутко, я взялъ прутъ. Съ первыми же ударами бѣшеная ненависть къ птичкамъ сообщилась и мнѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ мы, какъ сумасшедшіе, метались вокругъ озера, не замѣчая даже, что часто больно задѣвали другъ друга.

Наконецъ, птички перестали подпускать насъ близко. Найденка остановилась первая. Откинувъ назадъ свои космы, она съ невыразимой ненавистью смотрѣла на птичекъ, сцѣпивъ зубы и съ трудомъ переводя духъ отъ усталости. Глаза ея блестѣли, щеки горѣли, ноздри раздувались. На нее было страшно смотрѣть, но въ то же время она была чрезвычайно красива. Я тоже остановился. Вдругъ Найденка метнулась къ водѣ, повытаскала мертвыхъ птенцовъ на берегъ и стала топтать ихъ.

— Вотъ коли, вотъ коли!—задыхаясь твердила она. И я, едва ли сознавая, что дѣлалъ, тоже кинулся топтать уже истоптанныхъ въ грязь птенцовъ.

— Пойдемъ иссё!—проговорила Найденка, и мы побѣжали въ елошникъ отыскивать птичьи гнѣзда. Я забылъ и про нарѣзанные прутья, и про корзины, и про то, что мнѣ давно бы надо быть дома.

Не помню сейчасъ, удалось ли намъ въ этотъ день повторить живодерство.

Такъ началось мое болѣе близкое знакомство съ Найденкой.

XII.

Я воротился домой поздно въ смутномъ состояніи духа. Мнѣ и стыдно было вспомнить свое безумство на озерѣ, и въ то же время я испытывалъ удовольствіе отъ исполнившихся желаній подружиться съ Найденкой. Но всего сильнѣе было мое утомленіе отъ пережитыхъ за день новыхъ для меня и

сильныхъ ощущеній, такъ что я, не дождавшись ужина, легъ спать и тутъ же заснулъ.

Дома я никому не сказалъ о своей встрѣчѣ съ Найденкой.

Съ этого дня мы стали неразлучны. Каждый день, послѣ утренняго чая я отправлялся за рѣку и возвращался къ обѣду, а послѣ обѣда опять пропадалъ до ужина. Большею частью мы занимались набѣгами на птичьи гнѣзда и истязаніями мелкихъ животныхъ—птенцовъ, мышей, лягушекъ, жуковъ, червяковъ.

Не могу понять, какимъ образомъ я, при моей искренней симпатіи ко всему живущему, особенно къ птицамъ, могъ принимать участіе въ этомъ отвратительномъ живодерствѣ Найденки? Хотѣлъ ли я своей угодливостью скрасить ея заброшенность и одиночество; боялся ли на первыхъ же порахъ потерять съ такимъ трудомъ добытую дружбу, или, можетъ быть, то и другое,—трудно сказать.

Впрочемъ, какъ ни отвратительно живодерство само по себѣ — оно чрезвычайно увлекательно. Въ немъ есть своя поэзія, какъ она есть въ безсмысленныхъ хлыстовскихъ радѣньяхъ, въ стремительныхъ аттакахъ на непріятеля, въ пляскѣ, въ музыкѣ, во всемъ, что бьетъ по нервамъ, ускоряетъ пульсъ—что снимаетъ съ человѣка контроль собственнаго разсудка. Вотъ это состояніе—внѣ контроля разсудка—и составляетъ суть этой поэзіи, кульминаціонный пунктъ наслажденія. При живодерствѣ нервы достигаютъ крайней степени напряженія, разсудокъ меркнетъ, сердце горитъ ненавистью; конвульсіи и крики страданія возбуждаютъ не жалость, а злобу и жажду зла. Чѣмъ человѣкъ слабонервнѣе и впечатлительнѣе, тѣмъ скорѣе и легче онъ отдается этому состоянію, и тѣмъ полнѣе его ощущенія. Поэтому дитя болѣе склонно къ живодерству, чѣмъ взрослый, и женщина—болѣе, чѣмъ мужчина; отсюда, вѣроятно, и мачихи всѣхъ мѣстъ, временъ и народовъ, да, вѣроятно, и Нероны съ Калигулами.

Въ то же время живодерство не есть признакъ жестокосердія. Живодерствомъ можно увлечься, имѣя доброе сердце, хотя, конечно, подъ вліяніемъ его человѣкъ ожесточается и черствѣетъ.

И у Найденки было доброе сердце... Однажды, во время уборки сѣна одинъ крестьянинъ вывозилъ на дорогу возъ сѣна съ кочковатаго, болотистаго луга за рѣкой. Видно было, какъ бѣдная лошадь напрягала свои силы и, наконецъ, встала. Крестьянинъ погонялъ лошадь сначала кнутомъ, потомъ кнутовищемъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ снять возъ съ мѣста, лошадь встала, какъ вкопанная. Крестьянинъ разсвирѣпѣлъ и началъ хлестать ее по мордѣ. Бѣдняга только отфыркивалась, стараясь всячески уклониться отъ ударовъ, но не

сдѣлала ни одной попытки сдвинуть возъ. Крестьянинъ не удовольствовался кнутомъ и сталъ бить ее возжами, потомъ кулаками по мордѣ. Бѣдная лошадь отчаянно билась въ оглобляхъ. Мы съ Найденкой стояли неподалеку въ кустахъ и молча наблюдали эту возмутительную сцену. Съ самаго начала ея дѣвочка обнаружила сильное безпокойство. Одновременно съ лошадью она вздрагивала отъ ударовъ, невольно повторяя всѣ ея движенія. Когда мужикъ началъ бить лошадь кулаками по мордѣ, и она заметалась въ стороны, Найденка съ громкимъ крикомъ бросилась туда, подбѣжала къ возу и прерывающимся отъ плача голосомъ, топая ногами, что-то стала кричать мужику. Мужикъ на минуту остановился и, вѣроятно, разозлившись еще болѣе на непрошенное заступничество, началъ бить лошадь еще ожесточеннѣе. Найденка заверещала во весь голосъ и, подбѣжавъ къ мужику вплоть, энергически плюнула на него и убѣжала назадъ. Весь остальной день она не могла успокоиться отъ волненія.

Но своихъ жестокостей она не прекращала.

Какъ-то вскорѣ послѣ нашего знакомства мы на старой водяной мельницѣ достали большого галченка и начали трепать его. Онъ кричалъ отчаянно, и на крикъ его слетѣлась огромная стая галокъ. Онѣ съ оглушительнымъ карканьемъ и угрожающими намѣреніями стали козырять въ насъ, собираясь напасть. Я струсилъ и хотѣлъ бросить имъ галченка, а потомъ искать спасенія въ бѣгствѣ, но Найденка вцѣпилась въ птенца обѣими руками и ни за что не хотѣла разстаться съ нимъ. Видимо, она была возбуждена крикомъ галокъ и озлилась на нихъ. До крайней степени раздраженный карканьемъ, испуганный козыряньемъ галокъ и возмущенный упрямствомъ Найденки въ виду явной опасности, я опрокинулъ ее на траву и началъ отнимать галченка. Галки воспользовались нашей междуусобицей, и я ощутилъ нѣсколько довольно чувствительныхъ ударовъ въ голову. Тутъ я окончательно озлился и съ розмаху ударилъ Найденку по лицу, а потомъ, оставивъ своего беззащитнаго, мной же самимъ избитаго друга въ жертву разъяренныхъ птицъ, обратился въ позорное бѣгство. Нѣсколько галокъ кинулось за мной и, напутствовавъ меня двумя-тремя тычками, отступились. Смятеніе мое было настолько велико, что я бѣжалъ до самаго села, ни разу не оглянувшись. Когда я оправился отъ испуга, меня тотчасъ началъ давить стыдъ и страхъ за Найденку. Невозможно было допустить, чтобы она дешево отдѣлалась отъ галокъ. Но еще больше терзало меня раскаяніе въ томъ, что я ударилъ ее. Я мѣста не находилъ отъ тоски, но идти за рѣку узнать, что сталось съ дѣвочкой, у меня не хватало рѣшимости.

„Вдругъ галки заклевали ее до смерти",—думалъ я съ ужасомъ. Наконецъ, я не выдержалъ и съ трепетнымъ сердцемъ отправился за рѣку. Еще издали я замѣтилъ Найденку на валу и чрезвычайно обрадовался. У меня не было ни малѣйшей надежды воротить ея дружбу, не было даже намѣренія показываться ей. Обнявъ руками колѣна и слегка покачиваясь, дѣвочка сидѣла лицомъ къ лѣсу и что-то уныло мурлыкала. Ея сиротливость и одиночество возбуждало столько жалости, ея мурлыканье было такъ тоскливо, что мое раскаяніе становилось невыносимо, и слезы сами катились изъ моихъ глазъ. Я прокрался къ самому озеру и изъ кустовъ наблюдалъ за дѣвочкой. Вдругъ она поднялась съ мѣста и направилась къ озеру, и прежде, чѣмъ я успѣлъ спрятаться, мы стояли другъ противъ друга. Откинувъ назадъ свои космы, Найденка на мгновеніе остановилась. Лицо и руки ея были сплошь исцарапаны и исклеваны, лѣвый глазъ покраснѣлъ, и вокругъ него начиналъ образовываться синякъ.

— Ты вонъ какъ меня,—незлобиво, но съ упрекомъ проговорила она, показывая на глазъ.

— Прости меня, прости меня!—кинулся я къ ней, задыхаясь отъ слезъ. Какъ безумный, я обнималъ ее и цѣловалъ ея лицо, шею, руки. Плакала и она и сквозь слезы обидчиво расказывала, какъ у нея посыпались искры изъ глазъ отъ удара, какъ ее клевали галки и какъ ей было больно. Минутъ черезъ десять всѣ обиды были забыты, слезы высохли, и мы снова беззаботно рыскали по кустамъ.

XIII.

Съ этого случая я и попалъ въ кабалу. Хотя Найденка даже не вспоминала про свою обиду, тѣмъ не менѣе я чувствовалъ себя слишкомъ виноватымъ передъ ней. Синее пятно подъ глазомъ у нея въ продолженіе нѣсколькихъ дней служило мнѣ постояннымъ напоминаніемъ и упрекомъ. Найденка ни разу не упрекнула меня, но у меня была потребность чѣмъ-нибудь искупить свою вину передъ ней. Для успокоенія совѣсти я пользовался каждымъ случаемъ сдѣлать дѣвочкѣ пріятное: предупреждалъ каждое ея желаніе, былъ нѣженъ, какъ только могъ, приносилъ ей изъ дома свою долю отъ всего, что могъ скрыть за обѣдомъ или во время чая. Вотъ это послѣднее обстоятельство и сдѣлалось для меня казнью.

Дѣвочку очень разлакомили мои приношенія, что, впрочемъ, и понятно, потому что у Оксена даже ситный хлѣбъ

былъ уже лакомствомъ. Особенно любила она сахаръ и сырыя яйца, которыя пила прямо—безъ хлѣба и соли.

Какъ-то очень скоро она перестала довольствоваться тѣмъ, что я приносилъ ей, и уже сама стала назначать, что я долженъ былъ принести. Я воровалъ и приносилъ. Если случалось, что я приносилъ что-нибудь, другое, она тутъ же бросала на землю и сердилась на меня по цѣлымъ днямъ.

На первыхъ порахъ мое воровство меня особенно безпокоило, но потомъ стало мучить такъ, что я подчасъ не находилъ себѣ мѣста. Къ этому прибавилось и другое.

Послѣ того, какъ галки задали намъ трепку, всѣ вообще птицы стали для насъ заклятыми врагами. Мы объявили имъ безпощадную войну, и всѣ галочьи и голубиныя гнѣзда на старой водяной мельницѣ и на сосѣднихъ съ ней деревьяхъ безъ всякой жалости зорили, а птенцовъ подвергали самымъ ужаснымъ истязаніямъ. Я попрежнему былъ лишь орудіемъ въ рукахъ дѣвочки. Мое участіе выражалось главнымъ образомъ въ добываніи гнѣздъ съ птенцами. Найденка же была настоящій демонъ самаго свирѣпаго, самаго возмутительнаго живодерства. Она рвала, раздирала, ощипывала, ломала съ непостижимымъ ожесточеніемъ. И какъ при этомъ искажалось ея лицо! По этому лицу можно было слѣдить за всѣми перипетіями боли, какую должны были испытывать ея жертвы. Временами она впадала въ какое-то изступленіе, и тогда мнѣ казалось, что она дѣйствительно порченая. Въ эти минуты она внушала мнѣ страхъ и даже отвращеніе. Часто ея собственныя ощущенія до такой степени утомляли ее, что она валилась на траву и по нѣскольку минутъ лежала, съ закрытыми глазами, блѣдная, угрюмая, капризная.

Вотъ это живодерство вмѣстѣ съ сознаніемъ гадости и преступности нашей забавы и прибавилось къ моимъ прежнимъ терзаніямъ. Хотя я всячески воздерживался отъ живодерства и ограничивался лишь добываніемъ гнѣздъ и птенцовъ въ угоду дѣвочкѣ, тѣмъ не менѣе это не ограждало мою нервную систему отъ крайняго возбужденія и напряженнаго состоянія, такъ какъ не быть свидѣтелемъ живодерства Найденки я все же не могъ, а это несравненно тяжелѣе самого живодерства. Насколько увлекательно одно, настолько омерзительно другое, и нервы возбуждаются и напрягаются гораздо сильнѣе. Когда, бывало, Найденка на моихъ глазахъ трепала и рвала свои злополучныя жертвы, у меня невольно сжимались кулаки, и я порывался избить ее въ воздаяніе за возмутительную жестокость; и только не умолкшее еще раскаяніе за тотъ ударъ по лицу спасалъ ее отъ возмездія, которое было бы ужасно по своей безпощадности. Этотъ порывъ возмездія бывалъ иногда настолько силенъ, что я, чтобы не

поддаться искушенію и заглушить злобу и ненависть къ дѣвочкѣ, принималъ самъ участіе въ истязаніи.

XIII.

Между тѣмъ, мое нервное, напряженное состояніе увеличивалось со дня на день. Я помню, какъ, измученный рысканіемъ по кустамъ и пережитыми за день ощущеніями въ качествѣ невольнаго зрителя живодерства Найденки, я не могъ сомкнуть глазъ. Воображеніе съ ясностью дѣйствительности воспроизводило картины предсмертныхъ судорогъ и конвульсій несчастныхъ птенцовъ. Мнѣ чудилось шуршаніе травы, когда они бились въ послѣднихъ корчахъ; я слышалъ трескъ ихъ хрящей и костей; я ощущалъ горячее, учащенное дыханіе Найденки; я, видѣлъ ея искаженное лицо съ горящими зелеными глазами. Когда подъ утро, измученный галлюцинаціей, я, наконецъ, впадалъ въ забытье и засыпалъ, мнѣ снилось что-нибудь до такой степени ужасное, что я вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ и вскакивалъ съ постели съ проступавшими на лбу крупными каплями пота. И опять длинной вереницей, одна за другой, проходили передо мной картины пережитой, перечувствованной дѣйствительности.

Еще болѣе мучило меня мое воровство. Дома уже нѣсколько разъ замѣчали пропажу яицъ изъ гнѣздъ, и крысамъ попадало-таки отъ бабушки изрядно. Она обратилась къ помощи мышьяка и уморила двухъ куръ, а яйца все пропадали. Ярости бабушки не было границъ. Проклятія и пожеланія самаго смертоноснаго содержанія сыпались по адресу крысъ каждое утро въ такомъ изобиліи, что мнѣ становилось страшно при мысли, какъ бы всѣ они не обратились на меня. Мать однажды хватилась большого куска сахару, который одинъ оставался въ сахарницѣ и который я укралъ для Найденки ночью. Сознаніе, что я—воръ, грызло меня каждую минуту. Воръ... воръ... воръ... твердилъ мнѣ даже часовой маятникъ. Я окутывался съ головой, зарывался въ подушки и прислушивался. Воръ.. воръ... воръ... воръ... твердилъ назойливо маятникъ. Я прокрадывался въ залу и останавливалъ часы. Всѣ были въ недоумѣніи — отчего вдругъ часы стали останавливаться. Занимало всѣхъ то, что они останавливались только ночью. Было рѣшено, что часы попортились, и ихъ отослали верстъ за пятнадцать чинить. Я былъ чрезвычайно радъ этому...

Терзаемый раскаяніемъ за воровство, я заливался горькими слезами, отъ души проклиная Найденку, а на утро опять что-нибудь кралъ и убѣгалъ за рѣку. Каждый разъ,

когда подходило время возвращаться домой, сердце у меня съ болью сжималось. „А что, если дома узнали, что я укралъ?"—думалъ я, холодѣя при одной мысли объ этомъ.

Но и это еще не все: у меня былъ еще одинъ источникъ терзаній.

Какъ я уже говорилъ, я самымъ тщательнымъ образомъ скрывалъ свои симпатіи къ Найденкѣ и свою неестественную дружбу съ ней, потому что понималъ, какой нелѣпостью она должна была казаться всѣмъ. Да это и не была дружба. Это была тираннія пяти или шестилѣтней своенравной и капризной замарашки надъ девятилѣтнимъ мальчуганомъ. Она распоряжалась мной, какъ сказочная принцесса своимъ личардой. Моей иниціативы не было ни въ чемъ, я былъ лишь исполнителемъ ея воли. Это чрезвычайно оскорбляло мое самолюбіе.

При той свободѣ, какая предоставляется въ деревнѣ дѣтямъ, скрывать отъ домашнихъ свои отношенія къ дѣвочкѣ было немудрено. Труднѣе было укрыться отъ глазъ постороннихъ, особенно ребятишекъ, и они начинали уже дразнить меня Найденкой. Взрослые, главнымъ образомъ бабы, когда встрѣчали насъ вмѣстѣ, тоже начинали посмѣиваться и, не стѣсняясь нашимъ возрастомъ, отпускали такія остроты, что я краснѣлъ до самыхъ пятъ.

Мою потерянность и постоянное тревожное состояніе стали замѣчать и дома, и мать нѣсколько разъ приступала съ разспросами: что со мной, здоровъ ли я, гдѣ пропадаю цѣлые дни. Я былъ такъ подавленъ сознаніемъ своей преступности, казался самому себѣ такимъ гнуснымъ, жалкимъ, что не выносилъ никакого участія къ себѣ, и старался какъ можно меньше попадаться на глаза и обращать на себя вниманіе. Подъ конецъ постоянный страхъ, что всѣ мои тайныя дѣла объявятся, достигъ чрезвычайнаго напряженія, и я почти совсѣмъ пересталъ спать по ночамъ. Временами въ мои безсонницы на меня нападалъ такой ужасъ, что я садился у чьей-нибудь постели и дожидался, когда разсвѣтетъ.

XIV.

Была середина лѣта, начало ржаного жнитва.

Однажды, поднявшись довольно поздно, должно быть, послѣ одной изъ мучительныхъ, безсонныхъ ночей, я отправился въ Дальнюю Гриву уже послѣ обѣда. Еще издали до меня донеслось мяуканіе кошки и звенящій, такъ хорошо знакомый мнѣ голосъ Найденки. „Вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!—вердила она, сопровождая свои слова рѣзкими ударами. Я

вбѣжалъ за кусты и—Боже мой, что я увидалъ! Нашъ красавецъ котъ, сѣрой, чуднаго рисунка, шерсти, любимецъ мамы и бабушки, закадычный другъ сестры Маруси, совершенно мокрый, съ рубцами поперекъ спины, припавъ къ землѣ, торопливо лапами теръ свое рыльце, какъ будто стараясь отъ чего-то освободиться. Вмѣсто ясныхъ глазъ у него были кровавыя язвы. Найденка, страшно исцарапанная, стояла надъ нимъ съ толстымъ прутомъ и съ плеча била его по спинѣ.

Въ первое мгновеніе я бросился было на нее, но удержался и, схвативъ кота на руки, побѣжалъ съ нимъ домой. Котъ продолжалъ жалобно мяукать. Я бѣжалъ изо всѣхъ силъ, чтобы не слыхать его мяуканія. „Какъ я принесу его домой?"—вдругъ родился у меня вопросъ. Я невольно остановился и поглядѣлъ на кота. Въ одно мгновеніе мнѣ представилось, какъ разсердится бабушка, нахмурится отецъ, заплачетъ Маруся, какъ всплеснетъ руками и ахнетъ мать, какъ жалобно она будетъ причитать надъ нимъ, и двѣ слезинки потекутъ по ея блѣднымъ щекамъ. „Никакъ нельзя!"—прошепталъ я въ отчаяніи. У меня мелькнула мысль... „Конечно", подумалъ я въ отвѣтъ на нее и помчался дальше. Добѣжавши до плотины, я махнулъ кота въ воду и съ крикомъ, заткнувъ уши, чтобы не слыхать плеска при паденіи, понесся, какъ сумасшедшій.

Я побѣжалъ не домой, а мимо кладбища, поднялся въ яровыя поля на рубежъ, который тянулся на версту въ глубь и упирался въ широкій оврагъ. Весь рубежъ до самаго оврага пробѣжалъ я бѣгомъ, какъ будто спасаясь отъ погони. Я дѣйствительно спасался, но отъ себя, отъ своихъ собственныхъ ощущеній.

Здѣсь было совершенно тихо—ни одной души: весь народъ работалъ въ ржаныхъ поляхъ. Я въ изнеможеніи растянулся на краю оврага. Окружающая тишина и безлюдье возбудили во мнѣ чувство одиночества, покинутости. Мнѣ стало нестерпимо жаль себя, и я разразился слезами. Послѣ слезъ я всегда чувствовалъ себя спокойнѣе и легче, но въ то же время утомлялся настолько, что всегда засыпалъ. И въ этотъ разъ я тоже заснулъ.

Было часовъ семь, когда я проснулся. Солнце висѣло надъ самымъ горизонтомъ и ужъ не пекло. Кругомъ было такъ хорошо, какъ бываетъ вечеромъ послѣ душнаго, жаркаго дня. Ни откуда не доносилось ни единаго звука. Я бодро поднялся на ноги, но лишь только вспомнилъ про кота, сердце у меня сжалось, и я почти упалъ на траву.

Раздумывая о случившемся, я пришелъ къ совершенно неожиданному для себя выводу: вся бѣда, казалось мнѣ, за-

ключается не въ томъ, что Найденка ослѣпила его, а въ томъ, что я бросилъ его въ омутъ. Кто ему выкололъ глаза, можно было и не говорить; а главное — я-то самъ былъ не виноватъ въ этомъ! А теперь... могутъ даже подумать, что это я его ослѣпилъ, а потомъ и бросилъ въ омутъ. Я испугался своего открытія. Мнѣ живо представилось, какъ хорошо было бы, если бы я не сдѣлалъ этого. „Теперь я могъ быть за рѣкой, могъ бы быть дома спокойный, веселый, разсуждалъ я.— Зачѣмъ я бросилъ его"?..

— А можетъ быть онъ не утонулъ?..—Богъ вѣсть какъ и откуда мелькнула у меня надежда. Я встрепенулся и въ слѣдующую секунду со всѣхъ ногъ несся мимо огородовъ на рѣку, къ плотинѣ. Мной овладѣлъ безумный восторгъ при одной мысли о такой возможности.

Вотъ плотина. Еще издали я сталъ прислушиваться, задерживая дыханіе,—не услышу ли мяуканья, но было тихо. Я остановился шагахъ въ 10-ти отъ спуска, не рѣшаясь разомъ разрѣшить вопросъ... На рѣкѣ не было ни души, не слышалось не единаго звука, похожаго на мяуканье. Въ кустахъ скрипѣли коростели, въ заводяхъ квакали и булькали лягушки, изъ села доносились послѣдніе вечерніе звуки— скрипѣли ворота, на выгонѣ блеяла запоздавшая овца, кого-то звали ужинать, гдѣ-то ревѣлъ ребенокъ, но громче всѣхъ билось мое сердце. Я спустился къ омуту, къ тому мѣсту, гдѣ бросилъ кота. Тутъ было совсѣмъ темно. Я нагнулся къ самой водѣ... Неужели его нѣтъ?! Нѣтъ, вотъ онъ... Сердце упало... Можетъ быть, это не онъ? Я досталъ изъ воды палку и потрогалъ. Конечно, онъ!.. Можетъ быть, онъ еще живъ? Я впился глазами въ чернѣвшій, еле видный въ водѣ трупъ и ждалъ, что вотъ онъ сейчасъ заворочается. Онъ, конечно, не заворочался.

Собственно я былъ увѣренъ, что онъ утонулъ. Онъ даже и не могъ не утонуть, потому что палки, щепки и всякій хламъ помѣшали бы выбраться даже собакѣ. Въ досадѣ бросилъ я въ кота палкой и побрелъ домой. Теперь меня охватило ожесточеніе и злоба на себя, на все и на всѣхъ.

Когда я подходилъ къ дому, у окна стоялъ дьячекъ Павлычъ и о чемъ-то разговаривалъ съ отцомъ; мать въ залѣ зажигала лампу. Изъ воротъ вышла Маруся и, завидя меня, остановилась.

— Коля, не видалъ ли Котю?—плаксиво спросила она меня.

— Вашего кота я видѣлъ даве утромъ на рѣкѣ у мельницы,—отвѣчалъ за меня Павлычъ...

У меня снова мелькнула мысль убѣжать, скрыться, исчезнуть. Я чувствовалъ, что чрезвычайно поблѣднѣлъ и, не

отвѣтивъ Марусѣ, прошелъ на крыльцо. Минуя кухню, я другой дверью прокрался въ прихожую, гдѣ стояла моя кровать, и легъ въ постель. Я лежалъ въ полнѣйшемъ изнеможеніи, замирая отъ страха, что вотъ сейчасъ меня позовутъ ужинать; я откажусь, и начнутся разспросы—что, да отчего, да какъ? Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось, чтобы обо мнѣ всѣ забыли. Вотъ кто-то идетъ... мама!

— А ужинать-то?—спросила она, присаживаясь ко мнѣ на кровать и, сжавъ между ладонями рукъ мое лицо, вплоть припала ко мнѣ своимъ лицомъ, какъ дѣлала всегда, когда ласкала насъ въ свои добрыя минуты.

И не успѣлъ я отвѣтить ей, какъ гдѣ-то далеко-далеко, въ самомъ потаенномъ уголкѣ сердца, что-то какъ будто екнуло, потомъ стало быстро расти, подступило къ горлу, стѣснило дыханіе, и я, уткнувшись ей въ колѣна, зарыдалъ.

— Ну, что такое? Что случилось?—встревожилась мать. Я не отвѣчалъ, будучи не въ состояніи изъ-за душившихъ меня слезъ выговорить ни единаго слова. Такъ какъ такіе приступы слезъ случались со мной и прежде, то мать понемногу успокоилась. Слегка покачиваясь, какъ будто убаюкивая меня, она блуждала своими мягкими, глядкими, теплыми руками по моему лицу, по шеѣ, по волосамъ легко, пріятно, успокаивающе и терпѣливо ждала, когда кончится мой припадокъ. Но мнѣ было такъ хорошо, такъ легко и свѣтло становилось на душѣ, что я, хотя и успокоился, не отпускалъ ее отъ себя, крѣпко обхвативъ руками и уткнувшись лицомъ въ колѣна. И какъ горѣло мое сердце, какъ хотѣлось мнѣ раскрыть его передъ ней—изболѣвшее, изстрадавшееся безъ ея теплой, умиротворяющей ласки! Но мы были не одни.

Насъ ужъ нѣсколько разъ звали ужинать.

— Ну, что, ничего не скажешь?—спросила она, нагибаясь надо мной.

— Нѣтъ, мамочка, завтра,—отвѣчалъ я.

— Ну, ладно, завтра. А ужинать?

— Нѣтъ.

— Ну, спи, Христосъ съ тобой.—Она перекрестила меня и ушла. Я тотчасъ же заснулъ и за все лѣто ни одной ночи не спалъ такъ крѣпко, какъ эту.

XV.

На утро я проснулся позже всѣхъ. Въ домѣ было тихо. Изъ сада черезъ открытое зальное окно слышался говоръ и плачъ. Я кинулся къ окну. Подъ большой черемухой, на

своемъ излюбленномъ мѣстѣ, сидѣла съ шитьемъ на колѣняхъ мать; около нея стояли бабушка и Маруся. Маруся плакала и рукавами утирала слезы, бабушка о чемъ-то громко говорила, быстро и широко размахивая руками, что бывало съ ней, когда она была взволнована. Я прислушался и обмеръ, вдругъ вспомнивъ обстоятельства вчерашняго дня и то, что предстоитъ мнѣ пережить за нынѣшній день. Меня опять начала давить тоска. Насколько наканунѣ вечеромъ я горѣлъ желаніемъ исповѣдать передъ матерью свои грѣхи, настолько теперь я желалъ какъ можно дальше отодвинуть эту страшную минуту. Ужъ я раскаивался, что обѣщалъ ей все разсказать, и у меня мелькнула мысль убѣжать. „Нѣтъ, ужъ лучше сейчасъ!"—рѣшилъ я и, точно съ гирями на ногахъ, направился къ матери.

— А-яй, до коихъ поръ!—завидя меня, шутливо проговорила мать. Но по тону ея голоса и по лицу я сразу замѣтилъ, что ей не по себѣ. Я подошелъ.

— Ну, что? Выспался ли?—спросила она, зорко всматриваясь мнѣ въ лицо.

— Выспался,—отвѣчалъ я.

— А нашего-то Котика... утопилъ кто-то!—проговорила мать, кручинно покачавъ головой, и глаза ея блеснули слезами.

Въ груди у меня какъ будто закипѣло, стѣснило дыханіе, сдавило горло, ручьемъ брызнули слезы, и я, какъ и наканунѣ, уткнувшись ей въ колѣни, началъ свой покаянный разсказъ. Мнѣ хотѣлось скорѣе облегчить свою совѣсть, поэтому я торопился, путаясь и перескакивая съ одного на другое, то и дѣло не находя словъ. Я разсказалъ и то, какъ мы съ Найденкой зорили гнѣзда и мучили птенцовъ, и какъ я воровалъ, и какъ меня за это терзала совѣсть, и какъ я мучаюсь по ночамъ, и какой страхъ нападаетъ на меня въ мои безсонницы.

Какъ и наканунѣ у меня на постели, слегка покачиваясь и блуждая руками по моей головѣ, мать слушала, лишь изрѣдка прерывая меня вопросами.

Я кончилъ и ждалъ.

— Бѣдненькій ты мой!—съ невыразимымъ чувствомъ проговорила мать, приподнявъ съ колѣнъ мою голову. И, сжавъ между ладонями рукъ мое мокрое отъ слезъ лицо, она припала ко мнѣ вплоть, обдавая меня горячимъ дыханіемъ. Ея глаза были полны слезъ.

Конечно, я не ждалъ ни брани, ни даже упрековъ, но столько въ словахъ „бѣдненькій ты мой" заключалось любви и ласки, столько сочувствія ко мнѣ, что у меня снова брызнули слезы, и я, какъ безумный, бросился цѣловать ея руки,

лицо, платье. Но ужъ это были другія слезы—не сердечной боли, не измученной совѣсти, а чувствъ и ощущеній иного порядка: тутъ была и радость отъ облегченія, и благодарность за это облегченіе и за то, что меня пожалѣли, и жалость къ самому себѣ, потому что вѣдь я дѣйствительно былъ „бѣдненькій“ и понималъ это, какъ нельзя болѣе.

Долго сидѣли мы съ матерью подъ старой черемухой и разговаривали. Мать очень заинтересовалась Найденкой и много разспрашивала меня про нее. Время близилось къ обѣду. Вдругъ у садовой калитки показалась бабушка.

— Мама, я уйду?—проговорилъ я.

— А-а!—засмѣялась мать.—Ну, поди искупайся и приходи обѣдать. Смотри же, непремѣнно.

Я юркнулъ въ вишенникъ, прокрался къ калиткѣ и побѣжалъ на рѣку.

Когда я вернулся, обѣдъ былъ уже готовъ. Цѣлую бы недѣлю я согласился не ѣсть, только бы не обѣдать въ этотъ день. Точно связанный, сѣлъ я за столъ на свое обычное мѣсто, около матери, не смѣя поднять глазъ.

— Что больно присмирѣлъ? Вотъ, вмѣсто щей-то, березовой бы лапшей угостить,—сообразила бабушка.

— Слѣдуетъ,—подтвердилъ и отецъ.

Но бабушкины филиппики, даже приправленныя лаконическими комментаріями отца, теперь меня не смущали. Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ Марусей. Она поклялась отмстить за котика, переломать всѣ мои вещи и избить Найденку.

Послѣ обѣда мы отправились съ ней на рѣку почтить вниманіемъ такъ трагически и столь безвременно погибшаго друга. Котъ мирно плавалъ на томъ же мѣстѣ, раздѣляя одинаковую долю съ разбитымъ лаптемъ, палками, щепками и прочимъ хламомъ.

— Милый Котя!—съ искренней грустью проговорила Маруся, потрогивая кота палкой, и изъ глазъ ея текли слезы...

Когда мы направились домой и поднялись на плотину, навстрѣчу намъ совершенно неожиданно вышла Найденка. Вѣроятно, она шла къ Оксену поѣсть.

— Ты зачѣмъ нашему коту глаза выколола?—коршуномъ налетѣла на нее Маруся и той самой палкой, которой помогала мнѣ вытаскивать изъ воды кота, больно ударила дѣвочку по плечу. Найденка откинула назадъ свои космы, скользнула глазами по Марусѣ, остановилась на мнѣ не то съ упрекомъ, не то чего-то ожидая и, поникнувъ мохнатой головой, побрела дальше.

— Ну, зачѣмъ ты ее?..—упрекнулъ я Марусю.

— А она зачѣмъ кота-то?..—проговорила Маруся, въ сму-

щеніи провожая дѣвочку глазами. Вслѣдъ за Найденкой двинулись и мы и до самаго дома не перемолвились ни однимъ словомъ, каждый думая свои думы.

XVI.

Наступила ночь. Все давно спало, одинъ я опять мучился безсонницей. Взглядъ зеленоватыхъ глазъ съ упрекомъ стоялъ передо мной, смотрѣлъ на меня изъ всѣхъ угловъ, жегъ меня. Я въ тысячный разъ перебиралъ въ памяти подробности встрѣчи на плотинѣ, искалъ свою вину по отношенію къ Найденкѣ и не находилъ ея. Не предвидя конца своей безсонницѣ, я пошелъ въ залу, къ окну, у котораго коротал ъ большую часть своихъ безсонныхъ ночей. Оно выходило на улицу.

Было совсѣмъ темно. Небо заволокло облаками. Отъ поры до поры налеталъ легкій вѣтеръ, и большая трехствольная рябина въ палисадникѣ передъ окнами мягко и густо шептала. Вдругъ я услышалъ шорохъ, и вслѣдъ затѣмъ въ темнотѣ обрисовалась подъ окномъ такъ хорошо знакомая мнѣ фигурка Найденки.

— Это ты?—встрепенулся я отъ радости, вскакивая на подоконникъ. Найденка вдругъ беззвучно исчезла, точно растаяла. Я выпрыгнулъ изъ окна на улицу и увидалъ, какъ она скользнула темнымъ пятномъ на бѣломъ фонѣ ограды мимо церкви, къ спуску на кочкарникъ. Не отдавая себѣ отчета зачѣмъ, я пустился догонять ее. Найденка спустилась на кочкарникъ и прямикомъ черезъ выгонъ понеслась къ плотинѣ, нимало не стѣсняясь ни темнотой, ни кочками, точно бѣжала днемъ по ровному мѣсту. Съ первыхъ же шаговъ она далеко оставила меня. Я бѣжалъ робко, нерѣшительно, оступаясь и запинаясь за кочки, и давно уже не видѣлъ ее передъ собой.

Добѣжавъ до плотины, я остановился. Тамъ было такъ темно и страшно, что у меня не хватало рѣшимости перейти на ту сторону. Я прислушивался къ шелесту кустовъ за рѣкой и чего-то ждалъ

— Я съ то-бой не длю-зууусъ!..—вдругъ звонкимъ и протяжнымъ речитативомъ прокатилось вдали за рѣкой, то замирая, то усиливаясь, точно вѣтеръ, забавляясь, бросалъ и ловилъ по широкой болотинѣ отдѣльные слоги. И опять все затихло, только вѣтеръ шумѣлъ, перебѣгая отъ куста къ кусту.

Я воротился домой подъ впечатлѣніемъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній. Мнѣ было и обидно на Найденку, и

умна
умна
а

жаль дружбы съ ней, и досадно на Марусю, избившую Найденку, и на себя за то, что я бѣжалъ за дѣвочкой. Дѣйствительно, зачѣмъ я бѣжалъ? Чего я хотѣлъ? Что бы сдѣлалъ, если бы догналъ ее? Между тѣмъ Найденка, очень естественно, подумала, что и я тоже хочу ее прибить.

Съ этой же ночи я началъ сильно скучать о Найденкѣ. Меня неудержимо тянуло за рѣку. Звонкій крикъ надъ широкой болотиной съ утра до вечера стоялъ у меня въ ушахъ. Прокравшись кустами къ Дальней Гривѣ, я, какъ бывало на кладбищѣ, по цѣлымъ часамъ терпѣливо наблюдалъ за дѣвочкой. Теперь я уже ни разу не заставалъ ее за живодерствомъ; она предавалась самымъ безобиднымъ занятіямъ: лѣпила изъ глины запруды у берега озерца, болталась въ водѣ, бродила по лугамъ, безцѣльно слоняясь отъ стога къ стогу и постоянно что-нибудь мурлыча въ полголоса—не то пѣсни, не то—что взбредетъ въ голову. Я нѣсколько разъ порывался къ ней, но что-то удерживало меня на мѣстѣ. И я также незамѣтно уходилъ домой.

XVII.

Былъ самый разгаръ ярового жнитва. Однажды послѣ обѣда насъ съ Марусей послали на полосу за зеленымъ горохомъ. Наша полоса находилась по изволоку выше кладбища. Маруся нарвала немного и понесла домой. Нѣсколько спустя и я собрался уходить, какъ вдругъ увидѣлъ, что—мимо капустниковъ поднимается къ кладбищу Найденка. Не желая быть замѣченнымъ ею, я ползкомъ подобрался къ толстой березѣ, и прежде служившей мнѣ пунктомъ для наблюденій за Найденкой, и спрятался. Дойдя до дороги, которая мимо кладбища вела на нашъ поповскій порядокъ, Найденка вдругъ свернула въ сторону и остановилась. Теперь только я увидалъ, что въ углу кладбища, на самомъ краю канавы, навзничь лежала какая-то женщина. Дѣвочка на минуту какъ будто задумалась, потомъ обошла кругомъ лежащей, снова остановилась и оглянулась...

Кругомъ не было никого, и я притаился въ нѣсколькихъ шагахъ, не отдавая еще себѣ отчета въ происходящемъ. Отбѣжавъ на дорогу, она нагребла въ подолъ пыли и, прежде чѣмъ я успѣлъ сообразить, что она хочетъ сдѣлать, вытряхнула пыль на лицо женщины. Я оцѣпенѣлъ отъ ужаса. Раздался невнятный крикъ. Женщина, повидимому пьяная, безсильно взмахнула руками, закашляла, забилась. У меня потемнѣло въ глазахъ...

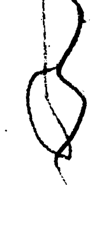
Когда я очнулся, Найденки не было, женщина лежала на томъ же мѣстѣ, но уже въ другомъ положеніи.

Я прибѣжалъ домой, не находя мѣста отъ гнетущей тоски, точно сдѣлалъ это я самъ. Мнѣ поминутно слышался подавленный крикъ и кашель... Я прокрался на сѣновалъ и сталъ ждать. По моему предчувствію должно было произойти что-то чрезвычайное, что-то такое, что я непремѣнно услышу съ сѣновала, и въ ожиданіи меня охватывала нервная дрожь. Мнѣ мучительно хотѣлось раздѣлить съ кѣмъ нибудь свою тайну, но я чувствовалъ, что не могу разсказать никому. Хотя Найденка теперь внушала мнѣ лишь ужасъ и отвращеніе, все же мнѣ было жаль ее, и я не могъ изъ вчерашняго друга превратиться въ предателя.

Наконецъ, я надумалъ навести на мѣсто, гдѣ лежала неизвѣстная женщина, кого нибудь изъ ребятишекъ и побѣжалъ на рѣку, гдѣ во всякое время дня можно было найти ихъ. Я пригласилъ двоихъ мальчугановъ къ себѣ на горохъ, и мы отправились.

У меня ноги подкашивались отъ волненія. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ, что кто-нибудь изъ нихъ замѣтитъ лежащую женщину, но они не замѣчали.

— Кто-то лежитъ,—проговорилъ я, какъ могъ спокойнѣе, оборачиваясь въ ту сторону.

— Вѣрно! айдате, посмотримъ.

— Эво, мотри, та нищенка. Ее утресь сидѣлецъ изъ кабака выгналъ, я видалъ.

— И то, знать, она; бѣжимъ-те.

Они побѣжали и вдругъ остановились, какъ вкопанные.

— Иди-ка-что! Иди!—сдержанно кричали они, махая мнѣ руками. Кажется, ничто въ мірѣ не заставило бы меня подойти. Ребятишки вернулись ко мнѣ совершенно бѣлые отъ волненія и страха.

— Мертвая... полонъ ротъ пыли... И въ глазахъ-то все пыль... Кто-то созорничалъ! Надо сказать!

Мы побѣжали въ село.

Минутъ черезъ десять всѣ, кто ни былъ въ полѣ, спѣшили къ кладбищу. Бѣжали ребятишки, ковыляли старики съ подогами въ рукахъ, тащились старухи съ грудными ребятами. Всѣ торопились молча, обмѣниваясь поклонами.

Страшная вѣсть тотчасъ разнеслась и по полямъ. Началась суматоха. Народъ побросалъ жнитво и, какъ на пожаръ, хлынулъ на кладбище. Бѣжали даже изъ сосѣднихъ деревень, полями смежныхъ съ нашими. Толкамъ, предположеніямъ, догадкамъ не было конца, и всѣ сходились на томъ, что это—озорство кого нибудь изъ ребятишекъ.

Не смотря на то, что село кишѣло народомъ, на улицѣ

было тихо и какъ-то угрюмо мрачно, какъ бываетъ только во время бѣды или передъ бѣдой. Всѣ ходили понурые, кручинно и вдумчиво опустивъ головы. То тутъ, то тамъ женщины сбивались въ кучки и тихо разговаривали. Многія матери уже перессорились изъ-за ребятишекъ, перекоряясь ихъ прежними шалостями и проказами.

Но для Тарантаса это необычное происшествіе было настоящимъ бенефисомъ. Насквозь пропитанная ненавистью къ ребятамъ и почуявъ общую вражду къ нимъ со стороны взрослыхъ, она изъ кожи лѣзла, чтобы еще больше разжечь неріязнь къ ненавистнымъ ей и безпощаднымъ врагамъ.

— Что? Дождались?—тарантила она на всю улицу съ своей обычной трибуны—съ завалины.— Гоже-ли?.. То-то вотъ! Учили-бы, какъ слѣдъ... Какъ вотъ теперь?.. Вотъ, жалѣли, вотъ и жалѣйте... Я ихъ, треклятиковъ, ужъ больно гоже знаю,— вотъ что! Ихъ, дьяволятъ, повѣсить мало! Еще вотъ сожгутъ, помяните мое слово—сожгутъ! и т. д.

Среди общей сумятицы и жуткой тиши, ея надсадный, истеричный голосъ звучалъ особенно назойливо. Но всѣмъ было такъ не до нея, столько заботы было у каждаго, въ виду предстоящей кутерьмы, что на нее совсѣмъ не обращали вниманія. Впрочемъ, это нисколько не обезкураживало ее.

XIX.

Въ моихъ воспоминаніяхъ очень мало сохранилось отъ всей той кутерьмы, которая началась по поводу задушенной женщины. Большая часть изъ этого живетъ въ памяти не по личнымъ впечатлѣніямъ, а по разсказамъ другихъ, и то гораздо позднѣйшимъ. Безпрерывный караулъ у трупа, наѣздъ полицейскихъ и слѣдственныхъ властей, длинная и безалаберная процедура допросовъ ребятъ съ застращиваніями, посулами и прочими нелегальными пріемами (насъ съ Марусей почему-то не допрашивали),—все это представляется мнѣ какъ-бы за густымъ туманомъ: все слилось въ одну сѣрую безформенную массу; только кое гдѣ прорѣзываются отдѣльные контуры нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ,—и ни одной цѣльной фигуры, ни одного опредѣленнаго впечатлѣнія...

Повидимому, я былъ настолько погруженъ въ созерцаніе явленій своей индивидуальной жизни, что все, происходившее внѣ меня, оставалось за гранью моихъ воспріятій и ощущеній.

Но вотъ, вся слѣдственная канитель, кстати сказать, совершенно безрезультатная, кончилась. Женщину схоронили,

и все тотчасъ покатилось по своей старой колеѣ, точно никогда изъ нея и не выкатывалось. У всѣхъ вмѣсто пережитыхъ тревогъ остались лишь одни воспоминанія, то горькія и досадныя, подчасъ даже злобныя, то добродушныя, безразличныя. Въ яровыхъ поляхъ снова закипѣло жнитво. Притихшая было дѣтвора опять зазвенѣла, за то Тарантаса не только не было слышно, но даже не видно... пылая мщеніемъ, никѣмъ не сдерживаемая дѣтвора рвалась съ ней въ бой.

Все пошло по старому. Одинъ я не могъ войти въ свою колею... Я никакъ не могъ забыть ни послѣдняго кашля пьяной женщины, ни ея невнятнаго крика, ни того, какъ она вдругъ безпомощно забилась на землѣ.

Со мной, кажется, начинались уже галлюцинаціи. Въ моихъ воспоминаніяхъ дѣйствительность самымъ безпорядочнымъ образомъ перепутывалась съ созданіями моего воображенія. Временами на меня нападалъ такой страхъ,—необъяснимый, непобѣдимый, властный, что я даже днемъ боялся оставаться одинъ. Кладбище стало для меня теперь вмѣстилищемъ всевозможныхъ ужасовъ, всякое воспоминаніе о Найденкѣ обдавало холодомъ. Теперь она въ моемъ воображеніи рисовалась почему-то въ видѣ огромнаго паука съ зелеными неморгающими глазами. Я положительно становился боленъ.

Въ это время къ намъ въ село прикочевалъ цыганскій таборъ. Цыгане каждый годъ откуда-то являлись къ намъ и каждый разъ своимъ появленіемъ производили ужасный переполохъ. Съ перваго же дня по всему селу начинались пропажи. Пропадало все, начиная съ домашней птицы и кончая картошкой въ поляхъ.

Какъ и всегда, цыгане расположились по выгону за рѣкой и съ перваго же дня отъ нихъ не стало покоя. По своему обыкновенію цыганки съ удивительной назойливостью навязывались ко всѣмъ съ ворожбой и гаданьемъ, выпрашивая все, что можно донести до табора, даже сѣно и солому.

Потомъ начались кражи. У насъ изъ садовой бесѣдки, гдѣ отецъ по лѣтамъ отдыхалъ обыкновенно послѣ обѣда, пропала подушка; у діакона тоже изъ сада—веревка, на которой сушили бѣлье; у кого-то съ сохи сняли сошники; у кого-то обили яблоки въ саду; у Оксена пропала мотушка нитокъ съ шеста передъ окномъ. По селу поднялся гвалтъ, и громче всѣхъ распиналась Оксенъ. Она была исконной и непримиримой ненавистницей цыганъ. Не существовало ругательства, котораго она не пустила бы въ ходъ въ схваткахъ съ цыганками, ничуть не затрудняясь въ выборѣ вы-

раженій. Цыганки, разумѣется, тоже за бранью въ карманъ не лѣзли и проѣзжались, главнымъ образомъ, на счетъ ея кривого глаза. Эти перебранки принимали характеръ даровыхъ представленій, на потѣху, главнымъ образомъ, нашей братіи—дѣтворы. Особенно бѣсила Оксена одна красивая, высокая, еще молодая цыганка съ удивительно безстыжими черными глазами. Она нарочно спускалась къ кладбищу побѣсить Оксена и доводила ее до того, что та, позабывъ свои годы и степенность, гонялась за ней съ голиками, вѣниками, прутьями.

Можно поэтому представить, что происходило на нашемъ порядкѣ въ то утро, когда въ маленькомъ огородикѣ Оксена весь картофель оказался вырытымъ... Нѣтъ словъ описать ярость бѣдной старухи. Съ ранняго утра загремѣлъ ея басистый голосъ, изрыгая ругательства, проклятія и жалобы. На этотъ разъ она распиналась не даромъ: въ таборъ былъ посланъ приказъ цыганамъ убираться съ сельской земли немедленно.

Не смотря на этотъ приказъ, цыганки, какъ ни въ чемъ не бывало, явились въ село и съ удвоенной наглостью стали клянчить и выпрашивать у бабъ всякую всячину. Мимо нашихъ оконъ прошла внизъ къ кладбищу высокая цыганка вмѣстѣ съ другой своей товаркой. Я сразу догадался, что она идетъ въ послѣдній разъ подразнить Оксена, и не ошибся. Минутъ черезъ десять обѣ цыганки пробѣжали назадъ, сопровождаемыя гурьбой ребятишекъ, которые съ гикомъ и крикомъ бросали въ нихъ щепками, палками, землей. У красивой цыганки вся шея и одно плечо были густо выпачканы грязью. Гамъ стоялъ невообразимый. Эту оригинальную процессію замыкала Оксенъ съ мокрымъ помеломъ на перевѣсъ. Она кричала и ругалась самымъ неописуемымъ образомъ. Въ это утро досталось отъ ребятишекъ и другимъ цыганкамъ, такъ что всѣ онѣ поспѣшили выбраться изъ села и больше ужъ не показывались.

Наступила ночь. Село спало крѣпкимъ сномъ, какъ всегда. Я тоже сталъ было засыпать, какъ вдругъ забили въ набатъ. Я бросился къ окну и увидалъ въ сторонѣ къ кладбищу зарево. Село проснулось въ одну минуту. Начался тотъ характерный шумъ, который только и бываетъ на деревенскихъ пожарахъ. Со всѣхъ сторонъ бѣжали босые, раздѣтые, растрепанные. У насъ тоже всѣ проснулись. Я выпрыгнулъ изъ окна и побѣжалъ на пожаръ. Горѣла Оксенова изба, почти кругомъ охваченная пламенемъ. Сама Оксенъ въ одной сорочкѣ, должно быть, прямо съ постели, сидѣла у амбара напротивъ и плакала, громко причитая, какъ самая обыкновенная баба. Меня, помню, чрезвычайно разочаровало это

обстоятельство: я думалъ, что Оксеново горе еще и на свѣтъ то не родилось.

Въ эту ночь таборъ снялся съ мѣста и ушелъ. Съ этой же ночи какъ въ воду канула и Найденка, а со мной открылась нервная горячка.

XXIV.

Прошло лѣтъ двадцать.

Однажды въ Нижнемъ я слонялся отъ бездѣлья по пристанямъ и забрелъ на пристань арестантскаго парохода, съ которой только что погрузили на баржу партію арестантовъ для отправки въ Пермь и далѣе—туда... Пароходъ готовился отвалить. Облокотившись на барьеръ пристани, я сквозь желѣзную рѣшетку баржи всматривался въ лица арестантовъ, пытаясь прочесть на нихъ исторію ихъ *ужасныхъ* дѣяній... Самыя обыкновенныя, самыя будничныя физіономіи—простыя и незначительныя...

Я осмотрѣлся кругомъ. Народу на пристани было мало, а кто и былъ,—занимались своимъ дѣломъ или разговаривали. Между тѣмъ; я давно уже чувствовалъ себя какъ-то неловко, какъ иногда чувствуется подъ чьимъ нибудь упорнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Съ этимъ ощущеніемъ знакомы главнымъ образомъ нервные люди. Невольно я перевелъ взглядъ на корму баржи, гдѣ помѣщалось женское отдѣленіе, и мои глаза встрѣтились съ другими глазами, которые я узналъ бы изъ цѣлаго милліона глазъ... Неужели она узнала меня?!

Это была Найденка. На рукахъ у нея былъ ребенокъ. Я невольно отшатнулся отъ барьера и пошелъ на берегъ.

— За что? За поджогъ или за убійство?—подумалъ я, припоминая и ея первый поджогъ, и ея первое убійство.

Раздались свистки. Пароходъ сталъ отваливать, тихо вращая и шумя колесами. Потомъ колеса захлопали по водѣ чаще, пароходъ пошелъ быстрѣе, рванулъ съ мѣста баржу и направился внизъ по Волгѣ. Минутъ черезъ десять на общемъ темномъ фонѣ Волги и ея береговъ можно было разсмотрѣть лишь сѣрое пятно.

Воротынскій.

Стефанъ Жеромскій.

(Очеркъ изъ молодой польской беллетристики).

Сосѣдство не всегда способствуетъ взаимному сближенію. Можно сказать съ увѣренностью, что если бы поляки и русскіе жили на разныхъ концахъ Европы, духовное общеніе между обѣими народностями были бы несравненно оживленнѣе. Въ этомъ мнимомъ случаѣ едва ли могъ бы имѣть мѣсто фактъ, что русская литература второй половины XIX вѣка, обошедши постепенно всю Европу, осталась чуждой лишь тѣмъ странамъ, гдѣ говорятъ по польски. За единичными исключеніями, которыя каждый разъ обусловливаются особыми причинами, ни Тургеневъ, ни Достоевскій, ни Толстой не переводятся на польскій языкъ. Что причина эта лежитъ не въ доступности оригиналовъ широкому кругу читателей, доказываетъ хотя бы тотъ фактъ, что въ Краковѣ какъ-то перевели „Войну и миръ“ на польскій языкъ съ французскаго. О явленіяхъ общественной и культурной жизни въ русской средѣ, образованные поляки часто не имѣютъ никакого представленія; существованіе въ Россіи науки весьма многіе подвергаютъ серьезному сомнѣнію; о русской публицистикѣ въ Варшавѣ (какъ впрочемъ очень часто и въ западной Европѣ) судятъ по „Новому Времени“; о нашемъ искусствѣ здѣсь знаютъ гораздо меньше, чѣмъ въ Парижѣ и Мюнхенѣ, такъ что когда одна изъ „Передвижныхъ выставокъ“ случайно попала въ Варшаву, то какой-то критикъ долженъ былъ сознаться, что онъ до тѣхъ поръ видѣлъ картины только одного русскаго художника—г. Верещагина; русскую музыку здѣсь популяризуютъ Никишъ и Батистини, но это не идетъ далѣе одной симфоніи и двухъ оперъ Чайковскаго.

Въ нашу задачу вовсе не входитъ обсужденіе причинъ и цѣлесообразности указаннаго отношенія польскаго общества къ русскому: мы не чувствуемъ ни призванія, ни охоты вытаскивать сучки изъ глаза ближняго и преподавать сосѣдямъ, въ какую сторону имъ нужно обратить свою любознательность. Констатируя наблюденные

факты, мы хотѣли не лишить симметріи другого вопроса: что сдѣлало русское общество для ознакомленія со своими ближайшими западными сосѣдями? Имѣемъ ли мы достаточно ясное представленіе о формѣ и содержаніи жизни, объ умственныхъ и общественныхъ теченіяхъ, о направленіи и скорости матеріальной и духовной культуры „привислинскихъ губерній"? Врядъ ли подлежитъ сомнѣнію, что русскій образованный человѣкъ гораздо обстоятельнѣе знаетъ политическія партіи германскаго рейхстага, политическія отношенія ирландскихъ фермеровъ къ лэндлордамъ, и норвежскую литературу, чѣмъ отношенія польскихъ клерикаловъ и буржуа къ болѣе демократическимъ группамъ, положеніе польскаго рабочаго и крестьянскаго пролетаріата или физіономію польской интеллигенціи. Намъ не разъ приходилось убѣждаться, что даже въ средѣ, претендующей на значительную широту горизонтовъ, нѣсколько изстари сложившихся легендъ и готовыхъ формулъ, сочиненныхъ „Московскими Вѣдомостями" и усердно распространяемыхъ „Новымъ Временемъ", продолжаютъ циркулировать изъ поколѣнія въ поколѣніе и не вызываютъ потребности въ провѣркѣ.

Надо, однако, сказать, что познакомиться съ идейною стороною жизни польскаго общества совсѣмъ не такъ легко. Общественная жизнь здѣсь рѣдко выливается въ видимыя формы и чаще всего таится глубоко отъ посторонняго наблюдателя. Поле для общественной иниціативы здѣсь еще во много разъ уже, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ. Публицистика, благодаря всякимъ „обстоятельствамъ", говоритъ совсѣмъ не о тѣхъ предметахъ, которые ее больше всего интересуютъ, и о характерѣ даннаго органа печати очень часто можно судить только по тону или по тонкостямъ стиля, съ трудомъ уловимымъ для уха непосвященнаго. Остается только одинъ способъ проникнуть хоть отчасти въ интересы, которыми живетъ польское общество или, по крайней мѣрѣ, образованная его часть,—это присмотрѣться къ его художественной литературѣ.

Произведеніе искусства можетъ подвергнуться какимъ угодно неблагопріятнымъ внѣшнимъ обстоятельствамъ,—тотъ фрагментъ, который останется, будетъ на всѣ времена живымъ памятникомъ психологическаго строя автора и культурнаго уровня той среды, которая его породила. Воспользовались-ли мы по крайней мѣрѣ этимъ окольнымъ средствомъ? Знакомы ли мы съ польской литературой?

Надо было бы отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, если судить по количеству переводовъ съ польскаго. Благодаря особенностямъ нашихъ законовъ о литературной собственности, не ограждающихъ отъ самовольнаго перевода даже книги, изданныя въ Россіи не на русскомъ языкѣ, польскіе беллетристы доставляютъ довольно крупную долю дешеваго литературнаго матеріала

русскимъ издателямъ. Такимъ образомъ, русскому читателю доступны почти всѣ лучшія произведенія польской литературы, печатающіяся въ Россіи, и даже немало такихъ, которыхъ онъ безъ ущерба для себя могъ бы и не знать. Но прочесть нѣсколько романовъ польскихъ авторовъ еще не значитъ ясно понять общественный фонъ, на которомъ возникли данныя произведенія. Эту задачу должна на себя взять литературная критика. Между тѣмъ, русская критика до сихъ поръ чрезвычайно мало занималась современной польской литературой. Случайныя статьи, посвященныя тому или другому произведенію или писателю, часто поражаютъ отсутствіемъ перспективъ и оріентировки среди явленій польской жизни, и напоминаютъ сужденія иностранцевъ о русской литературѣ, въ которыхъ до сихъ поръ часто сказывается такъ мало знанія дѣйствительныхъ отношеній между различными элементами нашего общества.

Сравнительно большее вниманіе русской критики вызывало старшее поколѣніе изъ нынѣ живущихъ польскихъ писателей, каковы Эл. Ожешко, М. Конопницкая, Г. Сенкевичъ, тогда какъ слѣдующее за ними поколѣніе, которое мы условно называемъ „молодымъ", до сихъ поръ совсѣмъ или почти совсѣмъ не служило предметомъ критическаго изученія *), хотя переводится и читается не менѣе усердно. И переводчики, также какъ и читатели, вполнѣ правы: въ средѣ „молодыхъ" писателей есть не мало такихъ, которые, какъ художники, какъ бытописатели и какъ индивидуальности, представляютъ не менѣе крупныя величины, чѣмъ ихъ предшественники.

На слѣдующихъ страницахъ мы попытаемся свести къ нѣкоторому единству то, что мы вынесли изъ произведеній одного изъ выдающихся представителей молодого поколѣнія.

По характеру своего таланта, по литературной манерѣ, по всему складу своей писательской личности, Стефанъ Жеромскій кажется намъ наиболѣе близкимъ русскому читателю. Этимъ объясняется нашъ выборъ. Впослѣдствіи намъ, быть можетъ, удастся обратиться къ другимъ польскимъ писателямъ, между которыми нѣкоторые, хотя менѣе знакомые нашей публикѣ, представляютъ несомнѣнный интересъ многими сторонами своихъ дарованій и характеромъ своей писательской дѣятельности. Авторъ этихъ страницъ старался по возможности воспользоваться своимъ пребываніемъ—уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—въ умственномъ центрѣ Польши, чтобы оріентироваться въ сложныхъ вопросахъ мѣстной жизни, поскольку это достижимо для посторонняго наблюдателя. Это иногда безусловно необходимо для правильной оцѣнки значенія произведеній г. Жеромскаго.

*) Весьма бѣглую характеристику многихъ молодыхъ и старыхъ польскихъ писателей представила недавно г-жа Л. Украинка въ «Жизни» (январь 1901).

Въ одной изъ первыхъ своихъ маленькихъ повѣстей („Забвеніе“), онъ даетъ весьма характерную для себя лаконическую формулу жизни: „жить“ значитъ „забывать“. Индивидуумы и цѣлые народы переживаютъ иногда моменты, когда страданія настолько остры, что единственно возможнымъ исходомъ кажется смерть. Выносить долго боль въ извѣстной степени интенсивности невозможно, но также невозможнымъ кажется въ эти моменты, что время можетъ ослабить эту боль. Народы въ послѣднихъ конвульсіяхъ борьбы за свою самостоятельность увѣрены, что съ окончательной побѣдой враговъ будетъ конецъ всему. Буры говорятъ, что они будутъ защищаться до послѣдней капли крови, что они предпочитаютъ смерть подчиненію. Сколько порабощаемыхъ народовъ говорили то же самое! Выносить, чтобы эти ненавистные чужеземцы, облитые кровью сыновей, мужей, братьевъ, пришли, какъ власть имущіе, въ дома убитыхъ или погибшихъ въ плѣну и распоряжались по хозяйски имуществомъ побѣжденныхъ, предписывали законы ихъ близкимъ, оставшимся въ живыхъ, вступать съ этими вчерашними врагами въ гражданское общеніе, скрывать свою ненависть къ нимъ, даже быть съ ними вѣжливыми, учиться ихъ языку,—это кажется просто немыслимымъ. И, между тѣмъ, пройдетъ время, побѣжденный народъ не погибнетъ поголовно, острота страданія будетъ мало по малу притупляться, разгораясь только минутно по особымъ поводамъ, жизнь общественная выльется въ какую нибудь форму, которая скоро начнетъ казаться обыденной, между врагами придется различать болѣе злостныхъ и жестокихъ и болѣе человѣчныхъ, отдѣльные люди перестанутъ непрерывно думать о кровавой смерти близкихъ и друзей, начнутъ интересоваться будущимъ, захотятъ опять радости, возьмутся опять за свои обычныя занатія, будутъ шутить и смѣяться, будутъ любить, жениться, производить дѣтей, минутами будутъ чувствовать себя удовлетворенными, даже счастливыми,— относительно, конечно, какъ все на свѣтѣ относительно. То же самое и въ жизни отдѣльныхъ людей: потрясающія несчастія, молніеносные удары судьбы, кровавыя обиды и несправедливости, если они не влекутъ за собою немедленной развязки, большею частью ослабѣваютъ съ теченіемъ времени и позволяютъ существовать, отдаваться мелкимъ заботамъ, стремиться использовать тотъ небольшой запасъ радостей жизни, который каждому доступенъ. Г. Жеромскій разсказываетъ, какъ деревенскіе мальчишки выбираютъ птенцовъ изъ вороньихъ гнѣздъ и предаютъ ихъ самымъ изысканнымъ казнямъ на глазахъ у безсильныхъ матокъ, безпредѣльное отчаяніе которыхъ авторъ описываетъ со всей силой натурализма. Когда убьютъ всѣхъ дѣтей такой вороны, „она взлетаетъ на дерево, садится въ пустое гнѣздо и, ворочаясь въ немъ, думаетъ о чемъ-то.“ А завтра? Завтра она броситъ пустое

гнѣздо, начнетъ промышлять себѣ пропитаніе и радоваться вороньими радостями.

Г. Жеромскій глубоко завидуетъ этой способности забвенія. Онъ ею обладаетъ въ такой малой степени, что передъ его глазами всегда стоятъ самыя жестокія, незаслуженныя, безсмысленныя страданія единичныхъ людей, цѣлыхъ классовъ, цѣлаго народа, всего человѣчества. Онъ не философствуетъ надъ этими страданіями, не выискиваетъ ихъ съ предвзятой мыслью, не подводитъ имъ статистики, а просто не можетъ забыть ихъ ощущенія, и поэтому жизнь всѣхъ людей представляется ему такою же мрачною, какъ жизнь прокаженныхъ у г. Сѣрошевскаго, которые лишь изрѣдка могутъ оторвать мысли отъ своихъ отвратительныхъ ранъ къ чему-нибудь постороннему.

Кто рѣшится сказать, что изображаемыя г. Жеромскимъ мученія, нравственныя и физическія, неправдивы или преувеличены? Все это—сама правда, но правда неполная. Еслибы всѣ ощущали жизнь такъ же болѣзненно, какъ она представлена въ повѣстяхъ г. Жеромскаго, то на землѣ не было бы ничего, кромѣ плача и скрежета зубовъ, какъ въ аду. Только тамъ, какъ разсказываетъ у Щедрина одинъ крѣпостной мальчикъ другому, мученія такъ сильны, что „не можешь терпѣть,—а всетаки терпи.“ На землѣ обыкновенно, даже въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, не все сплошь горе и отчаяніе. Но мы вовсе не хотимъ дѣлать упрека г. Жеромскому за его односторонность. Въ періоды, когда въ извѣстной средѣ доза счастья понижается и близится къ своему минимуму, искусство идетъ далѣе дѣйствительности,—народная фантазія останавливается на картинахъ ада, гдѣ нужно терпѣть нестерпимое, а крупные художники создаютъ потрясающіе образы ужаса и страданія. Въ подобные моменты пророкъ Іеремія писалъ свой плачъ, Микель Анджело—свой „Страшный Судъ“, Байронъ — „Манфреда“, Толстой — „Власть тьмы“ и „Воскресеніе.“

Далека отъ насъ мысль сопоставлять г. Жеромскаго съ этими великанами по размѣрамъ дарованія, но онъ всетаки обладаетъ таковымъ въ столь значительной степени, что его смѣло можно отнести, по характеру его творчества, къ группѣ художниковъ, болѣющихъ страданіями своего времени и оставляющихъ болѣе счастливымъ потомкамъ яркое свидѣтельство того, какими тяжкими путями достигнуто это относительное счастье.

Въ обширной скалѣ страданій человѣчества одни зависятъ отъ тѣхъ или другихъ несовершенствъ въ устройствѣ общества и потому устраняются или видоизмѣняются съ теченіемъ времени, другія вытекаютъ изъ безличныхъ силъ природы, передъ лицомъ которыхъ усилія человѣческія, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, не имѣютъ почти никакого значенія. Можно полагать, что воображеніе художниковъ только тогда поражается, „жестокостью“ при-

роды, когда оно уже подготовлено къ тому печальными наблюденіями надъ несправедливостью человѣческихъ организацій. Въ эпоху Рубенса, конечно, тоже были болѣзни, стихійныя бѣдствія, наконецъ, просто смерть, но эти явленія не угнетали его фантазіи; условія, въ которыхъ создался его талантъ, развили въ немъ жизнерадостность—и онъ писалъ красивыхъ, веселыхъ, толстыхъ женщинъ, боговъ и дѣтей. Сквозь плотные, хорошо окрашенные мускулы его нимфъ и вакханокъ, на него не смотрѣла страшная улыбка черепа, которая видѣлась художникомъ конца XIX столѣтія. Даже когда онъ трактовалъ такіе мрачные, по современнымъ понятіямъ, сюжеты, какъ аутопсія („Анатомія“), и тогда вытянутый на столѣ трупъ говоритъ зрителю не о разложеніи и загробномъ мракѣ, а о здоровой жизни, которая создала это дебелое мускулистое тѣло.

Какой мистическій ужасъ внушаетъ смерть Метерлинку, Гауптману, Максу Клингеру! Какую печальную біографію разсказываетъ анатомируемый трупъ у Ады Негри! Въ этой біографіи вся сила. Пока человѣкъ доволенъ собою и окружающимъ, его мало занимаютъ вопросы о смерти и другихъ неотвратимыхъ бѣдствіяхъ; но когда онъ уже настроенъ мрачно людскою несправедливостью, то онъ идетъ дальше, видитъ во всякомъ страданіи несправедливость и готовъ бичевать самую природу за жестокость неизлѣчимыхъ болѣзней, за неумолимость смерти, за отсутствіе цѣлесообразности. Г. Жеромскій часто съ мучительной правдивостью изображаетъ злыя стихіи, преслѣдующія человѣчество, но намъ кажется несомнѣннымъ, что главный источникъ его возмущеннаго настроенія заключается въ тѣхъ страданіяхъ, которыя одни люди доставляютъ другимъ.

Картины этого характера, впрочемъ, и количественно преобладаютъ въ его произведеніяхъ. Онъ не сатирикъ. Онъ не ненавидитъ, не выставляетъ на позоръ тѣхъ людей, отъ которыхъ исходятъ несчастія другихъ. Онъ рисуетъ ихъ во всей ихъ реальной неприглядности, но не утрируетъ ихъ отрицательныхъ качествъ. Какъ человѣкъ, стоящій на высотѣ современнаго міровоззрѣнія, г. Жеромскій сознаетъ, что причины общественныхъ несчастій лежатъ глубже, чѣмъ эгоизмъ или злая воля отдѣльныхъ людей. Но отъ этого несчастія не уменьшаются, а сочувствіе къ нимъ автора принимаетъ только еще болѣе острый и болѣзненный характеръ.

Кто виноватъ, напримѣръ, въ несчастіи жалкаго почтмейстера въ какомъ-то захолустномъ мѣстечкѣ Сѣдлецкой губерніи, который наплодилъ девять человѣкъ дѣтей („Ananke“)? Это человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ убогій, которому никакая другая дѣятельность, кромѣ разборки писемъ, не подъ силу. Однако, жить должны и убогія люди: нужно ѣсть, пить, одѣваться, нужно давать образованіе этимъ девятерымъ дѣтямъ. Есть, конечно средство:

черезъ его руки проходитъ столько денегъ. Жена, готовая на всякое геройство ради семьи, требуетъ отъ него этого подвига,— иначе не на что везти старшаго сына въ гимназію. Но мужъ труситъ, къ тому же онъ и слишкомъ честенъ. Жена не выноситъ обмана надеждъ и уходитъ отъ мужа со всѣми дѣтьми, какъ волчица, въ лѣсъ, куда глаза глядятъ, на голодную смерть, лишь бы избавиться отъ этой непрерывной муки безнадежныхъ семейныхъ заботъ.

Вотъ другой случай, когда некого обвинить, а несчастіе, тяжелое несчастіе на всю жизнь, налицо. Молодая женщина навѣщаетъ своего мужа въ психіатрической больницѣ („Табу"). Она любитъ его въ прошломъ, она напрягаетъ всѣ свои душевныя силы, чтобы видѣть въ немъ и теперь того человѣка, съ которымъ связаны всѣ ея лучшія воспоминанія. Но онъ уже не тотъ человѣкъ: это какое-то совсѣмъ другое существо, несчастное, правда, но и отталкивающее. А молодость, весна манитъ къ жизни. Почему одна смерть должна влечь за собою другую? Вѣдь она уже не существуетъ больше для того, кто былъ ея мужъ. Ее любитъ другой,—она знаетъ это, хоть видитъ его только на улицѣ; онъ деликатенъ и терпѣливъ и ждетъ, чтобы она взяла на себя иниціативу. Она, такая изстрадавшаяся, такая одинокая, готова отдаться новому чувству, но... долгъ. Кѣмъ воздвигнутъ этотъ идолъ, которому приносятся никому ненужныя жертвы? Ни одинъ человѣкъ не отвѣтственъ за это, но всетаки вѣдь не природа, а люди установили эти „жестокіе нравы".

Въ этихъ маленькихъ повѣстяхъ г. Жеромскій, по нашему мнѣнію, даетъ полную мѣру своего таланта. У него совсѣмъ нѣтъ бездѣлушекъ, написанныхъ шутя, придуманныхъ ради красоты. Каждый его разсказъ, хотя бы въ нѣсколько страницъ, заключаетъ частицу авторской души. Отъ этого, конечно, онъ до сихъ поръ еще такъ мало написалъ. Въ только что указанныхъ повѣстяхъ еще нѣтъ ничего специфически мѣстнаго. Присмотримся къ тѣмъ его произведеніямъ, гдѣ психологія дѣйствующихъ лицъ выступаетъ въ болѣе характерной для родины автора обстановкѣ.

Одна изъ первыхъ и лучшихъ повѣстей г. Жеромскаго „Докторъ Петръ" (по русски переведена подъ заглавіемъ „Докторъ химіи") сразу рисуетъ намъ отношенія, совершенно чуждыя всѣмъ другимъ краямъ, кромѣ Польши. Старый шляхтичъ, не сумѣвшій приноровиться къ условіямъ новаго времени, утрачиваетъ свое родовое гнѣздо и принужденъ гнуть свою родовитую спину ради насущнаго хлѣба. Онъ служитъ десятникомъ при постройкѣ желѣзнодорожнаго полотна у молодого инженера, нахальнаго и самодовольнаго выскочки, который именно благодаря этимъ качествамъ находится на пути къ большой карьерѣ.

Инженеръ презрительно, „безъ фасоновъ", обращается съ разорившимся шляхтичемъ, но тотъ терпитъ, утѣшаясь сознаніемъ,

что не смотря на все „я панъ, а ты хамъ“. При этомъ инженеръ умѣлъ очень хорошо пользоваться смѣшными для него предразсудками стараго Донъ-Кихота: онъ зналъ, что „пунктъ гонору“ не позволитъ этому обнищавшему пану тронуть хозяйскую копѣйку, и поэтому сдѣлалъ его полномочнымъ управляющимъ весьма доходнаго кирпичнаго завода. Сынъ стараго шляхтича талантливый юноша. Здѣсь именно и начинается типически мѣстная комбинація обстоятельствъ. Талантливому юношѣ негдѣ дома развить свой талантъ, и онъ ѣдетъ изучать химію за-границу, въ Швейцарію. Желая приложить свои знанія на „родной нивѣ“, молодой ученый бомбардируетъ письмами Лодзь, Згержъ, Пабіаницы, предлагая свои таланты за 40, 30, наконецъ за 25 рублей въ мѣсяцъ. На талантливыхъ людей, да еще ученыхъ спроса дома не оказывается, а никакого другого пути, кромѣ частной промышленности, ему не открыто. Въ то же время ему предлагаютъ занятія въ прекрасно поставленной химической лабораторіи въ Гуллѣ. Тамъ, въ условіяхъ высокой технической культуры, подъ руководствомъ знаменитаго ученаго, можно было бы нетолько слѣдить за „послѣднимъ словомъ науки“, но и дѣйствительно сдѣлать что-нибудь для ея прогресса. При этомъ не пришлось бы вступать ни въ какіе компромиссы съ совѣстью, не надо было бы принимать участія ни въ какой эксплуатаціи: занятія наукой позволяютъ спокойно ѣсть свой хлѣбъ. Но съ другой стороны это значило бы потерять всякую связь съ роднымъ краемъ, разстаться со старымъ отцомъ, который только и жилъ мечтой о возвращеніи сына; въ Англію отецъ на старости лѣтъ ѣхать не согласится. Въ этихъ тяжелыхъ колебаніяхъ сынъ пріѣзжаетъ повидаться съ отцомъ, и понявъ, какое страшное горе онъ причинилъ бы ему своимъ отъѣздомъ въ Англію, окончательно рѣшаетъ бросить эту мысль.

— Нѣтъ, не поѣду ни въ какую Англію,—думалъ Петръ.— Не насъ соблазнять кускомъ!.. Здѣсь заработаю, хоть бы пришлось навозъ чистить.

Старикъ уже отдается нежданному счастью, какъ вдругъ намѣренія сына измѣняются. Случайно заглянувъ въ записную книжку отца, онъ понялъ, на чьи деньги онъ сдѣлался докторомъ химіи. Патронъ держалъ своего управляющаго на нищенскомъ жалованіи, которое едва хватало ему на собственное, весьма жалкое существованіе, но позволялъ ему „уменьшать издержки производства“ въ свою пользу: старый панъ, гордый своею честностью, позволилъ бы себѣ горло перерѣзать за каждую копѣйку своего жаднаго патрона, но со спокойною совѣстью выжималъ гривенники изъ поденной платы рабочихъ, чтобы предоставить своему сыну всѣ удобства для развитія его таланта. Отецъ и сынъ разстаются чужими людьми, не понимая одинъ другого.

Эта повѣсть характерна для г. Жеромскаго во многихъ отно-

шеніяхъ. Ужъ въ самой композиціи мы видимъ здѣсь черты, которыя у него впослѣдствіи часто повторяются: скрываемое стремленіе другъ къ другу двухъ душъ, которыя никакъ не могутъ высказаться, выясниться одна для другой, и затѣмъ въ концѣ болѣзненный аккордъ, за которымъ дальше читатель видитъ еще цѣлую жизнь, полную страданія и самоотреченія.

Кромѣ того, здѣсь уже г. Жеромскій затрогиваетъ вопросъ о нравственномъ долгѣ интеллигентнаго человѣка передъ тою сѣрою массою, которая своими мозолями и бѣдствіями оплачиваетъ его культурность. Эту проблему, какъ мы увидимъ, авторъ ставитъ почти во всѣхъ своихъ болѣе крупныхъ произведеніяхъ. Въ данномъ случаѣ онъ оттѣняетъ только ея отрицательную сторону: докторъ Петръ не хочетъ на свой счетъ усиливать экономическій гнетъ трудящагося люда, но не считаетъ своимъ долгомъ отдать ему всего себя. Уѣзжая въ Англію заниматься наукой, онъ считаетъ себя независимымъ отъ соціальныхъ отношеній родины, и единственно о чемъ онъ мечтаетъ—добросовѣстно возвратить прожитые имъ въ Швейцаріи гривенники тѣмъ самымъ людямъ, у которыхъ они были отняты.

Совсѣмъ иная картина рисуется въ другой повѣсти „Силачка". Молодой докторъ изъ принципа ѣдетъ практиковать въ захолустное мѣстечко Обжидлувку. „Въ то время говорили повсюду о необходимости селиться въ лѣсахъ и Обжидлувкахъ. Онъ послушалъ апостоловъ. Онъ былъ смѣлъ, молодъ, благороденъ и энергиченъ. Въ первый же мѣсяцъ по пріѣздѣ онъ опрометчиво объявилъ войну мѣстнымъ аптекарю и фельдшерамъ, которые возстановляли здоровье при помощи средствъ, относящихся къ области тайнъ". Война была ожесточенная съ той и другой стороны, но продолжалась не долго. Окружающіе молодого воителя „троглодиты" вовсе несклонны были поддерживать его воинственный пылъ, который самъ собою какъ-то остылъ. Ни для какихъ демократическихъ подвиговъ онъ не находилъ почвы и въ концѣ концовъ мирно сходился за зеленымъ столомъ у приходскаго ксендза съ тѣмъ же самымъ аптекаремъ и даже платонически ухаживалъ за аптекаршей—„дамой тупой, какъ топоръ, которымъ колятъ сахаръ". Сначала онъ смотрѣлъ на свое „умираніе" съ горечью, но потомъ совершенно опустился и только разъ или два въ годъ на него находили моменты самобичеванія, которые онъ называлъ „метафизикой". Въ одинъ изъ такихъ метафизическихъ моментовъ за нимъ пріѣхали изъ какой-то далекой деревушки къ больной учительницѣ.

Въ темной, душной, промерзшей крестьянской хатѣ онъ нашелъ, въ тифѣ, безъ сознанія, дѣвушку, въ которую онъ когда-то студентомъ былъ влюбленъ. Она тогда была полна стремленія „идти въ лѣса" просвѣщать, помогать, жертвовать собой и со смѣхомъ отвергла его пылкое признаніе. То, что докторъ узналъ

изъ отрывочныхъ заявленій окружающихъ, свидѣтельствовало, что она осталась вѣрна своимъ стремленіямъ; въ какихъ ужасныхъ условіяхъ происходило это медленное самоубійство, онъ видѣлъ собственными глазами. Все лучшее, что таилось на днѣ его души, сразу поднялось наверхъ: все, все измѣнится и пойдетъ иначе, лишь бы спасти ее. Но у г. Жеромскаго никто не спасается. Не приходя въ себя, дѣвушка скончалась на рукахъ у доктора.

Если этотъ печальный сюжетъ глубоко коренится въ почвѣ родины автора, то и намъ онъ хорошо знакомъ; мы безъ труда можемъ себѣ представить его въ обработкѣ, напр., Глѣба Успенскаго, и едва ли нужно было бы измѣнять что-нибудь въ повѣсти г. Жеромскаго, кромѣ собственныхъ именъ, чтобы переложить ее „на русскіе нравы". Тамъ, дальше, въ странахъ гнилого Запада, который мы такъ стремимся оздоровить, люди уже не умираютъ ради обученія азбукѣ двухъ десятковъ деревенскихъ дѣтей... Г. Жеромскій ѣхалъ однажды на пароходѣ по Люцернскому озеру („На палубѣ"). „Вся передняя часть палубы полна была швейцарскихъ дѣтей. Помѣщалась тамъ школа изъ какой-то деревушки Аппенцельскаго кантона, совершавшая обыкновенное лѣтнее путешествіе по своей странѣ. Это были мальчики и дѣвочки разнаго возраста, сыновья и дочери земледѣльцевъ и мелкихъ мѣщанъ, пастуховъ и купцовъ, работниковъ и прислуги, кулаковъ и нищихъ. Всѣ уже порядочно устали, загорѣли, покрылись пылью. Предводительствовалъ ими учитель, съ движеніями крестьянскаго парня, съ веснушчатымъ, ординарнымъ лицомъ, покрытымъ безцвѣтными волосами. Однако было въ этомъ обличьѣ что-то, что выдѣляетъ тамошняго педагога изъ толпы. Въ немъ виднѣлась привычка говорить правду, открытую и неискаженную, всегда и вездѣ. Вліяніе высокой культуры смываетъ съ годами, какъ неустанная свѣжая струя, кочковатую почву, дурные придатки индивидуальнаго характера, врожденные пороки темперамента и награждаетъ лица дивной улыбкой, какія можно видѣть развѣ только на старыхъ полотнахъ Бернарда Луини. Это наивныя лица, которыя не умѣютъ лгать.

„Такая школа идетъ, гдѣ можно, пѣшкомъ, мѣстами ѣдетъ по желѣзной дорогѣ или плыветъ на пароходѣ. Въ сѣверныхъ округахъ дѣти посѣщаютъ фабрики, великолѣпныя мастерскія, музеи, церкви, красивые города надъ озерами, очаги жизни, знанія и труда, малолюдныя деревни, старыя руины и, наконецъ, мертвыя пустыни на высокихъ горахъ, гдѣ хмурый ледникъ спитъ въ вѣковомъ молчаніи. Старшіе накопляютъ въ своихъ коробкахъ растенія и насѣкомыхъ,—младшіе на поляхъ Нефельса, Моргартена, Земпаха слушаютъ разсказы о происшествіяхъ, учатся легендамъ, которыя представляютъ какъ бы вздохи человѣчества.

„Когда они перешагнутъ высокій хребетъ Готардскій, когда спустятся въ красивую долину Тессино, люди, говорящіе на чу-

жомъ языкѣ, смуглые и живые итальянцы примутъ ихъ съ распростертыми объятьями,—ибо это ихъ братья.

„Когда послѣ долгаго путешествія они очутятся въ грустной долинѣ Роны, въ мѣстахъ, гдѣ люди говорятъ по-французски, и тамъ примутъ ихъ съ любовью,—ибо это ихъ братья.

„Когда пароходъ проходилъ мимо Грютли, разнеслось прекрасное пѣніе этихъ дѣтей. Обратившись лицомъ къ высокому обрыву безсмертной скалы, они пѣли:

«Von ferne sei herzlich gegrüsset
Du stilles Gelände am See»...

„Чужеземные пассажиры столпились около маленькихъ пѣвцовъ и въ удовольствіемъ слушали согласный хоръ. Тамъ и сямъ вырывалось изъ толпы слово похвалы. Какой-то нѣмецъ потихоньку апплодировалъ, какая-то сухощавая дама съ волненіемъ шепнула своему спутнику: oui, c'est beau... Пергаментное лицо англичанина освѣтилось умиленной улыбкой. Въ сторонѣ стояло нѣсколько молодыхъ людей. Физіономіи ихъ были очень печальны, глаза имъ застилали слезы".

Мы увѣрены, что читатели не претендуютъ, что мы сдѣлали эту длинную выписку. Кàкъ бы иначе можно было передать грустную для этихъ „молодыхъ людей" поэзію этой прекрасной идилліи? На родинѣ этихъ „молодыхъ людей" просвѣщеніе народное не идиллія, а драма, иногда съ трагическимъ концомъ, какъ въ предыдущей повѣсти г. Жеромскаго, или гораздо чаще злая сатира... На родинѣ этихъ „молодыхъ людей" взаимныя отношенія людей, говорящихъ на различныхъ языкахъ, тоже не идиллія, а жестокая драма... Эта драма несомнѣнно также значительно усиливаетъ болѣзненную воспріимчивость мѣстныхъ писателей, но такъ какъ она остается за предѣлами литературы, то мы не имѣемъ повода подробнѣе говорить объ ней.

Слѣдуя за г. Жеромскимъ въ его освѣщеніи мѣстной жизни, мы вновь попадаемъ въ глухую провинцію („Лучъ"). Здѣсь однако жизнь сложнѣе, чѣмъ въ Обжидлувкѣ. Сюда проведена желѣзная дорога, здѣсь процвѣтаетъ промышленность и торговля, если судить объ этомъ по тому, что промышленники и торговцы живутъ на широкую ногу, держатъ экипажи, содержатъ актрисъ; здѣсь есть цѣлая коллегія докторовъ, адвокатовъ, есть свои газеты. Но какую опять безотрадную картину развертываетъ передъ читателемъ авторъ. Онъ ведетъ насъ во всѣ слои населенія, начиная отъ грязныхъ, зараженныхъ конуръ предмѣстья, гдѣ погибаютъ надъ работой прачки, камнетесы, евреи-башмачники, до домовъ мѣстной „интеллигенціи". Какъ рельефно изображаетъ г. Жеромскій нищету, русскіе читатели знаютъ отлично. Не съ меньшимъ мастерствомъ рисуетъ онъ и представителей „интеллигентныхъ" профессій. Конечно, литературы на всѣхъ языкахъ

уже пріучили насъ видѣть въ нихъ карьеристовъ, жадныхъ и недобросовѣстныхъ интригановъ, завистниковъ, жуировъ, но къ этимъ основнымъ чертамъ всюду присоединяются извѣстные психологическіе оттѣнки, которые обусловлены несомнѣнно какими-нибудь мѣстными, не всегда ясными причинами. Вспомнимъ изображеніе провинціальнаго общества въ русской беллетристикѣ. Служеніе мамонѣ, конечно, и тутъ происходитъ съ тою же силою, но къ этому обыкновенно присоединяется и распущенность, обломовщина, гамлетство подъ пьяную руку и сентиментальное, иногда и искреннее сокрушеніе объ утратѣ „идеаловъ молодости". Адвокаты и газетчики у г. Жеромскаго не гамлетствуютъ и не сожалѣютъ объ идеалахъ. Тѣ, которые въ молодости были ими заражены, напротивъ, гордятся тѣмъ, что они отъ нихъ отдѣлались и, такимъ образомъ, созрѣли для дѣйствительной жизни. Они обыкновенно гораздо болѣе выдрессированы для борьбы за существованіе; они грызутся между собою, но предъ грозящею опасностью они хорошо умѣютъ солидаризоваться и дѣйствовать сообща и планомѣрно. При этомъ съ внѣшней стороны они сохраняютъ полную корректность и, совершая какую нибудь гнусность, ссылаются на принципы. Редакторъ мѣстной газетки, которая составлялась исключительно изъ сплетенъ, пуская доносъ на другую газету болѣе живого содержанія, опирается на интересы читателей, „вѣрующихъ христіанъ-католиковъ". Когда въ семью мѣстныхъ адвокатовъ явился новый конкуррентъ, весьма опасный своею рѣшительностью и неразборчивостью въ средствахъ дѣйствія, весь синклитъ соединился, чтобы указать „товарищу" на несоотвѣтствіе его поведенія съ принципами адвокатской этики. Но, такъ какъ новичекъ былъ изъ молодыхъ, но раннихъ, то онъ „въ блестящей рѣчи" доказалъ уважаемымъ коллегамъ, что принципы у нихъ совершенно одинаковы и они ни въ чемъ не могутъ другъ друга упрекать. Адвокаты и газетчики, которыхъ описываетъ г. Жеромскій, гораздо ближе къ своимъ западно-европейскимъ собратьямъ, какими мы знаемъ ихъ изъ произведеній Ибсена, Мопассана, Золя: та же вѣра въ могущество денегъ и въ законность этого могущества, та же упорная энергія конкурренціи, то же филистерское лицемѣріе.

Вотъ общественный фонъ, на которомъ г. Жеромскій опять ткетъ свой любимый сюжетъ. Молодой идеалистъ пріѣзжаетъ въ изображенный городъ, свою родину, съ маленькимъ запасомъ денегъ, полученныхъ въ наслѣдство, и разрывается на части, чтобы сдѣлать что-нибудь на общую пользу. Онъ заводитъ газету, именно ту, противъ которой мѣстный газетчикъ строчитъ доносъ, исходя изъ христіанско-католической точки зрѣнія, онъ ухаживаетъ за больными, принимаетъ на воспитаніе сиротъ и заброшенныхъ дѣтей и т. п. Но наиболѣе сильныя мѣста разсматриваемой повѣсти не въ самой фабулѣ, а въ яркихъ картинахъ

горя, страданія и несчастія. Герой случайно попадаетъ въ семью, гдѣ мужъ-докторъ умираетъ отъ сапа. Происходитъ это медленно, такъ что авторъ имѣетъ полную возможность во всѣхъ подробностяхъ описать невыразимыя мученія, испытываемыя больнымъ и его окружающими. Продолжительность физическихъ страданій и сознаніе своей безнадежности внушаютъ умирающему страшную ненависть ко всѣмъ на свѣтѣ. Особенно жестоко тиранитъ онъ свою красивую жену, не даетъ ей отдыха ни днемъ, ни ночью, ругаетъ ее площадными словами, не стѣсняясь посторонними, старается уловить въ ней брезгливость къ своей вонючей и заразительной болѣзни, чтобы злорадно упрекнуть ее за это. Жена уже нѣсколько мѣсяцевъ спитъ не раздѣваясь на полу около кровати больного, терпѣливо сноситъ всѣ его издѣвательства и преслѣдованія, самоотверженно исполняетъ всѣ отвратительныя обязанности сидѣлки и фельдшера, но, конечно, ею руководитъ лишь одна жалость къ несчастному страдальцу,—любовь давно вытравлена изъ ея сердца. Сочувствіе и реальная помощь случайнаго знакомаго, который одинъ только не бросаетъ ее въ ужасномъ несчастіи, понемногу сближаетъ молодыхъ людей. Онъ любитъ ее чуть не съ первой встрѣчи, она готова его полюбить. Когда, наконецъ, мужъ умираетъ, ничто уже повидимому не стоитъ на пути ихъ счастья; еще нѣкоторое время, пока поблѣднѣютъ воспоминанія о пережитомъ кошмарѣ, и они скажутъ другъ другу то, что давно наполняетъ ихъ душу. Но г. Жеромскій измѣнилъ бы себѣ, если бы хоть разъ позволилъ своимъ дѣйствующимъ лицамъ быть счастливыми. У молодой женщины появились первые признаки страшной болѣзни, и когда врачи окончательно постановляютъ свой приговоръ, она кончаетъ самоубійствомъ.

Спрашивается теперь, зачѣмъ понадобилось автору ввести въ свою повѣсть этотъ мрачный эпизодъ? Или, наоборотъ, если къ нему именно и былъ направленъ весь интересъ автора, то зачѣмъ было пристегивать сюда картину общественныхъ отношеній провинціи и идейную борьбу героя? Оба мотива достаточно содержательны, чтобы наполнить повѣсть, а поставленные рядомъ они только раздваиваютъ интересъ читателя.

Эти соображенія были бы умѣстны относительно кого угодно, но не относительно нашего автора. Онъ никогда не заботится объ единствѣ композиціи и планомѣрности своихъ произведеній, цѣль его не въ томъ, чтобы вызвать эстетическія эмоціи: онъ хочетъ только какъ можно сильнѣе выразить свою тоску, свое отчаяніе, происходящее отъ обилія попадающихся на каждомъ шагу человѣческихъ бѣдствій, и привести читателя въ то же удрученное состояніе. Несомнѣнно, когда выйдешь изъ комнаты безнадежнаго больного, когда насмотришься на невыносимыя физическія и нравственныя страданія, то всякій случай неспра-

ведливости и злости покажется возмутительнѣе и гнуснѣе; равнымъ образомъ, когда намозолишь душу въ столкновеніяхъ съ мелкими и презрѣнными людишками, то станешь еще воспріимчивѣе къ страданіямъ всякаго живого существа. Этотъ процессъ, конечно, и приводитъ автора къ тому, что онъ не видитъ уже ничего, кромѣ боли и горя.

Мало того,—онъ ищетъ этихъ болѣзненныхъ впечатлѣній, онъ усиливаетъ воображеніемъ каждый намекъ на скрытое страданіе. Такъ, онъ разсказываетъ, напримѣръ, какъ онъ встрѣтилъ на желѣзной дорогѣ молодого человѣка, студента, который ѣхалъ къ опасно больному отцу,—это выяснилось изъ разговора студента съ провожавшимъ его товарищемъ. Разсказчикъ всю дорогу слѣдитъ за движеніями и выраженіемъ лица юноши, и вполнѣ увѣренъ, что надежды нѣтъ. „Я зналъ,—говоритъ онъ,—какъ ему нехорошо, какъ медленно для него тащится поѣздъ... Ниточка надежды щекочетъ ему сердце: кто знаетъ?—можетъ быть, отецъ выздоровѣетъ, можетъ быть, все устроится... И вдругъ—я отгадалъ! (отгадалъ, а не увидѣлъ)—кровь сбѣжала съ этого лица, губы поблѣднѣли и затряслись, широко открытые глаза съ ужасомъ смотрѣли далеко, далеко. Въ пространствѣ, до той поры мертвомъ и пустомъ,—что-то ожило, какъ будто рука съ грозящимъ пальцемъ вытянулась къ нему, какъ будто вѣтеръ закричалъ: берегись! Нитка надежды лопнула, и голая, непомѣрно больная правда, въ которую онъ до этого мгновенія не вѣрилъ пронзила ему сердце, какъ обнаженный мечъ... Я приглядывался къ нему съ пристальнымъ и ненасытнымъ любопытствомъ брата-человѣка“.

Вотъ настоящее изображеніе того, какъ г. Жеромскій наблюдаетъ. Вѣдь могло быть дѣйствительно, что положеніе больного вовсе не было такъ безнадежно. Авторъ ничего не знаетъ достовѣрно, и изъ словъ юноши видно, что и онъ еще не имѣетъ точныхъ свѣдѣній. Но авторъ уже отгадалъ, что онъ потерялъ надежду; онъ, авторъ, а не юноша, конечно, представилъ себѣ въ пространствѣ грозящую руку, и то, что онъ воображаетъ, кажется ему уже несомнѣнной „голой, непомѣрно болѣзненной правдой“. Этотъ крошечный разсказъ можно разсматривать, какъ одинъ изъ этюдовъ съ натуры, изъ которыхъ послѣ г. Жеромскій компанируетъ свои картины.

Одинъ только разъ г. Жеромскій рѣшился написать легкій разсказъ съ намѣреніемъ заставить читателя смѣяться („Наказаніе“). Но и тутъ впечатлѣніе получается скорѣе мучительное, чѣмъ веселое. Юморъ г. Жеромскаго почти такой же тяжелый и пересоленый, какъ, напримѣръ, въ „Скверномъ анекдотѣ“ Достоевскаго. Люди, которые по темпераменту и образу жизни, привыкли ко всему относиться серьезно и во всѣхъ явленіяхъ искать глубокія пружины ихъ сущности, въ рѣдкіе моменты веселья не

могутъ уже удержаться въ границахъ, а усиливаютъ свое веселье до болѣзненности и смѣются до слезъ.

Сюжетомъ своего разсказа г. Жеромскій взялъ также довольно „скверный анекдотъ“, хотя и не такой скверный, какъ у Достоевскаго. Квартирантъ одной почтенной вдовы, маленькій желѣзнодорожный чиновникъ, увлекается дочерью своей хозяйки. Увлеченіе это весьма низменнаго свойства и проявляется въ томъ, что онъ каждый вечеръ подглядываетъ, какъ дѣвушка раздѣвается. Для этого онъ забирается на столъ и смотритъ въ щелку двери, заставленной изъ другой комнаты шкафомъ. Въ одинъ прекрасный день хозяйка приглашаетъ своего квартиранта на вечеринку, къ которой онъ и готовится съ волненіемъ и надеждами. Когда настаетъ желанный вечеръ, молодой человѣкъ, снявъ домашній костюмъ и не надѣвъ еще параднаго, желаетъ обычнымъ путемъ посмотрѣть, много ли ужъ собралось гостей, такъ какъ сосѣдняя комната обращена въ залу. Но оказывается, что шкафъ съ той стороны отодвинутъ, несчастный распахиваетъ дверь и какъ бомба влетаетъ въ толпу нарядныхъ дѣвицъ. Начинаются его злоключенія. Вмѣсто того, чтобы убраться къ себѣ въ компату, онъ, потерявъ голову, бросается черезъ всѣ комнаты въ кухню, производитъ, конечно, всюду эффектъ вырвавшагося изъ клѣтки тигра, стаскиваетъ пестрое одѣяло съ кровати кухарки и въ такомъ видѣ выскакиваетъ на черную лѣстницу. Во избѣжаніе перспективы попасть въ сумасшедшій домъ или, по крайней мѣрѣ, въ участокъ, онъ долженъ возвратиться по парадной лѣстницѣ и позвонить въ свою квартиру. Авторъ не сжалился надъ своимъ героемъ, и посылаетъ ему навстрѣчу какъ разъ хозяйскую дочку, которая думала, что звонитъ какой нибудь новый гость. Въ концѣ концовъ гонимый судьбой юноша требуетъ свое платье и пальто, одѣвается на лѣстницѣ и уходитъ изъ этого ужаснаго дома. Но страданіямъ его авторъ еще не хочетъ положить конецъ. Подъутро онъ рѣшается возвратиться въ свою комнату, но при этомъ такъ неловко надавливаетъ пуговку электрическаго звонка, что она заскакиваетъ за кружокъ, и по всему дому разносится протяжный, однообразный и нескончаемый звонъ, который собираетъ удивленныхъ и возмущенныхъ жильцовъ со всѣхъ этажей. Неудивительно послѣ этого, что несчастная жертва „Мойры“ (рока) серьезно проситъ своего сожителя полоснуть его ножемъ по шеѣ, чтобы уже былъ, по крайней мѣрѣ, конецъ. Эта настоящая драма по количеству и интенсивности страданій имѣетъ форму водевиля только потому, что страданія эти такъ случайны и нелѣпы.

Отъ этой бездѣлушки намъ предстоитъ перейти къ самому крупному и по объему, и по значенію произведенію г. Жеромскаго. Въ сущности, отмѣченная раньше повѣсть „Лучъ“ во многомъ можетъ служить прототипомъ „Бездомныхъ людей“. И тутъ,

и тамъ герой разсказа обнаруживаетъ необыкновенную воспріимчивость къ окружающимъ его страданіямъ и не оставляетъ неиспробованнымъ ни одного средства, чтобы хоть сколько нибудь облегчить ихъ или, по крайней мѣрѣ, помѣшать ихъ распространенію. Дѣлается это не только, даже не столько изъ идеи долга передъ наиболѣе обиженными классами своего народа, а больше всего изъ непреодолимой психологической потребности проявлять въ дѣйствіяхъ свое почти физическое состраданіе. Въ обѣихъ повѣстяхъ одинаково перемежаются картины людскихъ бѣдствій, коренящихся въ несовершенствахъ человѣческой природы, каковы, напримѣръ, нѣкоторыя болѣзни или носящихъ чисто соціальный характеръ. Въ композиціи, или, скорѣе, въ отсутствіи единства плана оба произведенія также имѣютъ немало общаго, только „Бездомные люди“ развертываютъ передъ читателемъ болѣе широкіе горизонты: тамъ демонстрировались намъ всѣ слои населенія провинціальнаго городка, здѣсь мы имѣемъ случай познакомиться со всѣми главными элементами населенія цѣлаго края. Какъ Виргилій проводитъ Данта по всѣмъ кругамъ ада, такъ здѣсь авторъ ведетъ своего доктора Юдыма по всевозможнымъ мѣстамъ горя и плача, во всѣ слои польскаго общества. Иной связи между отдѣльными частями романа, кромѣ воспринимающей психики доктора Юдыма, не существуетъ. Въ этомъ отношеніи г. Жеромскій возобновляетъ исконныя традиціи эпической поэзіи. Въ древне-греческой повѣсти начала нашей эры, въ рыцарскомъ романѣ, въ „Парсифалѣ“ Вольфрама ф.-Эшенбаха, въ „Симплициссимусѣ“ Гриммельсгаузена, въ „Гулливерѣ“ Свифта и „Кандидѣ“ Вольтера, наконецъ, въ „Чайльдъ-Гарольдѣ“ и „Донъ-Жуанѣ“ Байрона авторы заставляютъ своихъ героевъ по той или другой причинѣ передвигаться съ мѣста на мѣсто, чтобы раскрыть передъ нами рядъ картинъ міровой жизни. Романъ г. Жеромскаго есть своего рода voyage sentimental, т. е. изображеніе событій, преломленное сквозь призму извѣстной психологіи.

Психологія доктора Юдыма, по всей видимости, совершенно совпадаетъ съ психологіей автора, поскольку мы познакомились съ нею изъ всѣхъ его предыдущихъ произведеній, поэтому въ докторѣ Юдымѣ нельзя искать никакого общественнаго типа, т. е. обобщенной фигуры, сложившейся изъ наблюденій надъ многими сходными личностями,—такая фигура, можетъ быть, существуетъ только въ единственномъ экземплярѣ. Нельзя также критиковать его дѣйствія сравненіемъ съ обычнымъ поведеніемъ людей въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ, нельзя, напримѣръ, говорить, что въ настоящее время мы не знаемъ героевъ, отказывающихся отъ личнаго счастія ради того, чтобы быть свободными для подвига на благо угнетенныхъ, а потому конецъ романа не реаленъ,—авторъ хочетъ только показать, какъ по его мнѣнію поступилъ бы человѣкъ съ данною исключительною психическою

организацією, если бы имѣлъ силы быть послѣдовательнымъ. Въ этомъ смыслѣ докторъ Юдымъ напоминаетъ старые положительные типы, но при этомъ въ немъ нѣтъ ничего шаблоннаго, безтѣлеснаго и придуманнаго, напротивъ, онъ въ высшей степени конкретенъ и индивидуаленъ, благодаря искусству, съ которымъ авторъ умѣетъ раскрыть человѣчныя стороны его психики.

Для земляковъ г. Жеромскаго, которые близко знаютъ дѣйствительность, создавшую болѣзненную воспріимчивость главнаго героя, интересъ романа сосредоточивается болѣе всего въ анализѣ и безспорно сильномъ изображеніи всѣхъ оттѣнковъ и фазисовъ душевныхъ страданій д-ра Юдыма. Одинъ изъ польскихъ критиковъ г. Жеромскаго *) говоритъ: „Не импонируютъ мнѣ въ этой повѣсти описанія человѣческой нужды, бѣдности еврейскихъ кварталовъ, судебъ рабочихъ. Ибо ощущить и воспроизвести весь ужасъ этихъ вещей могъ просто глубокій наблюдатель, любящій жизнь. Но на меня производитъ глубокое впечатлѣніе то, какъ онъ ее ощущаетъ, какъ онъ понялъ эту трогательную дѣвушку, (панну Іоасю) и тотъ родъ любви, который она возбудила въ Юдымѣ". Насъ, постороннихъ, интересуютъ и картины дѣйствительной жизни, какъ онѣ отразились въ произведеніи г. Жеромскаго. Только онѣ даютъ почву для полнаго пониманія героя. Намъ кажется даже, что не все досказано авторомъ съ достаточною ясностью, многое, конечно, сознательно, а многое и потому, что онъ предполагалъ въ своихъ читателяхъ полное знаніе условій и элементовъ мѣстной жизни. По крайней мѣрѣ для насъ, настоящее значеніе нѣкоторыхъ подробностей и эпизодовъ романа выяснилось только благодаря историческимъ комментаріямъ, сообщеннымъ намъ нашими пріятелями-поляками.

Припомнимъ себѣ составъ общества и главныя черты, характеризующія его составныя части, какъ это изображено въ повѣсти г. Жеромскаго. Въ самомъ началѣ своего „сентиментальнаго путешествія" д-ръ Юдымъ сталкивается съ варшавской интеллигенціей. Въ данномъ случаѣ это доктора, раньше мы видѣли адвокатовъ, но профессія тутъ не играетъ никакой роли: то, что Юдымъ требуетъ отъ своихъ коллегъ, можно было бы съ одинаковымъ правомъ потребовать и отъ адвокатовъ. И общая физіономія варшавскихъ врачей, какъ корпораціи, мало чѣмъ отличается отъ провинціальныхъ юристовъ, за исключеніемъ недобросовѣстныхъ профессіональныхъ пріемовъ, о которыхъ въ данномъ случаѣ нѣтъ рѣчи. Эти почтенные люди науки очень корректны, очень увѣрены въ себѣ, пользуются уваженіемъ публики и убѣждены, что вполнѣ его заслуживаютъ. Они интересуются научными вопросами и ждутъ отъ молодого коллеги, пріѣхавшаго

*) *Antoni Potocki.* O «czującem wiedzeniu» Zeromskiego. («Biblioteka Warszawska» 1900, № 2).

изъ Парижа, сообщенія о современномъ положеніи гигіены или о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ, что не совсѣмъ ново, но всетаки можетъ вызвать небезынтересную бесѣду, послѣ которой всякій вернется къ своимъ пріемнымъ часамъ и усвоеннымъ средствамъ врачеванія. Вмѣсто этого дерзкій выскочка ставитъ имъ въ упоръ этико-соціальныя требованія. Любопытная черта: оказывается, что они никогда ни о чемъ подобномъ не слыхали.

Рефератъ Юдыма производитъ впечатлѣніе настоящаго скандала. Мягкій хозяинъ дома, „нашъ уважаемый“, конфузится за глупость референта. Большинство негодуетъ. Предъявлять къ нимъ требованія такого характера, вѣдь это значитъ, ни больше, ни меньше, какъ сказать, что они до сихъ поръ не исполняли своихъ обязанностей и, слѣдовательно, не имѣютъ права на уваженіе въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ публики. Для филистровъ нѣтъ ничего обиднѣе, какъ намѣреніе вывести ихъ за предѣлы тѣснаго круга семьи и въ лучшемъ случаѣ корпораціи.

Изъ благоустроенныхъ кварталовъ, гдѣ живутъ „приличные“ люди, насъ ведутъ за д-ромъ Юдымомъ въ ту часть города, гдѣ онъ родился,—на Крохмальную и Теплую улицы, гдѣ вокругъ плохенькихъ фабрикъ и мастерскихъ ютится всякая голытьба. Еще пока д-ръ Юдымъ идетъ туда, насъ вмѣстѣ съ нимъ охватываетъ тоскливое чувство, какъ когда идешь къ безнадежному больному. Длинныя и подробныя описанія громыхающихъ ломовыхъ извозчиковъ, нищенскихъ еврейскихъ лавочекъ и грязныхъ торговокъ, заброшенныхъ дѣтей, играющихъ на смрадномъ дворѣ между многоэтажными домами, еще болѣе смрадныхъ лѣстницъ, на площадки которыхъ выступаетъ грязь, нищета и несчастіе прилегающихъ квартиръ,—все это кажется сначала ненужнымъ ковыряніемъ нервовъ. Особенно точное, какъ судебно-медицинскій протоколъ, описаніе обстановки табачной фабрики и работы на ней, состоящей изъ безпрерывнаго повторенія одного и того же жеста, раздражаетъ своею пространностью. Что это?—думаешь,—ужъ не запоздалый ли это ростокъ „научно-протокольной“ школы Зола. Нѣтъ, Зола здѣсь не причемъ. Авторъ терзаетъ нервы читателя не для того, что дать ему полное представленіе о внѣшнихъ предметахъ, а для того, чтобы привести ихъ въ униссонъ съ нервами Юдыма. Этотъ послѣдній не въ качествѣ статистика наблюдаетъ всѣхъ этихъ ломовыхъ извозчиковъ, торговокъ, заброшенныхъ дѣтей, фабричныхъ рабочихъ. Каждая изъ этихъ фигуръ будитъ болѣзненное ощущеніе въ его сердцѣ. Гдѣ-нибудь въ Парижѣ или Брюсселѣ онъ, быть можетъ, не замѣтилъ бы девяти десятыхъ встрѣчающихся ему самыхъ обыденныхъ вещей, а здѣсь на Крохмальной улицѣ онъ научился видѣть ихъ трагическую подкладку; здѣсь на такомъ-же тѣсномъ и вонючемъ дворѣ, на такой же грязной и темной лѣстницѣ прошло его дѣтство, на этой табачной фабрикѣ работаетъ жена его родного брата, а этотъ братъ, тоже

простой фабричный рабочій, озлобленный и протестующій, съ завистью и недоброжелательствомъ смотритъ на пальто „ученаго доктора“.

Общая картина городской нищеты, впрочемъ, не поглощаетъ человѣческихъ фигуръ, и, напр., этотъ братъ доктора, хотя очерченный только бѣглыми чертами, иногда просто намеками, весьма характеренъ, какъ типъ—еще довольно новый въ литературѣ—пролетарія, сознательнаго представителя своихъ классовыхъ интересовъ. Борьба его съ фабричными администраціями, благодаря его сангвиническому темпераменту, кончается тѣмъ, что онъ принужденъ покинуть родину и искать менѣе тяжелыхъ въ нравственномъ отношеніи условій жизни въ Швейцаріи, а тамъ, пожалуй, и въ Америкѣ. То, что мы видимъ въ данномъ случаѣ, далеко не идеализованный типъ, со всею его неуравновѣшенностью и малокультурностью, доказываетъ ясно, что автору совершенно чуждъ до сихъ поръ не рѣдкій у писателей фальшивый сентиментализмъ. Состраданіе его обусловливается не добродѣтелями низшихъ классовъ, потому что создать эти добродѣтели они безсильны, а реальными бѣдствіями униженныхъ и оскорбленныхъ, хотя и не образцовыхъ людей.

Итакъ, тутъ, въ районѣ Теплой и Крохмальной улицъ, источникъ тѣхъ впечатлѣній, которыя Юдымъ уже не можетъ забыть, а потому не можетъ отдаться безмятежному процессу личной жизни. Но въ Варшавѣ ему не удается найти никакого удовлетворенія своей потребности въ этико-соціальной работѣ. Случай приводитъ его въ новую обстановку, повидимому, болѣе благопріятную для этого. Но и здѣсь приходится разочароваться. Люди, съ которыми ему тутъ приходится имѣть дѣло, очень интересны, какъ представители извѣстной исторической формаціи польскаго общества. Когда-то буря выкинула ихъ изъ родныхъ палестинъ и разметала по различнымъ концамъ Европы, включительно до Константинополя. Это были все родовитые шляхтичи, но только немногіе изъ нихъ сохранили свои средства, прочимъ же пришлось пройти очень тяжелую школу за границей, браться за всевозможныя занятія для поддержанія существованія. Въ концѣ концовъ почти всѣ вернулись домой, умудренные практическимъ опытомъ, окруженные уваженіемъ, какъ борцы и страдальцы. Поддерживая одинъ другого, они пристроились при лѣчебномъ заведеніи Циссы, въ качествѣ акціонеровъ, директоровъ, экономовъ, смотря по своимъ средствамъ, знаніямъ и склонностямъ. Всякій изъ нихъ гордо отвергъ бы обвиненіе въ филистерствѣ, указавъ на свою біографію, но къ идеямъ Юдыма, когда онѣ изъ теоріи готовы перейти въ дѣйствительность, они относятся съ такимъ же враждебнымъ упорствомъ, какъ и варшавскіе врачи. Ихъ попеченіямъ поручено „общественное“, т. е. акціонерное дѣло, и они искренно считаютъ себя достойными ува-

женія дѣятелями, потому что добросовѣстно заботятся объ интересахъ акціонеровъ, курортныхъ гостей и своихъ собственныхъ. Съ кислой гримасой, въ качествѣ обязательной филантропіи, они нехотя поддерживаютъ жалкую больницу и амбулаторію для мѣстнаго крестьянскаго населенія, какъ и варшавскіе врачи участвуютъ во всякихъ благотворительныхъ обществахъ и попечительствахъ, считая тѣмъ свои демократическія обязанности исчерпанными. Но когда Юдымъ требуетъ отъ нихъ, чтобы они всѣ остальные интересы подчинили интересамъ окружающаго сермяжнаго люда, они приходятъ въ ужасъ.

Главное, что ихъ раздражаетъ, это опять таки то, что имъ, всѣми уважаемымъ дѣятелямъ, смѣютъ ставить на видъ, будто они не исполняютъ своего нравственнаго долга. Они, конечно, не рѣшаются возражать Юдыму съ принципіальной точки зрѣнія,—въ этомъ случаѣ пришлось бы обнаружить всю свою буржуазную узость,—но глухой оппозиціей стараются выжить „безпокойнаго“ человѣка. Исторія этой замаскированной борьбы весьма характерна для мѣстныхъ условій, гдѣ, благодаря отсутствію публичности и свободной критики, расцвѣтаютъ и поддерживаются дутыя репутаціи, провинціальныя знаменитости и доморощенные фетиши, на которыхъ никто не смѣетъ посягнуть подъ страхомъ быть признаннымъ „врагомъ народа“. Весь конфликтъ между Юдымомъ и администраціей изъ за вреда, приносимаго населенію гнилыми водами курортныхъ прудовъ, поразительно похожъ на извѣстную драму Ибсена, что отмѣчено и польской критикой, но о литератуномъ заимствованіи едва ли можетъ быть рѣчь: въ основѣ разсказа г. Жеромскаго, говорятъ, лежитъ совершенно реальный фактъ, что показываетъ только, съ какимъ чутьемъ правды умѣлъ Ибсенъ возсоздать дѣйствительность.

Д-ръ Штокманъ у Ибсена собирается оздоровить массу, устроивъ школу, гдѣ онъ научитъ уличныхъ мальчишекъ быть истинно свободными людьми. Д-ръ Юдымъ не можетъ прибѣгнуть къ этому средству, но онъ также твердо рѣшилъ посвятить свою жизнь физическому, умственному и нравственному оздоровленію и освобожденію народа. До этого, однако, онъ долженъ пройти еще одинъ этапъ „сентиментальнаго путешествія“, гдѣ окончательно укрѣпятся его взгляды, зародившіеся на Крохмальной улицѣ. Для этой цѣли нельзя было найти лучшей среды, какъ районъ каменноугольныхъ копей и группирующихся вокругъ нихъ желѣзо-дѣлательныхъ заводовъ. Это внутренній кругъ ада, это квинтэссенція массовыхъ страданій, это мѣсто дѣйствія во всѣхъ подробностяхъ организованной зловредной силы, направленной на коверканіе человѣческой жизни. Впрочемъ, для тѣхъ, кто читалъ романъ г. Жеромскаго, не нужно ничего прибавлять: картины, которыя онъ проводитъ передъ глазами читателя, не могутъ быть забыты. На этомъ огненно-черномъ фонѣ выдѣляется

трагическая фигура загадочнаго инженера Коржецкаго, представителя какого-то новаго, неяснаго для насъ, міросозерцанія. Въ немъ соединяются совершенно противоположныя черты: самоувѣренный индивидуализмъ и какое-то заискиваніе передъ всемогущимъ патрономъ, пессимистическая разочарованность въ плодотворности всякихъ человѣческихъ усилій и рискованная игра съ контрабандой. Типъ ли это общественнаго декаданса и вырожденія или, напротивъ, еще не перебродившія дрожжи будущаго,—едва ли можетъ сказать самъ авторъ; онъ знаетъ только—и далъ это почувствовать читателю,—что такіе люди существуютъ. Чувствуется также, что Коржецкій и Юдымъ, исходя, быть можетъ, изъ различныхъ философскихъ и общественныхъ убѣжденій, вовсе не такъ далеки въ конечныхъ практическихъ выводахъ, и что Юдымъ, жертвуя всѣмъ личнымъ въ пользу страдающаго ближняго, только занимаетъ постъ, оставшійся вакантнымъ за смертью Коржецкаго. Въ какой формѣ д-ръ Юдымъ собирается осуществить свою потребность подвига? Какая его программа? Намъ кажется, что мы не имѣемъ права ставить такіе вопросы автору; это значило бы навязать ему роль публициста. Ему важно выяснить, какимъ путемъ герой дошелъ до такой степени интенсивности общественныхъ инстинктовъ, но за цѣлесообразность и практичность ихъ послѣдствій онъ не отвѣчаетъ. Очень можетъ быть, что усилія Юдыма пропадутъ даромъ, тогда онъ кончитъ тѣмъ, чѣмъ кончилъ Коржецкій: пустить себѣ пулю въ лобъ нисколько не труднѣе, чѣмъ отказаться отъ любимой женщины, а это Юдымъ уже сдѣлалъ.

При той нервности, съ которою авторъ слѣдитъ за впечатлѣніями и чувствами своихъ дѣйствующихъ лицъ, весьма естественно, что романъ его не отличается ни стройностью плана, ни даже равномѣрностью художественнаго достоинства отдѣльныхъ частей. Нѣкоторые эпизоды, представляя большой интересъ сами по себѣ, весьма слабо связаны съ общимъ. Сюда относится, напр., неподражаемо реальный дневникъ панны Іоаси; съ трудомъ вѣрится, что это не простой „человѣческій документъ“, прямо взятый изъ тетради несчастной одинокой учительницы,—столько въ немъ отрывочнаго, недоговореннаго, очевидно, вовсе не предназначеннаго для того, чтобы дать читателю беллетристически законченную картину; и всетаки съ каждой страницы такъ и вѣетъ ароматамъ дѣвственно-чистой души. Есть и совершенно неудачныя подробности, какъ, наприм., вся глава о подвигахъ проказника Дызи. Для чего она понадобилась? Не говоря уже о томъ, что для развитія дѣйствія въ романѣ этотъ Дызя болѣе чѣмъ излишенъ, самый его характеръ, взятый безотносительно, настолько утрированъ, что даже не заставляетъ смѣяться. Повидимому авторъ хотѣлъ и тутъ довести юморъ до слезъ, но въ этомъ потерпѣлъ рѣшительно неудачу. Наконецъ, есть въ романѣ обычныя

у г. Жеромскаго изображенія страданій, которыя интересуютъ его, какъ таковыя, а не съ точки зрѣнія ихъ спеціальныхъ причинъ, напр., врачебный визитъ д-ра Юдыма къ чахоточной захолустной помѣщицѣ. Это также несомнѣнно вставная сцена, нарушающая ходъ дѣйствія. Но зато, какъ самостоятельный очеркъ, этотъ эпизодъ производитъ весьма сильное впечатлѣніе. Быть можетъ, онъ не лишній и для задачи автора: такою варіацiею на основную тему, еще на одну ступень повышается воспріимчивость читателя къ картинамъ земного ада и тѣхъ страданій, устраненію которыхъ посвящаетъ себя д-ръ Юдымъ.

Видя въ жизни одно горе и несчастіе, можно ли не сдѣлаться пессимистомъ? Иногда кажется, что г. Жеромскій близокъ къ нему. Но въ концѣ концовъ жажда жизни и счастія берутъ перевѣсъ, и онъ не можетъ помириться съ мыслью, что для человѣчества нѣтъ выхода. Самоотреченіе, смерть могутъ быть необходимостью въ данный историческій моментъ, но никогда не угаснетъ въ человѣческомъ сердцѣ стремленіе къ радости. Нѣчто въ этомъ родѣ служитъ содержаніемъ недавно появившагося *) разсказа г. Жеромскаго („Ариманъ"), для котораго авторъ избралъ необычную форму и обстановку. Всегда придерживающійся реальнаго тона, точно извѣстной и детально наблюденной среды, г. Жеромскій на этотъ разъ ведетъ насъ въ романтическій туманъ первыхъ вѣковъ нашего лѣтосчисленія, въ страну пирамидъ. Нѣкій старецъ, могучій и богатый вельможа, познавъ тщету жизни, измѣривъ мыслью всю глубину человѣческихъ несчастій въ обществѣ себѣ подобныхъ, раздаетъ свое имущество, беретъ своего новорожденнаго сына и отправляется съ нимъ въ оазисъ Ливійской пустыни, гдѣ и воспитываетъ младенца въ полномъ невѣдѣніи земного зла. Источникомъ такового онъ считаетъ женщину, и поэтому, когда въ сынѣ его, уже въ юношескомъ возрастѣ, пробуждаются неясныя мечты любви, старецъ внушаетъ ему, что онъ долженъ побороть въ себѣ эти соблазны сатаны. По смерти отца юноша подвергается искушенію со стороны дѣйствительной женщины, но помня завѣтъ отца и считая прекрасный образъ, который видитъ передъ собою, воплощеніемъ хитраго дьявола, онъ, для обузданія бунтующейся природы, жжетъ себѣ на огнѣ пальцы одинъ за другимъ. Лишь когда онъ видитъ у своихъ ногъ бездыханное тѣло соблазнительницы, въ немъ происходитъ переломъ, и онъ обращается къ тѣни отца съ энергическимъ протестомъ противъ угнетенія: „Да будетъ проклята твоя любовь ко мнѣ, отъ которой началась твоя сила, а моя слабость. Жадный, завистливый искоренитель счастья, отчего ты не пошелъ къ сатанѣ учиться добротѣ? Добръ сатана и царство его блажен-

---

*) «Atenеum». 1901, №2.

ства ночь. Да будетъ благословенъ шопотъ его тихій, и пусть погаснетъ въ груди моей твой пламень".

Едва ли въ этомъ разсказѣ надо видѣть поворотъ въ писательской карьерѣ г. Жеромскаго. Мы имѣемъ здѣсь, вѣроятно, лишь случайную экскурсію автора въ чуждую ему область. Ему незачѣмъ прибѣгать къ условнымъ красотамъ далекихъ странъ и эпохъ, чтобы создавать крупные по своей человѣческой значительности образы. Г. Жеромскій строгій, если угодно безпощадный реалистъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это приложимо къ лучшимъ русскимъ писателямъ. Отъ этого, вѣроятно, его произведенія и задѣваютъ въ насъ столько родныхъ струнъ и воспоминаній. Мы видимъ въ немъ поперемѣнно то мрачную меланхолію послѣднихъ произведеній г. Чехова, то болѣзненную воспріимчивость Гаршина, то страстную потребность интеллигента заплатить свой соціальный долгъ, какъ у Л. Толстого. А по самой писательской манерѣ польскій художникъ имѣетъ много общаго съ „жестокимъ талантомъ" Достоевскаго. Все это не внѣшнія черты, которыя можно взять на прокатъ, а признаки глубокаго сродства душъ, если можно такъ выразиться. Мы имѣемъ здѣсь въ виду не племенное родство славянской души въ противоположность германской или романской, а близость душевнаго строя польской и русской интеллигенціи, сложившейся въ сходныхъ общественныхъ условіяхъ, въ отличіе отъ польскихъ и русскихъ аграріевъ, буржуа и др. классовъ. Есть, конечно и спеціальныя условія, сообщающія той и другой черты различія, но именно въ творчествѣ г. Жеромскаго эти различія мало ощущаются, тогда какъ сходства звучатъ яснымъ и могучимъ аккордомъ.

Евгеній Дегенъ.

ГИМНАЗИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

I.

Первый день.

Еще за недѣлю до этого дня Аркатовъ началъ чувствовать какую-то особенную тоску.

Во первыхъ, вакаціи кончались... Кончались блаженныя утра со спаньемъ, сколько влѣзетъ, — утра безъ тягостной мысли объ урокахъ, объ отмѣткахъ, о выученномъ и невыученномъ...

Во вторыхъ, ученье начиналось 17-го августа, а Аркатовъ долженъ былъ впервые появиться въ гимназіи лишь 1-го сентября. При его поступленіи, въ началѣ августа, во 2-й классъ гимназіи была разрѣшена по просьбѣ родителей отсрочка— и это очень озабочивало Аркатова...—Сколько они тамъ успѣютъ уже пройти безъ меня въ двѣ-то недѣли! Догонять придется изъ латыни!—думалъ онъ съ тоской, хорошо понимая, что латынь—не въ примѣръ всѣмъ прочимъ наукамъ—не свой братъ, и что съ ней шутки плохи!

Въ третьихъ, Аркатовъ хотя уже и познал всю обстановку школьнаго ученія, хотя и учился уже цѣлый годъ предъ этимъ въ реальномъ училищѣ—въ другомъ городѣ— но реальное училище—одно, а гимназія—совсѣмъ другое... А, главное, новые товарищи!.. Въ реальномъ училищѣ товарищей было немного—человѣкъ двадцать, а здѣсь ихъ, говорятъ, болѣе сорока!..

Наконецъ, онъ былъ слабъ въ латинскомъ языкѣ, потому что проходилъ его—за первый классъ гимназіи—дома своими средствами и вступительный экзаменъ изъ латыни выдержалъ очень скверно.

— За двѣ-то недѣли теперь сколько уже успѣли и проспрягать и просклонять!—думалъ съ тревогой Аркатовъ:—и выучили массу новыхъ словъ и, Богъ знаетъ, чего! И зачѣмъ только, подумаешь, просили для меня отсрочку!..

Наканунѣ рокового дня Аркатовъ совсѣмъ разстроился... Онъ встрѣтился на улицѣ съ однимъ изъ тѣхъ мальчиковъ, которые поступили нынче вмѣстѣ съ нимъ во второй классъ. Мальчуганъ держался бодро, высокомѣрно и обо всемъ, что онъ увидѣлъ и познаъ въ гимназіи, трактовалъ съ важнымъ видомъ.

— Изъ латыни много прошли? — тревожно спросилъ Аркатовъ.

— Изъ латыни-то?.. Э-э, братъ!.. Изъ латыни директоръ столько пословицъ уже накаталъ!.. Бѣда!..

— Какихъ пословицъ?—удивился Аркатовъ.

— Какъ какихъ? Латинскихъ. Напримѣръ: „Dum pauper clamat, janua limen amat“—или „Barba crescit, caput nescit“... Ты знаешь ихъ?

Аркатовъ не имѣлъ никакого представленія о латинскихъ пословицахъ и не предполагалъ даже, чтобы онѣ могли входить въ программу преподаванія...

— Да ихъ, что-же... учатъ, что-ли?

— А то какъ-же? Учатъ! Да еще какъ! Директоръ диктуетъ ихъ по алфавиту, а мы записываемъ и учимъ по порядку—одну за другой. Теперь ужъ на D учимъ!..

— И спрашиваетъ?..

— Еще какъ спрашиваетъ-то!.. Одну пословицу заставитъ весь классъ повторить... А не повторишь—бранится: „Plohandus“—ты!.. Какой ты ученикъ!.. „Glupendus“—ты!

Собесѣдникъ Аркатова вдругъ сгорбился, сдѣлалъ какое-то особенное лицо и произнесъ послѣднія слова, очевидно, передразнивая директора... На Аркатова они подѣйствовали, точно какой-то жупелъ.

— Что такое „plohandus“?—спросилъ онъ.

— А это онъ такъ кричитъ, когда ему переврутъ пословицу.—Plohandus! plohandus—ты!.. Строгій до чего, такъ, просто, страсть!.. А какіе у насъ ученики есть! Одинъ совсѣмъ большой—съ бородой и съ усами... Директоръ постоянно спрашиваетъ его пословицу: „Barba crescit, caput nescit“, — а онъ никогда ея не знаетъ и даже не можетъ повторить! А то одинъ ученикъ есть, Пронинъ—его „Буйволъ“ зовутъ или „Taurus“—такъ онъ на всѣхъ кидается! Прямо по партамъ скачетъ! Громадный! А то есть еще жидъ Апфельбаумъ, такъ тотъ священника передразниваетъ отлично и лазитъ подъ партами и сапоги у учениковъ съ ногъ стаскиваетъ!..

Этотъ разговоръ поселилъ въ душѣ Аркатова такой страхъ предъ грядущимъ днемъ, что онъ едва не заплакалъ... Латинскія пословицы!.. Ужъ на D начали; стало быть, на A, на B и на C уже всѣ выучили! Какой-то „plohandus“... Что-то совсѣмъ новое и страшное, а, главное, непредвидѣнное!. Еще

можно было бы выучить впередъ по книжкѣ что нибудь изъ курса 2-го класса, но тамъ никакихъ пословицъ и въ поминѣ не было...

Придя домой, онъ сталъ разспрашивать по поводу этихъ тревожившихъ его обстоятельствъ своего старшаго брата, студента, который готовилъ его изъ латыни.

— Развѣ во второмъ классѣ проходятся пословицы? Латинскія?..

— Никакихъ пословицъ въ программѣ нѣтъ!—отвѣчалъ братъ:—начинаютъ во второмъ классѣ съ глагола „sum". Ты его уже знаешь.

— А вонъ у насъ, говорятъ, у директора латинскія пословицы учатъ... У васъ учили?

— Вѣроятно, вашъ директоръ сказалъ вашимъ ученикамъ двѣ-три пословицы въ видѣ примѣровъ—только и всего! это бываетъ! Этакъ и мы немножко-то знали!

— Ну, нѣтъ! У насъ ихъ цѣлая прорва! И на А, и на В, и на С... У васъ, стало быть, по другой—старой программѣ ученье было! А ты не разузналъ дѣла и меня подготовилъ по старой... Можетъ быть, и въ первомъ классѣ что нибудь такое проходили, чего я теперь, вотъ, и не знаю!

— Вотъ еще глупости! Да вѣдь ты же выдержалъ экзаменъ—чего жъ еще тебѣ? Да и программы вовсе не мѣняли!

— А что такое „Plohandus"?—спросилъ, подумавъ, Аркатовъ.

— Что?

— Plohandus!

— Это ты еще откуда выкопалъ?

— Латинское слово какое-то!.. Кажется, ругань! Директоръ, говорятъ, такъ бранится... Еще другое есть такое же... Я его забылъ.

Братъ только разсмѣялся, но ничего не отвѣтилъ...

. . . .

Роковой день насталъ, и Аркатовъ отправился вмѣстѣ со старшимъ братомъ въ гимназію...

Братъ шелъ мрачный, досадуя, что ведетъ своего братишку словно нянька и что придется вводить его въ гимназію и сдавать на руки инспектору... Аркатовъ чувствовалъ, что братъ не доволенъ, и поэтому не дерзалъ заговаривать съ нимъ и затаилъ въ себѣ свое горе и страхъ. Вотъ и гимназія въ концѣ улицы. У Аркатова сжалось сердце.

Вступивъ на крыльцо и пройдя двойныя двери, братья очутились въ темной и низкой швейцарской... Аркатова поразилъ смѣшанный гулъ голосовъ, раздававшійся съ боковъ, сверху, снизу... Гдѣ-то наверху рѣзко дребезжалъ колокольчикъ, и изъ двери направо шли нескончаемой вереницей,

толкаясь и разговаривая, сѣрые большіе и маленькіе гимназисты. Ихъ было такъ много, что у Аркатова зарябило въ глазахъ. Гимназисты шли Наверхъ... направо поднималась кверху лѣстница, покрытая пыльнымъ матомъ... Аркатовъ замѣтилъ только это, да еще то, что у лѣстницы были пренелѣпыя красныя перила, тогда какъ стѣны были сѣро-голубого цвѣта...

Гдѣ и какъ и когда онъ раздѣлся, Аркатовъ совершенно не помнилъ. Онъ помнилъ только темную, съ низкими сводами швейцарскую, желѣзную печь въ углу, стеклянную дверь и ужасающее количество сѣрыхъ, толкавшихся мальчиковъ...

Вотъ и лѣстница съ красными перилами, а затѣмъ площадка... Тутъ вѣшалки съ учительскимъ платьемъ и широкая стеклянная дверь, надъ которой прибита небольшая черная доска съ бѣлой надписью „классы". А за дверью какая-то тьма и всеобъемлющій гулъ голосовъ... Братъ беретъ Аркатова за руку, и они оба входятъ въ эту тьму, которой суждено нынѣ на семь лѣтъ полонить Аркатова и тяготѣть надъ нимъ.

У самой двери Аркатову попался какой-то странный ученикъ: съ желтымъ испитымъ лицомъ и въ куцомъ мундирчикѣ, доходившемъ только до таліи (большинство гимназистовъ были одѣты въ сѣрыя блузы, а если у кого и были мундирчики—то не куцые, а настоящіе). Аркатовъ изумился такому „сокращенному" костюму, не зная, что въ этой гимназіи такъ одѣвали пансіонеровъ, для чего-то отмѣчая ихъ такимъ образомъ предъ своекоштными учениками.

Субъектъ, носившій это шутовское, по мнѣнію Аркатова, одѣяніе, стоялъ, небрежно прислонившись къ двери, и когда Аркатовъ остановился около него, задержанный толпою, онъ впился въ него глазами и грубымъ басомъ, рѣзко и отрывисто спросилъ его:

— Ты новичекъ?

— Да,—отвѣтилъ Аркатовъ, съ тревогою глядя на желтую, не внушающую никакого довѣрія физіономію...

— Въ какой классъ? Во второй? Въ параллельный или основной?

Аркатовъ не зналъ этого и двинулся далѣе, но грубый и ужасный незнакомецъ обогналъ его и, какъ бы невзначай, смотря куда то въ сторону, такъ щипнулъ Аркатова, что у того слезы выступили...

Непривѣтливо встрѣтила его гимназія!..

Братъ куда-то исчезъ. Инспекторъ, откуда-то появившійся, взялъ Аркатова за голову (такъ ему было всего сподручнѣе) и повелъ его, пробираясь въ узкомъ и необычайно высокомъ корридорѣ, въ классъ.

Аркатовъ чувствовалъ какой-то необъяснимый трепетъ. Классъ, куда инспекторъ привелъ его, былъ громадный съ четырьмя окнами и ободранными грязными стѣнами... Полъ былъ весь загаженъ мѣломъ и чернилами и заплеванъ. Воздухъ пыльный, порядка никакого. Когда Аркатовъ вошелъ въ классъ, его охватилъ такой гвалтъ, что у него въ ушахъ зазвенѣло. Всѣ сорокъ, сорокъ пять учениковъ возились и галдѣли, кто во что гораздъ. Въ одномъ углу дрались, въ другомъ учили во все горло Законъ Божій и спрягали глаголы... Откуда-то прилетѣла пыльная подушка, которой стираютъ съ классной доски, и шлепнулась на парту, выпустивъ изъ себя цѣлое облако бѣлой пыли... Какой-то гимназистъ бѣгалъ прямо по партамъ, ловко перескакивая съ одной на другую и чуть не попадая ногами на тѣхъ, кто сидѣлъ за столами...

— Это „буйволъ"!—подумалъ съ ужасомъ Аркатовъ. При видѣ инспектора гвалтъ сразу затихъ. Бѣжавшій по партамъ „Буйволъ" (онъ-же „Taurus") вдругъ словно сквозь землю провалился. Дравшіеся разлетѣлись въ разныя стороны.

— Что у васъ тутъ за безобразіе?—закричалъ инспекторъ:—Какъ твоя фамилія?— обратился онъ къ одному изъ драчуновъ:—ступай на молитву въ дежурную — въ уголъ! А гдѣ мѣсто Аркатова?

Мѣсто Аркатова оказалось на самой послѣдней партѣ. Учащихся разсаживали по алфавиту, начиная съ заднихъ партъ. Аркатовъ пролѣзъ на указанное мѣсто и очутился по серединѣ длинной четырехмѣстной парты. Съ одной стороны сосѣдомъ его оказался тотъ самый Апфельбаумъ, который, по словамъ вчерашняго аркатовскаго знакомаго, лазилъ подъ партами и стаскивалъ съ учениковъ сапоги... Аркатовъ увидѣлъ и этого вчерашняго знакомаго: онъ сидѣлъ на первой партѣ, училъ урокъ и имѣлъ теперь самый жалкій видъ.

Едва инспекторъ ушелъ, какъ возня возобновилась. „Taurus" сталъ опять бѣгать по партамъ.... Это бѣганье, повидимому, составляло главный смыслъ его существованія.... Нѣкоторые храбрые ученики дразнили его: — „Буйволъ"! Онъ кидался на нихъ и безцеремонно пиналъ ихъ ногами, уподобляясь скорѣе лошади, чѣмъ буйволу....

Но вотъ снова задребезжалъ звонокъ....—Въ пары! Въ пары!—крикнулъ, появляясь въ дверяхъ, надзиратель. Къ Аркатову присосѣдился Апфельбаумъ и, кривляясь и корча гримасы, пошелъ вмѣстѣ съ нимъ по темному и узкому корридору въ залъ, фамильярно щелкая Аркатова время отъ времени по затылку.... Аркатовъ только ежился и съ тоскою думалъ: „Когда же кончатся эти испытанія? Неужели здѣсь постоянно такія безобразія"?...

. . . .

И вотъ онъ опять въ классѣ. Опять кругомъ него гомонъ и крикъ и самое непринужденное настроеніе духа у большинства изъ этихъ 40—45 мальчугановъ, изъ которыхъ вмѣстѣ съ Аркатовымъ дойдутъ до 8-го класса только двое—трое, а остальные исчезнутъ для Аркатова невѣдомо куда, и даже имена ихъ навсегда улетучатся изъ аркатовской памяти.... Теперь же память его машинально работаетъ, запоминая лица, фамиліи и постепенно выдѣляя то или другое лицо изъ общей сѣрой массы крикливаго и драчливаго народа.

Пробравшись за спиною Апфельбаума на свое мѣсто, Аркатовъ досталъ книжки, аккуратно разложилъ ихъ предъ собою и самымъ смиреннымъ образомъ сталъ созерцать происходившую предъ нимъ суматоху... Два или три раза въ классъ заглядывалъ надзиратель — необыкновенно худой, древній длинноносый старикъ — кричалъ шепелявымъ голосомъ:—тише!—и скрывался. Опять откуда-то пролетѣла мѣловая подушка или тряпка.... Опять пробѣжалъ по партамъ „Taurus"—Пронинъ и, усѣвшись на свое мѣсто, немедленно затѣялъ возню съ двумя маленькими мальчуганами, дразнившими его. Онъ расправлялся съ ними жестоко: щипалъ ихъ и даже билъ наотмашь, но тѣ не унимались и, повидимому, находили какое-то удовольствіе въ опасности дразнить „Буйвола". Одинъ изъ сосѣдей Аркатова, сидѣвшій впереди его,—по фамиліи Гуляевъ,—заинтересовался какими-то сакраментальными буквами, начертанными на классной доскѣ, и прочелъ ихъ вслухъ:

— „Пу-пу"...

Но едва онъ произнесъ это странное слово, какъ на него накинулся высокій, худой и сгорбленный ученикъ съ обезьяньей сморщенной физіономіей и съ идіотски озлобленнымъ видомъ сталъ бить его.

— Не дразнись!.. Не дразнись!..—кричалъ онъ.

Гуляевъ пытался защищаться, но таинственный и свирѣпый „Пу-пу" такъ отдѣлалъ его, что мальчуганъ пустился въ слезы... Окружающіе немедленно заинтересовались скандаломъ и со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія:

— Пу-пу!.. Пупа!.. Идіотъ!..

Пупу бросился на другого оскорбителя все съ тѣмъ-же идіотски озлобленнымъ видомъ... Гуляевъ ревѣлъ во все горло... Апфельбаумъ принялъ въ немъ участіе.

— Ты плюнь на него! Поди и плюнь! — посовѣтовалъ онъ ему...

Гуляевъ послушался совѣта и, перегнувшись черезъ парту, плюнулъ прямо въ затылокъ „Пу-пу"... Но какъ разъ въ эту

минуту въ классъ вошелъ учитель русскаго языка и замѣтилъ это...

Ученики повскакали на ноги. Пупу обернулся было къ Гуляеву, но застылъ на мѣстѣ, увидѣвъ учителя. Гуляевъ покраснѣлъ до послѣдней степени и снова заревѣлъ — на этотъ разъ отъ страха.

— Ты это что дѣлаешь?...—напустился на него учитель:— плюешься?... Ахъ, ты безобразникъ!

— Мнѣ Апфельбаумъ ве-елѣлъ!..—прорыдалъ Гуляевъ.

Апфельбаумъ испугался, скорчилъ ужасную гримасу и полѣзъ, было, подъ столъ... Но страхъ его былъ напрасенъ: учитель не обратилъ на него никакого вниманія.

— А ты не слушайся, коли тебѣ дуракъ велитъ!—промолвилъ онъ ревѣвшему Гуляеву и прошелъ къ каѳедрѣ. Классъ затихъ, и урокъ, первый урокъ для Аркатова въ гимназіи, начался...

. . . .

Въ перемѣну опять поднялась суматоха, бѣганье по партамъ, поддразниваніе Пупу и киданье тряпкой... Какой-то отвратительный мальчишка съ красной физіономіей, злыми глазами и пискливымъ голосомъ вдругъ почему-то не взлюбилъ Аркатова. Онъ придирался къ нему, пытался вызвать его на драку и дразнилъ „Бразильской обезьяной“. Аркатовъ всѣми силами избѣгалъ его, и этотъ ужасный ученикъ успѣлъ сдѣлаться въ теченіе короткаго времени настоящимъ пугаломъ для Аркатова, еще худшимъ, чѣмъ Пупу или Пронинъ...

Томясь и тоскуя въ массѣ окружающихъ его ребятишекъ, Аркатовъ ни къ кому изъ нихъ не могъ пристроиться и никакъ не могъ рѣшиться принять участіе въ общихъ играхъ и затѣяхъ... Вчерашній пріятель прекратилъ зубренье и всецѣло былъ поглощенъ травленьемъ Пупу и спасаніемъ отъ него. Несчастный идіотъ совершенно сбился съ ногъ, преслѣдуя своихъ обидчиковъ, и въ концѣ концовъ сталъ кидаться на праваго и виноватаго. Проходя мимо Аркатова, смиренно стоявшаго въ дверяхъ, онъ вдругъ развернулся и ни съ того, ни съ сего такъ хватилъ его кулакомъ по спинѣ, что у того сдавило дыханіе. Въ эту же минуту невѣдомо кѣмъ пущенная тряпка попала Аркатову въ лицо, обдавши его удушливой мѣловой пылью... Аркатовъ не выдержалъ и, еле-еле удерживаясь отъ слезъ, трясясь отъ душившаго его гнѣва, выбѣжалъ въ корридоръ, хотя перемѣна уже кончилась, и директоръ—страшный директоръ—того и гляди, долженъ былъ войти со своими пословицами въ классъ.

И долго еще послѣ того, во всѣ послѣдующіе дни Аркатовъ во время перемѣнъ уходилъ изъ класса, боясь, что

Пронинъ, скачущій по партамъ, проломитъ ему голову... А между тѣмъ, въ корридорѣ были свои опасности: тамъ бродили громадные дикіе ученики старшихъ классовъ, наровившіе тоже изобидѣть смиреннаго мальчугана.

Урокъ латинскаго языка, котораго такъ боялся Аркатовъ, оказался самымъ простымъ и легкимъ. Директоръ, правда, кричалъ, но кричалъ только потому, что голосъ его былъ слишкомъ слабъ, а классъ слишкомъ великъ; но въ его голосѣ не было никакой свирѣпости. Напротивъ, весь его видъ, вся походка были исполнены мягкаго старческаго благодушія...

Спрашивая урокъ у одного вызваннаго ученика, онъ одновременно спрашивалъ весь классъ, не давая никому дремать или ротозѣйничать.. Пословицы, такъ напугавшія вчера Аркатова, оказались очень невинной штукой... Такъ какъ директоръ заставлялъ послѣдовательно нѣсколькихъ учениковъ повторять одну и ту-же пословицу, то онѣ сами собою запоминались, и Аркатовъ успѣлъ выучить добрую четверть всего ихъ количества (на А, на В, на С). Присматриваясь къ веденію урока, онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что у директора два или три ученика были на особенно хорошемъ счету. Происходили такія сцены:

— Лавровъ!—обращался директоръ къ вызванному имъ ученику:—Говори, какія знаешь пословицы на Д? Какъ будетъ: „вдвое даетъ, кто скоро даетъ"?

— Bis dat...—начиналъ Лавровъ и запинался.

— Plohandus, братъ, ты! не знаешь! Аникіевъ, скажи ему!

Аникіевъ, который былъ на хорошемъ счету у директора, поднимался и тихо, но ясно произносилъ:

— Bis dat, qui cito dat!

— Нѣтъ, ты ему еще разъ повтори! Ему одного раза мало!..

— Bis dat, qui cito dat!

— Ты громче! Онъ не слышитъ...

— Bis dat, qui cito dat!—еще разъ повторялъ, скромно улыбаясь, Аникіевъ.

— Ты къ нему повернись! Ему скажи, а не мнѣ!

Аникіевъ, смѣясь, оборачивался къ краснѣвшему и переминавшемуся съ ноги на ногу Лаврову и въ четвертый разъ повторялъ латинскую фразу... И послѣ этого фраза отправлялась еще гулять по всему классу...

— Александровъ! повтори! Апфельбаумъ! не слыхалъ? Э, plohandus ты!.. О чемъ ты думаешь?.. Басихинъ, скажи ему!.. Слѣдующій!.. Слѣдующій!

— А какъ будетъ „a verbo" *) отъ „do"? — снова обращается директоръ къ Лаврову.

---

*) Т. е. коренныя слова.

— Do, davi, datum...

— Davi!—уныло протягивалъ директоръ:—davi!.. Плохъ-же ты! настоящій плохандусъ!.. Аникіевъ, разскажи ему!..

— Do, dedi, datum, dare!—говоритъ Аникіевъ.

— Почему онъ знаетъ?—спрашивалъ директоръ, кивая на Аникіева, который скромно потуплялъ глаза.. — Почему онъ знаетъ?.. потому, что уроки учитъ, дѣло дѣлаетъ, а не бездѣльничаетъ! Почему ты урока не выучилъ?

— Книги не было!

— Гдѣ-же твоя книга? куда ты ее дѣвалъ?

— Не купилъ еще!

— Какой же ты ученикъ?... Ученикъ безъ книги то-же, что солдатъ безъ оружія!.. Кто учится безъ книги, тотъ черпаетъ воду рѣшетомъ. Qui studet sine libro, is haurit aquam cribro... Повтори!

Лавровъ повторяетъ, но путается.

— Аникіевъ, повтори ему!

И опять весь классъ повторяетъ пословицу... И Апфельбаумъ, и Александровъ, и даже на этотъ разъ Аркатовъ... Директоръ замѣтилъ его:

— Ты Аркатовъ?

Аркатовъ поднялся, блѣдный и смущенный.

— Да.

— А у тебя книга есть?

— Есть.

— Уроки училъ? Пословицы знаешь? Къ завтраму спиши ихъ всѣ въ тетрадку... Спиши у Аникіева, а у Лаврова, смотри, не списывай! Учи по десяти штукъ въ день. Когда кончишь, скажи! Я тебя спрошу!..

. . . .

Когда уроки кончились, Аркатовъ, получившій еще разъ заушеніе отъ „Пу-пу“ и сверхъ того какое-то нелестное замѣчаніе отъ Пронина, обиженный и оглушенный, спустился внизъ, въ швейцарскую и долго не могъ найти не только своего пальто, но даже того мѣста, гдѣ раздѣвался. Къ несчастью, оказалось, что Аркатову подмѣнили фуражку. Сторожъ долго искалъ ее послѣ того, какъ всѣ второклассники уже разошлись по домамъ...

— Какая фамилія-то у васъ, баринъ?

— Аркатовъ! Аркатовъ Георгій! На козыркѣ такъ и написано!

— Нѣтъ! Такой нѣту! — задумчиво промолвилъ сторожъ: — надѣньте, баринъ, до завтра вотъ эту, одна только осталась.

И вмѣсто своей хорошенькой и опрятной фуражки Аркатовъ получилъ чью-то громадную, неуклюжую, старую, съ

потрескавшимся козырькомъ, на исподней сторонѣ котораго было написано: „фуражка принадлежитъ, никуда не убѣжитъ; кто возьметъ ее безъ спросу, тотъ останется безъ носу, кто возьметъ ее безъ насъ, тотъ останется безъ глазъ". Съ отчаяніемъ надѣвъ на голову это чудище, Аркатовъ, дѣйствительно, едва не остался безъ глазъ и безъ носа, потому что фуражка покрыла ему почти все лицо. Сторожъ кое-какъ исправилъ дѣло, подложивъ подъ околышъ бумаги, и Аркатовъ вышелъ на улицу.

Раньше того, еще находясь въ классѣ, онъ съ тоской предчувствовалъ, что ему придется идти по улицѣ съ тѣмъ краснорожимъ ученикомъ, который привязался къ нему и дразнилъ его „Бразильской обезьяной". Предчувствіе не обмануло его: пискливый, красторожій негодяй дѣйствительно поджидалъ его. Едва выйдя на крыльцо, Аркатовъ уже увидѣлъ впереди себя его красную физіономію. Онъ хотѣлъ, было, ускользнуть и даже сдѣлать крюкъ, направившись въ другую сторону, но его преслѣдователь, замѣтилъ его...

— А! Бразильская обезьяна!—крикнулъ онъ, повернувшись къ Аркатову.

Аркатовъ, видя, что все пропало, съ рѣшимостью пошелъ прямо навстрѣчу ему.

Красторожій подождалъ его и, когда Аркатовъ поровнялся съ нимъ, онъ пошелъ рядомъ съ Аркатовымъ, въ ногу, ломаясь, гримасничая и толкаясь...

Аркатовъ былъ въ полномъ отчаяніи... Браниться и драться онъ не счелъ возможнымъ... Драться онъ, вообще, никогда не дрался, а браниться не стоило: красторожій сталъ-бы еще пуще безобразничать. Аркатовъ сообразилъ это и, скрѣпя сердце, молча шагалъ рядомъ съ нимъ, стараясь только поддерживать внѣшнее достоинство („полаютъ, да отстанутъ"! подумалъ онъ), но его мучитель всетаки не отставалъ и всячески старался обратить на себя вниманіе Аркатова.

— Какая ты дрянь!—пищалъ онъ злымъ голосомъ, толкая Аркатова.—У тебя силенки вовсе нѣтъ! Несчастный!

Аркатовъ старался не глядѣть на его злую и скверную физіономію, но тотъ буквально лѣзъ ему въ глаза, загораживалъ дорогу, наваливался, цѣплялся сзади за ранецъ...

— Откуда ты такую шапку досталъ! на толкучкѣ купилъ старую? Деньженокъ, видно, у тятьки нѣтъ? Вотъ такъ шапка!..

Онъ надвинулъ несчастную фуражку прямо на глаза Аркатову... Аркатова всего передернуло... Онъ поправилъ фуражку и крикнулъ:—отстань!

Но тотъ сталъ придираться еще пуще.

— Нищій!—кричалъ онъ, держась за рукавъ аркатовскаго

пальто и дергая его:—пальто-то у него какое! Вотъ такъ пальто!.. Ха, ха, ха!—сестренка что-ли его тебѣ сшила?

— Отстань!—снова крикнулъ Аркатовъ. Онъ выдернулъ руку и зашагалъ, какъ можно скорѣе. Но краснорожій не отставалъ, продолжая издѣваться и дергая за ранецъ. Аркатова душило негодованіе. Не смотря на всю его деликатность и отвращеніе къ дракѣ, ему смертельно хотѣлось ударить оскорбителя; но онъ боялся... Боялся, что тотъ отколотитъ его или устроитъ какую нибудь штуку еще того хуже... Они прошли еще нѣсколько домовъ и лишь на перекресткѣ у двухъ улицъ, гдѣ мучителю, очевидно, нужно было поворачивать въ другую сторну, онъ оставилъ Аркатова, но при этомъ такъ хватилъ его на прощанье по головѣ, что у Аркатова отъ боли и негодованія сдавило горло.

— У, пропащій!—крикнулъ краснорожій злымъ голосомъ, удаляясь...

Но Аркатовъ и тутъ не кинулся за нимъ, не ударилъ его... Отъ послѣдняго оскорбленія у него лишь сжалось сердце. Онъ упрекалъ себя въ томъ, что не отомстилъ этому бездѣльнику, и дозволилъ безнаказанно оскорбить себя. И еще долго послѣ этого случая Аркатовъ страдалъ отъ присутствія въ классѣ пискливаго злюки, котораго звали, какъ онъ потомъ узналъ, Янкевичемъ... Онъ долгое время не могъ выходить изъ гимназіи со спокойнымъ сердцемъ и всякій разъ старался уйти изъ класса какъ можно скорѣе, пока Янкевичъ еще оставался тамъ... Лишь позднѣе онъ узналъ, что это былъ отчаянный и ничтожный трусъ, презираемый всѣмъ классомъ и вымещавшій свое ничтожество на болѣе слабыхъ ученикахъ. Аркатовъ узналъ это значительно позднѣе, лишь послѣ того, какъ однажды, окончательно выйдя изъ себя, подшибъ пряжкою ремня краснорожему негодяю глазъ и храбро передразнилъ его на смѣхъ и удивленіе окружающихъ...

Но это случилось, лишь спустя долгое время... А теперь идя домой, послѣ своего перваго посѣщенія гимназіи, Аркатовъ ощущалъ страшную тоску и горечь въ сердцѣ и чувствовалъ себя всѣми покинутымъ и презираемымъ.

Каковы же оказались итоги этого перваго дня? Что онъ вынесъ сегодня изъ гимназіи?

Вынесъ, во первыхъ, то, что „plohandus"—вовсе не латинское слово. Вынесъ затѣмъ знакомство съ Пронинымъ, Пупу и Апфельбаумомъ и, въ особенности, съ Янкевичемъ и узналъ, что страшны не столько учителя, сколько ученики... Вынесъ, наконецъ, ощущеніе голода, потому что боялся идти внизъ покупать себѣ завтракъ: тамъ было цѣлое столпотвореніе: по нижнему коридору неслись, сшибая съ ногъ встрѣчную мелюзгу, громадные ученики старшихъ классовъ,

казавшіеся миніатюрному Аркатову настоящими великанами...

И до такой степени былъ онъ оглушенъ гимназіей, ея гвалтомъ, безпорядкомъ, ссорами, драками, что, придя домой и уткнувшись носомъ въ подушку на своей постели, онъ почувствовалъ, что у него въ головѣ нѣтъ ни единой мысли, а только стоитъ какой-то туманъ и шумъ... неистовый шумъ, уничтожающій его и сжимающій сердце безпросвѣтной тоской...

II.

Аркатовъ—первый ученикъ.

Спустя мѣсяца полтора послѣ своего поступленія въ гимназію, Аркатовъ, переживъ первоначальныя униженія и обиды, сталъ постепенно приходить къ убѣжденію, что ему суждено занять не послѣднее мѣсто въ спискѣ учениковъ. Совершенно неожиданно для себя онъ какъ-то особенно хорошо отвѣтилъ два раза урокъ „батюшкѣ“ и получилъ по пятеркѣ съ плюсомъ (уроки были трудные, и Аркатовъ, по своему глубокому убѣжденію, зналъ ихъ очень плохо). Затѣмъ его вызывалъ нѣсколько разъ директоръ, и Аркатовъ, уже успѣвшій выучить цѣлую массу латинскихъ пословицъ, отвѣтилъ уроки блистательно. Директору это понравилось: понравилось, именно, то обстоятельство, что Аркатовъ вкладывалъ всю свою душу въ отвѣты и не тараторилъ безсмысленно и дико, какъ тараторили многіе другіе ученики, лишь зазубривши пословицы, но не чувствуя въ нихъ никакого смака. Аркатовъ, наоборотъ, отвѣчалъ тихо, достойно и съ неимовѣрно серьезнымъ видомъ. Нѣсколько разъ директоръ вызывалъ его поправлять Лаврова, который никакими судьбами не могъ выучить главныя формы отъ глагола „dare“...

— Аркатовъ! Скажи ему!

Аркатовъ—совершенно такъ же, какъ Аникіевъ и другіе директорскіе любимцы, — поднимался и скромнымъ, даже грустнымъ голосомъ, говорилъ:

— Do, dedi, datum, dare.

— Отчего онъ знаетъ?—говорилъ тогда директоръ, указывая Лаврову на Аркатова, говорилъ совершенно тѣмъ же тономъ, какъ прежде объ Аникіевѣ.—Оттого, что уроки учитъ, книги имѣетъ... А гдѣ твоя книга?.. Какой ты ученикъ, коли у тебя нѣтъ книги?..

Не смотря на свой грустный голосъ, Аркатовъ былъ очень доволенъ своими успѣхами, а въ описанныя минуты даже счастливъ.

Когда была устроена директоромъ первая „экстемпоралія“ (наканунѣ которой Аркатовъ мѣста не находилъ отъ волненія), и Аркатовъ блистательно выполнилъ ее, успѣхъ его у директора окончательно упрочился. Директоръ пересталъ даже вызывать его отвѣчать уроки и довольствовался только тѣмъ, что вызывалъ такъ—по мелочамъ, поправлять другихъ...

Изъ ариѳметики, которая, вообще говоря, не давалась Аркатову, онъ, тѣмъ не менѣе, тоже имѣлъ успѣхъ, благодаря опять-таки своему серьезному и грустному виду и искреннему и горячему страданію, выказываемому имъ тогда, когда заданная ему учителемъ задача, не выходила... учитель жалѣлъ его, принималъ участіе въ аркатовскихъ мукахъ, желалъ облегчить ему ихъ—и Аркатовъ получалъ, иной разъ даже и не вполнѣ заслуженныя, пятерки и изъ этой отрасли человѣческихъ знаній.

Даже сухое и окоченѣлое сердце длинноносаго старика надзирателя Аркатову удалось покорить или, по крайней мѣрѣ, временно размягчить. Впрочемъ, тутъ скорѣе сыгралъ роль слѣпой случай, и Аркатову помогъ контрастъ его съ другимъ гимназистомъ.

Дѣло въ томъ, что старику-надзирателю, во имя его физической особенности, было принято постоянно показывать носъ и онъ привыкъ къ этому, хотя привыкъ также постоянно браниться за это съ учениками. И вотъ, когда Аркатовъ, при встрѣчѣ, раскланялся съ нимъ, съ обычнымъ своимъ серьезнымъ и грустнымъ видомъ—какъ разъ вслѣдъ затѣмъ, какъ другой гимназистъ показалъ носъ—старикъ совсѣмъ растаялъ отъ удовольствія.

— Какъ твоя фамилія, негодяй?—обратился онъ къ Аркатову, прибавляя слово „негодяй“ исключительно лишь по привычкѣ и, такъ сказать, съ разлёта.

Узнавъ, что фамилія „негодяя“ Аркатовъ, онъ тихо прошамкалъ своимъ беззубымъ ртомъ:

— Ага! Хорошая фамилія! Ничего, хорошая!.. Ступай!

И вотъ, когда второклассникамъ были выданы табеля за первую учебную четверть, Аркатовъ оказался первымъ ученикомъ изъ 45 человѣкъ второго класса.

И съ этой поры онъ твердо держалъ знамя своего первенства въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ... но, Боже мой, чего это ему стоило!..

Изумительная несправедливость гимназической программы, обрушивающей тяжесть ученія, главнымъ образомъ, на маленькіе классы и позволяющей старшимъ классамъ лѣниться и бить баклуши, дѣлала то, что Аркатовъ не зналъ теперь почти ни минуты отдыха.

Высиживая въ состояніи напряженія пять часовъ въ гимна-

зіи, онъ и дома имѣлъ немного утѣшенія. Пообѣдавъ, онъ сейчасъ же принимался за уроки, и еле-еле успѣвалъ окончить ихъ къ 11, а то и къ 12 часамъ ночи... Нерѣдко у него болѣла голова и ныло все тѣло какимъ-то необъяснимымъ образомъ—вѣроятно, отъ отсутствія сколько-нибудь порядочнаго воздуха въ стѣнахъ гимназіи... Тамъ—въ корридорахъ и классахъ, совершенно не приспособленныхъ для дыханія многихъ десятковъ легкихъ и разсчитанныхъ на гораздо меньшее число ихъ—въ концѣ гимназическаго дня стоялъ какой-то сизый туманъ, пропитанный пылью, въ которомъ задыхались и ученики, и учителя... Правда, въ большую перемѣну въ классахъ полагалось отворять форточки... Но потокъ холоднаго воздуха, струившійся въ комнату, удалить изъ которой всѣхъ учениковъ было некуда (корридоры были слишкомъ тѣсны, залъ актовый запирался), не освѣжая въ достаточной степени комнаты, только простужалъ дѣтей.

И все свое внѣклассное время Аркатовъ употреблялъ на ученіе уроковъ... Онъ училъ ихъ, можно сказать, неистово; училъ, не только сидя за столомъ, но и прыгая на одной ногѣ по всѣмъ комнатамъ, и становясь вверхъ ногами, и лежа на кровати, уткнувши голову въ подушки, и даже залѣзая подъ кровать... Онъ словно поджаривался все время на медленномъ огнѣ этихъ безконечныхъ, безпросвѣтныхъ уроковъ... И при этомъ постоянно надоѣдалъ старшему брату, умоляя „спросить“ его...

Трудности ученья въ особенности усилились послѣ того какъ директоръ, временно преподававшій латинскій языкъ, уступилъ преподаваніе его новому, недавно приглашенному, строгому и сухому формалисту—чеху Миличу, который плохо говорилъ по русски, задавалъ очень много, спрашивалъ очень не милостиво... То, что при директорской методѣ усваивалось легко и быстро, у Милича становилось дѣломъ крайней трудности.

Иногда, намаявшись за день и уже улегшись спать, Аркатовъ вдругъ съ ужасомъ вспоминалъ, что еще остался невыученный урокъ. Онъ торопливо одѣвался и, не смотря на протесты матери, принимался снова за ученье. Покончивъ, наконецъ, и съ этимъ урокомъ, онъ ложился спать совершенно одурманеннымъ и долго не могъ уснуть, соображая, вызовутъ его завтра или нѣтъ, много-ли еще невызванныхъ изъ этого предмета учениковъ, или, просто, мучился вопросомъ „слетитъ“ онъ изъ первыхъ или не слетитъ? Съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ первые ученики, этотъ вопросъ сдѣлался для него поистинѣ „проклятымъ вопросомъ“. Онъ заслонилъ отъ Аркатова всѣ другіе интересы, и въ жертву своему первенству Аркатовъ теперь приносилъ все: трудъ,

удовольствія, чтеніе интересныхъ неучебныхъ книгъ, игру на роялѣ... Весь міръ для него заключался въ гнетущихъ урокахъ, которые надо было одолѣвать, во чтобы то ни стало, и при томъ знать ихъ безъ сучка и задоринки, да еще хорошо помнить все старое... Всѣ помыслы его направлялись къ страшной гимназіи, гдѣ его ожидали драчливые „товарищи“, летающія тряпки и разныя тревоги по поводу плохо выученнаго урока, непонятаго объясненія учителя и пр. И тамъ, въ этомъ страшномъ мѣстѣ ему нужно было непремѣнно поддерживать престижъ и славу перваго ученика и не получить какъ-нибудь четверки или, Боже упаси, тройки! Единственное удовольствіе, которое Аркатову оставалось теперь въ жизни—это было сознаніе своего первенства, благодаря которому онъ уже не былъ несчастной сѣрой песчинкой въ необъятной массѣ другихъ сѣрыхъ песчинокъ-учениковъ... Его знали, онъ былъ *личностью*...

Онъ испытывалъ чрезвычайное наслажденіе при полученіи пятерокъ. Онъ любилъ теперь эту цифру, саму по себѣ, помимо ея внутренняго значенія, подобно тому, какъ любилъ прежде красивую игрушку, интересную картинку. Онъ изучилъ манеру всѣхъ учителей ставить пятерки и любилъ самъ ставить ихъ, нерѣдко исписывая пятерками цѣлые листы бумаги, при чемъ изображалъ эту пріятную цифру на всѣ лады: и просто цифрой, и цифрой съ прибавленіемъ слова „пять“ и пр. Однажды учитель математики вмѣсто цифры поставилъ Аркатову въ дневникъ слово „отлично“... Аркатовъ растерялся и даже огорчился, не зная, какъ понимать это слово... Спросить учителя онъ не посмѣлъ и сталъ, по обыкновенію, разспрашивать дома старшаго брата:

— Пять это или четыре?

— „Отлично“-то? Пять! Да еще, пожалуй, пять съ плюсомъ.

— Почему же онъ мнѣ цифры не поставилъ, а написалъ такую чепуху?

— Ну, ужъ это его дѣло... Вѣроятно, надоѣло ставить все цифры да цифры, вотъ онъ и написалъ „отлично“.

— А, можетъ быть, это четыре съ плюсомъ?—допытывался Аркатовъ.

— Я же говорю тебѣ, что это никакъ не меньше пяти!.. Что можетъ быть лучше „отлично“?

— Ну, вотъ!.. „Великолѣпно“, „превосходно“... Это еще лучше, чѣмъ „отлично“!

Послѣ нѣкотораго препирательства съ братомъ насчетъ того, что лучше: „отлично“ или „превосходно“, Аркатовъ пришелъ къ убѣжденію, что получилъ изъ математики пять съ плюсомъ.

— А себѣ-то въ журналъ онъ что поставилъ? Ты видѣлъ?—спросилъ братъ.

— Нѣтъ! Кто-жъ его знаетъ, что̀ онъ тамъ ставитъ! А спросить его я побоялся... неловко какъ-то!

Послѣ этого Аркатову ужасно захотѣлось приписать къ слову „отлично“ въ дневникѣ цифру пять съ плюсомъ. Но онъ боялся совершить этотъ, какъ ему казалось, подлогъ... И лишь спустя недѣлю, когда классный наставникъ читалъ, кто и какія отмѣтки получилъ за эту недѣлю, Аркатовъ узналъ, что его „отлично“ должно быть переведено на языкъ цифръ простою пятеркой, вовсе безъ плюса... Это его огорчило, но въ то же время онъ былъ доволенъ, что не поставилъ себѣ собственноручно пятерки съ плюсомъ, положившись на брата.

Ахъ, эти пятерки съ плюсомъ! Какъ обожалъ ихъ Аркатовъ, и какъ рѣдко удавалось ему получать ихъ. Два раза ставилъ ихъ ему „батюшка“, но батюшка, какъ и подобало духовному лицу, былъ, вообще, щедръ на кресты и ставилъ пять съ крестомъ встрѣчному и поперечному, такъ что эта отмѣтка на урокахъ закона Божія была обезцѣнена.

Кромѣ этихъ двухъ пятерокъ съ крестами, Аркатовъ получилъ однажды пять съ крестомъ за письменную работу по русскому языку... У него даже сердце какъ-то особенно ёкнуло, когда онъ увидѣлъ въ своей тетради такую прелесть... Это уже была рѣдкость! Кромѣ Аркатова по русскому языку пять съ плюсомъ не было ни у кого.

Но вотъ и все!.. А дальше слѣдовали просто пятерки—и нерѣдко пятерки съ минусами, а одинъ разъ даже съ двумя минусами! Это было тогда, когда на урокѣ ариѳметики Аркатовъ перепуталъ числителя съ знаменателемъ и при умноженіи дробей сталъ перемножать не то, что полагалось. А когда учитель упрекнулъ его и сталъ спрашивать теорію, почему да отчего нужно множить именно такія-то числа, то Аркатовъ, вообще не сильный въ теоріи, совсѣмъ запутался, и только чинъ перваго ученика да прежнія заслуги спасли его... Когда онъ подалъ преподавателю свой дневникъ для выставленія отмѣтки, тотъ подумалъ и поставилъ—правда, пятерку, но снабдилъ ее двумя энергичными минусами съ самымъ мрачнымъ и недовольнымъ видомъ—и Аркатовъ ужасно разстроился.

Но бывало и хуже. Въ табеляхъ ему, правда, выводили изо всего (даже изъ „опрятности тетрадей“) пятерки, но въ теченіи учебной четверти у него попадались и четверки, а одинъ разъ даже тройка... изъ чистописанія. Получивъ эту тройку, бѣдняга пришелъ домой съ плачемъ.

— Что съ тобой?—съ тревогой стали спрашивать его домашніе.

Аркатовъ сначала упорно скрывалъ причину своего горя, но потомъ, когда его мать серьезно обезпокоилась его слезами, онъ признался:

— Трой-ку-у по-о-лучилъ!.. Про-о-валился! Вотъ тебѣ и первый ученикъ.

— Изъ чего? Изъ какого предмета?

— Изъ чистописанія!!

— Вотъ тебѣ на̀! Такой пустой предметъ, а ты слезы распустилъ!

— Что-жъ изъ того, что пустой?.. Вотъ Аникіевъ изо всего пять получилъ, а у меня будетъ тройка или четверка изъ чистописанія въ табели, я и слечу!

И онъ зарыдалъ снова.

Эти тройки и четверки страшно мучили его. Онъ не спалъ ночей, дѣлая математическіе разсчеты—выведутъ ли ему при наличности столькихъ-то пятерокъ и четверокъ пятерку въ табель? Онъ совѣтовался по этому поводу съ братомъ, съ отцомъ, съ товарищами въ классѣ.

— Обязательно, братъ, четверку выведутъ,—говорили товарищи.—Хотя, бывали примѣры и пять выводили... Вонъ Ѳедотову въ основномъ классѣ Александръ Петровичъ четверку вывелъ, а у него троекъ было больше, чѣмъ четверокъ.

Братъ совѣтовалъ Аркатову не заниматься глупостями. Отецъ сердился:

— Съ ума вы всѣ спятили съ этими дурацкими отмѣтками! Когда ихъ только упразднятъ!

Но Аркатовъ вовсе не желалъ, чтобы отмѣтки упразднили, по крайней мѣрѣ, — пятерки. Когда предъ концомъ учебной четверти всѣ страхи исчезали, Аркатовъ „поправлялся“ и получалъ изо всего пятерки, онъ тогда считалъ существующую систему балловъ превосходной... Принося домой табель, утомительно однообразный въ цифрахъ, онъ сіялъ.

— Я даже не понимаю, какъ это можно получать единицы и двойки!—хвастался онъ:—для меня этихъ отмѣтокъ не существуетъ!

Въ рѣдкое свободное время дома онъ иногда игралъ съ младшими братомъ и сестрой „въ гимназію“, спрашивалъ у нихъ уроки и съ необыкновеннымъ наслажденіемъ ставилъ имъ отмѣтки—особенно единицы, которыя, будучи для него совершенно чуждыми, казались ему необыкновенно пикантными.

Въ классѣ онъ сошелся съ однимъ очень тихимъ и крохотнымъ мальчуганомъ Голыбинымъ, который всегда игралъ въ какую-то игру, оказавшуюся преинтересной и для Аркатова. Голыбинъ былъ очень благодушный, розовенькій и бѣлень-

кій мальчикъ, съ тихимъ голоскомъ и кроткими манерами, по прозванію „манная каша“. Уже это одно сразу расположило въ его пользу столь же кроткаго и благонравнаго Аркатова. Но игра Голыбина совершенно очаровала его.

Голыбинъ нарѣзывалъ массу бумажныхъ квадратиковъ и на каждомъ квадратикѣ надписывалъ имя какого нибудь знаменитаго древняго или новаго героя. Затѣмъ онъ клалъ на столъ книгу и подбрасывалъ надъ нею всѣ квадратики съ героями такъ, чтобы они по возможности тутъ же на столъ и упали. Тѣмъ изъ упавшихъ героевъ, которые упали на книгу, онъ ставилъ пятерки и четверки, смотря по тому, кто упалъ ближе къ серединѣ книги. Тѣ же, которые падали просто на столъ, получали, въ зависимости отъ разстоянія, отмѣтки похуже. Упавшіе на полъ—безусловно „проваливались“... Имъ Голыбинъ ставилъ безъ всякаго сожалѣнія единицы и даже нули. Онъ велъ аккуратно разграфленный журналъ; въ немъ по алфавиту были размѣщены всѣ герои, а въ клѣточкахъ противъ ихъ именъ выставлялись отмѣтки. Спустя опредѣленное время, Голыбинъ выводилъ имъ баллы „за четверть“. Онъ нерѣдко потакалъ любимымъ героямъ и подводилъ подъ единицы нелюбимыхъ. Любимыми у него были: Петръ Великій, Наполеонъ Бонапартъ, Корнелій Сципіонъ и Бертранъ дю-Гескленъ, а нелюбимыми—Аттила, Стенька Разинъ и въ особенности Пугачевъ... Пугачевъ, какъ ни старался, какъ ни падалъ поближе къ книгѣ, никогда не могъ получить больше двойки и считался „послѣднимъ“... Голыбинъ каждый день занимался этой мирной игрой, не принимая никакого участія въ общественныхъ свалкахъ и дебошахъ, и игра эта ему, повидимому, нисколько не надоѣдала.

Аркатовъ однажды присоединился къ нему, и у него завелись съ этихъ поръ съ Голыбинымъ общіе интересы.

— Ну-ка, ну-ка, кто куда упалъ?—интересовался Аркатовъ, когда квадратики, подброшенные рукою Голыбина, падали на книгу, на столъ около нея и на полъ.—Ого! Наполеонъ-то Бонапартъ куда упалъ! Почти на середину! Сколько ему? Пять съ минусомъ?

— Ну, нѣтъ! Довольно четверки съ плюсомъ!—возражалъ Голыбинъ:—и то только потому, что онъ третій ученикъ!

— А кто же первый? Петръ Великій?

— Нѣтъ! Нынче Бертранъ дю-Гескленъ; въ ту четверть былъ Петръ Великій, а нынче онъ слетѣлъ: всего одиннадцатымъ!.. А вторымъ нынче Корнелій Сципіонъ!

— А Пугачевъ-то, смотри-ка, почти рядомъ съ Наполеономъ! А еще послѣдній ученикъ! Какой счастливецъ! Сколько ему? Четыре?

— Это онъ по нахальству!—невозмутимо объявлялъ Голы-

бинъ:—онъ всегда нахально лѣзетъ къ первымъ, а у самого никакихъ способностей нѣту!.. Вродѣ какъ бы по подсказкѣ урокъ отвѣчаетъ. Я ему поставлю нуль, чтобы отучить!

— А поправляться ему развѣ нельзя?

— Нѣтъ!.. Онъ безнадежный! Вотъ Аттила нынче будетъ поправляться предъ выводомъ табелей. Можетъ быть, и поднимется немножко.

— А Корнелій Сципіонъ-то!.. Прямо по рединѣ!

— Онъ молодчина! А вотъ Бертранъ что-то сплоховалъ. Зазнался, что все первый да первый, ну, и налетѣлъ! Поставимъ ему три!.. Ричардъ Львиное Сердце совсѣмъ провалился... подъ столомъ! Ну, и наплевать! Пусть получаетъ единицу!

Въ такихъ интересныхъ разговорахъ Аркатовъ проводилъ теперь почти все время въ классѣ, между уроками. Дома онъ устроилъ было такую игру самостоятельно и привлекъ къ ней младшихъ членовъ аркатовской семьи, но они, какъ еще не испытавшіе всей прелести отмѣтокъ и не знающіе толка ни въ Аттилахъ, ни въ Сципіонахъ, отнеслись къ ней очень нелюбезно. Они рѣшили, что „въ гимназію" еще можно играть, но что эта новая игра, чистая чепуха!

Впрочемъ, играть-то Аркатову приходилось рѣдко!..

На Святкахъ, на Пасхѣ, онъ только первые дни чувствовалъ, что у него съ плечъ свалилась огромная тяжесть. Въ послѣдующіе дни онъ снова начиналъ томиться: нужно было приготовлять уроки, заданные на праздники. А такихъ уроковъ всегда задавалось множество—особенно изъ математики и латыни. Изъ математики учитель задавалъ такія хитрыя задачи, что съ ними тщетно мучился не одинъ Аркатовъ Георгій, но и всѣ Аркатовы, за исключеніемъ лишь самыхъ младшихъ членовъ семьи.

По обыкновенію, Аркатовъ со дня на день откладывалъ приготовленіе этихъ трудныхъ праздничныхъ работъ и ужасно терзался при этомъ совѣстью и безпокойствомъ, такъ что для него праздникъ былъ не въ праздникъ. Когда исчезала палка, висѣвшая надъ нимъ въ обыкновенное время, когда не было прямой необходимости учить урокъ непремѣнно на завтра,—у Аркатова совершенно пропадало всякое чувство иниціативы; онъ ощущалъ полное безсиліе своего „я", полную неспособность приняться за надоѣвшее, мучительное дѣло. Но сознаніе необходимости рано или поздно покончить съ уроками оставалось въ немъ, и, чѣмъ долѣе затягивалось время, тѣмъ болѣе это сознаніе терзало Аркатова.

Послѣдніе дни праздниковъ онъ бродилъ, какъ сонная муха, не выходилъ на воздухъ, плохо ѣлъ, плохо спалъ, блѣднѣлъ, худѣлъ, и весь его умъ былъ занятъ одной только мыслью:

— Не провалиться бы! Не слетѣть бы изъ первыхъ учениковъ!

Не смотря на привлекательное званіе перваго ученика и пріятность пятерокъ, Аркатовъ не любилъ гимназіи и боялся ея; боялся всего, что въ ней находилось и имѣло съ нею связь. Гимназія была для него чудовищемъ, которое каждый день готовилось пожрать его и отъ котораго нужно было откупаться—словно умилостивительной жертвой—приготовленіемъ уроковъ. Товарищей у Аркатова не было, за исключеніемъ „Манной каши" Голыбина, постоянно, съ упорствомъ маніака, занятаго своими Аттилами и Пугачевыми, и еще двухъ-трехъ такихъ же тихихъ и вѣжливыхъ мальчиковъ... За то непріятелей и даже враговъ у Аркатова было видимо-невидимо. Не говоря уже объ ужасныхъ скиѳоподобныхъ великанахъ, ученикахъ старшихъ классовъ, всегда непріязненно смотрѣвшихъ на „мелочь" изъ 2-го класса, у Аркатова въ своемъ второмъ классѣ были недоброжелатели.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ претендентовъ на званіе перваго ученика—Басихинъ постоянно злился на Аркатова и завидовалъ ему. Онъ никогда не говорилъ съ Аркатовымъ по человѣчески, но всегда ругалъ самыми отвратительными словами, значенія которыхъ Аркатовъ хотя еще не понималъ, но уже чувствовалъ ихъ гнусность... Кромѣ ругани Басихинъ пытался бить Аркатова, щипалъ его, пачкалъ ему одежду, тетради и продѣлывалъ иныя мелкія мерзости.

Краснорожій Янкевичъ, не смотря на то, что Аркатовъ уже успѣлъ убѣдиться въ его ничтожествѣ и трусливости, все еще продолжалъ травить Аркатова, приставать къ нему и бить его, подкравшись, по спинѣ... Знаменитый „Taurus", бѣгавшій по партамъ, глубоко презиралъ Аркатова за его слабую комплекцію и окрестилъ его „телячьей смертью"... Бить его онъ не билъ, но постоянно выказывалъ глубокое отвращеніе къ „телячьей смерти", отвращеніе, больно обижавшее сиротливаго „перваго ученика„.

Кромѣ Басихина, Янкевича, „Taurus'a" и Пупу, все еще время отъ времени избивавшаго Аркатова съ присущимъ ему идіотски-озвѣрѣлымъ взглядомъ, особенно сильно заставлялъ страдать Аркатова маленькій, хорошенькій, какъ картинка, но уже безнадежно испорченный мальчикъ Андерсонъ.

Андерсонъ принадлежалъ къ типу школьныхъ „шутниковъ", постоянно безъ всякаго злого умысла, но просто изъ желанія посмѣяться, устраивающихъ разныя развеселыя продѣлки съ окружающими: то испачкаютъ платье, то запрячутъ нужную книгу, то просто примутся приставать съ шутками, насмѣшками или щелчками, доводя людей до бѣлаго каленія. Андерсонъ всѣ „перемѣны" занимался или

рисованіемъ, не смотря на свой юный возрастъ, неприличныхъ изображеній и картинокъ, или травлей своихъ однокашниковъ. У Аркатова онъ, обыкновенно, утаскивалъ ранецъ и съ помощью своихъ благопріятелей вѣшалъ его на крюкъ высоко надъ дверями, такъ что Аркатовъ долженъ былъ или ахать и волноваться, являя изъ себя смѣшную для всѣхъ окружающихъ фигуру, или вступить въ драку съ Андерсономъ, или, наконецъ, жаловаться начальству, что, конечно, было запрещено школьной этикой. Драться Аркатовъ не чувствовалъ себя способнымъ, а жаловаться не могъ по названной причинѣ. Поэтому дѣло кончалось тѣмъ, что Андерсонъ, вдосталь натѣшившись, возвращалъ Аркатову ранецъ лишь въ самую критическую минуту, или въ классъ случайно заглядывало какое нибудь начальство и приказывало убрать ранецъ. Приходилъ сторожъ съ шестомъ—торжественно снималъ злополучную аркатовскую сумку и вручалъ ее, при хохотѣ всего класса, Аркатову, самъ смѣясь надъ нимъ:

— Эхъ, баринъ, смотрите, какъ бы сапоговъ съ васъ не украли!

Но всего болѣе возмущало Аркатова то обстоятельство, что и Пупу, и „Taurus", и Андерсонъ постоянно приставали къ нему, какъ къ первому ученику, требуя дать „содрать" задачки, переводы, прося объяснить то или другое, прося подсказывать, и Аркатовъ изъ такъ называемаго „товарищества" долженъ былъ удовлетворять ихъ требованія и просьбы...

Не менѣе, чѣмъ учениковъ, Аркатовъ боялся и учителей.

Аркатовъ питалъ ко всему „начальству" какой-то чисто религіозный страхъ. Всѣ, кто такъ или иначе возвышались надъ гимназистами, начиная съ попечителя учебнаго округа и кончая захудалымъ длинноногимъ старикомъ-надзирателемъ,—всѣ были для Аркатова страшными, грозными и недосягаемо великими людьми. Онъ страшно боялся встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ на улицѣ или въ обществѣ. Его часто мучилъ вопросъ, какъ узнать на улицѣ попечителя, чтобы поклониться ему? Каковъ онъ на видъ? Какіе отличительные его признаки? На улицѣ онъ нѣсколько разъ кланялся воображаемому попечителю, а одинъ разъ встрѣтилъ даже четверыхъ попечителей, пока шелъ отъ гимназіи къ дому.

И не только само начальство, т. е. учителя и надзиратели, но и жены начальства пугали Аркатова.

Однажды на масляницѣ онъ пошелъ съ братомъ въ оперу— на „Фауста"...

Чтобы идти въ театръ, гимназисты должны были имѣть спеціальное (на каждый разъ особо) разрѣшеніе отъ инспек-

тора... Инспекторъ, если дозволялъ идти, выдавалъ печатный „билетъ“: — „Такому-то ученику разрѣшено быть на спектаклѣ такого-то числа“... Какъ подобало первому ученику, Аркатовъ имѣлъ въ виду достать себѣ такой билетъ, чтобы идти въ театръ со спокойнымъ сердцемъ... Но по случаю праздниковъ онъ не могъ застать инспектора ни на дому, ни въ гимназіи... А идти въ театръ ужасно хотѣлось, и Аркатовъ рѣшилъ отправиться на ура, безъ разрѣшенія...

Въ театрѣ братъ нашелъ въ партерѣ знакомыхъ и ушелъ къ нимъ, продавъ свое мѣсто на балконѣ какому-то подвернувшемуся любителю... Аркатовъ, имѣя въ рукахъ билетъ съ 87 нумеромъ, поднялся одинъ на балконъ и увидѣлъ, что на его 87 нумерѣ уже сидѣла какая-то отвратительная, изсохшая, съ неимовѣрной прической старуха.

— Вы, кажется, на моемъ мѣстѣ сидите?—храбро обратился онъ къ ней.

— Почему вы такъ думаете?—грозно возразила, обернувшись къ нему, старуха.

Аркатовъ показалъ ей свой билетъ.

— Вашъ билетъ фальшивый!—отрѣзала она.

Аркатовъ началъ протестовать. Подвернувшійся капельдинеръ объяснилъ старухѣ, что у Аркатова билетъ вполнѣ правильный и попросилъ ее показать ея билетъ: не сидитъ ли она, въ самомъ дѣлѣ, не на своемъ мѣстѣ? Старуха разсердилась, обругала капельдинера „хамомъ“, а Аркатова обозвала „мальчишкой“, „приготовишкомъ“ и стала „тыкать“ его:

— Какъ ты смѣешь спорить со мной!—воскликнула она, потрясая прической:—я уже до сѣдыхъ волосъ дожила, а ты—мальчишка!.. Всякій мальчишка лѣзетъ съ дерзостями!

Она прогнала капельдинера и непреклонно осталась на занимаемой позиціи... Аркатовъ рѣшилъ покуда пристроиться рядомъ съ ней: благо мѣсто рядомъ съ ней все еще пустовало, хотя уже началась увертюра. Но едва онъ усѣлся, какъ старуха повернулась къ нему и грозно спросила:

— А билетъ у тебя отъ инспектора есть?

Аркатовъ, у котораго и безъ того кошки скребли на сердцѣ по поводу отсутствія этого билета, даже вздрогнулъ отъ такой неожиданности... Эта старуха словно читала въ его душѣ... Даже не отдавая себѣ отчета—отчего и по какому праву она задаетъ ему вопросъ объ инспекторскомъ билетѣ, онъ смущенно пролепеталъ:

— Собственно нѣтъ.

— Такъ какъ-же ты попалъ въ театръ?—гнѣвно продолжала старуха, тряся прической:—развѣ ты не знаешь, что

безъ билета нельзя? Я—жена надзирателя! Какъ твоя фамилiя?

Это было ужаснымъ откровенiемъ для Аркатова! Такъ какъ старуха говорила въ высшей степени авторитетно, то онъ ни на секунду не усомнился, что она въ самомъ дѣлѣ надзирательша... Фамилiи онъ не назвалъ, но робко пролепеталъ:

— Потомъ поговоримъ... Въ перемѣну... т. е. во время антракта.

— Хорошо! Сейчасъ, въ самомъ дѣлѣ неудобно! Ужъ занавѣсъ подняли! А въ антрактѣ я скажу мужу... Вонъ онъ сидитъ!..

Аркатовъ просидѣлъ 1-й актъ какъ на иголкахъ, ничего не понимая, что дѣлается на сценѣ... А когда занавѣсъ опустился, онъ предался постыдному бѣгству... Не пытаясь разыскивать брата, который, по его глубокому убѣжденiю, ничего не могъ бы подѣлать съ такимъ грознымъ и неумолимымъ судiей, какъ надзиратель, Аркатовъ, глотая слезы отчаянiя и ужасно боясь погони, торопливо одѣлся и побѣжалъ домой.

— Она запомнила мое лицо!.. Она опишетъ мою наружность мужу!.. Онъ видѣлъ меня самъ!—въ отчаянiи твердилъ онъ самъ себѣ, торопясь домой...—А тамъ идетъ „Фаустъ"!.. Братъ сидитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждается... А я-то?!.. и билетъ-то пропалъ!.. И какой билетъ: 87-й нумеръ, у барьера!!..

Онъ горько и долго плакалъ, уже придя домой, не смотря на подтруниванiе отца, дразнившаго его тѣмъ, что онъ „связался съ бабой" и „испугался бабы"...

. . . .

А сколько было еще опасностей внѣ гимназiи!.. Ужъ, кажется, Аркатовъ Георгiй былъ смиренный изъ самыхъ смиренныхъ учениковъ въ классѣ! Не водилось за нимъ ни дерзостей, ни шалостей, не скоблилъ онъ классной доски перочиннымъ ножомъ, не плевалъ подъ парты, не кидался жеваной бумагой, не ѣлъ во время урока—и изъ всѣхъ семи смертныхъ гимназическихъ грѣховъ если и былъ въ которомъ либо повиненъ, то развѣ только въ геройскомъ грѣхѣ подсказыванья!.. И при всемъ томъ гимназическая дисциплина окружала его такими многочисленными бѣдствiями, что не преступить хотя-бы одного изъ нихъ не представлялось никакой возможности.

Напримѣръ, трудно было иной разъ не опоздать къ молитвѣ—даже при всемъ добромъ желанiи не опаздывать... Трудно было удерживаться отъ „появленiя на улицѣ позднѣе 7 часовъ вечера"—въ особенности въ предпраздничные дни,

когда Аркатовъ отправлялся въ гости къ знакомымъ! Трудно было удержаться въ весеннее время отъ ѣзды на имперіалѣ конки на пристань, гдѣ среди пароходовъ, на свѣжемъ воздухѣ, въ сіяніи громадной рѣки Аркатовъ чувствовалъ себя какъ-бы въ раю... Трудно было тогда же не пройтись по полуденной жарѣ, распахнувъ пальто, вмѣсто того, чтобы (по формѣ) застегнуть его на всѣ восемь пуговицъ...

Все это было предусмотрѣно гимназической дисциплиной... Аркатовъ нерѣдко нарушалъ эти ея постановленія и часто трепеталъ не только за свое—первенство, но и, вообще, ученичество...

Но всего тяжелѣе и труднѣе для него всетаки было ученіе само по себѣ. Аркатовъ въ то время еще не задавался разными проклятыми вопросами, вродѣ, напримѣръ, вопроса о пользѣ и цѣлесообразности древнихъ языковъ. Онъ добросовѣстно зубрилъ всѣ тѣ неудобоваримыя вещи, которыя ему предписывалось зубрить изъ латыни, и изъ русской грамматики; но иногда и на него находили сомнѣнія: зачѣмъ учить такъ, а не иначе? Почему непремѣнно учить слово въ слово то, что онъ и безъ того знаетъ, хотя и не слово въ слово? Однажды у него даже вышло нѣкоторое препирательство съ учителемъ русскаго языка.

Этотъ педагогъ заставлялъ учениковъ зубрить корни съ буквою „ѣ“ наизусть по алфавиту, и ученики заучивали эти корни, какъ „отче нашъ“... Аркатовъ, который уже въ 1-мъ классѣ никогда не дѣлалъ ошибокъ въ случаяхъ буквы „ѣ“ и которому труднѣе всего давалось именно механическое зазубриваніе разныхъ отдѣльныхъ словъ по порядку, на этотъ разъ возмутился и съ трепетомъ объявилъ учителю, что не считаетъ нужнымъ для себя учить корни съ „ѣ“.

Но при этомъ онъ ужасно перепугался и переконфузился... Учитель же посмѣялся надъ нимъ и сказалъ:

— Что же ты это, братецъ, мудришь? Первый ученикъ, и вдругъ забоялся учить уроки!.. Всѣ учатъ и ты учи! Это развиваетъ память.

„Первый ученикъ“ съ этихъ поръ уже не осмѣливался бунтовать и усиленно „развивалъ память“ безсмысленной зубристикой, тратя время и трудъ на то, чтобы послѣ мучительной долбежки запомнить что „хлѣбъ“ и „хлѣвъ“ стоятъ рядомъ, а за ними слѣдуетъ „хрѣнъ“, и такъ далѣе...

Тоже самое было и съ латынью. И пословицы, и неправильные глаголы, и разныя исключенія—все нужно было „по порядку“. Сосредоточенное вниманіе и хорошо поставленная память дѣлали то, что Аркатовъ, ознакомившись съ исключеніями и неправильными глаголами, прекрасно зналъ ихъ въ разбивку и ни въ экстемпораліяхъ, ни въ устныхъ

примѣрахъ ни разу не „вралъ"... Но зубрить—какое исключеніе и за какимъ слѣдуетъ по алфавиту, было для него совершенно лишнимъ и незаслуженнымъ мученіемъ... И давалось ему это зазубриваніе, не смотря на хорошо дѣйствующую въ другихъ случаяхъ память—крайне туго,—по всей вѣроятности, благодаря его живому уму, не желавшему топтаться безъ пользы на одномъ мѣстѣ и стремившемуся впередъ послѣ того, какъ имъ была въ достаточной степени усвоена самая суть дѣла...

. . . .

Вотъ онъ, уже перешедши въ третій классъ и все еще оставаясь первымъ ученикомъ, сидитъ позднимъ вечеромъ въ своей комнатѣ за уроками. За годъ своего пребыванія въ гимназіи онъ сильно выросъ, поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Даже всеисцѣляющее лѣто мало поправило его... Экзамены онъ выдержалъ блистательно и заслужилъ „награду 1-й степени". Его табель за 2-й классъ, съ помѣткой о наградѣ, хранится у него въ столѣ, какъ драгоцѣнная реликвія... Первые лѣтніе дни онъ совсѣмъ опьянѣлъ отъ свободы и отъ легальности ничегонедѣланія и даже скучалъ, не зная, куда дѣвать время. Но потомъ его стали угнетать мысли о вакаціонныхъ, чрезвычайно трудныхъ работахъ. Онъ, по обыкновенію, откладывалъ ихъ со дня на день, терзался угрызеніями совѣсти и страхомъ за будущее...—и лѣто не было для него полнымъ освобожденіемъ отъ гнетущаго призрака гимназіи. Напротивъ, этотъ призракъ все время стоялъ предъ нимъ, точно привидѣніе библейскаго молоха, готовившагося проглотить его въ самомъ непродолжительномъ времени...

Теперь онъ снова погребенъ въ самомъ чревѣ этого молоха, глотающаго дѣтей цѣлыми партіями... Опять голову его сдавливаютъ свинцовые обручи, вниманіе подавлено, а въ мозгу жужжитъ неугомонная мысль:—не успѣю приготовиться изъ математики! Завтра утромъ дома тоже не успѣть!.. Не успѣть и предъ урокомъ въ гимназіи... провалюсь!.. Слечу изъ первыхъ!—Вотъ уже мѣсяцъ, какъ у него опять нѣтъ времени ни почитать интересную книжку, ни поиграть подольше на свѣжемъ воздухѣ... Вся его жизнь какъ бы придавливается безпощадной каменной десницей гимназіи...

Лѣто Аркатовъ вспоминаетъ въ видѣ чего-то блестящаго, огромнаго, свѣтлаго и просторнаго, точно безконечный ослѣпительный океанъ или безграничный сіяющій лазурный просторъ неба. Зима же представляется ему сидѣньемъ въ какой-то темной закупоренной коробкѣ посреди всевозможныхъ ужасовъ и трудовъ. Она представляется ему также еще и въ видѣ свѣтлаго круга на столѣ отъ лампы, прикрытой абажуромъ. Внѣ этого круга тьма. Самъ онъ тоже

во тьмѣ. А въ кругѣ трудныя задачи, трудныя вокабулы и спряженія. Къ трудностямъ латыни нынче прибавились непреоборимыя тяготы греческаго языка, и все это окружено, точно мученическимъ ореоломъ, свѣтлымъ кругомъ лампы...

— Stergo, stergeis, stergei, зубритъ Аркатовъ. Кругомъ тихо. И чудится ему, что гдѣ то подъ потолкомъ насмѣшливое и злое эхо повторяетъ эти безсмысленныя, никуда и ни къ чему негодныя слова, сопровождая ихъ обидными замѣчаніями:

— Stergo, stergeis.—Ну, да, конечно, рано или поздно провалишься. Stergei. Это еще только цвѣточки, stergomen, stergete... а дальше будутъ ягодки... И изъ первыхъ-то учениковъ... stergusi—слетишь!..

III.

Аркатовъ портится.

Аркатовъ палъ...

Когда онъ достигъ шестого класса, онъ, по собственному его выраженію, „даже забылъ объ ощущеніяхъ перваго ученика".

Какъ происходилъ процессъ его паденія, которое, конечно, произошло не сразу, а имѣло за собой длинную и поучительную подготовку—Аркатовъ и самъ не смогъ вполнѣ ясно прослѣдить. До четвертаго класса онъ стойко держалъ знамя своего первенства, любилъ пятерки, „не понималъ, какъ можно получать единицы и двойки", и не задавался вопросами о пользѣ гимназическаго ученія.

А въ четвертомъ классѣ вдругъ что-то въ немъ „повернулось не въ ту сторону". Онъ сталъ „портиться"...

Сначала его „порча" не была замѣтна учительскому глазу. Учителя еще видѣли въ Аркатовѣ добродѣтельнаго „перваго ученика". Но въ немъ ужъ зарождался „послѣдній ученикъ", и, когда Аркатовъ, отвѣчая урокъ, спрягалъ какое-нибудь „titemi" или „didomi" — этотъ зарождающійся „послѣдній ученикъ" уже начиналъ отравлять своимъ мерзостнымъ присутствіемъ аркатовскіе отвѣты. Голосъ у Аркатова пересталъ быть грустнымъ. Серьезности и напряженности въ его отвѣтахъ не было. Онъ не чувствовалъ никакого смака въ процедурѣ „отвѣчанья" и даже... разлюбилъ пятерки!..

Онъ сталъ интересоваться, кромѣ пятерокъ, и прочими прелестями міра и при томъ въ весьма высокой степени. Онъ началъ уже въ четвертомъ классѣ зачитываться разными посторонними книжками до того, что отнималъ самъ у себя

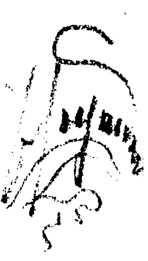
время, нужное для приготовленія уроковъ. А когда его совѣсть задавала ему вопросъ: а какъ же математика? А какъ же спряженіе „hiemi"?—Аркатовъ отвѣчалъ ей:—„Успѣю завтра утромъ приготовиться предъ гимназіей, пораньше встану"—или: „приготовлюсь въ большую перемѣну". Совѣсть, правда, не оставляла его въ покоѣ, но и постороннія занятія были слишкомъ привлекательны, чтобы ихъ бросить... Аркатовъ терзался сомнѣніями.

— Учить-ли уроки на завтра или не учить?

— Не стоитъ учить!—рѣшалъ онъ, и потомъ цѣлый вечеръ страдалъ изъ-за такого рѣшенія:—Вызовутъ завтра и провалюсь!

Онъ успокаивалъ себя тѣмъ, что, если онъ слетитъ изъ первыхъ, то это пустяки. Лишь бы уцѣлѣть въ гимназіи или не остаться на второй годъ. Но на другой же день, въ стѣнахъ гимназіи, онъ снова хотѣлъ остаться первымъ ученикомъ, потому что „проваливаться" всетаки было непріятно и въ глазахъ учениковъ, и, въ особенности, въ глазахъ учителей, уважавшихъ его, какъ казалось Аркатову, за его первенство.

Такъ началось его паденіе... Началось споромъ старыхъ убѣжденій съ разроставшимися новыми убѣжденіями, увлеченіями и желаніями. И, постепенно подчиняясь новымъ интересамъ и увлеченіямъ, Аркатовъ сталъ все меньше и меньше дорожить своимъ званіемъ перваго ученика. Правда, было совѣстно предъ учителями отвѣчать уроки худо, но это непріятное ощущеніе скоро проходило и вытѣснялось пріятными ощущеніями „постороннихъ занятій". И еще задолго до той поры, когда появилось въ Аркатовской душѣ ясное пониманіе нелѣпости и безсмысленности изученія „классиковъ", еще до появленія въ качествѣ учителей дикихъ и безсмысленныхъ или безталанныхъ педагоговъ, отбившихъ у него желаніе и охоту готовить уроки — еще до этой поры Аркатовъ уже началъ „портиться" и, именно, благодаря охватившимъ его внѣучебнымъ интересамъ.

Онъ возмужалъ и значительно развился умственно къ этой порѣ. Въ числѣ внѣучебныхъ интересовъ самый главный былъ тотъ, что Аркатовъ сталъ заниматься писательствомъ. Онъ съ необыкновеннымъ усердіемъ строчилъ стихи, и нижеслѣдующее обстоятельство послужило причиною, что писательство Аркатова стало происходить не только дома, но и въ стѣнахъ гимназіи.

Въ числѣ его товарищей оказались тоже два поэта—оба второгодники, оставшіеся на второй годъ тоже изъ-за „внѣучебныхъ интересовъ". Одинъ поэтъ—по фамиліи Швабе—былъ веселый и живой юноша, значительно старше Аркатова и развитѣе его; другой, Румянцевъ, былъ недалекій и очень

мрачный юноша, тоже уже на возрастѣ. Швабе уже давно велъ шутливую полемику съ Румянцевымъ, переписываясь во время классовъ стихами, сочиняя на него разные „пасквили" и „оды"—иной разъ, дѣйствительно, остроумныя... Аркатовъ, какъ только познакомился съ поэтами, немедленно высказалъ и свои собственныя способности въ писательскомъ родѣ и, примкнувъ къ лагерю Швабе, открылъ со своей стороны полемику съ Румянцевымъ.

Оба они, и Румянцевъ, и Аркатовъ, во время перемѣнъ писали на классной доскѣ разные „экспромты" другъ на друга, при чемъ Румянцевъ проговаривался, что „экспромты" слѣдуетъ всегда подготовлять дома заранѣе, чтобы они выходили глаже и лучше. Товарищи, со Швабе во главѣ, окружали ихъ, подзадоривали, и Аркатовъ чувствовалъ себя центромъ кружка.

Въ классѣ ему жилось гораздо лучше, чѣмъ въ прежнія времена. Во первыхъ, въ четвертомъ, а въ особенности въ пятомъ классѣ уже безслѣдно исчезли „Taurus" и Пупу, главные мучители Аркатова, и отстали, оставшись въ третьемъ классѣ, Андерсонъ и Янкевичъ. Аркатовскій классъ сталъ культурнѣе: остроты, каламбуры и разныя словесныя схватки были уже въ большемъ почетѣ, чѣмъ неистовое дранье встрѣчнаго и поперечнаго, такъ, здорово живешь.

У Аркатова, кромѣ Швабе, завелись еще и другіе товарищи—настоящіе пріятели—умные и славные ребята, съ которыми онъ подолгу бесѣдовалъ о разныхъ разностяхъ. Самъ Аркатовъ, теперь уже веселый и бойкій на языкъ юноша, изъ всѣми презираемой „Телячьей Смерти" превратился въ уважаемаго „Цензора"... Такъ прозвали его потому, что къ Аркатову, какъ къ знатоку русскаго языка, поступали на просмотръ почти всѣ сочиненія его товарищей—по ихъ личной просьбѣ... Онъ иногда даже самъ писалъ для нихъ сочиненія и даже „могъ написать какъ угодно: на пятерку, на тройку; съ ошибками и безъ ошибокъ; съ помарками и почище"...

Учителей онъ теперь боялся гораздо менѣе.... Сохраняя къ нимъ въ тайникахъ души прежній религіозный страхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, уже дерзалъ свободно разговаривать и даже спорить съ ними. Да и учителя теперь были, по большей части, уже другіе... Одни — при всей своей свирѣпости (какъ, напримѣръ, Ѳита и Элладскій, о которыхъ ниже)—вселяли въ ученикахъ вмѣсто религіознаго страха лишь смѣхъ и презрѣніе къ себѣ и къ преподаваемой ими наукѣ... Другіе—какъ, напримѣръ, молодой, только что кончившій университетъ, историкъ Лялинъ или математикъ „Генералъ"—какъ бы сами напрашивались на всякія поблажки и надува-

тельства и страха тоже никакого въ ученикахъ не вселяли...

Знаменитые Элладскій и „Ѳита“ преподавали хотя и грозно, но въ высшей степени безтолково... Поэтому, хотя для Аркатова и страшны были первое время ихъ уроки, онъ вскорѣ постигъ, что учиться у нихъ куда легче, чѣмъ въ былое время при методической послѣдовательности директора или абсолютизмѣ прежняго учителя русскаго языка, заставлявшаго безъ разсужденій зубрить „по порядку“ слова съ буквой “ѣ„... И Элладскій, и Ѳита были въ высшей степени несправедливы; отмѣтки ихъ зависѣли отъ ихъ минутнаго настроенія, и поэтому въ ученикахъ развивался своего рода фатализмъ:

— Учи не-учи, — все равно можно нарваться на единицу!..

А такъ какъ оба учителя доставляли ученикамъ полную возможность всякаго рода надувательствъ и фокусовъ, то соблазнъ не учить уроковъ изъ латыни и греческаго былъ слишкомъ великъ... И, не смотря на возможность получить ни за что, ни про что двойку и единицу, не смотря на постоянную боязнь этого, Аркатовъ кончилъ тѣмъ, что, какъ и всѣ прочіе ученики, не сталъ учить уроковъ этимъ педагогамъ, а подготовлялся только такъ, „для вида“, на скорую руку — обыкновенно при помощи „ключей“ — уже предъ началомъ классныхъ занятій...

Впрочемъ, на первыхъ порахъ онъ имѣлъ намѣреніе добросовѣстно готовиться къ урокамъ Элладскаго... Но Элладскій самъ безжалостно разрушилъ всѣ добрыя намѣренія Аркатова...

Въ четвертомъ классѣ ученики соединились изъ двухъ отдѣленій предыдущаго 3-го класса... Элладскій уже преподавалъ въ прошломъ году въ одномъ изъ этихъ отдѣленій (не въ томъ, въ которомъ учился Аркатовъ), и у него былъ тамъ фаворитъ—первый ученикъ Швецовъ... Когда оба отдѣленія соединились въ 4-мъ классѣ, Элладскій изъ двухъ первыхъ учениковъ, т. е. Аркатова и Швецова, призналъ Швецова, а Аркатова грубо отвергъ.

— Я его не знаю! — говорилъ онъ, когда товарищи рекомендовали ему Аркатова, какъ перваго ученика:—Ну, пусть переводитъ Ксенофонта! Посмотримъ, какой онъ первый ученикъ!

Онъ заставилъ Аркатова переводить à livre ouvert... Аркатовъ бойко перевелъ нѣсколько строчекъ... Элладскій слушалъ его, нахмурясь...

— Вотъ это мѣсто, — началъ онъ, когда Аркатовъ, переведя назначенный періодъ до конца, смолкъ:—вотъ это мѣсто только дураки могутъ такъ переводить!

Аркатовъ опѣшилъ.

— Швецовъ! Переведите вы! Какой же это первый ученикъ!.. Аориста не можетъ отличить отъ настоящаго времени!..

Аркатовъ пытался было объяснить, что онъ очень хорошо понимаетъ, гдѣ аористъ, гдѣ настоящее время, что употребилъ настоящее время лишь „для гладкости“, для большей литературности... Но Элладскій его не слушалъ...

Этотъ неудачный дебютъ у Элладскаго чрезвычайно охладилъ рвенiе Аркатова къ греческому языку... А такъ какъ объ эту пору „постороннія занятія“ уже успѣли въ достаточной степени овладѣть имъ, то онъ отнесся къ переходу первенства на сторону Швецова очень хладнокровно.

— Хорошо и вторымъ!—разсуждалъ онъ:—спокойнѣе! Да и хлопотъ меньше!

Съ другимъ классикомъ, „Ѳитою“, у Аркатова установились довольно хорошія отношенія, но Аркатовъ нерѣдко отвѣчалъ очень неважно... И Ѳита, не смотря на ореолъ „перваго“ ученика, все еще окружавшій Аркатова, постепенно избралъ нормой для его отвѣтовъ четверку, да и то „съ ругательствомъ“...

— Послушайте, Аркатовъ!.. Съ вашими способностями... или я скажу лучше: съ вашими талантами можно бы отвѣчать гораздо лучше!.. Не хорошо!.. Очень не хорошо!.. Я недоволенъ вами!..

— Ну, и пусть!—думалъ Аркатовъ.

Молодой, очень кроткій и незлобивый историкъ Лялинъ, только что поступившій въ учителя, сразу распустилъ весь классъ. Палка, висѣвшая надъ Аркатовымъ, ослабѣла, и онъ сталъ готовить уроки изъ исторіи и географіи „съ опозданіемъ“... Его товарищи, напримѣръ, учатъ уже о Варфоломеевской ночи, а онъ все еще на Аттилѣ или Фридрихѣ-Барбароссѣ сидитъ... А когда Лялинъ пытался вызывать Аркатова, начинались переговоры объ отсрочкѣ:

— Я, Дмитрій Павловичъ, въ другой разъ отвѣчу.

— Вы уже второй разъ отказываетесь, Аркатовъ!

— Я не могъ сегодня хорошо приготовить урокъ... Много было задано изъ латыни.—лжетъ Аркатовъ.

— Ну, хорошо!—соглашается Лялинъ.—Приготовьтесь получше къ слѣдующему разу.

Математикъ, старикъ полякъ, важный и толстый — „Генералъ“, какъ звали его ученики, имѣлъ душеспасительную привычку спрашивать учениковъ по алфавиту... Отвѣтивъ „Генералу“ урокъ, Аркатовъ могъ быть увѣренъ, что его теперь не „спросятъ“ изъ математики цѣлыхъ двѣ-три недѣли...

И пробѣлъ за пробѣломъ накапливались въ его гимназическихъ познаніяхъ... Чѣмъ далѣе онъ двигался въ гимназіи, тѣмъ легче ему, въ сущности, становилось учиться, и тѣмъ безсодержательнѣе и безтолковѣе становилось его пребываніе въ ея стѣнахъ.

Гимназическія познанія стали проявляться въ немъ какими-то просвѣтами... Начала не знаетъ, а вотъ серединка какъ будто знакома... Понятное дѣло, что въ точныхъ наукахъ, какъ, напримѣръ, въ математикѣ, такія „серединныя" познанія приносили ему одинъ только вредъ... Не зная основаній, не зная корня вещей, онъ никогда не могъ вполнѣ точно уяснить себѣ всю суть того, что проходили въ данный моментъ. И, когда приходилъ его чередъ отвѣчать „Генералу", Аркатовъ обыкновенно занимался наканунѣ тѣмъ, что вызубривалъ (не смотря на всю тягость такого труда) наизусть всѣ теоремы и доказательства „безъ пониманія"... Онъ разсуждалъ, шутя, что „Генералъ" и безъ его объясненій пойметъ, въ чемъ дѣло, лишь бы вѣрно изобразить на доскѣ такой-то геометрическій чертежъ и не перепутать буквы... „Генералъ", дѣйствительно, вполнѣ удовлетворялся такой зубристикой, а „задовъ" никогда не спрашивалъ... Кромѣ того, на его урокахъ практиковалось самое отчаянное подсказываніе... Поэтому Аркатовъ обыкновенно и не желалъ точнаго уясненія изучаемаго, хотя и могъ бы при посторонней помощи все уяснить, началъ съ начала...

. . . .

А между тѣмъ онъ сталъ и сознательнѣе всматриваться въ тяготѣвшее надъ нимъ гимназическое преподаваніе... Заучивая съ великимъ трудомъ чуждыя его языку греческія вокабулы, которыя при томъ и произносились Богъ ихъ знаетъ какъ: не то по Эразму, не то по Рейхлину,—Аркатовъ началъ соображать, что едва ли произойдетъ для него какая нибудь радость или удовольствіе въ жизни отъ этихъ вокабулъ или отъ омерзительныхъ, невыносимо трудныхъ спряженій съ ихъ всевозможными прошедшими, будущими, предбудущими, сверхбудущими, давнопрошедшими и давнымъ-давно прошедшими и никогда не бывавшими временами, съ ихъ сослагательными, желательными и нежелательными наклоненіями..

— Чортъ ихъ знаетъ!—возмущался онъ:—Мало имъ единственнаго и множественнаго числа, такъ они еще двойственное выдумали!.. Мало разныхъ простыхъ прошедшихъ временъ, такъ еще аористовъ настряпали!

Въ пятомъ классѣ Аркатовъ „по инерціи" все еще считался въ числѣ хорошихъ учениковъ, но паденіе его шло впередъ гигантскими шагами. Струна, такъ сильно сразу на-

тянутая въ младшихъ классахъ, стала ослабѣвать съ изумительной быстротой. У Аркатова не было достаточной уравновѣшенности въ характерѣ, чтобы съ разсчетомъ и хладнокровно заниматься гимназическими благоглупостями латыни и греческаго языка... По натурѣ импульсивный и крайне впечатлительный, онъ страстно возненавидѣлъ всю классическую учебу, едва только раскусилъ ея тлѣнъ и гниль. А раскусить ее теперь для него не представлялось никакой трудности, особенно подъ руководствомъ и при содѣйствіи такихъ педагоговъ, какъ Ѳита и Элладскій.

Первыми учениками въ старшихъ классахъ стали совсѣмъ другіе типы. Въ младшихъ классахъ первыми были усердствующія способныя натуры, рьяно на первыхъ порахъ переваривавшія все то, чѣмъ ихъ пичкала гимназія... Въ старшихъ же классахъ первенство отнимали у нихъ или уравновѣшенныя трудолюбивыя посредственности, работавшія усердно по привычкѣ или изъ страха и мало озабоченныя содержаніемъ той трухи, которую они изучали, или же карьеристы, въ достаточной степени дальновидные, разсчетливые и способные молодые люди, прекрасно понимавшіе, что классицизмъ—чепуха и гниль, но старательно изучавшіе Цезаря, Софокла и Гомера, даже презирая ихъ не по заслугамъ... Они сознательно подчинялись трудностямъ и безцѣльнымъ изныванiямъ надъ латинскимъ и греческимъ языками, имѣя достаточно силы воли претерпѣть все это, чтобы потомъ возсiять по окончанiи экзаменовъ зрѣлости.

Аркатовъ не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ и, уразумѣвъ съ ясностью пустоту и ненужность классицизма, падалъ все ниже и ниже. Въ пятомъ классѣ онъ даже получилъ свою единицу у Элладскаго. Правда, единица была поставлена вовсе не за незнаніе урока, а совсѣмъ по особому случаю и была тутъ же уничтожена самимъ Элладскимъ, но толчокъ былъ данъ, и съ тѣхъ поръ Элладскій совершенно пересталъ церемониться съ ci-devant первымъ ученикомъ.

Дѣло было такъ:

Одинъ изъ пятиклассниковъ принесъ мышь въ мышеловкѣ и выпустилъ ее во время греческаго урока на волю. Аркатовъ, боявшійся мышей, заоралъ благимъ матомъ, когда мышь пробѣжала у него по партѣ. Элладскій перепугался крика, вздрогнулъ и накинулся на Аркатова:

— Что онъ тутъ оретъ!.. Единица!..

И онъ торопливо, со злобой, побѣжалъ къ кафедрѣ за журналомъ.

— Мышь, Маркіанъ Степановичъ!

— Какая тамъ мышь!.. Что за дуракъ!—бранился онъ ба-

сомъ, ставя Аркатову единицу:—Какой подлецъ!.. Оретъ, точно на базарѣ!.. Болванъ!

— Я испугался, Маркіанъ Степановичъ!—оправдывался Аркатовъ:—я боюсь мышей!—Я нервный!..

— Я самъ нервный!—возразилъ Элладскій.

И единица прочно водрузилась противъ фамиліи Аркатова. Аркатовъ горевалъ... А мышь между тѣмъ убѣжала въ уголъ, спокойно угнѣздилась тамъ и принялась даже что-то грызть. Ученики смѣялись, бросали въ нее бумагой. Элладскій ходилъ по классу, стараясь не обращать на нее вниманія.

— Что смѣетесь?—строго обратился онъ къ ученикамъ.—Ничего смѣшного нѣтъ!..

Но ученики продолжали развлекаться. Элладскій мало по малу сталъ самъ интересоваться мышью.

— Этакая мерзость!—промолвилъ онъ густымъ басомъ, искоса поглядѣвъ на нее.

— Ужасно смѣшно, Маркіанъ Степановичъ! Она обои грызетъ!—говорили ободренные ученики.

— Казенное добро портитъ!—сказалъ, уже прямо уставившись на мышь, Элладскій.—Какая гнусная тварь!.. Хуже жида!

Ученики смѣялись.

Элладскій остановился, долго глядѣлъ на мышь, ухмыльнулся и вдругъ рѣшилъ:

— А вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, смѣшно! Выскоблимъ ему единицу!

. . . .

Итакъ, Аркатовъ сталъ „портиться“. И даже до такой степени портиться, что его начальство весьма озаботилось этимъ. Не одинъ уже разъ чехъ Миличъ, его классный наставникъ въ пятомъ классѣ, во время большой перемѣны обнималъ Аркатова и, принимаясь гулять съ нимъ по коридору, начиналъ поучать его... Онъ говорилъ Аркатову что-то очень жалостное, длинное и до такой степени скучное, что Аркатовъ изо всего этого ровно ничего не понималъ да и не слышалъ и помнилъ лишь одну фразу Милича:

— Я вамъ, какъ отецъ, говорю. Или—какъ мать!

Директоръ, помня Аркатова, какъ одного изъ своихъ любимыхъ учениковъ, на экзаменѣ при переходѣ изъ четвертаго класса въ пятый самолично проэкзаменовалъ его и остался имъ очень недоволенъ:

— Когда-то хорошо учился!.. А теперь... plohandus!.. Tempora mutantur, et nos mutamur in illis!..—Повтори!..

. . . .

Гимназія теперь ровно ничего не давала Аркатову... Она только одурманивала его, заставляя сидѣть пять часовъ подрядъ въ душномъ классѣ и обязательно каждый день слушать нелѣпыя пререканія „Ѳиты“ съ учениками или еще того болѣе нелѣпую болтовню Милича, или же пьяные скандалы Элладскаго, оканчивавшіеся безсмысленными единицами...

Не зная „начала“, онъ скучалъ за уроками математики, а исторія и русскій языкъ приходились почти всегда послѣдними уроками, и Аркатовъ еле высиживалъ ихъ, смертельно уставъ и желая какъ можно скорѣе убраться домой...

При всемъ томъ надъ Аркатовымъ всегда висѣлъ Дамокловъ мечъ: онъ всетаки боялся „провалиться“... Даже перейдя въ разрядъ второстепенныхъ учениковъ и готовя уроки очень и очень лѣниво, онъ сохранялъ въ душѣ сознаніе неправильности такого порядка вещей... — Ну, ужъ латынь и греческій—Богъ съ ними!.. Ихъ учить и не стоитъ! Но математика, словесность, новые языки, исторія? — Эти предметы очень и очень не мѣшало бы изучать.

Но гимназія такъ разслабляла и развращала волю и умъ Аркатова, что, не смотря на доброе желаніе заняться этими предметами, не смотря на страданіе, доставляемое ему мыслью, что изъ этихъ нужныхъ и важныхъ предметовъ онъ „нарѣжется“ — онъ всетаки не могъ принудить себя заниматься ими и готовился къ нимъ лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, нужно было „поправляться“...

Эти страданія и боязнь „провала“ не покидали его. Хладнокровно уступивъ первенство другимъ ученикамъ и не страдая изъ-за этого, онъ, тѣмъ не менѣе, боялся остаться совсѣмъ за флагомъ и быть оставленнымъ въ томъ же классѣ на слѣдующій годъ... Теперь онъ трусилъ получить двойку или единицу совершенно такъ же, какъ прежде трусилъ четверокъ и троекъ... Онъ боялся и латыни, и греческаго и, не смотря на полное презрѣніе къ нимъ, изучалъ ихъ время отъ времени, всегда опасаясь получить единицу у Элладскаго...

Гимназія ему ничего не давала. Онъ только зря тратилъ время на нее при такомъ порядкѣ вещей. Если онъ за это время развивался умственно и пріобрѣлъ какія либо знанія, то отнюдь не благодаря гимназіи, но благодаря семьѣ, а главное, тѣмъ культурнымъ и образованнымъ семейнымъ кружкамъ, съ которыми онъ завелъ и поддерживалъ теперь близкое знакомство... Все доброе, все нужное и важное онъ черпалъ оттуда. Тамъ читались интересныя книги, велись споры, вырабатывались убѣжденія и умѣнье поддерживать ихъ; оттуда, изъ этихъ семейныхъ кружковъ Аркатовъ вы-

несъ и критическое отношеніе къ окружающему, и ясное представленіе о всей нелѣпости классицизма, и горькое сознаніе, что безъ классицизма всетаки никакъ не попадешь въ университетъ, и что всетаки нужно, въ концѣ концовъ, продѣлать комедію гимназическаго „образованія“, чтобы перепрыгнуть тотъ заборъ, который поставленъ въ концѣ гимназическаго пути и называется „испытаніями зрѣлости“...

И теперь, когда онъ, „принуждаемый обстоятельствами“, зубрилъ греческіе глаголы (по обыкновенію съ громаднымъ опозданіемъ) или переводилъ Саллюстія—въ его мозгу упорно копошилась мысль, къ чему все это, и Саллюстій, и глаголы?. Зачѣмъ ненужная трата времени?.. А наряду съ этой мыслью являлась обязательно и другая:

«Что день грядущій мнѣ готовитъ»?..

То есть, изъ какого предмета могутъ спросить и поставить единицу?

IV.

„Генералъ“.

Толстый, благодушный, хотя и не безъ строгости во взглядѣ и обращеніи, съ сѣдыми усами, но съ лоснящейся, черной какъ смоль шевелюрой гладкихъ волосъ—„генералъ“ вваливается въ классъ... Такъ какъ нынче Ѳомина недѣля, то ученики привѣтствуютъ его:

— Христосъ воскресе, Викентій Осиповичъ!

— Но, безъ васъ-же-жъ то знаю!—отвѣчаетъ онъ, не то по разсѣянности, не то съ намѣреніемъ, не желая входить въ фамильярности съ учениками.

Онъ садится за столъ, придвинутый (вмѣсто каѳедры) къ первой партѣ въ углу, у окна, затѣмъ вынимаетъ громадный красный платокъ, распяливаетъ его на пальцахъ, громогласно сморкается и, аккуратно свернувъ, снова прячетъ.

Совершивъ этотъ обрядъ, онъ принимается сосредоточенно отмѣчать въ своемъ журналѣ все подлежащее отмѣткѣ, при чемъ рядомъ съ собою на столъ кладетъ свой „альбомъ“. Такъ ученики (да, кажется, и онъ самъ) зовутъ тетрадку въ коленкоровомъ переплетѣ, засаленную и измызганную, въ которой у Викентія Осиповича находятся разныя нужныя ему формулы и вычисленія... Тетрадка эта продолговатая и, въ самомъ дѣлѣ, походитъ на альбомъ, въ который барышнямъ пишутъ стихи...

„Генераломъ“ Викентія Осиповича зовутъ, во-первыхъ, за то, что онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ же,

какъ и самъ директоръ, а во-вторыхъ, за его важный видъ: онъ зря не болтаетъ съ учениками, не фамильярничаетъ, не входитъ въ разныя унизительныя препирательства и сдѣлки... Рѣчь его всегда кратка и ясна, повелѣнія категоричны и безапелляціонны. Съ учениками онъ не „кляузитъ“, не „шпыняетъ“ ихъ, но когда они шумятъ, безпокоятъ его или, вообще, ведутъ себя дурно—онъ кратко, но сильно бранитъ ихъ:

— Но-же-жъ! Подлецы!..

Это коллективно, въ обращеніи къ массѣ. Если же вызванный ученикъ путаетъ формулы, пишетъ на доскѣ чепуху, то Викентій Осиповичъ морщится и тихонько шепчетъ:

— Но, подлецъ-же-жъ!.. Невѣрно!..

Способъ обученія у него весьма оригинальный: учебниковъ онъ вовсе не признаетъ, а все то, что ученикамъ требуется изучить, онъ имъ диктуетъ въ концѣ урока, послѣ того, какъ покончитъ съ вызываніемъ и спрашиваніемъ уроковъ. Вызываетъ онъ всегда по алфавиту, такъ что каждый ученикъ отлично знаетъ заранѣе, въ какой день онъ будетъ вызванъ „генераломъ“—и поэтому готовится лишь къ этому дню. „Стараго“, т. е. пройденнаго, Викентій Осиповичъ никогда не спрашиваетъ. Отвѣчаютъ же ему—особенно въ старшихъ классахъ, гдѣ народъ избалованный и лѣнивый—чаще всего, по подсказкѣ. Для большаго удобства въ подсказываньи здѣсь, въ четвертомъ классѣ, какъ и въ старшихъ классахъ, ученики придвигаютъ классную доску прямо къ передней партѣ, однимъ концомъ доску прислоняютъ даже къ самой скамьѣ, такъ что изъ доски и скамьи образуется острый уголъ. Отвѣчающій урокъ ученикъ становится въ вершину этого остраго угла, между доскою и скамьей. На первую парту садится первый ученикъ по математикѣ, а также первый ученикъ по подсказыванью—Яковлевъ, и отъ слова до слова все подсказываетъ отвѣчающему. Впрочемъ, „словъ“ почти не приходится подсказывать, но только знаки, буквы и цифры... Викентій Осиповичъ не нуждается въ краснорѣчивыхъ и подробныхъ объясненіяхъ теоремъ, но требуетъ лишь точнаго, хотя бы и молчаливаго изложенія ихъ на доскѣ, посредствомъ буквъ и цифръ.

Сейчасъ онъ вызвалъ Швабе и между ними происходитъ слѣдующій дуэтъ:

— Вотъ, проведемъ линію!—говоритъ Швабе, заранѣе заучивъ геометрическій рисунокъ.

— Такъ! Вѣрно!—громко одобряетъ Викентій Осиповичъ и внимательно смотритъ, что будетъ дальше.

— Изъ точки А опускаемъ на линію C D перпендикуляръ!—продолжаетъ Швабе, громко стуча мѣломъ (стучать

мѣломъ, необходимо для того, чтобы выказать усердіе и пониманіе дѣла)—пишемъ: CD равняется MN...

— Вѣрно! Отлично!

— Дальше пишемъ: CD минусъ PK равняется GH,—повторяетъ Швабе все то, что ему подсказываетъ Яковлевъ.

Но вотъ Яковлевъ запутался и подсказалъ не то, что нужно, и „генералъ“ сердится.

— Но, невѣрно! Сотри!

Швабе стираетъ, но снова пишетъ чепуху, ослышавшись въ подсказываемомъ. Викентій Осиповичъ сердится:

— Невѣрно-же-жъ!.. Подлецъ!

Онъ встаетъ и подходитъ къ доскѣ. Положеніе критическое. Теперь ужъ нельзя подсказывать. Постоявъ у доски, Викентій Осиповичъ вытаскиваетъ табакерку, заталкиваетъ въ носъ порцію табаку и потомъ опять „выкидываетъ флагъ“, т. е. вынимаетъ и употребляетъ въ дѣло красный платокъ. Послѣ этого онъ отходитъ къ окну, все еще ожидая, что Швабе справится и изложитъ доказательство теоремы вѣрно. Яковлевъ опять подсказываетъ, но Швабе не успѣваетъ дослышать, какъ Викентій Осиповичъ снова появляется у доски.

— Но же-жъ, ты не выучилъ урока!—досадливо протягиваетъ онъ:—садись!

— Викентій Осиповичъ! Сколько вы мнѣ поставили?—спрашиваетъ Швабе.

„Генералъ“ не любитъ, когда его спрашиваютъ объ отмѣткахъ, особенно, если ему пришлось, какъ въ этотъ разъ, поставить отмѣтку плохую.

— Но, не спрашивай!—раздраженно говоритъ онъ.

— Всетаки, сколько же?

— Ахъ, не спрашивай!..

И Викентій Осиповичъ даже морщится, точно отъ боли, при этихъ словахъ.

Но Швабе всетаки пристаетъ къ нему, и „генералъ“ сердито выпаливаетъ, точно изъ ружья:

— Абсолютно два!..

Швабе находится въ самомъ концѣ алфавитнаго списка учениковъ. Поэтому послѣ него Викентій Осиповичъ снова переходитъ къ началу списка и вызываетъ Аркатова (Аникіева, который предшествуетъ Аркатову, сегодня нѣтъ въ классѣ). Аркатовъ, хорошо зная, что сегодня ему придется отвѣчать изъ математики, приготовился къ ней и отвѣчаетъ урокъ вполнѣ благополучно, даже и безъ услугъ Яковлева. Онъ бойко опускаетъ перпендикуляры и проводитъ касательныя и буквы всѣ пишетъ въ порядкѣ. „Генералъ“, опять засѣдающій на своемъ мѣстѣ, то и дѣло одобряетъ:

— Вѣрно! Хорошо!

Или:

— Такъ!.. Отлично!

— Но, отвѣчай теорему номеръ второй!—говоритъ онъ Аркатову, когда тотъ покончилъ свои доказательства.

Аркатовъ пугается. „Теорема номеръ второй" была пройдена уже два дня тому назадъ и принадлежитъ къ „старому". Что это сдѣлалось съ „генераломъ"?

— Вѣдь это изъ предыдущаго урока, Викентій Осиповичъ!

— Ну, такъ что же-жъ, что изъ предыдущаго?... Ну, не надо! Садись!

И онъ ставитъ Аркатову четыре. Пятерки онъ ставитъ только двумъ „математикамъ" четвертаго класса—Яковлеву и Лаврову.

Когда всѣ теоремы, назначенныя къ спрашиванію на сегодня, исчерпаны, „генералъ" встаетъ со стула, медленно прохаживается, а затѣмъ, вытащивъ и спрятавъ красный платокъ, говоритъ Яковлеву, указывая на доску.

— Сотри!

Яковлевъ приводитъ доску въ порядокъ, и „генералъ" громко обращается уже ко всѣмъ ученикамъ:

— Но, пишите!.. Глава четвертая, теорема номеръ восьмой: „квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равняется суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ"... Теорема эта въ просторѣчіи называется „пиѳагоровы штаны"—добавляетъ онъ вполнѣ серьезно.—Но этого не пишите! Лишнее-же-жъ!

Онъ беретъ мѣлъ и, громко стуча имъ о доску (доску онъ отодвигаетъ отъ первой парты—опять-таки съ помощью Яковлева), изображаетъ катеты и гипотенузы и пишетъ буквы. Иногда онъ заглядываетъ въ свой „альбомъ", гдѣ у него, повидимому, кромѣ разныхъ вычисленій, нужныхъ для уроковъ въ старшихъ классахъ, находится также и конспектъ и обозначеніе „номера" каждой теоремы.

„Объясняетъ" онъ довольно кратко, совершенно въ томъ же стилѣ, какъ „объясняютъ" и доказываютъ" ученики ему:

— Возьмемъ линію, опустимъ перпендикуляръ... Теперь пишемъ—CD равно MN... Но, понятно! Ничего труднаго тутъ нѣтъ!.. Сотри!

Яковлевъ стираетъ, и „генералъ" переходитъ къ слѣдующей теоремѣ; покончивъ и съ этой, принимается за новую, пока не раздастся звонокъ. Тогда онъ, оборвавъ диктовку или „объясненія" на полусловѣ, кладетъ мѣлъ, беретъ журналъ и немедленно уходитъ изъ класса...

Б. Никоновъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Счастливые острова.

(Англійская колонія „Новая Зеландія").

V.

Земельное законодательство Н. Зеландіи.

Когда въ 1840 г. Англія присоединила Н. Зеландію къ своимъ владѣніямъ, она формально признала исключительное право туземцевъ на всю земельную поверхность острововъ и вообще добросовѣстно охраняла земельные интересы туземцевъ, что стоило не малаго труда и настойчивости первымъ губернаторамъ, которымъ приходилось въ этомъ отношеніи часто сталкиваться съ колонистами. Правительство обезпечило себѣ также право преимущественной покупки (preemption) земли у туземцевъ (для послѣдующей перепродажи ея по частямъ колонистамъ), что также было сдѣлано для огражденія туземцевъ отъ обмановъ, возможныхъ при ихъ непосредственныхъ сдѣлкахъ съ европейцами *).

Мы, конечно, не имѣемъ возможности излагать здѣсь развитіе земельнаго законодательства Н. Зеландіи, намъ пришлось бы для этого знакомить читателей со всей исторіей колоніи, такъ какъ земельный вопросъ игралъ въ этой исторіи чрезвычайно крупную роль. Поэтому мы вынуждены ограничиться здѣсь лишь характеристикой нынѣ дѣйствующаго земельнаго законодательства колоніи.

Торжество радикальныхъ стремленій въ колоніи, выразившееся въ принятіи принципа всеобщей подачи голосовъ, распространеніи этого принципа на женщинъ и въ другихъ знакомыхъ намъ реформахъ политическаго характера, можетъ быть, еще очевиднѣе сказалось въ новѣйшемъ земельномъ законодательствѣ Новой Зеландіи, отважившейся на такіе опыты въ этомъ отношеніи, которые вызываютъ величайшій интересъ не только въ

---

*) См. цитиров. сочин. Ривса и проф. Дженкса.

туго подвигающейся впередъ Европѣ, но и въ сравнительно быстро прогрессирующихъ колоніяхъ материка Австраліи.

Продажей государственныхъ земель въ Новой Зеландіи завѣдуетъ особое министерство *), глава котораго занимаетъ видную роль въ такъ называемомъ кабинетѣ министровъ; нерѣдко эту обязанность несетъ первый министръ. Министръ имѣетъ помощникомъ постояннаго секретаря министерства, носящаго также званіе главнаго инспектора межеванія земель (Surveyor General). Въ настоящее время эту должность занимаетъ Перси Смитъ (Percey Smith). Такъ какъ постоянный секретарь, оставаясь на своемъ посту при всѣхъ смѣнахъ политическихъ партій, долженъ быть хорошо знакомъ какъ съ земельными законами, такъ и съ основными, твердо установившимися принципами дѣятельности министерства, то для характеристики земельнаго законодательства Новой Зеландіи мы находимъ наиболѣе цѣлесообразнымъ привести по возможности in extenso статью Перси Смита: „Земельное законодательство Новой Зеландіи“ (The Land system of New Zealand), которая имѣется въ послѣднемъ изданіи „New Zealand Official Jearbook“ (Wellington, N. Z., 1899).

„Земельное законодательство Новой Зеландіи,—пишетъ Смитъ, —нормируется такъ называемымъ Land Act'омъ 1892 г., къ которому впослѣдствіи были сдѣланы въ законодательномъ порядкѣ нѣкоторыя поправки и дополненія“...

Вотъ какъ Смитъ резюмируетъ эти законы. „Государственныя земли раздѣляются на три разряда:

1) Земли въ предѣлахъ городскихъ и сельскихъ поселеній. Такія земли могутъ быть продаваемы только съ аукціона; не дешевле: городскія — 200 и сельскія — 30 руб. за акръ (0,37 десят.);

2) Земли подгородныя (suburhan). Онѣ также продаются съ аукціона и не дешевле 20 руб. за акръ **);

3) Сельскія земли (rural lands). Онѣ раздѣляются на два класса; первоклассныя не могутъ быть продаваемы дешевле 10 руб., второклассныя—2 р. 50 к. за акръ. Эти земли могутъ

---

*) Называется «министерствомъ государственныхъ земель и межеванія».

**) Въ этомъ опредѣленіи минимальной цѣны и въ особенности въ требованіи продажи такихъ земель съ аукціона слѣдуетъ видѣть желаніе избѣжать злоупотребленій, возможныхъ при иныхъ способахъ оцѣнки этого рода земельныхъ участковъ и желаніе обезпечить казнѣ, т. е. всему народу, полученіе полностью всей рыночной цѣнности земель, находящихся въ наиболѣе заселенныхъ участкахъ, такъ какъ быстрый ростъ земельныхъ цѣнъ зависитъ отъ условій, создаваемыхъ трудомъ всего народа. Надо имѣть въ виду, кромѣ того, что задача правительства Новой Зеландіи заключается не въ томъ, чтобы продать возможно больше казенныхъ земель, а въ томъ, чтобы такой продажей содѣйствовать заселенію безлюдныхъ областей и лучшему эксплуатированію природныхъ богатствъ края.

быть продаваемы и сдаваемы въ аренду по записи (by application) и съ аукціона“ *).

„Ни одинъ сельскій участокъ, будутъ ли его продавать по записи или съ аукціона, не можетъ имѣть болѣе 640 акровъ, если онъ отнесенъ по качеству къ первому классу, и 2,000 акровъ, если онъ отнесенъ ко второму классу. Никто не можетъ купить первоклассной казенной земли болѣе 640 акровъ, второклассной болѣе 2,000 акровъ, *включая и ту землю, которой онъ уже владѣетъ во время заключенія сдѣлки.*

„Всѣ, записавшіеся въ одинъ и тотъ же день, считаются записавшимися одновременно и если оказывается нѣсколько желающихъ на одинъ участокъ, то преимущественное право опредѣляется жребіемъ“.

„О времени, съ котораго можно записываться на подлежащіе продажѣ участки, публикуется своевременно, при чемъ отъ записывающихся зависитъ пріобрѣсти землю однимъ изъ слѣдующихъ способовъ“:

„1) *Въ собственность за наличныя деньги.* „При этомъ одна пятая уплачивается при записи и остальныя въ теченіе мѣсяца. Однако окончательное утвержденіе въ правѣ полной собственности на пріобрѣтенный участокъ можетъ состояться только тогда, когда купившій его произведетъ въ немъ какія-нибудь улучшенія (improvements), въ теченіе не болѣе какъ семи лѣтъ и по стоимости не менѣе (въ среднемъ) 10 руб. на акръ первоклассной и 5 руб. на акръ второклассной земли“.

Иными словами, купившій участокъ первоклассной земли (по 10 р. за акръ) долженъ затратить на улучшенія въ ней, по крайней мѣрѣ, такую же сумму, какую онъ затратилъ на самое пріобрѣтеніе земли; купившій второклассную землю—сумму, по крайней мѣрѣ, вдвое большую той (2 р. 50 к. за акръ), которая затрачена на самую покупку. Едва ли нужно объяснять, что цѣлью такихъ правилъ является желаніе правительства Н. Зеландіи предупредить по возможности спекулятивныя покупки любителями легкой наживы.

Подъ „улучшеніями“, какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующихъ статьяхъ, законъ разумѣетъ такія работы, какъ осушеніе болотъ, расчистка лѣсовъ, посадка деревьевъ, разведеніе садовъ, дренированіе почвы, проведеніе дорогъ, устройство колодцевъ, и т. д., однимъ словомъ, всякія работы, которыя могутъ поднять плодородіе почвы, а равно и всякаго рода полезныя постройки.

2) *На условіяхъ срочной аренды.* „Записавшійся на участокъ земли можетъ взять его въ аренду на 25 лѣтъ, при чемъ *по исте-*

*) Надо сказать, что законъ грозитъ весьма суровыми наказаніями за всякаго рода сговоры въ цѣляхъ недопущенія высокаго поднятія цѣны при аукціонной продажѣ государственныхъ земель.

ченіи десяти лѣтъ, арендаторъ можетъ во всякое время, если онъ удовлетворилъ всѣмъ указаннымъ ниже условіямъ относительно жительства въ участкѣ и необходимыхъ „улучшеній", купить арендуемый участокъ, внеся полностью назначенную за участокъ цѣну (въ зависимости отъ класса земли). Арендатору принадлежитъ право, вмѣсто покупки, смѣнить свою срочную аренду на аренду вѣчную (см. ниже).

„При срочной арендѣ ежегодно въ видѣ арендной платы вносится 5% продажной цѣны участка. Арендаторъ обязанъ *жить въ участкѣ* и сдѣлать извѣстныя улучшенія (условія того и другого указаны ниже).

3) *На условіяхъ вѣчной аренды.* „Землю по записи можно пріобрѣсти въ аренду на 999 лѣтъ или, какъ обыкновенно называютъ, въ „вѣчную" аренду. При такой арендѣ въ видѣ арендной платы вносится ежегодно по 4% продажной цѣны участка, при чемъ арендаторъ никогда не можетъ пріобрѣсти снимаемую имъ у государства землю въ полную собственность.

„Какъ на условіяхъ срочной, такъ и на условіяхъ вѣчной аренды земли могутъ быть пріобрѣтаемы и совмѣстно двумя и болѣе лицами".

Условія относительно жительства и земельныхъ улучшеній при обоихъ послѣднихъ родахъ аренды таковы:

„Арендаторъ долженъ поселиться на участкѣ не позже, какъ черезъ 4 года послѣ начала аренды, если земля покрыта болотами или лѣсами, и не позже года, если участокъ представляетъ собой открытую или частью открытую землю (open or partly open land). При срочной арендѣ арендаторъ долженъ прожить на участкѣ не менѣе шести лѣтъ подъ рядъ и не менѣе десяти лѣтъ при вѣчной арендѣ".

На участкахъ, взятыхъ въ срочную или вѣчную аренду, должны быть произведены работы по улучшенію (improvements, см. выше). Въ теченіе перваго года эти улучшительныя *) работы должны составить цѣнность, по крайней мѣрѣ, въ 10% стоимости арендуемой земли; въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ—еще по меньшей мѣрѣ 10%; вообще, въ теченіе первыхъ шести лѣтъ должны быть произведены улучшительныя работы цѣнностью не менѣе 30% продажной стоимости участка. Затѣмъ въ теченіе ближайшихъ послѣдующихъ годовъ должны быть произведены всякаго рода дальнѣйшія улучшительныя работы такъ, чтобы онѣ составили затрату въ 10 р. на акръ первоклассной земли и отъ 3 до 5 руб. на акръ второклассной, смотря по качеству участка".

„Основные принципы существующаго у насъ земельнаго законодательства—говоритъ Перси Смитъ—явились выраженіемъ нѣ-

---

*) Или, какъ у насъ говорятъ, употребляя французскій терминъ, меліоративныя работы.

которыхъ теченій общественной мысли, медленно назрѣвавшихъ въ колоніи и сравнительно недавно принявшихъ окончательную форму. Наиболѣе существеннымъ пунктомъ нашего земельнаго законодательства надо считать стремленіе *оставить за государствомъ право собственности на землю*, съ предоставленіемъ *вѣчнаго арендованія* лицу, занимающему тотъ или иной участокъ... Въ Новой Зеландіи это стремленіе государства оставить за собой право собственности на землю получило болѣе сильное выраженіе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой австралійской колоніи. Самый срокъ аренды въ то же время настолько великъ, что эти аренды обыкновенно называются *вѣчными* (everlasting leases). Въ самомъ дѣлѣ, въ настоящее время государственныя земли *большей частью сдаются въ аренду* на 999 лѣтъ. Арендная плата опредѣляется оцѣночной стоимостью земельнаго участка во время продажи и не подлежитъ дальнѣйшимъ увеличеніямъ или переоцѣнкѣ. При такихъ условіяхъ аренда имѣетъ почти такія же удобства, какъ и право собственности, такъ какъ арендуемую землю можно продавать, закладывать, завѣщать и т д.“

Къ послѣднимъ словамъ Перси Смита слѣдуетъ, однако, прибавить, что передача арендованныхъ земель другимъ лицамъ можетъ состояться лишь съ согласія, такъ называемаго, земельнаго комитета (Land Board), представляющаго собою мѣстное агентство министерства государственныхъ земель. Такое согласіе дается лишь въ томъ случаѣ, если новый арендаторъ удовлетворяетъ тѣмъ же общимъ условіямъ, что и передающій аренду, т. е., если онъ не состоитъ уже собственникомъ или арендаторомъ такого земельнаго участка, который вмѣстѣ съ новымъ участкомъ превыситъ установленную норму. Равнымъ образомъ требуется соблюденіе условій относительно жительства и т. д.

Изъ этого мы видимъ, что сохраненіе за государствомъ права собственности при вѣчной арендѣ не есть пустая фикція, а дѣйствительно весьма важное въ общественномъ отношеніи право, позволяющее правительству предупреждать извращеніе основныхъ цѣлей самого закона *).

Продолжаемъ цитировать статью Смита.

„Такъ какъ всѣ земли въ Новой Зеландіи, въ томъ числѣ и тѣ, которыя сданы въ вѣчную аренду, подлежатъ поземельному налогу, то этимъ самымъ устраняется необходимость въ періодической оцѣнкѣ арендованной земли, съ цѣлью возвышенія арендной платы, такъ какъ государство имѣетъ возможность взять въ свою пользу часть „незаработаннаго прироста“ (unearned incre-

---

*) Свѣдѣнія, сообщаемыя Перси Смитомъ, мы дополняемъ данными, которыя находимъ въ цитированныхъ сочиненіяхъ Ривса (Reeves) и Эппса (Epps).

ment) цѣнности земли путемъ указаннаго поземельнаго налога *).

Можетъ быть, не будетъ лишнимъ объяснить, что „незаработаннымъ“ или „незаслуженнымъ“ (unearned) приростомъ цѣнности называется такой приростъ ея, который никакъ нельзя объяснить затраченной работой или, по крайней мѣрѣ, работой лица, которому принадлежитъ возвысившаяся въ своей цѣнности собственность. Такъ, проведеніе желѣзной дороги или устройство моста на общественный счетъ сразу поднимаетъ цѣнность ближайшихъ земельныхъ участковъ. Въ такомъ же смыслѣ вліяютъ всякія вообще улучшенія путей сообщенія, увеличеніе населенія и т. д. Элементарная справедливость требуетъ, чтобы общество, за счетъ котораго были произведены всѣ указаннаго рода сооруженія, воспользовалось частью, если не всей той цѣнностью, которая явилась прямымъ результатомъ указаннаго рода перемѣнъ.

Вотъ почему, какъ сообщаетъ Ривсъ, когда въ новозеландскомъ парламентѣ обсуждался проектъ вѣчной аренды государственныхъ земель, радикальная партія настаивала на томъ, чтобы арендная плата за государственныя земли подвергалась періодическому пересмотру, и, если окажется необходимымъ, повышалась въ той мѣрѣ, въ какой возрастаніе цѣнности земли не можетъ быть приписано затратамъ или трудамъ арендатора.

Этому желанію радикаловъ не суждено было осуществиться, но та же цѣль въ извѣстной мѣрѣ достигнута такъ называемымъ земельнымъ налогомъ. Впослѣдствіи мы ознакомимъ читателей болѣе подробно съ системой податей и налоговъ изучаемой колоніи, теперь же скажемъ только, что въ Новой Зеландіи отъ всякаго поземельнаго налога *освобождены* всѣ лица, которыхъ земельныя владѣнія—собственныя или арендуемыя у государства—имѣютъ цѣну ниже 5.000 руб.; лица, владѣющія болѣе цѣнной собственностью, уплачиваютъ налогъ *прогрессивно увеличивающійся* вмѣстѣ съ увеличеніемъ цѣнности земельнаго угодья **), при чемъ землевладѣльцы, не живущіе въ колоніи, платятъ сверхъ того небольшой дополнительный поземельный налогъ. „Нѣтъ никакого сомнѣнія,—говоритъ по этому поводу Ривсъ,—что прогрессивный поземельный налогъ былъ введенъ не потому, главнымъ образомъ, что прогрессивность достигаетъ нѣкотораго равенства жертвы (sacrifice) для общества,—хотя и этотъ мотивъ былъ, конечно, не безъ вліянія,—но преимущественно потому, что такой законъ могъ содѣйствовать дробленію крупныхъ помѣстій, собственники кото-

*) Надо сказать, что при опредѣленіи размѣра налога не принимается во вниманіе то увеличеніе цѣнности земли, которое произошло отъ затратъ арендатора на разнаго рода улучшенія.

**) Прогрессивность собственно начинается съ тѣхъ имѣній, цѣна которыхъ достигаетъ 50.000 руб.

рыхъ такъ много выиграли отъ тѣхъ громадныхъ затратъ на поднятіе производительныхъ силъ колоніи, которыя были сдѣланы правительствомъ колоніи въ 70-хъ и 80-хъ годахъ".

Возвращаемся къ статьѣ Смита.

„Удобства такъ называемой вѣчной аренды очевидны. Если принять во вниманіе, что за немногими исключеніями государственныя земли въ своемъ первобытномъ состояніи (in their prairie condition) не могутъ ничего производить, пока ихъ не подвергнутъ тщательной обработкѣ, то сейчасъ же становится ясно, какъ важно будущему поселенцу затратить имѣющіяся у него денежныя средства на пріобрѣтеніе земли въ свою полную собственность, а не на разработку избраннаго участка и на необходимыя постройки. Особенно цѣнно это для бѣднаго человѣка, который, имѣя почти только тотъ капиталъ, который представляютъ его здоровыя руки, въ состояніи всетаки обзавестись домомъ и хозяйствомъ, а это, конечно, было бы для него совершенно недоступно при системѣ продажи государственныхъ земель въ полную собственность".

„Цѣны, назначаемыя правительствомъ на продаваемыя имъ земли, вообще говоря, очень дешевы, такъ какъ правительство стремится не столько къ тому, чтобы получить возможно большій доходъ, сколько къ тому, чтобы всячески содѣйствовать обработкѣ возможно большаго числа земельныхъ участковъ. Косвенно, конечно, отъ этого увеличиваются и доходы колоніи, не говоря уже о другихъ преимуществахъ, которыя даетъ странѣ большое сельское населеніе".

„Вообще говоря, все земельное законодательство Новой Зеландіи проникнуто принципомъ „земля для народа", что и выражается въ установленіи предѣльныхъ нормъ земельныхъ участковъ, которые могутъ быть пріобрѣтаемы отъ государства въ однѣ руки. Къ такому принципу законодательное собраніе Новой Зеландіи было приведено сознаніемъ вредныхъ послѣдствій прежнихъ системъ отчужденія казенныхъ земель, при которыхъ человѣкъ съ деньгами могъ покупать огромные участки въ ущербъ своимъ болѣе бѣднымъ согражданамъ. При теперешней системѣ продажная цѣна участковъ устанавливается заранѣе; выборъ же между лицами, записавшимися одновременно, происходитъ по жребію; это ставитъ въ одинаковыя условія для пріобрѣтенія участка и бѣднаго, и богатаго человѣка".

„Количество земли, которое можетъ пріобрѣсти каждый записавшійся, опредѣлено съ такимъ разсчетомъ, чтобы содѣйствовать увеличенію класса мелкихъ земельныхъ собственниковъ; въ границахъ же, установленныхъ закономъ, всякій можетъ пріобрѣсти столько земли, сколько ему нужно. Крайній размѣръ покупного участка первоклассной земли, какъ было сказано, составляетъ 640 акровъ (около 250 десят.) и второклассной 2000 (около

750 десят.), включая и всю ту землю, которой уже владѣетъ или которую арендуетъ записавшійся. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, когда министерство находитъ это желательнымъ, максимальныя нормы подвергаются *значительнымъ сокращеніямъ*.

„Существующіе поземельные законы дѣйствуютъ съ 1 ноября 1892 г., и для характеристики ихъ практическаго примѣненія мы приводимъ данныя относительно того, какъ въ теченіе послѣдняго отчетнаго года (отъ 31 марта 1898 по 31 марта 1899 г.) были пріобрѣтены государственныя земли, въ способахъ покупки которыхъ предоставленъ полный просторъ записывающимся:

1) на наличныя въ собственность — 114 участковъ, составившіе въ общемъ 17,824 акра;

2) на условіяхъ срочной аренды съ правомъ выкупа (и съ правомъ перевода въ вѣчную аренду)—458 участковъ, составившихъ 109, 950 акровъ;

3) въ вѣчную аренду—362 участка, составившіе 99,262 акра“.

Таковы законы, нормирующіе пріобрѣтеніе государственной земли, годной для обработки. Аграрное законодательство Новой Зеландіи оказало большое вліяніе на другія колоніи Австраліи, которыя стали подражать тѣмъ или инымъ принципамъ ново-зеландской земельной политики, уходя даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дальше своего оригинала. Такъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ даже при покупкахъ государственной земли на наличныя требуется не только производство улучшительныхъ работъ, но и жительство на купленномъ участкѣ.

По примѣру Новой Зеландіи и нѣкоторыя другія колоніи Австраліи опредѣлили предѣльные размѣры земельныхъ участковъ, которые могутъ быть пріобрѣтаемы частными лицами отъ государства. Однако ни одна колонія не рѣшилась поставить такихъ же максимумовъ и для пріобрѣтенія земель, годныхъ только для пастбищъ. Между тѣмъ въ Новой Зеландіи установлены предѣльныя нормы и для такихъ участковъ: вѣроятно, эти участки представляютъ собой частью горные луга, частью болотистыя мѣстности, частью болѣе или менѣе обширныя пространства въ горахъ, съ жалкой растительностью, которой, однако, могутъ довольствоваться неприхотливыя овцы. Мы не считаемъ возможнымъ приводить условій аренды для такихъ исключительно пастбищныхъ участковъ, ихъ предѣльнаго размѣра и проч.; скажемъ только, что и здѣсь находятъ себѣ выраженія тѣ же, знакомые намъ, принципы земельной политики Новой Зеландіи.

Будетъ болѣе интереснымъ ознакомить читателя съ нѣкоторыми другими опытами этой замѣчательной колоніи, также весьма характерными для ея земельной и соціальной политики. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ матеріаловъ, мы въ этомъ случаѣ должны ограничиться почти исключительно тѣмъ, что встрѣчается

по данному вопросу въ цитированной статьѣ постояннаго секретаря министерства государственныхъ земель.

„Поземельный законъ 1892 г., говоритъ П. Смитъ, разрѣшаетъ также особый видъ сельскихъ поселеній, называемыхъ „сельскими товариществами“ (small-farm associations) *). Эти товарищества были очень популярны въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ по созданіи регулировавшаго ихъ закона, но въ настоящее время стремленіе основывать такія товарищества въ значительной степени уступило мѣсто системѣ „поселеній на расчищенныхъ предварительно земляхъ (Improved Farm Settlements)“.

Законъ о „сельскихъ товариществахъ“ говоритъ, что если нѣсколько лицъ—числомъ не менѣе 12—образовали между собой общество для взаимной помощи (have associated themselves together for mutual help), то такому товариществу предоставляется право выбрать по соглашенію съ министромъ государственныхъ земель участокъ государственной земли не болѣе 11,000 акровъ; каждый членъ товарищества долженъ взять на свою долю не менѣе 200 акровъ, максимальный же предѣлъ участка, который можетъ быть предоставленъ отдѣльному члену товарищества, устанавливается въ 320 акровъ. Земли подъ такого рода товарищескіе поселки сдаются въ вѣчную аренду на общихъ условіяхъ относительно жительства, улучшеній и т. п.

„Система такихъ товарищескихъ поселковъ представляетъ большія удобства для членовъ товарищества, если только земля выбрана съ надлежащей осмотрительностью, принимая во вниманіе качество почвы, удобство сообщеній, близость рынковъ для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, возможность найти посторонній заработокъ. Между тѣмъ неосмотрительная поспѣшность, съ которой нѣкоторыя товарищества избрали для себя участки на описанныхъ льготныхъ условіяхъ, привели къ тому, что успѣхъ такихъ товариществъ остается сомнительнымъ“.

„Собственно уже въ 1885 году законодательство Новой Зеландіи разрѣшило такую систему сельскихъ товарищескихъ поселковъ, предоставивъ даже право послѣдующаго выкупа въ собственность снятаго въ аренду участка. Законъ этотъ остался неотмѣненнымъ, при чемъ имъ довольно часто пользуются и теперь для образованія товарищескихъ поселковъ“.

„До настоящаго времени (31 марта 1899 г.) 812 лицъ образовали такіе товарищества на основаніи того или иного изъ указанныхъ законовъ, при чемъ общій размѣръ ихъ участковъ доходитъ почти до 143,000 акровъ. Многіе изъ такихъ поселковъ, гдѣ условія были благопріятны, находятся въ прекрасномъ состояніи; другіе же, лежащіе въ мѣстностяхъ уединенныхъ, съ плохими путями сообщенія, едва влачатъ свое существованіе“.

*) Буквально, «общества мелкихъ земельныхъ хозяйствъ».

Слѣдующій опытъ земельнаго законодательства Новой Зеландіи мы излагаемъ словами бывшаго министра труда Ривса, такъ какъ онъ даетъ главныя свѣдѣнія не только о самомъ законѣ, но и о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя послужили причиной его изданія.

„Въ 1886 г. Джонъ Биллэнсъ, бывшій въ то время министромъ государственныхъ земель, сдѣлалъ смѣлую попытку устроить сельскія поселенія (village settlements) изъ рабочихъ, переживавшихъ большія лишенія вслѣдствіе безработицы (out of employment). Въ разныхъ частяхъ колоніи были выбраны земельныя угодья изъ государственныхъ земель, и эти угодья подѣлены на мелкіе участки (allotments) отъ 20 до 50 акровъ *). Эти участки были сданы поселенцамъ изъ рабочихъ въ вѣчную аренду, съ арендной платой въ 5% стоимости участковъ. Нормы арендной платы подлежали пересмотру каждые 30 лѣтъ (условія вѣчной аренды, о которыхъ упоминалось выше, введены лишь въ 1892 г. П. М.). Поселенцамъ, изъ которыхъ многіе не имѣли никакихъ средствъ, была отсрочена уплата аренды на два года; кромѣ того, имъ были выданы небольшія ссуды на первое обзаведеніе, покупку сѣмянъ, земледѣльческихъ орудій, строительныхъ матеріаловъ, пищи и т. д. Въ 1887 году нѣкоторые жители колоніи жестоко критиковали Биллэнса за эти опыты, а его политическіе противники съ торжествомъ указывали на неудачи нѣкоторыхъ поселковъ, хотя другая часть поселковъ имѣла полный успѣхъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ общее число жителей организованныхъ такимъ образомъ поселковъ, считая женщинъ и дѣтей, доходитъ въ настоящее время почти до 5000; они занимаютъ земельные участки, въ общемъ достигающіе 35,000 акровъ (въ 1889 г. около 37,000 акровъ. П. М.), при чемъ средній размѣръ участка 24 акра“.

„Большинство поселенцевъ часть времени занимается обработкой своей земли, часть времени работаетъ въ сосѣднихъ экономіяхъ, нанимаясь на время стрижки овецъ или жатвы; иногда же поступаетъ временно и на фабрики. Всѣхъ субсидій имъ выдано правительствомъ около 270,000 руб., изъ которыхъ уже возвращено 30,000 руб. Въ то же время поселенцами уплачено до сихъ поръ правительству колоніи въ качествѣ арендной платы (rent) и процентовъ за субсидіи около 270,000 руб. (въ Official Year-book за 1899 г. показана цифра почти въ 370,000 руб., сочиненіе Ривса вышло въ началѣ 1898 года. П. М.). Улучшенія, произведенныя поселенцами на арендуемыхъ ими участкахъ, оцѣниваются въ 1,100,000 руб. (по послѣднимъ даннымъ почти 1,300,000 р. П. М.); это, конечно, служитъ хорошимъ обезпеченіемъ правительству долговъ поселенцевъ“.

---

*) Отъ $7^1/_2$ до 18 десятинъ.

Какъ разсказываетъ австралійскій публицистъ Эппсъ *), этотъ „опытъ“ Новой Зеландіи привлекъ большое вниманіе колоній материка Австраліи, и двѣ изъ нихъ присылали даже (въ 1891 году) особыхъ уполномоченныхъ (колоніи Южн. Австралія и Н. Южный Валлисъ) для изученія результатовъ опыта Новой Зеландіи. Послѣ изслѣдованія, какъ передаетъ тотъ же публицистъ, уполномоченные донесли, что опытъ *въ началѣ* былъ неудаченъ *въ тѣхъ случаяхъ,* когда поселенцы принимались безъ всякаго разбора и безъ предварительнаго знакомства съ ожидающимъ ихъ трудомъ; такіе поселенцы при первомъ благопріятномъ случаѣ уходили въ города.

Возвращаемся опять къ статьѣ Смита.

„Въ послѣдніе годы, вмѣсто только что описанной системы (village settlements) и ранѣе описанной системы сельскихъ товарищескихъ поселеній, получила большое развитіе другая система такъ называемыхъ „поселковъ на расчищенныхъ земляхъ“ (improved-farm settlements). Для того, чтобы найти занятіе безработнымъ, министерство государственныхъ земель отвело нѣкоторыя лѣсныя площади и вошло въ соглашеніе съ группами рабочихъ, поручивъ имъ расчистить тотъ или иной участокъ, выжечь лѣсъ и засѣять травой. Затѣмъ, расчищенная такимъ образомъ земля, была раздѣлена на небольшія „фермы“ или хозяйства, которыя были сданы въ *вѣчную аренду тѣмъ же рабочимъ, которые расчищали участокъ,* при чемъ арендная плата опредѣлялась стоимостью расчистки и качествомъ участка. До марта 1899 года было такъ устроено 45 поселковъ (settlements); общая величина участковъ доходитъ почти до 74,000 акровъ. На этихъ участкахъ живетъ 513 поселенцевъ и при нихъ болѣе 1300 членовъ ихъ семействъ, слѣдовательно, всего около 1900 лицъ. Они уже расчистили (felled) и засѣяли травой 20,814 акровъ. Поселенцамъ (за работы по расчисткѣ лѣсныхъ участковъ) правительство уплатило до марта 1899 г. 573,290 руб., общая же цѣнность всякаго рода улучшеній почвы (включая и тѣ, которыя оплачены правительствомъ) достигаетъ 842,590 руб. Средній размѣръ участка для одного поселенца 100 акровъ“.

Какъ видно изъ рѣчи министра государственныхъ земель Макъ Кензи **), произнесенной имъ въ парламентѣ при внесеніи только что описаннаго закона въ 1893 г., задачей его было помочь бѣднымъ и трудолюбивымъ рабочимъ, не имѣвшимъ средствъ обзавестись собственнымъ хозяйствомъ. Для этого имъ давалась возможность найти себѣ заработокъ расчисткою тѣхъ самыхъ земельныхъ участковъ, изъ которыхъ они впослѣдствіи получили въ вѣчную аренду небольшія фермы.

---

*) Цитир. сочин., 152.

**) Цитируется въ сочин. Epps, Land systems of Australasia, 155.

Задаваясь благою цѣлью надѣленія землею главной массы поселенцевъ на возможно льготныхъ условіяхъ, правительство Новой Зеландіи должно было встрѣтить, наконецъ, неодолимое препятствіе въ недостаткѣ государственныхъ земель, такъ какъ въ прежнее время никакихъ предѣльныхъ нормъ для продажи земли въ однѣ руки не было, чѣмъ многіе и поспѣшили воспользоваться, скупая по дешевой цѣнѣ огромные участки въ ожиданіи несомнѣннаго и быстраго роста ихъ цѣнности. Какъ же разрѣшило это затрудненіе правительство Новой Зеландіи? Отвѣтъ на это мы находимъ въ той же статьѣ постояннаго секретаря министра государственныхъ земель.

„Выше было, между прочимъ, упомянуто о затрудненіяхъ, возникающихъ при отысканіи на государственныхъ земляхъ угодій, подходящихъ для сдачи въ аренду мелкими участками (small settlements), особенно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ такіе участки болѣе нужны, т. е. въ мѣстахъ, уже колонизованныхъ, гдѣ часто встрѣчаются большія имѣнія, владѣльцы которыхъ обрабатываютъ ихъ съ помощью значительнаго числа наемныхъ рабочихъ *)... Имѣя въ виду успѣшное разрѣшеніе такого рода затрудненій, теперешній министръ государственныхъ земель Джонъ Макъ Кензи въ 1892 г. внесъ на разсмотрѣніе парламента законопроектъ (Land for Settlement Act), называемый „закономъ о пріобрѣтеніи земель для заселеній“.

Согласно этому закону, принятому парламентомъ, правительству разрѣшалось покупать землю у частныхъ лицъ для послѣдующаго раздѣленія на участки размѣромъ не больше 320 акровъ (около 110 десят.).

На основаніи этого закона, правительство уже пріобрѣло нѣсколько имѣній, раздѣлило ихъ на небольшіе участки и сдало въ вѣчную аренду съ такимъ разсчетомъ, чтобы арендная плата составляла 5% съ капитала, образуемаго стоимостью покупки вмѣстѣ съ затратами на размежеваніе участковъ, проведеніе дорогъ и т. п.

„Почти во всѣхъ случаяхъ пріобрѣтенныя такимъ образомъ имѣнія были хорошо устроены, расположены вблизи заселенныхъ мѣстъ, и потому арендаторы казенныхъ участковъ могутъ расчитывать также и на посторонній заработокъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Въ 1894 г. правительству было разрѣшено тратить на пріобрѣтеніе земель у частныхъ лицъ не болѣе 2.500,000 руб. въ годъ (первоначально по закону 1892 года 500,000 р.). Въ 1897 г. ежегодный кредитъ правительству для этой цѣли увеличенъ до 5.000,000 руб. въ годъ. Предѣльныя нормы земельныхъ

*) Перси Смитъ указываетъ далѣе, что подобныя затрудненія встрѣчаютъ часто дѣти старыхъ колонистовъ, отыскивая себѣ клочекъ земли для веденія собственнаго хозяйства недалеко отъ своихъ родныхъ.

участковъ, сдаваемыхъ въ однѣ руки, регулируются вышеизложеннымъ закономъ 1892 г.".

„Въ 1894 г. въ земельное законодательство Новой Зеландіи вошелъ новый принципъ—предоставленіе правительству права принудительнаго отчужденія крупныхъ имѣній въ тѣхъ случаяхъ, когда не можетъ состояться добровольнаго соглашенія съ владѣльцемъ земли относительно цѣны и прочихъ условій продажи, если по рѣшенію совѣта министровъ пріобрѣтеніе имѣнія, въ цѣляхъ продажи его по частямъ, признается желательнымъ. Размѣръ возмѣщенія собственнику опредѣляется особымъ судомъ, состоящимъ изъ одного члена верховнаго суда колоніи и двухъ товарищей, изъ которыхъ одного назначаетъ правительство, другого собственникъ имѣнія. До сихъ поръ, однако, былъ только *одинъ случай принудительнаго* отчужденія имѣнія, и правительство очень удачно распорядилось имъ для распродажи мелкими участками".

„Послѣдніе законы, облегчающіе пріобрѣтеніе земель въ заселенныхъ мѣстностяхъ, должны оказать очень благотворное вліяніе на соціальныя отношенія, такъ какъ ими дается случай обзавестись домомъ и хозяйствомъ большому числу такихъ лицъ, которые вслѣдствіе своей непригодности къ работѣ піонера или по другимъ причинамъ не могутъ воспользоваться разными льготами для покупки государственныхъ земель, продаваемыхъ по участкамъ на новыхъ мѣстахъ. Кромѣ того, такъ какъ пріобрѣтаемыя правительствомъ крупныя имѣнія въ большей или меньшей степени подверглись культурной обработкѣ, то, повидимому, этимъ облегчается пріобрѣтеніе подходящихъ участковъ переселенцамъ изъ стараго свѣта — мелкимъ фермерамъ и крестьянамъ,—которые, такимъ образомъ, могутъ съ пользою примѣнить свои вынесенныя изъ прежняго своего опыта знанія, вмѣсто того, чтобы цѣной новаго—и иногда очень горькаго — опыта знакомиться съ пріемами хозяйства, пригодными для малонаселенныхъ, невоздѣланныхъ мѣстъ".

Опуская нѣкоторыя дальнѣйшія свѣдѣнія, сообщаемыя постояннымъ секретаремъ министерства государственныхъ земель, о новыхъ частныхъ узаконеніяхъ 1896 г., имѣвшихъ цѣлью ввести дальнѣйшія облегченія для пріобрѣтенія небольшихъ участковъ лицами, не имѣющими вовсе земли, а также рабочими, желающими обзавестись домомъ и небольшимъ усадебнымъ участкомъ, мы считаемъ болѣе важнымъ привести здѣсь нѣкоторыя новѣйшія данныя о примѣненіи только что изложеннаго закона о покупкѣ земель у частныхъ лицъ. Эти данныя мы находимъ въ другой части „New Zealand Official Year-book", какъ извлеченіе изъ отчета предсѣдателя особой коммиссіи по покупкѣ имѣній у частныхъ лицъ.

„Въ теченіе отчетнаго года (31 марта 1898—31 марта 1899)

коммиссіи *предложено* было частными лицами купить имѣнія, въ общемъ занимающія 534,682 акра. Коммиссія часть предложеній вовсе отклонила, какъ неподходящія (47,192 акра), изъ остальныхъ имѣній успѣла тщательно изучить и рекомендовать для покупки 215,585 акровъ. Присоединяя къ послѣднему итогу часть тѣхъ земель, которыя коммиссія рекомендовала для покупки въ прошломъ году, всего ею рекомендовано для покупки 24 имѣнія. Предложенныя цѣны были приняты 13 владѣльцами: общая площадь продаваемыхъ ими земель 102,204 акра, предложенная сумма 5.821,150 руб. Изъ одиннадцати остальныхъ владѣльцевъ трое отказались продать имѣнія по оцѣнкѣ коммиссіи, пятеро пока не дали рѣшительнаго отвѣта, тремъ еще не была сообщена предлагаемая имъ цѣна.

„Всего на основаніи относящагося сюда закона (Land for Settlement Act) съ начала его дѣйствія куплено 62 имѣнія, площадью въ 256,829 акровъ. Покупка обошлась въ 12.506,470 руб.; 538,620 руб. пошло на проведеніе дорогъ, межеваніе, административные расходы, итого затрачено 13.045,090 рублей".

Какъ видно изъ послѣдующихъ свѣдѣній, почти вся купленная земля (244,000 акровъ) была сдана въ аренду 1,304 поселенцамъ (не считая членовъ ихъ семействъ), вносящимъ ежегодно арендной платы около 600,000 рубл.; правительству же приходится уплачивать процентовъ по займамъ, заключеннымъ для покупки земель у частныхъ лицъ, около 425,000, т. е. и въ финансовомъ отношеніи данная операція оказывается не безвыгодной для правительства.

Для болѣе полнаго выясненія земельной политики правительства Новой Зеландіи, приводимъ данныя о совокупности всѣхъ сдѣлокъ, заключенныхъ министерствомъ государственныхъ земель съ частными лицами въ теченіе послѣдняго отчетнаго года (31 марта 1898—31 марта 1899), какъ по полному отчужденію государственныхъ земель, такъ и по сдачѣ ихъ въ аренду. Всего за этотъ годъ правительствомъ Новой Зеландіи продано и сдано въ аренду 2,542 лицамъ 1,357,466 акровъ; изъ нихъ продано лишь 36,188 акровъ (528 лицамъ), т. е. около 3%, остальные 97% сданы въ аренду на различныхъ условіяхъ, описанныхъ нами выше. Надо сказать при этомъ, что болѣе половины земли, сданной въ аренду (свыше 800,000 акровъ), состоитъ изъ болѣе или менѣе значительныхъ участковъ, годныхъ лишь для пастбищъ. 31 марта 1899 года въ Новой Зеландіи числилось почти 16,600 лицъ (15,919), арендующихъ на разныхъ условіяхъ государственныя земли, площадью до 15 милл. акровъ (14.878,557), съ арендной платой нѣсколько болѣе $2^1/_2$ милл. руб. (2.663,535 руб.). Почти изъ 11 милл. акровъ земли, арендуемой у правительства, болѣе двухъ третей (4.112,000 акровъ) годны почти исключительно для пастбищъ.

Къ сожалѣнію, въ оффиціальной энциклопедіи Новой Зеландіи и въ другихъ имѣющихся у насъ изданіяхъ, мы не находимъ точныхъ и полныхъ данныхъ о распредѣленіи земельной собственности въ Новой Зеландіи. Вотъ что, однако, намъ удалось извлечь изъ нашихъ матеріаловъ.

По послѣднему отчету министерства земледѣлія (31 марта 1898—31 марта 1899) въ Новой Зеландіи считалось 62,639 такъ или иначе эксплуатируемыхъ хозяйствъ или фермъ (holdings), величиной въ одинъ акръ и болѣе, какъ арендуемыхъ, такъ и собственныхъ; общая площадь этихъ фермъ—34.386,268 акровъ, что составляетъ больше половины площади всей колоніи (около 66,000,000 акровъ). Большая часть земель, принадлежащихъ этимъ фермамъ или хозяйствамъ, находится въ частной собственности ихъ хозяевъ (15.587,717 акровъ). Въ теченіе года площадь эксплуатируемой въ сельскохозяйственномъ отношеніи земли увеличилась болѣе, чѣмъ на 400 тысячъ акровъ (405,789), число хозяйствъ на 1,880.

Эти фермы, включая и тѣ, которыя снимались въ аренду у государства (crown) подъ пастбища, распредѣлялись въ отчетномъ (189$^{8}/_{9}$) году слѣдующимъ образомъ на группы по размѣрамъ.

Размѣръ фермъ или хозяйствъ (holdings).	Число ихъ	Занимаемая ими площадь.
Отъ 1 акра до 10 включит.	18,230	68,671
» 10 акр. » 50 »	11,426	315,651
» 50 » » 100 »	7,276	570,503
» 100 » » 200 »	9,164	1.401,171
» 200 » » 320 »	5,584	1.469,859
» 320 » » 640 »	5,555	2.568,462
» 640 » » 1,000 »	1,946	1.649,580
» 1,000 » » 5.000 »	2,589	5.364,539
» 5,000 » » 10,000 »	369	2.579,773
» 10.000 » » 20,000 »	220	3.274.623
» 20,000 » » 50,000 »	175	5.448,033
» 50,000 » и болѣе	105	9,675,403
	62,639	34.386,268

„Изъ этого видно,—читаемъ мы въ „Official Year-book“,—что значительная часть (59%) хозяйствъ, а именно почти 37,000 составляютъ фермы отъ одного до ста акровъ; 46,096 или 74% отъ 1 до 200 акровъ и 80$^{1}/_{2}$% отъ 1 до 320 акровъ (150 десят.). Фермъ размѣромъ болѣе 320 акровъ считается всего 10,959 или 18% общаго числа фермъ, что показываетъ широкое развитіе хозяйствъ средней величины. Обширность общей площади, занимаемой хозяйствами болѣе 320 акровъ, объясняется тѣмъ, что въ таблицу вошли огромныя пастбища, арендуемыя у государства“ (мы только что видѣли, что площадь пастбищъ, снимаемыхъ у

государства, превосходитъ 11 милл. акровъ и, слѣдовательно, составляетъ одну треть всей площади эксплуатируемыхъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи угодій).

Отсутствіе данныхъ о распредѣленіи хозяйствъ по размѣрамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя эксплуатируются въ качествѣ пастбищъ, не позволяетъ намъ характеризовать болѣе точно землевладѣніе и землепользованіе въ Новой Зеландіи. Какъ видно изъ сравнительныхъ таблицъ, которыя мы находимъ N. Z. Official Year-book, за послѣдніе два года число хозяйствъ (holdings) увеличилось почти на 4,000, площадь эксплуатируемой въ сельскохозяйственномъ отношеніи земли увеличилась болѣе, чѣмъ на милліонъ акровъ, при чемъ это увеличеніе коснулось имѣній всѣхъ размѣровъ,—за исключеніемъ, однако, имѣній въ 50,000 акровъ и болѣе, которыя сократились и въ числѣ (съ 112 на 105), и въ общей площади (на 450,000 акровъ); подобный же процессъ наблюдался и относительно хозяйствъ размѣромъ отъ 10 до 20 тысячъ акровъ. Съ другой стороны, общая площадь хозяйствъ отъ акра и до 50 осталась почти неподвижной, при увеличеніи числа хозяйствъ приблизительно съ 38,000 до 40,000.

Австралійскій публицистъ Эппсъ приводитъ одну любопытную таблицу, относящуюся къ 1891 году. Въ этомъ году изъ 19.397,529 акровъ земли, эксплуатируемой въ сельскохозяйственномъ отношеніи (43,771 имѣнія), около 7.000,000 снималось въ аренду и почти 12½ милл. находилось въ частной собственности, при чемъ большая часть этой земли (7 мил. акровъ) принадлежала всего 584 лицамъ, участками въ 5,000 акровъ и болѣе (въ среднемъ 12,000 акровъ на владѣльца). Изъ остальной площади: 1,675 лицъ владѣли 2.145,000 акровъ, участками отъ тысячи до 5 тысячъ акровъ (въ среднемъ 1,280 акровъ) и на 41,518 владѣльцевъ приходилось въ среднемъ по 78 акровъ на каждаго. Несообразность такихъ цифръ не могла не обратить на себя вниманія колонистовъ, результатомъ чего и было введеніе около этого времени прогрессивнаго поземельнаго налога, имѣвшаго явною цѣлью содѣйствовать дробленію крупныхъ имѣній.

Мы знаемъ уже, что съ 1892 г. начинается рядъ законодательныхъ мѣръ, устанавливающихъ предѣлы для продажи въ однѣ руки государственныхъ земель. Эти мѣры совершенно не допускаютъ къ покупкѣ государственныхъ земель лицъ, уже обладающихъ значительной земельной собственностью, и, наоборотъ, всячески содѣйствуютъ покупкамъ земли людьми съ ограниченными средствами и безземельными.

Только что приведенныя данныя о распредѣленіи частнаго землевладѣнія (въ общемъ уже захватившаго въ 1891 г. одну пятую всей земельной площади колоніи), въ достаточной мѣрѣ объясняютъ и, намъ кажется, оправдываютъ столь смѣлый въ принципіальномъ отношеніи шагъ правительства Новой Зеландіи, какъ

принудительное отчужденіе болѣе крупныхъ имѣній, въ случаяхъ, когда таковое отчужденіе оказывается необходимымъ для благополучія массы населенія.

Мы знаемъ, наконецъ, что нѣсколько позднее раскаяніе въ прежней неосмотрительной продажѣ государственныхъ земель въ частную собственность побудило правительство Новой Зеландіи организовать совершенно новую въ исторіи земельныхъ отношеній, такъ называемую, вѣчную (на 999 лѣтъ) аренду, при чемъ въ числѣ побудительныхъ причинъ къ введенію такого рода аренды, было желаніе правительства всячески содѣйствовать пріобрѣтенію земли главной массой населенія и слѣдить за тѣмъ, чтобы и впредь эта собственность не переходила въ руки лицъ, и безъ того уже вполнѣ обезпеченныхъ землей.

VI.

Законодательная охрана интерссовъ труда въ Новой Зеландіи.

Мы видѣли, насколько Новая Зеландія опередила всѣ страны своимъ земельнымъ законодательствомъ. Аналогичное положеніе занимаетъ Новая Зеландія и по отношенію къ законодательству объ охранѣ интересовъ труда.

Передъ нами лежитъ полный сборникъ законовъ Новой Зеландіи объ охранѣ труда, изданный подъ редакціею министра труда (онъ же „главный фабричный инспекторъ") и представляющій собою объемистую книгу почти въ 400 страницъ *). Замѣтимъ, что сборникъ состоитъ исключительно изъ текста законовъ, безъ всякихъ поясненій, циркуляровъ и т. п. Въ сборникѣ мы находимъ законоположенія обо всѣхъ категоріяхъ рабочихъ: фабричныхъ, горнорабочихъ, матросахъ (и вообще о всякаго рода рабочихъ на судахъ морскихъ и рѣчныхъ), о рабочихъ сельско-хозяйственныхъ, приказчикахъ и служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ и всякаго рода конторахъ и т. д.

Мы, конечно, не имѣемъ возможности излагать—даже въ самыхъ общихъ чертахъ — всѣ положенія, устанавливаемыя закономъ объ охранѣ всѣхъ этихъ видовъ труда, и остановимся лишь на спеціально фабричномъ законодательствѣ и на законодательствѣ о служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ: этого будетъ вполнѣ достаточно, чтобы дать читателю понятіе о характерѣ изучаемаго нами законодательства.

Замѣтимъ, во первыхъ, что по законамъ Новой Зеландіи называется фабрикой и, слѣдовательно, подлежитъ надзору фабрич-

---

*) «The Labour laws of New Zealand» compiled by direction of the Hon. The Minister of Labour. Wellington. 1896 (прибавленія за послѣдующіе годы составляютъ особыя небольшія тетрадки).

ной инспекціи „всякаго рода строеніе и всякое вообще мѣсто (place), гдѣ хотя бы два человѣка, нанятые за плату или какое либо иное вознагражденіе, работаютъ надъ изготовленіемъ или обработкой какого-нибудь предмета, предназначеннаго для дальнѣйшей промышленной обработки или для продажи; фабриками же считаются всѣ пекарни и булочныя“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ Новой Зеландіи совершенно устранено различіе между фабрикой и такъ называемымъ ремесленнымъ заведеніемъ или мастерской; какъ тѣ, такъ и другія подчинены совершенно на одинаковыхъ условіяхъ строгому надзору фабричной инспекціи. Обо всемъ значеніи такого широкаго толкованія слова „фабрика“ можетъ судить только тотъ, кто знаетъ, въ какихъ отвратительныхъ условіяхъ—не только у насъ въ Россіи, но даже и на Западѣ — принуждена работать значительная часть рабочихъ ремесленныхъ заведеній, мастерскихъ и т. п. Какъ извѣстно, это обстоятельство заставляетъ даже нѣкоторыхъ желать постепеннаго закрытія всякихъ мелкихъ ремесленныхъ заведеній и сосредоточенія всѣхъ производствъ по возможности въ крупныхъ фабричныхъ заведеніяхъ, гдѣ фабричные инспектора могутъ легче контролировать условія производства, и гдѣ сами рабочіе имѣютъ больше возможности стоять за свои интересы.

Едва ли нужно прибавлять, что и въ Новой Зеландіи условія работы въ мелкихъ мастерскихъ, пока онѣ не были подчинены надзору на одинаковыхъ условіяхъ съ фабриками, были также очень дурны, и что именно это обстоятельство и побудило правительство колоніи подчинить одинаковому надзору всѣ промышленныя заведенія.

Всѣмъ, кто сколько-нибудь знакомъ съ экономическими вопросами, хорошо извѣстно, что предприниматели, тяготясь даже и тѣмъ незначительнымъ контролемъ, который существуетъ для ремесленныхъ заведеній, часто предпочитаютъ сдавать заказы рабочимъ для исполненія ихъ на дому. Предприниматели платятъ за такую работу ничтожную поштучную плату, избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ всякаго риска и всякой отвѣтственности, связанныхъ съ содержаніемъ промышленнаго заведенія. Вотъ одна изъ причинъ необычайнаго распространенія и очевидной выгодности магазиновъ готоваго платья и т. п.

Всѣмъ сколько-нибудь интересующимся экономическими вопросами, хорошо извѣстно также, какими ужасными, вопіющими фактами полны оффиціальныя изслѣдованія условій такой работы разнаго рода „штучниковъ“ на дому, изслѣдованій, произведенныхъ сначала въ Англіи (такъ назыв., Royal Commission on sweating system), а затѣмъ и въ другихъ европейскихъ странахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода факты существуютъ и

въ Россіи, хотя русское общество и не имѣетъ авторитетнаго и полнаго изслѣдованія относящихся сюда явленій.

Въ борьбѣ съ этимъ зломъ Новая Зеландія пошла далѣе всѣхъ странъ, такъ какъ тамъ, согласно статьѣ 23 фабричнаго закона 1894 года, „всякій хозяинъ фабрики или мастерской, сдающій работу на сторону, обязанъ подъ угрозой штрафа до 100 руб., вести точную и вѣрную вѣдомость рода и количества работъ, исполненныхъ внѣ фабрики, списокъ и адреса лицъ, которымъ такая работа была сдана, равно какъ и точныя данныя о размѣрѣ уплаченнаго этимъ лицамъ вознагражденія. Такая вѣдомость должна быть показываема фабричному инспектору по первому его требованію“...

Такимъ образомъ, инспекторъ можетъ знать, въ какой мѣрѣ тотъ или иной предприниматель пользуется сдачей работы на сторону, въ какихъ условіяхъ эта работа исполняется такъ называемыми штучниками и т д. Такъ какъ, однако, услѣдить за всѣми мелкими мастерскими невозможно даже и сравнительно многочисленному составу „фабричной“ (въ указанномъ выше смыслѣ) инспекціи Новой Зеландіи, такъ какъ даже и въ Новой Зеландіи фабричной инспекціи не подлежатъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ рабочій исполняетъ заказы одинъ, то въ этой прогрессивной колоніи сдѣлана попытка привлечь все общество къ борьбѣ со зломъ промышленнаго производства внѣ контроля общественныхъ властей, т. е. безъ обязательнаго соблюденія гигіеническихъ, санитарныхъ и другихъ мѣръ.

Это достигается второй частью той же 23 статьи, которая гласитъ: „Всякій хозяинъ фабрики или мастерской, сдающій работу въ частные дома и вообще въ мѣста, не зарегистрованныя въ качествѣ фабрикъ, обязанъ наклеивать особые ярлыки на всякомъ предметѣ одежды и вообще на всякой вещи, частью или всецѣло изготовленной въ частномъ жилищѣ и вообще не на фабрикѣ“.

Ярлыкъ долженъ быть изъ папки не менѣе, чѣмъ въ 2 квадратныхъ дюйма. На немъ должно быть напечатано имя и адресъ рабочаго, изготовившаго данный предметъ.

„Всякій, кто продаетъ или выставляетъ на продажу такого рода вещи безъ ярлыка, подлежитъ штрафу не свыше 100 руб. Всякій, кто умышленно снимаетъ ярлыкъ до продажи, подлежитъ штрафу не свыше 200 руб.“

„Всякій купецъ, оптовый торговецъ, лавочникъ, коммиссіонеръ, раздающій матеріалъ для работы штучникамъ и вообще лицамъ, работающимъ на дому, подлежитъ отвѣтственности по этой статьѣ, какъ бы хозяинъ фабрики“.

Благодаря такому закону, само общество получаетъ возможность бороться съ „потогонною системою“, избѣгая покупки товаровъ съ подобными ярлыками, хотя бы они и были дешевле другихъ.

Мы не находимъ возможнымъ знакомить читателя съ разными постановленіями закона, требующими огражденія всѣхъ опасныхъ частей машинъ, и всякими другими мѣрами, могущими предотвратить возможность несчастныхъ случаевъ. Инспектору принадлежитъ даже право требовать совершеннаго удаленія машинъ, которыя онъ считаетъ опасными для рабочихъ (ст. 27). За недостаточное огражденіе машинъ и вообще за непринятіе всѣхъ мѣръ предосторожности съ фабриканта можетъ быть взысканъ штрафъ въ 100 руб., и, кромѣ того, 20 руб. за каждый рабочій день, пока не будетъ исполнено требованіе инспектора объ огражденіи или о полномъ удаленіи того или иного механизма.

Обо всякомъ несчастномъ случаѣ не позже 24 час. должно быть дано знать фабричному инспектору и участковому врачу. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, долженъ въ 24 часа изслѣдовать пострадавшаго и донести инспектору. Несвоевременное донесеніе предпринимателя о несчастномъ случаѣ карается штрафомъ, а утайка или обманъ—тюремнымъ заключеніемъ. Такъ ограждаетъ законъ рабочихъ тамъ, гдѣ несчастные случаи сравнительно рѣдки, и гдѣ рабочіе умѣютъ и сами постоять за себя, благодаря своему образованію и благодаря своей прогрессивной организаціи...

Также строги требованія закона и относительно санитарныхъ условій работы на фабрикахъ, кубическаго содержанія воздуха на рабочаго, площади пола, свѣта и т. д., равно какъ и относительно разныхъ противопожарныхъ мѣръ и приспособленій, облегчающихъ спасеніе въ случаѣ пожара, при чемъ вездѣ высказываются не благія лишь пожеланія и совѣты, какъ въ нѣкоторыхъ аналогичныхъ русскихъ уставахъ и положеніяхъ, а безусловныя требованія съ непремѣннымъ указаніемъ гражданской или уголовной отвѣтственности предпринимателя въ случаѣ ихъ неисполненія.

Особенно строгъ и неумолимъ законъ во всемъ, что касается огражденія жизни и здоровья дѣтей и женщинъ. Никто не можетъ быть допущенъ къ работѣ на фабрикѣ и вообще въ какомъ бы то ни было промышленномъ заведеніи ранѣе 14 лѣтъ. Однако и четырнадцатилѣтнія дѣти могутъ быть допущены къ такой работѣ лишь въ томъ случаѣ, если фабричный инспекторъ письменно удостовѣритъ, что данному лицу работа въ тѣхъ или иныхъ фабрикахъ не можетъ причинить вреда для здоровья. Такого рода свидѣтельство должны имѣть всѣ рабочіе моложе 16 лѣтъ, и эти свидѣтельства должны быть всегда у хозяина фабрики.

Но даже и при условіи безвредности для здоровья работа на фабрикѣ лицамъ моложе 16 лѣтъ (но отнюдь не моложе 14 лѣтъ) можетъ быть разрѣшена инспекторомъ только въ томъ случаѣ, если эти лица представили удостовѣреніе объ окончаніи, по крайней мѣрѣ, 4 классовъ нормальнаго курса начальной школы, что равносильно обязательности предварительнаго посѣщенія школы

въ теченіе по крайней мѣрѣ 6—7 лѣтъ *). За всякій обманъ въ свидѣтельствахъ о рожденіи или о полученіи образованія и за представленіе завѣдомо ложныхъ свидѣтельствъ законъ грозитъ штрафомъ до 500 руб. или тюремнымъ заключеніемъ до 3 мѣс.

Всѣ лица моложе 14 лѣтъ и, лица женскаго пола, независимо отъ ихъ возраста, не могутъ работать на фабрикахъ болѣе 48 час. въ недѣлю, равно какъ и между 6 час. вечера и 8 час. утра (женщины 7 час.). Женщины не могутъ работать на фабрикахъ ранѣе 4 недѣль послѣ разрѣшенія отъ беременности.

Сверхсрочная работа для женщинъ и лицъ моложе 16 лѣтъ допускается лишь съ письменнаго разрѣшенія инспектора для каждаго отдѣльнаго лица, при чемъ такая сверхсрочная работа не можетъ быть допускаема болѣе 28 разъ въ годъ, при максимальной продолжительности три часа и *при минимальной платѣ 25 коп.* (половина шиллинга) *за часъ*. Инспекторъ ведетъ списокъ лицъ, которымъ онъ разрѣшилъ работу и (согласно донесенію предпринимателя) отмѣчаетъ сверхсрочную работу каждаго лица, чтобы никто не могъ перейти предѣльнаго числа сверхсрочныхъ часовъ **).

Кромѣ воскресеній и шести (опредѣляемыхъ въ законѣ) годовыхъ праздниковъ, всѣ женщины, а равно и всѣ вообще рабочіе моложе 18 лѣтъ должны по субботамъ кончать работу въ часъ дня.

По закону платить рабочему можно только деньгами и ни въ какомъ случаѣ не товарами изъ хозяйской лавки и т. п.; хозяева *лишены даже права предъявлять* въ судъ *иски* по взысканію со своихъ рабочихъ денегъ за проданные послѣднимъ товары или продукты. Заработная плата должна быть выдаваема не рѣже, чѣмъ разъ въ недѣлю; при сдачѣ работъ подрядчику, предприниматель всетаки отвѣтственъ за аккуратность и точность расплаты съ рабочими послѣднимъ и въ случаѣ недобросовѣстности или несостоятельности подрядчика обязанъ полностью удовлетворить претензіи рабочихъ, хотя бы и уплатилъ уже все, что слѣдовало подрядчику. Нечего и говорить, какое громадное значеніе имѣетъ для рабочихъ такая рѣшительная охрана ихъ интересовъ, и насколько болѣе необходимы были бы аналогичныя законоположенія въ тѣхъ странахъ, гдѣ рабочіе не имѣютъ никакой профессіональной организаціи и совершенно не умѣютъ, да часто и не имѣютъ возможности защищать свои интересы путемъ обращенія къ суду.

---

*) См. главу IV.

**) Въ 1898 году въ Новой Зеландіи вышелъ законъ, запрещающій платить такъ называемымъ ученикамъ въ мастерскихъ и на фабрикахъ менѣе 2 руб. 50 коп. въ недѣлю. Законъ этотъ имѣетъ цѣлью борьбу съ стремленіемъ содержателей разнаго рода промышленныхъ заведеній (широко распространенныхъ и у насъ) набирать побольше даровыхъ учениковъ и прогонять ихъ черезъ 2 или 3 года, не научивъ никакому мастерству, но воспользовавшись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ихъ даровымъ трудомъ.

Правительство Новой Зеландіи само избѣгаетъ посредничества подрядчиковъ и при производимыхъ имъ работахъ по возможности придерживается, такъ называемой, въ Новой Зеландіи „cooperative works system“.

Вотъ въ чемъ заключается эта система *): рабочимъ предлагается составить небольшія артели, которымъ инженеры, по извѣстной расцѣнкѣ, сдаютъ по частямъ подряды. Они выдаютъ рабочимъ весь необходимый казенный матеріалъ и наблюдаютъ за ихъ работами. Благодаря этой системѣ, рабочіе зарабатываютъ хорошія деньги, работаютъ безъ понуканій разныхъ надсмотрщиковъ и приказчиковъ, а правительство, расплачиваясь съ рабочими щедрѣе, чѣмъ это сдѣлалъ бы подрядчикъ, избѣгаетъ обращенія къ этимъ излишнимъ посредникамъ. Въ 1898 году рабочихъ на правительственныхъ постройкахъ и другихъ сооруженіяхъ было около $2^1/_2$ тысячъ, что представляетъ достаточно значительное число для $^3/_4$ милл. жителей (для Россіи пропорціональное число было бы около 450,000).

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ охранѣ труда служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ. Согласно закону 1894 г., всѣ лавки, магазины и другія торговыя заведенія должны быть закрываемы разъ въ недѣлю не позже 1 часа послѣ полудня **). Законъ говоритъ далѣе (ст. 5), что, если кто либо изъ служащихъ въ торговомъ заведеніи будетъ задержанъ послѣ часа дня, съ хозяина взыскивается штрафъ не свыше 50 рублей за каждые полчаса просрочки и за каждаго задержаннаго приказчика. Это дѣлается для огражденія интересовъ приказчиковъ. Для огражденія же хозяевъ другихъ лавокъ отъ невыгодной для нихъ конкурренціи, законъ взыскиваетъ независимо отъ сего особый штрафъ за позднее прекращеніе торговли, хотя бы въ лавкѣ при этомъ не было никого изъ приказчиковъ.

Время этого, такъ называемаго, „полупраздника“ для служащихъ въ торговыхъ заведеніяхъ устанавливается мѣстными (выборными) властями; обыкновенно выбираютъ среду или четвергъ.

Женщины и всѣ вообще лица моложе 18 лѣтъ не могутъ быть занимаемы въ торговыхъ заведеніяхъ болѣе 52 часовъ въ недѣлю, при чемъ рабочій день ихъ не можетъ превышать $9^1/_2$ часовъ (одинъ разъ въ недѣлю разрѣшается $11^1/_2$ часовъ). Росписаніе часовъ работы служащихъ должно быть вывѣшено на видномъ мѣстѣ въ каждомъ торговомъ заведеніи. Для всѣхъ женщинъ должны быть сидѣнья, которыми онѣ должны безпрепятственно пользоваться во всѣхъ случаяхъ, когда стояніе не необходимо для

*) Послѣдующее объясненіе почти дословно переведено изъ цитированнаго сочиненія бывшаго министра труда въ Новой Зеландіи Ривса (стр. 392).

**) Сверхъ воскресенья, когда всѣ торговыя заведенія закрыты цѣлый день.

дѣла. Женщину нельзя ставить на такую работу, которая требуетъ непрерывнаго стоянія, не замѣняя ее по временамъ другими лицами. Всѣмъ женщинамъ и всѣмъ вообще лицамъ моложе 18 лѣтъ черезъ каждые 5 часовъ долженъ быть предоставленъ полный отдыхъ не менѣе, какъ на полчаса; кромѣ того, въ теченіе дня всѣмъ служащимъ долженъ быть данъ часъ для обѣда.

Всѣ конторы, банки, страховыя общества должны быть закрываемы не позже 5 часовъ вечера, кромѣ одного дня на недѣлѣ *), когда всѣ такія учрежденія должны закрываться не позже 1 часа пополудни.

Для торговыхъ заведеній существуютъ также извѣстныя санитарныя постановленія. Мы не будемъ ихъ излагать, равно какъ и законовъ объ охранѣ труда горнорабочихъ, сельскохозяйственныхъ рабочихъ или служащихъ на морскихъ или рѣчныхъ судахъ. Предшествующія строки даютъ, мы надѣемся, достаточное представленіе обо всей рѣшительности и строгости законовъ Новой Зеландіи, ограждающихъ интересы труда. Прибавимъ лишь, что всѣ эти строгіе законы нисколько не мѣшаютъ прогрессу и процвѣтанію промышленности и торговли въ Новой Зеландіи.

VII.

Профессіональные союзы въ Новой Зеландіи. Примирительныя коммиссіи и третейскій судъ.

Въ Новой Зеландіи населеніе всегда пользовалось свободой всякаго рода союзовъ и ассоціацій.

По законамъ Новой Зеландіи **) въ категорію „trade unions“ или, какъ у насъ часто переводятъ это выраженіе, „профессіональныхъ союзовъ“, отнесены „всякія вообще временныя или постоянныя соглашенія или союзы рабочихъ и хозяевъ, а равно и соглашенія или союзы тѣхъ и другихъ для регулированія взаимныхъ отношеній“. Такимъ образомъ, подъ одну категорію подведены какъ союзы предпринимателей, такъ и союзы рабочихъ. И тѣ, и другіе для того, чтобы узаконить съ формальной стороны свое существованіе, должны быть внесены въ оффиціальный списокъ („registered“) такихъ учрежденій, для чего требуется подать особому правительственному чиновнику (Registrar of Friendly Societies) заявленіе объ организаціи союза, печатный уставъ союза и списокъ должностныхъ лицъ союза. Затѣмъ ежегодно правленіе союза обязано представлять тому же лицу свѣ-

*) Не считая, конечно, воскресеній.

**) The Labour laws of N. Zealand, compiled by direction of the Hon. the Minister of Labour, 299.

дѣнія о числѣ членовъ, имуществѣ союза, приходахъ и расходахъ, равно какъ и обо всѣхъ перемѣнахъ въ уставѣ.

Такого рода союзы пользуются самой широкой свободой въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, такъ какъ законъ (1894 г.) прямо говоритъ, что „всякое соглашеніе между двумя или болѣе лицами дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, въ случаѣ возникновенія несогласій между предпринимателями и рабочими, не должно считаться противозаконнымъ и быть предметомъ судебнаго преслѣдованія, если такое дѣйствіе законъ не вмѣняетъ въ преступленіе при совершеніи его однимъ лицомъ“. Опять-таки мы видимъ, что законъ и въ этомъ отношеніи ставитъ совершенно въ равныя условія соглашенія и совмѣстную дѣятельность предпринимателей, и такую же дѣятельность рабочихъ, какъ стачки рабочихъ, такъ и такъ называемые локоуты (lock-out) предпринимателей (т. е., единовременный отказъ отъ работы всѣмъ рабочимъ). Впрочемъ, есть одно исключеніе: „рабочіе заводовъ газопроводныхъ и водопроводныхъ и обществъ электрическаго освѣщенія, желая прекратить работу, обязаны предупредить объ этомъ, по крайней мѣрѣ, за двѣ недѣли, если они имѣютъ основаніе думать, что иначе городъ или та или другая мѣстность можетъ въ теченіе нѣкотораго времени оказаться вполнѣ или въ значительной мѣрѣ лишенной воды или свѣта“. Слѣдовательно, и это исключеніе сдѣлано не въ интересахъ предпринимателей, а въ интересахъ всего населенія.

Надо сказать при этомъ, что союзы рабочихъ въ Новой Зеландіи, какъ и въ самой Англіи, далеко не ограничиваются лишь защитой своихъ интересовъ въ отношеніи къ предпринимателямъ. Какъ мы читаемъ въ трудахъ англійской королевской коммиссіи по рабочему вопросу *), „большинство болѣе старыхъ рабочихъ союзовъ колоніи Австраліи равнымъ образомъ заботятся о благѣ своихъ членовъ, выдаютъ имъ пособія при болѣзни, вдовамъ послѣ смерти мужей; нѣкоторые союзы выдаютъ даже пенсіи въ старости и пособія во время безработицы. Болѣе новые союзы удѣляютъ менѣе вниманія организаціи такого рода взаимной помощи. Въ уставахъ большинства союзовъ сказано, что они организованы для взаимнаго покровительства членовъ и для обезпеченія и поддержанія рабочей платы на извѣстномъ уровнѣ; въ нѣкоторыхъ уставахъ прибавлено при этомъ, что часть своихъ фондовъ союзы намѣрены тратить для улучшенія нравственнаго и соціальнаго положенія рабочихъ. Главныя услуги, оказываемыя этими союзами, заключаются въ выдачѣ пособій на похороны, отъ 50 до 150 рублей, пособій вдовамъ и сиротамъ членовъ, а равно и пособій безработнымъ. Пособіе, выдаваемое

*) Royal Commission on Labour. Foreign Reports, vol. II, The Colonies. London. 1893, 22.

большинствомъ болѣе новыхъ союзовъ во время стачекъ, колеблется между 3 р. 75 к. и 18 р. ($7^1/_2$ шил.—36 шил.) въ недѣлю (обыкновенно 10 рублей въ недѣлю), пока въ кассѣ союза имѣются для этого средства.

Какъ бы то ни было, главная задача рабочихъ союзовъ заключается въ охранѣ чисто профессіональныхъ экономическихъ интересовъ. Болѣе радикальная часть рабочихъ высказывается даже противъ излишняго развитія союзами обыкновеннаго вида взаимной помощи (при болѣзни, старости и т. д.), такъ какъ усиленная дѣятельность союзовъ въ этомъ направленіи заставляетъ ихъ поступать иногда слишкомъ осмотрительно, слишкомъ консервативно, дабы рискованными стачками не компрометировать финансоваго положенія союза. Впрочемъ, съ другой стороны, какъ это понимаютъ хорошо всѣ рабочіе, наличность въ кассѣ союза значительныхъ суммъ, предназначенныхъ на помощь во время болѣзни и т. п., позволяетъ при случаѣ сдѣлать оттуда позаимствованіе во время стачки, чѣмъ поднимаются шансы побѣды рабочихъ *).

Точка зрѣнія болѣе радикальной части рабочихъ намъ будетъ болѣе понятна, если мы примемъ во вниманіе, что въ Новой Зеландіи (какъ и въ самой Англіи и, конечно, въ другихъ колоніяхъ), кромѣ описываемыхъ здѣсь союзовъ, преслѣдующихъ профессіональные интересы рабочихъ, есть еще другого рода общества или союзы, состоящіе изъ рабочихъ и называемые „дружескими союзами“ (friendly societies). Эти союзы преслѣдуютъ уже исключительно цѣли взаимопомощи при случаяхъ болѣзни и смерти. Въ концѣ 1897 г. членовъ такихъ обществъ въ Новой Зеландіи было почти 33,000; фонды этихъ обществъ доходили почти до $6^1/_2$ милл. рублей, въ теченіе года ими было выдано пособій на лѣченіе болѣе *полумилліона рублей.*

Возвращаемся, однако, къ чисто профессіональнымъ рабочимъ союзамъ. Мы не находимъ возможнымъ останавливаться здѣсь на характеристикѣ ихъ дѣятельности, отсылая интересующихся читателей къ цитированной статьѣ американца Олдрича. Мы ограничимся лишь выясненіемъ роли союзовъ при возникновеніи стачекъ, для чего цитируемъ слѣдующія слова доклада вышеназванной англійской королевской коммиссіи.

„Большинство рабочихъ союзовъ предусматриваетъ въ своихъ уставахъ способы улаженія недоразумѣній и споровъ съ предпринимателями. Во всякой фабрикѣ или мастерской, гдѣ работаютъ члены союза, выбирается коммиссія изъ такихъ членовъ,

---

*) См. превосходную работу (на которую мы будемъ часто ссылаться) американскаго ученаго А. Мортона Олдрича (Morton Aldrich). Die Arbeiter Bewegung in Australien und Neu-Seeland, помѣщенную въ «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» Prof. Conrad'a, 1898.

которая обязана доводить до свѣдѣнія правленія союза обо всѣхъ случаяхъ споровъ и столкновеній между членами союза и хозяиномъ данной фабрики. Во многихъ случаяхъ прямо предписывается уставомъ, чтобы стачку начинали не иначе, какъ испробовавъ всѣ средства къ мирному улаженію недоразумѣнія. Союзы, образовавшіеся въ болѣе позднее время и имѣющіе главной своей цѣлью регулированіе отношеній предпринимателей и рабочихъ, большею частью устанавливаютъ въ своихъ уставахъ строго опредѣленныя правила о томъ, какъ должны начинаться и вестись стачки. Вообще говоря, членамъ союза запрещается начинать стачку, пока по поводу ея не состоится формальной баллотировки прикосновенныхъ къ дѣлу рабочихъ; во многихъ союзахъ для постановленія о стачкѣ требуется большинство двухъ третей голосовъ. Отдѣленіямъ союза запрещается прекращать работу безъ согласія всего союза, и въ случаѣ нарушенія этого правила, члены филіальныхъ отдѣленій утрачиваютъ право на спеціальныя субсидіи при стачкахъ. Нѣкоторые союзы организовали на случай стачекъ особыя примирительныя коммиссіи" (см. ниже) *).

Какъ читатель видитъ изъ этихъ словъ въ высшей степени авторитетной англійской коммиссіи **), имѣвшей, конечно, всѣ данныя для изученія вопроса, рабочіе союзы въ Австраліи совершенно чужды желанія затѣвать излишніе споры съ предпринимателями, а, наоборотъ, стараются предупредить стачки и во всякомъ случаѣ избѣгать необдуманныхъ рѣшеній въ столь важныхъ дѣлахъ, затрагивающихъ интересы всего общества.

Результатомъ этого является тотъ совершенно неожиданный для многихъ русскихъ читателей фактъ, что въ Новой Зеландіи (и, мы могли бы прибавить, въ другихъ колоніяхъ Австраліи) сама фабричная инспекція видитъ великое благо въ существованіи рабочихъ союзовъ. Такъ, въ отчетѣ за 1896 г. министръ труда (и главный фабричный инспекторъ), говоря о ничтожной платѣ, получаемой на нѣкоторыхъ фабрикахъ женщинами и дѣвушками, что приводитъ ихъ иногда на путь порока, выражается слѣдующимъ образомъ: „Что касается до ничтожной ***) заработной платы, которую получаютъ нерѣдко женщины, особенно на сѣверѣ колоніи, то для борьбы съ такимъ зломъ нѣтъ другого средства, кромѣ всяческаго содѣйствія женщинамъ къ образованію рабочихъ союзовъ. Мы говоримъ это, имѣя въ виду не только экономическія пре-

*) Royal Commission on Labour, Foreign Repors. vol. II, 22.

**) Коммиссія работала подъ предсѣдательствомъ герцога Девонширскаго и состояла изъ выдающихся общественныхъ дѣятелей Англіи при нѣкоторомъ (хотя и слабомъ) представительствѣ руководителей рабочаго движенія. Труды коммиссіи составляютъ цѣлую библіотеку и имѣютъ огромную цѣну для всѣхъ, кто интересуется даннымъ вопросомъ.

***) Измѣряя ее масштабомъ рабочихъ Новой Зеландіи.

имущества, которыя могутъ обезпечить такіе союзы рабочихъ женщинъ, предотвращая чрезмѣрное паденіе заработной платы, но и огромныя (enormous) преимущества чисто соціальнаго характера. Вмѣсто того, чтобы, какъ теперь, имѣть возможность выбора только между сидѣньемъ весь вечеръ въ своей мрачной комнатѣ или гуляньемъ по ярко-освѣщеннымъ улицамъ, дѣвушки и женщины получатъ возможность провести вечеръ въ помѣщеніи союза съ обычными въ такихъ учрежденіяхъ комфортабельными гостиными, столовой (tea-room — „чайной"), читальной залой... Да и въ дни болѣзни и искушенія близость и тѣсное товарищество съ другими дѣвушками и женщинами будетъ большой нравственной поддержкой для каждой изъ нихъ, а помощь союза предупредитъ отчаяніе или паденіе многихъ женщинъ, впавшихъ во временную нужду... Въ виду всего этого нельзя не сказать, что благожелательные люди, жертвующіе свои деньги и время для устройства пріютовъ св. Магдалины, борются со зломъ не съ того конца. Лучше помочь рабочему союзу, чѣмъ пріюту св. Магдалины" *).

Надо сказать, что въ Австраліи, какъ это наблюдается повсемѣстно, женщины въ гораздо меньшей степени организовали свои силы, чѣмъ мужчины, отчасти, конечно, вслѣдствіе того, что женщины, вообще говоря, лишь временно (до замужества) занимаются работой на фабрикахъ, тогда какъ мужчины въ большинствѣ случаевъ остаются рабочими всю жизнь и потому вопросъ объ организаціи своихъ силъ имѣетъ для нихъ особое значеніе. Однако, въ Новой Зеландіи уже существуютъ женскіе рабочіе союзы во всѣхъ главныхъ городахъ, и наиболѣе значительному изъ этихъ союзовъ (въ Дюнединѣ) удалось въ самое короткое время поднять заработную плату на 25% (Олдричъ).

Рабочіе Новой Зеландіи и другихъ колоній, группируясь по профессіямъ (горнорабочіе, наборщики, каменщики и т. д.), организуютъ союзы и по отдѣльнымъ городамъ, гдѣ отдѣленія разныхъ профессіональныхъ союзовъ составляютъ мѣстныя федераціи. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ колоніяхъ большая часть рабочихъ союзовъ входитъ въ составъ одной общей федераціи всѣхъ рабочихъ союзовъ колоніи.

Итакъ, въ настоящее время большая часть рабочихъ Новой Зеландіи (какъ и другихъ колоній Австраліи) организовалась въ разнаго рода союзы, имѣя въ виду частью взаимную помощь во время болѣзней и т. п. несчастій, частью защиту своихъ чисто профессіональныхъ интересовъ—поддержанія извѣстнаго уровня заработной платы и другихъ условій труда.

*) Report of the N. Zealand Department of Labour for 1895—1896, стр. III.

Мы уже говорили, что законъ представляетъ полную свободу организаціи и предпринимателямъ, которые, конечно, съ своей стороны тоже не преминули составить между собой разнаго рода союзы для взаимной защиты и поддержки во время недоразумѣній съ рабочими. Какъ извѣстно, это дѣлается предпринимателями даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ за рабочими не признается права ассоціаціи; тѣмъ болѣе готовности къ взаимной поддержкѣ предприниматели обнаруживаютъ, конечно, тамъ, гдѣ имъ приходится имѣть дѣло съ организованной силой рабочихъ.

Казалось бы, что такое положеніе дѣлъ будетъ постоянно вызывать столкновенія, стачки и т. п. Въ дѣйствительности же происходитъ совершенно обратное: сознаніе взаимной силы побудило рабочихъ и предпринимателей къ организаціи разнаго рода примирительныхъ коммиссій изъ представителей обѣихъ сторонъ, для чего необходимымъ предварительнымъ условіемъ является, конечно, организація сильныхъ и авторитетныхъ рабочихъ союзовъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу англійская королевская коммиссія по рабочему вопросу.

„Нельзя сомнѣваться въ томъ, что федерація рабочихъ союзовъ и возможно полное объединеніе предпринимателей значительно усиливаютъ вліяніе той и другой стороны, хотя и существуетъ разногласіе относительно того, какъ это обстоятельство вліяетъ на число и характеръ недоразумѣній между предпринимателями и рабочими. Г-нъ Брусъ Смитъ (Bruce Smith), бывшій предсѣдатель и иниціаторъ „*Союза предпринимателей*“ колоніи Викторія *), такъ выразился въ своемъ показаніи королевской коммиссіи по вопросу о стачкахъ въ Нов. Южн. Валлисѣ **). „Рабочіе союзы, по моему мнѣнію, представляютъ собой единственное средство для предотвращенія распрей между капиталомъ и трудомъ. Благодаря своимъ союзамъ, рабочіе пріучаются мыслить и дѣйствовать массами (think and act in masses), союзы пріучаютъ ихъ къ единству, а это сообщаетъ имъ силу... Только черезъ посредство тѣхъ же союзовъ можно заставить рабочихъ... постоянно и единодушно держаться опредѣленнаго образа дѣйствій и этимъ избѣгать частыхъ распрей съ предпринимателями“...

Указывая далѣе въ своемъ показаніи на чрезвычайную полезность смѣшанныхъ (изъ представителей рабочихъ и предприни-

---

*) Впослѣдствіи организовавшій такой же союзъ предпринимателей въ колоніи Новый Южный Валлисъ.

**) Эта коммиссія (Royal Commission on Strikes) была назначена въ 1890 г. правительствомъ Н. Ю. Валлиса. Отчетъ этой коммиссіи, по выраженію одного американскаго ученаго, представляетъ собой «самое обширное и, можетъ быть, самое цѣнное изслѣдованіе вопроса о стачкахъ». См. F. Halt. Sympathetic Strikes and Sympathetic Lockouts. New-Jork 1898. (Изданіе Columbia University въ Нью-Іоркѣ).

мателей) примирительныхъ коммиссій (board of conciliation), Брусъ Смитъ продолжаетъ такъ: „Здѣсь, однако, мы наталкиваемся на одно серьезное практическое затрудненіе. Какъ образовать такую коммиссію? Замѣчательно, что главныя затрудненія встрѣчаются въ этомъ случаѣ со стороны предпринимателей. Вообще говоря, они у насъ (въ Австраліи) представляютъ разрозненную массу. Если они иногда и дѣйствуютъ единодушно, то лишь обособленными группами (by sections). Къ тому же многіе изъ предпринимателей держатся настолько превратныхъ (such an erroneous view) взглядовъ на рабочіе союзы, что лишь образованіе федераціи значительнаго числа предпринимателей колоніи можетъ заставить такихъ членовъ дѣйствовать согласно съ другими (т. е. съ болѣе разумнымъ отношеніемъ къ союзамъ рабочихъ)“.

Въ другомъ мѣстѣ своего отчета англійская королевская коммиссія говоритъ: „Въ Австраліи постепенно идетъ агитація въ пользу учрежденія примирительныхъ коммиссій для улаженія недоразумѣній между рабочими и предпринимателями, хотя существуетъ большое разнообразіе во мнѣніяхъ относительно способа образованія и функціонированія такихъ коммиссій... Еще въ 1887 г. Брусъ Смитъ, обращаясь въ качествѣ предсѣдателя къ собранію (организованнаго имъ же) „Союза предпринимателей колоніи Викторія“, говорилъ, что „существованіе этого союза въ значительной мѣрѣ улучшило взаимныя отношенія рабочихъ и предпринимателей, привело къ установленію примирительной коммиссіи изъ представителей союза и представителей федераціи рабочихъ, что предотвратило много стачекъ. Съ другой стороны, г. Бреннанъ, президентъ федераціи рабочихъ союзовъ Сиднея (главный городъ Новаго Южнаго Валлиса), въ 1889 г. однажды выразился, что единственное средство для предотвращенія раздоровъ между рабочими и предпринимателями заключается въ полномъ объединеніи силъ труда и капитала. Только при такихъ условіяхъ та и другая сторона охотно пойдетъ на компромисы и будетъ строго держаться установленнаго соглашенія“...

„Королевская коммиссія о стачкахъ, назначенная въ 1890 г. въ Новомъ Южномъ Валлисѣ отобрала показанія 44 лицъ — рабочихъ и предпринимателей самыхъ различныхъ отраслей промышленности и 11 другихъ свѣдущихъ лицъ... Огромное большинство ихъ, расходясь въ деталяхъ, единогласно признавали желательнымъ устройство примирительныхъ коммиссій въ той или другой формѣ“.

Полагаю, что и приведенныхъ данныхъ достаточно, чтобы доказать читателю, что уже къ началу 90-хъ годовъ въ Австраліи твердо установилось въ обществѣ мнѣніе, что рабочіе союзы желательны и сами по себѣ (въ виду оказываемой ими помощи во время болѣзни членовъ и т. п.), и въ особенности потому, что существованіе сильныхъ рабочихъ организацій облегчаетъ учреж-

деніе авторитетныхъ примирительныхъ коммиссій изъ представителей труда и капитала для улаженія возникающихъ недоразумѣній и отчасти для выработки подробныхъ письменныхъ полюбовныхъ соглашеній, регулирующихъ заработную плату и другія условія труда.

Заключенія королевской коммиссіи о стачкахъ въ Новомъ Южномъ Валлисѣ имѣли большое вліяніе на общественное мнѣніе и законодательство всѣхъ колоній. Въ одной колоніи за другой правительство создавало примирительныя коммиссіи, состоящія на половину изъ представителей рабочихъ союзовъ и на половину изъ представителей предпринимателей, тогда какъ прежде существованіе такихъ коммиссій обусловливалось частнымъ соглашеніемъ извѣстной группы предпринимателей и группы рабочихъ организацій.

Движеніе это распространилось, конечно, и на Новую Зеландію, но эта колонія въ одномъ отношеніи пошла дальше всѣхъ другихъ, а именно, въ то время, какъ въ другихъ колоніяхъ рѣшенія такихъ примирительныхъ коммиссій въ глазахъ закона необязательны ни для одной изъ сторонъ, и исполненіе рѣшеній въ концѣ концовъ зависитъ отъ доброй воли и благоразумія сторонъ, въ Новой Зеландіи постановленія примирительныхъ коммиссій въ извѣстныхъ случаяхъ имѣютъ силу судебныхъ рѣшеній. Это также одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ соціальныхъ опытовъ правительства Новой Зеландіи, которые привлекаютъ вниманіе всего мыслящаго міра. Вотъ содержаніе этого важнаго рабочаго закона колоніи, вышедшаго въ 1894 г. (нѣсколько измѣненнаго въ 1895 и 1898 г.) и благополучно прошедшаго черезъ обѣ палаты, благодаря въ особенности энергіи бывшаго въ то время министра труда Ривса.

Парламентскій актъ называется такъ: „Законъ, имѣющій цѣлью содѣйствіе образованію промышленныхъ союзовъ (industrial unions) и ассоціацій и облегченіе улаженія промышленныхъ распрей путемъ обращенія къ примирительнымъ коммиссіямъ и третейскому суду“. Законъ такъ же обстоятеленъ, какъ и его названіе (занимаетъ съ поправками болѣе 40 страницъ), и мы можемъ остановиться лишь на важнѣйшихъ его пунктахъ.

„Промышленнымъ союзомъ—говоритъ законъ—считается всякое общество, состоящее не менѣе, чѣмъ изъ 5 лицъ, вошедшихъ въ соглашеніе для защиты интересовъ предпринимателей или рабочихъ“. „Всякое такое общество можетъ, въ цѣляхъ пользованія настоящимъ закономъ, получить оффиціальную санкцію (may be registered) по представленіи названія союза, списка членовъ и лицъ, исполняющихъ разныя должности въ союзѣ, двухъ экземпляровъ устава общества и копіи постановленія большинства членовъ союза, созванныхъ для этого на спеціальное экст-

ренное засѣданіе,—постановленія о желаніи такого оффиціальнаго признанія союза“.

Послѣ этого и по исполненіи нѣкоторыхъ другихъ формальностей, обществу выдается особое свидѣтельство или грамота, чѣмъ промышленный союзъ пріобрѣтаетъ значеніе юридическаго лица (a body corporate) со всѣми правами таковаго. Всякій профессіональный союзъ (trade union) *), зарегистрированный согласно закону 1878 г., можетъ по исполненіи нѣкоторыхъ формальностей быть зарегистрированъ подъ тѣмъ же названіемъ и какъ промышленный союзъ (industrial union) и получить соотвѣтственное свидѣтельство. Въ цѣляхъ излагаемаго закона каждое мѣстное отдѣленіе профессіональнаго союза разсматривается, какъ особый „промышленный союзъ“ и можетъ получить особое свидѣтельство. Оффиціальная санкція существованія союза влечетъ за собой обязательство для всѣхъ его членовъ подчиняться всѣмъ статьямъ излагаемаго закона и распространяетъ на нихъ компетенцію примирительныхъ камеръ и третейскаго суда. Промышленные союзы рабочихъ и предпринимателей могутъ соединяться въ болѣе обширныя промышленныя ассоціаціи и получать какъ таковыя оффиціальную санкцію (may be registered).

Предприниматели или союзы ихъ, заключая соглашенія съ промышленными союзами рабочихъ относительно заработной платы и всѣхъ другихъ условій труда на срокъ не болѣе 3 лѣтъ, копію такихъ соглашеній представляютъ въ верховный судъ колоніи. Съ этихъ поръ соблюденіе такого соглашенія становится обязательнымъ для обѣихъ сторонъ, и каждая сторона, въ случаѣ нарушенія условій, можетъ быть подвергнута штрафу до 5,000 руб., если размѣръ штрафа не указанъ въ самомъ соглашеніи.

Въ цѣляхъ примѣненія этого закона Новая Зеландія дѣлится на 6 промышленныхъ округовъ; всѣ недоразумѣнія и споры, возникающіе между предпринимателями и зарегистрированными промышленными союзами рабочихъ, подлежатъ рѣшенію примирительныхъ коммиссій (Board of Conciliation), во время работъ которыхъ рабочіе не имѣютъ права начинать стачки и предприниматели разсчитывать своихъ рабочихъ. Названныя примирительныя коммиссіи состоятъ изъ 5 членовъ: двое избираются промышленными союзами рабочихъ и двое такими же союзами предпринимателей, пятаго члена коммиссія выбираетъ сама. Члены коммиссіи избираются на 3 года; въ случаѣ если какая либо изъ сторонъ откажется выбрать представителей, таковыхъ назначаетъ губернаторъ колоніи.

Коммиссія, изслѣдуя обстоятельства недоразумѣнія, имѣетъ

*) Мы говоримъ «профессіональные», а не рабочіе союзы, такъ какъ въ Новой Зеландіи закономъ о trade union'ахъ регулируются какъ союзы рабочихъ, такъ и союзы предпринимателей.

право вызывать свидѣтелей для отобранія отъ нихъ показаній; она постановляетъ свое рѣшеніе не позже, какъ черезъ 2 мѣсяца послѣ подачи ей заявленія какой либо изъ сторонъ о своемъ неудовольствіи.

Рѣшенія коммиссіи не обязательны для спорящихъ, и каждая изъ сторонъ можетъ обжаловать это рѣшеніе обращеніемъ къ третейскому суду (Court of Arbitration). Этотъ судъ—одинъ для всей колоніи—состоитъ изъ 3 лицъ: одного по выбору промышленныхъ союзовъ рабочихъ, другого по выбору такихъ же союзовъ предпринимателей и предсѣдателя—одного изъ членовъ верховнаго суда колоніи по назначенію губернатора. Полномочіе членовъ суда длится три года. Этому суду принадлежатъ всѣ вообще прерогативы суда: онъ можетъ вызывать свидѣтелей, допрашивать ихъ подъ присягой, штрафовать въ случаѣ неявки и т. д.

Судъ можетъ постановлять рѣшенія и при неявкѣ одной изъ сторонъ, и всетаки эти рѣшенія считаются окончательными, хотя бы они были даже выражены и безъ соблюденія принятой для судебныхъ рѣшеній формы. Изучаемый нами законъ прямо предписываетъ даже суду выражать свои рѣшенія обычнымъ языкомъ, чуждымъ всякихъ формальностей, лишь бы это содѣйствовало ясности и точности рѣшенія суда.

Третейскій судъ, въ случаѣ если онъ находитъ, что подлежащее его обсужденію дѣло слишкомъ мелко и пустячно (frivolous or trivial), можетъ во всякое время прекратить вовсе разсмотрѣніе его. Судъ, если находитъ это нужнымъ, можетъ присудить виновную сторону къ уплатѣ другой сторонѣ судебныхъ издержекъ. Въ своемъ рѣшеніи судъ можетъ постановлять обязательныя условія относительно размѣра заработной платы и другихъ условій работы, срокомъ не болѣе, какъ на 2 года. Третейскій судъ даетъ рѣшеніе по представленному ему дѣлу не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ послѣ полученія заявленія. Какъ въ примирительныя коммиссіи, такъ и въ третейскій судъ могутъ быть по желанію сторонъ приглашаемы эксперты, при чемъ каждая изъ сторонъ выбираетъ одного эксперта *).

Таковы главныя особенности закона. Вотъ что пишетъ Ривсъ о примѣненіи закона въ 1898 г.

„Вотъ уже три года, какъ примѣняется законъ о примирительныхъ коммиссіяхъ; за это время въ силу закона улажено

*) Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести дальнѣйшія подробности объ изучаемомъ нами законѣ, изъ которыхъ читатель могъ бы видѣть, насколько широка сфера его примѣненія. См. цитирован. сочин. Ривса, 388—390. Скажемъ лишь, что даже казенныя желѣзныя дороги могутъ передавать на рѣшенія примирительныхъ коммиссій и третейскаго суда недоразумѣнія, возникающія между завѣдующими желѣзнодорожными мастерскими и рабочими въ тѣхъ мастерскихъ.

около 35 недоразумѣній и споровъ рабочихъ съ предпринимателями. По общему правилу, разбирательство споровъ восходитъ до третейскаго суда, такъ какъ та или другая сторона обыкновенно остается недовольной рѣшеніемъ примирительной коммиссіи. Почти во всѣхъ случаяхъ вмѣстѣ съ тѣмъ обѣ стороны охотно повиновались рѣшеніямъ третейскаго суда... Всѣ важныя недоразумѣнія между рабочими и предпринимателями, бывшія за послѣдніе три года, были разрѣшены учрежденіями, созданными описаннымъ закономъ 1895 года. Единственная сколько нибудь значительная стачка, случившаяся за это время въ колоніи, была устроена нѣсколькими каменьщиками (bricklager), не входившими ни въ какую рабочую организацію и работавшими при одной казенной постройкѣ. Такъ какъ компетенція закона 1895 г. не распространялась ни на одну сторону, то онѣ по взаимному соглашенію предоставили разрѣшеніе недоразумѣнія выбранному ими третейскому суду; впрочемъ, нѣкоторые каменьщики остались всетаки недовольны рѣшеніемъ суда и оставили работу. Такихъ же стачекъ, гдѣ бы одной изъ сторонъ были рабочіе, принадлежащіе къ какому нибудь рабочему союзу, вовсе не случалось, да и быть не должно, пока есть возможность пользоваться закономъ 1895 г.

„Вопросы, по поводу которыхъ приходилось постановлять рѣшенія коммиссіямъ и суду, очень разнообразны: продолжительность рабочаго дня, поденная плата, задѣльная плата, отношеніе числа учениковъ къ общему числу рабочихъ, отказъ членовъ рабочихъ союзовъ работать вмѣстѣ съ такими рабочими, которые не состоятъ членами рабочихъ организацій и т. д.

„Вообще говоря, до сихъ поръ законъ дѣйствовалъ замѣчательно успѣшно. Рабочіе союзы относятся къ нему съ энтузіазмомъ, можетъ быть, даже съ слишкомъ большимъ энтузіазмомъ, такъ какъ обнаруживаютъ, пожалуй, неумѣренное рвеніе пользоваться закономъ. Предприниматели же впали въ другую ошибку, отказавшись въ большинствѣ округовъ выбрать своихъ представителей въ примирительныя коммиссіи, и тѣмъ заставили правительство назначить таковыхъ. Это, конечно, ослабило авторитетъ коммиссій и послужило причиной частаго восхожденія дѣлъ для окончательнаго рѣшенія къ третейскому суду“ (цитир. сочин., 388—390).

Таковъ отзывъ Ривса о законѣ, иниціатива котораго принадлежитъ ему самому. Мы имѣемъ однако два отчета министерства труда Новой Зеландіи за тѣ годы, когда Ривсъ уже оставилъ колонію, и въ обоихъ отчетахъ говорится о мирномъ улаженіи многихъ раздоровъ въ промышленномъ мірѣ, благодаря „благотворному дѣйствію“ закона 1895 г. Эти отчеты на половину заполнены изложеніемъ дѣлъ, бывшихъ на разсмотрѣніи примирительныхъ коммиссій и третейскаго суда, но при всемъ желаніи

мы не можемъ позволить себѣ увеличивать нашу работу соотвѣтственными цитатами.

Какъ бы то ни было, нельзя сомнѣваться въ томъ, что общественное мнѣніе колоніи въ общемъ довольно описаннымъ закономъ, который извѣстный американскій дѣятель Henry Lloyd, называетъ даже „самымъ замѣчательнымъ въ принципіальномъ отношеніи закономъ, какимъ можетъ похвалиться Новая Зеландія“ *).

П. Мижуевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* * *

О, если-бъ колоколъ раздался въ тишинѣ,
И пробудились вы отъ сладостной дремоты
Съ мучительнымъ стыдомъ въ душевной глубинѣ
За ваши жалкія заботы,

За то, что вамъ покой приноситъ тишина,
Блаженства долгій путь рисуютъ ярко грёзы,
Когда для многихъ жизнь, какъ мрачный склепъ, темна,
Когда другіе слышатъ грозы!

Нѣтъ, не встревожитъ васъ призывный громкій звонъ,
И не поймете вы, что гибнутъ ваши братья:
На смѣну сладкихъ грёзъ ненарушимый сонъ
Откроетъ вамъ свои объятья.

Но, колоколъ, звони,—не всѣ мертвы сердца,
Быть можетъ, гдѣ-нибудь тревожно отзовутся...
Смѣлѣе пой, поэтъ, до грустнаго конца,
Когда всѣ струны оборвутся!

А. Лукьяновъ.

---

*) См. статью H. Lloyd'а въ американскомъ журналѣ Ainslée Magazins, изъ которой выдержки приведены въ Journal of Depart. of Labour. New Zealand, 1890. March.

МЕДОВЫЯ РѢКИ.

(Очерки).

V.

Душевный гладъ.

I.

Даже у прокуроровъ бываютъ скверные дни, какъ, напримѣръ, было сегодня у Матвѣя Матвѣича Ельшина. Во-первыхъ, онъ проснулся позднѣе обыкновеннаго (вчера заигрался въ клубѣ въ карты и, вдобавокъ, проигрался), а потомъ—сегодня ему нужно было ѣхать въ острогъ, что его каждый разъ волновало. За чаемъ онъ молчалъ, стараясь не глядѣть на жену, которая въ такіе дни ему казалась и растрепанной, и грязной, и, вообще, безобразной. Парасковья Ивановна была на четыре года старше мужа и, дѣйствительно, не блестѣла особенной красотой. Высокая, брюзглая, съ веснусшчатымъ лицомъ и всегда мокрымъ ртомъ, она точно создана была спеціально для того, чтобы омрачать существованіе прокурора загорскаго окружнаго суда. Сидѣвшій рядомъ съ Прасковьей Ивановной пухлый и головастый мальчикъ лѣтъ пяти напоминалъ мать.

— Какой-то рахитикъ...—думалъ Ельшинъ, наблюдая, какъ сынъ набивалъ ротъ булкой.—Идіотъ, совсѣмъ идіотъ... Да и что другое можетъ быть отъ такой прелестной мамаши.

По своей прокурорской привычкѣ, Матвѣй Матвѣичъ у всѣхъ своихъ знакомыхъ находилъ удивительно ярко выраженные признаки врожденной преступности (морелевскія уши, гутчинсоновскіе зубы, сѣдлообразное небо и т. д.), а у себя дома, когда былъ не въ духѣ, мысленно даже переодѣвалъ жену въ арестантскій халатъ и находилъ, что она служила бы типичнымъ экземпляромъ преступности. Еще сильнѣе проявлялась эта преступность въ сынѣ: надбровныя дуги,

какъ у шимпанзе, нижняя челюсть „калошей", какъ выражаются французскіе анатомы, несоразмѣрно длинныя руки, а главное—этотъ тупой, безсмысленный взглядъ безцвѣтныхъ глазъ... Въ сущности, ничего подобнаго, конечно, не было, и маленькій Коля ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся среди другихъ интеллигентныхъ дѣтей. Просто, тихій и склонный къ мечтамъ ребенокъ, который любилъ больше всего свое дѣтское уединенное житіе.

— Я убѣжденъ, что изъ этого отшельника со временемъ выростетъ очень хорошій преступникъ,—увѣрялъ жену Ельшинъ, когда хотѣлъ ее позлить.—Вообще, великолѣпный экземпляръ изъ области судебной медицины...

Сегодня, подъ впечатлѣніемъ вчерашняго проигрыша, Ельшину собственная семья казалась какимъ-то гнѣздомъ преступниковъ, такъ, что онъ даже пошелъ въ гостиную и посмотрѣлъ на самого себя въ зеркало, какъ на человѣка, который до извѣстной степени, прямо и косвенно, причастенъ къ этому дѣлу. Изъ зеркала на него смотрѣло худенькое нервное лицо съ карими глазами и козлиной бородкой. На этомъ лицѣ выдѣлялся не по возрасту свѣжій ротъ, открывавшій при разговорѣ два ряда чудныхъ бѣлыхъ зубовъ, что придавало ему видъ маленькаго хищника. Ельшинъ былъ немного меньше средняго роста и, можетъ быть, поэтому казалось, что у него слишкомъ много зубовъ.

— Да, есть что-то хищное въ выраженіи лица,—опредѣлялъ самого себя Ельшинъ, глядя въ зеркало.—Но признаковъ врожденной преступности никакихъ.

Успокоившись относительно послѣднихъ, онъ, не торопясь (въ острогѣ прокурора могутъ и подождать „господа преступники"), одѣлся, еще разъ оглянулъ себя въ зеркало и, не простившись съ женой (онъ не могъ ей простить своего вчерашняго проигрыша), вышелъ въ переднюю, гдѣ его уже ждала очень миловидная горничная Груша. Надѣвая пальто, Ельшинъ успѣлъ подумать, что если бы вотъ эта простая дѣвушка Груша была его женой, то онъ не спасался бы ежедневнымъ бѣгствомъ въ клубѣ. Такая свѣженькая, простая и хорошая дѣвушка эта Груша, и, навѣрно, она народитъ не рахитиковъ и будущихъ преступниковъ. Въ Грушѣ не было ни одного признака преступности.

Выходя изъ дому, Ельшинъ принималъ внушительный, дѣловой видъ, какъ это дѣлаютъ всѣ мужчины небольшого роста. Дома онъ былъ просто Матвѣй Матвѣичъ, а за предѣлами этого дома—настоящимъ прокуроромъ. Но это спеціальное настроеніе было нарушено глупой сценой на самомъ подъѣздѣ. Когда Груша отворила дверь и Ельшинъ уже

занесъ ногу. черезъ порогъ, справа кинулась прямо ему подъ ноги какая-то масса.

— Голубчикъ, господинъ прокуроръ, ваше превосходительство...—заголосила эта неопредѣленная масса „истошнымъ" бабьимъ голосомъ.—Охъ, пришла моя смертынька...

— Что вамъ нужно отъ меня?!.

— Охъ, смертынька... ваше высокое превосходительство...

— Во-первыхъ, я никакое превосходительство,—обиженно замѣтилъ Ельшинъ, надѣвая перчатки.—А во-вторыхъ...

— Баринъ, это жена Буканова, который въ острогѣ,—шепотомъ объяснила Груша.—Таисьей звать...

— А... Ну что вамъ угодно отъ меня, госпожа Буканова? Да встаньте, пожалуйста... Это неприлично—валяться на полу.

Госпожа Буканова, благодаря своей тучности и возрасту, поднялась съ большимъ трудомъ на ноги и запричитала.

— Все изъ-за Ивана Митрича... Родной племянникъ и пустилъ на старости лѣтъ по міру... Федоръ-то Евсеичъ за што въ острогѣ засаженъ?

— Какой Федоръ Евсеичъ?

— А, значитъ, мой мужъ... Онъ самый. Одного страму не износить...

— Ахъ, да, Букановъ, который будетъ судиться за подлогъ... Ну, матушка, тутъ я ничего не могу подѣлать.

Горничной Грушѣ нравилось, что у ея барина въ ногахъ валяется толстомордая купчиха. И ростомъ не вышелъ баринъ, и капиталу никакого, а тутъ купчиха Буканова, у которой и собственный домъ, и собственный капиталъ, и собственная лавка со скобянымъ товаромъ.

— Да, вѣдь, не причемъ тутъ мой-то Федоръ Евсеичъ... Все племянничекъ Иванъ Митричъ нахороводилъ, онъ еще двухъ племянницъ разорилъ и родную жену обокралъ... Все онъ, змѣй подколодный!..

— Вѣроятно, онъ много натворилъ, вашъ Иванъ Митричъ, и все это выяснится въ свое время на судѣ, но отъ этого вашему мужу не будетъ легче. Вашъ мужъ будетъ судиться особо, по своему собственному дѣлу, и, повторяю, я рѣшительно ничего не могу для васъ сдѣлать, даже если-бы и желалъ.

Въ отвѣтъ, Буканова опять повалилась въ ноги и закричитала что-то ужъ совсѣмъ безсмысленное. Ельшинъ разсердился. У подъѣзда уже начала собираться кучка любопытныхъ.

— Да говорятъ-же вамъ, встаньте!..

— Охъ, смертынька...

Ельшина выручилъ извозчикъ, который „подалъ" въ самый

критическій моментъ. Буканова поднялась и, провожая глазами уѣзжавшее начальство, проговорила:

— Этакой маленькій, а злости-то сколько въ ёмъ...

Это замѣчаніе обидило Грушу.

— И даже совсѣмъ наоборотъ... Матвѣй Матвѣичъ даже совсѣмъ не злые, а такая ужъ ихняя строгая служба.

— Не ври, мать... Все отъ прокурора: кого захочетъ— того и посадитъ въ острогъ. На што боекъ былъ Иванъ Митричъ, а и того упомѣстилъ твой-то баринъ. Охъ, смертынька!

II.

Въ первый моментъ Ельшинъ разсердился на полоумную старуху, которая держала его квартиру въ осадѣ, такъ что ему носъ нельзя было показать на улицу. А съ другой стороны, ему льстило, что кліенты считаютъ его всесильнымъ. Какъ хотите, гласъ народа—гласъ Божій... Сознаніе собственной силы—что можетъ быть выше и лучше? А Загорскъ давно оцѣнилъ Матвѣя Матвѣича... Даже свѣтила мѣстной адвокатуры побаивались его. Не обладая какимъ-нибудь выдающимся ораторскимъ талантомъ, Ельшинъ велъ каждое дѣло съ какимъ-то ожесточеніемъ и затаенной злостью. Особенно доставалось подсудимымъ во время допроса свидѣтелей на судѣ. Ельшинъ просто вымативалъ душу, какъ говорили про него адвокаты. А между тѣмъ, по душѣ онъ совсѣмъ не былъ прокуроромъ и считалъ себя не на своемъ мѣстѣ.

— Какой-же я прокуроръ?—спрашивалъ онъ въ минуту отчаянія.—Развѣ такіе прокуроры бываютъ?

— Чѣмъ-же вы, Матвѣй Матвѣичъ, хотѣли-бы быть?

— Я?...

Онъ задумывался, теребилъ свою козлиную бородку и съ виноватой улыбкой признавался:

— Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что изъ меня вышелъ-бы недурной акварелистъ...

Незнакомые люди удивлялись такому скромному желанію загорскаго прокурора, а знакомые соглашались съ Матвѣемъ Матвѣичемъ, потому что своими глазами видѣли его акварельные рисунки и находили ихъ очень хорошими и талантливыми. Но бывали моменты, когда Матвѣй Матвѣичъ сомнѣвался самъ, что могъ-бы быть хорошимъ акварелистомъ, какъ это было сегодня. Тогда у него начиналась другая полоса мыслей, и онъ начиналъ думать на тему, что единственно хорошее въ жизни—это добывать свой хлѣбъ своими руками, какъ дѣлали еще римскіе магнаты и неудавшіеся цезари, вродѣ пресловутаго Цинцината. Да, быть свободнымъ, быть

самимъ собой... Матвѣю Матвѣичу грезилось собственное имѣньице, очень небольшое, но уютное, и онъ видѣлъ самого себя въ рабочей блузѣ фермера. Даже Парасковья Ивановна и идіотъ Коля въ этой обстановкѣ утрачивали признаки врожденной преступности и дѣлались нормальными. Развѣ тогда онъ сталъ-бы проводить безсонныя ночи въ клубѣ за дурацкимъ винтомъ? Кстати, онъ припомнилъ ужасный случай, который произошелъ съ нимъ именно изъ-за картъ. Какъ-то года три назадъ, послѣ картежной ночи онъ изъ клуба отправился прямо въ судъ, гдѣ долженъ былъ участвовать въ распорядительномъ засѣданіи. Какъ на зло, засѣданіе вышло очень скучное. Ельшинъ задремалъ и на предложеніе предсѣдателя высказать свое мнѣніе отвѣтилъ:

— Я пасъ...

Это была одна изъ самыхъ прискорбныхъ минутъ въ жизни Матвѣя Матвѣича, и онъ каждый разъ краснѣлъ, вспоминая о ней. Хуже всего въ этомъ случаѣ было то, что онъ гдѣ-то читалъ именно въ такомъ родѣ дурацкій анекдотъ, а потомъ (horbile ducti!) самъ продѣлалъ его. И сегодня, подъ впечатлѣніемъ вчерашняго проигрыша, Матвѣй Матвѣичъ невольно припомнилъ свой роковой „пасъ“ и въ тысячу первый разъ рѣшилъ, что необходимо сдѣлаться фермеромъ,—да, фермеромъ, а не помѣщикомъ. Вѣдь у каждаго ненормальнаго человѣка, т. е. человѣка съ нарушенной волей, есть свой „пасъ“, какъ у той-же купчихи Таисьи Букановой, которая сейчасъ валялась у него въ ногахъ. Высшая реализація этого „паса“ былъ тотъ острогъ, въ который онъ ѣхалъ сейчасъ,—тамъ были собраны тѣ человѣческіе минусы, которые являлись въ общемъ теченіи жизни тѣмъ, что въ математикѣ называется отрицательными величинами. А высшая математика оперируетъ съ „мнимыми величинами“, создаетъ теорію вѣроятностей и т. д. Не достаетъ только теоріи „прокурорскаго паса“, — вѣдь, существовало-же въ старинныхъ ариѳметикахъ какое-то „дѣвичье правило“, отчего-же не быть „теоріи прокурорскаго паса“?

Было уже одиннадцать часовъ утра. Уѣздный городъ Загорскъ по провинціальному просыпался очень рано, и сейчасъ трудовой городской день былъ въ полномъ ходу, какъ заведенная машина. Ельшинъ ѣхалъ по знакомымъ улицамъ, мимо знакомыхъ домовъ, и встрѣчалъ знакомыхъ людей, которые раскланивались съ нимъ и говорили:

— Ну, нашъ Матвѣй Матвѣичъ въ острогъ покатилъ разборку дѣлать...

Загорскъ хотя и былъ провинціальнымъ городомъ, но это не мѣшало ему имѣть свои „сенсаціонные процессы“, какъ сейчасъ злостное банкротство бывшаго директора обществен-

наго банка Ивана Дмитрича Тишаева. Это дѣло было особенно непріятно Ельшину, потому что еще недавно онъ игралъ въ карты вотъ съ этимъ Тишаевымъ, встрѣчался съ нимъ у общихъ знакомыхъ, а теперь не имѣетъ права подать ему руку и предложить сѣсть. Тишаевъ по его-же настоянію былъ заключенъ въ острогъ, не смотря на поручителей, которые предлагали взять его на поруки и вносили залогъ. Amicus Plato, sed veritas magis... Когда Ельшинъ былъ назначенъ прокуроромъ въ Загорскъ, онъ не подозрѣвалъ, съ какими тонкими преступленіями ему придется имѣть дѣло. Какой-нибудь уѣздный городъ и такая не по чину тонкая работа преступной мысли и преступной воли! О, сколько пришлось Матвѣю Матвѣичу поработать надъ этимъ преступнымъ матеріаломъ! Какъ хитрили его кліенты, притворялись, обманывали его на каждомъ шагу, старались сбить съ настоящихъ слѣдовъ, запутать въ противорѣчіяхъ, вызвать его сожалѣніе или участіе, и т. д., и т. д. Взять того-же Тишаева, который обобралъ общественный банкъ, ограбилъ двухъ племянницъ, довелъ до острога родного дядю купца Буканова и натворилъ цѣлый рядъ правонарушеній. А сколько всякихъ другихъ преступленій по части всяческаго насилія съ истязаніями, членовредительствомъ, убійствомъ—и все это въ маленькомъ провинціальномъ городишкѣ, гдѣ и люди-то всѣ на перечетъ.

И сейчасъ, конечно, дѣятельность преступной воли не прекращалась. По наружному виду все обстояло благополучно: сапожникъ тачалъ сапоги, слесарь ковалъ свое желѣзо, купецъ торговалъ, учитель греческаго языка изводилъ ребятъ греческой грамматикой, чиновникъ неусыпно блюлъ, съ одной стороны, интересы обывателя, а съ другой—охранялъ престижъ власти, наконецъ,—городовой стоялъ на своемъ посту, отдавая честь проѣзжавшему мимо прокурору Матвѣю Матвѣичу, и въ тоже время гдѣ-то неустанно и незримо работали преступная мысль и преступная воля, работали вотъ въ этихъ улицахъ, подъ крышами вотъ этихъ домовъ, работали настойчиво и неугомонно, чтобы въ свое время предстать предъ недреманнымъ прокурорскимъ окомъ Матвѣя Матвѣича.

— Ахъ, такъ вы вотъ какіе, голубчики...

Почему-то всякое преступленіе вызываетъ удивленіе публики, особенно удивленіе близкихъ знакомыхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ въ одинъ голосъ кричатъ объ имя-рекъ такомъ-то, что ему острога мало. Рядомъ можно сопоставить только удивленіе предъ смертью.

— Иванъ Петровичъ приказалъ долго жить... Кто-бы могъ этого ожидать?

И всѣмъ кажется, что покойный Иванъ Петровичъ оставилъ послѣ себя какую-то особенно мучительную и безнадеж-

ную пустоту, а прошло какихъ-нибудь двѣ недѣли, и Ивана Петровича точно не бывало. Тоже самое и съ преступленіями... А между тѣмъ, по какой-то психической близорукости люди забываютъ основную формулу юридической этики: pereat mundus—fiat justicia. Ельшинъ любилъ думать заученными въ университетѣ латинскими цитатами и вѣрилъ глубоко, что со временемъ, благодаря дѣятельности неуклонно карающей руки правосудія, преступная воля будетъ доведена до того minimum'а, который допускается даже самыми строгими математиками въ примѣненіи на практикѣ самыхъ точныхъ математическихъ формулъ, когда нельзя не считаться съ составомъ и свойствами матеріала, теплоемкостью, треніемъ, и т. д. На Загорскъ и своихъ кліентовъ Матвѣй Матвѣичъ смотрѣлъ именно съ этой точки зрѣнія и вѣровалъ въ то свѣтлое будущее, когда мечи перекуются на орала, и левъ спокойно ляжетъ рядомъ съ ягненкомъ, и когда провинціальный глухой городишко Загорскъ проникнется основными идеями правды, добра и красоты.

III.

Къ острогу Ельшинъ подъѣхалъ уже настоящимъ фермеромъ. Да, нужно все бросить, что затемняетъ жизнь, и начать жить снова. Конечно, правосудіе должно исправить со временемъ все человѣчество, но, съ другой стороны, можно подумать и о себѣ, т. е. о собственной нормальной жизни. Всѣ эти теоретическія размышленія нисколько не мѣшали тому, что Матвѣй Матвѣичъ, слѣзая съ извозчика, принялъ убійственно спокойный и безнадежно серьезный прокурорскій видъ. Онъ зналъ по давнему опыту, какъ одна фраза: „пріѣхалъ прокуроръ"—всполошитъ весь острогъ. Вѣдь каждый острожный человѣкъ чего-нибудь ждетъ, а послѣднія надежды особенно дороги.

Почему-то Матвѣй Матвѣичъ каждый разъ убѣждался, что его ждутъ въ острогѣ, хотя объ этомъ никто не могъ знать. Нынче было, какъ вчера. Около острожныхъ желѣзныхъ воротъ, какъ всегда, толпились самые простые люди изъ уѣзда—старики, женщины и дѣти, которые приходили и пріѣзжали навѣстить попавшаго въ острогъ родного человѣка. Нужда, страхъ и свое домашнее неизносимое горе глядѣло этими напуганными простыми лицами, лохмотьями, „согбенными" деревенскими спинами — это былъ тотъ „отработанный паръ", который не попадаетъ въ графы статистики. И они знали, что къ острогу подъѣзжаетъ прокуроръ, и эти лохмотья и заплаты начинали надѣяться, что прокуроръ „все

можетъ". Но это строгое деревенское горе не причитало и не бросалось въ ноги, какъ дѣлала купеческая жена Таисія Буканова, а ждало своей участи съ трогательнымъ героизмомъ. Вѣдь нѣтъ ничего ужаснѣе именно ожиданія... И прокуроръ Ельшинъ чувствовалъ себя тѣмъ, что фигурально называется руками правосудія. Да, онъ призванъ возстановить нарушенную волю—и больше ничего. И рядомъ съ этими повышенными мыслями являлись соображенія другого порядка: а, вѣдь, хорошо было бы нарисовать акварелью вонъ ту старуху, которая замотала себѣ голову какой-то рваной шалью... То, что въ жизни являлось очень некрасивымъ, въ акварели получало какую-то особенную, ноющую прелесть: лохмотья, старческія морщины, искривленныя отъ старости деревья, заросшая плесенью вода, плачущее осенними слезами небо, и т. д. Это были спеціально акварельныя мысли. А тутъ уже выскакиваетъ какой-то дежурный человѣкъ. другой дежурный человѣкъ распахиваетъ желѣзную калитку (а, вѣдь, хорошо бы было нарисовать такую острожную желѣзную калитку акварелью!), и Матвѣй Матвѣичъ переступаетъ роковую грань съ видомъ начальства. Нормальное человѣчество, хотя и находившееся въ сильномъ подозрѣніи, осталось тамъ, назади, за роковой гранью этой желѣзной рѣшетки, а здѣсь, въ ея предѣлахъ, начиналась область преступной воли и всяческихъ правонарушеній.

Матвѣй Матвѣичъ прошелъ въ пріемную, гдѣ его встрѣтилъ смотритель Гаврила Гаврилычъ, сѣдой, стриженный подъ гребенку старикъ, страдавшій одышкой, благодаря излишней толщинѣ, которая такъ не идетъ къ военному мундиру.

— Ну, что хорошаго, Гаврила Гаврилычъ? — спросилъ Ельшинъ, сбрасывая верхнее пальто на руки оторопѣло старавшагося услужить начальству стражника.

— Ничего, все, слава Богу, благополучно, Матвѣй Матвѣичъ... Въ чертвертой камерѣ вчера случилась драка, но мы ее прекратили домашними средствами... Изъ уѣзда привезли двухъ конокрадовъ, оказавшихъ при поимкѣ вооруженное сопротивленіе. Вообще, все, слава Богу, благополучно. Въ женское отдѣленіе сегодня препровождена одна дѣтоубійца и одна отравительница.

Пріемная дѣлилась большой полутемной передней на два отдѣленія: въ одномъ помѣщалась собственно пріемная, гдѣ засѣдалъ Гаврило Гаврилычъ, а въ другомъ — острожная канцелярія. Въ послѣдней надъ письменнымъ столомъ всегда виднѣлась согнутая спина бѣлокураго молодого человѣка съ интеллигентнымъ лицомъ. Ельшину было всегда его жаль,— такой молодой, учившійся до третьяго класса гимназіи и въ качествѣ рецидивиста отбывавшій за кражу второй годъ

острожной высидки. Онъ вставалъ, когда проходилъ въ пріемную Ельшинъ, и какъ-то конфузливо кланялся.

— Какъ бы вы, Гаврила Гаврилылъ, того...—замѣтилъ Ельшинъ, нюхая воздухъ.—Провѣтривали бы, что ли...

— Ужъ, кажется, я стараюсь, Матвѣй Матвѣичъ. Всякую дезинфекцію прыскаю и порошкомъ посыпаю, а все воняетъ, потому что, какая у насъ публика, ежели разобрать... Такого духу нанесутъ... Тоже и посѣщающіе для свиданія родственники не безъ аромата.

— А что Тишаевъ?—спросилъ Ельшинъ, не слушая эту старческую болтовню.

— Ничего, слава Богу. Все лежитъ и Рокамболя читаетъ. Вообще, человѣкъ несообразный...

— Вы вотъ, смотрите, чтобы ему письма въ Рокамболѣ не проносили...

— Помилуйте, Матвѣй Матвѣичъ, да у меня комаръ носу не подточитъ... Человѣкъ, т. е. арестантъ еще не успѣлъ подумать, а я ужъ его наскрозь вижу... Прикажете его вызвать?

— Нѣтъ, пока не нужно...

У смотрителя были свои любимыя слова, какъ „вообще", „слава Богу", а потомъ онъ, точно безграмотный, говорилъ „опеть", „наскрозь" и т. д.

— Вчера былъ слѣдователь?

— Точно такъ-съ, наѣзжали и производили допросъ Ефимова, который у насъ числится въ четырехъ душахъ, а тутъ выходитъ, что еще есть пятая-съ... И даже очень просто все обозначалось.

— Вотъ бы такого подлеца акварелью нарисовать,—невольно подумалъ Ельшинъ.—Этакая, можно сказать, преступная рожа...

Вмѣсто Тишаева, съ которымъ Матвѣй Матвѣичъ долженъ былъ вести сегодня довольно длинную бесѣду, онъ вспомнилъ о женѣ Буканова и велѣлъ вызвать послѣдняго. Молодой бѣлокурый человѣкъ нагнулся еще ниже надъ своимъ письменнымъ столомъ и хихикнулъ, зажимая ротъ ладонью. Ужъ если прокуроръ вызоветъ Буканова, то начнется представленіе. Купецъ Букановъ въ острогѣ былъ на особенномъ положеніи, и даже самъ Матвѣй Матвѣичъ позволялъ ему многое, чего не допускалъ для другихъ. Улыбались и стражники, и тюремные надзиратели, и Гаврила Гаврилычъ.

— Ну, что онъ у васъ, какъ себя ведетъ?—спрашивалъ Ельшинъ смотрителя.

— Да ничего, слава Богу... Все правду ищетъ, и всѣ арестанты его очень любятъ. Опять и такъ сказать, особенный человѣкъ, и въ головѣ у него зайцы прыгаютъ.

Матвѣй Матвѣичъ шагалъ по пріемной, заложивъ руки за спину. Въ пыльное окно падалъ яркій свѣтъ лѣтняго солнца, разсыпаясь колебавшимися жирными пятнами по полу. Гдѣ-то жужжала муха. Въ такую погоду вся острожная обстановка казалась особенно непривѣтливой, а задѣланныя желѣзными рѣшетками окна походили на бѣльма.

— Букановъ идетъ!..—пронесся шепотъ съ лѣстницы.— Букановъ...

Послышалось тяжелое дыханье, удушливый кашель, и въ корридоръ пріемной съ трудомъ вошелъ высокій, грузный старикъ въ сѣромъ длиннополомъ пальто, подпоясанномъ пестрымъ гаруснымъ шарфомъ. Отъ натуги его широкое русское лицо съ окладистой сѣдой бородой совсѣмъ посинѣло. Близорукіе сѣрые глаза на выкатѣ отыскали въ углу небольшой образокъ. Помолившись, старикъ поклонился смотрителю и писарю.

— По какой такой причинѣ растревожили старика?— спросилъ онъ.

Смотритель только показалъ головой на шагавшаго въ пріемной Матвѣя Матвѣича. Бѣлокурый рецедивистъ еще разъ прыснулъ, захвативъ ротъ всей горстью. Гаврила Гаврилычъ погрозилъ ему за неумѣстную смѣшливость кулакомъ.

IV.

Войдя въ пріемную, Букановъ опять отыскалъ образъ, помолился, отвѣсилъ поклонъ шагавшему по комнатѣ прокурору и, остановившись у печки, спокойно проговорилъ:

— Изволили спрашивать меня, ваше высокоблагородіе?

— Да, да... Жена у васъ бываетъ?

— Само собой...

— Когда вы ее увидите, Букановъ, то предупредите, чтобы она меня не безпокоила. Она мнѣ проходу не даетъ. Сегодня поймала меня на подъѣздѣ, бросилась въ ноги, начала причитать на всю улицу... Вѣдь вы знаете, что я рѣшительно ничего не могу сдѣлать для васъ, и объясните это женѣ.

— Ужъ простите, ваше высокоблагородіе. Конечно, женское малодушіе одно, и притомъ очень ужъ она жалѣетъ меня, потому какъ я безъ вины долженъ терпѣть.

— Ну, это дѣло присяжныхъ, которые будутъ васъ судить.

— Присяжные тоже человѣки и весьма могутъ ошибаться, ваше высокоблагородіе. Все черезъ Ивана Митрича вышло... Моей тутъ причины никакой нѣтъ.

— А кто поддѣлалъ вексель?

— А кто меня въ разоръ разорилъ, до тла? Родной пле-

мянничекъ мнѣ приходится Иванъ Митричъ и вотъ до тюрьмы меня довелъ...

— А зачѣмъ вы ставили его бланкъ на векселѣ?

— Да, вѣдь, онъ мнѣ долженъ?

— Послушайте, Букановъ, съ вами невозможно говорить. Это какая-то сказка про бѣлаго бычка.

— Она самая и есть, ваше высокоблагородіе,—совершенно спокойно согласился старикъ.—То есть въ самый разъ. И примѣрять не нужно...

Именно этотъ спокойный тонъ и раздражалъ Матвѣя Матвѣича, а потомъ его интересовало, почему и откуда это спокойствіе.

— Букановъ, вѣдь, вы знали, что будетъ вамъ за подлогъ?

— Кто же этого не знаетъ, ваше высокоблагородіе? Извѣстно, что за такія художества по головкѣ не гладятъ, и очень даже просто... Вышлютъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя—вотъ и вся музыка!

— Вы знали это и всетаки устроили подлогъ?

Старикъ широко вздохнулъ и, сдѣлавъ шагъ впередъ, заговорилъ, быстро роняя слова:

— Ахъ, ваше высокоблагородіе... Вотъ вы всякій законъ знаете, а того закона, которымъ всѣ мы живемъ, не хотите знать: всякій человѣкъ хочетъ устроить себя какъ можно получше. Вотъ у васъ въ острогѣ, напримѣрно, около шести сотенъ народу сидитъ, и для васъ это очень просто преступники. Да-съ... Значитъ, худую траву изъ поля вонъ. И я такъ же прежде думалъ, пока самъ не попалъ въ тюрьму.

Жалѣлъ, конечно, по человѣчеству и харчи посылалъ къ праздникамъ; а, грѣшный человѣкъ, осуждалъ ихъ всѣхъ, которые не умѣли себя соблюсти... да... А вотъ тутъ то и была ошибочка... Есть, ваше высокоблагородіе, гладъ тѣлесный и есть гладъ душевный... да... Вотъ они для васъ арестанты и преступники, вообще, бездѣльники и негодяи, а вы только то подумайте, что ни одинъ человѣкъ изъ нихъ не думалъ попасть въ острогъ. Каждый старается какъ можно лучше устроить свою жизнь... И не просто старался, какъ простые люди, а со всеусердіемъ и прилежаніемъ. Развѣ легко украсть, сдѣлать подлогъ или убить живого человѣка? И даже очень это трудно, ваше высоблагородіе, а только онъ хотѣлъ устроить какъ можно получше. Конечно, грѣхъ и даже очень большой грѣхъ, а ужъ очень донималъ вотъ этотъ самый гладъ душевный...

— Значитъ, и Иванъ Митричъ, который, какъ вы говорите, довелъ васъ до тюрьмы, тоже правъ?

— Сердитъ я на него, ваше высокоблагородіе, и ругаю, а

иногда и раздумье возьметъ... И такъ можно разсудить, и этакъ. Вѣдь и я не думалъ въ тюрьмѣ сидѣть, а вотъ Господь привелъ на старости лѣтъ.

— Тоже былъ душевный гладъ?

— А то какъ же? И теперь каждый арестантъ впередъ знаетъ свою судьбу, что и какъ ему соотвѣтствуетъ, и чѣмъ хуже ему выходитъ линія, тѣмъ онъ пуще, ваше высокоблагородіе, надѣется. Вотъ, молъ, отбуду, примѣрно, столько-то лѣтъ каторги, а тамъ выйду на поселенье и заживу ужъ по настоящему. Взять хоть Ефимова—ему за четыре души безсрочная, а онъ говоритъ, что безпремѣнно попадетъ подъ милостивый манифестъ...

— И Ефимовъ, по вашему, тоже старался устроиться получше, когда убивалъ?

— Ужь онъ-то больше всѣхъ старался, ваше высокоблагородіе, потому какъ человѣкъ отчаянный вполнѣ.

Ельшинъ шагалъ по пріемной, заложивъ руки за спину, и внимательно слушалъ странную рѣчь Буканова. Это былъ какой-то романтизмъ на острожной подкладкѣ. Букановъ угадывалъ прокурорскія мысли, продолжалъ думать вслухъ:

— Который ежели человѣкъ свободный, ваше высокоблагородіе, такъ у него меньше мыслей, а свяжите человѣка по рукамъ и ногамъ—сколько у него этихъ самыхъ мыслей объявится. Такъ и у насъ въ тюрьмѣ. Каждый арестантикъ вашъ какъ мечтаетъ, мечтаетъ даже о томъ, чего раньше и не замѣчалъ. Примѣрно взять меня... Конечно, былъ капиталишко, торговлишка, домишко—и все, напримѣръ, очень просто прахомъ пошло. Ну, что дѣлать, все это дѣло наживное. А вотъ я сижу въ тюрьмѣ и думаю... Была у меня собачка, „Идоломъ" ее звали. Выйдешь это на дворъ, а она ужъ тутъ—въ глаза смотритъ, хвостикомъ виляетъ и только вотъ не скажетъ, какъ она для тебя все готова сдѣлать Пойдешь куда—проводитъ до угла, идешь домой—она ужъ ждетъ у воротъ. Вотъ ее ужъ не воротишь... Другую собаку заведешь, такъ она и будетъ другая собака. Тоже были у меня двѣ коровы: „Колдунья" и „Именинница"... Ахъ какія коровы! А рысакъ „Варнакъ"?... Развѣ другую такую лошадь найдете въ Загорскѣ?

Въ канцеляріи слушали этотъ разговоръ смотритель и бѣлокурый молодой человѣкъ. Оба они улыбались, качали головами и объяснялись знаками. Очень ужъ потѣшный этотъ Букановъ, а прокуроръ его слушаетъ.

— Все это хорошо, Букановъ,—перебилъ Буканова Матвѣй Матвѣичъ, останавливаясь.—А что же вы будете дѣлать послѣ суда?

Старикъ улыбнулся и, оглядѣвшись, не подслушиваетъ-ли кто, заговорилъ вполголоса:

— А у меня ужъ все впередъ готово, ваше высокоблагородіе.. Всю слѣпоту, какъ рукой, сняло. Скажите, пожалуйста, много ли человѣку нужно? Ну, вышлютъ въ Томскую губернію... А развѣ тамъ не люди живутъ? И сейчасъ за работу по своей части, а главное, разведу хозяйство, чтобы все было свое до послѣдней нитки. И всякій овощъ, и яичко, и молочко...

— Да, да, вотъ именно,—соглашался Матвѣй Матвѣичъ, и въ его голосѣ уже не слышалось прокурорскихъ нотъ.— Главное, чтобы все было свое, и чтобы человѣкъ чувствовалъ себя свободнымъ... Не правда ли?

— Совершенно вѣрно, ваше высокоблагородіе. Вѣдь коровушка-то окупитъ себя въ одно лѣто, а тутъ еще теленочка принесетъ, какъ премію къ еженедѣльному иллюстрированному журналу „Нива". А каждая курка должна сто яичекъ дать въ лѣто... У меня, ваше высокоблагородіе, была одна курочка пестренькая, такъ она по три раза въ лѣто на яйца садилась и по три раза цыплятъ выводила...

— Три раза?..—удивлялся Матвѣй Матвѣичъ.

— Точно такъ-съ... А одного боровка держалъ, такъ онъ черезъ два года восемь пудовъ сала далъ, а тушка въ счетъ не шла.

— Восемь пудовъ?!...

— Оно, вѣдь, спорое, значитъ, это свиное сало, ежели засолить въ прокъ... Напримѣрно, въ сѣнокосъ, когда не до варева или въ кашу рабочимъ, въ щи, просто съ картошкой.

Гаврила Гаврилычъ сдѣлался свидѣтелемъ необыкновенной сцены, именно, когда прокуроръ Матвѣй Матвѣичъ совершенно забылъ, что онъ прокуроръ, что купецъ Букановъ арестантъ и на прощанье протянулъ ему руку.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Любовь и мистеръ Льюисгэмъ.

Романъ Уэльса.

Переводъ съ англійскаго.

З. Журавской.

XXII.

Свадебная пѣснь.

Въ теченіе трехъ незабвенныхъ дней существованіе Льюисгэма представляло собою рядъ наслажденій и утонченнѣйшихъ душевныхъ эмоцій. Жизнь была слишкомъ хороша и чудесна, чтобы въ ней нашлось мѣсто сомнѣніямъ или думамъ о будущемъ. Быть съ Этелью само по себѣ было непрерывнымъ наслажденіемъ—она на каждомъ шагу поражала Льюисгэма, никогда не имѣвшаго сестеръ, чисто женскимъ милымъ вниманіемъ и заботливостью. Въ ея присутствіи онъ стыдился своей силы и неуклюжести. А ласка, свѣтившаяся въ ея взорѣ, а душевная теплота, зажигавшая въ ея глазахъ этотъ свѣтъ!

Даже быть врозь съ нею—и то было чудесно и восхитительно въ своемъ родѣ. Теперь онъ былъ уже не обыкновенный студентъ, а мужчина, имѣющій свою отдѣльную частную жизнь. Восхитительно было, простившись съ Этелью гдѣ-нибудь по близости Южно-Кенсингтонскаго вокзала, подыматься по Экзибетенъ-Родъ вмѣстѣ съ товарищами, ютившимися одиноко въ грязныхъ, унылыхъ номерахъ, и сознавать, что, въ сравненіи съ нимъ, умудреннымъ своимъ недолгимъ опытомъ, они не болѣе, какъ мальчишки! Восхитительно было, забывшись надъ работой, откинуться на спинку стула и грезить о новой встрѣчѣ. И еще восхитительнѣе—съ перымъ ударомъ полдневнаго колокола, подъ звонъ котораго оживала широкая лѣстница, или даже еще за нѣсколько минутъ до звонка, незамѣтно проскользнуть на тѣнистое

кладбище, что за часовней, и встрѣтить тамъ улыбающееся личико и услыхать нѣжный голосокъ, твердившій милыя глупости, какія шепчутъ другъ другу влюбленные! А послѣ четырехъ — другая встрѣча и совмѣстное возвращеніе домой—*къ себѣ домой*!

Теперь маленькая фигурка уже не ускользала отъ него на углу глухой улочки, скрываясь въ туманной дали и унося съ собой его невысказанное желаніе. И никогда этого больше не будетъ. Сидя въ лабораторіи, Льюисгэмъ долгіе часы проводилъ въ размышленіи, вѣрнѣе, въ мечтахъ — сказать правду,—придумывая нелѣпѣйшія ласковыя слова: „Милая женка!“ „Женушка моя дорогая!“ „Милюшечная, дорогушечная женюрочка!“ „Милюженочка!“ и т. под. Милое занятіе для студента! Это лучшій образчикъ его чудачествъ въ тѣ достопамятные дни. Однажды, заглянувъ въ свое сердце, Льюисгэмъ, къ великому удивленію, открылъ въ себѣ неожиданное сродство со Свифтомъ—пристрастіе къ уменьшительнымъ, къ языку лиллипутовъ. Поистинѣ, это было преглупое время.

На третій день послѣ своего вступленія въ семейную жизнь онъ сдѣлалъ такое диковинное сѣченіе нерва, что всѣ ахнули отъ удивленія. Биндонъ, профессоръ ботаники, памятуя недавній провалъ Льюисгэма у него на экзаменѣ, говорилъ въ курилкѣ одному изъ коллегъ, что никогда профессора еще не ошибались такъ въ оцѣнкѣ способностей студента.

Этель тоже переживала чудное время, полное сладостныхъ волненій. Она была хозяйкой дома—*ихъ* дома. Она ходила по лавкамъ, закупая провизію, и благообразные приказчики почтительно называли её „Ма'мъ“. Заказывая обѣдъ и переписывая въ расходную книгу счета, она чувствовала себя взрослой и полноправной. Время отъ времени она откладывала перо и принималась мечтать. Четыре дня подрядъ—блаженныхъ дня!—она встрѣчала и провожала Льюисгэма, жадно ловя новоизобрѣтенныя ласковыя слова—послѣдній плодъ его воображенія.

Хозяйка была очень любезна и занимательно разсказывала о томъ, съ какими необычайно неряшливыми и распущенными служанками сводила ее судьба. Этель всячески старалась скрыть, что она такъ недавно замужемъ, и прибѣгала для этого ко всевозможнымъ невиннымъ ухищреніямъ и уловкамъ. Въ субботу вечеромъ она написала письмо матери,—Льюисгэмъ помогалъ ей писать—почти хвастаясь своимъ геройскимъ бѣгствомъ и обѣщая въ скоромъ времени навѣстить мать. Письмо это они опустили въ ящикъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы оно не могло быть доставлено раньше понедѣльника.

Этель была вполнѣ согласна съ Льюисгэмомъ, что только грозившій ей позоръ соучастія въ медіумическомъ шарлатанствѣ вотчима вынудилъ ихъ познакомиться—взаимное влеченіе они не ставили ни во что. Какъ видите, оба они старались держаться на извѣстной высотѣ. Тѣмъ не менѣе, оба не скупились на изъявленіе нѣжныхъ чувствъ.

Льюисгэмъ убѣдилъ ее отложить успокоительный визитъ къ родителямъ до вечера понедѣльника. „Дадимъ себѣ хоть одинъ день настоящаго медоваго мѣсяца!" настаивалъ онъ. Въ его до-брачные разсчеты вовсе не входило то обстоятельство, что имъ и послѣ свадьбы придется поддерживать сношенія съ м-ромъ и м-рсъ Чэффери. Даже и теперь онъ не былъ склоненъ взглянуть въ лицо этой очевидной необходимости. Онъ предвидѣлъ, хотя рѣшилъ и старался игнорировать это, непріятныя объясненія и тягостныя семейныя сцены. Но стремленіе держаться на высотѣ и тутъ помогло ему побороть себя.

— Проживемъ, по крайней мѣрѣ, хоть эти дни для самихъ себя!—сказалъ онъ, и этимъ все было сказано.

Еслибъ не кратковременность этого медоваго мѣсяца и не предчувствіе грядущихъ огорченій, это были бы, дѣйствительно, чудные дни. Напримѣръ, ихъ первый обѣдъ—правда, онъ немножко простылъ, пока они добрались до него тогда, въ субботу, но за то весело было необычайно. Ни у одного изъ супруговъ не замѣчалось отсутствія аппетита; не смотря на единеніе душъ, сдвиганіе стульевъ, пожиманіе рукъ и тому подобныя проволочки, кушали оба исправно. Въ этотъ день Льюисгэмъ впервые ознакомился какъ слѣдуетъ съ ея ручками, съ коротенькими бѣлыми пальчиками, и завѣтное колечко впервые вышло изъ своего завѣтнаго уголка и замѣнило собой обручальное кольцо. Оба то и дѣло озирались кругомъ и, встрѣчаясь взорами, улыбались другъ другу. Всѣ движенія у нихъ были трепетныя, порывистыя.

Этель увѣряла, что ей страшно нравится ихъ квартирка, восхищалась и мебелью, и своимъ новымъ положеніемъ, а онъ былъ въ восторгѣ отъ ея восторга. Въ особенности забавляли ее громоздкій комодъ, не умѣстившійся въ спальнѣ и стоявшій въ гостиной, и шуточки Льюисгэма надъ антимакассарами и олеографіями.

Уничтоживъ котлеты, большую половину маринованной лососины и свѣжій хлѣбецъ, молодые съ не меньшимъ аппетитомъ набросились на пуддингъ изъ тапіоки. Разговоръ ихъ носилъ отрывочный характеръ.

— Ты слышалъ, какъ она назвала меня *мадамъ?* Да еще какъ—*mádáme!*

— А теперь мнѣ надо выйти и купить кое-что. Нужно

закупить все на воскресенье и понедѣльникъ. Я составлю списокъ. Не хорошо, если она замѣтитъ, какъ я мало смыслю въ хозяйствѣ... Я хотѣла бы больше знать!..

Въ ту минуту Льюисгэмъ не нашелъ въ этомъ наивномъ признаніи его жены своего невѣжества по части хозяйства ничего, кромѣ удобнаго повода къ шуточкамъ и подтруниваньямъ. Онъ перевелъ разговоръ на другую тему и сталъ шутливо сокрушаться о томъ, что ихъ свадьба вышла такой убогой.

— Ни дружекъ, ни дѣтей, усыпающихъ путь цвѣтами, ни каретъ, ни полиціи, охраняющей свадебные подарки, ничего такого, что полагается при вѣнчаніи. Не было даже бѣлыхъ бантовъ съ цвѣтами. Только ты и я—и ничего больше.

— Только ты и я! О! какъ-будто этого мало?

— Ты глупости говоришь,—сказалъ Льюисгэмъ, помолчавъ, и продолжалъ:

— А сколько мы потеряли по части рѣчей. Ты только представь себѣ—встаетъ шаферъ:—„Леди и джентльмэны—выпьемъ за здоровье невѣсты!“ Вѣдь этотъ тостъ, кажется, полагается шаферу?

Вмѣсто отвѣта она протянула руку.

— И знаешь ли что?—продолжалъ онъ, оказавъ должное вниманіе этой маленькой ручкѣ,—вѣдь мы даже не были представлены другъ другу!

По какимъ-то необъяснимымъ причинамъ оба они пришли въ страшный восторгъ при мысли, что они не были представлены другъ другу...

Попозже, Льюисгэмъ, распаковавъ свои книги и т. д., отправился по магазинамъ вмѣстѣ съ Этелью и, не скрываясь, шелъ рядомъ съ нею, видимо, въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, неся ея покупки—множество пакетовъ и фунтиковъ изъ синей и сѣрой бумаги и мѣшокъ съ конфектами изъ кондитерской, а изъ кармана его пальто, знаменитаго пальто, купленнаго въ Вестъ-Эндѣ, торчалъ хвостъ завернутой въ бумагу трески. Въ такихъ высокихъ чувствахъ и съ такими убогими средствами начали новобрачные свой медовый мѣсяцъ.

Вечеромъ въ воскресенье они долго бродили по тихимъ улицамъ и, наконецъ, вышли въ Гайдъ-Паркъ. Весенняя ночь была тиха и ясна; луна ласково свѣтила надъ ними. Они стали на мосту и оттуда смотрѣли внизъ на рѣку, на далекіе желтые огоньки Паддингтона. Они долго стояли, тихонько переговариваясь и крѣпко прижимаясь другъ къ другу, потомъ оба разомъ вздохнули—и смолкли.

Вдругъ имъ показалось, что кто-то прошелъ мимо и Льюисгэмъ заговорилъ—въ своемъ обычномъ возвышенномъ тонѣ.

Онъ сравнивалъ рѣку съ жизнью и находилъ символическое значеніе въ кущахъ Кенсингтонскихъ садовъ и въ далекихъ яркихъ огонькахъ.—„Долгая борьба—говорилъ онъ,—и въ концѣ огни“. Въ сущности, онъ самъ не зналъ, что онъ подразумѣвалъ подъ огнями, какъ не знала и Этель, хотя волненіе его, безспорно, сообщилось и ей.—„Мы боремся съ міромъ!“—думалъ онъ вслухъ, и эта мысль доставляла ему огромное удовольствіе.—„Весь міръ противъ насъ, и мы ведемъ съ нимъ борьбу“.

— Но не будемъ побѣждены,—сказала Этель.

— Какъ можемъ мы быть побѣждены—борясь вмѣстѣ? Ради тебя я побѣдилъ бы двѣнадцать міровъ!

Въ этомъ ласковомъ лунномъ сіяніи имъ казалось такъ сладостно и благородно, и даже слишкомъ легко—по ихъ мужеству—бороться съ міромъ.

— Вы, долшно быть, недавно замужемъ?—замѣтила мадамъ Гадовъ съ вкрадчивой улыбкой, отворяя дверь Этели въ понедѣльникъ утромъ, когда она, проводивъ мужа въ школу, вернулась домой.

— Д-да, не особенно давно.

— Ви ошень спастливи!—сказала мадамъ Гадовъ и, вздохнувъ, прибавила:—я тоже била ошень спастлива.

XXIII.

М-ръ Чэфферн у себя дома.

Блаженный розовый туманъ, въ которомъ жили молодые супруги, нѣсколько порѣдѣлъ въ понедѣльникъ, когда м-ръ и м-рсъ Дж. Э. Льюисгэмъ отправились съ визитомъ къ матери новобрачной и м-ру Чэффери. М-рсъ Льюисгэмъ, видимо, боялась, встрѣчи съ родными, но Льюисгэмъ былъ гордъ и радостенъ и велъ себя героемъ. На немъ была бумажная сорочка съ полотнянымъ воротничкомъ и новенькій черный атласный галстухъ, очень красивый, купленный утромъ самой м-рсъ Льюисгэмъ, на свой страхъ и отвѣтственность. Ей, конечно, хотѣлось, чтобы ея избранникъ имѣлъ вполнѣ приличный видъ.

М-ссъ Чэффери предстала передъ нимъ впервые въ полуосвѣщенномъ корридорѣ въ видѣ грязнаго чепца, припавшаго къ плечу Этели, и двухъ черныхъ рукавовъ обвившихъ ея шею. Вынырнувъ на свѣтъ, она оказалась женщиной среднихъ лѣтъ, небольшого роста, съ очками въ серебряной оправѣ на тоненькомъ носикѣ, съ безхарактернымъ

ртомъ и озабоченными глазами — маленькой, невзрачной, словно запыленной женщиной, до странности походившей лицомъ на Этель. Она вся дрожала отъ нервнаго возбужденія.

Она въ нерѣшительности посмотрѣла на Льюисгэма, потомъ кинулась обнимать и цѣловать его, повторяя:

— Такъ вотъ онъ какой, м-ръ Льюисгэмъ!

Это была третья особа женскаго пола, цѣловавшая Льюисгема, съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ ребенкомъ.

— А я-то такъ боялась!—Она истерически захохотала.— Вы меня извините, но для меня такое утѣшеніе видѣть васъ *такимъ*—совсѣмъ еще молодой и такой порядочный на видъ... Не то, чтобы Этель... *Онъ* былъ ужасенъ!—зашептала м-рсъ Чэффери.—И зачѣмъ ты писала объ этомъ месмеризмѣ?.. Впрочемъ, онъ самъ тебѣ скажетъ; онъ ждетъ.

— Куда же намъ идти? внизъ?—спросила Этель.

— Да, онъ ждетъ васъ тамъ.

М-ссъ Чэффери взяла маленькую керосиновую лампочку, и они спустились по темной витой лѣстницѣ въ подземную столовую, освѣщенную газомъ, горѣвшимъ въ наполовину матовомъ стеклянномъ шарѣ съ вырѣзанными на немъ звѣздами. Этотъ спускъ въ подземелье произвелъ на Льюисгэма явно угнетающее впечатлѣніе... Онъ вошелъ первый и въ дверяхъ тяжело перевелъ духъ. Что такое можетъ сказать имъ Чэффери? Впрочемъ, ему-то все равно, конечно!

М-ръ Чэффери стоялъ у камина, спиной къ огню и обрѣзывалъ перочиннымъ ножичкомъ ногти. Его золотыя очки, сдвинутыя внизъ, горѣли яркимъ пятномъ на самомъ кончикѣ его длиннаго носа, а поверхъ очковъ онъ глядѣлъ на м-ра и м-ссъ Льюисгэмъ и—Льюисгэмъ усумнился было на минуту—нѣтъ, положительно глаза его улыбались, и весело, игриво улыбались.

— Такъ ты вернулась, бѣглянка? — шутливо обратился онъ къ Этели, минуя Льюисгэма. Голосъ его отдавалъ немного фальцетомъ.

— Она пріѣхала навѣстить свою мать,—сказалъ Льюисгэмъ.—Вы, если не ошибаюсь, м-ръ Чэффери?

— Желалъ бы я знать, за коимъ чортомъ вы пожаловали сюда и кто *вы* такой?—вскричалъ Чэффери, наклоняя голову впередъ такъ, чтобы смотрѣть не поверхъ очковъ, а черезъ очки и отъ души хохоча.—По вашему самодовольному виду я склоненъ думать, что это вы стянули пирогъ. Такъ не вы-ли тотъ м-ръ Льюисгэмъ, о которомъ эта сбившаяся съ пути дѣвица упоминаетъ въ своемъ письмѣ?

— Я самый.

— Мэгги,—обратился м-ръ Чэффери къ м-ссъ Чэффери,— существуетъ классъ людей, съ которыми деликатничать без-

полезно, которымъ деликатность практически незнакома. Имѣется-ли у вашей дочери брачное свидѣтельство?

— М-ръ Чэффери!—сказалъ Льюисгэмъ, а м-ссъ Чэффери воскликнула:—Джемсъ, какъ ты можешь!..

Чэффери защелкнулъ перочинный ножикъ и спряталъ его въ карманъ жилета; затѣмъ обвелъ взглядомъ присутствующихъ и пояснилъ тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ:

— Я полагаю, мы живемъ въ цивилизованной странѣ и должны устраивать свои дѣла, какъ цивилизованные люди. Моя падчерица проводитъ двѣ ночи внѣ дома и возвращается со своимъ предполагаемымъ мужемъ. Не знаю, какъ другіе, но я, по крайней мѣрѣ, не склоненъ отнестись легко къ вопросу о легальности ея положенія.

— Вамъ бы слѣдовало знать ее лучше,—началъ Льюисгэмъ.

— Къ чему препирательства,—весело прервалъ его Чеффери, небрежно указывая пальцемъ на невольное движеніе Этели,—когда документъ у нея въ карманѣ? Почему ей не показать мнѣ его теперь же? Я не вижу въ этомъ ничего обиднаго. Не бойтесь, я не разорву. А если бы и разорвалъ,—копій можно получить, сколько угодно, по номинальной цѣнѣ 2 ш. 7 п. за штуку. Благодарю васъ. Льюисгэмъ, Джорджъ Эдгаръ. Двадцати одного года. И... тебѣ — тоже двадцать одинъ? Я никогда не зналъ въ точности, сколько тебѣ лѣтъ, душа моя; твоя мать не хотѣла мнѣ этого сказать. Студентъ! благодарю васъ. Чрезвычайно вамъ обязанъ. Вы сняли у меня съ души большую тяжесть. А теперь—что вы имѣете сказать въ свое оправданіе по этому замѣчательному дѣлу?

— Вы получили письмо...—началъ Льюисгэмъ.

— Да, съ извиненіями — личныя нападки я оставляю въ сторонѣ... Да-съ, сэръ, это было извинительное письмо. Вамъ, по молодости лѣтъ, хотѣлось пожениться, и вы воспользовались предлогомъ. Въ вашемъ письмѣ вы даже не упоминаете о томъ обстоятельствѣ, что вамъ хотѣлось пожениться. Какая скромность! Но, тѣмъ не менѣе, вы пріѣзжаете сюда обвѣнчанными. Это нарушаетъ теченіе нашей жизни, причиняетъ тысячу непріятностей и хлопотъ, но вамъ до этого нѣтъ дѣла! Я не порицаю *васъ*. Виноваты не вы, виновата природа. Ни одинъ изъ васъ пока еще не знаетъ, на что вы обрекли себя. Погодите—узнаете. Вы—мужъ и жена, и сейчасъ это для васъ самое главное и существенное... (Этель, душа моя, поставь шляпу и палку твоего супруга за дверь).—Итакъ, сэръ, вы изволите не одобрять того способа, которымъ я зарабатываю себѣ пропитаніе?

— Д-да. Считаю долгомъ заявить, что не одобряю.

— Вы не обязаны заявлять это, но... ваша неопытность служитъ вамъ извиненіемъ...

— Да, но это было бы неправдиво—неискренно.

— Догматъ,—сказалъ Чэффери.—Догматъ!

— Что вы разумѣете подъ словомъ: догматъ?

— Догматъ—догматъ и есть. Но мы обсудимъ это на досугѣ. Теперь часъ нашего ужина, а я не изъ тѣхъ людей, которые спорятъ противъ совершившихся фактовъ. Мы съ вами породнились посредствомъ двухъ браковъ. Этого не передѣлаешь. Оставайтесь ужинать и мы съ вами выяснимъ всѣ вопросы. Мы теперь связаны другъ съ другомъ — надо постараться извлечь изъ этого всевозможную пользу. Ваша жена и моя накроютъ на столъ, а мы тѣмъ временемъ побесѣдуемъ. Почему бы вамъ не сѣсть въ это кресло, вмѣсто того, чтобы стоять, опираясь на его спинку? Здѣсь не рефератное общество, а семейный очагъ — *domus* — скромный, несмотря на мое отъявленное шарлатанство... Вотъ такъ-то лучше. И прежде всего—я надѣюсь—я отъ души надѣюсь,— Чэффери выразительно подчеркнулъ эти слова, — что вы не диссидентъ.

— Я-то? Нѣтъ, я *не* диссидентъ.

— Очень пріятно. Я радъ этому. А я немножко боялся... Нѣчто въ вашей манерѣ... Я не выношу диссидентовъ. Питаю къ нимъ органическое отвращеніе. На мой взглядъ они — громадный недостатокъ нашего Клапгэма. Видите-ли... Я не встрѣчалъ среди нихъ ни одного, который бы не былъ обманщикомъ—ни одного!

Онъ сдѣлалъ гримасу, причемъ очки свалились съ его носа и звякнули, ударившись о пуговицы жилета.

— Я очень радъ,—повторилъ онъ, надѣвая очки.—Диссиденты, раскольники, руководствующіеся только своей совѣстью, пуритане, вегетаріанцы, члены обществъ воздержанія и тому подобные господа для меня нестерпимы. Я очистилъ свой умъ отъ всякаго формализма и ханжества. У меня натура истаго эллина. Вы читали Мэтью Арнольда?

— Помимо научныхъ книгъ...

— А! вамъ бы слѣдовало почитать Мэтью Арнольда — удивительно блестящій умъ. Вы найдете у него одно качество, котораго иногда немного недостаетъ нашимъ ученымъ. Они нѣсколько черезчуръ объективны, они слишкомъ придерживаются явленій, феноменовъ. Я ищу нуменовъ. *Нуменовъ*, м-ръ Льюисгэмъ! Вы слѣдите за моей мыслью?..

Онъ остановился; глаза его изъ подъ очковъ кротко-вопросительно смотрѣли на юношу. Вошла Этель, уже безъ шляпы и кофточки, неся бренчавшій въ ея рукахъ четы-

рехъ-угольный черный подносъ, бѣлую скатерть, тарелки, ножи и стаканы, и принялась накрывать на столъ.

— Слѣжу,—краснѣя, отвѣчалъ Льюисгэмъ. У него не хватило духу сознаться въ своемъ невѣжествѣ относительно нуменовъ.

— Я ищу *нуменовъ*, — повторилъ Чэффери съ видимымъ удовольствіемъ, жестикулируя правой рукой и какъ бы отгоняя все, кромѣ одного. — Я не могу удовлетвориться поверхностями и видимостями. Я одинъ изъ тѣхъ нимфолентовъ — вы знаете *нимфолентовъ*... Я ищу правды, добиваюсь самой сути вещей, ускользающей основной причины... Я поставилъ себѣ за правило никогда не лгать самому себѣ — никогда. Немногіе могутъ сказать это о себѣ. По моему, правда начинается у себя дома. А для большинства она именно дома кончается. Оно, знаете, и безопаснѣе, и приличнѣе. У большинства людей — у вашихъ типичныхъ диссидентовъ, *par excellence*—она только и слоняется, что по улицамъ, обличая сосѣдей, а домой не заходитъ. Вамъ понятна моя точка зрѣнія?

Онъ посмотрѣлъ на Льюисгэма. Тотъ сознавалъ, что передъ нимъ на рѣдкость непроницаемый умъ, что самъ онъ словно тупѣетъ въ его присутствіи, и старался сдерживаться, насколько онъ могъ сдерживаться въ подобномъ спорѣ.

— Видите-ли, я нѣсколько удивленъ,—началъ онъ осторожно, — принимая во вниманіе происшедшее, мнѣ, если можно такъ выразиться, нѣсколько странно слышать, что *вы*...

— Что я разсуждаю о правдѣ? Вамъ не будетъ странно, если вы поймете, какъ я ставлю вопросъ—если вы поймете, какъ я ставлю вопросъ — если вы усвоите себѣ мою точку зрѣнія. Я именно эту-то точку зрѣнія и стараюсь выяснить вамъ теперь, когда мы породнились, когда вы сдѣлались моимъ пасынкомъ. Естественно, что для меня это важно теперь. Вы вѣдь еще молоды, очень молоды, и потому суровы и скоры въ сужденіяхъ. Только годы даютъ надлежащій *тонъ* уму — смягчаютъ лоскъ образованія. Изъ вашего письма — и по лицу вашему — я догадываюсь, что вы были въ числѣ участниковъ маленькаго инцидента—у Легэна.

Онъ вдругъ остановился, сообразивъ что-то, видимо, раньше не приходившее ему въ голову.

— Кстати!—это объясняетъ поведеніе Этели.

Этель стукнула горчичницей, ставя ее на столъ и выговорила:

— Ну да, объясняетъ,—но не особенно громко.

— Но вы, значитъ, встрѣчались раньше?—спросилъ Чэффери.

— Да, въ Вортлеѣ.

— Такъ, такъ, понимаю.

— Я изобли.... я былъ однимъ изъ способствовавшихъ изобличенію. Разъ вы сами затронули этотъ вопросъ, я считаю долгомъ сказать...

— Я зналъ это,—прервалъ Чэффери.—Но какой это былъ ударъ для Легэна!—Съ минуту онъ пристально смотрѣлъ на кончики своихъ сапогъ, втягивая внутрь углы рта, потомъ усмѣхнулся странной, кривой усмѣшкой.

— А знаете-ли, эта штука съ рукой была придумана недурно.

Льюисгэмъ не сразу отвѣтилъ: ему казалось, что это замѣчаніе не вяжется съ предыдущимъ.

— Мнѣ это представляется въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ вамъ,— пояснилъ онъ, наконецъ.

— Не можете отрѣшиться отъ прописной морали—а?— Хорошо, хорошо. Мы не будемъ входить въ подробности. Но, помимо своего нравственнаго достоинства — просто, какъ артистически выполненный фокусъ—это было недурно.

— Я не знатокъ по части фокусовъ...

— Какъ и большинство тѣхъ, кто берется за изобличенія. Согласитесь, что вы никогда не слыхали и не думали объ этомъ раньше — я говорю о пузырѣ. А между тѣмъ ясно, какъ день, что медіумъ, котораго держатъ за руки, будетъ стараться продѣлывать все, что только возможно, зубами.. А что вы скажете о пузырѣ, запрятанномъ за обшлагъ? Можетъ-ли быть улика нагляднѣе? А между тѣмъ — я хорошо знаю литературу предмета и ни разу не встрѣчалъ даже упоминанія объ этомъ. Ни разу! Я не могу надивиться тому, какъ много есть вещей, которыя *не* приходятъ въ голову изслѣдователямъ. Они не считаютъ и не взвѣшиваютъ тѣхъ шансовъ, которые противъ нихъ, и потому съ самаго начала идутъ по ложному пути. Взять хоть бы меня. Я фокусникъ по натурѣ. Я все свое свободное время придумываю разные новые фокусы и продѣлки, или упражняюсь въ выполненіи ихъ, потому что меня это страшно забавляетъ. Все это интересуетъ и занимаетъ меня самого. Ну-съ — каковъ же будетъ выводъ изъ всѣхъ этихъ разсужденій? Съ одной стороны—мнѣ извѣстны сорокъ восемь способовъ производить стуки, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, десять моего собственнаго изобрѣтенія. Десять оригинальныхъ способовъ производить стуки! — Онъ говорилъ очень внушительно.— И нѣкоторые стуки производятъ прямо-таки потрясающее впечатлѣніе. Вотъ послушайте-ка!

Раздался стукъ — казалось, между Льюисгэмомъ и Чэффери.

— А? Что вы скажете?

Печная дверца хлопнула и отворилась, обнаруживъ догорающій огонь; столъ сдвинулся и затрещалъ, какъ петарда, подъ самымъ носомъ у Льюисгэма.

— Видѣли?—сказалъ Чэффери, кладя руки назадъ подъ фалды сюртука. Тотчасъ же комната наполнилась трескомъ, какъ будто невидимые духи со всѣхъ сторонъ щелкали пальцами, потѣшаясь надъ Льюисгэмомъ.

— Очень хорошо! теперь возьмемъ другую сторону. Возьмемъ самое серьезное испытаніе, какому я когда-либо былъ подвергнутъ. Два почтенныхъ преподавателя физики—не Ньютоны, вы понимаете, но хорошіе, почтенные профессора, полные вѣры въ себя и собственнаго достоинства—дама, ищущая доказательствъ существованія загробной жизни, и журналистъ, ищущій матеріала для статьи—т. е, иными словами, лицо, для котораго такіе опыты—источникъ заработка, точно такъ-же, какъ и для меня—взялись подвергнуть испытанію меня. *Меня!*.. Само собой, у каждаго изъ нихъ было, помимо этого, свое другое дѣло—преподаваніе физики, проповѣдываніе религіи, организація опытовъ и т. п Никто изъ нихъ не удѣлялъ и часа въ теченіе дня на то, чтобы проникнуть мысленно въ тайны моего искусства; большинство изъ нихъ во всю свою жизнь никого не обмануло; ни одинъ не сумѣлъ бы, напримѣръ, даже подъ страхомъ смерти, проѣхать по желѣзной дорогѣ безъ билета, хотя бы три мили, не будучи пойманнымъ... Ну-съ—вы понимаете, на чьей сторонѣ всѣ шансы?

Онъ помолчалъ. Льюисгэмъ, повидимому, былъ поглощенъ происходившей въ немъ внутренней борьбой.

— Вы знаете,—продолжалъ объяснять Чэффери,—вы поймали меня случайно—совершенно случайно. Эта штука выскользнула у меня изо рта. Иначе вашему пріятелю, съ такимъ крикливымъ голосомъ, не удалось бы взять верхъ надо мною. Не удалось-бы!

Льюисгэмъ возразилъ съ усиліемъ, словно подымая тяжесть:

— Вѣдь рѣчь, собственно, не объ *этомъ*. Я не сомнѣваюсь въ вашемъ искусствѣ. Но все же это—нехорошо.

— Погодите. Сейчасъ дойдемъ и до этого.

— Мы, очевидно, смотримъ на вещи съ разныхъ точекъ зрѣнія.

— Несомнѣнно. Въ томъ-то и дѣло. Это-то и желательно выяснить.

— Обманъ остается обманомъ. Отъ этого вамъ не уйти. Это, кажется, достаточно ясно.

— Погодите, дайте мнѣ досказать,—со вкусомъ протянулъ Чэффери.—Вамъ, разумѣется, необходимо выяснить мое по-

ложеніе. Это не значитъ, чтобы для меня оно не было выяснено. Съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ ваше письмо, я все время думаю объ этомъ. Поистинѣ,—есть въ чемъ оправдываться! Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что у меня своя миссія. Я—нѣчто вродѣ пророка. Но вы все еще ничего не понимаете.

— И не желаю понимать, чортъ побери!

— А! Вы молоды и незрѣлы. Милѣйшій юноша, вы только еще начинаете жить. Вы, право, должны допустить, что у людей вдвое старше васъ могутъ быть нѣсколько болѣе широкіе взгляды. Но вотъ и ужинъ. На время ужина, по крайней мѣрѣ, давайте заключимъ перемиріе.

Этель снова вошла, неся добавочный стулъ; за нею шла м-рсъ Чэффери съ кувшиномъ легкаго свѣтлаго пива. Усѣвшись за столъ, Льюисгэмъ замѣтилъ, что на скатерти было не мало незаштопанныхъ дыръ и пятенъ. Посрединѣ стола красовался металлическій потускнѣвшій судокъ съ уксусомъ, перцомъ, горчицей и тремя загадочными бутылочками—пустыми. Хлѣбъ лежалъ на большей доскѣ съ вырѣзаннымъ на ней благочестивымъ изреченіемъ, а на непропорціональной маленькой тарелочкѣ высилась цѣлая гора сыру. М-ръ и м-ссъ Льюисгэмъ усѣлись другъ противъ друга; м-ссъ Чэффери помѣстилась на сломанномъ стулѣ, ибо только она одна умѣла сидѣть на немъ, не падая.

— Этотъ сыръ такъ же питателенъ, непривлекателенъ и неудобоваримъ, какъ наука,—замѣтилъ Чэффери, нарѣзывая и раздавая ломти.—Но разомните его—вотъ такъ—вилкой, прибавьте кусочекъ этого прекраснаго дорсетскаго масла, немного горчицы, перцу—перецъ необходимъ—полейте слегка уксусомъ и перемѣшайте все вмѣстѣ. Получится нѣчто такое, что можно кушать не безъ пріятности. Такъ мудрый поступаетъ съ фактами жизни, не принимая и не отвергая, но согласуя ихъ.

— Какъ будто перецъ и горчица не факты,—возразилъ Льюисгэмъ, въ первый разъ за весь вечеръ позволивъ себѣ съострить.

Чэффери согласился, что его сравненіе было неудачно, и наговорилъ Льюисгэму столько комплиментовъ по поводу его остроумія, что тотъ не могъ удержаться, чтобы не бросить черезъ столъ торжествующаго взгляда на Этель. Но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ онъ припомнилъ, что Чэффери ловкій плутъ, отъ котораго лучше получить порицаніе, чѣмъ похвалу.

Чэффери занялся сыромъ, и разговоръ шелъ вяло. М-ссъ Чэффери предлагала Этели оффиціальные вопросы относи-

тельно ея квартиры; Этель отзывалась о ней въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

— Приходите какъ-нибудь пить чай,—пригласила она, не дожидаясь санкціи Льюисгэма,—вотъ и увидите.

Чэффери очень удивилъ Льюисгэма, неожиданно обнаруживъ полное знакомство съ его матеріальнымъ положеніемъ въ Южно-Кенсингтонской школѣ, какъ учителя, дополняющаго свое образованіе.

— У васъ должны быть еще деньги, помимо казенной гинеи?—поставилъ онъ вопросъ ребромъ.

Льюисгэмъ покраснѣлъ.

— Для того, чтобы прожить, достаточно.

— И вы разсчитываете, что дирекція школы что-нибудь сдѣлаетъ для васъ, когда вы кончите курсъ?—такъ, мѣстечко на сотенку фунтовъ въ годъ?

— Д-да,—неохотно отвѣтилъ Льюисгэмъ.—Да. Фунтовъ на сто въ годъ, или около того. Что-нибудь въ этомъ родѣ. Разумѣется, мѣстъ найдется сколько угодно и помимо Южнаго Кенсингтона, если-бъ они даже и не захотѣли поставить меня на мѣсто.

— Я понимаю. Но все же вамъ придется порядкомъ сжаться—на сто фунтовъ въ годъ. Ну что жъ, не мало достойныхъ людей обходятся меньшимъ.

Онъ умолкъ, какъ бы углубившись въ размышленіе и, немного погодя, попросилъ Льюисгэма передать ему пиво.

— У васъ жива мать, м-ръ Льюисгэмъ?—неожиданно обратилась къ нему м-ссъ Чэффери и продолжала спрашивать по порядку, есть-ли у него братья, сестры и т. д. Когда онъ дошелъ до дяди—паяльщика, она ни съ того, ни съ сего вдругъ приняла строгій видъ и съ важностью замѣтила, что въ каждой семьѣ есть бѣдные родственники.

Съ этими словами важность ея исчезла туда же, откуда и появилась.

Послѣ ужина Чэффери вылилъ остатки пива въ свой стаканъ, вытащилъ длиннѣйшую глиняную трубку и предложилъ Льюисгэму покурить.

Выкурить честную трубочку — здорово, — замѣтилъ онъ, набивая свою.—Въ здѣшнемъ мірѣ сигары—хорошія сигары—и честность совмѣщаются рѣдко.

Льюисгэмъ пошарилъ въ карманѣ, отыскивая свои алжирскія сигаретки. Чэффери неодобрительно покосился на нихъ сквозь очки и вернулся къ обѣщанной апологіи своей профессіи. Дамы удалились, чтобы вымыть посуду.

— Вотъ видите-ли,—началъ Чэффери послѣ первой же затяжки, возвращаясь къ прерванному разговору,—что ка-

сается обмана и т. п. я не нахожу жизнь такой простой вещью, какъ вы.

— Я вовсе не нахожу, чтобъ жизнь была проста,—возразилъ Льюисгэмъ;—я только думаю, что нужно различать хорошее отъ дурнаго. И, сколько мнѣ извѣстно, вы ничѣмъ еще не доказали, что спиритическій обманъ—правое и хорошее дѣло.

Чэффери заложилъ ногу за ногу.

— Давайте обсуждать этотъ вопросъ—давайте обсуждать. Видите-ли, молодой человѣкъ,—онъ затянулся дымомъ,—я думаю, что вы недостаточно высоко цѣните значеніе иллюзіи въ жизни, истинную природу лжи и обмана въ политическомъ мірѣ. Вы склонны порицать нѣкоторую спеціальную форму обмана, ибо она еще не получила полнаго права гражданства—не считается почетной и—какъ свидѣтельствуютъ о томъ мои обтрепанныя сзади брюки и нашъ скудный ужинъ—плохо вознаграждается.

— Не въ томъ дѣло,—сказалъ Льюисгэмъ.

— Ну-съ, а я утверждаю,—продолжалъ Чэффери излагать свое *credo*,—что честность по существу своему есть сила анархическая и разъединяющая, и что сплоченіе людей въ общество и прогрессъ цивилизаціи возможны только при помощи усиленной, иногда даже наглой лжи, что Общественный Договоръ—ни болѣе, ни менѣе какъ обширный заговоръ всѣхъ человѣческихъ существъ между собою—лгать и обманывать себя самихъ и другъ друга ради общаго блага. Ложь—тотъ цементъ, при помощи котораго индивидуумъ въ дикомъ состояніи, одиночка, превращается въ одинъ изъ кирпичей общественнаго зданія. Вотъ тезисъ, на которомъ я строю свое оправданіе. Смѣю васъ увѣрить, что моя профессія медіума только частный примѣръ справедливости общаго правила. Не будь я по натурѣ безпокойнымъ человѣкомъ, искателемъ приключеній, глубоко безпечнымъ и питающимъ положительное отвращеніе къ писанію, я написалъ бы объ этомъ большую книгу и пріобрѣлъ бы на всю жизнь уваженіе всѣхъ мыслящихъ людей, промышляющихъ въ этомъ мірѣ обманомъ.

— Но какъ же вы докажете это!

— Какъ докажу! Здѣсь не надо и доказывать, достаточно указать. И теперь уже есть люди,—Бернардъ Шау, Ибсенъ и подобные имъ—урывками постигшіе эту истину и проповѣдующіе новое евангеліе. Что такое человѣкъ? Похоть и алчность, умѣряемыя страхомъ и неразумнымъ тщеславіемъ.

— Съ этимъ я не согласенъ.

— Согласитесь, когда будете постарше. Есть истины, до которыхъ нужно дорости. Что касается лжи—посмотрите, на чемъ стоитъ общество, чѣмъ отличается цивилизованный че-

ловѣкъ отъ дикаря. Единственная существенная разница—та, что первый не умѣетъ лукавить и показывать вещи иными, чѣмъ онѣ есть, а второй умѣетъ. Возьмемъ самый наглядный примѣръ—одежду цивилизованнаго человѣка, изобрѣтенную имъ въ интересахъ благопристройности. Что такое собственно одежда? Утаиваніе существенныхъ фактовъ. Что такое декорумъ? Подавленіе естественныхъ желаній. Поймите, я не возстаю противъ приличія и благопристройности; я только указываю на то обстоятельство, что эти неизбѣжные спутники цивилизаціи, по существу своему, „являются сокрытіемъ истины „*suppressio veri*". А въ карманахъ своего платья цивилизованный человѣкъ носитъ деньги. У настоящаго дикаря денегъ нѣтъ. Для него кусочекъ металла и есть кусочекъ металла, пожалуй, годный для того, чтобы служить украшеніемъ—не болѣе. И этотъ взглядъ правильный. Всякій здравомыслящій человѣкъ судитъ такъ же и если поступаетъ иначе, то лишь потому, что видитъ грубое безуміе окружающихъ. Но въ глазахъ обыкновеннаго цивилизованнаго человѣка повсемѣстная цѣнность золота, какъ единицы мѣны, есть нѣчто священное и не подлежащее сомнѣнію. Подумайте только, какъ это нелѣпо! И почему это такъ? Но тутъ не существуетъ: *почему?* Я всю свою жизнь не перестаю дивиться легковѣрію моихъ близкихъ. Нерѣдко по утрамъ я лежу въ постели и думаю: а что если люди за ночь открыли обманъ?—и жду—вотъ-вотъ раздадутся шаги на лѣстницѣ и вбѣжитъ ваша belle mére съ шиллингомъ въ рукѣ, отвергнутымъ молочникомъ. „Какъ? Что такое? Эту дрянь взамѣнъ молока"?—Но этого никогда не бываетъ. Никогда. Если бы люди вдругъ прозрѣли относительно этого надувательства съ помощью денегъ, знаете, что бы было? Сказалась бы истинная природа человѣка? Я мигомъ вскочилъ бы съ постели, схватилъ бы первое попавшееся оружіе и кинулся бы вслѣдъ за молочникомъ. Пріятно понѣжиться въ постели, но молоко необходимо. Сосѣди высыпали бы на улицу—тоже за молокомъ. Молочникъ, неожиданно просвѣтившійся насчетъ ничтожества денегъ, удиралъ бы со всѣхъ ногъ вдоль по улицѣ, а мы за нимъ. Лови! Хватай! Держи его! Стой! Телѣжка перевернулась. Деритесь, сколько хотите, но, чуръ, не проливать молока!.. Вы представляете себѣ эту сцену—въ ней все разумно, отъ начала до конца. Я вернулся бы домой помятый, въ крови, но съ кувшиномъ подъ мышкой. Да—*я* захватилъ бы кувшинъ—ужъ я бы не спустилъ его съ глазъ... Но къ чему продолжать? Вамъ, больше, чѣмъ кому бы то ни было, слѣдовало бы знать, что жизнь—борьба за существованіе, борьба изъ-за куска хлѣба. А деньги—ложь, умѣряющая нашу ярость.

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ Льюисгэмъ;—я не могу съ этимъ согласиться!

— Что же такое по вашему деньги?

Льюисгэмъ уклонился отъ прямого отвѣта.

— Договаривайте сначала вы. Я пока не вижу, что во всемъ этомъ общаго съ плутовствомъ во время сеанса.

— Я же строю на этомъ свою защиту. Возьмемъ человѣка почтеннаго и требующаго къ себѣ почтенія — скажемъ, епископа.

— Ну,—сказалъ Льюисгэмъ,—я не очень-то уважаю епископовъ.

— Это все равно. Возьмемъ другой примѣръ—ученаго, профессора. Обратите вниманіе на его костюмъ, дѣлающій изъ него приличнаго гражданина и скрывающій тотъ фактъ, что это физически слабый, вырождающійся субъектъ, съ вялыми мускулами, съ большимъ животомъ. Вотъ вамъ уже первая ложь. На *его* брюкахъ, мой мальчикъ, вы не увидите бахромы. Взгляните на его жиденькіе волосы, приглаженные, подстриженные и безмолвно лгущіе, что ихъ обычная длина—полвершка, тогда какъ, предоставь онъ имъ свободу рости, ихъ развѣвалось бы нѣсколько десятковъ на аршинъ позади перечно-сѣраго цвѣта. Какъ вылощено и выхолено его лицо. А во рту его—новая ложь, въ образѣ вставныхъ зубовъ. А гдѣ-то на землѣ бѣдняки работаютъ для того, чтобы добыть этому субъекту мясо и хлѣбъ и вино. Его одежда соткана изъ жизней гнущихся въ три погибели надъ работой ткачей, весь его путь устланъ человѣческими жизнями... Вы только представьте себѣ этого больше-головаго франта, утопающаго въ комфортѣ! И подумать,—выражаясь словами Свифта,—что этакая устрица еще гордится собой! Онъ воображаетъ, что его собственныя крохотныя открытія съ лихвою вознаграждаютъ тѣхъ невидимыхъ тружениковъ за ихъ трудъ и страданія, воображаетъ, что онъ и его карьера паразита выкупаютъ съ избыткомъ ихъ загубленную жизнь и подавленныя желанія. Представьте его себѣ ругающимъ своего садовника за плохо пересаженную герань,—какой густой туманъ лжи долженъ окутывать этихъ обоихъ людей для того, чтобы дюжій парень-садовникъ однимъ ударомъ лопаты не положилъ конецъ его дерзостямъ, превративъ его въ прахъ, изъ котораго онъ произошелъ! И такъ же точно живутъ всѣ комфортабельно обставленные люди. Вся эта утонченная вѣжливость, хорошее воспитаніе, культура—ложь и останутся позорною ложью до тѣхъ поръ, пока на землѣ хоть одинъ несчастный оборванецъ будетъ ходить въ отрепьяхъ и голодать!

— Но это соціализмъ!—воскликнулъ Льюисгэмъ.—Я...

— Не нужно *измовъ*!—возвысилъ Чэффери свой красивый

звучный голосъ.—Одна только горькая и страшная правда—та правда, что утокъ и основа человѣческаго общества—ложь. Соціализмъ не поможетъ, и никакой *измъ* не поможетъ; такъ ужъ устроенъ міръ.

— Я не согласенъ...—началъ Льюисгэмъ.

— Съ безнадежностью моей теоріи,—да, потому что вы молоды, но съ правильностью изложенія вы не можете не согласиться.

— Да—въ извѣстныхъ предѣлахъ.

— Согласитесь, что самыя почетныя положенія въ этомъ мірѣ запятнаны обманомъ, лежащимъ въ основѣ нашего общественнаго строя. Не будь они запятнаны обманомъ, они не считались бы почетными. Взять даже ваше положеніе... Кто далъ вамъ право жениться и заниматься интересными научными изысканіями, между тѣмъ какъ другіе молодые люди гніютъ въ рудникахъ?

— Я признаю...

— Вы не можете не признать. Итакъ, вотъ мой выводъ. Разъ всѣ дороги жизни загрязнены обманомъ, разъ жить по правдѣ и говорить правду выше человѣческихъ силъ и мужества,—какъ убѣждается каждый—не лучше-ли для человѣка избрать такой путь, гдѣ ему придется жить непосредственно обманомъ, сравнительно невиннымъ, чѣмъ рисковать своей душевной чистотой, ставя себя въ двусмысленное положеніе, и впасть въ концѣ концовъ въ самообманъ и самооправданіе? Вотъ гдѣ опасность! Вотъ противъ чего я всегда насторожѣ. Берегитесь этого! Стремленіе оправдать себя—тягчайшій грѣхъ.

Льюисгэмъ дергалъ себя за усы.

— Вы начинаете понимать меня? И, въ сущности, эти достойные люди вовсе не такъ ужъ страдаютъ отъ моего плутовства. Не я возьму обманомъ ихъ деньги, такъ возьметъ кто-нибудь другой. Ихъ самодовольная увѣренность въ своемъ умѣ и познаніяхъ можетъ породить и болѣе гнусный обманъ, чѣмъ мои искусственные стуки. Сколько у насъ невѣрующихъ епископовъ, которые продѣлываютъ то же — чѣмъ я хуже ихъ? Не все-ли равно отдавать деньги мнѣ, или тратить ихъ на общественную благотворительность, чтобы кормить блудныхъ сыновъ и отъѣвшихся секретарей? Въ сущности, я нѣчто вродѣ новѣйшаго Робина Гуда—я беру подать съ богатыхъ, соотвѣтственно ихъ доходу. Правда, я не отдаю взятаго бѣднымъ, потому что я не получаю достаточно; — но есть другіе виды добрыхъ дѣлъ. Мало-ли слабыхъ духомъ я успокоилъ ложью — грубой и глупой ложью — относительно жизни за гробомъ! Сравните меня съ однимъ изъ негодяевъ, ради которыхъ люди отрав-

ляются фосфорнымъ и свинцовымъ ядомъ — сравните меня съ милліонеромъ, который шляется по казино, выискивая хорошенькихъ пѣвичекъ, со страховымъ агентомъ, или съ обыкновеннѣйшимъ биржевымъ маклеромъ — наконецъ, съ адвокатомъ...

— Есть епископы,—продолжалъ Чэффери, — которые вѣрятъ Дарвину и не вѣрятъ Моисею. Какъ хотите, а я считаю себя лучше нихъ — быть можетъ, схожимъ съ ними, но лучшимъ.—Я, по крайней мѣрѣ, самъ изобрѣтаю нѣкоторые изъ фокусовъ, продѣлываемыхъ мною,—додумываюсь своимъ умомъ.

— Все это прекрасно...—началъ Льюисгэмъ.

— Я могу простить имъ нечестность,—продолжалъ Чэффери, — но простить эту глупость, это отреченіе отъ всякой умственной инициативы... Богъ мой! Если стряпчій плутуетъ не по шаблону, не съ убогой помпой, какъ принято, его исключаютъ изъ сословія за недобропорядочное поведеніе.

Онъ умолкъ и задумался, потомъ слабо улыбнулся и повернулся къ Льюисгэму. Глаза его улыбались поверхъ очковъ; онъ измѣнилъ голосъ и подчеркивалъ слова, выразительно ударяя рукой по скатерти.

— А все же, нѣкоторые изъ *моихъ* фокусовъ чертовски ловко придуманы—чертовски ловко, говорю я вамъ, и стоятъ вдвое больше, чѣмъ сколько я получилъ за нихъ—вдвое.

Онъ опять повернулся къ огню, раздувая погасшую трубку и поглядывая на Льюисгэма уголками глазъ поверхъ очковъ.

— Двѣ-три штучки я придумалъ такихъ, что самые знаменитые медіумы только пальчики оближутъ. Я положительно долженъ объяснить вамъ нѣкоторые фокусы, разъ мы уже породнились.

Льюисгэму не сразу удалось привести въ порядокъ свои мысли, смятенныя этой безостановочной погоней за крылатыми аргументами Чэффери.

— Но съ такими принципами можно дѣлать почти все, что вздумается!

— Вотъ именно!

— Но...

— Странная метода—изслѣдуя чьи-нибудь принципы, судить о вытекающихъ изъ нихъ поступкахъ на основаніи другихъ принциповъ!—вы не находите этого страннымъ?

Подумавъ минутку, Льюисгэмъ отвѣтилъ: „Пожалуй“ — тономъ человѣка, убѣжденнаго противъ воли.

Онъ сознавалъ, что его логика неубѣдительна и вдругъ рѣшилъ отбросить всякую деликатность, неумѣстную въ подобномъ спорѣ. Ему припомнились нѣсколько сентенцій,

приготовленныхъ имъ заранѣе, и онъ поспѣшилъ выложить ихъ.

— Какъ бы тамъ ни было, я не могу одобрить такого обмана. Что бы вы тамъ ни говорили, я остаюсь при томъ, что высказано мною въ письмѣ. Этель отнынѣ не будетъ имѣть ничего общаго съ вашими продѣлками. Я не сверну съ дороги ради того, чтобы изобличить васъ, но если вы станете у меня на дорогѣ, я, не стѣсняясь, выскажу свое мнѣніе обо всѣхъ этихъ „спиритическихъ" явленіяхъ. Это лучше всего выяснить разъ навсегда.

— Это уже выяснено и принято къ свѣдѣнію, мой милѣйшій *beau-fils*. Въ данный моментъ мы ведемъ споръ не объ этомъ.

— Но Этель...

— Этель ваша. — Этель *ваша*, — повторилъ онъ немного погодя и задумчиво прибавилъ: — она при васъ и останется.

— Но возвратимся къ иллюзіи,—продолжалъ онъ, стряхивая нагаръ съ трубки, со вздохомъ облегченія. — Я иногда думаю вмѣстѣ съ епископомъ Берклеемъ, что всякій опытъ есть нѣчто, по всей вѣроятности, совершенно отличное отъ дѣйствительности, а сознаніе, по существу, галлюцинація. Я и вы, и нашъ разговоръ—все это иллюзія. Пусть ваша наука вамъ скажетъ—что я такое? Собраніе атомовъ, безконечная игра клѣточекъ. Что такое эта рука, которую я протягиваю къ вамъ—*я* самъ, или нѣтъ? А голова? А поверхность моей кожи? представляетъ-ли она нѣчто большее, чѣмъ простую ограничивающую поверхность? Вы говорите, что *я*—это моя душа? Но посмотрите же, какая борьба стремленій происходитъ въ этой душѣ. Представьте себѣ, что у меня является импульсъ, которому я противлюсь—*я* противлюсь — значитъ, импульсъ *внѣ* меня — такъ что-ли? Но предположимъ, что импульсъ взялъ верхъ, и я дѣлаю то, что мнѣ хочется — значитъ, этотъ импульсъ уже часть *меня*? Какъ же такъ? А! У меня мутится умъ отъ всѣхъ этихъ тайнъ. Боже! что за жалкое, неустойчивое созданіе человѣкъ! то ему хочется одного, то другого; подумалъ, потянуло его куда-нибудь, сдѣлалъ и забылъ, и тѣмъ не менѣе всегда страшно самонадѣянъ и самоувѣренъ. Вотъ хоть бы вы, напримѣръ—вы и думать-то выучились всего какихъ-нибудь пять-шесть лѣтъ назадъ, а сидите, полный вѣры въ логичность своихъ доводовъ, во всемъ своемъ унаслѣдованномъ первородномъ грѣхѣ—и судите, и осуждаете. *Вы* умѣете различать добро и зло! Милый мой, Адамъ и Ева тоже умѣли... *какъ только познакомились съ отцомъ Лжи.*

Въ концѣ вечера подали виски и горячую воду. Чэффери, очень развеселившійся, увѣрялъ, что ему рѣдко чье-нибудь

общество доставляло столько удовольствія, какъ общество Льюисгэма, и требовалъ, чтобы всѣ выпили виски. М-ссъ Чэффери и Этель прибавили сахара и лимона. Льюисгэмъ въ первую минуту немного удивился при видѣ Этели, пьющей грогъ.

На прощанье м-ссъ Чэффери опять расцѣловала Льюисгэма и сказала Этели, что она увѣрена, что все вышло къ лучшему.

На обратномъ пути Льюисгэмъ былъ задумчивъ и озабоченъ. Проблема относительно Чэффери разрослась до гигантскихъ размѣровъ. Временами даже философскій этюдъ, сдѣланный этимъ чудакомъ съ самого себя и не лишенный юмора и художественности, казался понятнымъ и благовиднымъ. Легэнъ, несомнѣнно, оселъ, и психическія изслѣдованія, въ томъ родѣ, въ какомъ онъ ихъ продѣлываетъ, неизбѣжно порождаютъ обманъ. Это понятно. Тутъ онъ вспомнилъ, какое все это имѣло отношеніе къ Этели...

— Твоего вотчима довольно трудно поймать, моя дорогая,—говорилъ онъ, сидя на постели и снимая сапогъ.—Онъ хитеръ—онъ дьявольски хитеръ. Онъ такъ говоритъ, что не знаешь, къ чему придраться. У меня даже въ ушахъ звенитъ, до того онъ закидалъ меня словами.

Онъ подумалъ немного, потомъ снялъ сапогъ и продолжалъ сидѣть, держа его на колѣнѣ.

— Разумѣется—все, что онъ говорилъ, невѣрно — совершенно невѣрно! Что онъ тамъ ни говори, правда остается правдой, а обманъ—обманомъ.

— Вотъ и я думаю тоже, — сказала Этель, смотрясь въ зеркало.—Мнѣ это представляется именно такъ.

XXIV.

Кампанія началась.

Въ слѣдующую субботу Льюисгэмъ первый вышелъ изъ спальни, отдѣленной отъ гостиной створчатой дверью, и черезъ минуту снова появился въ спальнѣ, держа въ рукахъ какой-то листокъ. М-ссъ Льюисгэмъ застыла съ ненадѣтой юбкой въ рукѣ, изумившись сама при видѣ изумленія, начертаннаго на лицѣ ея мужа.

— Послушай-ка!—сказалъ Льюисгэмъ,—взгляни-ка сюда!

Этель заглянула въ книжку, которую онъ держалъ раскрытой передъ глазами и увидала длинный столбецъ цифръ съ одной стороны и длинный рядъ записей на неудобочитаемомъ смѣшеніи англійскаго съ нѣмецкимъ языковъ — съ другой. „*1 котелъ угля 6 п.*“—эта строчка постоянно повто-

рялась въ этомъ внушительномъ спискѣ и стояла послѣдней, вѣнчая собою все зданіе. То былъ первый счетъ мадамъ Гадовъ. Этель взяла его изъ рукъ мужа, чтобы посмотрѣть на него вблизи, — но и вблизи итогъ не сдѣлался меньше. Вездѣ надбавки и приписки — это было прямо-таки позорно! Теперь имъ уже не казалось смѣшно, что нѣмка говорила: „котелъ“ вмѣсто *корзина* или *мѣшокъ*. Даже странно, до чего комизмъ этого выраженія вдругъ испарился.

Этотъ документъ положилъ конецъ необычно короткому медовому мѣсяцу Льюисгэма. Какъ въ сказкѣ — щелкнула задвижка, и червонцы разсыпались прахомъ. Цѣлую недѣлю онъ жилъ въ блаженномъ убѣжденіи, что жизнь соткана изъ любви и тайны; теперь ему напомнили съ необычайной отчетливостью, что она слагается изъ борьбы за существованіе и желанія жить. — Проклятая мошенница! — сердито пробормоталъ м-ръ Льюисгэмъ и за завтракомъ все время велись какія-то новыя и зловѣщія рѣчи, почти гнѣвныя, съ одной стороны, и полныя нѣкотораго изумленія — съ другой.

— Надо будетъ поговорить съ ней сегодня послѣ обѣда,— сказалъ Льюисгэмъ, взглянувъ на часы и поспѣшилъ сложить свои книги въ клеенчатый черный портфель. Его прощальный поцѣлуй женѣ въ этотъ день въ первый разъ не былъ спеціальной и самодовлѣющей церемоніей. Онъ поцѣловалъ ее торопливо, словно по привычкѣ, и, выйдя, хлопнулъ за собой дверью. Этель въ это утро не пошла провожать его, ибо, по спеціальной просьбѣ мужа и потому, что ей хотѣлось помочь ему, она собиралась переписать для него какія-то лекціи по ботаникѣ, въ которой онъ сильно отсталъ.

По пути въ школу Льюисгэмъ испытывалъ нѣчто, подозрительно близкое къ упадку духа. Соображенія, заботившія его, были, по существу, математическаго свойства. Мысль, занимавшая его умъ настолько, что она исключала всѣ другія мысли, всего лучше можетъ быть выражена въ общепринятой дѣловой формѣ.

Дб. Наличныхъ денегъ.	ф. ш. п.	Кр.	ф.	ш.	п.
		За проѣздъ въ омнибусѣ въ Южн. Кенсингтонъ (на дняхъ)	—	—	2
		6 завтраковъ въ студенческой столовой	—	5	2½
		2 пачки сигаретокъ (курить послѣ обѣда)	—	—	6
у м-ра Л. ⎰	13—10—4½	Женитьба и побѣгъ	4	18	10
у м-рисъ Л. ⎱	1[illegible]—7	Необходимыя добавленія къ приданому невѣсты	—	16	1
Въ банкѣ	45 р. 0—0	Расходы на хозяйство	1	1	4½
Изъ школы получ.	1— 1—0	Разныя мелочи, пріобрѣтенныя хозяйкой	—	15	3½
		Мадамъ Гадовъ за квартиру, уголь, и услуги (по счету)	1	15	0
		Неизвѣстно куда истрачено	—	—	4
		Въ остаткѣ	50	11	2
	60. 3. 11½.	Итого	60.	3.	11½.

Изъ этой росписи самому недѣловому человѣку станетъ очевидно, что, не считая чрезвычайныхъ тратъ на женитьбу и пріобрѣтеніе „разныхъ“ мелочей, конечно, не послѣднихъ, расходъ за эту недѣлю болѣе чѣмъ на 2 ф. превысилъ доходъ, и краткая экскурсія въ область ариѳметики покажетъ ему, что черезъ двадцать пять недѣль въ остаткѣ не получится ничего.

Но гинею въ недѣлю Льюисгэму предстоитъ получать не двадцать пять недѣль, а всего только пятнадцать, и слѣдовательно, затѣмъ еженедѣльный расходъ до 3 гиней, заимствованныхъ изъ капитала, и срокъ, въ теченіе котораго они могутъ жить на капиталъ, сократится до двадцати трехъ недѣль. Эти подробности, несомнѣнно, утомительны и непріятны просвѣщенному читателю;—представьте же себѣ во сколько разъ непріятнѣе онѣ должны были быть м-ру Льюисгэму, задумчиво шагавшему по дорогѣ въ Школу. Вы поймете, почему онъ ускользнулъ изъ лабораторіи и пробрался въ образовательную читальню и почему Смизерсъ, сидѣвшій въ укромномъ уголкѣ, составляя замѣтки для предстоявшаго не вдалекѣ неминуемаго второго экзамена на соисканіе „преміи Форбса“, неожиданно взглянувъ въ его сторону, онѣмѣлъ отъ удивленія при видѣ Льюисгэма, склоненнаго надъ кипой текущихъ періодическихъ изданій вродѣ: *Журналъ Образованія и Воспитанія*, *Школьный Учитель*, *Наука и Искусство*, *Университетскій Вѣстникъ*, *Природа*, *Athenaeum*, *Академія* и т. д.

Смизерсъ видѣлъ, какъ его товарищъ вытащилъ изъ кармана записную книжку и принялся что-то вписывать туда. Онъ незамѣтно подкрался къ Льюисгэму и, вынырнувъ откуда-то сбоку, огорошилъ того вопросомъ:—„Вы что тутъ дѣлаете?“

Слова эти были произнесены громкимъ шепотомъ и сопровождались инквизиторскимъ взглядомъ, брошеннымъ на газеты. Когда же Смизерсъ увидалъ, что Льюисгэмъ внимательно изучаетъ столбецъ объявленій, недоумѣніе его еще болѣе возрасло.

— О, ничего,—кротко отвѣчалъ Льюисгэмъ, какъ бы случайно закрывая ладонью раскрытую книжку.—А вы что изволите подѣлывать?

— Да, ничего особеннаго. Такъ болтался здѣсь. Вы не были въ кружкѣ въ прошлую пятницу?

Онъ повернулъ стулъ, сталъ на него колѣномъ и, облокотясь на спинку, принялся шепотомъ разсказывать о дѣлахъ Рефератскаго кружка. Льюисгэмъ слушалъ невнимательно и и отвѣчалъ коротко. Что ему до всѣхъ этихъ ребячествъ! Смизерсъ вышелъ, ничего не добившись, и въ дверяхъ встрѣтился съ Парксономъ. Кстати сказать, Парксонъ, со времени происшедшаго между ними прискорбнаго недоразумѣнія, не разговаривалъ съ Льюисгэмомъ. Онъ сдѣлалъ большой крюкъ, чтобы, пробираясь къ своему мѣсту, не пройти мимо него; усѣвшись, онъ поднялъ голову необычайно высоко и принялъ исполненный достоинства видъ, чтобы показать, какъ оскорбительно для него присутствіе Льюисгэма.

Льюисгэмъ наводилъ справки двоякаго рода. Онъ искалъ способа увеличить какъ-нибудь свой еженедѣльный доходъ собственнымъ заработкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ изучить положеніе рынка относительно переписки на пишущей машинѣ. Что касается его лично, то у него была смутная мысль, впослѣдствіи оставленная, — что въ мартѣ мѣсяцѣ можно будетъ добыть какіе-нибудь уроки въ вечернихъ классахъ. Но въ вечернихъ классахъ въ Лондонѣ составъ преподавателей съ сентября по іюль никогда не мѣняется—развѣ кто-нибудь умретъ скоропостижно. Частные уроки еще больше улыбались ему, но предложеній не попадалось. О своихъ собственныхъ талантахъ у него было представленіе чисто ребяческое, иначе онъ не тратилъ бы понапрасну времени на выписываніе условій полученія вакантнаго мѣста профессора физики въ Мельбургскомъ университетѣ. Онъ отмѣтилъ также предложеніе занять мѣсто редактора ежемѣсячнаго журнала, посвященнаго соціальнымъ вопросамъ. Онъ ничего не имѣлъ противъ этого, хотя издатель, можетъ быть, и имѣлъ бы. Было еще вакантное мѣсто куратора при музеѣ Итонской коллегіи.

Относительно переписки на машинѣ условія были менѣе разнообразны и болѣе опредѣленны. Въ то время жестокая конкурренція полуобразованныхъ элементовъ еще не успѣла понизить цѣну за переписку до невозможной платы—10 пен-

совъ за тысячу словъ, и обычная плата за тысячу была 1 ш. 6 п. Считая, что Этель можетъ написать въ часъ тысячу словъ и работать пять-шесть часовъ въ день, очевидно, что она можетъ вносить свою долю на расходы по хозяйству—и не малую долю: до 30 шиллинговъ въ недѣлю. Естественно, что Льюисгэмъ возгордился при этомъ открытіи. Онъ не находилъ объявленій отъ авторовъ или драматурговъ съ предложеніемъ переписки, но видѣлъ множество адресовъ переписчицъ, публикующихся въ газетахъ. Очевидно, и Этели надо публиковаться. — Можно будетъ прибавить: „спеціальность—научная фразеологія",—мысленно сообразилъ Льюисгэмъ. Онъ возвратился домой, полный надежды и съ полной книжкой замѣтокъ о мѣстахъ и занятіяхъ, которыя можно было получить, по дорогѣ истративъ пять шиллинговъ на марки.

Послѣ обѣда Льюисгэмъ—нѣсколько взволнованный—послалъ за хозяйкой. Мадамъ Гадовъ явилась тотчасъ же, привѣтливая и любезная, какъ всегда, безконечно далекая отъ негодованія, являющагося нормальнымъ состояніемъ британской квартирной хозяйки. Она, какъ всегда, сыпала словами, жестикулировала и разсуждала весьма благоразумно, но, къ несчастью, путала два языка и во всѣхъ спорныхъ пунктахъ прибѣгала къ нѣмецкому. Природная учтивость Льюисгэма не позволяла ему поставить вопросъ слишкомъ грубо. Послѣ получаса дружескихъ пререканій, нѣмка согласилась сбросить со счета шесть пенсовъ, и обѣ стороны объявили себя удовлетворенными результатомъ.

Мадамъ Гадовъ оставалась спокойной до конца. М-ръ Льюисгэмъ раскраснѣлся, волосы его немного спутались и уши порозовѣли, но онъ былъ доволенъ этой сбавкой въ 6 пенсовъ: это было, во всякомъ случаѣ, признаніемъ справедливости его требованій.

— Она, видимо, хотѣла испытать насъ, — почти извиняющимся тономъ замѣтилъ онъ Этели.—Было абсолютно необходимо противопоставить ей твердость. Врядъ-ли у насъ будутъ съ ней еще непріятности въ такомъ родѣ...

— А то, что она говоритъ объ углѣ, конечно, справедливо.

Молодые супруги отправились прогуляться въ Кенсингтонскихъ Садахъ и—весенній вечеръ былъ такъ теплъ и хорошъ—присѣли отдохнуть на зеленыхъ стульяхъ невдалекѣ отъ оркестра, за что Льюисгэму пришлось потомъ заплатить два пенса. За то они съ Этелью вели, какъ она выражалась, „серьезный разговоръ". Она проявила, поистинѣ, рѣдкую разсудительность и обсудила вопросъ всесторонне. Она особенно настаивала на необходимости экономіи въ домашнихъ

расходахъ и горько оплакивала свое невѣжество и непрактичность. Рѣшено было купить хорошее руководство къ домашнему хозяйству и домоводству, спеціально для Этели. М-ссъ Чэффери, по ея словамъ, пользовалась указаніями старинной книги, носившей названіе *„обо всемъ понемногу“*, но Льюисгэмъ призналъ эту книгу недостаточно научной.

Этель была того мнѣнія, что многому можно также научиться изъ шестипенсовыхъ модныхъ журналовъ для дамъ—болѣе дешевые въ то время почти еще не появлялись. Въ былое время, когда у нея водились деньги, она покупала такіе журналы отдѣльными номерами, но, главнымъ образомъ—о чемъ она теперь очень сожалѣла — съ цѣлью ознакомиться съ новыми модами въ области платьевъ, шляпъ и тому подобнаго вздора. Чѣмъ скорѣе они купятъ машину, тѣмъ лучше. Льюисгэмъ поморщился отъ непріятной неожиданности, сообразивъ, что въ своихъ вычисленіяхъ онъ не принялъ въ разсчетъ покупки машины. Это значительно ограничитъ ихъ рессурсы; при такихъ условіяхъ капитала хватитъ всего только на двѣнадцать-тринадцать недѣль.

Они провели вечеръ за письмами — составляя ихъ, переписывая, надписывая адреса, и наклеивая марки. То были моменты оптимизма.

— Мельбурнъ прекрасный городъ, — говорилъ Льюисгэмъ,—и путешествіе туда будетъ для насъ очень пріятно. Онъ прочелъ Этели вслухъ письмо, въ которомъ предлагалъ себя въ качествѣ кандидата на профессорское мѣсто въ Мельбурнъ—просто для того, чтобы посмотрѣть, хорошо-ли оно написано, — и на Этель перечисленіе его талантовъ и знаній произвело глубокое впечатлѣніе. „Я не воображала, что ты знаешь и *половину* всего этого!—наивно воскликнула она, удрученная сознаніемъ своего собственнаго относительнаго невѣжества. Неудивительно, что послѣ такого поощренія, онъ сталъ писать послѣдующія письма въ нѣсколько самоувѣренномъ тонѣ.

Составленная имъ публикація въ *Athenaeum* относительно пріема переписки нѣсколько смущала его совѣсть. Переписавъ ее начисто и поставивъ въ скобкахъ, но большими буквами: „спеціальность — научная фразеологія“, — онъ случайно взглянулъ на лекціи, переписанныя Этелью для него. Почеркъ ея былъ такой же круглый, мальчишескій, какъ тогда въ Вортлеѣ, но знаки препинанія ограничивались неправильно разставленными занятыми и тире, а въ правописаніи замѣчалась склонность при начертаніи трудныхъ словъ идти по линіи наименьшаго сопротивленія. Но онъ отогналъ отъ себя эту мысль, порѣшивъ просматривать и корректировать все, что будетъ переписывать Этель. Въ

скобкахъ онъ подумалъ, что не худо бы ему самому просмотрѣть какое-нибудь толковое руководство къ разстановкѣ знаковъ препинанія.

Они засидѣлись за полночь, не смотря на то, что на завтра назначенъ былъ экзаменъ ботаники. Въ ихъ маленькой гостиной, освѣщенной газомъ, со спущенными занавѣсями и огнемъ, пылавшимъ въ каминѣ, было такъ свѣтло и уютно, а количество писемъ, написанныхъ ими, поддерживало надежду въ ихъ сердцахъ. Этель, раскраснѣвшаяся отъ радостнаго волненія, то порхала по комнатѣ, то подбѣгала къ мужу и склонялась на его плечо, чтобы посмотрѣть, что онъ пишетъ. По просьбѣ Льюисгэма она принесла ему конверты, лежавшіе на комодѣ.

— Ты настоящая жена-помощница!—воскликнулъ Льюисгэмъ, откидываясь на спинку стула.—Я чувствую, что для такой женушки я сдѣлаю все—все на свѣтѣ!

— *Въ самомъ дѣлѣ*! Серьезно? Я помогаю тебѣ?

Лицо и жестъ Льюисгэма выразили энергическое подтвержденіе. Молодая женщина тихонько вскрикнула отъ восторга, постояла минуту и, какъ бы желая выразить на практикѣ свое полное желаніе и готовность помочь, обѣжала кругомъ стола съ протянутыми руками, чтобы броситься въ его объятія.

— Милый мой!

Льюисгэмъ, уже обнимая её за талію одной рукой, другой отодвинулъ стулъ, чтобы она могла сѣсть къ нему на колѣни...

Кто могъ бы усомниться въ томъ, что она помогала ему?

XXV.

Первая битва.

Поиски Льюисгэма вечернихъ занятій и частныхъ уроковъ были, по существу, временной мѣрой, могущей способствовать лишь временному пополненію бюджета. Старанія же упрочить за собой болѣе постоянный источникъ дохода обнаруживали въ немъ претензіи, не соотвѣтствующія его даннымъ. На мѣсто профессора въ Мельбурнѣ онъ, конечно, претендовать не могъ; многое также могло помѣшать вступленію его преподавателемъ въ Итонскую Коллегію. Вначалѣ онъ былъ склоненъ считать южно-кенсингтонскихъ студентовъ интеллектуальною солью земли, преувеличивать обиліе „приличныхъ мѣстъ“ съ жалованьемъ отъ полутораста до трехсотъ фунтовъ въ годъ и презирать конкурренцію такихъ низшаго разряда учрежденій, какъ университеты Оксфордскій и Кембриджскій и учебныя заведенія на сѣверѣ. Но агенты по пріисканію преподавательскихъ мѣстъ, къ которымъ онъ

обратился въ слѣдующую субботу безъ лишнихъ словъ очень скоро разочаровали его.

Главный ассистентъ м-ра Блендершипа въ маленькой грязной конторѣ въ Оксфордъ-стритѣ такъ энергично раскрылъ ему глаза, что Льюисгэмъ разсердился.—Вы, можетъ быть, желаете мѣсто директора въ государственной школѣ?—ядовито освѣдомился ассистентъ м-ра Блендершипа. Боже мой! почему бы ужъ не сдѣлать васъ прямо епископомъ? Послушайте-ка!—обратился онъ къ своему патрону, только что вошедшему съ сигарой въ зубахъ.—Двадцать одинъ годъ, ни ученой степени, ни знанія игръ, два года практики въ качествѣ младшаго классного наставника — желаетъ получить мѣсто директора въ государственной школѣ!

Онъ говорилъ такъ громко, что другіе кліенты, ожидавшіе въ пріемной, не могли не услышать, и при каждомъ словѣ тыкалъ перомъ въ сторону Льюисгэма.

— Послушайте! — запальчиво возразилъ Льюисгэмъ;—еслибъ я зналъ условія и обычаи рынка, я не обратился бы къ вамъ.

М-ръ Блендершипъ съ минуту разглядывалъ Льюисгэма, потомъ спросилъ ассистента:

— Какіе у него аттестаты?

Тотъ прочелъ списокъ балловъ за успѣхи въ разныхъ *логіяхъ* и *графіяхъ*.

— Пятьдесятъ, на всемъ готовомъ,—рѣшительно объявилъ м-ръ Блендершипъ;—вотъ на что вы можете разсчитывать. Если повезетъ—шестьдесятъ.

— *Что такое?*—вскричалъ м-ръ Льюисгэмъ.

— Вамъ этого недостаточно?

— Слишкомъ недостаточно.

— За восемьдесятъ можно имѣть кембриджца съ ученою степенью—и еще благодаренъ будетъ.

— Но я не хочу мѣста интерна.

— Мѣстъ приходящихъ наставниковъ очень мало. Чрезвычайно мало. Нуженъ надзоръ за воспитанниками въ дортуарахъ; — и притомъ съ экстернами опасно: вдругъ они вздумаютъ вѣтренничать гдѣ-нибудь на сторонѣ.

— Вы ужъ не женаты-ли, чего добраго?—вдругъ спросилъ ассистентъ, внимательно вглядѣвшись въ лицо Льюисгэма.

— Т-то есть...—такъ сказать... Да, женатъ.

Ассистентъ выругался себѣ подъ носъ непечатнымъ словомъ.

— Ну, батюшка мой, это вамъ придется скрывать,—сказалъ м-ръ Блендершипъ.—Трудненько вамъ будетъ сыскать мѣстечко—трудненько! Я бы на вашемъ мѣстѣ подождалъ

до диплома, благо ужъ немного осталось. Съ дипломомъ-то оно легче...

Пауза.

— Дѣло въ томъ,—тихо выговорилъ Льюисгэмъ, глядя на носки своихъ сапогъ,—что мнѣ нужно дѣлать что-нибудь теперь, чтобы дождаться диплома.

Ассистентъ тихонько присвистнулъ.

— Можетъ, и наклюнется какое-нибудь мѣстечко экстерна,— раздумчиво молвилъ м-ръ Блендершипъ, что-то соображая.— Прочитайте-ка мнѣ еще разъ, что тутъ написано въ листкѣ, Бинксъ.—Онъ слушалъ внимательно.—Э! что такое? Противъ религіознаго обученія?—онъ жестомъ остановилъ читавшаго.— Это вздоръ. Нельзя, знаете, требовать, чтобы все было по вашему. Вычеркните это. Вы не получите мѣста ни въ одной изъ среднихъ школъ Англіи, если вы противъ религіознаго обученія. Маменьки—прости Господи!—съѣли бы васъ. Вы лучше и не заикайтесь объ этомъ. Не вѣрьте—кто нынче вѣритъ? Сотни такихъ, какъ вы,—сотни! Священники,—всѣ! Но говорить объ этомъ нельзя.

— А если спросятъ?

— Скажите: англиканской церкви. У насъ всякій, кто не диссидентъ, принадлежитъ къ англиканской церкви Безъ этого вамъ очень трудно будетъ получить какое бы то ни было мѣсто.

— Но...—началъ м-ръ Льюисгэмъ,—это будетъ ложь.

— Вполнѣ законная. Это всякій пойметъ. Если вы на это несогласны, милѣйшій юноша, мы ничего не можемъ сдѣлать для васъ. Остается журналистика или лондонскіе доки. Принимая въ разсчетъ вашу малую опытность, скажемъ—доки.

Льюисгэмъ покраснѣлъ пятнами и не отвѣтилъ. Онъ усиленно щипалъ и дергалъ себя за усы—увы! далеко еще не густые.

— Компромиссы,—молодой человѣкъ, — компромиссы! — вздохнулъ м-ръ Блендершипъ, участливо наблюдая за нимъ,— безъ этого невозможно.

Въ первый разъ въ жизни Льюисгэмъ очутился лицомъ къ лицу съ необходимостью произнести сознательную ложь. Онъ быстро соскользнулъ по наклонной плоскости съ суровыхъ высотъ самоуваженія, и послѣдующія слова его уже были недобросовѣстными.

— Я не обѣщаю вамъ, что я солгу, если меня спросятъ. Этого я не могу обѣщать.

— Вычеркните этотъ пунктъ, — обратился Блендершипъ къ клерку.—Вамъ объ этомъ просто не надо упоминать. Затѣмъ, вы не говорите, что можете учить рисованію.

— Да я и не могу.

— Давайте имъ срисовывать переснятыя копіи и смотрите, чтобы они не увидали, какъ вы рисуете!

— Но вѣдь это не значитъ учить рисованію!

— *У насъ* это понимается именно такъ. Не забивайте себѣ головы педантизмомъ—это погибель для преподавателя. Поставьте рисованіе. Затѣмъ—скоропись...

— Ну, вотъ еще!

— Скоропись, французскій языкъ, бухгалтерія, коммерческая географія, землемѣріе...

— Но я не могу преподавать ни одного изъ этихъ предметовъ!

— Послушайте, — началъ Блендершипъ и сдѣлалъ эффектную паузу. — У васъ, или у вашей жены есть состояніе?

— Нѣтъ.

— Ну?

Новая пауза и паденіе еще на одну ступень ниже, причемъ, однако, пришлось натолкнуться на препятствіе.

— Но вѣдь меня поймаютъ,—сказалъ Льюисгэмъ.

Блендершипъ засмѣялся.

— Здѣсь, знаете, требуется не столько знаніе предмета, сколько готовность учить. А начальство васъ не поймаетъ, будьте благонадежны. Тѣ завѣдующіе школами, съ которыми мы обыкновенно имѣемъ дѣло, не способны уличить. Они сами не могутъ преподавать ни одного предмета изъ вышеназванныхъ и потому думаютъ, что и никто другой этого не можетъ. Вы будете говорить съ ними о педагогикѣ; они будутъ говорить о практическомъ опытѣ. Но въ программѣ заведенія все это стоитъ, а потому они желаютъ, чтобы оно стояло и въ росписаніи. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ... Взять, напримѣръ, коммерческую географію. Что такое коммерческая географія?

— Морской укропъ, — сказалъ ассистентъ, грызя кончикъ пера, и задумчиво прибавилъ: — И чортъ его знаетъ, что еще.

— Чепуха!—объявилъ Блендершипъ.—Сущая чепуха! Газеты болтаютъ вздоръ о коммерческомъ образованіи. Герцогъ Девонширскій начитался ихъ и принялся болтать то-же, увѣряя, будто онъ самъ это выдумалъ—очень *ему* надо! Родители рады придраться къ случаю; завѣдующимъ пришлось включить это въ программу, ну, значитъ, и учителямъ полагается знать. Вотъ вамъ и вся недолга!

— Ладно!—сказалъ Льюисгэмъ, чуть не захлебываясь отъ стыда.—Пишите все, что хотите. Только помните, чтобы мнѣ не жить, а быть приходящимъ.

— Ну,—сказалъ Блендершипъ,—можетъ быть, аттестатъ

васъ и вывезетъ. Но я васъ предупреждаю, это дѣло трудное. Въ какой нибудь приготовительной школѣ, можетъ, и найдется мѣстечко. Ну, кажется, больше разговаривать не о чемъ. Запишите вашъ адресъ...

Ассистентъ издалъ странный звукъ нѣчто среднее между „фью“ и „фи“. *) Блендершипъ посмотрѣлъ на Льюисгэма и неувѣренно кивнулъ головой.

— За внесеніе въ книгу — полкроны, — объявилъ ассистентъ.—На почтовые расходы—впередъ полкроны.

Но Льюисгэмъ помнилъ совѣты, преподанные ему Дункерлеемъ еще въ Вортлейской школѣ. Съ минуту онъ колебался, потомъ объявилъ:

— Нѣтъ, впередъ платить я не стану. Если вы достанете мнѣ мѣсто, вы получите комиссіонныя; если нѣтъ...

— Мы потеряемъ,—подсказалъ ассистентъ.

— Такъ оно и слѣдуетъ. Здѣсь игра чистая.

— Жительство имѣете въ Лондонѣ?—освѣдомился Блендершипъ.

— Да,—сказалъ клеркъ.

— Хорошо. Почтовыхъ расходовъ мы съ васъ не возьмемъ. Разумѣется, теперь мертвый сезонъ, такъ что вы особенно ничего не ждите. Бываютъ случаи, что на пасху мѣняютъ учителей... Больше ничего... Есть тамъ еще кто нибудь, Бинксъ?

Гг. Маскелинъ, Смитъ и Трумсъ были агентами болѣе высокаго полета, чѣмъ Блендершипъ, вѣдавшій частныя учрежденія низшаго разряда и дешевыя общественныя школы.

Гг. Маскелинъ, Смитъ и Трумсъ были о своемъ агентствѣ такого высокаго мнѣнія, что вначалѣ даже отказались внести въ свои списки Льюисгэма, что̀, понятно, страшно обозлило послѣдняго. Онъ добился интервью съ молодымъ человѣкомъ, одѣтымъ и выражавшимся съ обидной корректностью и во все время бесѣды не сводившимъ глазъ съ гуттаперчеваго воротничка нашего героя.

— Едва-ли вы намъ подойдете,—сказалъ онъ, и подвинулъ къ Льюисгэму разграфленный листокъ, который нужно было заполнить.—Мы имѣемъ дѣло по большей части съ учебными заведеніями высшаго разряда и хорошими подготовительными школами.

Пока Льюисгэмъ заполнялъ листокъ разными *логіями* и *графіями*, въ комнату вошелъ молодой человѣкъ съ наружностью герцога и дружески поздоровался съ корректнымъ молодымъ человѣкомъ. То былъ также искатель мѣста. Льюисгэмъ, хоть и не поднималъ головы отъ бумаги, успѣлъ

*) Игра словъ: «*Fee*»—по-англійски значитъ: вознагражденіе, плата.

разглядѣть, что на его соперникѣ по профессіи былъ длинный сюртукъ, лакированные сапоги и великолѣпнѣйшія сѣрыя панталоны. Его понятіе о конкурренціи сразу расширились. Корректный молодой человѣкъ глазами указалъ новоприбывшему на гуттаперчевый воротничекъ Льюисгэма; тотъ, вмѣсто отвѣта, пожалъ плечами и слегка скривилъ губы.

— Я получилъ отвѣтъ отъ директора изъ Касльфорда,— пріятнымъ баритономъ сообщилъ новоприбывшій.—Что это, сколько-нибудь порядочный господинъ?

Пока они обсуждали достоинства и недостатки Касльфордскаго директора, Льюисгэмъ подалъ свой листокъ, и корректный молодой человѣкъ, все еще не сводя глазъ съ гуттаперчеваго воротника, взялъ этотъ листокъ съ видомъ человѣка, собирающагося перепрыгнуть черезъ пропасть.

— Сомнѣваюсь, чтобы мы могли что-нибудь сдѣлать для васъ,—повторилъ онъ снова.—Можетъ быть, найдется свободное мѣстечко преподавателя англійскаго языка. Наукѣ въ *нашихъ* школахъ, знаете ли, не придаютъ особеннаго значенія. Главное—классики и хорошее знаніе игръ—вотъ, что намъ нужно.

— Тэкъ-съ,—сказалъ Льюисгэмъ.

— Хорошее знаніе игръ, хорошія манеры и все прочее, знаете, въ этомъ родѣ.

— Тэкъ-съ.

— Вы не изъ народной-ли школы?—освѣдомился корректный молодой человѣкъ.

— Нѣтъ.

— Гдѣ же вы изволили воспитываться?

Льюисгэмъ вспыхнулъ.

— Развѣ это имѣетъ значеніе?—спросилъ онъ, не отводя глазъ отъ дивныхъ сѣрыхъ панталонъ.

— Для *нашихъ* школъ—несомнѣнно. Это, знаете-ли, вопросъ тона.

— Тэкъ-съ,—протянулъ Льюисгэмъ, начиная соображать, какія новыя препятствія встали у него на пути Его непосредственнымъ импульсомъ было поскорѣе уйти, чтобы не чувствовать на себѣ взгляда элегантно одѣтаго молодого учителя.—Вы дадите знать, я полагаю, если у васъ найдется что нибудь для меня?—обратился онъ, уже на ходу, къ корректному молодому человѣку. Тотъ поспѣшилъ отвѣтить утвердительно и раскланяться.

— Часто у васъ попадаются такіе субъекты?—спросилъ изящно одѣтый молодой человѣкъ по выходѣ Льюисгэма.

— Довольно часто. Только всетаки, знаете, сортомъ повыше. Этотъ резиновый воротничекъ!—не замѣтили? Уфъ! И это „тэкъ-съ“. И эта хмурая физіономія, мѣшковатость!.. Само

собой, приличнаго платья у него нѣтъ, онъ способенъ и на новое мѣсто явиться съ однимъ тощенькимъ чемоданчикомъ. Но теперь такіе господа да еще надзиратели въ пансіонахъ проникаютъ всюду. Не далѣе какъ на дняхъ у меня былъ Роутонъ.

— Неужто Пиннерскій Роутонъ?

— Да Пиннерскій. И потребовалъ, чтобъ я рекомендовалъ ему кого-нибудь въ этомъ родѣ. „Мнѣ", говоритъ, „нужно такого, чтобъ могъ учить ариѳметикѣ".

Онъ засмѣялся. Изящно одѣтый молодой человѣкъ задумчиво разглядывалъ набалдашникъ своей трости.—*Такой*, замѣтилъ онъ, все равно тамъ не уживется. Если онъ попадетъ въ порядочную школу, его будутъ на каждомъ шагу рѣзать приличные учителя.

— Ну, я думаю, *такіе* господа слишкомъ толстокожи, чтобы страдать отъ этого,—возразилъ агентъ.—Это новый типъ. Южный Кенсингтонъ и политехникумы нынче выпускаютъ ихъ тысячами...

Льюисгэмъ забылъ даже свое негодованіе по поводу необходимости приписывать себѣ вѣрованія, которыхъ у него не было, при этомъ новомъ открытіи необходимости для учителя быть прилично одѣтымъ. Идя дальше, онъ заглядывалъ въ каждое окно, сколько нибудь отражавшее его фигуру. Нѣтъ спора, *его* панталоны далеко не элегантны; они прегнусно отгибаются у сапогъ и висятъ мѣшкомъ возлѣ колѣнъ, а сапоги его не только изношены и безобразны, но еще и прескверно вычищены. Рукава его куртки слишкомъ коротки, и кисти рукъ преглупо торчатъ наружу; кромѣ того, онъ замѣтилъ, что обшлага его куртки отогнуты очень несимметрично, а красный галстухъ плохо завязанъ и сбился на бокъ. И потомъ этотъ резиновый воротничекъ! Онъ весь лоснится, выцвѣлъ и вдругъ ни съ того ни съ сего сталъ липнуть къ шеѣ. Что, еслибъ у него былъ приличный костюмъ? Онъ сталъ соображать, сколько можетъ стоить полная экипировка. Такія сѣрыя панталоны, какія онъ видѣлъ сегодня на учителѣ, врядъ-ли можно купить дешевле, чѣмъ за шестнадцать шиллинговъ, да сюртукъ будетъ стоить на худой конецъ сорокъ—а можетъ, и больше. Онъ зналъ, что хорошее платье стоитъ дорого. Постоявъ у дверей моднаго магазина, онъ вернулся назадъ. Нѣтъ, объ этомъ и думать нечего. Онъ перешелъ черезъ Лейстеръ-скверъ и пошелъ дальше по Бедфордъ-стритъ, ненавидя всѣхъ попадавшихся ему навстрѣчу хорошо одѣтыхъ мужчинъ.

Гг. Данксъ и Уимборнъ занимали контору въ родѣ банкирской, возлѣ Чэнсери-Лэнъ. Здѣсь ему, безъ всякихъ разговоровъ, подали листокъ для заполненія. На первомъ мѣстѣ

стояло: „Вѣроисповѣданія". Льюисгэмъ подумалъ и написалъ: „Англиканской церкви".

Затѣмъ онъ отправился въ Педагогическій Совѣтъ въ Холборнѣ. Педагогическій Совѣтъ предсталъ передъ нимъ въ лицѣ длиннобородаго, плотнаго, добродушнаго господина, съ тоненькой золотой цѣпочкой и пухлыми руками. У него были золотыя очки и ласковое, симпатичное обращеніе, много способствовавшее исцѣленію раненой души Льюисгэма. Онъ самъ занесъ въ списокъ всѣ *„логіи"* и *„графіи"*, любезно изумляясь ихъ обилію.

— Вамъ бы слѣдовало,—замѣтилъ онъ,—получить одинъ изъ нашихъ дипломовъ. Вамъ это было бы совсѣмъ не трудно. Конкурса нѣтъ. Но есть преміи—нѣсколько премій денежныхъ.

Льюисгэмъ не замѣтилъ, что его воротничекъ и здѣсь привлекъ вниманіе на этотъ разъ сочувствующаго наблюдателя.

— У насъ читаются различные предметы по курсамъ; кромѣ того, мы экзаменуемъ по теоріи и практикѣ воспитанія. Въ здѣшнихъ мѣстахъ только при нашемъ Совѣтѣ и есть экзамены по теоріи и практикѣ воспитанія для преподавателей въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. И такъ мало желающихъ экзаменоваться! Все больше гувернантки. Мужчины предпочитаютъ воспитаніе съ помощью кулака и линейки. Это характерно для Англіи— царство кулака въ педагогикѣ. Говорить объ этомъ, разумѣется, безполезно, но такъ это не пройдетъ; что нибудь случится — и что нибудь непріятное—если и впредь будетъ продолжаться то же. Въ Америкѣ школьное дѣло поставлено гораздо лучше,—и въ Германіи тоже. Я говорю это, конечно, только вамъ, вообще, объ этомъ говорить не годится. Тутъ многое надо принять въ разсчетъ. Хотя... А вы всетаки хорошо бы сдѣлали, если бы получили у насъ дипломъ и вошли бы, такъ сказать, въ составъ дѣйствующей арміи. Впрочемъ, это ужъ я заглядываю впередъ.

Онъ засмѣялся, какъ бы извиняясь за то, что у него есть маленькая слабость—заглядывать впередъ. Затѣмъ, оставивъ отвлеченныя темы, онъ перешелъ къ подробностямъ относительно дипломовъ и другимъ способамъ получить занятія.

— Есть, разумѣется, частные уроки. Вы не отказались бы позаняться съ отсталымъ? Къ намъ обращаются иногда съ просьбой рекомендовать приходящаго учителя. По большей части, въ школы для дѣвочекъ. Но это, знаете, для людей постарше васъ—для женатыхъ.

— Я женатъ,—сказалъ Льюисгэмъ.

— Э! Что такое?—удивился Педагогическій Совѣтъ.

— Я женатъ,—повторилъ Льюисгэмъ.

— Удивительно! — съ важностью произнесъ Педагогическій Совѣтъ, разглядывая Льюисгэма сквозь золотыя очки.— Удивительно! Я больше чѣмъ вдвое старше васъ и не женатъ. Двадцать одинъ годъ! Вы—вы давно женаты?

— Нѣсколько недѣль.

— Поразительно! Весьма—весьма интересно! По истинѣ!.. Ваша супруга, должно быть, очень мужественная молодая особа... Извините меня! Знаете ли... Вамъ будетъ очень трудно завоевать себѣ положеніе. Впрочемъ—это, конечно, дѣлаетъ васъ пригоднымъ для преподаванія въ школахъ для дѣвицъ. Это-то да. До извѣстной степени, *это*—да.

Послѣ признанія насчетъ женитьбы Педагогическій Совѣтъ, видимо, преисполнился уваженія къ Льюисгэму, и тому это было чрезвычайно пріятно. Но послѣ посѣщенія агентствъ Медицинскаго, Школьнаго и Клерикальнаго, находящихся у Ватерлооскаго моста, онъ опять упалъ духомъ и рѣшилъ идти домой. Еще задолго до конца пути онъ почувствовалъ усталость, и его простодушная гордость по поводу того, что онъ женатъ и ведетъ дѣятельную борьбу съ несочувствующимъ ему міромъ, исчезла. Уступка, сдѣланная имъ въ области религіозныхъ вопросовъ, оставила въ его душѣ ѣдкую горечь; мысль о костюмѣ была прямо-таки мучительна. Онъ еще не дошелъ до яснаго и опредѣленнаго сознанія того факта, что его рыночная цѣна не выше ста фунтовъ въ годъ, но это убѣжденіе мало-по-малу укоренялось въ его умѣ.

День былъ сѣренькій, пасмурный; дулъ холодный вѣтеръ; въ одномъ изъ сапогъ гвоздь вылѣзъ наружу и кололъ пятку, поневолѣ обращая на себя вниманіе Льюисгэма. Ему назойливо лѣзли на память послѣдніе промахи и неудачные отвѣты на экзаменѣ ботаники, о которыхъ онъ все это время старался не думать. Въ первый разъ со времени его женитьбы его охватило предчувствіе неудачи.

Придя домой, онъ хотѣлъ сразу усѣсться въ маленькое скрипучее кресло у камина, но Этель помѣшала ему. Она выскочила изъ-за стола, на которомъ стояла только что купленная пишущая машинка, и кинулась къ нему съ распростертыми объятіями, восклицая:

— О, какъ я соскучилась безъ тебя!

Онъ пропустилъ мимо ушей комплиментъ, заключавшійся въ этомъ возгласѣ.

— *Мнѣ* было не такъ ужъ весело, чтобы ты могла жаловаться,—возразилъ онъ новымъ для нея тономъ. Онъ высвободился изъ ея объятій и сѣлъ. Потомъ, замѣтивъ выраженіе ея лица, сказалъ, какъ бы въ видѣ извиненія:

— Я немножко усталъ. И этотъ проклятый гвоздь въ сапогѣ накололь мнѣ ногу. Надо будетъ его забить. Утомитель-

ная исторія шляться по этимъ агентамъ, но все же лучше было повидать ихъ. Ну, а ты какъ себя чувствуешь?

— Отлично. Но ты, дѣйствительно, усталъ. Мы напьемся чаю. И—позволь мнѣ снять съ тебя сапогъ, милый. Да, да, я сниму.

Она позвонила, выбѣжала изъ комнаты, на лѣстницѣ приказала подавать чай, притащила изъ спальни невзрачный коврикъ и принялась расшнуровывать сапогъ. Настроеніе духа Льюисгэма моментально измѣнилось. — Молодчина ты у меня, Этель!—объявилъ онъ.—Ей Богу, молодчина!—Когда одинъ сапогъ былъ снятъ, онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ ушко. Она бросила расшнуровывать другой сапогъ и начались взаимныя нѣжности...

Черезъ десять минутъ онъ сидѣлъ уже въ туфляхъ, съ чашкой чаю въ рукѣ, а Этель, прикурнувъ на коврикѣ у его ногъ, причемъ свѣтъ отъ камина падалъ ей прямо въ лицо, разсказывала ему, что сегодня она получила отвѣтъ на свою публикацію въ *Athenaeum*'ѣ.

— Хорошо, что получила,—сказалъ Льюисгэмъ.

— Отъ романиста,—съ нѣкоторой гордостью пояснила его жена, подавая ему письмо.—Лука Гольдернессъ, авторъ „Горилла Грѣха“ и другихъ романовъ.

— Кліентъ первый сортъ, — не безъ зависти замѣтилъ Льюисгэмъ, наклоняясь впередъ, чтобы при свѣтѣ камина прочесть письмо.

Оно было написано красивымъ круглымъ почеркомъ и на хорошей бумагѣ, какую, надо полагать, употребляютъ романисты.—„Милостивая государыня“,—говорилось въ письмѣ,— „я намѣренъ прислать вамъ, заказнымъ письмомъ, рукопись трехтомнаго романа. Въ немъ около 20,000 словъ, — но вы должны будете сосчитать ихъ точно“.

— Какъ же это сосчитать—я и не знаю,—озабоченно замѣтила Этель.

— Ничего, я покажу тебѣ,—успокоилъ ее мужъ.—Это совсѣмъ не трудно. Надо сосчитать слова на трехъ-четырехъ страницахъ, найти среднее и помножить.

„Но, разумѣется, прежде чѣмъ передать въ ваши руки мое произведеніе, я долженъ имѣть достаточныя гарантіи въ томъ, что вы не злоупотребите моимъ довѣріемъ, и что ваше исполненіе окажется на надлежащей высотѣ“.

— О! вотъ это скверно!

„А потому я долженъ просить Васъ представить мнѣ рекомендаціи“...

— Чертовски неудобно!—вскричалъ Льюисгэмъ. — Этотъ оселъ, Легэнъ, навѣрное... Но что это?—„Или, въ случаѣ не-

имѣнія таковыхъ, залогъ"... Это, по моему, разумное требованіе.

Къ тому же, требуемый залогъ былъ такъ невеликъ—всего одна гинея. Если бы даже нашъ герой отнесся и болѣе подозрительно къ письму романиста, видъ оживленной, радостной Этели, стремящейся къ самостоятельному труду, заставилъ бы его отбросить сомнѣнія.

— Пошлемъ ему чекъ—пусть видитъ, что у насъ есть деньги въ банкѣ,—сказалъ Льюисгэмъ; онъ еще такъ недавно положилъ деньги въ банкъ, что не разучился гордиться этимъ.—Пошлемъ ему чекъ. Онъ тогда совсѣмъ успокоится.

Въ тотъ же вечеръ по отправленіи чека на гинею, супруги получили еще одно утѣшительное извѣстіе отъ гг. Данкса и Цимборна,—прескверно литографированное оповѣщеніе о вакантныхъ мѣстахъ. Все это были мѣста интерновъ, такъ что Льюисгэмъ принять ихъ не могъ; тѣмъ не менѣе литографированный листокъ принесъ съ собой бодрящую увѣренность въ томъ, что въ мірѣ нѣтъ застоя, все движется и мѣняется, открывая новыя шансы и перспективы для осаждающихъ міръ. Затѣмъ Льюисгэмъ принялся пересматривать свои прошлогоднія записки по зоологіи, по временамъ отрываясь отъ дѣла, чтобы приласкать Этель. Теперь, когда ботаника не вывезла, оставалась одна надежда—на зоологію; можетъ быть, она поможетъ ему получить медаль Форбса. Этель принесла изъ сосѣдней комнаты свою лучшую шляпу чтобы нѣсколько измѣнить отдѣлку. Она усѣлась въ маленькое кресло у камина, а Льюисгэмъ, разложивъ передъ собою бумаги и книги, присѣлъ къ столу. Расположивъ по другому васильки, она взглянула на мужа и замѣтила, что онъ не читаетъ, а смотритъ, не отрываясь, въ одну точку на скатерти, и что глаза его страшно печальны. Она забыла о василькахъ и уставилась на него.

— Пенни за твои мысли.

Льюисгэмъ вздрогнулъ и поднялъ голову.

— А? что такое?

— Почему у тебя такой убитый видъ?

— Развѣ у меня убитый видъ?

— О, да! И злой!

Я только что думалъ, что я бы не прочь утопить или сварить въ кипяткѣ какого нибудь епископа.

— Дорогой мой!

— Они отлично знаютъ, что то, противъ чего они ополчаются—невѣріе не есть ни безуміе, ни грѣховность, и не приноситъ особеннаго вреда другимъ; отлично знаютъ, что можно быть чистымъ, какъ ясный день, и правдивымъ—словомъ, порядочнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ—и не

вѣрить въ то, что они проповѣдуютъ. И знаютъ, что стоитъ только поступиться немного своей честью, чтобы притвориться вѣрующимъ во что угодно. Во что угодно! Но они ни за что въ этомъ не признаются. Они, кажется, рады были бы, еслибы у всѣхъ людей притупилось понятіе о чести и совѣсти. Будь только человѣкъ богатъ, они будутъ подличать и пресмыкаться передъ нимъ безъ конца, хотя бы онъ смѣялся надъ всѣмъ, чему они учатъ. Они готовы принимать золотые сосуды на алтарь отъ мошенниковъ и получать доходы съ непотребныхъ домовъ. Но если человѣкъ бѣденъ и не притворяется вѣрующимъ въ то, во что многіе изъ нихъ сами не вѣрятъ, они пальцемъ не шевельнутъ, чтобы помочь ему бороться съ невѣжествомъ ихъ послѣдователей. Относительно этого твой вотчимъ былъ совершенно правъ. Они знаютъ, какъ обстоитъ дѣло, знаютъ, что большинство лгутъ и обманываютъ, но имъ это все равно. Да и можетъ-ли быть иначе? *Они* вѣдь успѣли убить въ себѣ совѣсть. Они отбросили стыдъ—почему же намъ не слѣдовать ихъ примѣру!

Избравъ епископовъ козлами отпущенія за свой позоръ, Льюисгэмъ такъ увлекся, что готовъ былъ приписать ихъ проискамъ даже появленіе гвоздя въ своемъ сапогѣ.

М-ссъ Льюисгэмъ была, повидимому, изумлена. Она угадывала направленіе его мыслей.

— Неужели...—начала она и понизила голосъ:—Неужели ты—*невѣрующій?*

Льюисгэмъ угрюмо кивнулъ головой.

— А ты развѣ нѣтъ?

— О нѣтъ!

— Но ты вѣдь не ходишь въ церковь; ты не...

— Не хожу. И всетаки я не невѣрующая.

— Такъ ты христіанка?

— Я полагаю.

— Но христіане... Во что же ты вѣришь?

— О! говорить правду, поступать хорошо, не обижать другихъ, не вредить имъ и все такое.

— Это не значитъ быть христіаниномъ. Христіанинъ тотъ, кто вѣритъ.

— А по моему, именно это и значитъ быть христіаниномъ.

— О! въ такомъ случаѣ всякій человѣкъ—христіанинъ. Всѣ мы думаемъ, что хорошо поступать—хорошо и худо поступать—дурно.

— Но не всѣ такъ дѣлаемъ,—возразила м-ссъ Льюисгэмъ, снова принимаясь за васильки.

— Нѣтъ,—сказалъ Льюисгэмъ, нѣсколько сбитый съ толку

этой женской манерой спорить.—Не всѣ такъ дѣлаютъ, разумѣется.

Съ минуту онъ пристально глядѣлъ на нее—она склонила головку немного на бокъ и соображала, хорошо ли приколотъ букетъ;—всѣ мысли его были заняты этимъ новымъ и страстнымъ открытіемъ. Онъ какъ-будто хотѣлъ что-то сказать, но раздумалъ и вернулся къ своимъ замѣткамъ.

Скоро онъ опять уже глядѣлъ, не отрываясь, въ одну точку на скатерти.

На слѣдующій день м-ръ Лука Гольдернессъ получилъ чекъ на гинею. Нѣкоторое время онъ внимательно вглядывался въ подпись и что-то соображалъ, затѣмъ взялъ перо и чернила и осторожно переправилъ небрежно написанную Льюисгэмомъ цифру 1 на 5, послѣ чего тщательно занялся своимъ туалетомъ, чтобы придать своей довольно подозрительной физіономіи болѣе благообразный и внушающій довѣріе видъ.

Немного погодя, онъ вышелъ изъ дому, высокій, тощій, съ изсиня-блѣднымъ, какъ у трупа, лицомъ, съ длинными черными волосами, въ полу-клерикальномъ одѣяніи, прискорбно порыжѣвшемъ отъ времени. Онъ проявилъ въ своихъ дѣйствіяхъ большую осторожность и разсудительность. Онъ понесъ чекъ не прямо въ банкъ, а бакалейщику, которому былъ долженъ. Бакалейщикъ отнесся къ нему подозрительно.

— Снесите это въ банкъ, если вы сомнѣваетесь,—сказалъ м-ръ Лука Гольдернессъ,—пусть тамъ размѣняютъ. Я самъ не знаю, что это за господинъ и кто онъ такой. Можетъ быть, онъ и мошенникъ,—почемъ я знаю. Я не могу отвѣчать за него. Снесите въ банкъ и увидите. Я подожду. Я зайду черезъ нѣсколько дней.

— Все въ порядкѣ, не правда ли?—небрежно освѣдомился м-ръ Лука Гольдернессъ, зайдя въ бакалейную лавку два дня спустя.

— Въ полномъ порядкѣ, сэръ,—почтительно подтвердилъ бакалейщикъ, подавая ему четыре фунта, тринадцать шиллинговъ и 6 пенсовъ.

М-ръ Лука Гольдернессъ, передъ тѣмъ необыкновенно внимательно разглядывавшій разные деликатесы, разложенные на прилавкѣ, вдругъ оживился и купилъ банку консервовъ изъ лососины. Онъ вышелъ изъ лавки, зажимая остальныя деньги въ рукѣ, такъ какъ карманы его платья были слишкомъ стары и не внушали довѣрія. По пути домой онъ купилъ свѣжую булку, отъ которой, едва выйдя изъ булочной, откусилъ большой кусокъ и все время жевалъ его, пока

шелъ. Кусокъ былъ такъ великъ, что жующій его ротъ поминутно кривился, принимая самыя безобразныя формы. Онъ глоталъ съ усиліемъ, каждый разъ при этомъ вытягивая шею. Глаза его выражали животное удовлетвореніе. Заворачивая за уголъ Джедъ-Стрита, онъ опять откусилъ кусокъ булки и скрылся изъ виду. Такъ Льюисгэмы больше о немъ и не слыхали.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ГЛУШИ.

Вновь дряхлый міръ плѣнительнымъ нарядомъ
Украсила волшебница весна...
Увы, равно тоски смертельнымъ ядомъ
Больная грудь моя полна!

Пѣснь соловья смѣнила пѣсни вьюги,
Тепло, свѣтло въ поляхъ и на лугу,
Но грустно мнѣ! Досадливой подруги,
Кручины злой, избыть я не могу.

Не веселъ я съ друзьями въ день погожій,
Не радуюсь одинъ въ ненастный день...
Что для меня ликующій міръ Божій,

Чужой толпы борьба, и трудъ и лѣнь,
Когда я здѣсь заблудшійся прохожій,
Безслѣдно тающая тѣнь?!

С. Травиновъ.

Желѣзная дорога къ священному городу мусульманскаго міра.

Бокль въ своей „Исторіи цивилизаціи Англіи“ утверждаетъ, что по степени уваженія къ военнымъ людямъ и ко всему военному, можно судить объ уровнѣ развитія общества или государства. Но съ еще бо́льшею увѣренностью можно сказать, что между просвѣщеніемъ общества и уваженіемъ, которое оно оказываетъ паломникамъ въ св. мѣста, существуетъ такое же обратное отношеніе.

Нигдѣ паломникъ не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ въ Турціи, среди мусульманъ. Вслѣдствіе этого мусульманинъ, посѣтившій Макку (Мекку), или „Хажжъ“, становится нестерпимо кичливымъ и гордымъ. Онъ надѣваетъ зеленую чалму и уже считаетъ себя правоспособнымъ поучать невѣжественныхъ, не бывавшихъ въ св. городѣ людей. Подвигъ посѣщенія Макки записывается даже на надгробномъ памятникѣ покойнаго въ назиданіе потомству.

И не только общество, но и государство уважаетъ паломника. Турція ежегодно организуетъ стражу для паломническихъ каравановъ по пустынной дорогѣ въ Макку. Съ караваномъ посылается много солдатъ и жандармовъ и сотни верблюдовъ и муловъ для всякой поклажи. На паломничество ежегодно тратится довольно большая сумма денегъ... Очевидно, паломничество считается дѣломъ не только личной, но и государственной необходимости.

Дамаскъ является главнымъ центромъ, откуда ежегодно отправляются большіе караваны въ Макку. Изъ Алеппо, Бухары, Персіи, Багдада, даже изъ странъ Европы сюда стекается масса мусульманъ. Въ пятый день послѣ „Рамазана“ *), въ Дамаскѣ происходитъ церемонія отправленія каравана.

Въ настоящемъ году торжество это состоялось 15-го января. Часовъ въ 8¹/₂ утра мы выѣхали изъ дому. Дамаскъ былъ пустъ,

---

*) 9-й мѣсяцъ мусульманскаго года.

даже длинный базаръ безмолствовалъ. Всѣ лавки были заперты. Городъ точно передъ нашествіемъ непріятеля или передъ заранѣе извѣстнымъ землетрясеніемъ былъ покинутъ жителями. Только собаки глухо рычали подъ сводами базаровъ и въ узкихъ переулкахъ. Вся жизнь Дамаска сосредоточилась на длинной улицѣ Миданъ *), которая была буквально запружена народомъ. Вдоль домовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подѣланы даже нары для публики, преимущественно женской. Дома унизаны людьми, будто гирляндами изъ разнообразныхъ цвѣтовъ человѣческаго платья. Кое-гдѣ по длинѣ улицы выстроились солдаты. Слышались рѣзкіе звуки военной музыки, какъ ея эхо — ревъ осликовъ и ровный гулъ несмѣтной толпы, подобный шуму моря. Мы попали во время, раньше верблюда со священной палаткой; онъ еще не проходилъ, и мы свободно и быстро выбрались изъ города.

За городомъ свободнѣе; толпа рѣже. Женскія платья оживляютъ печальный пейзажъ безконечныхъ кладбищъ, только вчера украшенныхъ вѣтвями и вѣнками, теперь уже увядшими. Удобныя кареты быстро катятся по шоссе между абрикосовыми, гранатовыми садами и масличными рощами. На разстояніи получаса ѣзды за городомъ устроены палатки для властей. Это сборный пунктъ отправленія. Здѣсь всюду слышны ружейные выстрѣлы, крики торговцевъ и тотъ же стихійный шумъ толпы. Припадая къ сѣдламъ, всадники горячатъ своихъ кровныхъ кобылицъ, играютъ въ войну и носятся по полю, тамъ и сямъ мелькая цвѣтными плащами на фонѣ зелени полей и деревьевъ. Картина живописная и веселая. Востокъ умѣетъ весело праздновать. Да и какъ праздновать угрюмо, молча, сосредоточенно подъ такимъ высокимъ и прекраснымъ небомъ? Только угрюмый сѣверъ сдѣлалъ изъ религіи настроеніе страха, скорби и плача. Востокъ смотрѣлъ и смотритъ на свои религіозныя обязанности открытымъ, свѣтлымъ взглядомъ.

Къ палаткамъ съѣзжаются понемногу городскія власти. Пріѣхалъ губернаторъ. Наконецъ послышался пушечный выстрѣлъ, — значитъ верблюдъ со священной палаткой вышелъ за черту города, Вотъ и солдаты, которые должны сопровождать караванъ до Макки; пушки на мулахъ. Но вмѣстѣ съ солдатами и пушками, правительство посылаетъ болѣе надежную защиту— различные подарки шейхамъ (старѣйшинамъ) тѣхъ племенъ бедуиновъ, черезъ земли которыхъ пролегаетъ священный путь. Приходитъ паломническій караванъ въ одну землю,—его задерживаетъ толпа всадниковъ-бедуиновъ. Получивъ положенные имъ подарки, всадники провожаютъ караванъ до границы своихъ владѣній. Тамъ появляются другіе, берутъ подарки и провожаютъ караванъ по своей землѣ. И такъ до Макки. Солдатъ и пушки приводить въ дѣйствіе осмѣливаются обыкновенно очень рѣдко.

*) Южный отрогъ Дамаска.

Стараются больше уладить дѣло мирнымъ путемъ. Громадные ящики съ разнообразными вещами привезены были изъ Константинополя въ Дамаскъ спустя нѣсколько дней,—ко дню отправленія каравана они не поспѣли, благодаря необычайнымъ въ этомъ году снѣжнымъ заносамъ на Ливанѣ.

Но вотъ вдали показывается качающаяся колокольня-палатка, расшитая золотомъ съ золотыми надписями изъ Корана. За первымъ верблюдомъ слѣдуютъ еще два: на одномъ изъ нихъ сидитъ мулла съ знаменемъ пророка; на второмъ—сѣдой старикъ, шейхъ изъ сосѣдняго съ Дамасскомъ села, Атéйбе. Бѣдный старикъ отчаянно мотался между горбами горделиво выступавшаго верблюда. Остановка процессіи, казалось, была для него самымъ лучшимъ моментомъ всего торжества. Палатка закачалась и утонула вмѣстѣ съ верблюдомъ въ окружившей ее толпѣ. Всѣ лѣзли къ священному предмету, чтобы прикоснуться къ матеріи феской или платкомъ. Наконецъ, узорную палатку сняли, сложили въ сундуки съ тѣмъ, чтобы вынуть передъ Маккой, а взамѣнъ, для дороги, натянули дешевую зеленую матерію. Палатка эта предназначается для одного человѣка изъ извѣстнаго знатнаго стариннаго рода, за которымъ удержалось право или вѣрнѣе — обязанность ежегоднаго посѣщенія Макки. Должность эта наслѣдственная и оплачивается турецкимъ правительствомъ, ибо присутствіе одного изъ членовъ этого рода считается обязательнымъ для каравана каждогодно.

Всѣ власти Дамасска въ раззолоченыхъ мундирахъ собрались въ палаткахъ. Тутъ же былъ и Абдуррахманъ-паша, начальникъ движенія паломническихъ каравановъ въ Макку. Онъ со всѣми прощается. Вали *) передаетъ ему свою власть. Но это только одна форма. Абдуррахманъ сегодня же воротится въ Дамаскъ, по крайней мѣрѣ полмѣсяца будетъ пьянствовать и уже потомъ догонитъ караванъ, собирающійся обыкновенно въ Музерибѣ—южной оконечности французской желѣзной дороги.

Губернатеръ уѣхалъ. Народъ началъ расходиться. Скачки прекратились. Въ сторонѣ выстроился длинный рядъ всадниковъ-бедуиновъ на верблюдахъ. Это тоже защита каравана во время сорокадневнаго перехода по пустынямъ.

Путешествіе въ Макку сопряжено съ большими опасностями. Переходъ въ 40 дней и 40 ночей, часто безъ воды, выносятъ только сильные люди. Верблюдовъ имѣютъ далеко не всѣ. Хозяева верблюдовъ считаютъ своимъ нравственнымъ долгомъ по временамъ слѣзать съ нихъ и сажать одного изъ пѣшихъ. Но, не смотря на развитое чувство взаимопомощи, всѣ слабые и больные обыкновенно умираютъ въ дорогѣ. Пустыня такъ необитаема и воздухъ такъ сухъ, что трупы людей и животныхъ на другой

*) Губернаторъ.

годъ, по словамъ мусульманскихъ паломниковъ, находятся въ цѣлости на мѣстѣ смерти. Маккская дорога усѣяна костями людей и животныхъ. А въ самой Маккѣ очень часто, почти ежегодно появляется какая нибудь эпидемія. Громадное стеченіе народа со всѣхъ концовъ земного шара, грязь и жара—все это представляетъ самыя благопріятныя условія для развитія болѣзней. На разстояніи шести часовъ пути отъ Макки *) ежегодно рѣжется множество жертвенныхъ животныхъ, гніющіе трупы которыхъ и пролитая кровь заражаютъ воздухъ. По установившемуся благочестивому мнѣнію, ежегодно должно быть зарѣзано не меньше 75 тысячъ овецъ. Меньше этого количества жертва считается неугодной Богу. Но обыкновенно рѣжется гораздо больше. Во время эпидеміи трупы людей сотнями и тысячами валяются по улицамъ города и около Каабы и довершаютъ печальную картину дикаго религіознаго невѣжества.

Но все это совсѣмъ не смущаетъ истинныхъ правовѣрныхъ. Ежегодно въ Маккѣ бываетъ до 200 тысячъ поклонниковъ **), изъ которыхъ въ годы эпидемій вымираетъ почти четвертая часть. И всетаки мусульмане никогда не говорятъ, что въ Маккѣ была эпидемія. По благочестивому убѣжденію, люди въ Маккѣ могутъ умирать или отъ усталости, или вообще по желанію Бога и его пророка Магомета, призывающаго къ себѣ наиболѣе достойныхъ паломниковъ, но никакъ не отъ чумъ или холеры.

Правда, души умершихъ въ св. городѣ людей летятъ прямо въ рай, но всетаки картина этой массовой смерти настолько ужасна, что паша Абдуррахманъ, сопровождавшій въ первый разъ лѣтъ шесть тому назадъ караванъ, отъ страха убѣжалъ изъ Макки.

Съ цѣлью облегчить паломникамъ путешествіе въ св. городъ и поднять такимъ образомъ падающій духъ мусульманства, султанъ въ началѣ 1900 года издалъ ираде о постройкѣ желѣзной дороги отъ Дамаска до Макки. Въ день 25-и лѣтняго юбилея султана, 19-го августа 1900 г. въ Дамаскѣ, при большомъ стеченіи народа, былъ торжественно положенъ первый камень будущаго сооруженія.

Постройка этой дороги вызвана болѣе религіозными (какъ то и полагается для теократическаго государства), нежели экономическими соображеніями. Кромѣ того, Турція хочетъ фактически распространить свою власть на дикое Заіорданье, на непокорныя племена кочевниковъ-бедуиновъ. Смотря по той поспѣшности, съ которой ираде воплощается въ дѣло, можно заключить, что Тур-

---

*) На горѣ Араратъ.

**) Четыре года тому назадъ, по словамъ бывшаго жедскаго (Джеджа) персидскаго консула, однихъ только зарегистрованныхъ паломниковъ было 180 тысячъ. Въ нынѣшнемъ году, по слухамъ, до 300 тыс.

ція придаетъ этой дорогѣ громадное значеніе. И несомнѣнно, маккская дорога событіе громадной исторической важности, событіе, всѣ послѣдствія котораго въ настоящее время даже трудно предвидѣть. Это сооруженіе окажетъ большое вліяніе не только на Сирію и Аравію, но и на весь мусульманскій міръ, хотя далеко не въ томъ смыслѣ, какъ разсчитываетъ турецкое правительство.

Съ проведеніемъ желѣзной дороги паломничество, и безъ того сильное, на первыхъ порахъ, несомнѣнно, усилится. Въ настоящее время изъ 200 милліоновъ мусульманъ всего земного шара въ Маккѣ, какъ уже было сказано, въ среднемъ бываетъ до 200 тысячъ человѣкъ, т. е. на каждую тысячу мусульманъ по 1 человѣку, тогда какъ изъ 400 милліоновъ христіанъ въ Іерусалимѣ, при необычайномъ развитіи паломничества за послѣдніе годы, бываетъ только 10 тысячъ человѣкъ, или на каждыя 40 тысячъ по одному паломнику, т. е. равно въ 40 разъ меньше, чѣмъ мусульманъ. Даже изъ Россіи, при ея 130 милл. населенія, въ Іерусалимѣ бываетъ самое большее до 5 тысячъ паломниковъ, что составитъ на каждыя 26 тысячъ—1 паломникъ, или въ 26 разъ меньше, чѣмъ даетъ мусульманскій міръ. Можетъ быть у христіанъ больше почитаемыхъ мѣстъ, нежели у мусульманъ, но все же очевидно, что мусульманство во всемъ его составѣ крѣпче держитъ религіозныя традиціи.

Итакъ, на первыхъ порахъ паломничество въ Макку съ проведеніемъ туда желѣзной дороги должно будетъ усилиться. Въ Макку поѣдетъ не только бѣднота и голытьба, которая всегда отличается бо̀льшимъ равнодушіемъ къ жизни, но и богатые, даже бразованные люди. Зато вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа паломниковъ и съ облегченіемъ пути къ св. мѣстамъ должна будетъ въ скорости пасть и цѣна посѣтившимъ св. мѣста. Невѣжественная масса „хажжей“, всегда фанатичныхъ, всегда нетерпимо-консервативныхъ, потеряетъ свое прежнее значеніе. Болѣе образованные люди вынесутъ изъ Макки иныя впечатлѣнія, къ которымъ слѣпа невѣжественная масса. Хищничество мусульманскаго духовенства, наглый обманъ, превосходящій своей беззастѣнчивостью даже выдумки и подлоги монаховъ Святогробскаго братства *), вымогательство денегъ у правовѣрныхъ паломниковъ дикость и ненужность такого способа богопочитанія—все это будетъ постепенно проникать въ сознаніе мусульманства и производить свое незамѣтное, отрезвляющее дѣйствіе. Кромѣ того, желѣзная дорога устранитъ до нѣкоторой степени громадныя собранія мусульманъ, разрознитъ толпу, а вслѣдствіе этого дастъ паломникамъ возможность выносить изъ этой поѣздки болѣе индивидуальныя впечатлѣнія. Въ толпѣ звѣрѣетъ даже самый гуманный человѣкъ. Глаза

*) См. мою статью «Греки въ Палестинѣ и Сиріи». «Русское Богатство». сентябрь, 1900 г.

мусульманина сверкаютъ изъ толпы озлобленнѣе, въ толпѣ онъ нетерпимѣе и раздражительнѣе. Что поддерживаетъ мусульманскій фанатизмъ? Невѣжество, праздная уличная жизнь, разнообразныя скопища съ религіозными цѣлями. Общество развивается въ той мѣрѣ, въ какой совершенствуется, освобождаясь отъ вліянія массы, отдѣльная личность. И въ этомъ отношеніи желѣзная дорога окажется большимъ просвѣтителемъ.

Несомнѣнно, что религіозная нетерпимость въ средѣ мусульманъ въ настоящее время гораздо слабѣе, чѣмъ то было 30—40 лѣтъ тому назадъ. На церемоніи отправленія каравана меня особенно поразило отсутствіе прежняго злобнаго, дикаго фанатизма. Говорятъ, раньше мусульманская толпа въ этотъ день была страшно нетерпима по отношенію къ христіанамъ; драки, даже убійства были обыкновеннымъ дѣломъ. На этотъ разъ обошлось все благополучно. Христіане отвоевали себѣ извѣстныя права, съ которыми примирилось теперь не только турецкое правительство, но даже и мусульманское населеніе. Здѣсь еще недавно забыты тѣ условія, при которыхъ въ первое, послѣ завоеванія Сиріи арабами, время мусульмане согласились терпѣть христіанъ. Условія эти такъ характерны, что мы приведемъ здѣсь для образца нѣкоторыя изъ нихъ.

„Во имя Бога милующаго милосерднаго. Это письмо Омару, сыну Хаттаба, князю вѣрующихъ христіанъ так. и так. городовъ“... Такъ начиналось письмо покоренныхъ сирійцевъ къ Омару.

„Обязуемся не строить въ городѣ и его окрестностяхъ ни монастыря, ни церкви, ни домашней церкви, ни кельи монаха (пустынника); не стремиться возвратить то, что находится въ рукахъ мусульманъ...

Не обучать своихъ дѣтей Корану и не творить козней противъ магометанъ...

...Не говорить на ихъ языкѣ (арабовъ).

Не называться ихъ именами.

Не садиться на хорошія (лошадиныя) сѣдла...

Не носить мечей и вообще не брать никакого оружія...

...Одѣваться вообще по нашей модѣ, гдѣ бы мы ни были...

Не ставить крестовъ надъ церквами и даже не показывать ихъ (кресты).

...Не звонить громко въ колокола (но тихонько можно).

Не пѣть громко надъ покойниками... и т. д.

Изъ этихъ условій нарочно выбраны мною наиболѣе мелочные, въ которыхъ въ особенности ярко проглядываетъ узость требованій кичливаго фанатика-завоевателя. И не смотря на то, что эти условія были продиктованы христіанамъ тысячу триста лѣтъ тому назадъ (завоеваніе Дамаска въ 79 году мусульм. эры), не смотря на то, что господствующая національность давно смѣ-

нилась другою, исламъ не забылъ своихъ мелочныхъ придирокъ, и до послѣдняго времени христіане принуждены были во многомъ униженно покоряться. Еще не такъ давно желаніе христіанъ повѣсить на церковной колокольнѣ колоколъ, поддерживаемое соотвѣтствующимъ по вѣроисповѣданію консульствомъ, принимало форму вопроса политической важности. Въ Хумсѣ *) вопросъ о колоколѣ для православной церкви тянулся цѣлые годы. Русское посольство въ Константинополѣ настаивало на томъ, чтобы православнымъ Хумса было дано разрѣшеніе повѣсить колоколъ. Блистательная Порта отказывала, ссылаясь на то, что это можетъ вызвать волненіе въ средѣ мѣстныхъ мусульманъ. Посольство доказывало, что христіане другихъ вѣроисповѣданій давно уже звонятъ въ Хумсѣ въ колокола. Каймакамъ **) Хумса нагло отрицалъ это. Дѣло тянулось до тѣхъ поръ, пока дамасскому консулу, г. Б., не пришла въ голову счастливая мысль — сфотографировать хумскую католическую церковь вмѣстѣ съ висящимъ на ней колоколомъ. Тогда Порта уступила, но сдѣлала совѣтъ повѣсить колоколъ и нѣкоторое время не звонить: „Привяжите веревку; пусть сначала вѣтеръ позвонитъ, а потомъ уже можно звонить и православнымъ“.

Въ настоящее время христіане имѣютъ церкви, школы, больницы рядомъ съ мусульманскими мечетями и мактабе (школа). Европейцы свободно проживаютъ въ мусульманскихъ городахъ и отлично прибираютъ все къ своимъ рукамъ. Очевидно, духъ мусульманскаго фанатизма падаетъ. Не хватаетъ просвѣщенія, которое одно только можетъ принести съ собою благодѣтельныя чувства солидарности всего человѣчества, безъ различія національностей и религій.

Маккская желѣзная дорога подорветъ религіозный спортъ; прямымъ послѣдствіемъ этого явится болѣе разумное и спокойное отношеніе къ святынямъ и человѣческой жизни. Время религіознаго самоубійства проходитъ. Правовѣрные, согласные въ принципѣ съ благочестивымъ мнѣніемъ, что умереть по дорогѣ въ Макку или въ самой Маккѣ—значитъ несомнѣнно угодить Аллаху и сдѣлаться обладателемъ прекрасныхъ „гурій“ ***), тѣмъ не менѣе давно уже начали предпочитать для путешествія къ святынямъ морской путь. Желѣзная дорога избавитъ такихъ людей отъ необходимости чувствовать себя виновными за свою слабость передъ пророкомъ Мухаммадомъ.

---

*) Городъ на сѣверѣ Сиріи.

**) Уѣздный начальникъ.

***) Гурійя, дословно—бѣлоснѣжная.

II.

Одновременно съ Маккской желѣзной дорогой—религіознымъ путемъ для суннитовъ, будетъ другой удобный путь въ области болѣе нетерпимой мусульманской секты—шіитовъ. Этотъ путь—Багдадская желѣзная дорога. Такое странное совпаденіе очень знаменательный фактъ для мусульманскаго міра.

Багдадская желѣзная дорога захватитъ или пройдетъ недалеко отъ *Самарры*—мѣста избіенія послѣдихъ имамовъ, *Кирбеля*, гдѣ находится гробница Хусайна — сына Али, *Наджифа*, гдѣ самая главная шіитская святыня — гробъ Али *). Такимъ образомъ Дамаскъ, Мадина и Макка, Самарра, Кирбель, Наджифъ и Багдадъ будутъ связаны съ цивилизованнымъ міромъ желѣзными дорогами. И по багдадской и по маккской линіямъ начнетъ развиваться экономическая жизнь, которая захватитъ собою спящее царство лѣни, невѣжества и религіозной нетерпимости, захватитъ, изомнетъ, перестроитъ по-своему.

Заіорданье можетъ быть цвѣтущею страною. Нужны только руки и средства. Какъ быстро можетъ оживиться эта страна, можно судить по селенію Мадаба **). По свидѣтельству путешественника, г. Ч., это довольно большой поселокъ, окруженный воздѣланными полями, тогда какъ какихъ-нибудь 20 лѣтъ тому назадъ здѣсь была пустыня. Вдоль дороги земля зацвѣтетъ, заселится, тѣмъ болѣе, что воды достать тамъ всегда можно; можно или вырыть колодцы, или возобновить древніе римскіе водопроводы, теперь разрушенные и засыпанные пескомъ ***). Несомнѣнно оживится и Аравія. Но только врядъ ли Турціи это будетъ полезно. Турецкая имперія подобна человѣку, потерявшему способность управлять своими движеніями: хочетъ положить кусокъ въ свой ротъ, но съ досаднымъ комизмомъ протягиваетъ его другому. Дикія племена Аравіи и въ настоящее время мало под-

*) Али—двоюродный братъ Мухаммада, 4-й изъ халифовъ. Два сына Али, Хасанъ и Хусайнъ были убиты Язидомъ,—сыномъ Моауйя, дамасскаго халифа. Гробница Хусайна въ Кирбелѣ. Хусайнъ оставилъ послѣ себя дѣтей, потомки которыхъ только и признавались мусульманами Куфы за истинныхъ имамовъ — предстоятелей религіи. Гаруну-р-Рашидъ рѣшился покончить съ безпокойными потомками пророка и избилъ ихъ всѣхъ въ Самаррѣ. Одинъ изъ имамовъ спрыгнулъ въ колодезь, гдѣ и былъ заложенъ камнями. Шіиты вѣрятъ, что этотъ имамъ живъ, и настанетъ время, когда онъ выйдетъ изъ колодца и пойдетъ войной на безбожниковъ.—Въ Самаррѣ, Кирбеллѣ и Наджифѣ великолѣпныя мечети. Ежегодно туда сходится множество поклонниковъ.

**) На югѣ Сиріи, къ востоку отъ Мертваго моря.

***) Въ Раббатъ Аммонѣ — древней Филадельфіи — гдѣ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія поселились черкесы, возобновленъ одинъ изъ такихъ водопроводовъ.

чиняются турецкому правительству. Только нѣкоторыя провинціи считаются номинально въ спискѣ владѣній султана. Южная Аравія находится подъ вліяніемъ Англіи, а Макка имѣетъ своего эмира и совсѣмъ не признаетъ надъ собою власти Турціи. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, въ Аравію нахлынутъ европейцы и пробудятъ къ дѣятельности спящія силы страны. Они раскопаютъ тамъ всѣ природныя богатства, оживятъ полуостровъ, и онъ или отойдетъ подъ протекторатъ европейскихъ государствъ, или будетъ ими подѣленъ на части. Даже, если онъ отдѣлится отъ Турціи и получиитъ автономію,—во всѣхъ случаяхъ имперія останется въ проигрышѣ. При совокупности грозныхъ политическихъ и экономическихъ условій существованія Турецкой имперіи ей ничего нельзя дѣлать у себя лучше. Чѣмъ лучше, тѣмъ хуже. „И никто къ ветхой одеждѣ не приставляетъ заплаты изъ небѣленной ткани; ибо вновь пришитое отдеретъ отъ стараго, и дыра будетъ еще хуже“ (Матѳ. гл. 9 ст. 16).

Тоже самое можно сказать и о Месопотамской долинѣ. Но въ этомъ случаѣ турки могутъ оправдаться передъ собой впослѣдствіи хотя тѣмъ, что не они построили Багдадскую дорогу. Нѣмцы же похозяйничаютъ тамъ, какъ слѣдуетъ.

Эти дороги будутъ имѣть также громадное значеніе и для Домаска, который все болѣе и болѣе начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе Европы. Съ проведеніемъ Маккской желѣзной дороги его значеніе сразу возрастетъ. Онъ соединится вѣтвью съ Багдадской линіей и окажется въ центрѣ перекрещивающихся желѣзныхъ дорогъ, связывающихъ Средиземное море съ Персидскимъ заливомъ и Малую Азію съ Аравіей. Онъ сдѣлается очень удобнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ и промышленнымъ центромъ Сиріи. Европейская промышленность задавитъ жалкіе остатки нѣкогда славнаго дамасскаго производства и расправится съ мѣстными богатствами по своему. Промышленный переворотъ захватитъ и преобладающее мусульманское населеніе Дамаска, заставитъ мусульманъ забыть свои ежечасныя омовенія и молитвы и принудитъ научиться чему нибудь, чтобы не погибнуть въ борьбѣ за существованіе. Тогда мусульманину придется отбросить въ сторону свой кальянъ, за которымъ онъ проводитъ добрую половину дня, протереть заспанные глаза и взглянуть на жизнь совсѣмъ иначе. Плодоносная дамасская равнина рано или поздно закипитъ торговой и промышленной жизнью. Жалко, что древнѣйшій на земномъ шарѣ городъ будетъ передѣланъ на общеевропейскій ладъ, что исчезнетъ своеобразная красота Востока, но, очевидно, это неизбѣжно.

Вообще въ жизни ислама чувствуется роковой переломъ. Турецкая имперія теряетъ свое политическое могущество; исламъ теряетъ свои нравственныя силы. Турецкую имперію создалъ и поддерживалъ исламъ. Склеенная изъ различныхъ народностей,

не понимающихъ другъ другъ и вѣчно враждующихъ между собою, она была сильна во внутренней жизни только дикими порывами преобладающаго въ ней мусульманскаго настроенія. Страхъ передъ дикимъ произволомъ не давалъ ей разсыпаться на ея составныя части. Турецкое правительство въ теченіе четырехъ вѣковъ не сумѣло ничѣмъ объединить составныя части имперіи. Экономическая жизнь не только не развилась за все это время, но, кажется, еще болѣе понизилась. Арабская культура и цивилизація были задавлены подъ чужеземнымъ игомъ. Только исламъ, щеголяя рубищами, грязью и бѣдностью, продолжалъ еще держаться. Этою силою турецкое правительство пользовалось всегда для того, чтобы ослабить тотъ или другой элементъ общественной жизни. Тамъ, гдѣ было нужно подавить усиливающихся христіанъ, правительство бросало искру раздора между ними и мусульманами. Послѣдніе рѣзали христіанъ, а регулярныя войска, подъ предлогомъ усмиренія раздора, приходили докончить начатое дѣло.

Маккская и Багдадская желѣзныя дороги поразятъ исламъ въ самое сердце. Мусульмане смутно чувствуютъ это. Мусульманскіе шейхи втихомолку говорятъ, что желѣзная дорога къ святому городу—„харамъ"—грѣхъ и толкуютъ о томъ, что если ужъ земному представителю Мухаммада, султану, угодно построить въ Макку желѣзную дорогу, то она должна быть сдѣлана только руками мусульманъ. Ни одинъ христіанинъ не долженъ осквернять ее своими нечистыми руками. Больше же всего мусульмане боятся, чтобы собаки-христіане не проникли въ завѣтный св. городъ, гдѣ до сихъ поръ не ступала еще нога невѣрнаго *). Это благочестивое мнѣніе было на первыхъ порахъ поддержано и правительствомъ. Въ Музерибъ, къ южной оконечности французской дороги Байрутъ-Дамаскъ-Хауранъ, были посланы турецкіе „инженеры" — контролеры при иностранныхъ желѣзныхъ дорогахъ—и нѣсколько ротъ солдатъ. Нѣсколько мѣсяцевъ прошло въ полномъ бездѣйствіи. „Инженеры" кейфствовали въ Дамаскѣ. Изъ Константинополя сдѣланъ былъ запросъ, отчего отъ „инженеровъ" нѣтъ никакимъ извѣстій. Тогда они дѣятельно принялись за работу и въ нѣсколько дней произвели изслѣдованіе на такое разстояніе, что удивили даже Порту. Но тутъ солдаты безъ провіанта и одежды начали роптать, офицеры возмутились тѣмъ, что на нихъ возлагаются обязанности, не соотвѣтствующія роду ихъ дѣятельности, и потребовали двойного жалованья. Ихъ посадили въ тюрьму. Послѣ этого въ дѣлахъ произошла новая задержка, вы-

*) Было нѣсколько случаевъ, когда отважные путешественники (изъ христіанъ Европы) проникали въ Макку; для этого они принимали обрѣзаніе и исполняли всѣ требованія мусульманской религіи. Но вообще и при такихъ условіяхъ попасть въ Макку—дѣло рискованное и почти невозможное. Только самыя тщательныя предосторожности могутъ спасти смѣльчака отъ смерти.

звавшая посылку уже европейскихъ инженеровъ. Пріѣхалъ сначала итальянецъ La Bella, который нашелъ, что изысканія турецкихъ „инженеровъ" совершенно никуда не годятся, ибо сдѣланы не только безъ всякаго пониманія дѣла, но даже безъ необходимыхъ инструментовъ (?), что дѣло нужно начинать сначала. Теперь турецкое правительство увидѣло, что безъ европейцевъ постройка не состоится. Да напрасно оно думало преступить старыя историческія традиціи: ни въ какихъ болѣе или менѣе важныхъ сооруженіяхъ мусульмане не обходились безъ помощи христіанъ. Даже Каабу имъ строили христіане—эфіопы и греческіе мастера.

III.

Вѣсть о постройкѣ Маккской желѣзной дороги уже давно облетѣла весь міръ. Но тотъ, кто знакомъ со способомъ веденія дѣлъ въ Турецкой имперіи, не удивится, если узнаетъ, что турки почти ничего еще не приготовили, не ассигновали даже никакихъ суммъ, и весь проектъ, какъ говорятъ французы, еще держится въ воздухѣ. Нѣкоторые недовѣрчивые люди, не смотря на султанское ира́де, не смотря на торжество закладки и проч., высказываютъ потихоньку мнѣніе, съ точки зрѣнія европейца странное, но въ Турціи, очевидно, вполнѣ естественное. Говорятъ шопотомъ, что Маккская желѣзная дорога — одна лишь идея, предлогъ собрать деньги, нужныя на другое. Подозрѣнія эти подогрѣваются тѣмъ, что дѣло, не смотря на присутствіе двухъ европейскихъ инженеровъ, подвигается очень плохо. Можетъ быть, искушенные опытомъ, граждане Турецкой имперіи въ данномъ случаѣ въ особенности подозрительны потому, что такое большое предпріятіе разсчитано только на частную благотворительность. Можетъ быть, также, представленіе о всякомъ большомъ предпріятіи не вяжется со словомъ „Турція" не только въ умѣ европейца, но и въ умѣ турецкаго подданнаго. Всѣ пожертвованія отсылаются въ Константинополь; никто не ведетъ по этому поводу никакой гласной отчетности,—вотъ почему поневолѣ каждому становится сомнительнымъ, дойдетъ ли по назначенію его посильная жертва. Но все же общество откликнулось на это дѣло очень живо. Говорятъ, султанъ первый подалъ всѣмъ правовѣрнымъ благой примѣръ и пожертвовалъ на Маккскую дорогу 45 тысячъ турецкихъ золотыхъ (болѣе милліона франковъ) — свое мѣсячное жалованье. Многіе вслѣдъ за султаномъ приносятъ свои посильныя жертвы. Турецкихъ же чиновниковъ обязали уплатить каждаго его мѣсячное жалованье. Для предотвращенія кражи пожертвованій, въ Константинополѣ были отпечатаны бланки, цѣною по 20 піастровъ каждая (1 р. 60 к.). Всякій правовѣрный могъ ихъ покупать, зная, что жертвуетъ на маккскую дорогу.

Въ теченіе только двухъ недѣль конца октября и начала ноября 1900 года, по слухамъ, было собрано до полмилліона турецкихъ лиръ (около $4^1/_2$ милл. рублей). Подъемъ настроенія небывалый. Жертвуютъ даже иноземные правители, напримѣръ, черногорскій князь и шахъ персидскій (по сообщенію арабск. газетъ). Послѣдній, говорятъ, далъ на это предпріятіе 50 тысячъ турецкихъ лиръ. Впрочемъ, недовѣрчивыя въ такихъ случаяхъ арабскія газеты послѣ этого сообщенія просятъ Бога оправдать такой слухъ. Въ нынѣшнемъ 1901 г. деньги, вырученныя отъ продажи кожъ жертвенныхъ животныхъ, приносимыхъ въ праздникъ Курбанъ Байрама во всѣхъ городахъ имперіи, поступили также на постройку дороги. Одинъ богатый дамаскинецъ обѣщался давать по 15 французскихъ лиръ (105 руб.) *послѣ* постройки каждаго километра дороги. Характерный фактъ! Онъ указываетъ, какъ мало общество довѣряетъ турецкимъ чиновникамъ. Въ карманы министровъ и всякихъ пашей перепадаетъ теперь не одинъ десятокъ тысячъ франковъ отъ претендентовъ на завѣдываніе денежными дѣлами сооруженія. Многія предпріятія въ Турціи оканчиваются плачевнымъ образомъ. Деньги, отпущенныя казной или собранныя отъ частныхъ благотворителей, таютъ, какъ воскъ. Въ соотвѣтствіе этому руководители толстѣютъ, но дѣло не двигается ни на іоту. Въ Турціи всѣ мѣста оцѣниваются не по получаемому жалованью, а по той возможности, которая представляется при этомъ для взятокъ. Абдуррахманъ паша, сопровождающій караваны въ Макку, беретъ большую сумму денегъ отъ правительства и отъ жертвователей на св. мѣста. По возвращеніи онъ привозитъ съ собой мѣшки золота, изъ котораго три четверти отдаетъ кому слѣдуетъ, чтобы удержать за собой это прибыльное мѣсто.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ изъ Байрута въ Дамаскъ возятся рельсы—по 5—10 штукъ въ день. Рельсы эти кладутся безплатно на всякій фургонъ съ грузомъ. Стоитъ только чиновникамъ увидѣть въ Дамаскѣ караванъ верблюдовъ, какъ его ведутъ къ „сарайю“ *), гдѣ съ верблюдовъ сваливается грузъ, а хозяинъ обязывается безплатно отвезти на постройку какую либо поклажу. Всѣ погонщики верблюдовъ попрятались и съ хозяевами грузовъ разговариваютъ, боязливо осматриваясь по сторонамъ.

Въ общемъ постройка этой дороги должна стоить не особенно дорого, если даже услужливые распорядители на много увеличатъ ея цѣну. Французамъ при постройкѣ желѣзной дороги Байрутъ-Дамаскъ-Хауранъ каждый километръ обошелся въ 161,686 франковъ **) Но при этомъ нужно принять во вниманіе, что пере-

---

*) Присутственное мѣсто.

**) Около 60,000 руб.

бросить полотно черезъ Ливанъ, поднять его на высоту 1487 метровъ стоило громадныхъ денегъ. Маккская же дорога пойдетъ на всемъ своемъ протяженіи по довольно ровному каменистому плоскогорію, взволнованному только незначительными горами Хаурана. Самая высшая точка Хауранской (французской) желѣзной дороги—738 метровъ надъ уровнемъ моря. Но такъ какъ самое плоскогоріе немногимъ ниже этой высоты, то, слѣдовательно, подъемы и уклоны Маккской дороги будутъ очень незначительны, что̀ должно на много сократить расходы по постройкѣ. Дамаскъ лежитъ приблизительно на $33^1/_2{}^0$, а Макка на $21^1/_2{}^0$ сѣв. широты. Значитъ, дорога между Маккой и Дамаскомъ должна имѣть около 1300 верстъ, или, приблизительно, 1400 километровъ. По предварительному турецкому разсчету каждый километръ дороги долженъ стоить до 70 тыс. франковъ—около 25 тыс. рублей на наши деньги. Значитъ, по этому подсчету вся дорога будетъ стоить 98 милл. франковъ—около 35 милліоновъ рублей.

Въ концѣ прошлаго года постройка дороги начата отъ Дамаска до Музериба, параллельно уже существующей французской. Французское посольство опротестовало такое намѣреніе турецкаго правительства, идущаго въ ущербъ французскимъ интересамъ. Турки хладнокровно отвѣчали, что они строятъ дорогу для паломниковъ. Впрочемъ, турки согласились было купить у французовъ желѣзную дорогу, но только всю—Байрутъ-Дамаскъ-Хауранъ. Французская компанія, запродавшая уже раньше часть дороги (Байрутъ-Дамаскъ) другой компаніи, предлагаетъ туркамъ только вторую половину дороги—Дамаскъ-Хауранъ, отъ чего турки отказываются и продолжаютъ дѣлать видъ, что строятъ параллельную дорогу. Но все, что до настоящаго времени успѣли они сдѣлать, это—соединить телеграфной проволокой Дамаскъ и Макку, да произвести кое-какіе расчистки отъ Дамаска до Музериба.

Что изъ этого выйдетъ и чѣмъ кончатся эти торгашескія перепетіи—не важно. Важно то, что Маккская дорога, очевидно, будетъ существовать, не смотря на разстройство турецкихъ финансовъ. Частная благотворительность откликнулась живо на этотъ проектъ, и за деньгами, очевидно, дѣло не станетъ. И дай Богъ! Эта дорога въ будущемъ принесетъ съ собою возрожденіе для Сиріи и Аравіи и смерть худшимъ чертамъ мусульманской культуры, тѣмъ чертамъ, которыя въ теченіе почти полуторы тысячи лѣтъ служили главнымъ тормазомъ на пути къ развитію всѣхъ сторонъ жизни не только мусульманства, но и всѣхъ соприкасающихся съ нимъ народовъ.

С. Кондурушкинъ.

БЕЗЪ ПРАВЪ НА ЖИТЕЛЬСТВО.

(Очеркъ).

Янкель Канторовичъ уже второй мѣсяцъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ, не имѣя на это права, безъ разрѣшенія властей, безъ прописки паспорта въ участкѣ. До сихъ поръ онъ почти не чувствовалъ тяжести своего положенія—обстоятельства сложились благопріятно для Канторовича. И только сегодня ему негдѣ было переночевать. Въ Петербургѣ у него оказался племянникъ, помощникъ присяжнаго повѣреннаго, тоже Канторовичъ. Хотя и не вполнѣ охотно, но все же онъ предложилъ пріѣзжему родственнику свое гостепріимство. Обыкновенно Янкель цѣлый день отсутствовалъ, бѣгалъ по дѣламъ изъ одного конца города въ другой, а передъ вечеромъ приходилъ къ племяннику какъ бы въ гости, но съ чернаго хода, и затѣмъ оставался ночевать. Сегодня у племянника ожидалось прибавленіе семейства. Въ домѣ поднялась суета, появилось нѣсколько постороннихъ лицъ. Янкель сообразилъ, что онъ лишній, и въ началѣ вечера ушелъ куда глаза глядятъ.

Ему, какъ комиссіонеру по продажѣ домовъ, пустопорожнихъ мѣстъ и имѣній, понадобилось пріѣхать въ Петербургъ. Наклевывалось солидное дѣло, въ руки плылъ крупный денежный кушъ: N-скій помѣщикъ, Зотовъ, желалъ продать свое имѣніе бывшему N-скому губернатору, Ворошинину, который изъ губернаторовъ попалъ въ столицу на важный служебный постъ. Ворошининъ не прочь былъ купить Зотовку: она нравилась ему издавна. Когда онъ служилъ еще въ N-скѣ, то часто заговаривалъ съ Янкелемъ объ имѣніи Зотова. Говорилъ:

— Вотъ уголокъ, такъ уголокъ! Я-бы его пріобрѣлъ съ удовольствіемъ.

Но тогда Зотовъ дорожился, а у Ворошинина не было денегъ. Теперь о Ворошининѣ толкуютъ, будто онъ составилъ кругленькое состояніе, тайно играя на биржѣ.

— Что-жъ?—разсуждалъ по этому поводу Янкель:—отчего ему и не играть? Большому человѣку все можно, не то, что маленькому...

Переговоры о продажѣ Зотовки велись черезъ Канторовича. Это заставляло его жить столько времени вдали отъ семьи, мириться съ неудобствами. Главное неудобство заключалось въ томъ, что онъ не имѣлъ „права жительства". Дома, въ N-скѣ, Янкель не привыкъ къ такому безправію. Онъ всю жизнь провелъ въ чертѣ еврейской осѣдлости. Въ качествѣ комиссіонера онъ вхожъ былъ къ именитымъ персонамъ города, начиная отъ губернаторовъ. Знатные горожане не могли обойтись безъ его услугъ; многіе изъ нихъ давали о немъ слѣдующій лестный отзывъ:

— Канторовичъ не подведетъ и не надуетъ...

Околодочные протягивали ему руку, какъ доброму знакомому, и никто никогда не спрашивалъ у Янкеля:

— А ты имѣешь право на жительство?

Напротивъ, господа изъ болѣе молодыхъ разговаривали съ нимъ чрезвычайно вѣжливо, называя его просто по фамиліи: Канторовичъ. Только прежніе паны неделикатно кричали, обращаясь къ нему:

— Эй ты, Янкель, жидовская рожа!

Но развѣ можно было Янкелю обижаться на стариковъ? Они такъ воспитаны: теперь ужъ поздно ихъ переучивать.

Мало по малу Канторовичъ привыкъ думать, что право на жительство у него есть и что оно неотъемлемо. При Зотовѣ онъ состоялъ довѣреннымъ лицомъ много лѣтъ. Нынѣшней осенью, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Зотовъ вернулся изъ за границы, призвалъ Янкеля и сказалъ:

— Видите-ли, Канторовичъ... м-ммъ... Я продаю Зотовку. Это окончательно: другого выхода нѣтъ. Помните Ворошинина? Хорошо-бы продать ему. Во первыхъ, ему нравится усадьба; во вторыхъ, у него сейчасъ денегъ куча. Поѣзжайте, Канторовичъ, въ Петербургъ, предложите, какъ будто отъ себя, нѣсколько имѣній, въ томъ числѣ и мое... А черезъ недѣльку и я прикачу туда-же... Поняли?

Янкель спокойно кивнулъ головой и, не выдавая своей радости, услужливо отвѣтилъ:

— Хорошо, я поѣду.

Въ ту минуту у него вылетѣло изъ памяти соображеніе о правахъ на жительство. Тѣмъ болѣе не пришло на мысль Зотову вспомнить объ этомъ. Онъ, можетъ быть, не зналъ и о существованіи подобныхъ правъ, а если и зналъ, то очень смутно. Да и, наконецъ, это дѣло не его, а Янкеля.

Раньше другихъ заговорила о правахъ жена Канторовича, Сара Марковна. Ея отца и сестру не такъ давно „выселили"

изъ Москвы, и она помнила, что права на жительство далеко не повсемѣстны. Сара Марковна не одобряла поѣздки Янкеля.

— Богъ съ нимъ, съ Петербургомъ!—протяжно восклицала она:—всѣхъ денегъ на свѣтѣ не загребешь, а тутъ можно попасть въ поганую исторію. Выйдетъ ли что изъ дѣла или нѣтъ, никому неизвѣстно. У Зотова восемь пятницъ на недѣлѣ: сегодня продаетъ, завтра раздумалъ... Не въ первый разъ, знаемъ его капризы... А комиссіонера начнутъ гонять по Петербургу, какъ послѣдняго жулика или босяка... Легко ли это терпѣть? У насъ дѣти образованныя: имъ еще хуже перенесть такой скандалъ съ отцомъ... надо о нихъ подумать.

Образованныя дѣти служили предметомъ гордости и для Янкеля. Онѣ составляли святыя святыхъ его жизни. Старшій сынъ Канторовича слушалъ лекціи въ кіевскомъ университетѣ, дочь перешла въ пятый классъ гимназіи, а трое младшихъ—подготовлялись въ разныя учебныя заведенія. Янкель готовъ былъ на всяческія жертвы, лишь бы,—по его выраженію,—„довести дѣтей до ума“. Полусознательно, но онъ смотрѣлъ на себя, какъ на общественный элементъ, безшумно сходящій со сцены, какъ на существо, обязанное расчистить болѣе широкій путь для кого-то другого, идущаго ему на смѣну. Этотъ „кто-то“ воплощался въ образѣ его дѣтей. Продажа Зотовки надолго обезпечивала благосостояніе семьи Канторовича: онъ рѣшилъ ѣхать во чтобы то ни стало.

— Сара, ша!—возражалъ онъ женѣ:—я поѣду. Какъ нибудь обойдусь... Ну, потерплю немного: большая важность—потерпѣть! Что я за баронъ такой? Другіе терпятъ, а я не могу? Потерплю и я. За то потомъ хорошо будетъ.

Янкель рѣшительно не постигалъ—за какія это провинности предстоитъ ему терпѣть невзгоды въ Петербургѣ. Но „потерпѣть“ соглашался заранѣе. Ничего предосудительнаго не совершилъ онъ съ дѣтскихъ лѣтъ и до настоящаго времени. Его жизнь прошла на глазахъ N-скихъ жителей; однако, никто не могъ сказать о немъ что нибудь дурное. Нѣкоторые старожилы знали Янкеля шустрымъ мальчикомъ во дни его дѣтства. Онъ бѣгалъ тогда босикомъ по улицамъ.

Въ знойные лѣтніе мѣсяцы глубокій уличный песокъ такъ жегъ ноги, что щекотало подошвы. Отецъ Янкеля былъ портной. Жили они всею семьей у пана Кромаренки на углу Солдатской улицы, въ подвальномъ этажѣ. Входъ въ ихъ квартиру былъ со двора, а надъ калиткой висѣла небольшая вывѣска съ изображеніемъ широко-раскрытыхъ ножницъ и надписью: „Мужески и дамски партной Ицко Канторовичъ. Военый и партикулярной“.

Немного поодаль отъ воротъ, у самаго забора росла высокая шелковица, единственное развлеченіе босоногаго Янкеля. Цѣлое лѣто проводилъ онъ на шелковицѣ; отъ ея красновато-черныхъ ягодъ ходилъ съ перепачканнымъ лицомъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду. Не разъ, бывало, тателе ругалъ Янкеля за шелковицу. Порой грозился отстегать его сантиметромъ, но Янкель понималъ, что это одна пустая угроза: тателе никогда пальцемъ никого не тронетъ, а такъ себѣ кричитъ, лишь бы напугать. Въ такихъ случаяхъ Янкель поспѣшно убѣгалъ на улицу. Спустя полчаса, онъ снова сидѣлъ на шелковицѣ, перебрасывая черезъ заборъ ягоды своимъ пріятелямъ, уличнымъ мальчишкамъ.

А солнце припекало всѣхъ, какъ горячимъ огнемъ...

Она и до сихъ поръ цѣла, эта шелковица. Наслѣдники пана Кромаренки — при посредничествѣ Янкеля — продали домъ интенданту Реформатскому. Все тамъ перестроено, все перемѣнилось, а шелковица растетъ и теперь. Старая уже, наполовину сухая, но другая половина еще держится... Какъ и въ старину, мальчишки бѣгаютъ подлѣ нея подъ заборомъ, точно также сбиваютъ ягоды камнями или палками. И каждую весну безпокойно тревожится Янкель, проходя мимо бывшей кромаренковской усадьбы. Листья на шелковицѣ распускаются поздно, и Янкель, глядя на голое дерево, въ тревогѣ замедляетъ шаги:

— Можетъ, уже засохла?

Наконецъ, шелковица зеленѣетъ. Словно обрадовавшись чему-то, взглянетъ на нее Янкель, привѣтливо кивнетъ головою и бодро идетъ дальше:

— Жива еще!

И чудится ему, будто онъ только что вернулся изъ школы отъ меламеда, взобрался на верхушку шелковицы и отдыхаетъ. Съ высоты видна вся улица вплоть до базара. И базаръ видно тоже. Безоблачное небо синѣетъ въ вышинѣ, запыленныя акаціи поджидаютъ дождя. Но дождь соберется нескоро. Вонъ, за угломъ гимназисты, внуки пана Кромаренки, пускаютъ большущаго бумажнаго змѣя. Янкелю неудержимо хочется разжиться на такого же красиваго змѣя: изъ блѣдно-розовой бумаги, съ хвостомъ... нитокъ много-много, хоть до облаковъ пускай, хватитъ! Но это дорого стоитъ: не разживешься никогда...

— Взжж... ж!—визжитъ недосягаемый змѣй надъ головою Янкеля. Вдругъ зацѣпился за трубу и повисъ... Нитка оборвалась, паничи чуть не плачутъ.. Въ обычное время они избѣгаютъ водить компанію съ Янкелемъ, но тутъ онъ кубаремъ скатывается съ шелковицы и бѣжитъ съ предложеніемъ своихъ услугъ. Онъ на какую угодно крышу по дож-

девой трубѣ взберется. На колокольню и то вѣрно влѣзъ бы, если-бъ захотѣлъ... Услуги приняты. Янкель ликуетъ: хоть въ рукахъ подержитъ розоваго змѣя. Любопытно, какой онъ вблизи? Черезъ нѣсколько минутъ Янкель на крышѣ и—желанный змѣй у него въ объятьяхъ. Огромный! Еще больше, чѣмъ кажется издали...

— Слу-у-ушай, Я-я-янкель! — кричатъ паничи откуда-то снизу:—ты смотри, не разорви! Не запа-а-ачкай: у тебя ру-у-уки въ шелковицѣ...

— Нѣтъ, я ничего! Я сейчасъ... Лови-и-ите: спуска-а-аю!— отвѣчаетъ Янкель и разстается со змѣемъ.

Опять онъ на землѣ.

— Молодецъ, Янкель! Лазитъ, какъ обезьяна...

Старшій паничъ даетъ ему пять копѣекъ. Янкель схватилъ пятакъ, сунулъ въ карманъ, потомъ задумался о чемъ-то и говоритъ:

— Паничу! я вамъ отдамъ назадъ пять копѣекъ, а вы лучше позвольте мнѣ пробѣжать со змѣемъ. Только до угла? Я не испорчу!

— Еще что выдумалъ? Нитки хочешь перепачкать? Получилъ пятакъ и убирайся.

Немножко разочарованный, Янкель возвращается на шелковицу. Моментъ—и горе забыто. Онъ вспоминаетъ: у него въ карманѣ пять копѣекъ.

— Заработалъ! пойду къ „Столику“: сегодня куплю на копѣйку пару леденцовъ, завтра—на копѣйку пару орѣховъ въ сахарѣ, а на субботу двѣ тягучки и помадку. Тогда и брату дамъ половину помадки...

„Столикъ“—это еврей съ одною ногой и съ деревяшкой вмѣсто другой ноги. Онъ торгуетъ „сладостями“ посреди базара. Приноситъ на головѣ ящикъ съ товаромъ, ставитъ его на раздвижную подставку и начинаетъ торговлю. Если большая пыль или мухъ много, стекло на ящикѣ закрыто; въ тихую погоду поднято. У Янкеля слюнки текутъ, когда онъ проходитъ мимо „Столика“. Ну, сегодня и на его улицѣ праздникъ! теперь кутнетъ и онъ: заработалъ!

Черезъ четверть часа Янкель все на той же шелковицѣ съ аппетитомъ сосетъ леденцы. Подъ заборомъ толпятся его пріятели. Идетъ оживленная бесѣда Изрѣдка онъ не безъ боязни посматриваетъ внизъ. Вотъ-вотъ выйдетъ отецъ съ неизмѣннымъ сантиметромъ въ рукахъ, со сгорбленною отъ работы спиною, въ жилеткѣ безъ пиджака. Выйдетъ, увидитъ Янкеля и спроситъ по еврейски:—„Опять ты на шелковицѣ?“

Тогда надо удирать за калитку.

Или старый панъ Кромаренко (онъ весь день сидитъ у

окна сосѣдняго дома) ни съ того, ни съ сего закричитъ Янкелю черезъ крыши низенькихъ сарайчиковъ:

— Долго ты, проклятое жиденя, жерготать будешь? Когда ты угомонишься? Гыръ-гыръ-гыръ... Только его одного и слышно! Какъ птица на деревѣ!

Янкель испугается, опрометью бросится на улицу. Но на шелковицу, все равно, вернется.

Давно это было, давно прошло... Вспоминается, какъ сонъ, а было когда-то... И шелковица еще жива: не засохла. Теперь не то. Сыну своему, Абрумчику, коммиссіонеръ Янкель первымъ дѣломъ соорудилъ великолѣпнаго змѣя. И сласти дѣтямъ постоянно покупаетъ, и одѣваетъ ихъ прилично: босикомъ никогда не ходятъ. Его дѣти не стали бы кушать замусоленныхъ конфектъ отъ „Столика". Онѣ,—чуть халва или пряники не очень свѣжіе, такъ и совсѣмъ не ѣдятъ: избалованы, образованныя!.. Ну, и слава Богу! Лишь бы довести ихъ до ума, а тамъ и помирать можно: сдѣлалъ свое дѣло.

Съ тѣхъ поръ, какъ дѣти принялись за ученье, въ домъ Янкеля начала врываться струя чего-то свѣжаго, доселѣ малоизвѣстнаго. Янкель не противился новымъ вѣяніямъ. Сперва это выражалось въ мелочахъ: то мебель дочка Цыпа переставитъ въ квартирѣ точь въ точь, какъ у господъ въ богатыхъ домахъ, то абажуры новомодные появятся на лампахъ, то въ театръ просится Цыпочка или Абрумчикъ. Книжки читаютъ, выписала газету: ни дать, ни взять—барскія дѣти. Янкель умышленно дѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ разныхъ новшествъ.

Не все ли равно для него, какъ стоитъ мебель? Онъ не тѣмъ занятъ! А въ душѣ былъ доволенъ: къ дѣтямъ приходятъ товарищи, паничи и барышни. Пусть видятъ, какъ живемъ: не хуже людей... Своихъ личныхъ взглядовъ Янкель никому не навязывалъ, но и не поступался ими. Подъ субботу онъ аккуратно и набожно зажигалъ шабашковыя свѣчи въ высокихъ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. Иногда водилъ Абрумчика въ еврейскую школу (синагогу), убѣжденно внушая ему:

— Ты учись чужому, а не забывай и своего.

Какъ-то разъ попалась Янкелю подъ руку тетрадка Цыпочки. Смотритъ онъ, на оберткѣ выписано со всякими завитушками: „Тетрадь для диктанта ученицы IV-го класса Цециліи Канторовичъ".

Янкель изумился.

— Что за Цецилія?—спросилъ онъ у дочери.

Та сконфузилась. Оказывается, подруги смѣются надъ ея именемъ. Все дразнятъ:

— Цыпа, цыпа! цыпъ-цыпъ-цыпъ!

Ну, она взяла и придумала Цецилію.

— Что жъ?—уступчиво согласился Янкель:—Цецилія—такъ Цецилія! Хотя, чѣмъ Цецилія лучше Цыпы? Цыпа тоже хорошее имя.

Однако, съ этого дня „Цыпочка" исчезла. Осталась Цецилія Канторовичъ. На первыхъ порахъ отецъ и мать ошибались, окликая ее, потомъ привыкли.

Въ семьѣ постепенно и незамѣтно еврейскій языкъ вытѣснялся русскимъ. Съ женою Канторовичъ еще разговаривалъ подчасъ по-еврейски. Съ дѣтьми—почти никогда. Но дѣти умѣли говорить и на родномъ языкѣ.

Когда Абрумчикъ уѣзжалъ въ университетъ, Янкель не выдержалъ и заплакалъ:

— Ой! чего бы я не отдалъ, чтобы ты былъ счастливый!—сказалъ онъ, обнимая сына:—ты не безпокойся, я тебѣ буду высылать на жизнь. Занимайся спокойно и чтобы ни въ чемъ не нуждался. Если не хватитъ, скажи. Прибавлю. Такъ и напишу: студенту университета св. Владиміра, Абраму Яковлевичу Канторовичу. Все я для тебя сдѣлаю, а ты помни одно: не стыдись того, что еврей. Ни передъ кѣмъ не стыдись! И не отрекайся. Иначе Богъ накажетъ...

— Что вы, папаша!—возмутился Абрамъ Яковлевичъ:—развѣ я могу?

Янкель заморгалъ вѣками глазъ.

— Нѣтъ, это я такъ... къ слову... Иногда надо высказать къ слову, вотъ и говорю... И если будешь докторомъ—большимъ, ученымъ, богатымъ—все равно, говори всякому: да, еврей! А отецъ мой—совсѣмъ простой еврей: читать умѣетъ, писать не очень... Но онъ честно жилъ, никакой подлости не сдѣлалъ... За что я буду его стыдиться? Да, Абрумчикъ: честно. Я всегда боялся, чтобы о тебѣ кто нибудь не сказалъ: это сынъ того мошенника. Вѣрно, и самъ такой же. И никто не смѣетъ сказать. А если скажетъ,—неправда! И дѣдушка твой былъ честный: ради куска хлѣба умеръ за работой. И мать тоже... золотая женщина! Такъ ты помни: ни передъ кѣмъ... Никогда!

При этихъ словахъ заплакалъ и Абрамъ Яковлевичъ.

— Ой, зачѣмъ тебѣ плакать!—спохватился Янкель:—Ну, будетъ, будетъ! это я такъ, къ слову... Еврей, такъ еврей, что-жъ дѣлать? А ты помни.

И Абрамъ Яковлевичъ не забываетъ.

Насчетъ старшаго сына Канторовичъ спокоенъ: почти доведенъ до цѣли. Кончитъ Абрамъ университетъ, женится, возьметъ приданое, самъ зарабатывать станетъ. У доктора вѣрный кусокъ хлѣба до конца дней; лишь бы работалъ справедливо, не гнушался бѣдными, тогда и ему, и людямъ хорошо будетъ. Къ чему брезгать бѣднымъ человѣкомъ?

Бѣдныхъ много, больше, чѣмъ богатыхъ: отъ каждаго понемножку, смотришь—и у тебя много... Думай о себѣ, не забывай и другого. Гдѣ не могутъ платить, помоги даромъ: Богъ всегда отдастъ.

Одно лишь опасеніе безпокоило Янкеля: только бы невѣста Абраму попалась добрая! Вотъ, если-бы такая, какъ Сара Марковна, но образованная... Теперь пошла мода, что сами выбираютъ невѣстъ, женятся, не по сватовству, а по симпатіи. Если же и по сватовству, то раньше знакомятся, разговариваютъ, разсматриваютъ одинъ другого. Прежде было иначе. Янкель съ Сарой Марковной поженились,—и въ глаза не видѣли другъ друга до свадьбы. Говорили люди: пятьсотъ рублей приданаго, молодая... Больше ничего не зналъ о невѣстѣ. Пришли вѣнчаться, у нея лицо платкомъ закрыто: въ тѣ времена это правило еще соблюдалось. Янкель смотритъ, нельзя разглядѣть. Охъ, кажется, сто рублей отдалъ бы, чтобъ поскорѣй увидѣть! Вернулись свадьбу играть. На дворѣ, какъ полагается, палатка устроена, музыканты приглашены. Прекрасный оркестръ... Дождикъ побрызгалъ и опять свѣтитъ солнце. Вокругъ палатки толпа народа. Тутъ и евреи, и русскіе—всѣ сбѣжались на музыку. Наконецъ, увидѣлъ Янкель Сару Марковну. И обрадовался же!

Точно еще пятьсотъ рублей кто-то прибавилъ: красавица! Глазки черненькіе, очень красивые. Нѣчто необыкновенное въ ея красотѣ. Глупости все это, а тогда радовался... И жена изъ Сары Марковны вышла хорошая, преданная жена. Янкель не разъ убѣждался въ томъ, убѣдился не на словахъ, а на дѣлѣ. Особенно однажды. Давненько это происходило. Абрамъ—мѣсяца три, какъ на свѣтъ народился, Цециліи не было и въ поминѣ. Янкель и въ ту пору уже комиссіонерствомъ занимался, но не самостоятельно, а состоялъ сподручнымъ при Нухимѣ Туровскомъ. Знаменитый былъ факторъ, на всю губернію славился. Замѣчательный! Старъ становился Нухимъ, искалъ себѣ помощниковъ. Между прочимъ, отличилъ онъ Янкеля и рекомендовалъ Канторовича князю Постромцеву. Князя считали капризнымъ - прекапризнымъ, а Янкелемъ знатный кліентъ остался доволенъ: сумѣлъ угодить старику. Было у князя четыре сына. Одинъ изъ нихъ, Вадимъ Николаевичъ, въ пограничной стражѣ подъ Варшавой служилъ. Часто навѣдавался къ отцу, пріѣзжалъ въ отпускъ. Видный такой, съ погонами... Вернулся разъ Янкель домой, видитъ, у воротъ—тройка буланыхъ. Отъ Постромцевыхъ изъ деревни пріѣхалъ кто-то. Подошелъ къ дверямъ: князекъ Вадимъ съ Сарой Марковной разговариваетъ, посмѣивается.

— Какая вы,—говоритъ,—сердитая! Даже и пошутить

нельзя. А хорошенькая! Хотите, бѣжимъ со мною? Я васъ барыней сдѣлаю, варшавяночкой! Пріодѣнетесь, еще лучше станете. Что вамъ здѣсь, за печкой, въ балабостахъ киснуть?

Похолодѣлъ Янкель. Слышитъ, Сара сердится:

— Ну, ужъ это вы оставьте, пожалуйста!

— Почему оставьте? что за глупости? Вонъ у отца, на хуторѣ, арендаторъ есть. Такъ у него дочка Розочка: дѣвица, можно сказать, а и то не столь строга, какъ вы. Веселенькая дѣвица! Честное слово...

— Она мнѣ не примѣръ!—возражаетъ Сара Марковна:—да у насъ скорѣе дѣвица можетъ позволить что нибудь такое... А вышла замужъ, нельзя: непорядокъ!

Князь какъ расхохочется:

— Поди-жъ ты: непорядокъ? Вышла замужъ и вдругъ: непорядокъ? А у насъ наоборотъ. Дамѣ — все можно, барышнѣ—нельзя.

— У каждаго свой обычай!—степенно такъ говоритъ Сара Марковна. Сама идетъ въ другую комнату, какъ бы по дѣлу.

Тогда лишь Янкель отворилъ дверь и появился на порогѣ. Онъ даже вида не подалъ, что слышалъ разговоръ. Князекъ и съ нимъ шутить началъ:

— Знаешь, Янкель, а вѣдь жена у тебя премиленькая! честное слово! заглядѣнье, а не жена. Уступи мнѣ, повезу въ Варшаву. Хочешь отступного? Ей-Богу, дамъ.

Янкель хладнокровно отозвался:

— Мы, ваше сіятельство, этимъ товаромъ не торгуемъ. Мы люди темные: у насъ жены для дома, а не на продажу.

Такъ князь Вадимъ и отъѣхалъ ни съ чѣмъ.

Сарѣ Марковнѣ Янкель не сказалъ объ этомъ ни слова. Только спустя дня три, принесъ ей въ подарокъ бархатную кофту съ бахрамой.

Такую же жену онъ мечталъ найти и для Абрама. Лучшей, по его мнѣнію, желать не надо. Съ совѣтами Сары Марковны Янкель всегда осторожно считался. Но когда вопросъ коснулся его поѣздки въ Петербургъ по дѣлу Зотова, онъ настоялъ на своемъ вопреки увѣщаніямъ жены.

— Все равно, я поѣду!—упрямо твердилъ онъ.

И поѣхалъ.

Въ дорогѣ Янкель успокаивалъ себя надеждой на помощь племянника. Вѣдь онъ же помогалъ племяннику, когда тотъ учился въ университетѣ, затѣмъ пріискивалъ молодому адвокату состоятельную невѣсту. Пріискивалъ и нашелъ. Словомъ, дѣлалъ, что могъ. Пусть и онъ сдѣлаетъ, что можетъ. Развѣ трудно пріютить одного человѣка, хотя бы и неимѣющаго права жительства? Мѣсто онъ перележитъ или объѣстъ? Кажется, не воръ, не обманщикъ...

Племянникъ встрѣтилъ Канторовича радушно. Однако Янкель остался встрѣчей недоволенъ. Съ одной стороны, оперившійся адвокатъ какъ будто старался поставить на видъ провинціальному родственнику богатство и великолѣпіе своей новенькой обстановки. Съ другой стороны — племянникъ рѣзко перемѣнилъ тонъ, узнавши, что Янкель намѣревается прожить въ Петербургѣ неопредѣленное время на нелегальномъ положеніи. Къ тому же, судя по всѣмъ признакамъ, молодой Канторовичъ не пользовался правомъ рѣшающаго голоса въ собственномъ домѣ и побаивался жены. Онъ пустился разсуждать, какъ трудно обойтись въ столицѣ безъ паспорта, какъ строго относятся здѣсь къ укрывательству евреевъ. Повсюду торчатъ швейцары, дворники, сосѣдская прислуга. Отъ нихъ не укроешься и не убережешься даже при полномъ желаніи сохранить что либо въ секретѣ.

Янкель слушалъ его, понуро глядѣлъ куда-то въ сторону и думалъ:

— Мелкій человѣкъ! умѣетъ брать, не умѣетъ дать того, что надо... Не хочетъ войти въ положеніе другого... Грошъ цѣна такому человѣку.

Но, въ концѣ концовъ, онъ устроился у племянника съ ночлегомъ.

Ворошининъ даже улыбнулся отъ удовольствія, когда Янкель доложилъ о продажѣ Зотовки, а черезъ нѣсколько дней позвалъ Янкеля къ себѣ и послалъ его съ порученіями по разнымъ дѣламъ. Переговоры съ Зотовымъ быстро подвигались впередъ. Больше мѣсяца все шло благополучно и лишь на сегодняшнюю ночь Янкель не имѣлъ пристанища. Сначала онъ не придавалъ этому значенія. Онъ зналъ не мало „дѣловыхъ“ кондитерскихъ и ресторановъ, которые открывались раннимъ утромъ и закрывались поздней ночью. Такъ и быть: въ ресторанѣ придется посидѣть съ вечера, въ кондиторской—провести утро, а промежуточное время... погулять по городу, что ли... коммерческому человѣку надо ничего не бояться. Да и что тутъ за страхъ? Иные господа нарочно изъ теплой комнаты выходятъ гулять по ночамъ ради удовольствія. Погуляетъ и онъ, Янкель Канторовичъ.

Онъ долго сидѣлъ въ третьестепенномъ ресторанѣ, требуя то закуску, то чай. Перечитывая газету, выучилъ чуть ли не наизусть содержаніе всего нумера. На первой страницѣ одинъ господинъ доказывалъ другому, что тотъ глупъ и ничего не понимаетъ. Самъ, должно быть, умный. Собственно говоря, Янкеля это мало интересовало, но онъ хотѣлъ убить время и читалъ добросовѣстно, безъ пропусковъ. Гораздо

интереснѣе была на его взглядъ статейка о биржевыхъ маклерахъ. Ее написалъ кто-то знающій дѣло и написалъ по совѣсти.

Медленно тянулся часъ за часомъ. За ресторанными столиками пустѣли ряды посѣтителей. Янкель не покидалъ своего мѣста. Его благодушное вечернее настроеніе смѣнялось тревогой, безотчетнымъ чувствомъ горькой обиды. Дѣйствительно, было обидно: ничего онъ не укралъ, никого не обманулъ, не ограбилъ; пріѣхалъ издалека по дѣлу и вдругъ за свои трудовыя деньги не можетъ найти угла, гдѣ-бы преклонить голову. Долженъ слоняться по городу въ темную ночь, прятаться отъ городовыхъ, какъ воръ или убійца. И чего ради? Говорятъ: не имѣешь права... Да зачѣмъ оно придумано, такое право? За что, хотя бы примѣрно, его, Канторовича, лишать ночлега? Въ чемъ онъ провинился? Надо же и ему дать заработать; у него семья, дѣти... Всѣмъ нужно жить и каждый обязанъ работать, какъ умѣетъ, лишь бы честно. Считаютъ, будто комиссіонеръ вредный человѣкъ, дармоѣдъ. А никто безъ комиссіонера—ни на шагъ. Взять, напримѣръ, его: не по своей же волѣ поѣхалъ онъ сюда. Не предложи Зотовъ, никогда бы и не вздумалъ тащиться въ Петербургъ... И Ворошининъ тоже—на какой высотѣ человѣкъ стоитъ!—а всякій день даетъ Янкелю не одно порученіе, такъ другое. Значитъ, и безъ комиссіонера нельзя обойтись. Съ какой же стати гнать его, если онъ нуженъ? Странно все устроено на землѣ: одинъ способенъ быть чиновникомъ, другой—пѣвцомъ, третій—портнымъ, четвертый—комиссіонеромъ. Ну, и пусть бы каждый занимался тѣмъ, къ чему имѣетъ способность. Зачѣмъ мѣшать или препятствовать?

Янкель размышлялъ о несовершенствахъ земной жизни и самъ слегка пугался столь вольнодумныхъ мыслей.

А ощущеніе обиды все разросталось и разросталось въ его душѣ.

Вышелъ онъ изъ ресторана лишь послѣ того, какъ сонный оффиціантъ предупредительно сообщилъ:

— Господинъ! сейчасъ будутъ тушить свѣтъ...

Ночь стояла не столько холодная, сколько сырая съ неравномѣрными порывами вѣтра, время отъ времени пробѣгавшаго по улицамъ. Сразу Янкелю померещилось, будто на дворѣ совсѣмъ тепло. Но вскорѣ сырость стала пробираться къ нему подъ шубу и онъ почувствовалъ холодъ. Вездѣ затихало ночное движеніе. Туманъ висѣлъ надъ городомъ, блестѣли отъ влаги тротуары. Неба не было видно: его заслонила густая мгла. Она казалась безпросвѣтной, какъ-то придавливала всѣхъ къ землѣ. Плотно закутавшись въ шубу, Канторовичъ шелъ по одной изъ улицъ, прилегающихъ къ

Невскому проспекту. Теперь было не только обидно, но и страшно. А вдругъ схватятъ за шиворотъ.

— Ты куда идешь? Кто ты? Право жительства имѣешь?

Что онъ отвѣтитъ? Скандалъ! Правду говорила Сара Марковна. Янкель старался подбодрить себя:

— А кому какое дѣло, куда я иду? Можетъ, я домой откуда нибудь возвращаюсь? Запоздалъ и возвращаюсь. Кто меня смѣетъ останавливать? Если бы я бѣжалъ или шатался взадъ и впередъ по одному мѣсту, тогда иной разговоръ, а я себѣ иду куда-то...

И онъ шелъ неторопливой походкой человѣка, возвращающагося откуда-то куда-то.

— Да и какъ узнаютъ, русскій я или нѣтъ?—убѣждалъ себя Канторовичъ:—у меня и въ лицѣ ничего нѣтъ отмѣннаго. Другіе бываютъ съ пейсами или рыжіе, или уши очень торчатъ, носы крючкомъ... Что нибудь вообще этакое... А я по виду—господинъ, какъ господинъ: волосы каштановые, носъ ровный, одѣтъ недурно. Шуба выхохолевая, крытая сукномъ; хорошая шуба, въ ломбардѣ на аукціонѣ куплена. Не всякій баринъ такую имѣетъ. Воротникъ изъ польскаго бобра—совершенно новый, въ нынѣшнемъ году пришитъ. Шапка барашковая, калоши ботиками, все, какъ слѣдуетъ быть, каждый подумаетъ: ну, гуляетъ господинъ по сырой погодѣ... Что ему погода? Захотѣлъ и гуляетъ.

На улицѣ, по мѣрѣ удаленія отъ центра, становилось пустынно. Никто не хваталъ Янкеля за шиворотъ и страхъ его понемногу улетучивался.

— Большой этотъ Петербургъ! ой, какой большой!—проносилось у него въ мысляхъ:—а переночевать негдѣ. Столько людей, столько людей! И самъ по себѣ никто не злой, но всѣ вмѣстѣ—жестокіе... Вотъ и въ томъ домѣ, навѣрное, живутъ добрые люди. А позвони Янкель у дверей, объясни свое положеніе, попроси позволенія переночевать, не пустятъ. Скажутъ: мы не приглашали, онъ намъ неизвѣстенъ. Испугаются, не бродяга ли?

Впрочемъ, онъ и не позвонилъ бы ни за что на свѣтѣ. Хоть бы замерзалъ, такъ и то не позвонилъ... Зачѣмъ ихъ безпокоить попусту? Не они это выдумали, не на Янкелѣ это кончится. Онъ не первый и не послѣдній.

Хорошая выхохолевая шуба не могла защитить отъ назойливой сырости. Янкель озябъ. Пришлось зашагать быстрѣе прежняго, чтобы согрѣться.

— И гдѣ только не случится побывать человѣку, пока онъ проживетъ жизнь!—разсуждалъ Канторовичъ:—думалъ ли я ночевать въ Петербургѣ, на улицѣ? Попасть въ Петербургъ и того никогда не предполагалъ. Въ другихъ городахъ

бывалъ: въ Одессѣ былъ, въ Харьковѣ былъ. Въ Варшаву покойный князь Постромцевъ посылалъ: подъ Плоцкомъ имѣніе хотѣлъ купить для сына. Не пригодилось—земля плохая... Дальше Варшавы не ѣздилъ никуда изъ N-ска. Довелось же здѣсь мерзнуть, какъ собакѣ!

Почему-то Янкелю ярко вспомнились невыносимо душные дни, какіе бываютъ въ N-скѣ передъ „воробьиными“ ночами. Солнце не грѣетъ, а печетъ, печетъ нестерпимо. Камни мостовой накалены. Жаръ отъ нихъ идетъ, какъ изъ печки. На улицахъ пусто и тихо. Только мороженщики кричатъ на перекресткахъ да хохлы разъѣзжаютъ съ возами, полными арбузовъ. Галдятъ и они во все горло:

— Кавуновъ! Кавуно-о-овъ! Кавуно-о-овъ! Вотъ кавуны, хоро-о-шіе! По три копійки кавунъ! Пятакъ за пару! Кавуновъ, кавуно-о-овъ!

На базарѣ свалены прямо на землю сплошныя горы тѣхъ же „кавуновъ“. Торговки прикрываютъ ихъ „ряднами“ отъ солнца и выкрикиваютъ пронзительными голосами:

— Кавуны, кавуны, кавуны! На вкусъ, на взрѣзъ—пятачекъ штука!

Ставни въ домахъ закрыты. Всѣ раздѣты и пьютъ лимонадъ или воду со льдомъ. А Янкель не боится жары, любитъ ее: привыкъ съ дѣтства Ходитъ себѣ по дѣламъ изъ одного дома въ другой, надѣнетъ сѣрый альпаговый пиджакъ—и никакихъ! Бригадный генералъ Бодриковъ, всегда смѣется:

— Какъ вы не растопитесь, Канторовичъ? Какъ не испечетесь? И не боится же человѣкъ солнечнаго удара! Этакая жарища, а онъ бѣгаетъ...

— Ничего, ваше превосходительство: мы привычные.

Есть еще у Янкеля и парусиновый костюмъ для жаркой погоды; лѣтомъ — хочешь не хочешь — одѣвайся полегче: тепло, черезчуръ даже тепло, но славно! Не то, что здѣсь. Тутъ какъ будто и мороза нѣтъ, а мерзнешь хуже, чѣмъ въ мятель. Конечно, дома всякому пріятнѣе. Хорошо бы сейчасъ очутиться дома! Черезъ два дня суббота: отправился бы Янкель въ синагогу. Вернулся домой, на обѣдъ щука и все прочее, что полагается. Послѣ обѣда можно пойти съ женою въ проходку на мостовую улицу. Когда-то въ N-скѣ одна лишь эта улица и была замощена камнемъ. Нынче вымостили весь городъ, а главную улицу никто не называетъ Екатерининской. По старой памяти иначе не говорятъ, какъ: „мостовая“. По субботамъ на мостовой большое гулянье. Публика прохаживается по тротуару съ правой стороны улицы, отъ новой аптеки до соборной площади и обратно. Толпа такая, нельзя разминуться. И Янкель тутъ же, и онъ

не хуже людей. Жена возлѣ него въ плюшевой кофтѣ; поверхъ кофты золотые часы съ цѣпочкой пришпилены; на головѣ шляпа-капотка съ лентами. Превосходныя на женѣ вещи: хотя и по случаю куплены, а почти новыя. Янкель со всѣми кланяется, никого не боится.

— Кто это идетъ?

— Комиссіонеръ Канторовичъ. Приличный человѣкъ: у него сынъ черезъ годъ докторомъ будетъ.

А Канторовичъ шествуетъ впередъ, точно не о немъ и рѣчь.

Лѣтомъ субботнее гулянье происходитъ въ скверѣ, противъ военнаго штаба или на берегу рѣки. Лѣтомъ еще лучше, чѣмъ зимою. Пыльно очень; ну, не бѣда: за то не холодно... Жарко днемъ, тепло и ночью. Хорошо!

Янкель вздрогнулъ отъ холода.

Въ сырую зимнюю ночь, безцѣльно бродя по петербургскимъ улицамъ, онъ силился утѣшить себя мечтою о будущемъ благополучіи сына. Вѣдь это онъ, Янкель, сдѣлаетъ Абрама чуть-чуть не равноправнымъ съ господами. Годика черезъ четыре прикатитъ Абрумчикъ въ Петербургъ, остановится на Невскомъ, въ самой лучшей гостиницѣ.

— Кто пріѣхалъ?

— Докторъ медицины Канторовичъ.

Выйдетъ на Невскій, увидитъ околодочнаго и спроситъ:

— Какъ мнѣ пройти къ Зимнему дворцу, въ Эрмитажъ?

Околодочный подъ козырекъ (они здѣсь вѣжливые), укажетъ дорогу, все объяснитъ, растолкуетъ. Докторъ поблагодаритъ и пойдетъ, куда хочетъ: ему всюду можно, никто не имѣетъ права придраться.

Многія отрадныя картины рисовались въ воображеніи Янкеля, пока онъ переходилъ съ одной незнакомой улицы на другую. О чемъ онъ не вспомнилъ въ эту ночь, чего не передумалъ! Наконецъ, остановился и осмотрѣлся вокругъ. Далеко отошелъ онъ отъ Невскаго. Посреди улицы темнѣлъ какой-то каналъ. Отъ воды дулъ холодный вѣтеръ, тянуло еще большей сыростью. Тускло свѣтили въ туманѣ фонари. Идешь, самъ не зная, куда: этакъ не трудно и заблудиться. Янкель подумалъ, подумалъ и повернулъ назадъ: на тѣхъ улицахъ хоть теплѣе. Шагалъ онъ теперь очень поспѣшно, но не могъ согрѣться. Дрожь пронимала все тѣло, лицо и руки озябли, застывали усталыя ноги. А, кажется, и мороза нѣтъ!

Свернулъ Канторовичъ въ улицу направо, прошелъ довольно большое разстояніе, затѣмъ взялъ влѣво. По его соображеніямъ въ этой сторонѣ долженъ оказаться Невскій. Безконечно-длинная, узковатая улица безмолвна. Пѣшеходовъ

не видно; изрѣдка проплетется извозчикъ. Дворники дремлютъ у воротъ. Воздухъ становится холоднѣе и холоднѣе: вѣрно къ утру приближается время. Янкель хотѣлъ посмотрѣть возлѣ фонаря на часы, но не рѣшился распахнуть шубу: озябъ и безъ того. Озябъ такъ, что въ пору попросить у какого нибудь дворника:

— Пусти, голубчикъ, въ дворницкую, погрѣться. Я заплачу деньгами!

Опасно: еще отправитъ въ участокъ. Подумаетъ: самъ человѣкъ нарывается на скандалъ. Не спроста, должно быть. И въ полицію... Ну, и положеніе! хуже разбойника. Ворошининъ назначилъ быть у него въ девять часовъ. Смѣшно подумать: къ этакой особѣ иди безпрепятственно, а ночевать нигдѣ не смѣй? Вѣдь даже и не спать, а лишь погрѣться. Немного погрѣться и опять гуляй по улицамъ...

Но погрѣться было негдѣ.

Вдругъ до слуха Янкеля донесся серебристо-протяжный звукъ колокола. Звонили гдѣ-то впереди, за мглой, въ концѣ этой длинной улицы.

— Къ утрени звонятъ, стало быть, скоро утро!—догадался Янкель. Неожиданно у него блеснула мысль:

— А церковь у нихъ сейчасъ отперта. И тамъ тепло. Звонятъ, значитъ—зовутъ; зовутъ, значитъ—открыто. Войду на минутку, погрѣюсь и уйду.

Янкель заспѣшилъ по направленію, откуда доносился звонъ. Вышелъ онъ къ Казанскому собору и сразу узналъ мѣстность: за соборомъ, съ той стороны—Невскій проспектъ. Прошелся вокругъ церкви, нашелъ входъ: пройти между колоннами, а тамъ свѣтъ. Туда и входить, гдѣ освѣщено. На мгновенье Канторовичъ остановился:

— Можно ли?

Разумѣется, можно. Это домъ не человѣческій, а божій: сюда пустятъ и безъ приглашенія. Богъ для всѣхъ одинъ, что жъ тутъ такого, нехорошаго? Да я и не молиться иду: я погрѣться.

Янкель точно оправдывался передъ кѣмъ-то.

— Подайте, Христа ради, бездомному человѣку...—остановилъ его глухой, осипшій голосъ изъ за колонны.

Бездомный...

Спазма сжала горло Янкеля, слезы подступили къ глазамъ. Сегодня и онъ бездомный. Этотъ оборванецъ въ одинаковомъ положеніи съ нимъ: тоже ночуетъ на улицѣ. Канторовичъ едва-едва не сказалъ нищему:

— У тебя нѣтъ денегъ, у меня нѣтъ права: оба нуждаемся, оба мерзнемъ!

Онъ не побоялся распахнуть шубу и подалъ бездомному во имя Христа, подалъ даже не глядя, сколько даетъ.

До входа въ церковь оставалось четыре колонны, а Янкель уже снялъ шапку. Относительно шапки онъ твердо помнилъ, но какъ вообще держать себя въ церкви,—не зналъ совершенно.

— Креститься надо? Креститься я не буду. А если спросятъ: отчего не крестишься? Признаюсь, что еврей, и объясню... все объясню! пусть узнаютъ!..—Наконецъ-то, онъ очутился въ теплѣ. Воздухъ кругомъ такой пріятный; кажется, будто погружаешься въ тепловатыя волны И главное—нѣтъ сырости, нѣтъ вѣтра... Отлично!

Янкель сталъ въ сторонкѣ, въ полутьмѣ. Въ церковной службѣ ничего не могъ разобрать. Выходилъ дьячекъ, выходилъ дьяконъ, выходилъ священникъ. Старухи зажигали свѣчи, сторожа—тоже. Кто-то кадилъ, кто-то пѣлъ. Янкель ни о чемъ не думалъ, не понималъ ни чтенія, ни пѣнія: онъ согрѣвался. Здѣсь было тепло, спокойно; на него не обращали вниманія, онъ чувствовалъ себя въ безопасномъ мѣстѣ. Не скоро отогрѣлся онъ вполнѣ, но отогрѣлся и началъ разглядывать церковь.

— Богатая! много величія, много блеска... Иконы—хорошія, серебро вездѣ, сверкаютъ камни...

Нечаянно Янкель посмотрѣлъ направо. Взоръ его остановился на Голгоѳѣ:

— Большой крестъ. На немъ распятъ *ихъ Богъ*. Страдаетъ!.. за нихъ страдаетъ... Вверху сдѣлано небо со звѣздами...

Янкель нѣсколько секундъ смотрѣлъ на изображеніе Распятія, какъ на непонятную для него загадку. Потомъ вспомнилъ о своихъ ночныхъ мытарствахъ.

Ощущеніе незаслуженной обиды опять взяло верхъ надъ его размышленіями. И, снова глядя въ сторону креста, Янкель горячо произнесъ:

— Если Ты такой добрый, если Ты такой сильный, сдѣлай такъ... сдѣлай такъ, чтобы...

Слезы помѣшали Канторовичу докончить его мольбу.

Онъ плакалъ, самъ не замѣчая этого; рыдалъ, выплакивя накопившееся въ душѣ жгучее огорченіе. Въ его слезахъ вылилась и горечь обиды, и усталость, и только что пережитыя треволненья, и смутныя упованія на что-то лучшее.

. . . .

Когда Янкель вышелъ изъ собора, надъ городомъ пробуждалось темное сѣверное утро. Еще немножко—и откроется дѣловая кондитерская, а тамъ—пора къ Ворошинину. Пока дойдешь, это не близко: на Сергѣевскую.

Янкель успокаивался.

Какъ ни какъ, а самую холодную часть ночи, передъ наступленіемъ утра, онъ провелъ въ теплѣ.

— А гдѣ я переночую завтра, если нельзя будетъ у племянника?—невольно встревожился онъ:—опять, значитъ, то же самое?

Его минутное жизнерадостное настроеніе омрачилось заботой.

— Ну, какъ нибудь... Что жъ дѣлать?

О. Н. Ольнемъ.

---

* * *

Книга пѣсенъ предо мною,—
Только пѣсенъ невеселыхъ,
Будто шепотъ думъ тяжелыхъ
За холодною стѣною...
Видно, темными ночами
Эти пѣсни создавались,
Видно, имъ не улыбались
Звѣзды тихими очами!
Не склонялись къ нимъ сирени
Ароматными цвѣтами,
Осыпая лепестками
Потревоженныя тѣни...
Отчего-жъ онѣ прекрасны
Эти пѣсни, пѣсни горя?
Отчего, имъ сердцемъ вторя,
Я полна тоски неясной?
И душѣ такъ пошлъ и тѣсенъ
Пиръ тупого ликованья —
Послѣ этого рыданья,
Послѣ этихъ скорбныхъ пѣсенъ!..

Г. Галина.

Субъективный методъ въ соціологіи и его философскія предпосылки.

Н. Бердяевъ: «Субъективизмъ и индивидуализмъ общественной философіи». Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ съ пред. П. Струве. Спб. 1901 г.

Русскіе марксисты, какъ извѣстно, давно уже отнеслись категорически-отрицательно къ „субъективному методу въ соціологіи“, предложенному П. Миртовымъ и Н. К. Михайловскимъ. Это отрицательное отношеніе до сихъ поръ, однако, не было подкрѣплено никакой серьезной критикой „субъективизма“. Главные представители русскаго марксизма предпочитали ограничиваться отдѣльными ироническими выходками, часто обнаруживавшими полную беззаботность по части истиннаго существа „субъективнаго метода“, который большинству—судившему иногда на основаніи одного имени—представлялся чѣмъ-то вродѣ „савраса безъ узды, носящагося по полю мысли исключительно по велѣнію собственныхъ капризовъ“ *). Пока „критика“ ограничивалась только этимъ, пока находились непритязательные читатели, которыхъ такая „критика“ вполнѣ удовлетворяла,—до тѣхъ поръ не стоило и думать о серьезной защитѣ соціологическаго „субъективизма“. Противъ полемическихъ шпилекъ и булавочныхъ уколовъ не облекаться же въ боевой панцырь и броню, не выдвигать же пушекъ и мортиръ. Оставалось ждать, пока въ средѣ самихъ представителей марксизма и, главное, ихъ читателей не поднимется уровень критическаго чутья, уровень требованій, предъявляемыхъ ими къ анализу чужихъ точекъ зрѣнія.

Въ настоящее время дѣло, повидимому, измѣнилось или измѣняется. Книжка г. Бердяева съ предисловіемъ г. П. Струве представлятъ собою первую попытку серьезно вдуматься въ существо „субъективнаго метода“, разобраться въ различныхъ формахъ его проявленія, составить о немъ цѣлостное представленіе и, на-

---

*) Такъ опредѣлилъ Н. К. Михайловскій наивное представленіе о «субъективномъ методѣ» одного изъ самыхъ первыхъ его критиковъ еще въ 70-хъ годахъ.

конецъ, дать его критическую оцѣнку. Первый шагъ, конечно, всегда труденъ, и это обязываетъ къ извѣстной снисходительности по отношенію къ г. Н. Бердяеву. Если онъ не всегда успѣшно справляется со своею задачей, если онъ не всегда вѣрно понимаетъ требованія субъективнаго метода, то этому не нужно удивляться. „Г. Михайловскаго у насъ (т. е., очевидно, у марксистовъ) теперь довольно плохо знаютъ и понимаютъ, и о субъективномъ методѣ существуютъ самыя превратныя понятія", откровенно сознается г. Бердяевъ. Къ сожалѣнію, и самъ г. Бердяевъ не вполнѣ освободился отъ вліянія этой окружающей его атмосферы, не стряхнулъ съ себя всѣхъ слѣдовъ вліянія этихъ „самыхъ превратныхъ понятій" о субъективномъ методѣ, „малаго знанія и пониманія" системы Н. К. Михайловскаго. Отчасти, не спорю, въ этомъ виноватъ самъ Н. К. Михайловскій, ни разу не обработавшій, не систематизировавшій своихъ философско-соціологическихъ воззрѣній въ одномъ связномъ и законченномъ очеркѣ. А еще болѣе въ этомъ виноваты мы, его приверженцы и почитатели, мы, не исполнившіе этой, немножко педантической сортировки по общепринятымъ рубрикамъ, отъ а до z, взглядовъ своего учителя, поглощеннаго тревогами и запросами дня, и занимающаго слишкомъ отвѣтственный постъ въ „литературѣ и жизни", чтобы покинуть его для катехизической обработки матеріала старыхъ своихъ статей. При такихъ условіяхъ мы не должны быть слишкомъ строги къ людямъ, которые, не раздѣляя многихъ дорогихъ намъ воззрѣній, составляютъ себѣ не вполнѣ правильное понятіе о нихъ и не усваиваютъ себѣ во всей полнотѣ нашей точки зрѣнія. Поэтому, чтобы поправить дѣло, въ настоящей антикритикѣ всякому разбору возраженій г. Бердяева противъ соціологическаго субъективизма я буду лучше предпосылать краткій и по возможности систематизированный очеркъ той системы воззрѣній, противъ которой направляется его критика. Это избавитъ насъ отъ лишней полемики и сбережетъ время и мѣсто для споровъ по *существу*, а не по случайнымъ *недоразумѣніямъ*.

I.

Н. К. Михайловскій самъ опредѣляетъ основной мотивъ своей литературной дѣятельности, какъ стремленіе къ выработкѣ единой и цѣлостной *системы правды*, стройнаго міросозерцанія, которое бы неразрывно связывало въ одно высшее цѣлое всѣ понятія человѣка о сущемъ и всѣ его понятія о должномъ. Прообразомъ такой „системы правды" для него являются, напримѣръ, древнія религіи. Отвлекаясь отъ конкретныхъ различій въ содержаніи всѣхъ этихъ религій, мы увидимъ во всѣхъ ихъ одну драгоцѣнную общую черту. Каждая изъ нихъ отвѣчала разомъ на всѣ

струны человѣческаго сердца, каждая удовлетворяла такъ или иначе всѣмъ потребностямъ своихъ прозелитовъ,—теоретическимъ и практическимъ, общественнымъ и личнымъ, физическимъ и духовнымъ, національнымъ и семейнымъ, эстетическимъ и этическимъ. И то обстоятельство, что удовлетвореніе всѣмъ этимъ потребностямъ доставляла одна гармончески-стройная система,—сообщало необычайную душевную гармонію и уровновѣшенность ея приверженцамъ. „Блаженъ, кто вѣруетъ—тепло тому на свѣтѣ"—не одна пустая фраза. Въ общемъ идейномъ багажѣ современнаго человѣка также должно быть нѣкоторое „святая святыхъ", къ которому онъ долженъ относиться съ чисто-религіозной преданностью и вокругъ котораго, какъ вокругъ своего естественнаго центра, должны группироваться въ извѣстномъ раціональномъ порядкѣ всѣ его желанія, стремленія и помыслы. „Подъ религіей—говоритъ въ этомъ именно смыслѣ Н. К. Михайловскій—я разумѣю такое ученіе, которое связываетъ существующія въ данное время понятіе о мірѣ съ правилами личной жизни и общественной дѣятельности; связываетъ такъ прочно, что для исповѣдующаго это ученіе поступить противъ своего нравственнаго убѣжденія въ такой же мѣрѣ невозможно, какъ согласиться, что, напримѣръ, дважды-два равняется стеариновой свѣчкѣ. Очевидно, что первые христіане обладали такимъ ученіемъ. Ихъ понятія о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ вселенной были самымъ тѣснымъ, неразрывнымъ образомъ связаны съ понятіями о нравственной жизни, и связь эта была такого возбуждающаго свойства, что давала имъ возможность дѣйствовать съ полной опредѣленностью. Очевидно также, что мы такого ученія не имѣемъ; наши понятія о существующемъ стоятъ сами по себѣ, понятія о долженствующемъ существовать—тоже сами по себѣ, наконецъ, наши дѣйствія—опять сами по себѣ"... *).

Современный человѣкъ остался „безъ догмата", какъ гласитъ названіе одного изъ прекрасныхъ романовъ Г. Сенкевича. „Догматъ" исчезъ. Старая система правды, построенная на теологическихъ, внѣміровыхъ началахъ, разложилась, подкошенная подъ самый корень завоеваніями науки. Современному человѣку потребовалась новая система правды, которая не въ меньшей степени, чѣмъ прежняя, объединяла бы всѣ тенденціи его мысли, чувства и воли, но которая бы стояла на уровнѣ современныхъ знаній, такъ же, какъ стояла прежняя на уровнѣ современнаго ей незнанія. Отсутствіе системы не можетъ не сказаться психологически на извѣстной двойственности, нравственной рыхлости, дряблости, неустойчивости современнаго человѣка. Дѣйствительность, живыми агентами которой являются люди „безъ догмата",

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. III, стр. 386—387.

не можетъ не отличаться блѣдностью красокъ, разрозненностью образовъ, мертвенной тусклостью общаго колорита...

„Задача исторіи теперь, когда исчезла правда внѣ-міровая—это установить правду въ мірѣ“—превосходно выразился К. Марксъ въ своемъ „Введеніи въ критику философіи права Гегеля“. На мѣсто правды внѣ-міровой, внѣ-человѣческой, трансцендентной потребовалась правда „отъ міра сего“, правда человѣческая, реальная. Потребовалась система философіи, которая разомъ была бы и *философіей дѣйствительности* и *философіей дѣйствія*.

Соціологическая доктрина, неразрывно связанная для насъ, русскихъ, съ именами П. Миртова и Н. К. Михайловскаго, имѣла такую власть надъ умами и сердцами цѣлаго ряда активнѣйшихъ поколѣній русской интеллигенціи именно потому, что она являлась единой и цѣлостной системой, дававшей удовлетвореніе разомъ и теоретическимъ, и практическимъ потребностямъ ея приверженцевъ. Она была сооруженіемъ, какъ бы высѣченнымъ изъ одного цѣльнаго куска гранита, отсюда и характеръ отношенія къ ней со стороны читающей публики. Ее или цѣликомъ принимали въ ея основахъ, или точно также цѣликомъ отвергали. Сліяніе реальнаго и идеальнаго, объективнаго и субъективнаго, теоретическаго и практическаго моментовъ—вотъ ея основная черта, которая проходитъ красною нитью черезъ всю ея архитектуру, начиная отъ самыхъ общихъ и отвлеченныхъ положеній и кончая самыми частными конкретными.

Эту черту своей системы Н. К. Михайловскій самъ характеризуетъ слѣдующими словами:

„Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово „правда“—я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотою. Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ исканій. Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И, наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда - истина и правда - справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представляться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ-

истинѣ, правдѣ объективной, и, въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную—такова задача всей моей жизни"...

Съ точки зрѣнія многихъ и очень многихъ самая постановка вопроса, которую дѣлаетъ Н. К. Михайловскій, покажется ошибочной въ самомъ своемъ корнѣ. Могутъ сказать—какъ уже не разъ и говорилось—что область *сущаго* и *должнаго*—двѣ совершенно особыя, независимыя области; что между ними нѣтъ никакой необходимой связи; что *для истины* и *справедливости* уже по одному тому невозможно логическое объединеніе въ одну систему, что самый критерій истины и самый критерій справедливости не только не совпадаютъ, но, напротивъ того, совершенно различны и ничего общаго между собою не имѣютъ. Критерій истинности той или другой идеи—ея соотвѣтствіе съ объективной дѣйствительностью; критерій справедливости той или иной идеи—ея соотвѣтствіе съ высшими потребностями субъективной природы человѣка. Не ясно ли, что между міромъ теоріи и практики, объективнаго и субъективнаго отношенія къ дѣйствительности лежитъ непроходимая пропасть?

Но именно этой-то двойственности критеріевъ и не можетъ признать Н. К. Михайловскій. Онъ стремится подорвать дуализмъ теоріи и практики въ самомъ его корнѣ, въ вопросѣ о *критеріи истины*.

Можно ли признать, что верховнымъ критеріемъ истинности нашихъ представленій является ихъ соотвѣтствіе или несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью? Вотъ вопросъ, который съ точки зрѣнія поверхностнаго „здраваго смысла" безъ долгихъ разсужденій рѣшается положительно. Обыденный, вульгарный „разсудокъ" не сомнѣвается, что человѣческія представленія о мірѣ и самый этотъ міръ, являющійся предметомъ человѣческихъ представленій, можно совершенно такъ же раздѣльно изучать и затѣмъ сравнивать, какъ оригиналъ и копію какой нибудь картины. Обыденный разсудокъ привыкъ къ тому, что каждое отдѣльное изъ нашихъ представленій и воспріятій мы можемъ провѣрить всей совокупностью другихъ представленій и воспріятій. Отсюда безсознательно въ этомъ „обыденномъ разсудкѣ" складывается слѣдующее умозаключеніе: если каждое отдѣльное человѣческое воспріятіе можетъ быть провѣрено чѣмъ-то ему постороннимъ, то, очевидно, для всей совокупности человѣческихъ воспріятій и вырабатываемыхъ изъ нихъ представленій тоже возможна подобная же провѣрка, послѣ которой легокъ и отвѣтъ на вопросъ: совпадаютъ ли наши представленія съ дѣйствительностью, взятой самой по себѣ? Нетрудно замѣтить логическую ошибку этого умозаключенія. Отдѣльное воспріятіе провѣряется другимъ воспріятіемъ и ничѣмъ инымъ. Вся же сово-

купность воспріятій можетъ быть провѣрена лишь самою собою *), ибо кромѣ воспріятія у человѣка нѣтъ орудія, посредствомъ котораго онъ могъ бы познать объективную дѣйствительность. Какъ человѣкъ не можетъ выпрыгнуть изъ самого себя, такъ не можетъ онъ выйти изъ рамокъ своей психофизической организаціи. Его органы чувствъ, эти орудія его познанія, съ ихъ своеобразнымъ устройствомъ, обусловливаютъ собою весь матеріалъ его представленій, содержаніе всей его мыслительной работы. Повѣрку дѣятельности всей совокупности этихъ органовъ чувствъ чѣмъ нибудь для нихъ постороннимъ человѣкъ предпринять не въ силахъ, ибо у него для этого не хватаетъ немногаго: какъ разъ этого „посторонняго"... На вопросъ: соотвѣтствуютъ ли наши представленія дѣйствительности? вся совокупность нашихъ ощущеній, воспріятій и представленій представляетъ ли точный снимокъ съ объективнаго міра?—отвѣтить мы могли бы лишь въ томъ случаѣ, если бы и помимо нашихъ впечатлѣній и воспріятій, путемъ какого нибудь сверхъестественнаго наитія, мы познали бы ту же самую „объективную дѣйствительность", которую теперь мы знаемъ чрезъ посредство нашихъ органовъ чувствъ. Только въ этомъ случаѣ мы имѣли бы двѣ истины о мірѣ, полученныя изъ двухъ различныхъ источниковъ, и могли бы одну провѣрить другой. Но разъ источникъ, изъ котораго мы черпаемъ наши понятія о сущемъ, только одинъ, то чѣмъ можемъ мы провѣрить „благонадежность" или „достовѣрность" этого источника?

Въ небольшой, бѣглой замѣткѣ „О жаждѣ познанія" Н. К. Михайловскій разсматриваетъ этотъ вопросъ, стремясь къ самой полной, самой абсолютной популярности изложенія. Наибольшей точностью отличаются наши зрительныя воспріятія, изъ которыхъ вырабатываются наши представленія о пространствѣ, о протяженныхъ предметахъ и передвиженіи ихъ въ пространствѣ. Посредникомъ, чрезъ котораго мы получаемъ матеріалы для всѣхъ этихъ представленій, является органъ зрѣнія. Обратимся же къ способу его дѣятельности. „Спеціальное отправленіе глаза состоитъ въ воспріятіи свѣтовыхъ лучей, идущихъ къ нему отъ предметовъ. Но будемъ ли мы раздражать зрительный нервъ электричествомъ, кислотой, будемъ ли мы его давить, рвать, рѣзать, на всѣ эти раздраженія онъ отвѣтитъ свѣтовыми явленіями. Если мы будемъ просто давить на свой собственный глазъ, то тоже получимъ, кромѣ ощущенія боли, ощущеніе свѣта. Такимъ образомъ органъ зрѣнія отвѣчаетъ свѣтовыми явленіями

*) Въ этомъ смыслѣ критеріемъ истинности (но критеріемъ одностороннимъ, чисто формальнымъ) является гармонія отдѣльнаго представленія со всѣми остальными, способность его улечься въ систему гармонической концепціи міра, «logishe Uebereinstimmung der Gedanken unter sich», «innere Widerspruchlosigkeit der Gedanken», по терминологіи Лааса.

на такія раздраженія, которыя не имѣютъ ничего общаго со свѣтомъ". „Только зрительный аппаратъ, состоящій изъ сѣтчатки, зрительнаго нерва и извѣстной части мозга, способенъ производить свѣтовыя ощущенія и соотвѣтственныя представленія. Солнечные лучи воспринимаются и нервами осязанія, но здѣсь происходитъ ощущеніе теплоты, свѣтовыхъ же ощущеній не можетъ дать ни одинъ нервъ, кромѣ зрительнаго. То же самое повторяется и съ другими нервами: на языкѣ уксусъ даетъ ощущеніе кислаго вкуса, а на соединительной оболочкѣ вѣкъ—осязательное ощущеніе болѣзненнаго жженія. Слѣдовательно, одинъ и тотъ же предметъ производитъ въ насъ различныя ощущенія не потому, что въ немъ самомъ произошли какія нибудь измѣненія, а потому, что онъ дѣйствуетъ на различные органы чувствъ *). Съ другой стороны, мы видѣли, что зрительный аппаратъ отвѣчаетъ свѣтовыми явленіями на всякія раздраженія. Что бы ни дѣйствовало на органъ зрѣнія — свѣтъ ли, электричество ли, механическое ли давленіе и проч., онъ дѣлаетъ только свое спеціальное дѣло". Какъ хорошій мельничный механизмъ будетъ одинаково перемалывать въ мелкій порошокъ, въ муку и зерно и случайно попавшій кусокъ известки, такъ и механизмъ зрѣнія *претворяетъ* въ свѣтовыя явленія всѣ, попадающія въ сферу его дѣятельности процессы безъ различія. Съ точки зрѣнія наивнаго реализма процессъ нашего зрѣнія есть нѣчто въ родѣ зеркала, точно копирующаго все, что передъ нимъ реально происходитъ, а органы нашихъ чувствъ въ совокупности представляютъ собой нѣчто въ родѣ открытыхъ дверей, въ которыя и посылаютъ внѣшніе предметы міра свои копіи, снимки, модели — словомъ, самихъ себя въ миніатюрѣ **). Болѣе внимательное разсмотрѣніе, напротивъ, показываетъ, что роль нашихъ органовъ чувствъ, нашей психо-физической организаціи въ процессѣ нашего познаванія гораздо болѣе активная ***). Она — обусловливающій моментъ

---

*) «Одинъ и тотъ же, неизвѣстный намъ по свойству его процессъ, ощущаемый какъ звукъ, когда онъ дѣйствуетъ на органы слуха, является движеніемъ, когда вступаетъ въ связь съ чувствами осязанія и зрѣнія или относится къ нимъ въ мысли. Самъ по себѣ, онъ настолько же не движеніе, насколько и не звукъ. Тѣмъ или другимъ становится онъ только при дѣйствительномъ или же мысленномъ соотношеніи съ соотвѣтственными чувствами». Риль, «Теорія науки и метафизики etc». гл. II, стр. 43.

**) «На что не обращаютъ вниманія односторонніе эмпирики, такъ это на то обстоятельство, что опытъ—вовсе не открытая дверь, черезъ которую входятъ въ насъ внѣшнія вещи, какъ они существуютъ сами по себѣ, но процессъ, посредствомъ котораго *явленіе вещей возникаетъ въ насъ*. Что при этомъ процессѣ всѣ свойства этихъ вещей приходятъ извнѣ, и воспринимающій человѣкъ для этого ничего не долженъ дѣлать—это противорѣчитъ всякой аналогіи, взятой изъ природы, съ какимъ бы то ни было порожденіемъ новой вещи изъ взаимодѣйствія двухъ другихъ». F. A. Lange, Geschichte des Materialismus, 3-te Aufl., II, 27.

***) «Danach bedarf die Erzeugung des Warnehmungsobjects bekanntlich

всего процесса. „*Свойство, качество* предмета есть только *дѣйствіе* предмета, или, вѣрнѣе, постоянная способность дѣйствовать, при благопріятныхъ условіяхъ, извѣстнымъ образомъ на другіе предметы или на наши чувства“, а потому „свойства предметовъ зависятъ не только отъ ихъ природы, но и отъ природы тѣхъ органовъ, на которые они дѣйствуютъ“. Если ужъ искать грубыхъ аналогій, *то скорѣе можно сказать*, что наши представленія относятся къ предполагаемой настоящей, подлинной объективной дѣйствительности такъ же, какъ разноцвѣтный спектръ, отбрасываемый солнечнымъ лучемъ, пропущеннымъ черезъ призму, къ самому солнечному лучу; роль призмы въ данномъ случаѣ была бы аналогична роли нашихъ органовъ чувствъ, нашей физико-психической организаціи. Тотъ, для кого *истина* означаетъ полное соотвѣтствіе съ объективной, независимой отъ субъективнаго міра человѣческой психологіи дѣйствительностью, долженъ придти къ самому горькому разочарованію и скептицизму въ области познанія. Увы, „настоящей“ дѣйствительности мы не знаемъ. „Наши ощущенія, изъ которыхъ путемъ психической дѣятельности слагаются представленія о предметахъ, суть лишь извѣстные символы, извѣстные знаки,—но не произвольно нами выбранные, а навязанные намъ самой природой, самими условіями нашего существованія. Знаки эти нами заучиваются съ ранняго дѣтства путемъ сложнаго, отчасти произвольнаго опыта. Какъ ребенокъ постепенно заучиваетъ буквы, не имѣющія никакого сходства съ выражаемыми ими звуками, потомъ слоги, слова, съ которыми связываются опредѣленныя понятія; такъ тотъ же ребенокъ долгимъ опытомъ знакомится съ зрительными ощущеніями, пока, наконецъ, научится вырабатывать *) правильныя, т. е. *пригодныя для жизни* представленія о предметахъ. Разъ отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ получаются всегда одни и тѣ же знаки, т. е. ощущенія, а отъ разныхъ всегда разные—то такой системы знаковъ для насъ совершенно достаточно, тѣмъ болѣе, что иной и взять неоткуда. Нечего спрашивать, вѣрно ли само по себѣ мое зрительное представленіе о столѣ, на которомъ я пишу, и о различныхъ его качествахъ. Представленіе о столѣ, которое я имѣю, есть истинно и вѣрно,

---

vielglidriger Bedingungen und Vermittlungen: der Luft, der Aethers, modificirenden organischer Apparate, Bündel von Nervenfäden, centraler Zellenanhäufungen, mechanischer, chemischer, electrischer Processe. Es wäre kindlich anzunehmen, dass das psychisch Phänomen, die Empfindung, Warnehmung, welche am Ende und auf Grund aller diesen Vermittlungen und Bedingungen zum Vorschein kommt, das an sich seiende Ding, der Erreger der Zwischenprozesse, selbst wäre». Laas, Idealismus u. Positivismus, II, 52.

*) Въ этомъ смыслѣ, какъ прекрасно выражается Когенъ, «die Natur nicht ein den Sinnen gegebenes Ding ist, sondern das grosse Fragezeichen, das die Sinne aufrichten, und das der Verstand schrittweise zu lösen hat». Kant's Theorie der Erfahrung, K. XIII, s. 501.

если я могу изъ него напередъ вѣрно и точно опредѣлить, какое ощущеніе я буду имѣть, если я приведу мой глазъ и мою руку въ то или другое положеніе относительно стола. Другого какого нибудь сходства между представленіемъ и представляемымъ предметомъ ни вообразить себѣ, ни понять нельзя". „Такимъ образомъ, нельзя даже спрашивать: видимъ ли мы предметы такими, каковы они въ дѣйствительности?—потому что объ этой дѣйствительности мы, внѣ условій нашей природы вообще и природы нашего органа зрѣнія въ частности, не можетъ имѣть никакого понятія".

Наивный реализмъ вульгарнаго здраваго смысла полагаетъ, что вещи извѣстны намъ и независимо отъ субъективной природы нашихъ воспріятій, что мы можемъ познавать объективную истину, не привнося въ процессъ этого познанія ровно ничего „отъ себя". „Какъ—говоритъ наивный реалистъ—неужели истина не существуетъ внѣ моего представленія? Напротивъ, истина существуетъ независимо отъ моего представленія и часто вопреки ему, какъ въ случаяхъ галлюцинацій, дальтонизма и т. п. ненормальностей психическаго состоянія или организаціи человѣка". Наивный реализмъ вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что истина, реальность вещи не зависитъ отъ *индивидуальныхъ* условій природы познающаго субъекта. Всякую галлюцинацію нельзя же признать за реальность. Но отсюда онъ уже совершенно ошибочно умозаключаетъ къ независимости истины отъ условій познающаго субъекта вообще. Его представленіе объ истинѣ, независимой отъ субъекта вообще, о реальности, стоящей выше людей и внѣ ихъ, — явилось естественнымъ результатомъ того, что представленіямъ отдѣльныхъ единичныхъ лицъ приходится противополагать *общее* представленіе массы. Но оно также обусловлено субъективною природою субъекта—только не единичной, конкретной природой, а *средней* природой *средняго* человѣка... Какъ отдѣльный человѣкъ можетъ провѣрять одно изъ своихъ ощущеній или воспріятій совокупностью другихъ, такъ воспріятія одного человѣка можно провѣрять воспріятіями совокупности другихъ людей *). Но если мы спрашиваемъ, соотвѣтствуетъ ли это послѣднее, обще-человѣческое воспріятіе самому ощущаемому, воспринимаемому объекту, — провѣрка становится опять-таки невозможной, потому что произвести ее нечѣмъ... „Ощущеніе краснаго цвѣта есть нормальная реакція нор-

*) Въ этомъ смыслѣ и говоритъ, напр., Зиммель: «Das Sein oder die Warheit ist auch nur ein Verhältnissbegriff, d. h. die Majorität der miteinander zusamenhängenden und übereinstimmenden Bewusstseinsinhalte nennen wir Wahrheit, gegneüber den Minorität, und widerholen damit im Individuellen das schon sonst ausgesprochene Verhältniss, dass Wahrheit die Vorstellung der Gattung, Irrthum aber die schlechthin individuelle Vorstellung wäre». («Einleitung», s. 3).

мально устроенныхъ глазъ на свѣтъ, отраженный, скажемъ, киноварью. Слѣпой на красный цвѣтъ видитъ киноварь черною, потому что у него въ нервномъ аппаратѣ недостаетъ элементовъ, на которые могли бы дѣйствовать лучи свѣта, отраженные киноварью; и это есть нормальная реакція киновари на его особымъ образомъ устроенные глаза; онъ долженъ только знать, что его глаза иначе устроены, чѣмъ у другихъ людей. И одно ощущеніе есть не болѣе истинно и не болѣе ложно, чѣмъ другое, хотя людей, воспринимающихъ красный цвѣтъ, гораздо больше, чѣмъ лишенныхъ этой способности. Вообще, красный цвѣтъ киновари лишь постольку и существуетъ, поскольку существуютъ глаза, могущіе ощущать его".

Только могучая соціологическая потребность *общенія между людьми* заставила человѣчество послѣдовательно выдѣлять изъ всей суммы индивидуальныхъ и въ этомъ смыслѣ субъективныхъ воспріятій такія, которыя особенно способны служить общей почвой для духовнаго общенія, въ которыхъ между собою гармонизируетъ наибольшее число личностей. *) Именно благодаря тому, что совмѣстная соціальная жизнь, коллективная реакція на вліянія окружающей среды тѣмъ дружнѣе, цѣльнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ однороднѣе воспринимаются эти вліянія общественными атомами-людьми,—именно благодаря этому соотвѣтствующія воспріятія пріобрѣли для людей бо̀льшій вѣсъ, большее значеніе, чѣмъ тѣ, въ которыхъ „всякій молодецъ на свой образецъ". Не то, слѣдовательно, чтобы индивидуальныя уклоненія въ воспріятіяхъ были менѣе „дѣйствительны", чѣмъ обычныя, среднія, нормальныя. Тѣ и другія равно дѣйствительны, равно необходимы и функціонально связаны съ природой воспринимающаго субъекта. Требованія общественной жизни заставили человѣка, „животное общественное", возвести въ рангъ высшей истины „die Vorstellung der Gattung", представленіе *рода* homo sapiens, сравнительно съ представленіемъ индивида. Общественая жизнь создавала нормы не только для поведенія, но и для работы ума. Средній общественный типъ сдѣлался мѣриломъ для индивида. Но эта истина есть только истина относительная, истина *для человѣка*.

Истинныхъ представленій о мірѣ существуетъ столько же,

---

*) «Пока не пробудилась потребность сообщенія впечатлѣній и выведенныхъ изъ нихъ представленій однимъ человѣкомъ другому, до тѣхъ поръ существуетъ индивидуальное только созерцаніе и неопредѣленно ощущаемый предметъ его для столь же исключительно индивидуальнаго сознанія. Но потребность эта пробуждается общежитіемъ, она—слѣдствіе соціальныхъ инстинктовъ, порожденныхъ и укрѣпленныхъ борьбой за существованіе. Лишь животныя общественныя разрываютъ границы индивидуальнаго сознанія, расширяютъ его психическими отношеніями къ товарищамъ до степени общественнаго. Тутъ только подготовляется почва для настоящаго опыта, для общаго всѣмъ познаванія общихъ всѣмъ объектовъ». А. Риль, «Теорія науки etc», стр. 77.

сколько различныхъ типовъ психо-физическихъ организацій. Для каждой изъ нихъ истина, конечно, едина. Но не надо забывать, что эта истина лишь для данной психо-физической организаціи, напримѣръ человѣческой, абсолютной же истины, независимой отъ какихъ бы то ни было субъективныхъ опредѣленій — нѣтъ и быть не можетъ. „Человѣкъ — не Богъ, находящійся внѣ всякихъ условій и опредѣленій. Онъ занимаетъ въ іерархіи существъ, населяющихъ міръ, высокое, но совершенно опредѣленное мѣсто, обусловленное его организаціей. Существа высшія его, существа низшія его имѣютъ понятія о мірѣ, весьма отличныя отъ его понятій, и, однако, они не болѣе и не менѣе истинны, чѣмъ его собственныя". Въ этомъ отношеніи верховнымъ критеріемъ истинности является *пригодность для жизни*, способность служить практическимъ потребностямъ даннымъ образомъ организованнаго существа,—короче, способность служить орудіемъ поддержанія того *„равновѣсія между субъектомъ и окружающей средой"*, которое составляетъ сознательную или безсознательную цѣль въ его борьбѣ за существованіе.

Такимъ образомъ, передъ нами рядъ обычныхъ положеній критической философіи, большей частью уже сдѣлавшихся трюизмами (они не были таковыми, конечно, тогда, когда Н. К. Михайловскій писалъ эти строки, вѣдь это было четверть вѣка назадъ). Но эти положенія переработаны, скомбинированы г. Михайловскимъ на свой особый ладъ. Получается оргинальная концепція, въ которой теорія человѣческаго познанія и теорія борьбы за существованіе, эволюціи и подбора приводятся между собою въ самую тѣсную связь. Однимъ смѣлымъ ударомъ вскрываются *утилитарные* корни самого происхожденія нашего, человѣческаго представленія объ „истинѣ". Тѣмъ самымъ дается и теореотическій фундаментъ для предъявленія къ наукѣ и философіи утилитарныхъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова требованій. Отъ лица обыкновеннаго, сѣраго человѣка, выносящаго на своихъ плечахъ всю современную цивилизацію, отъ этого собирательнаго „профана"—какъ назвалъ его Н. К. Михайловскій—отнынѣ съ полнымъ сознаніемъ своего практическаго и теоретическаго права выставляется смѣлое демократическое требованіе: „наука должна служить намъ, профанамъ! ея способность служить намъ—мѣрило ея научности!"

„Метафизики—говоритъ, между прочимъ, г. Михайловскій—спорили, напримѣръ, очень много о томъ, существуетъ ли реальный міръ, т. е. этотъ столъ, это перо, эта свѣчка, этотъ пишущій человѣкъ и т. д., существуютъ ли они въ дѣйствительности, или, это только призракъ, обманъ, а настоящая дѣйствительность лежитъ гдѣ-то за реальнымъ міромъ, въ качествѣ его субстрата Много остроумія, силы и тонкости мысли, всѣхъ лучшихъ даровъ человѣческой природы потрачено было на этого рода споры,

при чемъ субстратомъ всего реальнаго міра, единосущимъ, дѣйствительнымъ бытіемъ поочередно признавались вода, число, духъ, матерія, воля, опять духъ, опять матерія и т. д.". Такимъ образомъ, и догматическій матеріализмъ, и догматическій идеализмъ во всѣхъ его разновидностяхъ для г. Михайловскаго одинаково являлись тѣми зданіями на зыбкомъ пескѣ метафизики, надъ которыми собирательный „профанъ" въ лицѣ Прудона изрекъ свой безжалостный судъ. „Народъ, практикъ по преимуществу—говоритъ Прудонъ—спрашивалъ, на что годится эта философія и какъ примѣнять ее къ жизни? Когда же ему отвѣтили устами Шеллинга, что философія существуетъ въ себѣ и для себя, что было бы оскорбительно для ея достоинства искать ей какого-нибудь примѣненія,—то народъ отвергъ философовъ и весь міръ послѣдовалъ его примѣру".

Разъ ясно, что глубочайшіе корни человѣческаго представленія объ истинѣ, человѣческаго познанія истины лежатъ въ области практическихъ потребностей, то отсюда же слѣдуетъ, что всякое стремленіе оторвать науку и знаніе отъ этихъ утилитарныхъ корней представляетъ въ то же время разрывъ съ научностью. Человѣческое познаніе со всѣми основными функціями познавательной способности человѣка опредѣлилось практическимъ моментомъ—поддержаніемъ равновѣсія между человѣкомъ и окружающей, на половину враждебной ему средой. И лишь поскольку философъ, поднимаясь въ заоблачныя высоты метафизики, пытается перешагнуть черезъ условныя и относительныя формы нормальнаго мышленія въ поискахъ за безусловнымъ и абсолютнымъ—лишь по стольку онъ и обрѣтаетъ философію, которая существуетъ лишь „въ себѣ и для себя", а ни на что иное не годится. Практическій протестъ „профана" здѣсь подаетъ руку теоретическому протесту истинной науки, истинной, критической философіи.

Читатель, знакомый съ такъ называемымъ „эмпиріо-критицизмомъ", философіей, связанной въ особенности съ именемъ Авенаріуса, замѣтитъ безъ труда, до какой степени отвѣчаетъ предлагавшееся имъ построеніе „философіи, какъ мышленія о мірѣ, согласно принципу наименьшей мѣры силъ", тѣмъ требованіямъ, которыя ставитъ философіи Н. К. Михайловскій отъ лица коллективнаго „профана".

Мы напомнимъ вкратцѣ исходную точку разсужденій Авенаріуса. Организація нашего духа, говоритъ онъ, подобно нашей тѣлесной, физической организаціи, обладаетъ несомнѣнно характеромъ *цѣлесообразности*. Другой вопросъ, основывается ли эта цѣлесообразность душевной организаціи на цѣлесообразности строенія физическаго организма, или та и другая сообразность суть „двѣ стороны" одного и того же по существу явленія или, наконецъ, послѣднюю причину этой цѣлесообразности слѣдуетъ искать въ

области духа—иными словами, будемъ ли мы ее объяснять матеріалистически, монистически или спиритуалистически,—несомнѣнно одно: „душевная дѣятельность вообще цѣлесообразна: она имѣетъ такое громадное значеніе для самосохраненія индивида, что послѣднее стало бы немыслимо, если бы не признать душевную дѣятельность въ высшей степени согласною съ требованіями цѣлесообразности *).“ Здѣсь прежде всего мы видимъ ту же основную точку зрѣнія на человѣческій интеллектъ, какъ на орудіе въ борьбѣ за существованіе **). Мало того. Это признаніе для Авенаріуса играетъ значеніе также исходнаго пункта при установленіи требованій, законно предъявляемыхъ жизнью къ философіи. „Организація, функціонирующая цѣлесooобразно—говоритъ далѣе Авенаріусъ ***)—должна не только выполнять задачу, но выполнять ее съ возможно меньшей—при данныхъ условіяхъ—мѣрой силъ, или самыми незначительными средствами. Данное рѣшеніе считается тѣмъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ меньше безполезная трата силъ,—и, слѣдовательно, чѣмъ больше силъ сбережено для другихъ функцій; данная трата силъ будетъ тѣмъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ большій результатъ достигнутъ посредствомъ ея ****). Философія должна отвѣчать на это требованіе *экономіи* въ употребленіи и затратѣ человѣкомъ его душевныхъ силъ. Философія должна быть методически построеннымъ міросозерцаніемъ, помогающимъ человѣку съ наименьшей затратой силъ оріентироваться въ пестромъ калейдоскопѣ впечатлѣній внѣшняго міра и цѣлесообразно реагировать на нихъ. „Если бы—говоритъ Авенаріусъ—душа обладала неистощимыми силами для развитія представленій, то для нея было бы, конечно, безразлично, какъ много истрачено изъ этого неисчерпаемаго источника; важно было бы, пожалуй, только время, необходимо затраченное. Но такъ какъ силы эти ограничены, то слѣдуетъ ожидать, что душа стремится выполнять процессы ознакомленія, познаванія по возможности цѣлесообразно, т. е. съ сравнительно наименьшей затратой силъ,

*) Р. Авенаріусъ: «Философія, какъ мышленіе о мірѣ согласно принципу наименьшей мѣры силъ». «Научно-филос. библіотека». СПБ. 1899, стр. 7, § 1.

**) Точно также и для Эрнста Маха «diese ersten physischen Functionen *wurzeln in der Oekonomie des Organismus* nicht minder, als fest, als Bewegung und Verdauung.

***) Въ работѣ Петцольда («Minima, Maxima und Oekonomie», Altenburg 1891) проведена тщательная параллель между взглядами Авенаріуса и взглядами, къ которымъ самостоятельно, независимо и приблизительно одновременно пришелъ извѣстный физикъ Эрнстъ Махъ. Даемъ здѣсь одну изъ параллельныхъ цитатъ: «Wenn das Denken mit seinen begrenzten Mitteln versucht das reiche Leben der Welt wiederzuspiegelen, von dem es selbst nur ein kleiner Theil ist, und das zu erschöpfen es niemals hoffen kann, so hat es alle Ursache mit seinen Kräften sparsam umzugehen. Daher der Drang aller Philosophien mit wenigen organisch gegliederten Gedanken die Grundrüge Wirklichkeit zu umtassen (s. 55).

****) Ibid., § 2, стр. 7.

или, что то же, съ сравнитель о наибольшимъ результатомъ *)." Именно поэтому основная задача науки и, на еще болѣе высокихъ ступеняхъ, философіи, — объединять, систематизировать данныя опыта. „При систематизаціи происходитъ организація группъ представленій, при чемъ центральное мѣсто въ сознаніи отводится особо важному комплексу представленій; вокругъ же него, въ надлежащемъ порядкѣ, располагаются другія представленія. Совокупность представленій, объединенныхъ теоретическимъ интересомъ индивида, получаетъ распорядокъ, организуется. Только такимъ путемъ сознаніе впервые возвышается надъ наличнымъ запасомъ представленій и лучше освоивается съ нимъ. Но тѣмъ самымъ всѣ постановки вопросовъ получаютъ единое, общее рѣшеніе, т. е. каждый разъ формировка понятія совершается посредствомъ одной лишь группы—центральнаго представленія системы **); кромѣ того, воспроизведеніе этой группы становится все легче и понятнѣе, благодаря ея благопріятному положенію и частому примѣненію. Наконецъ, всякая новая проблема тотчасъ же находитъ соотвѣтственное мѣсто въ ряду родственныхъ ей проблемъ и получаетъ свое рѣшеніе чрезъ ея отношеніе къ центральному представленію..." Вполнѣ понятно, что, не имѣй мы, такой способности связыванія, объединенія представленій, умъ нашъ положительно былъ бы подавленъ множествомъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ, каждый разъ особыхъ воспріятій, требующихъ отдѣльнаго ознакомленія и запоминанія. Будь силы человѣческаго ума безграничны, можетъ быть, такое безусловно-конкретное знаніе являлось бы идеальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы втиснуть всякое новое представленіе въ систему, уложить его въ извѣстное родовое понятіе, приходится руководиться общими сходствами и жертвовать нѣкоторыми индивидуальными особенностями выдѣляющими именно это явленія на особое мѣсто въ ряду другихъ***). И надо сознаться, что часто, очень часто система оказывается прокустовымъ ложемъ для всякаго новаго факта, новаго вопроса; что накопленіе этихъ новыхъ фактовъ и вопросовъ то и дѣло разрываетъ тѣсныя рамки системы и заставляетъ передѣлывать, перестраивать ее заново, чтобы привести площадь и объемъ теоретической храмины въ большее соотвѣтствіе съ массой разнообразнаго строительнаго матеріала, изъ котораго приходится его соорудить. Но при ограниченности нашихъ душевныхъ силъ иначе поступать

*) Ibid., § 6, стр. 8.

**) Такъ, наприм., у экономическихъ матеріалистовъ всякій новый историческій фактъ, всякій новый вопросъ получаетъ единое освѣщеніе, когда онъ приводится въ связь съ «центральнымъ представленіемъ системы»—формами производства каждой данной эпохи. *В. Ч.*

***) «Freilich liegt in dem ökonomischen Schematisiren des Wissenschaft nicht nur ihre Stärke, sondern auch ihr Mangel. Die Thatsachen werden immer nur mit einen Opfer an vollständigkeit dargestellt, nicht genauer, als dies unseren augenblicklichen *Bedürfnissen* entspricht.» Petzold, e. c. 57.

мы не можемъ. Система—своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ совершенствомъ—даетъ намъ возможность справиться съ безпорядочной массой впечатлѣній, такъ или иначе овладѣть ими, вмѣсто того, чтобы быть раздавленными этой грудой сырого, необработаннаго матеріала. Систематизація есть одинъ изъ главныхъ моментовъ сбереженія силъ. Орудіемъ систематизаціи является составленіе понятій, объединеніе представленій въ группы по сходству *). Эти понятія будутъ родовыми, если мы мыслимъ группы цѣлостныхъ представленій о конкретныхъ единствахъ, встрѣчаемыхъ въ природѣ, о предметахъ или существахъ природы. Эти понятія будутъ отвлеченными, абстрактными, если мы отрозниваемъ отъ этихъ конкретныхъ единствъ тѣ или другія отдѣльныя черты, свойства или качества ихъ. Наконецъ, есть еще третій видъ понятій: мы можемъ объединять и систематизировать общія черты не конкретныхъ предметовъ, *а процессовъ*, разсматривая природу не статически, а динамически, схватывая вещи не въ отдѣльный *моментъ*, т. е. въ состояніи неподвижности, а въ текучемъ состояніи, въ движеніи. Общія понятія, составляемыя такимъ образомъ, даютъ намъ то, что мы называемъ обычно „законами природы" **). Дѣло науки и философіи—это, начиная съ фундамента элементарныхъ воспріятій и вырабатываемыхъ изъ нихъ представленій—т. е. съ фундамента *опыта*, построить многоэтажное зданіе, или, лучше сказать, цѣлую пирамиду все болѣе и болѣе всеохватывающихъ понятій. Философія въ этомъ отношеніи различается отъ науки не принципіально, а лишь по степени обобщенія. Довольно удачно, поэтому,

---

*) «Понятія можно расположить въ рядъ отъ абсолютно-простого или понятія объ абсолютно-простомъ до абсолютно-всеобщаго или понятія объ абсолютно-всеобщемъ. Въ абсолютно-простомъ понятіи пониманіе встрѣчаетъ свой «низшій» предѣлъ, ибо подъ такое понятіе нельзя подвести болѣе простое; въ абсолютно-общемъ понятіи пониманіе достигаетъ своего наиболѣе, «высокаго» предѣла, такъ какъ не можетъ быть еще болѣе общее понятіе которому подчинялось бы абсолютно-общее. Поэтому всѣ науки, имѣющія цѣлью пониманіе, считаютъ свое дѣло поконченнымъ, если, посредствомъ понятій, онѣ, съ одной стороны, разложатъ свой матеріалъ на его простѣйшія элементы, а съ другой—выведутъ изъ него тѣ понятія, которыя менѣе всего охватываютъ совокупность явленій, т. е. выведутъ самыя общія понятія и основные или наивысшіе законы.» Авенаріусъ, ib., 16.

**) «Сущность нашего пониманія явленій природы состоитъ въ томъ, что мы стараемся отыскать родовыя понятія и естественные законы. Законы природы ничто иное, какъ родовыя понятія для измѣненій въ природѣ» (Гельмгольцъ. Handbuch der physiologischen Optik, Leipzig, 1867, 454). «Законы—также апперцепціи черезъ понятія; но они относятся не къ свойствамъ однородныхъ вещей, какъ понятія въ строгомъ смыслѣ слова, а къ свойствамъ однородныхъ событій.» (Авенаріусъ, ib., 16.) Поправка Авенаріуса намъ кажется правильною. Законы относятся къ процессамъ скорѣе такъ, какъ *отвлеченныя* понятія относятся къ вещамъ, чѣмъ какъ *родовыя*. Для Маха законъ—«umfassender und verdichteter Bericht über Thatsachen» zur «Entlastung des Gedächtnisses.»

замѣчаніе Спенсера: знаніе необобщенное есть лишь эмпирическое, а не научное знаніе; знаніе, обобщенное въ частныхъ областяхъ, есть наука; знаніе же, совершенно обобщенное, есть философія. Только она даетъ закругленіе нашему міросозерцанію, объединяя отдѣльныя *науки* и создавая изъ нихъ единую *науку*.

Но все это только одна сторона дѣла. Тотъ же утилитарный принципъ, принципъ экономіи силъ требуетъ не только правильнаго, раціональнаго, логически-регулированнаго систематизированія даннаго въ опытѣ. Онъ требуетъ не только радикальнаго устраненія всякихъ попытокъ сверхъ-опытнаго „прозрѣванія", всякихъ попытокъ выйти изъ рамокъ относительной, условной „истины для человѣка". Мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ будетъ полно и послѣдовательно лишь тогда, когда отъ всякихъ незаконныхъ примѣсей будетъ очищенъ не только самый процессъ систематизаціи, построенія цѣлостнаго міросозерцанія, но и самый матеріалъ, изъ котораго зданіе строится. Изъ этого матеріала должно быть также устранено все лишнее. Требованіе доброкачественности этого матеріала есть требованіе очищенія отъ всякихъ примѣсей, отъ всего посторонняго и ненужнаго, отъ всѣхъ чуждыхъ элементовъ—*самого опыта*. Полученіе *чистаго*, безпримѣснаго опыта, въ связи съ научной обработкой и систематизаціей *единственно* данныхъ этого опыта—вотъ два условія, безъ которыхъ философія не будетъ мышленіемъ о мірѣ сообразно наименьшей мѣрѣ силъ.

„Метафизики всѣхъ вѣковъ, пытавшіеся построить законы вселенной умозаключеніемъ отъ предполагаемыхъ необходимостей нашей мысли, всегда дѣйствовали и могли дѣйствовать, лишь ревностно открывая въ своемъ умѣ то, что они сами предварительно въ него вложили, и выпутывая изъ своихъ идей то, что они сами въ нихъ впутали"—сочувственно цитируетъ Н. К. Михайловскій слова одного изъ рѣшительнѣйшихъ англійскихъ эмпиристовъ—Милля. И радикальный разрывъ со всякой метафизикой требуетъ послѣдовательнаго, систематическаго и безжалостнаго удаленія изъ познанія (а слѣдовательно, и его источника—опыта, эмпиріи) всего того, что въ него „впутано" и „вложено" произвольно, что не необходимо навязывается человѣку природою человѣческаго опыта. Острый ножъ философской критики долженъ срѣзать всѣ чужеядныя растенія на „древѣ познанія". А изъ чужеядныхъ организмовъ самыя опасные какъ разъ тѣ, которые нападаютъ на самыя корни дерева; изъ всѣхъ ядовъ самые опасные тѣ, которые поражаютъ самый источникъ ручья или рѣки. Кантъ далъ намъ „критику чистаго разума", которая подорвала привнесеніе чуждыхъ, метафизическихъ элементовъ въ области *мысли*. Необходима „критика чистаго опыта" для устраненія субъективныхъ примѣсей въ этотъ источникъ и корень всякой мысли.

Философія чистаго опыта, такимъ образомъ, представляетъ собою эмпиризмъ, основанный на философскомъ критицизмѣ, откуда и его названіе „эмпиріо-критицизмъ". Эта философія сознательно, критически-обдуманно идетъ къ той цѣли, которую не вполнѣ сознательно преслѣдовалъ позитивизмъ. Для насъ чрезвычайно интересно отмѣтить, что Н. К. Михайловскій уже давно, еще въ 1870 году, за шесть лѣтъ до появленія на нѣмецкомъ языкѣ „Философіи, какъ мышленія о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ" *), вполнѣ уяснилъ себѣ эту безсознательную тенденцію позитивизма и даже въ общихъ чертахъ совершенно отчетливо ее формулировалъ совершенно въ духѣ Авенаріуса. „Черезъ всю дѣятельность Конта, не исключая и его позднѣйшихъ заблужденій—писалъ Михайловскій въ статьѣ „Суздальцы и суздальская критика"—свѣтлою нитью проходитъ одна простая, но глубокая идея: необходимость *такъ экономизировать силы* природы и человѣка, *чтобы трата ихъ вознаграждалась соотвѣтственною прибылью.* Я не утверждаю, чтобы онъ гдѣ нибудь такимъ именно образомъ формулировалъ свою задачу (нѣтъ, это сдѣлали со всѣми послѣдствіями лишь Махъ и Авенаріусъ. *В. Ч.*), но присутствіе этой идеи для меня очевидно и въ его анализѣ трехъ методовъ мышленія, и въ классификаціи наукъ, etc., etc". „Въ виду этой идеи, можетъ быть, имъ самимъ смутно сознаваемой (въ чемъ я, впрочемъ, отнюдь не убѣжденъ)... Контъ предпринялъ и совершилъ дѣло, поистинѣ гигантское. Требовалось опредѣлить границы человѣческой природы и заставить людей принять какъ для теоретической, такъ и для практической дѣятельности, такой девизъ: только то, что могу, но все, что могу... *Требованіе экономіи умственныхъ силъ* **) *само собою должно было отодвинуть назадъ какъ стремленіе проникнуть въ сущность вещей, познать вещи въ себѣ, такъ и излишнюю спеціализацію знаній.* Корабль человѣческой мысли былъ нагруженъ страшно, черезъ край; въ составъ груза входило много въ высшей степени драгоцѣнныхъ вещей, но много было и совершенно негоднаго балласта; вдобавокъ все это валялось въ безпорядкѣ и затрудняло управленіе ходомъ корабля. Задача, слѣдовательно, была двойная: *выкинуть*

*) Что касается до Э. Маха, то онъ изложилъ свои идеи главнымъ образомъ въ 1882, 1883 и 1888 гг. («Die Oekonomische Natur der physikalischen Forschung», «Die Mechanik in ihrer Entwikelung», «Beiträge zur Analyse der Empfindungen»). Но даже и впервые свою точку зрѣнія на «экономическій принципъ» въ мышленіи онъ высказалъ позже Н. К. Михайловскаго, въ 1872 году.

**) Еще болѣе разительнымъ представляется сходство формулировокъ Н. К. Михайловскаго съ формулировкой Маха, выдвинувшаго свой «Grundansicht über die *Natur aller Wissenschaft* als einer *Oekonomie des Denkens*». Статьи Маха по теоріи познанія недавно изданы по-русски Ю. А. Маноцковой въ видѣ особаго сборника; усиленно рекомендуемъ ихъ вниманію читателей.

за бортъ человѣческой мысли всю неподлежащую ея вѣдѣнію область непознаваемаго и расположить познаваемое, если можно такъ выразиться, *по линіи наименьшаго сопротивленія*". Не трудно видѣть, что изъ современныхъ философскихъ системъ этому требованію наиболѣе удовлетворяетъ именно эмпиріо-критицизмъ. Онъ именно „выбрасываетъ за бортъ человѣческой мысли" множество проблемъ, какъ неправильно поставленныхъ и потому допускающихъ, вмѣсто научнаго рѣшенія, лишь непроизводительную и безрезультатную *трату силъ*.

Какъ извѣстно, однако, Авенаріусъ не остановился на первоначальной формулировкѣ своего принципа, какъ принципа „наименьшей мѣры силъ". Въ своей основной работѣ, „Критикѣ чистаго опыта", онъ видоизмѣнилъ нѣсколько свою позицію. Однако, если это видоизмѣненіе очень существенно въ методологическомъ смыслѣ, для построенія всей системы, то *принципіально*, въ смыслѣ объединенія теоретическаго и практическаго момента, устраненія дуализма „истины", никакого отступленія не произошло. Напротивъ, это единство еще болѣе укрѣпилось. Для Авенаріуса исходной точкой является предположеніе, что человѣческій организмъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, самъ можетъ сохранять себя. Носителемъ единства этого организма является центральная нервная система, въ которой, какъ въ фокусѣ, соединяются всѣ идущія отъ периферіи измѣненія и которыя она опять возвращаетъ къ периферіи (реакція на вліянія извнѣ). Идущія отъ окружающей среды измѣненія являются сплошь и рядомъ враждебными по отношенію къ гармоническому строю организма, разстраивающими формальный строй центральной нервной системы. Этимъ пертурбаціоннымъ вліяніямъ центральная система, или, говоря психологическимъ языкомъ, человѣческій духъ противопоставляетъ свою, унаслѣдованную въ ряду поколѣній потенціальную энергію, способность сохраненія самой себя путемъ извѣстныхъ измѣненій—„приспособленій". Этотъ принципъ поддержанія (Erhaltung) своего формальнаго строя, своей гармоніи („жизнесохраненія" Авенаріуса), принципъ „устойчивости" („Stabilität" Петцольда) замѣнилъ у Авенаріуса прежнее понятіе „наименьшей мѣры силъ" или „экономіи" Маха *). И этой замѣнѣ какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ другая, имѣющая глубокій смыслъ формулировка Н. К. Михайловскаго: „Истина есть, если можно такъ выразиться, извѣстный, спеціальный случай *равновѣсія* между субъектомъ и объектомъ", между человѣкомъ и окружающей средой: природой и другими людьми.

---

*) Ср. Карстаньенъ, «Введеніе въ критику чистаго опыта», пер. В. Лесевича, СПБ. 1899, стр. 14—15. Нетрудно видѣть, что понятіе «экономіи силъ» является при этомъ понятіемъ подчиненнымъ, а не самостоятельнымъ, частичнымъ, а не всеобщимъ.

И здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, г. Михайловскій, не думавшій никогда ни о спеціальной разработкѣ философскихъ проблемъ, ни о созданіи новой философской школы или чего нибудь подобнаго, однако, предвосхитилъ правильную точку зрѣнія, до которой лишь впослѣдствіи доработалась западно-европейская философская мысль.

Любопытно отмѣтить въ связи съ этимъ, что отъ вниманія Н. К. Михайловскаго не ускользнуло и то обстоятельство, что посторонніи примѣси содержатся не только въ привычкахъ мысли человѣка, но и въ элементарной основѣ познанія, въ простой эмпиріи, въ опытѣ и наблюденіи. Вслѣдъ за Спенсеромъ онъ отмѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что „точное наблюденіе есть дѣло вовсе не такое легкое и простое, какъ обыкновенно думаютъ“, что въ этомъ скрыто для познанія много опасностей, противъ которыхъ „есть только одно средство: по возможности *тщательно провѣрять свое эмпирическое содержаніе и отыскивать его источники*“ *). Именно эта „тщательная провѣрка эмпиріи“ и есть задача „критики чистаго опыта“ Авенаріуса. Подобно Авенаріусу, Н. К. Михайловскій всегда былъ глубоко убѣжденъ, что „все наше психическое содержаніе безъ остатка, т. е. всѣ наши мысли, знанія, будь они истинны или ложны, всѣ наши желанія или чувства, будутъ ли они хороши или дурны—обязаны своимъ происхожденіемъ опыту“. „Ни внѣ насъ, ни внутри насъ—прибавлялъ г. Михайловскій—мы не можемъ признать существованія какихъ либо особыхъ дѣятелей, дающихъ намъ, помимо опыта, готовыя рѣшенія“... **).

Въ нашу задачу здѣсь, конечно, не можетъ входить обсужденіе вопроса, насколько успѣшно въ настоящее время справился эмпиріо-критицизмъ съ тою задачею, которую онъ себѣ поставилъ; все ли, что нужно было выкинуть изъ опыта, какъ чуждую ему субъективную примѣсь, онъ дѣйствительно выкинулъ, и все ли изъ того, что онъ выкинулъ, дѣйствительно нужно было выкинуть. Намъ важно было лишь отмѣтить, что въ принципѣ, въ самой постановкѣ задачи—безповоротно раздѣлаться разъ и навсегда со всякой метафизикой путемъ соединенія позитивнаго эмпиризма съ философскимъ критицизмомъ, путемъ очищенія не только разума, но и опыта, и устранить изъ „истины“ всякій разъѣдающій дуализмъ, — г. Михайловскій хочетъ того же, что и Авенаріусъ. Онъ также стремится сочетать свойственный позитивизму эмпиризмъ съ критической философіей, какъ его надежнѣйшей опорой и фундаментомъ.

Критическую философію Н. К. Михайловскій всегда считалъ прекраснымъ дисциплинирующимъ умъ средствомъ. Знакомство съ нею онъ настойчиво рекомендовалъ своимъ читателямъ. „Прежде

*) «Что такое прогрессъ?» Соч., т. I, стр. 117.
**) Ibid., 113.

всего—пишетъ онъ, напримѣръ, въ своихъ *Письмахъ о правдѣ и неправдѣ*—мы должны выяснить, какія границы положены нашему уму его природой. Въ этомъ именно состоитъ то, что обыкновенно называется теоріей познаванія. Я не буду ее здѣсь развивать, но вы, конечно, знаете, хотя въ общихъ чертахъ, тѣ результаты, къ которымъ на этотъ счетъ пришло большинство мыслящихъ людей. За малыми и не стоющими большого вниманія исключеніями всѣ они признаютъ, что человѣку доступна только относительная правда, что животное съ иной организаціей должно понимать вещи иначе, что правда, съ точки зрѣнія человѣка не есть что нибудь вполнѣ соотвѣтствующее „природѣ вещей" и обязательное для всѣхъ существъ. Человѣкъ добываетъ элементы „правды" при помощи пяти чувствъ, а будь у него ихъ больше или меньше, „правда" представлялась бы ему совсѣмъ иначе. Границъ, отмѣченныхъ перстомъ природы, переступить нельзя"... „Природа человѣка—не заборъ, черезъ который можно перелѣзть и благополучно очутиться на другомъ дворѣ, это—самъ человѣкъ, а перепрыгнуть черезъ самого себя при всемъ желаніи невозможно".

А между тѣмъ именно такой попыткой выпрыгнуть изъ собственной шкуры кажется г. Михайловскому всякое стремленіе познать безусловную, безотносительную къ модифицирующимъ чувственнымъ аппаратамъ человѣка „дѣйствительность" или „вещь въ себѣ" *). „Положительной наукѣ—говоритъ онъ—нѣтъ никакого дѣла до субстанцій и соотвѣтствующихъ имъ критеріевъ истинности нашихъ понятій... Для нея истина есть только, если можно такъ выразиться, *извѣстный, спеціальный случай равновѣсія между субъектомъ и объектомъ*".

Слѣдующій, отчасти шуточный примѣръ служитъ у г. Михайловскаго иллюстраціей этого положенія. „По моему столу ползаетъ ранняя муха, отогрѣтая высокой температурой комнаты. Безъ сомнѣнія, она имѣетъ о столѣ представленіе, совершенно отличное отъ моего, но разъ природа ея удовлетворяется этимъ представленіемъ, оно для нея истинно. И если есть мухи-метафизики, то онѣ будутъ совершенно тщетно выбиваться изъ силъ, стараясь усвоить себѣ какія нибудь высшія или вообще иныя—напримѣръ, человѣческія понятія о вещахъ. Совершенно такъ же и человѣку

*) «Потому гораздо лучше будетъ говорить не о предѣлахъ познанія, а о необходимыхъ предпосылкахъ его, которыя, правда, также ставятъ предѣлы изслѣдованію, но единственно лишь потому, что они служатъ ему средствами или руководятъ его ходомъ». «Что узнаемъ мы изъ опыта? Только дѣйствія вещей на наше сознаніе. Такимъ образомъ отъ собственнаго бытія «вещи» мы отдѣлены ея явленіемъ для нашего сознанія, или нашимъ о ней представленіемъ. Но только философъ абсолюта, которому хотѣлось бы представить себѣ вещи такъ, каковы онѣ внѣ всякаго представленія, можетъ усмотрѣть въ этой необходимости, составляющей условіе всякаго познанія,—предѣлъ ему, границу». А. Риль, ibid., стр. 25 и 35.

надлежитъ, по совѣту Фейербаха, „довольствоваться даннымъ міромъ", т. е. такимъ, какимъ онъ данъ для него, человѣка" *). „Иной выходъ возможенъ только для человѣка, *вѣрующаго*, что правильное пониманіе сообщено ему супранатуральнымъ путемъ, и видящаго въ этомъ высшемъ происхожденіи своего пониманія гарантію его правильности; да еще для метафизика, убѣжденнаго въ возможности познанія нумена, вещи въ себѣ, субстрата, сущности явленій. Человѣку науки не приходится такъ презирать свою собственную природу". „*Границы науки* совпадаютъ съ *границами человѣка*, какъ существа цѣльнаго и единаго... Нѣтъ абсолютной истины, есть только истина *для человѣка*, и, за предѣлами человѣческой природы—нѣтъ истины для человѣка". „Я не знаю, что имѣлъ въ виду авторъ извѣстной картины, изображающей истину обнаженной женщиной съ факеломъ въ рукѣ. Но я знаю, что факелъ истины, обнаженной отъ условностей человѣческой природы, неспособенъ освѣтить даже малѣйшее пространство, и не ему бороться съ окружающимъ человѣчество мракомъ"!

Во всѣхъ этихъ соображеніяхъ, проникнутыхъ духомъ критицизма и позитивизма, намъ хотѣлось бы еще разъ обратить особенное вниманіе читателей на одну струю идей, характерныхъ лично для г. Михайловскаго, представляющихъ его оригинальную особенность и ярко выдѣляющихъ его изъ ряда другихъ приверженцевъ научной философіи. Это—убѣжденіе въ томъ, что послѣдняго, конечнаго критерія истины нужно искать не въ чисто теоретической, а въ практической области. Истина есть „извѣстный, спеціальный случай равновѣсія между субъектомъ и объектомъ въ частности, „между человѣкомъ и природой и другими людьми". Различно организованныя существа, процессомъ эволюціи приспособленныя къ различнымъ сферамъ жизни, различнымъ образомъ устанавливаютъ и это „соотвѣтствіе между собою объектомъ—природой". Отсюда—различіе психофизическихъ организацій и соотвѣтственное различіе въ ихъ представленіяхъ о мірѣ. Не надо забывать, что въ концѣ концовъ интеллектъ есть такое же орудіе въ борьбѣ за существованіе, какъ и физическіе органы. Полезность, приспособленіе, подборъ должны были играть громадную роль въ созданіи, выработкѣ изъ безформеннаго матеріала ощущеній опредѣленныхъ, стройныхъ понятій о мірѣ, дозволяющихъ оріентироваться въ немъ и реагировать на его вліянія все болѣе и болѣе сознательно и цѣлесообразно. Вотъ почему г. Михайловскій и говоритъ о „сложномъ, отчасти произвольномъ опытѣ", путемъ котораго и теперь еще ребенокъ „научается вырабатывать *правильныя, т. е. пригодныя для жизни* представленія о предметахъ". Вотъ почему, согласно его мнѣнію, „важно только, чтобы познаніе удовлетворяло требованіямъ человѣческой

*) Ср. А. Риль, «Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма»: «Что такое само по себѣ вещество или матерія, т. е. помимо тѣхъ ощущеній, по которымъ мы только и знаемъ матерію, и вѣдаемъ о ея существованіи—это для насъ неизслѣдимо, да и вопросъ о томъ, по настоящему—*совершенно праздный* вопросъ». (гл. II, стр. 31).

природы, и *критерія истины слѣдуетъ искать уже въ этомъ удовлетвореніи*".

Любопытно, что въ самое послѣднее время и здѣсь, и въ этомъ пунктѣ западно-европейская философская мысль—на этотъ разъ, въ лицѣ Г. Зиммеля,—пришла къ аналогичнымъ заключеніямъ въ вопросѣ о критеріи истины. Уже въ своемъ „Einleitung in die Moralwissenschaft" Зиммель бросилъ мимоходомъ мысль о томъ, что критерій истины въ послѣднемъ счетѣ нужно искать въ области *практики*. „Это будутъ исключительно практическія побужденія, которыя учатъ различать между категоріями сущаго и воображаемаго... Если поступки, исходнымъ пунктомъ которыхъ являются опредѣленныя представленія, не достигаютъ ожидаемаго результата—то съ этими представленіями психологически ассоціируется другое чувство, чѣмъ съ другими представленіями, на основаніи которыхъ мы достигали своихъ цѣлей. Въ основѣ лежитъ при этомъ вовсе не категорія бытія, въ которую мы на основаніи опыта вдвигаемъ или изъ которой исключаемъ тѣ или другія представленія; естественнѣе дѣло идетъ такимъ образомъ, что среди нашихъ представленій на основаніи практическаго опыта—удовлетворенности съ одной стороны, разочарованія, съ другой—происходитъ дифференцированіе: одна часть получаетъ имя представленій, обладающихъ реальностью,—другая же—простыхъ идей, не болѣе"... Такимъ образомъ, „приписывая извѣстному представленію реальность, бытіе, мы выражаемъ этимъ наличность извѣстнаго отношенія этого представленія къ нашимъ чувствамъ и нашему практическому поведенію" *).

Эта вскользь брошенная мысль пріобрѣтаетъ полное и настоящее освѣщеніе при ея сопоставленіи съ цѣлымъ цикломъ идей, развитыхъ Зиммелемъ впослѣдствіи въ его работѣ „Объ отношеніи селекціоннаго ученія къ теоріи познанія".

Уже давно—говоритъ онъ въ этой работѣ—было высказано предположеніе, что человѣческое познаніе возникло, родилось на почвѣ практическихъ запросовъ, касавшихся сохраненія и обезпеченія жизни. Но эта вѣрная мысль часто фигурируетъ въ грубо-наивной и совершенно нефилософской формѣ. Именно, предполагается, что существуетъ независимая отъ субъективнаго міра, отъ психофизической организаціи человѣка истина; и вотъ, путемъ естественнаго подбора, представленія, соотвѣтствующія этой объективной истинѣ, оказываясь полезными для жизни, выживаютъ и сохраняются, тогда какъ другія представленія, этой объективной, независимой истинѣ не соотвѣтствующія—напротивъ, оказываются вредными для поддержанія жизни, вводятъ въ заблужденія и погибаютъ,—часто вмѣстѣ со своими носителями. Съ этой точки зрѣнія критеріемъ истинности служитъ соотвѣтствіе съ независимой объективной дѣйствительностью, а истинность представленія является причиной его полезности. Съ точки же зрѣнія Зиммеля отношеніе какъ разъ обратное. Абсолютной, независимой „истины" не существуетъ; поэтому она не можетъ

*) «Einleitung etc.» von Georg Simmel, Berlin, 1892, I, 4, 5.

быть антецедентомъ, необходимымъ предварительнымъ условіемъ, опредѣляющимъ полезность представленія. Наоборотъ, полезность есть prius, генетически она существуетъ раньше, она и есть то опредѣляющее начало, которое на зарѣ развитія психической жизни заставляло субъекта оріентироваться въ хаосѣ смутныхъ, сбивчивыхъ, несвязанныхъ между собою, неопредѣленныхъ и недифференцированныхъ представленій. Полезность, и ничто иное, заставляло этого субъекта психологически различно относиться къ разнымъ группамъ представленій, одни изъ нихъ выдѣляя, какъ полезныя по своимъ результатамъ, другія—какъ вредныя; одни—какъ помогающія установить должное равновѣсіе между организмомъ и средой, должное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ,—другія же, какъ мѣшающія установленію этого необходимаго соотвѣтствія.

„Мое мнѣніе, слѣдовательно, таково: между безчисленными, психологически-появляющимися представленіями есть нѣкоторыя, которыя своими воздѣйствіями на поведеніе субъекта оказываются полезными, благопріятными для жизни послѣдняго. Они-то и фиксируются обычнымъ способомъ подбора и въ своей совокупности образуютъ „истинный“ міръ представленій“. „Такое сведеніе истины къ полезности... еще болѣе становится вѣроятнымъ при взглядѣ на психофизическія организаціи, стоящія ниже человѣка. Чувственныя представленія животныхъ, которыми они отвѣчаютъ на воздѣйствія внѣшней природы, часто должны чрезвычайно рѣзко отличаться отъ нашихъ. Несомнѣнно, многія животныя обладаютъ ощущеніями, которыхъ мы совершенно не знаемъ,—это доказывается, съ одной стороны, нѣкоторыми особенностями ихъ поведенія, съ другой — открытіемъ нервныхъ аппаратовъ, аналогами которыхъ мы не обладаемъ; другимъ, также несомнѣнно, недостаетъ нѣкоторыхъ чувствъ, которыя присущи намъ, у третьихъ, наконецъ, острота качественно-равныхъ ощущеній сильнѣе или слабѣе, чѣмъ у насъ. Причину этой разницы можно искать только въ томъ, что для одного вида наиболѣе приспособленнымъ къ условіямъ его существованія является одинъ комплексъ ощущающихъ аппаратовъ, для другого—другой. Но изъ такого разнообразнаго матеріала неизбѣжно могутъ получиться только разныя міросозерцанія. Поэтому, представленія о сущемъ, которыя животныя себѣ составляютъ, во всемъ своемъ разнообразіи обусловлены субъективными ихъ жизненными потребностями“. „Для животнаго то представленіе истинно, которое ляжетъ въ основу наиблагопріятнѣйшаго для его условій поведенія, такъ какъ именно необходимость въ такомъ поведеніи и создала тѣ органы, при посредствѣ которыхъ вообще формируются его представленія“.

Итакъ, не самостоятельная, предварительно установленная „истинность“ представленія создаетъ его „полезность“, а наоборотъ—полезность для даннаго вида данныхъ методовъ поведенія привела къ отбору соотвѣтственныхъ этимъ методамъ представленій, какъ истинныхъ относительно, истинныхъ для этихъ, извѣстнымъ образомъ организованныхъ существъ. „Даже за всякой

логикой и ея обманчивой само-красотой движенія, скрываются оцѣнки, яснѣе—физіологическія требованія сохраненія опредѣленнаго вида жизни", какъ выразился Ницше. Ясно, что съ этой точки зрѣнія понятіе истины „теряетъ всякую самостоятельность: истина перестаетъ быть такимъ свойствомъ представленій, которое можетъ быть опредѣлено при помощи теоретическихъ критеріевъ, при чемъ представленія, уже окончательно выработанныя, служатъ основою цѣлесообразнаго поведенія; но изъ безчисленнаго множества появляющихся представленій только тѣ обозначаются и сохраняются при помощи естественнаго подбора, которыя оказываются полезными по своимъ дальнѣйшимъ послѣдствіямъ, и слово „истинный" не обозначаетъ ничего другого, какъ именно это правильное, практически полезное слѣдствіе мышленія". „При этомъ вышеупомянутыя основныя представленія на столько же должны быть истинными въ обыденномъ... смыслѣ (т. е. въ смыслѣ точнаго копированія абсолютно внѣ нашего сознанія лежащей дѣйствительности. В. Ч.), на сколько манипуляціи на телеграфномъ станкѣ имѣютъ сходство со словами, записываніе которыхъ они вызываютъ на другой станціи". „Тотъ же фактъ, что теперь субъектъ въ своихъ поступкахъ руководится познанной истиной и достигаетъ при этомъ желательныхъ результатовъ, объясняется просто тѣмъ, что первоначально истина руководилась практикой и ея результатами".

Сходство аргументаціи Зиммеля съ приведенной выше аргументаціи Н. К. Михайловскаго бьетъ въ глаза. Если у Зиммеля мысль и ея основа въ эволюціонной теоріи выяснена съ большей тщательностью, детальностью и тонкостью работы,—обычными достоинствами этого автора,—то за то на сторонѣ г. Михайловскаго пріоритетъ—и приблизительно двадцатилѣтній пріоритетъ — въ смѣлой и рѣшительной формулировкѣ той же самой, по существу, идеи. Сходство же иногда достигаетъ даже до почти полной тождественности выраженій—напр., въ доказательствѣ на примѣрѣ психофизическихъ организацій, стоящихъ ниже человѣческой на общей біологической лѣстницѣ, или въ сравненіи нашихъ субъективныхъ представленій объ объективномъ мірѣ съ телеграфными знаками, символами обозначаемыхъ словъ. Совершенно одинаково и пониманіе обоими авторами общаго смысла, общаго значенія провозглашаемой ими идеи. У г. Михайловскаго, пожалуй, это пониманіе еще шире. Для Зиммеля дѣло обстоитъ такимъ образомъ:

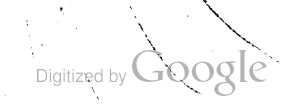
Онъ ставитъ вопросъ такъ: „нельзя ли найти объединяющій принципъ для устраненія двойственности между практическими жизненными потребностями, съ одной стороны, и противостоящимъ имъ субъективно познаваемымъ міромъ—съ другой; не имѣютъ ли эти, повидимому, столь независимые элементы—внѣшняя реальность и субъективная полезность—общаго корня"? На оба эти вопроса онъ отвѣчаетъ утвердительно и, такимъ образомъ, перебрасываетъ мостъ, устанавливаетъ связующее звено между областями сущаго и должнаго, объективно-реальнаго и субъективно-желательнаго. Онъ, однако, имѣетъ въ виду не установленіе цѣлостной системы „двуединой правды", „правды-истины

и правды-справедливости“. Главное пріобрѣтеніе новой точки зрѣнія онъ видитъ въ устраненіи одного философскаго недоразумѣнія: „какимъ образомъ можетъ вообще познаніе, опредѣляемое чисто субъективными формами, лечь въ основу благопріятной для нашего существованія дѣятельности“? Новая точка зрѣнія,—отвѣчаетъ Зиммель,—побѣдоносно побѣждаетъ эту трудность. „Это дѣлается понятнымъ только тогда, когда полезность дѣятельности принимается за основной факторъ, подбирающій опредѣленные виды дѣятельности и вмѣстѣ съ ними ихъ психологическія основы, которыя въ этомъ случаѣ въ теоретическомъ отношеніи получаютъ значеніе истинныхъ: т. е., когда не считаютъ, что основное свойство познанія—это его истинность, а производное—полезность, но, наоборотъ, что основное—полезность, а производное—истинность“.

Н. К. Михайловскаго интересуютъ главнымъ образомъ не подобные этому теоретическіе вопросы, а другіе, болѣе близкіе къ *практикѣ*, напр.: „почему мы можемъ требовать отъ познанія служенія жизни, практикѣ, ни малѣйшимъ образомъ не посягая на его научность, не унижая его объективной цѣнности, но, наоборотъ, даже возвышая послѣднюю?“ Зиммель—несравненный мастеръ по части плетенія тончайшаго кружева изъ окаймляющихъ философскую систему сопредѣльныхъ понятій, искусно расщепляемыхъ подъ философскимъ микроскопомъ въ зависимости отъ едва замѣтныхъ для невооруженнаго глаза оттѣнковъ. Что же касается до г. Михайловскаго, то онъ, вообще неохотно удалявшійся въ заоблачныя высоты философскихъ отвлеченностей, представляетъ въ этомъ отношеніи прямую противоположность Зиммелю. Н. К. Михайловскій всегда былъ скупъ на систематическій абстрактный анализъ. Его вѣчно звала къ себѣ жизнь, животрепещущая, полная борьбы, тревогъ и волненій, полная движеній и красокъ. Онъ чувствовалъ себя прежде всего участникомъ этой жизни, а его талантъ накладывалъ на него серьезнѣйшую изъ обязанностей—быть теоретическимъ знаменоносцемъ опредѣленнаго практическаго общественнаго теченія. Онъ долженъ былъ обосновывать desiderata этого теченія, его соціальное credo. И онъ крайне неохотно, лишь по стольку, по скольку это было безусловно необходимо, отходилъ въ область отвлеченныхъ философскихъ высотъ, чтобы твердой рукой заложить тамъ основныя грани, основные опорные пункты своего міросозерцанія, и, исходя изъ нихъ, немедленно освѣтить тѣ или иные „проклятые“ вопросы, лежащіе на границѣ мысли и жизни *). Такъ и здѣсь. Вопросъ о конечномъ критеріи истины Н. К. Михайловскаго интересуетъ лишь потому, что съ его помощью онъ долженъ немедленно разрѣшить вопросъ о соотношеніи теоретическаго и практическаго, объективнаго и субъективнаго моментовъ въ наукѣ о человѣческомъ обществѣ. И, намѣтивъ лишь въ самыхъ главныхъ и общихъ чертахъ свое отношеніе къ этому отвлеченному философскому вопросу, онъ

*) Именно поэтому во многихъ пунктахъ, гдѣ оба эти мыслителя сходятся въ результатахъ, въ конечныхъ выводахъ—г. Михайловскій и Зиммель прекрасно дополняютъ другъ друга.

тотчасъ переходитъ къ выясненію того чисто практическаго значенія, которое имѣетъ устраненіе дуализма между теоретическимъ познаніемъ и субъективнымъ, практическимъ отношеніемъ къ міру. „Нашъ критерій—говоритъ Н. К. Михайловскій — имѣетъ еще ту неоцѣнимую выгоду, что онъ объединяетъ области теоретическую и практическую, всѣ изъявительныя и повелительныя наклоненія всѣхъ человѣческихъ глаголовъ и всю дѣятельность человѣка. Не трудно видѣть, что красота, польза, справедливость въ отдѣльности представляютъ такіе же частные случаи равновѣсія между субъектомъ и объектомъ, между человѣкомъ и природой и другими людьми, какъ и истина; все это—различные способы удовлетворенія различныхъ требованій человѣческой природы".

Такимъ образомъ, падаетъ основное возраженіе противъ возможности научнаго построенія единой „системы правды", возраженіе, основывающееся на мнѣніи, будто у „правды-истины и „правды-справедливости" совершенно различны основные критеріи. Мѣриломъ истины является человѣкъ, какъ существо цѣлостное, не только мыслящее, но и чувствующее, стремящееся къ извѣстнымъ цѣлямъ, дѣйствующее. Его эмоціональная природа, его *потребности*, слѣдовательно, субъективная сторона его духа суть настоящіе законодатели въ области истиннаго для него, человѣка. Служеніе человѣку—служеніе не только въ грязно-житейскомъ, низменно-практическомъ смыслѣ, но въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, вотъ призваніе науки и философіи; и *степень исполненія ими этого призванія есть мѣрило ихъ научности.*

Таковы первые, самые общіе абрисы того моста, который, съ точки зрѣнія Н. К. Михайловскаго, долженъ неразрывно объединить теорію и практику жизни. Когда мы перейдемъ, такъ сказать, къ „теоріи соціологическаго познанія", къ „гносеологіи общественной науки" у Н. К. Михайловскаго, къ знаменитому „субъективному методу"—это единство теоретическаго и практическаго момента изъ абстрактнаго положенія превратится на нашихъ глазахъ въ нѣчто гораздо болѣе конкретное, постепенно будетъ облекаться плотью и кровью, пока не приметъ видъ стройной и полной жизненнаго, боевого духа теоріи „борьбы за индивидуальность". Но прежде мы должны отмѣтить точки соприкосновенія и расхожденія только что изложенной системы съ философскими взглядами марксизма.

Викторъ Черновъ.

(Продолженіе будетъ).

ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛѢНІЕ.

Романъ *Вальтера Безанта.*

Переводъ съ англійскаго **В. К—чъ.**

Отдаленный предокъ.

Было утро въ началѣ марта. Сѣверовосточный вѣтеръ скрипѣлъ сухими сучьями, на которыхъ еще отсутствовали признаки весны; небо застилала одна сплошная сѣрая туча, безъ малѣйшаго просвѣта или голубой полоски; по изгородямъ не виднѣлось цвѣтовъ, не исключая даже чистотѣла; земля еще не размякла по-весеннему, не дала молодыхъ побѣговъ; птицы грустно ежились на вѣткахъ, ожидая болѣе благопріятной погоды настолько терпѣливо, насколько позволялъ имъ плохо утоленный голодъ. Тѣ, которыя питались ягодами и почками, съ тревогою припоминали, что объѣли уже весь боярышникъ и смородинные кусты и что придется летѣть дальше, въ поле; тѣ же, кому надо было безпомощныхъ личинокъ, улитокъ, червей и всякихъ ползучихъ тварей, соображали, что въ такую погоду нельзя ни разрывать землю, ни надѣяться, чтобы черви выползли сами изъ своихъ зимнихъ убѣжищъ. Въ такую погоду, которая для всѣхъ тварей горше ужасовъ мороза, люди кутаются потеплѣе и поспѣшно бѣгутъ по дѣламъ, чтобы, скорѣе ихъ кончивъ, вернуться подъ кровлю.

Южный фасадъ дома выходилъ на обширную террасу, вымощенную краснымъ кирпичемъ и окаймленную кирпичными перилами; невысокая, но изящная лѣстница вела въ садъ, начинавшійся широкой лужайкой. Самый домъ, архитектуры начала восемнадцатаго вѣка, былъ величавъ и просторенъ, хотя всего въ два этажа, съ узкими и очень высокими окнами; надъ окнами верхняго этажа шелъ съ красной черепичной крыши рядъ небольшихъ круглыхъ навѣсцевъ отъ

дождя; крыша была крута и трубы были артистически расположены группами или рядами. Домъ слегка напоминалъ иностранные образцы и былъ построенъ съ большими претензіями; такія зданія непремѣнно требуютъ вокругъ себя старыхъ деревьевъ, роскошныхъ садовъ, аристократическихъ лужаекъ, и должны находиться въ деревенской глуши, подальше отъ городскихъ домовъ и улицъ: безъ садовъ, лужаекъ, парка и царственныхъ деревьевъ, они будутъ неумѣстны и нелѣпы. Яркокрасный кирпичъ, изъ котораго онъ былъ сложенъ, давно поблѣднѣлъ отъ старости; желтый мохъ тамъ и сямъ покрывалъ стѣны, а весь западный флигель заросъ плющемъ, закрывшимъ его совершенно.

Сады были еще роскошнѣе, чѣмъ домъ. Они начинались съ весьма аристократической лужайки. По одну ея сторону, два ливанскихъ кедра склоняли къ землѣ свои вѣтви, а по другую—высились два чудесныхъ грецкихъ орѣшника. Пространство между ними занимала площадка для игръ, гдѣ не было цвѣточныхъ клумбъ. За лужкомъ, напротивъ, ихъ было много. Имѣлись и самшиты, подрѣзанные по старинному. За ними узкою полосою тянулись кусты преимущеественно „*молодила*"; далѣе шли: большой огородъ, густо-засаженный плодовый садъ и оранжерея. Тутъ же рядомъ стояли и ульи.

Все было вполнѣ на барскую ногу. Издали, идя по дорогѣ, мимо парка, прохожій проникался восхищеніемъ и почтеніемъ къ такому аристократическому дому, такъ роскошно расположенному. Впрочемъ, восхищеніе и почтеніе зрителя вскорѣ входило въ извѣстныя границы: эти чувства всецѣло могли относиться къ саду, лужайкамъ и оранжереѣ лишь въ ихъ прежнемъ видѣ. Теперь же трудно было сказать, касается ли чего въ саду рука человѣка, не говоря уже о заступѣ садовника. Все одичало: сорныя травы заполонили гряды, гдѣ прежде росли спаржа и сельдерей; земляничные кустики боролись за существованіе съ чертополохомъ и отстаивали свое бытіе лишь цѣною отсутствія ягодъ; тѣмъ же чертополохомъ, вмѣстѣ съ пыреемъ, „пастушьей сумкой" и прочими полевыми плевелами, были совершенно покрыты цвѣточныя клумбы. Аллеи и дорожки превратились въ крытые переходы, давно уже непроходимые отъ протянутыхъ и переплетенныхъ поперекъ нихъ вѣтвей; искусственныя формы самшитовъ, когда-то такія ясныя и строгія, получили смутныя и таинственныя очертанія отъ разросшихся во всѣ стороны побѣговъ; лужайка для игръ поросла сорною травою, которая никогда не косилась. Двери оранжерей были распахнуты настежь: стекла побиты, виноградъ одичалъ и выползъ сквозь пустыя мѣста въ рамахъ. Какое почтеніе могъ внушать садъ

въ подобномъ состояніи! Скорѣе онъ возбуждалъ жалость. Какъ онъ былъ хорошъ и какъ могъ бы стать хорошъ, будь сюда присланы садовники, чтобы вернуть его къ прежнему великолѣпію!

Если приближались къ дому черезъ садъ, то прежде всего кидалось въ глаза, что кирпичныя ступени, которыя вели на террассу, были выбиты и даже поломаны; многихъ кирпичей не хватало вовсе, въ промежуткахъ росла трава, въ перилахъ виднѣлись мѣста, откуда вывалились цѣлые кирпичные столбики. При входѣ на террасу обнаруживались ямы и поломки въ кирпичномъ полу, и весь домъ, какъ и садъ, казался запущеннымъ и одряхлѣвшимъ. Съ рамъ и дверей слѣзла краска; не было ни ставенъ, ни занавѣсокъ; одно или два стекла были разбиты и даже не замазаны. Однако и въ этомъ состояніи упадка домъ и сады были красивы; но зритель испытывалъ то ощущеніе печали, какое свойственно при видѣ дряхлости, разрушенія и смерти тамъ, гдѣ бы долженъ быть полный расцвѣтъ зрѣлыхъ силъ.

Въ это утро, когда обманчивая весна вѣяла зимнимъ холодомъ, по кирпичной террасѣ ходилъ взадъ и впередъ человѣкъ очень пожилыхъ лѣтъ. Не смотря на холодъ, на немъ не было ни пальто, ни шарфа или платка на шеѣ, ни перчатокъ.

При ближайшемъ осмотрѣ оказывалось, что возрастъ его не только пожилой, а очень и очень преклонный. О глубокой старости говорили безчисленныя морщины на лицѣ, хотя волосы были густы и ниспадали на плечи бѣлыми кудрями, неподрѣзанные и неровные, а широкую грудь покрывала густая бѣлая борода. Старость виднѣлась и въ выдавшихся скулахъ, заострившемся носѣ, провалившемся ртѣ, тонкихъ губахъ и глубоко запавшихъ глазахъ. Но время, не пощадивъ лица, какъ бы не коснулось его тѣла. Не смотря на старость, онъ держался прямо, ходилъ твердымъ, если не упругимъ шагомъ, и, имѣя съ собою палку, не опирался на на нее. Ростомъ онъ былъ все еще не менѣе шести футовъ и четырехъ дюймовъ; плечи его были широки, спина несгорблена и все крупное, сильное туловище ничуть не гнулось, точно такъ же, какъ не искривились и не ослабли крѣпкія ноги. Эта разница между лицомъ,. собраннымъ въ морщины и исчерченнымъ точно карта генеральнаго штаба, и сильной, прямой, крѣпкой фигурой казалась даже неестественной.

Онъ прошелъ съ одного конца террасы на другой быстрою и рѣшительною походкою, затѣмъ повернулся и пошелъ назадъ. Онъ не смотрѣлъ по сторонамъ и казался погруженнымъ въ какую-то думу, такъ какъ выраженіе лица

1*

не мѣнялось. Отъ природы оно было сурово; предметъ его размышленій, можетъ быть, еще увеличивалъ эту жесткость и суровость. На старикѣ была куртка, широкополая, поярковая шляпа, толстые сапоги, въ какихъ ходятъ по полямъ, и весь онъ имѣлъ такой видъ, какъ будто шелъ на охоту; даже палку онъ несъ, точно ружье. Это былъ властный человѣкъ, что было видно сразу; способный къ нападенію— и это замѣчалось съ перваго взгляда; какъ бы вызывающій на бой—кого? за что? Очевидно, природа создала его бойцомъ, одарила большою храбростью, силою, пожалуй, и вспыльчивостью: теперь оставались лишь храбрость, хотя сила ушла, и темпераментъ бойца, хотя дни борьбы миновали.

Во всей усадьбѣ не раздавалось ни звука: ни возни прислуги, ни шаговъ въ домѣ или вокругъ него, ни топота въ конюшняхъ, ни шороха садовниковъ, которые тихо копались-бы надъ запущенными цвѣточными клумбами: все молчало. Только свистѣлъ холодный вѣтеръ, да старикъ, ничѣмъ не прикрытый отъ стужи, однообразно и быстро ходилъ съ востока на западъ, съ запада на востокъ.

Такъ онъ проходилъ все утро, часъ за часомъ, не утомляясь этимъ безцѣльнымъ моціономъ. Онъ началъ его въ девять часовъ, а въ половинѣ перваго все еще маршировалъ такимъ же образомъ, ни на что не оглядываясь и не мѣняя того неподвижнаго выраженія, которое могло означать терпѣніе (очень старому человѣку приходится быть терпѣливымъ) или, какъ я сказалъ, вызовъ: человѣкъ, испытавшій несчастія, иногда принимаетъ такое выраженіе, точно приглашая судьбу причинить ему какъ можно болѣе зла и, когда ей уже ничего не остается, все еще мужественно повторяетъ: „Будь, что будетъ!"

На разстояніи около полумили находилась колокольня съ часами. Прислушавшись, можно было изъ сада сосчитать ихъ бой; тотъ же, кто не напрягалъ вниманія, могъ не услышать его вовсе. Вѣдь мелодическій бой отдаленныхъ часовъ сливается съ прочими звуками. Въ деревнѣ мы слышимъ легкіе шорохи, благозвучные и нѣжные, и называемъ ихъ пріятною деревенскою тишиною, хотя это только сліяніе всѣхъ деревенскихъ звуковъ. На самомъ дѣлѣ въ природѣ не бываетъ тишины. Полное безмолвіе свело бы насъ съ ума.

Утро тянулось медленно. Звукъ шаговъ старика на террасѣ былъ такъ же правиленъ, какъ тиканье часовъ. Ни въ осанкѣ, ни въ походкѣ, ни въ лицѣ не происходило ни малѣйшей перемѣны. Онъ ходилъ, точно машина, а лицо оставалось неподвижнымъ, какъ у идола или на картинѣ.

Около одиннадцати часовъ послышались другіе шаги.

шаги мужчины, ступавшаго по хворосту и по сухимъ листьямъ. Старикъ на террасѣ не обратилъ на нихъ вниманія: онъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, а когда изъ фруктоваго сада вышелъ мужикъ и остановился подъ орѣховымъ деревомъ, то притворился, будто не видитъ.

Мужикъ былъ тоже не молодъ, хотя далеко не такъ старъ, какъ баринъ. На немъ было рабочее платье; походка его изобличала привычку къ ходьбѣ по рытвинамъ и бороздамъ вспаханнаго поля; на плечѣ онъ держалъ заступъ.

Остановившись подъ орѣховыми деревьями, онъ оперся на заступъ и сталъ смотрѣть на старика, который все шагалъ по террассѣ. Онъ не притворялся, по обычаю многихъ, будто работаетъ, чтобы время отъ времени бросить мимолетный любопытный взоръ; напротивъ, поступалъ совершенно открыто: оперся на лопату и смотрѣлъ прямо, безъ всякаго смущенія. Онъ замѣтилъ, какъ рѣшительно и твердо ступалъ старикъ: его походка далеко не была такъ тверда; его спина уже сгорбилась и плечи опустились, щеки сморщились, а глаза помутнѣли. Вскорѣ онъ вновь поднялъ лопату на плечо и отвернулся.—„Если я умру прежде"... пробормоталъ онъ...

Ни приходъ его, ни уходъ, ни молчаливая ходьба по нескошенной травѣ, ни трескъ сухихъ вѣтвей, ни шуршаніе прошлогоднихъ листьевъ не обратили на себя вниманія старика. Онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Сухой и холодный восточный вѣтеръ дулъ по-прежнему, птицы уныло попискивали, вѣтви въ саду скрипѣли, а старикъ все ходилъ. Гдѣ-то недалеко, на колокольнѣ, часы били четверть.

Въ половинѣ перваго, на порогѣ отворенной двери показался молодой человѣкъ, одѣтый тепло, сообразно погодѣ. Онъ былъ высокъ ростомъ—выше шести футовъ—и лицомъ поразительно походилъ на старика: очевидно, они были съ нимъ въ ближайшемъ родствѣ. Онъ постоялъ въ дверяхъ, глядя на эту прогулку, унылую, однообразную и безцѣльную, точно ходьба узника по тюремному двору. Она длилась минута за минутой, часъ за часомъ. Онъ простоялъ такъ не менѣе получаса, наблюдая и удивляясь.

— Постоянно и каждый день, столько лѣтъ подъ рядъ!— думалъ молодой человѣкъ.—Почему онъ маячитъ такъ день за день, каждое утро, вѣчно одинъ, вѣчно въ молчаніи, ничего не видя съ открытыми глазами, мертвый для внѣшняго міра, далекій ото всего, не интересуясь ничѣмъ? Никакой отшельникъ не можетъ быть болѣе одинокимъ. Ни малѣйшаго занятія, никакого дѣла, никакого импульса для мысли.

Господи Боже! О чемъ же онъ думаетъ? Не читаетъ ни книгъ, ни газетъ, не пишетъ писемъ. Почему?

Молодой человѣкъ былъ правнукъ этого старика, наслѣдникъ всего помѣстья и, послѣ старика, считался главою фамиліи. Поэтому, изъ почтенія къ прадѣду и изъ чувства долга, онъ пріѣзжалъ временами изъ Лондона, чтобы узнать, здоровъ-ли предокъ и не терпитъ-ли въ чемъ недостатка. Онъ же поддерживалъ переписку съ нотаріусами, которые управляли дѣлами старика.

Съ дѣтскихъ лѣтъ молодой человѣкъ слышалъ о странности и эксцентричности своего прадѣда. Послѣдній жилъ одинъ, не имѣлъ слугъ, кромѣ одной женщины съ дочерью, да и тѣхъ видѣлъ, лишь когда онѣ приносили ему поѣсть, не принималъ гостей, не выходилъ изъ дому, кромѣ какъ для ежедневной утренней прогулки по террасѣ, которая во всякую погоду продолжалась четыре часа; ни съ кѣмъ не говорилъ, не исключая и экономки; если кто-нибудь обращался къ нему, онъ ничего не отвѣчалъ; не читалъ ни книгъ, ни газетъ. Дѣлами его завѣдовала одна нотаріальная контора въ сосѣднемъ городкѣ: когда требовалось, чтобы онъ подписалъ чекъ, его писали въ конторѣ и посылали къ нему; онъ подписывалъ и возвращалъ; когда нужно было узнать его мнѣніе относительно дѣлъ, ему присылались письменныя сообщенія, на которыя онъ отвѣчалъ съ величайшею краткостью. Признаковъ умственнаго разстройства у него не замѣчалось: насколько могли судить нотаріусы, единственные люди, способные выразить о немъ опредѣленное мнѣніе, умственныя способности старика были въ полномъ порядкѣ и его сужденія являлись совершенно здравыми. Сверхъ того, не замѣчалось ни галлюцинацій, ни меланхоліи, ни душевной тревоги: хотя онъ молчалъ, но лицо не выражало волненія. Каждый день утреннее солнце освѣщало его ясное и безоблачное чело: если онъ не улыбался, за то и не вздыхалъ.

Страннѣе всего было то, что такая эксцентричность, которую можно бы объяснить старостью и потерею всѣхъ друзей и современниковъ, длилась уже около семидесяти лѣтъ. Онъ началъ такую жизнь молодымъ, совсѣмъ молодымъ человѣкомъ и съ тѣхъ поръ не измѣнялъ ее. Его правнукъ всегда слыхалъ, что причиною было потрясеніе вслѣдствіе внезапной смерти жены. Ничего иного онъ не зналъ и не старался узнать. Когда съ самаго дѣтства видишь передъ собою какую-нибудь странность, то, наконецъ, привыкаешь къ ней безъ разсужденій. Старикъ сдѣлался отшельникомъ, когда дѣдъ этого молодого человѣка былъ еще мальчикомъ; этотъ дѣдъ, а также отецъ и онъ самъ, всегда, если не видѣли,

то знали о странной жизни прадѣда. Поэтому правнукъ нисколько не любопытствовалъ относительно причинъ.

Семьдесятъ лѣтъ!—цѣлая жизнь средняго человѣка, а это удивительное существо провело столько времени въ одиночествѣ, въ молчаніи, въ затворничествѣ и безъ занятій. Но всѣ эти годы не составляли цѣлой жизни старика, такъ какъ ему теперь шелъ девяносто-четвертый годъ.

Съ отдаленной колокольни послышался бой четвертей, а затѣмъ одинъ ударъ. Въ эту минуту старуха прошла мимо гостя на порогѣ и остановилась, ловя взглядъ хозяина. Она ничего не сказала, но дождалась, чтобы тотъ замѣтилъ ея присутствіе. Можетъ быть, онъ уже ждалъ ее. Онъ остановился; старуха удалилась; старый баринъ вошелъ въ домъ, не удостоивъ вниманіемъ молодого человѣка, мимо котораго прошелъ; его глаза скользнули по немъ, но онъ ничѣмъ не далъ замѣтить, что узналъ его или хоть увидѣлъ, хотя только этотъ молодой человѣкъ изо всѣхъ его потомковъ навѣщалъ его приблизительно разъ въ мѣсяцъ, чтобы убѣдиться, что онъ еще здоровъ.

Старикъ прошелъ прямо въ ту единственную комнату, которая служила ему и кабинетомъ, и столовою, и спальнею. Прежде она была библіотекою: большая комната, окнами на сѣверъ, высокая и во всѣ времена года темноватая и нѣсколько холодная. Въ большомъ старомодномъ каминѣ горѣлъ яркій огонь. Передъ каминомъ стоялъ столикъ, который прежде находился у окна и употреблялся для занятій; теперь на немъ старику подавали ѣсть. Онъ былъ покрытъ уже скатертью и на немъ стоялъ простой завтракъ, состоявшій изъ бифштекса съ картофелемъ и бутылки портвейна—питья, свойственнаго старикамъ: оно грѣетъ, укрѣпляетъ, веселитъ, придаетъ ощущеніе силы и, когда пища уже не усваивается въ обычной формѣ, это доброе вино можетъ замѣнить ѣду. Стѣны комнаты исчезали за полками съ книгами; очевидно, нѣкогда кто-нибудь въ семьѣ былъ ученымъ и любилъ книги. Всѣ онѣ были въ кожаныхъ переплетахъ; позолота заглавій на корешкахъ слиняла. Если бы вы взяли любую, то увидѣли бы, что ея листы уже отстаютъ отъ переплета или начали отставать, какъ только вы ее тронули; подольше посмотрѣвъ на полки, вы бы замѣтили, что во всей библіотекѣ нѣтъ книги, изданной послѣ 1829 года.

Изъ многихъ тысячъ книгъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ теченіе послѣдующихъ семидесяти лѣтъ, въ этой библіотекѣ не оказывалось ни одной. Напримѣръ, *„Трехмѣсячное“* и *„Эдинбургское“* *„Обозрѣнія“*, стоявшія здѣсь въ переплетахъ, а также *„Ежегодникъ“* кончались 1829 годомъ. На большомъ библіотечномъ столѣ лежали, какъ бы для ежедневнаго

употребленія, отдѣльные томы и сборники, положенные сюда для семейнаго чтенія въ 1829 году. Съ этого же времени никто ничего тутъ не трогалъ. У камина находилось низкое, длинное кожаное кресло, вся обивка котораго висѣла лохмотьями; къ столу былъ пододвинутъ великолѣпный большой деревянный стулъ, похожій на тѣ, какіе бываютъ въ швейцарскихъ; коверъ былъ въ клочьяхъ, кромѣ тѣхъ его частей, что шли вдоль книжныхъ полокъ: тамъ сохранились цѣлыя полосы, но онѣ выцвѣли. Передъ каминомъ разостлана была простая толстая овчина.

Молодой человѣкъ прошелъ вслѣдъ за своимъ предкомъ въ библіотеку, взялъ стулъ, поставилъ у камина и, подогнувъ длинныя ноги, сѣлъ, наблюдая и выжидая. Онъ уже сиживалъ здѣсь и прежде. При первомъ свиданіи, безмолвіе старика, отсутствіе выраженія въ его взорѣ, привели его въ ужасъ. Мало по малу онъ привыкъ къ его виду и, уже ничего теперь не испытывая, сидѣлъ по другую сторону камина съ твердымъ намѣреніемъ добросовѣстно вникнуть,—хорошо ли за нимъ ходятъ и соблюдаютъ ли чистоту, а также здоровъ ли онъ и не слѣдуетъ ли пригласить врача. Поэтому онъ сталъ смотрѣть, какъ ѣстъ прадѣдъ.

Тотъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, присѣлъ къ столу, поднялъ съ блюда крышку и началъ ѣсть. Каждый день ему подавалось одно и то же. Пожалуй, не много найдется людей, способныхъ въ девяносто четыре года ежедневно уничтожать изрядный кусокъ бифштекса съ картофелемъ и хлѣбомъ и запивать его цѣлою бутылкою портвейна. Однако такъ именно поступалъ отшельникъ. Потомокъ же, со своей стороны, несъ заботу о томъ, чтобы вино было лучшаго качества, и чтобы говядина приготовлялась по всѣмъ правиламъ кулинарнаго искусства, не утрачивая ни мягкости, ни сочности.

Отшельникъ ѣлъ быстро и съ аппетитомъ. Можно было заключить, что въ былыя времена онъ обладалъ способностью уничтожать не мало мяса. Онъ съѣлъ свой бифштексъ съ увлеченіемъ, сопровождая его громаднымъ количествомъ хлѣба, и выпилъ все вино стаканчикомъ точно такъ, какъ, бывало, пивалъ пиво. Онъ не смаковалъ благороднаго вина, не разсматривалъ его на свѣтъ, а пилъ, какъ ребенокъ пьетъ воду,—безсознательно и жадно, съ полнымъ равнодушіемъ къ вкусу и достоинству.

Когда бутылка опустѣла и на тарелкѣ ничего не осталось, онъ всталъ съ деревяннаго стула и во весь ростъ растянулся въ длинномъ креслѣ, при чемъ протянулъ ноги къ огню. Поддерживая голову рукою, онъ облокотился на ручку кресла и сталъ смотрѣть на огонь; но въ глазахъ его не было ника-

кого выраженія. „Очевидно, подумалъ правнукъ, старикъ сохранилъ способность къ воспріятію лишь двухъ ощущеній: онъ любитъ хорошую ѣду и питье, т. е. физическое удовлетвореніе, ими доставляемое, и испытываетъ удовольствіе отъ теплоты огня“. Затѣмъ, молодой человѣкъ медленно поднялся, сталъ спиною къ огню и, глядя сверху внизъ на предка, началъ свое увѣщаніе, которое съ небольшими варіантами повторялъ въ каждый пріѣздъ:

— Вы знаете,—сказалъ онъ,—что время отъ времени я навѣщаю васъ. Я дѣлаю это изъ желанія удостовѣриться, что вамъ хорошо служатъ, и что вы—въ добромъ здоровьѣ. Каждый разъ вы притворяетесь, будто не замѣчаете меня. Вы такъ себя держите, точно меня нѣтъ вовсе. Однако вы видите меня, вамъ прекрасно извѣстно, кто я таковъ и зачѣмъ здѣсь нахожусь. Очень хорошо. Полагаю, что ваши вкусы влекутъ васъ къ уединенію и молчанію. Что бы я ни говорилъ, боюсь, что это не заставитъ васъ нарушить ваше безмолвіе...

Старикъ ничѣмъ не выразилъ участія, ничего не отвѣтилъ, не сдѣлалъ даже движенія.

— Почему вы осудили себя на такую пожизненную муку,— я не знаю и не освѣдомляюсь. Можетъ быть, я это не узнаю никогда. Но это кажется мнѣ большой ошибкой, какова бы ни была причина, которою, какъ я слышалъ, считается внезапная утрата дорогихъ существъ. Губя себя и страдая всю жизнь, нельзя уничтожить чужого несчастія или чужой вины; если же вина ваша, то, живя такъ, вы лишь увеличиваете ее. Если дѣло въ горестной утратѣ, то достойнѣе мужчины было бы перенести ее, не уклоняясь отъ обязанностей, налагаемыхъ жизнью. Впрочемъ, не зная всѣхъ обстоятельствъ, я не имѣю права судить. Теперь уже,— продолжалъ онъ,—не вернуть загубленные годы, но неужели поздно измѣниться? Неужели не можете вы, хотя бы даже въ преклонномъ возрастѣ, вернуться въ среду вашихъ ближнихъ и снова стать человѣкомъ? По моему, труднѣе продолжать такую жизнь—въ уединеніи и тоскѣ, нежели вернуться къ тому существованію, для котораго вы были рождены...

Отвѣта не получилось.

— Сегодня утромъ я обошелъ весь домъ,—безжалостно продолжалъ молодой человѣкъ.—Вы допустили его до полнаго упадка! Картины и обои попорчены сыростью; чтобы привести усадьбу въ состояніе, приличное дворянскому жилищу, потребуется нѣсколько тысячъ. Не думаете-ли вы, что вамъ слѣдуетъ ихъ затратить и зажить, какъ подобаетъ человѣку съ вашимъ общественнымъ положеніемъ?..

Отвѣта все не было. Впрочемъ, наслѣдникъ и не ждалъ его.

Старикъ приподнялъ голову съ руки и откинулъ ее на спинку стула. Глаза его закрылись, руки упали, дыханіе стало тихимъ и правильнымъ: онъ уснулъ.

Правнукъ все еще стоялъ надъ нимъ. Такое зрѣлище мало его волновало, потому что онъ видѣлъ его въ каждый пріѣздъ. Онъ пріѣзжалъ около одиннадцати, проходилъ по парку, проводилъ около часа въ пустомъ заброшенномъ домѣ, наблюдалъ, какъ старикъ гуляетъ, шелъ за нимъ въ библіотеку, смотрѣлъ, какъ онъ ѣстъ, а затѣмъ становился передъ нимъ и произносилъ свое увѣщаніе. Послѣднее выслушивалось всегда точно такъ, какъ выслушивались Георгомъ III увѣщанія „города Лондона": въ неодобрительномъ молчаніи. И каждый разъ посреди его рѣчи патріархъ засыпалъ.

Молодой человѣкъ постоялъ нѣкоторое время, глядя на своего девяносто-четырех-лѣтняго прадѣда. Трудно было отыскать сходство между человѣкомъ такихъ лѣтъ и имъ самимъ, которому всего двадцать шесть. Однако это было всетаки возможно. А при взглядѣ на старика всякій сразу замѣчалъ, что въ цвѣтущую пору жизни онъ долженъ былъ отличаться рѣдкою красотою, обладать силою и крѣпостью, изящною соразмѣрностью, благородствомъ осанки и замѣчательными очертаніями головы и лица. Все это сказывалось и въ потомкѣ, но въ болѣе слабой степени: можетъ быть—съ большею утонченностью, вслѣдствіе образованности и культуры, но съ меньшею силою. Онъ сдѣлалъ то, зачѣмъ пріѣхалъ: высказалъ, что думалъ, но не имѣлъ успѣха, какъ и ожидалъ. Теперь оставалось уйти; дѣлъ никакихъ не было и продолжительностью визита нельзя было ничего добиться.

Но тутъ совершилось весьма замѣчательное событіе: онъ впервые услышалъ голосъ прадѣда. Ему суждено было услышать его еще разъ, всего одинъ только разъ. За исключеніемъ этого случая, никто никогда не слышалъ его почти уже семьдесятъ лѣтъ.

Патріархъ двигался во снѣ, его пальцы корчились, ноги дергались, голова перекидывалась со стороны на сторону. Потомъ онъ сѣлъ прямо и схватился за ручки кресла; лицо его искажала и сводила судорога, словно подъ наитіемъ злого духа. Онъ привсталъ, все держась за ручки кресла, и заговорилъ... Голосъ звучалъ хрипло и жестко, какъ будто заржавѣлъ отъ отсутствія упражненія. Глаза глядѣли пристально, весь видъ былъ таковъ, словно онъ на кого-то смотритъ и разговариваетъ. Произнесъ онъ слѣдующее:

— Этимъ все кончится...

Послѣ этого онъ сѣлъ опять. Судороги не повторялись. Онъ прислонился головою къ креслу; лицо опять приняло выра-

женіе мира и покоя, какое бываетъ у дѣтей; онъ вновь уснулъ, а можетъ быть и не просыпался.

— Сонъ,—сказалъ себѣ правнукъ. Но онъ запомнилъ слова, которыя такъ и остались въ его головѣ, хотя онъ не могъ опредѣлить—почему.

Онъ осмотрѣлъ всю комнату, думая о странной, одинокой, бездѣльной, однообразной и безполезной жизни, которую этотъ патріархъ велъ уже столько лѣтъ. Семьдесятъ долгихъ лѣтъ! Все это время затворникъ ни разу не выходилъ за ограду своего сада, не видалъ никого изъ старыхъ знакомыхъ, ни разу даже не воткнулъ лопаты въ землю; ни разу не открылъ книги и не взглянулъ на газету; не зналъ ничего о томъ, что происходило. Для него міръ былъ такимъ же, какъ до Акта о Реформѣ. Для него не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфныхъ проволокъ; никакихъ улучшеній, изобрѣтеній, новыхъ идей и новыхъ обычаевъ онъ не зналъ и не подозрѣвалъ. Онъ ни о чемъ не спрашивалъ, ни о чемъ не заботился, ничѣмъ не интересовался: онъ никогда не говорилъ! Ахъ, какое мученіе! Какое безуміе! Какое могло быть оправданіе, какая причина добровольнаго отказа отъ жизни, въ теченіе которой можно было сдѣлать такъ много? Какой могъ быть поводъ для подобнаго дезертированья изъ арміи человѣчества?

Съ тѣхъ поръ, какъ молодой человѣкъ себя помнилъ, онъ слышалъ одну и ту же исторію: существуетъ какой-то семейный „бука“, который носитъ одно и то же платье, одинаково гуляетъ каждое утро и спитъ послѣ полудня. Въ дѣтствѣ, мать порою разсказывала ему отрывки изъ біографіи затворника. Очень давно, въ царствованіе Георга IV, мрачный отшельникъ былъ красивымъ, веселымъ, общительнымъ молодымъ человѣкомъ; онъ любилъ охоту, стрѣльбу, рыбную ловлю, всякія упражненія подъ открытымъ небомъ, однако не былъ ни мужикомъ, ни варваромъ, а успѣшно прошелъ университетъ, былъ образованъ и культуренъ. Онъ имѣлъ прекрасную библіотеку, любилъ бесѣдовать съ учеными людьми, путешествовалъ по континенту, что тогда было рѣдкостью, и подумывалъ о вступленіи въ парламентъ У него было прекрасное, хотя не обширное помѣстье, прелестный домъ и великолѣпные сады. Никто во всемъ графствѣ не могъ быть довольнѣе своею судьбою и съ большимъ упованіемъ глядѣть впередъ, нежели Олджернонъ Кампеньй. Мальчикъ запомнилъ это все.

Теперь, глядя на спящаго, онъ испытывалъ странное, смѣшанное чувство: тутъ была и жалость, и презрѣніе, и, отчасти, почтительность или уваженіе, какое подобаетъ питать къ предку. Возможность выражать почтеніе такому от-

даленному предку, какъ прадѣдъ, дается весьма немногимъ. Прадѣдъ лежалъ въ креслѣ, откинувшись на его спинку, слегка поворотивъ голову вбокъ; лицо его, совершенно спокойное, своею восковою прозрачностью напоминало недавно умершаго.

Молодой человѣкъ продолжалъ припоминать все, что слышалъ отъ другихъ объ этомъ старикѣ, составлявшемъ и гордость, и позоръ для семьи. Да и какъ не гордиться, когда имѣешь въ семьѣ затворника, анахорета: это необычно, рѣдко, какъ юношеская рукопись Шекспира; сверхъ того, затворникъ былъ старшимъ въ родѣ и жилъ въ той усадьбѣ, которая была фамильною резиденціей съ незапамятныхъ временъ.

Онъ вспоминалъ свою мать, вдову съ печальнымъ лицомъ, и бабку, другую вдову съ печальнымъ лицомъ. Ему припомнился одинъ день—черезъ нѣсколько недѣль послѣ преждевременной кончины отца,—тогда ему было всего семь лѣтъ,—обѣ огорченныя женщины сидѣли и плакали вмѣстѣ, бесѣдуя при немъ (только ребенокъ тогда ничего не понялъ); ихъ слова воскресли въ его умѣ теперь въ первый разъ.

— Милая, — говорила старшая изъ дамъ, — наша семья осуждена на горе.

— Но за что? за что? — спросила другая. — Что мы сдѣлали?

Старшая покачала головою:

— Происходятъ вещи,—сказала она,—которыхъ никто и не подозрѣваетъ. Никто не знаетъ, никто не догадывается, но простирается десница Господня, и кара настигаетъ если не виновнаго, то дѣтей его и внуковъ до третьяго и четвертаго колѣна. Она тяжко обрушилась на этого старика (можетъ быть, за грѣхи отца его), и на насъ, и на дѣтей...

— На безпомощныхъ, невинныхъ дѣтей? Ахъ, это жестоко!

— Такъ сказано въ Писаніи.

Эти слова неожиданно и внезапно припомнились молодому человѣку.

— Кто и чѣмъ провинился?—поставилъ онъ вопросъ.— Этотъ почтенный патріархъ не можетъ быть преступнымъ, ибо страданіе застигло его и томитъ уже семьдесятъ лѣтъ. Но онѣ говорили о комъ-то еще. Съ какой стати мнѣ вспомнились эти давнишнія слова? Спи себѣ, предокъ!

Въ сѣняхъ онъ встрѣтилъ старую ключницу и остановился разспросить ее о баринѣ.

— Онъ только что говорилъ,—сказалъ онъ.

— Говорилъ? Баринъ говорилъ?

— Онъ выпрямился во снѣ и заговорилъ.

— Господи, да что же онъ сказалъ?

— Онъ очень ясно выговорилъ: „Этимъ все кончится“.

— Повторите еще разъ.

Онъ повторилъ.

— Баринъ,—сказала она,—я не знаю, что это значитъ. Давно пора бы это кончить. Ахъ, молодой баринъ, случится что нибудь ужасное! Вѣдь въ первый разъ послѣ семидесяти лѣтъ онъ сказалъ хоть единое слово!

— Это было во снѣ.

— Въ первый разъ черезъ семьдесятъ лѣтъ! Непремѣнно случится что-нибудь ужасное.

II.

Чего ему не хватало.

Въ самой свѣтлой и солнечной комнатѣ непритязательной квартиры, входившей въ составъ домовъ Бендора, въ Вестминстерѣ, сидѣлъ молодой человѣкъ двадцати шести лѣтъ. Вы уже видѣли его, когда онъ навѣщалъ своего безмолвнаго предка въ семейной резиденціи, въ Букингамскомъ графствѣ. Теперь онъ былъ у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ. Простая старинная конторка въ наше время давно уже смѣнилась столомъ, настолько обширнымъ, насколько позволяютъ размѣры комнаты: въ данномъ случаѣ онъ имѣлъ восемь футовъ въ длину и пять — въ ширину. Однако онъ не былъ черезчуръ великъ для своей цѣли, такъ какъ весь былъ заваленъ книгами, бумагами, парламентскими отчетами, французскими и нѣмецкими газетами и „трудами“ англійскихъ ученыхъ обществъ. Безпорядка, однако, не было. Бумаги лежали аккуратно; книги стояли вдоль задняго края, корешками къ пишущему. Это все были историческія, политико-экономическія и справочныя. Подъ рукою же находилась и вертящаяся библіотечка то же съ справочными изданіями. Можно было замѣтить, что послѣднія главнымъ образомъ относились къ торговлѣ, ея статистикѣ, исторіи, ко всему, что касалось свободной торговли, протекціонизма, фабрикъ, промышленности, ввоза и вывоза.

Леонардъ Кампеньй былъ уже членомъ парламента. Нельзя сказать, чтобы онъ достигъ авторитетнаго положенія; но по нѣкоторымъ, болѣе мудренымъ вопросамъ, которые онъ старался усвоить и о которыхъ говорилъ тономъ спеціалиста, рѣчи его выслушивались не безъ вниманія и не слишкомъ кратко передавались въ газетахъ. На большее невозможно и разсчитывать въ двадцать шесть лѣтъ.

Вопросы эти требовали ясности мысли, неутомимаго прилежанія, умѣнья обращаться съ цифрами и дара дѣлать ихъ интересными, а также — чудовищной памяти. Всѣми этими

достоинствами обладалъ этотъ молодой человѣкъ. Въ Кембриджѣ, гдѣ онъ изучалъ математику, его неохотно отпустили экзаменаторы, удостоивъ всевозможныхъ отличій и оплакивая то обстоятельство, что нельзя было идти далѣе „Разряда II, отдѣленія I, класса I“. Ихъ огорчало, что они не могли, — согласно желаніямъ всякаго добраго экзаменатора,—довести экзамены до разряда III, раздѣленнаго на три отдѣла, а каждый отдѣлъ—на три класса, а потомъ до разряда IV, раздѣленнаго точно такимъ же образомъ, и такъ все экзаменовать своихъ кандидатовъ, постепенно уменьшающихся въ числѣ, по разу въ годъ, въ теченіе всей своей земной жизни, вплоть до восьмидесяти-лѣтняго возраста.

„Разрядъ II, отдѣленіе I, классъ I“. Никто не можетъ кончить лучше! Кажется, изъ Леонардовыхъ однокурсниковъ только одинъ отличился настолько же. За это для начала карьеры онъ получилъ наилучшіе отзывы и солидную репутацію умника. Что же касается матеріальныхъ средствъ, то онъ былъ обезпеченъ материнскимъ капиталомъ, дававшимъ около 800 ф. дохода въ годъ и тѣми надеждами, которыя, какъ мы видѣли, были вполнѣ основательны. Поэтому, онъ явился въ Лондонъ подобающе экипированнымъ, вступилъ въ адвокатскую корпорацію,—безъ видовъ на практику, присмотрѣлъ себѣ „мѣстечко“, заботливо нянчился съ нимъ въ теченіе года и, по дополнительнымъ выборамъ, безъ возраженій попалъ въ парламентъ, въ ряды либераловъ. Во всемъ этомъ онъ слѣдовалъ традиціямъ своей семьи. Онъ былъ третьимъ въ родѣ, послѣ своего отца и дѣда, кончившимъ университетъ. Дѣдъ его, сынъ безмолвнаго затворника, котораго мы уже видѣли, тоже отличался въ Кембрижѣ, тоже попалъ въ парламентъ и тоже начиналъ имѣть немалый успѣхъ, но преждевременно умеръ—тридцати двухъ лѣтъ отъ роду. Его отецъ, въ свою очередь отличившійся въ университетѣ и тоже бывшій въ парламентѣ, тоже считался многообѣщающимъ молодымъ человѣкомъ, умеръ около тѣхъ же лѣтъ. Были минуты, когда Леонардъ задавалъ себѣ вопросъ, не предстоитъ ли и ему та же грустная участь. Правда, для постановки такого вопроса имѣлись особыя основанія; но ему они были еще неизвѣстны. А пока онъ не думалъ о будущемъ и не тревожился рѣшеніями судьбы.

Кабинетъ былъ удобно меблированъ. Книги покрывали стѣны; на каминѣ стояло два-три бокала, свидѣтельствуя, что обитатель комнаты проводитъ ночи не только въ ученыхъ трудахъ; повыше висѣло изображеніе деревенскаго дома, того самаго, который намъ уже извѣстенъ. И по другимъ признакамъ можно было замѣтить, что отдыхъ не чуждъ хозяину кабинета. Очевидно было присутствіе табаку и даже

вульгарныхъ „корешковъ“. Дверь изъ кабинета вела въ столовую, которая больше ничего изъ себя и не представляла, какъ только столовую, и со своими немногими книгами и картинами производила холодное, даже мрачное впечатлѣніе нежилой комнаты. Спаленъ было двѣ; сверхъ того—кухня и комната для супружеской четы, которая прислуживала г-ну Кампеньй.

Хозяинъ квартиры положилъ перо и выпрямился. Затѣмъ онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Это былъ молодой человѣкъ довольно видной наружности. Черты лица были красивы и рѣзки; лобъ — скорѣе широкъ, чѣмъ высокъ, глаза—скорѣе малы, чѣмъ велики, но остры и блестящи, а брови—почти горизонтальны. Выраженіе лица въ эту минуту было задумчивое, да онъ и дѣйствительно размышлялъ, но въ разговорахъ и спорахъ бывалъ оживленъ, даже горячъ. Онъ ничуть не принадлежалъ къ тому разряду людей, которые ничѣмъ не восхищаются, ничего не желаютъ, ни во что не вѣрятъ. Онъ, напримѣръ, твердо вѣрилъ, что уровень всеобщаго благополучія можно поднять мудрыми законами (которые не должны непремѣнно быть новыми) и хорошимъ воспитаніемъ (но не исключительно въ казенныхъ школахъ). И онъ пламенно желалъ сыграть роль въ поднятіи этого уровня. Это—основательный догматъ для начала, и для государственнаго человѣка онъ поистинѣ драгоцѣненъ.

Вскорѣ Леонардъ опять сѣлъ за свою работу. Приблизительно черезъ часъ, онъ отложилъ перо: то, что онъ предполагалъ сдѣлать въ это утро, было исполнено. Когда человѣку суждено имѣть успѣхъ, то обыкновенно оказывается, что онъ знаетъ, что̀ именно намѣренъ сдѣлать и сколько для того потребуется времени, и принимается за дѣло безъ проволочекъ и съ рѣшимостью.

Не было еще двѣнадцати часовъ, когда Леонардъ отодвинулся отъ стола и со вздохомъ облегченія вскочилъ на ноги. Какъ бы люди ни любили работу, они всегда рады ее окончить. На столѣ, рядомъ съ бумагами, лежала кучка еще не вскрытыхъ писемъ. Онъ взялъ одно и распечаталъ. Писалъ редакторъ одного изъ главныхъ журналовъ, соглашаясь напечатать его статью объ одной экономической теоріи. Леонардъ удовлетворенно улыбнулся. „XIX столѣтіе“—это лѣстница честолюбія. При помощи этого журнала или ему подобныхъ, честолюбивый юноша можетъ выдвинуться, обладая одними знаніями, хотя и безъ авторитетности, по любому предмету и быстрѣе шагнуть впередъ, чѣмъ посредствомъ парламента.

Леонардъ уже писалъ на эту тему, и съ успѣхомъ. Те-

перь ему предстояло писать въ качествѣ спеціалиста. Отсюда вы поймете, что умъ Леонарда былъ всецѣло занятъ, даже поглощенъ, дѣломъ, которое доставляло ему величайшее удовольствіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служило средствомъ для достиженія честолюбивой цѣли; онъ занималъ въ обществѣ хорошее положеніе и работалъ, мыслилъ и развлекался, какъ человѣкъ, привыкшій жить и дѣйствовать въ высшихъ слояхъ, чуждыхъ всякихъ мелочныхъ тревогъ, заботъ о деньгахъ и тому подобномъ.

По той же лѣстницѣ и въ томъ же этажѣ находилась квартира, во всѣхъ подробностяхъ подобная квартирѣ Леонарда, только окна смотрѣли на противоположную сторону. Эта квартира, куда мы не станемъ проникать, занята была молодою дѣвицею, которая жила въ ней точно такъ же, какъ Леонардъ—съ своей прислугой, состоявшей изъ мужа и жены. Въ такомъ большомъ зданіи можно жить по сосѣдству и не знать другъ друга. Леонардъ наврядъ бы и познакомился съ дѣвицею Констанціей Амбри, если-бы не то счастливое обстоятельство, что онъ принадлежалъ къ одному съ нею клубу; онъ былъ представленъ ей въ клубѣ, каждый день видѣлъ ее тамъ за обѣдомъ, вскорѣ открылъ, что они—сосѣди, и между ними возникла дружба. Они часто стали обѣдать вмѣстѣ и вмѣстѣ же возвращаться домой.

Отсюда ясно, что нѣсколько лѣтъ назадъ дѣвицу Констанцію Амбри назвали бы эмансипированной женщиной. Слово это теперь устарѣло; черезъ годъ или два оно обветшаетъ совершенно. Эмансипированность перестала вызывать упреки или возбуждать удивленіе. Множество молоденькихъ и незамужнихъ женщинъ живутъ по отдѣльнымъ квартирамъ или комнатамъ, имѣютъ двойные ключи, удивляются, что были такія времена, когда подобныхъ ключей дѣвицамъ не давалось, ходятъ куда хотятъ, смотрятъ что угодно, видятся съ кѣмъ угодно. Лѣтъ двадцать назадъ эмансипированная женщина считала необходимымъ, чтобы доказать превосходство своего ума, быть, по крайней мѣрѣ, атеисткой. Къ этому ее обязывало положеніе. Но теперь, съ прекращеніемъ спора о превосходствѣ ума того и другого пола, она успокоилась и во многихъ отношеніяхъ держитъ себя такъ, какъ будто продолжаетъ находиться въ быломъ *„состояніи рабства“*. Въ данномъ случаѣ имѣлись основательныя причины, заключавшіяся во многихъ сотняхъ годового дохода, по которымъ Констанція Амбри осмѣливалась идти своимъ путемъ и жить сообразно своимъ желаніямъ. Свою независимую карьеру она начала тремя годами ученія въ Гиртонѣ. Въ теченіе своего студенчества она особенно отличалась критическими статьями, въ которыхъ вполнѣ отсутствовало упоминаніе о любви, какъ

она изображается и описывается у поэтовъ; ея знакомые объясняли это не столько дѣвической скромностью, сколько полной неспособностью сочувствовать даже женскому воззрѣнію на этотъ предметъ, которое, впрочемъ, женщины, пишущія стихи и любовныя пѣсни, всѣми силами скрываютъ или изображаютъ въ тѣхъ же выраженіяхъ и формахъ, какъ и мужскую страсть. Покинувъ Гиртонъ, она приняла должность преподавательницы англійской литературы въ женской гимназіи. Вознагражденіе было скудное, почему для замѣщенія этой должности никакъ не находилось хорошей преподавательницы. Констанція имѣла возможность не только взять на себя эту обязанность, но еще сосредоточить на ней всѣ свои мысли и старанія. Съ удовольствіемъ прибавляемъ, что ея понятія о свободѣ женщинъ не исключали для нихъ свободы одѣваться настолько хорошо, насколько доступно каждой. Она являла своимъ восхищеннымъ и завидующимъ ученицамъ постоянное зрѣлище женщины, одѣтой, какъ слѣдуетъ: не роскошно, но прекрасно. Ученицы относились къ своей преподавательницѣ, облеченной, точно садъ лѣтомъ, въ разнообразную красоту, съ гораздо большимъ почтеніемъ, чѣмъ къ ея предшественницѣ, которая была приземиста, ходила стриженой и обыкновенно являлась въ мужской курткѣ.

Съ Леонардомъ у нихъ завязалась тѣсная дружба. Онъ не боялся ее компрометтировать тѣмъ, что пилъ чай у нея въ гостиной, а Констанція не боялась скомпрометтировать, себя являясь одна къ нему на квартиру. Такое положеніе опасно для молодого человѣка, даже вполнѣ поглощеннаго честолюбивыми мечтами и отодвинувшаго вопросъ о бракѣ на задній планъ, чтобы заняться имъ въ подходящее время, которое еще не наступило. Опасно оно и для дѣвицы, даже эмансипированной.

Съ молодымъ человѣкомъ приключились всѣ обычныя послѣдствія. Сначала онъ замѣтилъ, что ему особенно пріятно сидѣть рядомъ съ нею за обѣдомъ и провожать ее домой; затѣмъ онъ сталъ чувствовать досаду, если не встрѣчалъ ея; скоро онъ замѣтилъ, что много думаетъ о ней; онъ также ловилъ себя на изліяніяхъ, въ которыхъ повѣрялъ свои честолюбивые планы ей, какъ сочувствующей слушательницѣ: а ужъ это одинъ изъ наихудшихъ симптомовъ. Онъ теперь дошелъ до того градуса, когда образъ дѣвицы вѣчно присутствуетъ въ воображеніи молодого человѣка, даже иногда мѣшаетъ ему работать, и когда объясненіе становится абсолютно необходимымъ для достиженія душевнаго мира и возможности спокойно трудиться. Современный любовникъ уже не говоритъ и не пишетъ о пламени и стрѣлахъ, но все же день и ночь порабощенъ мыслью о возлюбленной.

Въ такихъ дѣлахъ наступаетъ время, опредѣленный моментъ, когда необходимо высказаться. Какъ груша въ теченіе опредѣленнаго получаса бываетъ въ состояніи совершенной зрѣлости, такъ и въ любви бываетъ день, часъ, минута, когда извѣстныя слова должны быть сказаны. Очень плохо, если влюбленный выберетъ не тотъ моментъ. Не менѣе плохо, если зрѣлость окажется только съ одной стороны.

Леонардъ Кампеньй впалъ въ эту ошибку. Будучи человѣкомъ сдержаннымъ, онъ думалъ о себѣ много больше, нежели о другихъ. Это не есть непремѣнный признакъ эгоизма или тупоумія; ничуть: людямъ съ сильными натурами и честолюбивыми цѣлями свойственно думать постоянно о себѣ и своихъ цѣляхъ. Поэтому, когда онъ самъ вполнѣ созрѣлъ для объясненія, онъ не поставилъ себѣ вопроса: созрѣло-ли и то лицо, къ которому онъ хотѣлъ обратиться? Къ сожалѣнію, этого не было. Та особа находилась еще въ критическомъ періодѣ: она могла еще смотрѣть на своего пріятеля объективно и не лишилась еще способности судить о немъ.

Леонардъ и не подозрѣвалъ этой, такъ сказать, остановки въ развитіи ея чувства. Онъ предполагалъ, что сердце дѣвушки идетъ въ ногу съ его собственнымъ. Поэтому онъ написалъ письмо — способъ сватовства, менѣе смущающій, нежели устный; но, кажется, дѣвицы предпочитаютъ послѣдній. Конечно, трудно быть пламеннымъ на бумагѣ; а также, въ случаяхъ колебанія, письмо не столь убѣдительно, какъ голосъ въ соединеніи съ пожатіемъ руки и огнемъ взоровъ.

„Дорогой другъ!

Я рискую потерять положеніе, которое является для меня величайшимъ счастіемъ. Вы разрѣшили мнѣ говорить свободно о моихъ стремленіяхъ. Вы даже оказали мнѣ честь сообщить о вашихъ. Ни по какимъ соображеніямъ не хотѣлъ бы я утратить такое довѣріе. Тѣмъ не менѣе, позвольте мнѣ предложить вамъ очень простой вопросъ. Прошу васъ размыслить о возможности перемѣны въ нашихъ отношеніяхъ. Эта перемѣна—она можетъ заключаться лишь въ одномъ—ни въ какомъ случаѣ не уменьшила бы взаимнаго нашего довѣрія, а могла бы его только увеличить. Какъ бы я самъ отнесся къ этому, я выскажу вамъ, если вы позволите.

Вашъ другъ

Л. К.“

Совсѣмъ не любовное письмо, не правда-ли? Однако въ немъ заключались возможности. Видите-ли, онъ подавалъ надежду, что скажетъ кое-что еще. Дѣвица попросила нѣсколько дней на размышленіе. Въ это утро она должна была дать письменный или устный отвѣтъ.

Констанція постучалась въ дверь. Она пришла отъ себя,

безъ шляпы. Она взяла стулъ — Леонардовъ деревянный стулъ—сѣла и заговорила о постороннихъ предметахъ, какъ будто не придавая никакого значенія такой темѣ, какъ предложеніе. Но это была только уловка, вполнѣ женская, какъ всегда.

— Мнѣ вчера вечеромъ сказали въ клубѣ—представьте себѣ, въ клубѣ!—повторила она,—что я себя компрометтирую, обѣдая съ вами каждый день и позволяя вамъ провожать меня домой. Вотъ какъ смотрятъ на свободу женщинъ! Она не смѣетъ имѣть друзей. Но не браните нашихъ членовъ. Прошу васъ помнить, Леонардъ, что я не обращаю никакого вниманія на ихъ слова...

При первомъ взглядѣ на ея лицо становилось ясно, что эта дѣвушка не испугается осужденія со стороны другихъ. На лицѣ ея выражалась гордость. Гордость бываетъ разная: она могла бы гордиться своимъ родствомъ, если-бы пожелала; или умомъ и познаніями, или красотою, которая была замѣчательна. Она не гордилась ничѣмъ подобнымъ, но имѣла ту степень самоуваженія, которая составляетъ гордость высшаго разбора. „Она была женщина, слѣдовательно, требовала ухаживанія“, но ухаживатель долженъ былъ принимать въ разсчетъ это чувство собственнаго достоинства. Гордость придавала ей видъ холодности. Всѣ считали ее чрезвычайно холодной. Пожалуй, одинъ только Леонардъ замѣтилъ по тысячѣ мелкихъ признаковъ, что это далеко не такъ. Но постановка головы, очертанія рта, интеллигентный взглядъ, опредѣленность и правильность чертъ говорили о гордости и какъ будто о холодности.

— Я всегда помню ваши слова, Констанція. А теперь скажите мнѣ то, ради чего сюда пришли.

Она встала. Сначала, осмотрѣвъ все, что было на каминѣ, она какъ будто сильно заинтересовалась папиросами и табакомъ, но вдругъ повернулась къ нему и сложила руки:

— Я пришла сказать вамъ вотъ что.

Онъ прочелъ отвѣтъ на ея лицѣ, которое было открыто, сурово и чуждо малѣйшаго признака смущенія, растерянности или слабости. Не такой видъ бываетъ у дѣвушки, отдающей себя своему возлюбленному. Тѣмъ не менѣе, онъ притворился будто не понимаетъ.

— Что именно?

— Вотъ что: я думала цѣлую недѣлю, — *это* не подойдетъ. Не подойдетъ ни для кого изъ насъ. Вы мнѣ очень нравитесь. Мнѣ пріятны наши теперешнія отношенія. Мы вмѣстѣ обѣдаемъ въ клубѣ. Я хожу сюда безъ всякихъ намѣреній. Вы ко мнѣ тоже. Мы бесѣдуемъ, гуляемъ и всюду бываемъ вмѣстѣ. Не думаю, чтобы я цѣнила больше, чѣмъ

васъ, кого-либо, изъ могущихъ сдѣлать мнѣ подобное предложеніе; а между тѣмъ...

— Между тѣмъ! Зачѣмъ какія-либо оправданія?—Онъ говорилъ съ холодностью, объяснявшейся отсутствіемъ поощренія со стороны дѣвушки.—Мое поклоненіе вамъ такъ велико...

Она покачала головой и подняла руку.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ,—сказала она.—Поклоненіе? Мнѣ не нужно поклоненія. Что вы разумѣете подъ этимъ словомъ?

— Разумѣю величайшее уваженіе, величайшее почтеніе величайшее восхищеніе...

— Къ чему?

— Къ Констанціи Амбри.

— Благодарю васъ, мой другъ. Часть уваженія принимаю съ благодарностью, но не все. Впрочемъ, полагаю, что въ эту минуту вы имѣете въ виду все, на какое способны. Но разберитесь хорошенько. Поклоняетесь-ли вы моему уму? Будьте же откровенны! Вы знаете, что онъ много ниже вашего. Начни вы притворяться, будто поклоняетесь уму, который ниже вашего, я утратила бы или уваженіе къ вамъ, или вѣру въ вашу правдивость. Значитъ, не въ умѣ дѣло. Можетъ быть, въ талантѣ? Но талантовъ я не имѣю, и вы это хорошо знаете. Не поклоняетесь ли вы моей учености? Но въ ней я много уступаю большинству вашихъ товарищей по университету и образованныхъ людей вашего возраста. Вы не станете увѣрять, будто поклоняетесь моей учености...

— Позвольте же мнѣ поклоняться вашей личности.

Она слегка засмѣялась.

— Это было бы неразумно съ вашей стороны, потому что, притворяясь, будто вы такъ чувствуете, вы унизили бы себя. Я вѣдь не выше васъ въ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя доступны намъ обоимъ: ничуть не выше. Я думаю, что доступная мнѣ степень всего: правдивости, честности, мужества, терпѣнія, всего, всего, подобно—моему уму, много ниже доступнаго вамъ. Вотъ какого я высокаго о васъ мнѣнія! Поэтому, другъ мой, прошу васъ, не говорите, что поклоняетесь мнѣ.

— Вы несправедливы къ себѣ, Констанція. По натурѣ, вы много выше меня.

Она засмѣялась опять:

— Если-бы я вышла за васъ, вы черезъ недѣлю открыли бы, что ошибаетесь, и, пожалуй, впали бы въ противоположную крайность.

— Какъ же мнѣ васъ убѣдить?

— Я понимаю. Во мнѣ есть что-то для васъ привлекатель-

ное. Лицо-ли, голосъ-ли, фигура-ли, манеры-ли,—кто скажетъ, что привлекаетъ мужчинъ?

— Констанція, возможно-ли, чтобы вы не сознавали собственной красоты?

Она взглянула ему прямо въ лицо и медленно отвѣтила:

— Я бы хотѣла понять, въ чемъ тутъ дѣло. Я отлично вижу, что мужчины легче влюбляются, нежели женщины. Они дѣлаютъ самыя возмутительныя ошибки,—я знаю нѣсколько примѣровъ,—ошибки непоправимыя. Давайте-же, мы съ вами не сдѣлаемъ ошибки.

— Повѣрьте мнѣ, тутъ бы ея не было.

— Не знаю. Вотъ и вопросъ о красотѣ. Женщины не обманываются красотою другихъ женщинъ. Мужчина же, восхищаясь личикомъ, приписываетъ его обладательницѣ всевозможныя добродѣтели. Женщина можетъ смотрѣть на хорошенькое личико, не видя въ немъ патента на чистоту и святость. И потомъ... лицо! На что оно будетъ похоже лѣтъ черезъ двѣнадцать? А лѣтъ черезъ тридцать... Охъ, страшно, подумать!

— Никогда, Констанція! Никогда вы не можете быть иною, какъ вполнѣ прекрасною!

Ничуть не убѣжденная, она вновь покачала головой.

— Я не желаю поклоненія,—повторила она.—Другимъ женщинамъ оно можетъ и нравится, а для меня было бы унизительнымъ. Я не хочу поклоненія: я хочу соперничества. Дайте мнѣ трудиться среди тѣхъ, кто воистину трудится, и добиться подобающаго мнѣ мѣста. Что же касается моего лица и моихъ такъ называемыхъ женскихъ прелестей,—признаюсь, это все вовсе не интересуетъ меня. Ничуть!

— Если вы только позволите мнѣ по прежнему восхищаться...

— О!—Она нетерпѣливо покачала внушавшей это восхищеніе головкой.—Сколько вамъ угодно!

Леонардъ вздохнулъ. Онъ хорошо зналъ, что съ этой молодой особой всякіе доводы безполезны: она была тверда въ своихъ убѣжденіяхъ.

— Я не стану просить ничего больше,—сказалъ онъ.—Ваше сердце отзывчиво на все, кромѣ любви. Вамъ не хватаетъ одной этой способности, присутствіе которой сдѣлало бы васъ божественной.

Она презрительно засмѣялась.

— Божественной? Ахъ, вы говорите, какъ мужчина,—не какъ ученый или философъ, а просто, какъ мужчина!—Оставивъ личную точку зрѣнія, она перешла на общую:—Вся поэзія искажена ложнымъ, искусственнымъ обожествленіемъ женщины. Я не нуждаюсь въ томъ, чтобы мнѣ приписывали

такого рода божественность. Поэтому я не сожалѣю о своей неспособности къ тому чувству, проявленіе котораго съ моей стороны было бы вамъ желательно: я отлично обхожусь безъ него.

Она говорила съ убѣжденіемъ, и внѣшность ея не противорѣчила словамъ: она была холодна, безъ малѣйшаго оттѣнка нѣжности, ничѣмъ не напоминая о Венерѣ.

— На-дняхъ я говорила въ классѣ на эту самую тему. Мы разбирали Херрика; но, и кромѣ него, есть множество поэтовъ, отлично подходящихъ для этой цѣли. Я говорила объ этомъ ложномъ божествѣ и доказывала, что для поэзіи, какъ и для жизни, необходимо извѣстное здравомысліе, которое не утрачивается нами лишь постольку, поскольку мы контролируемъ наши чувства.

То обстоятельство, что въ такую минуту, которая многимъ могла бы показаться важнѣйшею въ жизни, оказывались возможными холодныя философскія разсужденія, было, пожалуй, доказательствомъ, что ни влюбленный, ни дѣвица вовсе не находились во власти любви.

— Можетъ быть, любовь и не признаетъ здравомыслія.

— Такъ лучше ее запереть на замокъ. Я указала моимъ ученицамъ, что всѣ эти выдумки—преувеличеніе, и красивы лишь подъ музыку риѳмованныхъ, благозвучныхъ фразъ, но въ жизни для нихъ нѣтъ мѣста, кромѣ какъ въ мозгахъ людей, прекратившихъ свое существованіе.

— Прекратившихъ существованіе?

— Я хочу сказать, что времена несдержанной разумомъ страсти уже миновали. Постоянно останавливаться на одномъ только жизненномъ эпизодѣ, преувеличивать его значеніе, обожествлять возлюбленную, значитъ, какъ я сказала въ классѣ, показывать жизнь въ ложномъ свѣтѣ и отвлекать поэзію отъ ея истиннаго назначенія.

— Какъ же отнеслись ваши слушательницы?

— Ну... знаете... кажется, заурядная дѣвица любитъ, чтобы ей поклонялись. Это ей очень вредно, такъ какъ она знаетъ, что этого не стоитъ и что это бываетъ недолговременно. Но она, кажется, любитъ... Въ общемъ, мнѣ показалось, что онѣ не согласны со мной.

— По вашему, въ поэзіи не должно быть любви?

— Не должно быть преувеличенной любви. Такихъ крайностей мы не встрѣчаемъ у болѣе возвышенныхъ поэтовъ. Ихъ нѣтъ ни у Мильтона, ни у Попа, ни у Коупера, ни у Вордсворта, ни у Броунинга. Вы правду сказали, что я еще не испытала любви. Но, во всякомъ случаѣ, она является лишь эпизодомъ въ жизни. Поэзія же должна захватывать всю жизнь въ ея цѣломъ.

— Но и любовь должна захватывать всю жизнь.

— Леонардъ,—сказала она, и лицо ея смягчилось неувѣренностью,—можетъ быть въ моей природѣ есть какой-нибудь дефектъ. Я отъ души желала бы понять, зачѣмъ вамъ эта перемѣна... Впрочемъ, пусть это не нарушитъ нашей дружбы. Я не могу себѣ представить, чтобы мой отказъ въ такой бездѣлицѣ повелъ бы къ отчужденію между нами.

— Въ такой бездѣлицѣ! Констанція, вы изумительны!

— Но мнѣ кажется, судя по свидѣтельствамъ поэтовъ, что мужчины всегда готовы влюбляться. Если не выгоритъ съ одною женщиною, то на свѣтѣ достаточно другихъ.

— А развѣ это не нарушило бы нашихъ отношеній.

— Вы хотите сказать, что я стала бы ревновать?

— Я считаю невозможнымъ примѣнять понятіе о ревности къ вамъ, Констанція.

Она взглянула на дѣло съ объективной точки зрѣнія.

— Я не стала бы ревновать васъ къ женщинѣ, которую я не видала бы въ глаза, но мнѣ будетъ непріятно, если кто-нибудь станетъ между нами здѣсь. Я думаю, что тогда я не осталась бы тутъ.

— Вы воскрешаете мои надежды, Констанція.

— Нѣтъ. Это только дружба. Потому что, видите ли, все удовольствіе имѣть другомъ человѣка, подобнаго вамъ, состоитъ въ свободныхъ и откровенныхъ бесѣдахъ. Я чувствую себя съ вами совершенно непринужденно. Признаюсь, это измѣнилось бы, если бы здѣсь съ нами была еще женщина.

Она немного помолчала. Смущеніе начинало овладѣвать ею.

— Леонардъ, —сказала она,—я подумала не только о себѣ, но и о васъ... Если бы мнѣ казалось, что это для васъ необходимо, или повело бы къ лучшему, я, пожалуй, согласилась бы... хотя не могла бы дать вамъ то, чего вы ждете т. е., взаимнаго поклоненія и тому подобныхъ вещей.

— Необходимо?—повторилъ онъ.

На лицѣ ея не было слѣда той слабости, которая неразлучна съ любовью; напротивъ, оно приняло выраженіе профессіональное, свойственное человѣку, привыкшему разсуждать на темы историческія, философскія, или предаваться анализу.

— Давайте сядемъ и потолкуемъ о васъ вполнѣ безпристрастно, какъ о совершенно посторонней личности.

Она снова сѣла на стулъ, на собственный Леонардовъ стулъ передъ столомъ; стулъ этотъ былъ вращающійся, и она сдѣлала на немъ полъ-оборота, такъ что оперлась локтемъ на бумагу, а лицомъ повернулась къ своему вздыхателю. Леонардъ, съ своей стороны, испыталъ то знакомое чувство,

которое овладѣвало имъ въ былые дни, когда профессоръ начиналъ подвергать строгой критикѣ его сочиненіе. Однако онъ засмѣялся и подчинился, занявши кресло по другую сторону камина. Это дало Констанціи нѣкоторое преимущество, такъ какъ ей пришлось глядѣть на него сверху внизъ. Высокій человѣкъ часто забываетъ пользоваться выгодами своего роста.

— Я хочу сказать, считай я, что вамъ необходимъ товарищъ, какъ болѣе слабымъ и менѣе счастливымъ людямъ... поэтамъ, напримѣръ... Я увѣрена, что любовь есть стремленіе найти въ другомъ поддержку и сочувствіе. Нѣкоторые мужчины—болѣе слабые, чѣмъ вы—нуждаются въ сочувствіи наравнѣ съ женщинами. Но вы не испытываете этого стремленія или нужды.

— Ужасное обвиненіе! Да почему же вы знаете?

— Знаю потому, что много объ васъ думала и прониклась такимъ глубокимъ къ вамъ уваженіемъ, что сначала, какъ только я получила ваше письмо, я чуть-чуть не сдѣлала большой ошибки.

— Такъ разскажите же мнѣ это подробнѣе. Узнать, что̀ о насъ думаютъ другіе, всегда полезно. Мы постоянно склонны самообольщаться.

— Во-первыхъ, я полагаю, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей, вы—самый самоувѣренный и довольный судьбою.

— Что жъ? Это—добродѣтель; не правда ли?

— Разумѣется, у васъ полное основаніе быть самоувѣреннымъ. Вы богаты познаніями, и въ университетѣ васъ считали подающимъ надежды. Сейчасъ на васъ смотрятъ какъ на человѣка, который уже многаго добился. До сихъ поръ ваша самоувѣренность оправдывалась.

— До сихъ поръ мое самолюбіе не страдаетъ. Но это вѣдь не все?

— Да; вы—тоже самый счастливый изъ всѣхъ. Въ этомъ вы значительно опередили вашихъ современниковъ, потому что каждому изъ нихъ чего-нибудь не хватаетъ, а у васъ есть все. Кому не хватаетъ почтенныхъ предковъ: надо стоять очень высоко, чтобы не горевать о своемъ низкомъ происхожденіи; кому—благовоспитанности; у кого—несчастная наружность, рѣзкій голосъ, нервныя подергиванія; у кого плохой слогъ; терзаетъ бѣдность. Вы одинъ не имѣете ни одного изъяна, который могъ бы стать препятствіемъ на вашемъ пути.

— За это я долженъ благодарить судьбу.

— Вы представляете собой ту рѣдкую комбинацію качествъ, которою создается успѣхъ государственнаго человѣка. Вы—недурны, даже красивы; видъ у васъ внушительный, голосъ

и манеры—хороши; по рожденію и воспитанію вы—баринъ; средствъ вашихъ вамъ довольно, а въ будущемъ предстоитъ получить хорошее помѣстье. Въ самомъ дѣлѣ, Леонардъ, я не знаю, чего бы вы могли просить еще у судьбы.

— Я никогда ничего не просилъ у судьбы.

— А между тѣмъ, все получали. Вы слишкомъ счастливы. Такъ продолжаться не можетъ: что-нибудь предстоитъ вамъ. Судьба никому не даетъ полнаго счастья.

— Въ самомъ дѣлѣ!—онъ слегка усмѣхнулся.—Но мнѣ ничего иного и не нужно.

— Въ довершеніе всего, вы—вполнѣ здоровы и, кажется, даже незнакомы съ дантистомъ; волосы у васъ тоже еще не рѣдѣютъ. Право, Леонардъ, я не думаю, чтобы во всемъ королевствѣ нашелся еще такой счастливецъ!

— Однако, вы отказываетесь раздѣлить со мною будущность.

— Пожалуй, будь у васъ несчастье или непріятности, я бы не отказалась. Семейные скандалы, напримѣръ... Во многихъ дворянскихъ домахъ полные шкапы всякихъ привидѣній; а у васъ въ шкапахъ—только голубой фарфоръ. Одинъ или два скандала сдѣлали бы васъ болѣе похожимъ на обыкновеннаго человѣка.

— Къ сожалѣнію, съ вашей точки зрѣнія, у насъ въ семьѣ не было скандаловъ.

— Опять: бѣдные родственники! Многихъ такъ тяготятъ эти бѣдные родственники! Они попадаютъ въ невозможныя положенія, и ихъ приходится выручать со множествомъ расходовъ. У меня, напримѣръ, есть кузенъ, который всегда является неожиданно. Онъ очень расточителенъ и имѣетъ ужасную репутацію. А у васъ? О, счастливый молодой человѣкъ!

— У насъ были случаи ранней смерти, но нѣтъ кузеновъ съ ужасными репутаціями.

— На это я и сѣтую. Вы слишкомъ счастливы. Вамъ бы слѣдовало бросить перстень въ море, какъ сдѣлалъ тотъ слишкомъ счастливый царь, котораго только одного и можно сравнить съ вами.

— Полагаю, что въ свое время явится подагра или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Это вамъ даже не безполезно,—продолжала она полушутя.—Вамъ слишкомъ пріятно живется, Леонардъ. Вы такъ и ждете, что вся ваша жизнь будетъ сплошнымъ тріумфальнымъ шествіемъ. Ваше счастье какъ бы выключаетъ васъ изо всего человѣчества. Вы непохожи на прочихъ людей; тѣмъ все достается цѣною борьбы, а вамъ все само валится съ неба. У васъ нѣтъ ничего общаго съ трудящимся міромъ: ни униженій, ни обидъ, ни стыда, ни неудачъ.

— Я едва-ли понимаю...—началъ онъ, раздосадованный этимъ неожиданнымъ рядомъ обвиненій.

— Я хочу сказать, что вы стоите выше жизни дѣйствительной, гдѣ люди спотыкаются и падаютъ и гдѣ ихъ подбираютъ, по большей части, женщины. Васъ ни разу не сбивали съ ногъ. Вы говорите, что мнѣ непонятна любовь. Можетъ быть... А вотъ вамъ ужъ она такъ навѣрно непонятна. Любовь означаетъ взаимную поддержку. Намъ съ вами совсѣмъ не нужна поддержка. Вы покрыты бронею. Вы не хотите, даже не можете захотѣть узнать, что такое любовь.

Онъ не возражалъ. Такой оборотъ былъ для него неожиданностью. Она говорила о себѣ, что не нуждается въ любви; а теперь обвиняетъ его въ подобномъ же недостаткѣ!

— Леонардъ, если-бы судьба послала вамъ семейные скандалы, бѣдныхъ родственниковъ, которыхъ вамъ пришлось бы стыдиться, что-нибудь, отъ чего вы стали бы уязвимы, подобно прочимъ людямъ, и вы постигли бы, что значитъ любовь, тогда, въ этомъ невозможномъ случаѣ, я не знаю... я, пожалуй...

Она не кончила фразы и выбѣжала изъ комнаты.

Леонардъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, и на лицѣ его выразилась нѣкоторая печаль:

— Что она хочетъ сказать? Униженія? Опозоренные родственники? Это—просто смѣшно!

Но тутъ же, во второй разъ послѣ многихъ лѣтъ, ему почудились голоса матери и бабушки. Онѣ говорили о несчастіяхъ, поочереди постигающихъ представителей его рода, начиная со старика въ деревенскомъ домѣ съ террасою. О! Это было нелѣпо. Онъ вскочилъ на ноги. Это, — нелѣпость. Униженіе! Позоръ! Семейныя несчастія! Вздоръ! Констанція отказала ему. Она можетъ одуматься. Между тѣмъ, взглядъ его упалъ на столъ и на бумаги. Онъ сѣлъ, взялъ перо. Любовь, глядѣвшая на него съ самой верхней изъ библіотечныхъ полокъ, исчезла со вздохомъ отчаянія. Влюбленный не слышалъ ни вздоха, ни трепета ея крыльевъ. Онъ склонился надъ бумагами и черезъ минуту вполнѣ погрузился въ то, что писалъ.

Придя къ себѣ, дѣвушка сѣла за столъ и взяла перо, но тотчасъ опять его положила.

— Нѣтъ,—сказала она,—я не могу. Онъ слишкомъ поглощенъ собою. Онъ ничего не знаетъ и ничего не понимаетъ; а міръ полонъ всякихъ бѣдствій. Онъ олицетворяетъ собою счастье, а прочіе люди страдаютъ—ахъ, какъ страдаютъ!—за свои и за чужіе грѣхи. Онъ же ничего не знаетъ. Ничего не понимаетъ. Ахъ, если бы что-нибудь могло его

превратить въ человѣка: униженіе, неудача! Если бы онъ могъ стать человѣкомъ, подобнымъ прочимъ, ну, тогда...

Она положила перо, встала, надѣла шляпу и кофту и вышла на улицу къ прочимъ людямъ.

III.

Что нибудь предстоитъ.

Если вы обладаете рѣдкою способностью работать во всякое время и сосредоточивать ваши мысли на дѣлѣ послѣ любого событія, то, конечно, трудъ является наилучшимъ средствомъ борьбы съ разочарованіемъ и печалью. Прошло два часа. Леонардъ все еще сидѣлъ за письменнымъ столомъ, погруженный въ рядъ излагаемыхъ имъ доводовъ. совершенно позабывъ о томъ, что только что случилось. Наконецъ, его перо стало двигаться медленнѣе; онъ отложилъ его: одинъ отдѣлъ работы былъ законченъ. Онъ выпрямился, перенумеровалъ страницы, сложилъ рукопись и не безъ удивленія почувствовалъ себя способнымъ, успокоившись процессомъ работы, обсудить только что происшедшій разговоръ. Нѣкоторые, получивъ отказъ, чувствуютъ себя униженными и негодуютъ. Причина этого въ томъ, что ихъ самомнѣніе построено на пескѣ. Леонардъ былъ не таковъ, чтобъ испытывать униженіе отъ какого угодно отвѣта на какой угодно изъ своихъ вопросовъ, хотя бы дѣло касалось брака. То хорошее мнѣніе, какое онъ имѣлъ о себѣ, покоилось на слишкомъ солидныхъ и незыблемыхъ основаніяхъ. Ни одна женщина не могла отказать ему, принимая во вниманіе тѣ данныя, которыми обыкновенно обусловливаются ихъ уваженіе и симпатія къ мужчинамъ. Сама Констанція признала, что судьба была щедра къ нему во всемъ, но, по какому-то женскому капризу или неожиданному коварству, ничуть этимъ не тронулась. Человѣка, подобнаго Леонарду, не можетъ унизить ничто сказанное или сдѣланное ему другими: его унижаютъ развѣ только собственные поступки, ошибки и промахи, которыми такъ полна жизнь большинства.

Онъ былъ способенъ оставить безъ вниманія,—вѣдь это могло еще измѣниться,—отказъ отъ такой благодати, какъ брачный съ нимъ союзъ. Сверхъ того, отказъ былъ облеченъ въ такую изящную и нѣжную форму!

Но что за странный поводъ для отказа! Онъ мысленно повторилъ ея слова. Констанція сказала, что судьба никому не даетъ полнаго счастья. Онъ же, по ея мнѣнію, представляетъ какъ бы исключеніе изъ этого правила. Онъ хоро-

шаго рода, довольно богатъ, здоровъ во всѣхъ отношеніяхъ, достаточно одаренъ, признанъ талантливымъ, имѣетъ успѣхъ и никакихъ видимыхъ минусовъ. Есть-ли во всемъ свѣтѣ другой подобный человѣкъ? Для него было бы лучше,—согласно пророчеству этой взволновавшей его дѣвушки,—если бы къ такимъ щедрымъ дарамъ судьбы примѣшалось нѣчто изъ общей доли, привкусъ горечи, который неизбѣжно и явится; непремѣнно что-нибудь случится, что-нибудь уже готовится, грозитъ бѣда: тогда онъ будетъ походить на прочихъ людей и лучше пойметъ жизнь. Лишь получивъ свою долю печали и страданія, позора и униженія, ниспосылаемыхъ людямъ, онъ очутится въ гармоніи съ людьми. Ибо основной тонъ жизни вообще есть страданіе.

Въ этомъ пунктѣ, изъ тумана дѣтскихъ воспоминаній, передъ нимъ выступили двѣ женщины въ траурѣ, обѣ вдовы, которыя сидѣли и плакали вмѣстѣ.

Слова и вся сцена припомнились ему такъ же ясно, какъ въ тотъ день, когда онъ смотрѣлъ на старика, уснувшаго въ креслѣ.

Леонардъ отогналъ отъ себя видѣніе: дерновую площадку и садъ, обѣихъ женщинъ, сидѣвшихъ на террасѣ, дитя, игравшее на травѣ, слова... Все это исчезло: онъ вернулся къ настоящему.

— Фантазія!—сказалъ онъ.—Всѣ эти суевѣрные страхи—не болѣе, какъ фантазія.

Онъ рѣшилъ не думать о такихъ вещахъ, забыть предсказаніе мудрой дѣвицы и укоръ ея, что онъ черезчуръ счастливъ.

Мы видѣли, какъ онъ распечаталъ первое изъ небольшой кучки писемъ. Теперь глаза его упали на прочія, онъ взялъ одно и раскрылъ его. Заголовокъ показывалъ, что оно послано изъ модной уэстъ-эндской гостиницы; почеркъ былъ незнакомый. Однако оно начиналось словами: „Мой дорогой племянникъ“.

— Мой дорогой племянникъ?—повторилъ онъ.—Кто это называетъ меня дорогимъ племянникомъ?

Онъ перевернулъ письмо и прочелъ подпись: „Твой любящій дядя, Фредъ Кампеный“.

Фредъ Кампеный! Въ его памяти воскресъ еще день изъ его дѣтства, и онъ увидѣлъ свою мать, это кроткое существо, красною отъ гнѣва при звукѣ этого имени. На глазахъ ея были слезы — не печали, а злобы, а щеки такъ и пылали. Больше ничего онъ не помнилъ: имя Фредерика Кампеный больше уже не упоминалось при немъ.

— Удивительно!—сказалъ Леонардъ и принялся читать дальше:

„Дорогой племянникъ!

Я пріѣхалъ сюда день или два назадъ, послѣ многихъ лѣтъ скитанья. Не теряя времени, послѣ нѣсколькихъ неотложныхъ дѣлъ, я съ тобою повидаюсь. Дочитавъ до этого, потрудись взглянуть на подпись...

— Уже сдѣлано, — сказалъ Леонардъ. Онъ положилъ письмо и постарался вспомнить побольше. Но не могъ. Въ его памяти опять вырисовался образъ матери, сердитой въ первый и единственный разъ за все время, что онъ ее помналъ.—На что она сердилась?—спросилъ онъ себя, а затѣмъ припомнилъ, что и дядя Христофоръ, извѣстный юристъ, никогда не произносилъ имени Фредерика. — Повидимому таки былъ семейный скандалъ,—подумалъ онъ и опять принялся за письмо.

„Я давно пропавшій скиталецъ. Не думаю, чтобы ты могъ меня помнить: тебѣ было не болѣе пяти лѣтъ, когда я уѣхалъ. Съ ребенкомъ столь нѣжнаго возраста не толкуютъ о семейныхъ дѣлахъ. Когда я покидалъ родину, надо мной было облако—правда, легкое—родъ нѣкой туманной дымки, таинственно свѣтящейся при лучахъ солнца. Это была весьма обыденная тайна долговыхъ обязательствъ, племянничекъ. Я и уѣхалъ. Въ сущности, меня чуть не въ шею вытолкнула вся холодно относившаяся ко мнѣ родня. Не только имѣлись долги, но было прожито и все мое скромное наслѣдственное достояніе. Такъ легкомысленная юность безумно бросаетъ собственныя деньги вслѣдъ за чужими. Мое состояніе мнѣ бы слѣдовало сберечь и захватить съ собою на чужбину, а истратить только то, что я взялъ въ долгъ. Впрочемъ, сейчасъ я опять дома. Слѣдовало бы посѣтить тебя, но имѣю важныя дѣла въ городѣ, гдѣ,—какъ тебѣ, можетъ быть, пріятно будетъ узнать,—мое имя и голосъ имѣютъ значеніе. Тебя хотятъ пригласить въ среду къ брату Христофору. Посему надѣюсь свидѣться съ тобою тамъ. Значительность нѣкоторыхъ операцій ставитъ меня въ необходимость день или два посвятить исключительно высшимъ финансовымъ дѣламъ. Кажется, въ старину было въ обычаѣ, чтобы блудный сынъ возвращался въ лохмотьяхъ. Нынче все это измѣнилось: блудный сынъ возвращается въ тонкомъ суннѣ съ чековой книжкой въ карманѣ и текущимъ счетомъ въ банкѣ. Я увѣренъ, что и вся семья съ удовольствіемъ узнаетъ, насколько я процвѣтаю“.

При чтеніи этого, Леонарду стало не по себѣ. Во-первыхъ, онъ припомнилъ слезы матери, а затѣмъ въ этихъ словахъ ему чувствовалось что-то фальшивое, точно притворное веселье, неискренность котораго кидается въ глаза. Здѣсь

толковалось объ успѣхѣ, который какъ-будто долженъ былъ искупить нѣчто въ прошломъ.

— Я и забылъ,—сказалъ онъ,—что у насъ въ семьѣ имѣется блудный сынъ. Впрочемъ, я никогда этого толкомъ и не зналъ. „Насколько я теперь процвѣтаю“. Неужели? „Важныя дѣла въ городѣ“. Ну, посмотримъ. Я отлично могу подождать до среды.

Онъ еще перечиталъ письмо. Что-то въ немъ было неладно; образъ кроткой женщины, единственный разъ въ жизни пришедшей въ непритворный гнѣвъ, не гармонировалъ съ туманной дымкой, о которой упоминалъ писавшій. Сверхъ того, романическій герой, набобъ, вернувшійся съ полными карманами денегъ и достигшій высшихъ ступеней богатства, не начинаетъ съ извиненій по поводу обстоятельствъ, принудившихъ его покинуть родину. Напротивъ: онъ возвращается, полный восторга и увѣренности въ хорошемъ пріемѣ, какой доставятъ ему его мѣшки съ деньгами.

— Какъ бы то ни было,—сказалъ Леонардъ, откладывая письмо,—это уже старая исторія и, такъ какъ моей бѣдной матери уже не суждено лить слезъ ни надъ нею, ни надъ чѣмъ другимъ, то можно и забыть.

Онъ отложилъ письмо и взялъ слѣдующее.

— Фу!—проворчалъ онъ.—Опять отъ Олджернона! Навѣрное, опять проситъ взаймы. А еще Констанція говоритъ, будто у меня нѣтъ бѣдныхъ родственниковъ.

Правда, что кузенъ Олджернонъ время отъ времени бралъ у него деньги, но едва-ли могъ считаться бѣднымъ родственникомъ, будучи единственнымъ сыномъ г-на Христофора Камненьй, присяжнаго повѣреннаго, имѣвшаго большую и выгодную кліентуру. Привилегіей высшей адвокатуры является то обстоятельство, что большая кліентура непремѣнно выгодна; тогда какъ у повѣренныхъ низшаго разряда бываетъ практика обширная, но невыгодная, точно такъ же, какъ въ числѣ низшаго медицинскаго персонала можно найти лицъ, взимающихъ по пятачку съ весьма многочисленныхъ больныхъ, или въ средѣ духовенства — сельскихъ священниковъ съ очень обширными приходами.

Самъ Олджернонъ стремился къ великой и почетной цѣли: онъ намѣренъ былъ стать драматургомъ будущаго. Онъ еще не написалъ ни одной драмы, но посѣщалъ театры, не пропускалъ ни одного перваго представленія, водилъ знакомство со многими актерами и актрисами, былъ членомъ клуба театраловъ, говорилъ и держалъ себя, какъ актеръ или, по крайней мѣрѣ, какъ человѣкъ, котораго въ театрѣ считаютъ своимъ. Олджернонъ часто нуждался въ деньгахъ, ухитрялся добывать отъ отца не болѣе разъ опредѣленной

суммы въ годъ и привыкъ прибѣгать къ кузену, какъ къ старшему въ родѣ.

Письмо оказалось, какъ предвидѣлъ Леонардъ, просьбою о займѣ.

„Милый Леонардъ, мнѣ очень жаль тебя безпокоить, но обстоятельства у меня стѣсненныя, а родитель отказываетъ въ авансахъ. Какъ можетъ онъ, при своемъ прекрасномъ заработкѣ, такъ придираться къ моимъ маленькимъ расходамъ, я рѣшительно не понимаю. Онъ жалуется, что я не работаю. Это вполнѣ неосновательно, такъ какъ нѣтъ человѣка, который усерднѣе работалъ бы надъ своимъ искусствомъ, нежели я. Почти каждый вечеръ я въ театрѣ. Виноватъ ли я, что мѣста стоятъ по полугинеѣ? Все это означаетъ, что я желаю получить отъ тебя взаймы десятку, пока родительская жестоковыйность не пойдетъ на уступки. Твой Олджернонъ“.

Леонардъ прочелъ и фыркнулъ.

— Этотъ молодецъ никогда ничего не станетъ дѣлать,— сказалъ онъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сѣлъ, открылъ чековую книжку и написалъ чекъ.—Ну, и подавись!—проговорилъ онъ.

А еще Констанція сказала, что, не имѣя бѣдныхъ родственниковъ, онъ не можетъ сочувствовать имѣющимъ ихъ!

Было и третье письмо: отъ тетки.

„Милый Леонардъ!

Не заглянешь-ли, если только возможно, къ намъ въ среду, чтобы увидѣться съ дядею Фредомъ? Онъ вернулся на родину. Разумѣется, ты не можешь помнить его. Въ старину, онъ, кажется, былъ легкомысленъ, но говоритъ, что теперь это прошло. Да, признаться, и пора. Онъ, какъ будто, имѣетъ средства и всегда очень веселъ. Будучи въ настоящее время главою рода, ты, надѣюсь, примешь его привѣтливо, забывъ и простивъ прошлое, если въ немъ есть что прощать. Боюсь, что Олджернонъ трудится до переутомленія. Я никогда бы не повѣрила, чтобы искусство драматурга требовало такого неутомимаго присутствія въ театрахъ. Онъ знакомится со множествомъ актеровъ и актрисъ, которые, по его словамъ, могутъ оказать ему большую помощь. Я говорю отцу, который по временамъ ворчитъ, что, когда этотъ мальчикъ рѣшится приступить къ дѣлу, то не будетъ на свѣтѣ драматурга, болѣе добросовѣстно изучившаго свою спеціальность.

Любящая тебя

Доротея Кампеньи“.

Леонардъ написалъ записку, что принимаетъ приглашеніе, а затѣмъ сталъ безуспѣшно стараться прогнать отъ себя мысль о вернувшемся блудномъ сынѣ. Онъ готовъ былъ даже

за то благодарить Бога, что дядюшка хоть веселъ и благополученъ. Будь Леонардъ поопытнѣе, онъ бы вспомнилъ, что веселость въ блудномъ сынѣ есть качество весьма подозрительное, ибо составляетъ преобладающій тонъ душевнаго настроенія блуднаго сына при всѣхъ, даже самыхъ неблагопріятныхъ, обстоятельствахъ. Эта веселость является его главною, а иногда и единственною добродѣтелью. Онъ веселъ, потому что всегда пріятнѣе веселиться, нежели унывать. Легче смѣяться, чѣмъ плакать. Лишь когда блудный сынъ достигаетъ земного благополучія—что бываетъ очень, очень рѣдко—онъ утрачиваетъ свою веселость и принимаетъ на себя видъ отвѣтственный и тревожный, въ подражаніе твердому волею и трудолюбивому старшему брату.

IV.

Все на-лицо.

Наступило одиннадцать часовъ этого самаго вечера. Леонардъ сидѣлъ у камина и думалъ о минувшемъ днѣ. Поздравлять себя было не съ чѣмъ: онъ получилъ отказъ, наслушался непріятныхъ истинъ, былъ названъ слишкомъ счастливымъ, получилъ предостереженіе, что боги никогда не даютъ полнаго счастья человѣку, выслушалъ напоминаніе о томъ, что его жизнь врядъ ли окажется однимъ длиннымъ тріумфальнымъ шествіемъ и едва ли онъ будетъ избавленъ отъ тревогъ и заботъ, одолѣвающихъ другихъ людей. Никому не пріятно слышать, будто онъ черезчуръ счастливъ и будто, для уравненія его съ остальнымъ родомъ человѣческимъ, ему нужны неудачи въ карьерѣ, бѣдные родственники и семейные скандалы. Сверхъ того, какъ бы въ подтвержденіе пророчества, онъ получилъ прибавленіе къ семейству въ лицѣ какого-то подозрительнаго дяди.

Въ домѣ все было тихо; роялей не было слышно, а тѣ изъ жильцовъ, которые находились дома, уже собирались ложиться спать.

Сидя передъ огнемъ, Леонардъ испытывалъ какую-то странную нервность; онъ намѣревался немножко поработать: ночная тишина особенно благопріятствуетъ труду. Однако почему-то онъ не могъ овладѣть своими мыслями: онѣ ему не повиновались и, вмѣсто того, чтобы вникать въ соціальный вопросъ, занялись Констанціей, ея отказомъ и словами, вселившими въ него тревогу и предвѣщавшими дурное.

Неожиданно и безъ всякихъ предварительныхъ звуковъ на лѣстницѣ, въ квартирѣ раздался звонокъ. Леонардъ не

былъ нервнымъ или суевѣрнымъ человѣкомъ и безъ всякихъ опасеній относился къ настоящему и будущему. Но въ этотъ вечеръ по нему пробѣжалъ морозъ: онъ почувствовалъ, что съ нимъ должно случиться нѣчто непріятное. Онъ взглянулъ на часы: его слуга долженъ былъ уже находиться въ постели; поэтому онъ всталъ и самъ пошелъ отпереть дверь.

Передъ нимъ стоялъ неизвѣстный человѣкъ высокаго роста, завернутый въ какой-то шотландскій плащъ и въ круглой поярковой шляпѣ.

— Г. Леонардъ Кампеньй?—освѣдомился онъ.

— Разумѣется,—отвѣтилъ онъ рѣзко.—Но вы-то кто? И что вамъ здѣсь нужно ночью?

— Очень жаль, что я такъ поздно. Я не сразу отыскалъ квартиру. Можно побесѣдовать съ вами полчаса? Я вашъ родственникъ, хотя вы не знаете меня.

— Мой родственникъ? Какой родственникъ? Какъ ваша фамилія?

— Вотъ моя карточка. Если позволите войти, я объясню вамъ наше родство. А въ этомъ родствѣ не можетъ быть сомнѣнія.

Леонардъ поглядѣлъ на карточку:

„Г. Самуилъ Галлей-Кампеньй".—Въ углу были слова: „Ходатай по дѣламъ. Коммерческая улица".

— Я совсѣмъ васъ не знаю,—сказалъ Леонардъ —Впрочемъ, пожалуй... Не угодно-ли вамъ войти?

Онъ провелъ его въ кабинетъ и зажегъ еще одинъ или два газовыхъ рожка. Затѣмъ онъ поглядѣлъ на своего гостя.

Тотъ сбросилъ плащъ и шляпу и теперь стоялъ передъ нимъ—высокій, тонкій, съ лицомъ, которое сразу напоминало ястреба длиннымъ, тонкимъ и загнутымъ носомъ и сверкающими, слишкомъ сближенными глазами. Онъ былъ во фракѣ, знававшемъ лучшіе дни, и черномъ галстухѣ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка голоднаго, но не физическимъ голодомъ.

— Самуилъ Галлей-Кампеньй,—повторилъ онъ.—Фамилія моего отца была Галлей; дѣвичья фамилія моей бабушки была Кампеньй.

— Ахъ, ваша бабушка была Кампеньй? Значитъ, ваша настоящая фамилія—Галлей?

— Я прибавилъ ея фамилію къ своей; оно выходитъ лучше для дѣловыхъ сношеній. Я принялъ гербъ ея—у нея есть гербъ; оно лучше для дѣловыхъ сношеній.

— Вы не имѣете никакихъ правъ на семейный гербъ вашей бабушки.

— Неужели? Да кто-жъ мнѣ запретитъ? Въ нашей мѣстности это не въ рѣдкость и полезно для дѣлъ.

— Ну, будь по вашему—и фамилія, и гербъ, и все прочее. Потрудитесь объяснить наше родство.

— Въ двухъ словахъ. Тотъ старикъ,—онъ указалъ куда-то на сѣверъ,—что живетъ одинъ—отецъ моей бабушки. Ему девяносто съ чѣмъ-то, а ей семьдесять съ чѣмъ-то.

— Ахъ, такъ она—моя двоюродная бабка! Странно, что я о ней никогда не слыхивалъ.

— Ничего нѣтъ страннаго. Совершенно въ порядкѣ вещей. Она пошла подъ гору, а вы—въ гору, или остались на горѣ; такъ, разумѣется, вамъ никто не говорилъ о ней.

— Ну, такъ вы мнѣ о ней скажете. Позволите предложить что-нибудь? Папироску?

Гость оглядѣлъ всю комнату. Нигдѣ не было ни малѣйшихъ признаковъ водки. Онъ вздохнулъ и отказался отъ папироски, но приглашеніе сѣсть принялъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ онъ. — Сидѣть гораздо уютнѣе. Квартира у васъ удобная. Супруги еще не имѣете? Старуха говорила, что вы холостъ. Ну, такъ вотъ: она вышла за моего дѣда, Исаака Галлей. Это случилось пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ 1849-омъ. Нѣтъ, въ 1850-омъ. Исаакъ Галлей обанкротился. Его банкротство было упомянуто въ газетахъ, благодаря крупной суммѣ его долговыхъ обязательствъ. „Таймсъ“ даже поставилъ вопросъ, какъ онъ ухитрился задолжать такъ много.

— Пожалуйста, продолжайте. Очень интересно. Эта часть нашей семейной исторіи совершенно нова для меня.

Леонардъ все еще стоялъ и глядѣлъ на гостя сверху внизъ. Онъ все болѣе замѣчалъ, что тотъ до смѣшного похожъ на него, и только питалъ надежду, что самъ онъ меньше напоминаетъ ястреба. Всѣ его родичи были ростомъ много выше средняго, имѣли рѣзкія черты лица и въ общемъ могли назваться красивыми; осанка ихъ была полна достоинства. Этотъ человѣкъ былъ высокъ, имѣлъ рѣзкія черты, но не былъ красивъ и въ немъ не замѣчалось достоинства. Плечи его выдавались впередъ, и онъ горбился. Очевидно, онъ принадлежалъ къ тому же роду, но уже утратилъ чистоту типа и имѣлъ видъ „ординарный“. Никто не могъ принять его за барина по рожденію или воспитанію. Слово „ординарный“ весьма подходило къ г. Галлей-Кампеньй.

— Пожалуйста, продолжайте, — машинально повторилъ Леонардъ, продолжая свои наблюденія.—Вы мнѣ родственникъ, это ясно. Я долженъ извиниться въ томъ, что не зналъ о вашемъ существованіи.

— Мы живемъ на другомъ концѣ города. Я, разумѣется—интеллигентъ, такъ какъ по спеціальности—юристъ...

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Леонардъ.

— Но старуха—я хочу сказать: моя бабушка—прилагаетъ всѣ старанія, чтобы я не забылъ разницы между вами и мною. Вы побывали въ Итонѣ и въ университетѣ, сидите въ палатѣ общинъ и записаны въ модномъ клубѣ. Таковъ вашъ міръ, а я живу въ иномъ. У насъ, на Коммерческой, нѣтъ модныхъ франтовъ. Я ходатайствую по дѣламъ, которыя вамъ показались бы мелкими. У насъ тамъ нѣтъ крупныхъ юристовъ.

— Это—интеллигентная профессія.

— Да. Я не приказчикъ, какъ былъ отецъ.

— Разскажите мнѣ еще про себя. Вы говорите, что вашъ дѣдъ обанкротился. Что, онъ живъ еще?

— Нѣтъ, онъ умеръ десять лѣтъ назадъ, до послѣдней минуты хвастаясь своимъ крахомъ. Его сынъ, а мой отецъ, всю жизнь былъ приказчикомъ въ винной лавкѣ и умеръ четыре или пять лѣтъ назадъ. Онъ заплатилъ за мою обстановку сто фунтовъ и за права—другую сотню,—и это истощило весь его капиталъ, за исключеніемъ небольшой страховки въ сотню. Когда онъ умеръ, я только начиналъ оперяться; а съ тѣхъ поръ живу и содержу мать и бабушку (хотя оно и нелегко), выжимая кое-что и изъ Мери-Анны.

— Кто это: Мери-Анна?

— Сестра моя, учительница городской школы. Но она всѣ расходы валитъ на меня.

— Такъ у меня цѣлое семейство родственниковъ, которыхъ я до сихъ поръ не зналъ! Это интересно. Нѣтъ-ли еще?

Онъ вспомнилъ кое-какія слова, сказанныя въ тотъ же день утромъ, и поморщился. Вотъ явились и бѣдные родственники. Констанція должна быть довольна.

— Больше нѣтъ: только я и Мери-Анна. То есть, нѣтъ такихъ, кого бы вы признали за родню. Есть отцовская родня и всякіе братья, родные и двоюродные племянники и племянницы со стороны матери; только вамъ-то они уже врядъ-ли придутся сродни.

— Да едва-ли, не смотря на все желаніе...

— Ну, вотъ что, г. Кампеный: старуха давно приставала ко мнѣ, чтобы я сходилъ къ вамъ. Мнѣ же не хотѣлось идти. Я не нуждаюсь въ вашемъ знакомствѣ, какъ и вы не нуждаетесь въ моемъ. Но я пришелъ въ угоду ей, чтобы вы знали, что она жива и болѣе всего на свѣтѣ желаетъ повидаться и поговорить съ вами.

— Въ самомъ дѣлѣ? Если дѣло только въ этомъ, то я съ удовольствіемъ навѣщу ее.

— Видите, она всегда была несчастна, отъ роду несчастна, такъ сказать. Но она гордится своею роднею. Эта родня ни-

когда ничего для нея не сдѣлала, по крайней мѣрѣ, доселѣ, ибо неизвѣстно еще, что предстоитъ — что̀ предстоитъ, говорю...

Его рѣчь зазвучала угрозой.

— Что предстоитъ?..—мягко повторилъ Леонардъ.

— Въ будущемъ. Могутъ понадобиться доказательства того, кто мы такіе, прежде чѣмъ пройдетъ нѣсколько лѣтъ, или мѣсяцевъ, или даже дней. Поэтому, пожалуй, будетъ всего удобнѣе, если вы теперь поймете, кто она и кто я.

— Вы желаете, чтобы я посѣтилъ мою двоюродную бабку? Я непремѣнно это сдѣлаю.

— Этого она желаетъ. Поэтому я и пришелъ сегодня. Послушайте, сударь: по собственному желанію я не сталъ бы навязываться вамъ. Я пришелъ не просить и не взаймы брать. Но ради старухи я рискнулъ побывать и напомнить вамъ, что она—ваша бабка. Ей теперь семьдесятъ два года, и временами она тоскуетъ по своей роднѣ. Она не видала никого изъ своихъ съ тѣхъ поръ, какъ вашъ дѣдъ лишилъ себя жизни. А это произошло приблизительно въ 1860-мъ, до нашего съ вами рожденія.

Леонардъ встрепенулся.

— Мой дѣдъ лишилъ себя жизни? Что вы хотите сказать? Мой дѣдъ умеръ гдѣ-то около 1860 г. Что вы разумѣете подъ тѣмъ, что онъ лишилъ себя жизни?

— Какъ? Развѣ вы не знаете? Вашъ дѣдушка, сударь,—продолжалъ тотъ съ твердостью:—умеръ отъ болѣзни, называемой перерѣзаннымъ горломъ. Это случилось совершенно внезапно. Но я знаю это навѣрно, потому что бабушка превосходно помнитъ всю исторію.

— Возможно ли? Убилъ себя? Такъ почему же я никогда не зналъ объ этомъ?

— Полагаю, васъ не хотѣли огорчать. Вашъ отецъ, кажется, былъ въ то время еще ребенкомъ. Можетъ быть, и отъ него скрыли. Тѣмъ не менѣе, это—сущая правда.

Лишилъ себя жизни! Онъ вспомнилъ вдову, которая никогда не улыбалась, блѣднолицую вдову съ поникшимъ взоромъ. Теперь онъ понялъ, почему она всю жизнь проходила въ траурѣ. Онъ узналъ такимъ неожиданнымъ образомъ, почему она удалилась въ тихую корнваллійскую деревушку.

Лишилъ себя жизни! Почему? Казалось какимъ-то святотатствомъ спрашивать объ этомъ у подобной личности. Испытывая колебаніе, Леонардъ взялъ съ камина какую-то бездѣлушку и началъ вертѣть ее. Она упала изъ его рукъ за каминную рѣшетку и разбилась.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ, оставивъ тотъ

вопросъ до другого раза,—почему ваша бабушка разсталась со своей родней?

— Они уѣхали въ деревню. А отецъ ея помѣшался. Она совсѣмъ не знала его въ здравомъ разсудкѣ. Онъ помѣшался, когда убили его деверя.

— Убили деверя? Убили! Что такое? Боже мой! Что вы хотите сказать этимъ самоубійствомъ и убійствомъ?

— Да неужели-же вы не знаете? Его деверя убили на его землѣ, и жена его въ тотъ же день умерла отъ внезапности и горя. А то что-же свело съ ума старика?

— Я... я... я... ничего не знаю, увѣряю васъ, объ этихъ трагедіяхъ.—Эти разоблаченія заставили Леонарда забыть о вульгарности собесѣдника. Онѣ являются для меня новостью. Мнѣ ничего не говорили.

— Никто не говорилъ? Ну, могу сказать... А у насъ старуха только и толкуетъ, что объ этихъ дѣлахъ. Она ими гордится. А вы такъ-таки и не знаете?!

— Ничего. А развѣ есть еще что? И почему вы называете моего прадѣда помѣшаннымъ?

— Мнѣ онъ такой же прадѣдъ, какъ и вамъ. Почему помѣшаннымъ? Вѣдь я его видѣлъ нѣсколько разъ изъ-за садовой стѣны, какъ онъ мечется по террасѣ, точно бѣлый медвѣдь. Не знаю, что вы называете помѣшательствомъ, а я—человѣкъ дѣловой, и если бы имѣлъ кліента, не распечатывающаго писемъ и не отвѣчающаго на нихъ, ни съ кѣмъ не говорящаго ни слова, не заботящагося о дѣтяхъ, дающаго рушиться своему дому, не ходящаго въ церковь, не держащаго слугъ въ усадьбѣ,—то я заперъ бы этого несчастнаго въ сумасшедшій домъ.

Леонардъ ничего не возразилъ.

— Но вы мнѣ не разсказали о смерти его жены. Странно, что мнѣ приходится спрашивать о такихъ подробностяхъ касательно моей же семьи.

— Въ то-же время и моей, смѣю напомнить,—не безъ достоинства возразилъ истъ-эндскій ходатай.—Ну, бабушкѣ моей семьдесятъ два года. Значитъ, мать ея умерла ровно семьдесятъ два года назадъ. Ибо она умерла родами, вслѣдствіе испуга, произведеннаго извѣстіемъ объ убійствѣ ея родного брата. Брата звали Ланглей Хольмъ.

— Ланглей? Это—имя моего дѣда.

— Да, Ланглей Хольмъ. Его, кажется, нашли мертвымъ на скатѣ какого-то холма. Такимъ образомъ, нашъ прадѣдъ въ одинъ день потерялъ жену и деверя, который былъ его лучшимъ другомъ. Какъ же, разъ вы туда ѣздите и видите его въ такомъ состояніи, вамъ ни разу не пришло на умъ, что довело его до этого?

— Признаюсь... онъ такъ старъ. Я считалъ это эксцентричностью преклоннаго возраста.

— Нѣтъ!—кузенъ покачалъ головой.—Одна старость не можетъ такъ скрутить человѣка. Я полагаю, что глубокая старость дѣлаетъ равнодушнымъ къ людямъ, даже къ собственнымъ дѣтямъ, но не прекращаетъ интереса къ денежнымъ дѣламъ.

— Пожалуй, вы и правы, только... словомъ, я ничего не зналъ. Значитъ, разсудокъ старика былъ потрясенъ двойною утратою. Странно, что мнѣ никогда не говорили! А его сынъ, мой дѣдъ, кончилъ самоубійствомъ! А мужъ его дочери обанкротился!

— Да, несчастій было довольно. Старуха безпрестанно твердитъ о тяготѣющемъ надъ семьею рокѣ. Второй сынъ утонулъ. Онъ былъ морякъ и утонулъ. Мой отецъ всю жизнь былъ простымъ приказчикомъ. Я самъ испыталъ, каково бываетъ, когда не на что пообѣдать. Если полюбопытствуете узнать, каково бываетъ несчастіе, то подождите, пока проголодаетесь.

— Въ самомъ дѣлѣ?—задумчиво произнесъ Леонардъ.— И всѣ эти бѣды для меня новы. Удивительно, что я обо всѣхъ нихъ узналъ именно сегодня.

— Потомъ вашъ собственный отецъ умеръ также молодымъ; а послѣдній, о комъ толкуетъ старуха, это—его братъ. Забылъ, какъ его звали; только его отправили въ Австралію, когда онъ поддѣлалъ подпись вашего отца.

— Что?

— Поддѣлалъ подпись. Что, недурно? Да, несчастій тутъ довольно.

Гость всталъ.

— Ну, такъ дѣло въ томъ: желаете вы навѣстить старуху?

— Да, я навѣдаюсь къ ней. Когда ее можно застать?

— Она каждый день спитъ на диванѣ у камина отъ двухъ до четырехъ, а затѣмъ просыпается болѣе бодрой и способной къ бесѣдѣ. Приходите около четырехъ. Входъ со двора: съ улицы входятъ ко мнѣ въ контору, а мой письмоводитель—у меня пока всего одинъ—работаетъ наверху, надъ кухнею, въ спальнѣ моей сестры. Домъ очень приличный, и на дверяхъ значится моя фамилія, такъ что нельзя не найти.

— Хорошо, я приду.

— Еще вотъ что, г. Кампеньй: мы не лѣзли впередъ, не старались навязаться вамъ и впредь не намѣрены. Мы живемъ за шесть миль отъ васъ, имѣемъ свой кругъ знакомыхъ, совсѣмъ другой, чѣмъ у васъ. Однако, касательно дѣла есть вопросъ, который я хочу предложить вамъ. Это—дѣловой вопросъ.

Лицо посѣтителя вдругъ стало лисьимъ. Онъ нагнулся впередъ и понизилъ голосъ до шопота. Леонардъ инстинктивно насторожился.

— Если онъ относится къ родовому помѣстью, я не смогу отвѣтить вамъ. Не лучше-ли обратиться къ юристамъ, которые имъ завѣдуютъ?

— Нѣтъ. Они мнѣ ничего не скажутъ. Мнѣ нужно знать вотъ что: у него, кажется, большое помѣстье?

— Кажется, что такъ; но онъ не имѣетъ права продавать его.

— Полагаю, оно даетъ доходъ?

— Безъ сомнѣнія, даетъ.

— Ну, вотъ ужъ семьдесятъ лѣтъ старикъ ничего не тратитъ. Должны быть сбереженія. Въ случаѣ отсутствія завѣщанія, эти сбереженія должны дѣлиться поровну между наслѣдниками вашего дѣда и моею бабкою. Смѣю спросить, извѣстно ли вамъ о существованіи завѣщанія?

— Ничего не знаю ни о какомъ завѣщаніи.

— Весьма вѣроятно, что его и нѣтъ. Человѣкъ, который уже около семидесяти лѣтъ не въ своемъ умѣ, едва ли можетъ оставить завѣщаніе. Если же оставитъ, то его всегда легко оспорить. Г. Кампеньй, вѣдь ясно, что могли накопиться громадные капиталы.

— Да, могли, какъ вы говорите, накопиться капиталы.

— Въ такомъ случаѣ возможно,—я говорю, возможно,— что мы съ сестрой станемъ богаты, очень богаты. Относительно себя я едва рѣшаюсь предполагать такую возможность, но должны же быть, должны быть—сбереженія, и вопросъ, который я желалъ бы предложить вамъ, состоитъ въ слѣдующемъ: гдѣ хранятся эти сбереженія? И можно ли узнать, какъ они велики, какова именно сумма, кто получаетъ процентныя деньги и какое имъ дается назначеніе, а также: есть ли завѣщаніе? Было ли оно сдѣлано до или послѣ того, какъ старикъ спятилъ? И если деньги эти завѣщаны кому-нибудь постороннему, то намѣрены ли вы, какъ старшій въ родѣ, оспаривать такое завѣщаніе? Вотъ мои вопросы, г. Кампеньй.

Онъ откинулся на спинку кресла и вложилъ большіе пальцы въ проймы своего жилета.

— Вопросы эти очень важны,—сказалъ Леонардъ.—Какъ юристъ, вы должны понимать, что я не могу на нихъ отвѣтить. Что же касается управленія имуществомъ, то полагаю, что мы не имѣемъ права разспрашивать нотаріусовъ и ихъ служащихъ. Мы обязаны предполагать, что владѣлецъ помѣстья находится въ здравомъ умѣ. Оспаривать же завѣщаніе можно лишь тогда, когда оно объявлено.

— Послушайте,—кузенъ облокотился на собственныя колѣни и хрипло зашепталъ:—послушайте, капитала должно быть до полутора милліона. Я высчиталъ все это при помощи учебника ариѳметики. Нарочно для этого выучилъ правило, такъ какъ до тѣхъ поръ никогда не зналъ сложныхъ процентовъ. Вычисленій потребовалось множество. Я ихъ всѣ продѣлалъ. Я думалъ, что и конца не будетъ. Мери-Анна помогла мнѣ. Цѣлыя сотни цифръ—и въ итогѣ вышло полтора милліона... Полтора милліона! Подумайте-ка! Полтора милліона!

Онъ всталъ и медленно надѣлъ пальто.

— Вотъ что,—прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ и страшно волнуясь:—этихъ денегъ не слѣдуетъ выпускать изъ рода. Не слѣдуетъ. Это было бы грѣшно, грѣшно. Мы надѣемся на васъ, какъ на защитника семейныхъ правъ.

Леонардъ засмѣялся.

— Боюсь, что въ этомъ отношеніи не въ состояніи буду помочь вамъ. Покойной ночи. Надѣюсь навѣстить бабушку, согласно ея желанію.

Онъ заперъ дверь за гостемъ. Онъ слышалъ шаги, спускавшіеся по лѣстницѣ, и вернулся въ свою пустую комнату.

Но она уже не была пуста: ушедшій привелъ съ собой призраки, которыми и населилъ ее.

Среди нихъ былъ старикъ,—вновь помолодѣвшій—сломленный двойною утратою: жены и лучшаго друга въ одинъ день. Былъ и дѣдъ—самоубійца; по какой причинѣ? Молодой морякъ, уѣхавшій, чтобъ утонуть; собственный Леонардовъ отецъ, умершій молодымъ; возвратившійся разбогатѣвшій родственникъ, который совершилъ подлогъ... Подлогъ! подлогъ! Слово это звенѣло въ мозгу Леонарда. Была и дочь этой семьи, отвергнутая семьею, попавшая посредствомъ замужества къ такимъ людямъ, образчикомъ которыхъ являлся г. Галлей. Неужели мало этихъ призраковъ для спокойной барской квартирки?

Да, онъ былъ воспитанъ въ невѣдѣніи обо всемъ этомъ. Онъ ничего не зналъ ни о причинахъ затворничества старика, ни о самоубійствѣ дѣда, ни о прочихъ несчастіяхъ. Отъ него все это скрыли. А теперь все сразу обрушилось на его невѣдающую голову.

Онъ сѣлъ передъ каминомъ и въ этотъ вечеръ уже не принимался за свою статью. Въ мозгу его раздавались странныя предостереженія Констанціи: что ему не хватаетъ несчастій,—такихъ, какія угнетаютъ весь окружающій міръ,—чтобы сравняться со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ.

— Теперь недостатокъ восполненъ,—сказалъ онъ.—Бѣдные

родственники, скандалы въ семьѣ, униженія и все... Но мнѣ пока отъ этого не лучше.

V.

Интеллигентная профессія.

Въ одной изъ улицъ на востокъ отъ Канцелярскаго переулка находится группа зданій, сравнительно новыхъ, гдѣ сдаются квартиры подъ конторы. Каждая такая квартира состоитъ изъ трехъ комнатъ, а порою изъ четырехъ, пяти, даже шести. Географическое положеніе домовъ указываетъ на профессію ихъ обитателей: развѣ каждый камень въ окрестностяхъ Канцелярскаго переулка не принадлежитъ юриспруденціи? Впрочемъ, бываютъ и исключенія. Напримѣръ, здѣсь пріютилось нѣсколько торговыхъ компаній, и можно наткнуться на дверь съ надписью въ такомъ родѣ: „Г. Джорджъ Кредитонъ, агентъ". Конторщики и публика, цѣлыми днями мелькавшіе по лѣстницѣ, порою спрашивали другъ друга, что тутъ за агентство. Но у конторщиковъ были свои дѣла. Такое таинственное агентство, которое производило свои операціи въ тихой конторѣ, куда не входилъ ни одинъ кліентъ, сначала возбудило разныя предположенія, а потомъ перестало кого либо интересовать. Такъ прошло болѣе двадцати лѣтъ съ той поры, какъ впервые появилась на дверяхъ надпись, возбудившая недоумѣніе конторщиковъ.

„Г. Джорджъ Кредитонъ, агентъ". Агентства бываютъ разныя. Агентъ можетъ управлять имѣніемъ, домомъ, всякаго рода собственностью. Бываютъ агенты для добыванія патентовъ: у многихъ изъ такихъ есть конторы близь департамента выдачи привилегій; бываютъ литературные агенты, — но Канцелярскій переулокъ—не Парнасъ; бываютъ агенты для составленія и уничтоженія торговыхъ товариществъ; бываютъ театральные агенты—но что общаго между театромъ и судейскимъ кварталомъ? Что же за агентъ былъ г. Кредитонъ?

Г. Джорджъ Кредитонъ, агентъ, сидѣлъ во второй комнатѣ, солидно обставленной, какъ рабочій кабинетъ. Тутъ не было громаднаго и тяжеловѣснаго стола, заваленнаго бумагами и любимаго нотаріусами: его замѣнялъ обыкновенный письменный столъ, стоявшій въ углу, между окномъ и стѣною. Былъ и теплый, красивый коверъ, и звѣриная шкура передъ столомъ, и деревянный стулъ для агента, и два другихъ для посѣтителей. По стѣнамъ стояли книги, не юридическія, а разнообразнаго содержанія. Очевидно, агентъ имѣлъ пристрастіе къ легкому чтенію, ибо на лицо были всѣ современные юмо-

ристы, какъ американскіе, такъ и отечественнаго происхожденія. Были собраны и англійскіе поэты, а также нѣкоторые, но не многіе, изъ французскихъ и нѣмецкихъ. На столѣ, передъ агентомъ, находилось съ полдюжины переплетенныхъ фоліантовъ съ заголовками на корешкахъ: „Справки отъ А до Е“ и т. д. Въ одномъ углу стоялъ открытый желѣзный сундукъ, къ которому, повидимому, принадлежалъ еще фоліантъ: „Счетная книга“.

Агентъ, занимаясь своимъ дѣломъ, очевидно, желалъ имѣть видъ важный и отвѣтственный. Лицо его было украшено парою небольшихъ бакеновъ, прямо подрѣзанныхъ и зачесанныхъ къ ушамъ; подбородокъ и губы были выбриты. Образцомъ ему служилъ традиціонный типъ адвоката. Къ сожалѣнію, желанное сходство не достигалось, и лицо это вовсе не напоминало о типѣ, взятомъ за образецъ. Въ немъ не было строгости, не было проницательности; не хватало неподвижности, серьезности, достоинства. Оно скорѣе походило на лицо комическаго актера. Ростомъ этотъ человѣкъ былъ выше шести футовъ при удивительной худобѣ, имѣлъ орлиный носъ и подвижныя, чувственныя губы.

Онъ началъ свой утренній трудъ чтеніемъ писемъ: ихъ было всего два или три. Онъ заглянулъ въ счетную книгу, посмотрѣлъ на какія-то записи и сдѣлалъ пару отмѣтокъ карандашомъ; затѣмъ, снялъ съ одной полки Сама Слика, Артимуса Уарда и Марка Твена, а съ другой—собраніе сочиненій Гурнанда и одну-двѣ книжки Фредерика Анстея. Онъ поперелистовалъ ихъ и началъ дѣлать краткія выписки и какія-то отмѣтки. Будь тутъ зритель, ему, пожалуй, пришло бы въ голову, что это готовятся матеріалы для сравнительной характеристики англійскаго и американскаго юмора.

Въ первой комнатѣ мальчикъ при конторѣ (за пять шиллинговъ въ недѣлю, четырнадцатилѣтній мальчикъ)—сидѣлъ передъ каминомъ, читая о геройскихъ подвигахъ и дѣяніяхъ знаменитаго Джака Харкавея.

Это былъ славный мальчикъ, съ живымъ воображеніемъ: онъ твердо рѣшилъ въ свое время стать вторымъ Джакомъ Харкавеемъ, а пока искренно благодарилъ судьбу, пославшую ему мѣсто, гдѣ не требовалось иного дѣла, какъ носить на почту письма, да сидѣть за книгою передъ каминомъ въ теплой и уютной комнатѣ, куда никто не входилъ, за исключеніемъ хозяина и почтальона; на вопросъ, какое это агентство, мальчикъ не сумѣлъ бы отвѣтить.

Кончивъ свои выписки, г. Джорджъ Кредитонъ методически сколол бумажки булавками и отложилъ ихъ въ сторону. Затѣмъ онъ вскрылъ послѣднее письмо.

— Отвѣтилъ!—захихикалъ онъ.—Почеркъ Фреда. Я такъ

и зналъ. Назвался Барловомъ, но я сразу догадался. Да, онъ придетъ, онъ придетъ.

Онъ сѣлъ и беззвучно расхохотался, весь трясясь отъ смѣха:—Онъ придетъ. Вотъ такъ удивится!

Тутъ же послышались шаги и голосъ:

— Мнѣ надо видѣть г-на Джорджа Кредитона.

— Это—Фредъ,—сказалъ агентъ и захихикалъ опять.—Ну дѣла!

— У него никого нѣтъ,—отвѣтилъ мальчикъ, не отваживаясь пойти доложить по непривычкѣ къ посѣтителямъ.

Гость былъ высокій мужчина, лѣтъ сорока пяти, хорошо державшійся и крѣпко сложенный. Одѣтъ онъ былъ такъ, чтобы казаться зажиточнымъ, для чего носилъ тяжелую золотую цѣпь. На лицѣ его были признаки, по которымъ мы привыкли заключать о пристрастіи къ крѣпкимъ напиткамъ; но не стоитъ останавливаться на такихъ напоминаніяхъ о человѣческой слабости; кромѣ того, легко и ошибиться. Такія лица часто встрѣчаются въ уютной задней комнаткѣ трактира, съ трубочкой и стаканомъ чего нибудь горячительнаго: красивое лицо, но не изящное и не интеллигетное. Однако, оба послѣднія качества ему тоже слѣдовало бы имѣть. Не смотря на тонкое сукно и бѣлизну бѣлья, внѣшность этого господина какъ-то не внушала уваженія.

— Скажите г-ну Кредитону, что его спрашиваетъ г. Джозефъ Барлѣвъ.

— Барловъ?—повторилъ мальчикъ.—Да что жъ вамъ не войти?—и вновь занялся своею книгой приключеній.

Г. Барловъ повиновался и вошелъ во вторую комнату. Но тутъ онъ остановился и воскликнулъ:

— Христофоръ! Ахъ, святые угодники!

— Фредъ! Вернулся и превратился въ Барлова!

Фредъ взялъ протянутую руку, но съ колебаніемъ.

— Коли такъ,—сказалъ онъ,—то и ты—Кредитонъ.

— Въ дѣловыхъ сношеніяхъ—Кредитонъ.

— Вотъ именно. И я въ дѣловыхъ сношеніяхъ—Барловъ.

Они взглянули другъ на друга и расхохотались.

— Я узналъ твой почеркъ, Фредъ. Когда я получилъ письмо, то догадался, что пишешь ты, почему и отвѣтилъ на пишущей машинѣ. Машина никогда не выдастъ и соблюдетъ всякую тайну.

— Потѣха не малая, Хрисъ. Но я не понимаю: ради какого чорта все это?

— Тоже самое и я хочу спросить, Фредъ. Что это значитъ? Новая сбруя, золотая цѣпь, перстень, что это такое? Почему ты не писалъ ни разу?

— Обстоятельства при моемъ отъѣздѣ... Ты помнишь, вѣроятно?

Лицо агента омрачилось.

— Да, да,—отвѣтилъ онъ торопливо.—Положеніе получилось неловкое, и весьма!

— Ты влопался гораздо хуже, но досталось одному мнѣ.

— Пусть такъ, пусть такъ. Но это было давно и... и... ну, мы оба выпутались. Теперь ты—Барловъ, Джозефъ Барловъ.

— А ты теперь—Кредитонъ, Джорджъ Кредитонъ.

— Присядь-ка, Фредъ, и потолкуемъ. Давно ли ты вернулся?

Фредъ взялъ стулъ и сѣлъ къ противоположному краю стола.

— Недѣли съ двѣ, не больше.

— Что-жъ ты до сихъ поръ не разыскалъ меня?

— Какъ сказано, я колебался... Тѣмъ не менѣе, все же я—здѣсь. Барловъ—это фирма, гдѣ я участникомъ, крупная и вліятельная фирма.

— Въ Сиднеѣ? Въ Мельбурнѣ?

— Нѣтъ... подальше.—Онъ показалъ куда-то черезъ лѣвое плечо.—Вотъ почему я называюсь Барловомъ. Я здѣсь по дѣламъ фирмы: изъ-за нихъ пріѣхалъ въ Лондонъ. Каждый день бываю въ городѣ: очень важныя дѣла. Благодаря ихъ громадности, языкъ мой нѣмъ.

— О?—Восклицаніемъ этимъ выражалось сомнѣніе.—Ты—дѣловой человѣкъ? Ты? Да ты никогда не могъ сдѣлать простѣйшей задачи на сложеніе.

— Касательно долговъ это весьма возможно. Касательно же причитающихся къ полученію суммъ... Впрочемъ, въ тѣ времена у меня ничего не было. Благополучіе, Хрисъ,—благополучіе вызываетъ наружу всѣ лучшія качества человѣка. Даже и ты имѣешь почтенный видъ.

— Я безукоризненъ уже ровно двадцать четыре года. Я женатъ. Сыну моему двадцать три, дочери—двадцать одинъ годъ. Живу въ Пембриджъ-Кресцентѣ, Бейсватеръ.

— Вѣдь ты собирался въ адвокаты?

— Собирался... Только, Фредъ, скажи по совѣсти, заставалъ ли ты меня когда-либо съ юридической книгой въ рукахъ?

— Ни разу. А теперь ты—агентъ.

— Скажи лучше, что я занимаюсь высшею отраслью литературы. Что выше ораторскаго искусства?

— Вѣрно. Ты снабжаешь міръ (который, право, черезчуръ носится со своею болтовнею) рѣчами и послѣобѣденнымъ краснорѣчіемъ.

— Краснорѣчіемъ всякаго рода, отъ духовнаго до самаго

грѣшнаго: и для лордмерскаго дворца, и для адвокатскаго совѣта, и для палаты общинъ, и для политическихъ сходокъ.

— А какъ относится къ этому жена твоя?

— Жена? Господь съ тобою, братецъ! Да она не знаетъ, не подозрѣваетъ... Дома я—богатый и извѣстный адвокатъ; всѣ удивляются, что я еще не попалъ въ судьи.

— Какъ? Они не знаютъ?

— Никто. Ни здѣшній домохозяинъ, ни мальчикъ въ прихожей, ни мои кліенты, ни жена, ни дочь, ни сынъ.

— О! А дѣльце-то выгодно?

— Такъ выгодно, что я не смѣнилъ бы на судейскую должность въ гражданской палатѣ.

— Изумительно!—произнесъ Фредъ.—А я всегда считалъ тебя квашнею.

— Не менѣе изумителенъ и твой успѣхъ. Что за счастье, Фредъ, что ты, вернувшись, не имѣешь нужды занимать деньги!—Пристально посмотрѣвъ на брата, онъ увидѣлъ, какъ по лицу того скользнуло облако тревоги и колебанія, и улыбнулся.—Я бы все равно не могъ ничего дать тебѣ: у меня столько расходовъ. Во всякомъ случаѣ, я счастливъ и благодарю Бога, что вижу тебя во главѣ (ты вѣдь сказалъ: во главѣ?) крупной и цвѣтущей фирмы „Барловъ и К°“.

Лицо Фреда замѣтно вытянулось.

— Полагаю, что дѣловыхъ людей не спрашиваютъ о барышахъ?

— Едва ли... едва ли... Впрочемъ, если кто-либо... Но... у меня есть компаньонъ, который не любитъ, чтобы выбалтывались дѣловыя тайны.

— Ну, Фредъ, я радъ, что ты на родинѣ, право, радъ.

Произошло еще рукопожатіе, послѣ котораго они разразились, повидимому, безпричиннымъ хохотомъ, котораго долго не могли унять.

— Извѣстный адвокатъ! — пробормоталъ Фредъ, когда смѣхъ перешелъ въ отрывистое хихиканье.

— Вліятельный негоціантъ!—проговорилъ Христофоръ.—Охъ, охъ, Господи!—воскликнулъ онъ, вытирая глаза.—Это напоминаетъ старину, когда мы нерѣдко смѣялись. Да и было чему! Кредиторы-то какъ приставали, помнишь?

— Помню. А дѣвчонки... и ужины! Славное было время, Хрисъ! Ты-таки не клалъ охулки на руку!

— Ну, да и ты! А всетаки весело припомнить!

— Хрисъ, я хочу пить.

— Ты всегда хочешь.

За всѣ двадцать пять лѣтъ разлуки братъ не забылъ этой пріятной черты характера. Онъ всталъ, отворилъ шкапъ и вынулъ бутылку, стаканы и содовую воду. Затѣмъ, они сѣли

другъ противъ друга, каждый со стаканчикомъ и сигарою, сіяя отъ братской любви.

— Точно въ старину, милѣйшій,—сказалъ адвокатъ.

— Вѣрно. Мы повторимъ это еще не разъ, теперь, когда я опять дома,—сказалъ Фредъ.

Поневолѣ вспоминаются слова поэта: „Увы! они были друзьями въ юности". Но лучше бы они не были друзьями въ юности. Они вмѣстѣ слушали полночный благовѣстъ и вмѣстѣ прокутили скудное наслѣдіе каждаго. Впрочемъ, сейчасъ они дружески бесѣдовали за пріятнымъ напиткомъ, который бываетъ доступенъ и тогда, когда недоступны ни портвейнъ, ни шампанское, ни даже кларетъ.

— Неужели же въ самомъ дѣлѣ никто и не подозрѣваетъ?—спрашивалъ брата Фредъ.

— Ни одна душа. Меня считаютъ маститымъ юристомъ и гордостью семьи послѣ Леонарда, который въ парламентѣ.

— Неужели ты не боишься, что узнаютъ?

— Ни крошки. Дѣло ведется письменно. Я и контору-то держу только для виду. Нѣтъ, я не боюсь. Сюда никто не ходитъ. Какъ ты-то меня нашелъ?

— Мнѣ сказалъ конторщикъ въ гостиницѣ. Онъ увидѣлъ мое имя въ спискѣ лицъ, которымъ предстоитъ говорить на завтрашнемъ обѣдѣ и посовѣтовалъ написать тебѣ.

— Хорошо. Получитъ за коммиссію. А ты приходи къ намъ въ гости. Знаешь, только помни: никакихъ намековъ на поставщика рѣчей, а?

— Ни слова. Хотя, знаешь, меня поражаетъ, какъ ты могъ это придумать!

— Геніальность, душа моя, чистѣйшая геніальность! Когда получишь свою рѣчь, то будешь мною гордиться. Что значитъ адвокатская практика сравнительно съ практикою за обѣденнымъ столомъ? А теперь, Фредъ, скажи, почему „Барловъ"?

— Ну, ты помнишь вѣдь, что было?

Тотъ кивнулъ головой и опустилъ глаза.

— Какую они подняли кутерьму!

— Цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ о тебѣ не было и слуху.

— Я назвался другимъ именемъ, псевдонимомъ. Я сталъ зваться Жозефомъ Барловъ. Джо—самый этотъ звукъ напоминаетъ о борьбѣ. Ни нѣжности, ни слабости тутъ нѣтъ.

— Да. Что касается меня, то я назвался Кредитономъ. Это имѣетъ характеръ скорѣй почтенный, чѣмъ вызывающій. Мнѣ нужно было добиться довѣрія.

— Разскажи мнѣ о родныхъ. Вспомни, вѣдь я уѣхалъ въ въ 1874 году, двадцать пять лѣтъ тому назадъ.

Братъ кратко сообщилъ ему о рожденіяхъ и смертяхъ. Мать

ихъ умерла; старшій братъ умеръ тоже, оставивъ единственнаго сына.

— Что касается смерти Олджернона,—сказалъ торговецъ рѣчами,—то это былъ большой ударъ: ему, въ самомъ дѣлѣ, предстояло выдвинуться. А онъ умеръ всего тридцати двухъ лѣтъ. Теперь его сынъ въ палатѣ. Говорятъ, что отъ него многаго ждутъ. Онъ, кажется, преданъ наукѣ; я слышалъ, что онъ недурно говоритъ; и онъ—порядочный фатишка.

— А что старикъ—тотъ... дѣдушка? Онъ еще живъ?

— Да. Ему около девяноста пяти.

— Девяносто пять? Ну, теперь ужъ недолго... Отчасти я пріѣхалъ домой, чтобы присмотрѣть за дѣлами. Потому что, хотя помѣстье достанется Олджернонову сыну—чертовское мнѣ несчастье, что Олджеронъ оставилъ сына,—но есть еще капиталы. Я вспомнилъ объ этомъ разъ вечеромъ, и меня, какъ ножомъ, пронзила мысль, что старикъ, вѣроятно, умеръ, капиталы подѣлены, и моя доля пропала. Поэтому я собрался какъ только могъ скорѣе.

— Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи все благополучно. Онъ здоровъ и бодръ, а капиталы, полагаю, все растутъ. Чьи они будутъ, никто не знаетъ.

— Понимаю. Ну, мнѣ слѣдуетъ познакомиться съ Олджерновымъ сыномъ.

— А что это за крупная твоя фирма?

— Ну... Вѣдь я сказалъ... богатая фирма.

— Вонъ что! Такъ и должно быть, если во главѣ ея находится Фредъ Кампеный.

— Оставь въ покоѣ фирму и разскажи мнѣ о твоей удивительной профессіи.

Христофоръ улыбнулся.

— Счастье мое,—сказалъ онъ,—что я въ своемъ родѣ одинъ. Конкурренція могла бы сдѣлать мнѣ подрывъ. Но, кажется, теперь моя репутація установилась слишкомъ твердо и не можетъ быть поколеблена.

— Твоя репутація? Да вѣдь о тебѣ же не могутъ говорить!

— За то могутъ шептать, шепотомъ разсказывать другъ другу. Ты только сообрази, какое удобство! Вмѣсто того, чтобы выжимать изъ собственныхъ мозговъ всякія любезности и изящныя фразы и ничего не выжать, вмѣсто того, чтобы выискивать анекдоты и цитаты, человѣкъ просто пишетъ ко мнѣ. И въ отвѣтъ получаетъ рѣчь, какъ разъ такой длины, какъ ему нужно—отъ пяти минутъ до часу—полную всякихъ прелестей. Такимъ образомъ, можно пріобрѣсти за дешевую плату, почти за ничто, репутацію блистательнаго остроумца и эпиграмматиста. Кромѣ того, подумай и объ

остальной компаніи. Вмѣсто того, чтобы слушать мямленье робкаго и неуклюжаго заики, она имѣетъ передъ собою оратора, спокойнаго духомъ, потому что все заучено наизусть, блестящаго и остроумнаго. Онъ поддерживаетъ въ слушателяхъ интересъ и, когда садится, то всѣ вздыхаютъ, зачѣмъ онъ говорилъ такъ мало.

— Вотъ и для меня сочини точно такую рѣчь.

— Непремѣнно, непремѣнно. Я тебѣ создамъ репутацію, благодаря которой ты будешь желаннымъ участникомъ всякаго купеческаго обѣда. Тебѣ это страшно поможетъ въ твоихъ грандіозныхъ операціяхъ для вашего торговаго дома. Положись на меня. Потому что, видишь: когда человѣкъ въ первый разъ произнесъ хорошую рѣчь, то его просятъ говорить и въ другой разъ. Ему нужно поддержать свою славу; слѣдовательно, онъ опять обращается ко мнѣ. Вотъ, смотри,—онъ прикрылъ рукой небольшую кучку писемъ:—здѣсь вчерашнія и сегодняшнія письма.—Онъ взялъ ихъ и сталъ тасовать, точно колоду картъ.—Этому нужна отвѣтная рѣчь въ честь арміи. Этому—рѣчь о литературѣ. Этому—возраженіе для палаты общинъ. Женскіе союзы, американская республика, наука, колоніи,—видишь?

— А вознагражденіе?

— Вознагражденіе, Фредъ, соотвѣтствуетъ оказанному одолженію. Я создаю ораторовъ, и они бываютъ благодарны. Что же касается тебя...

— Мнѣ нужно отвѣтную рѣчь объ Австраліи. Обѣдъ будетъ въ пятницу въ отелѣ Сесиль: обѣдъ колоніальныхъ предпринимателей.

— Въ самомъ дѣлѣ!—агентъ улыбнулся и потеръ руки.— Это въ высшей степени лестно. Потому что, Фредъ (только, пожалуйста, молчи, какъ мертвый), могу тебѣ сказать, что только этой твоей просьбы не хватало для полнаго списка рѣчей за вашимъ обѣдомъ. Рѣчи будутъ всѣ, *всѣ* моего сочиненія, всѣ доставлены агентомъ. Но самые-то перлы, братецъ ты мой, я помѣщу въ твоей. Я сдѣлаю ее лучшею изо всѣхъ рѣчей. Г. Барловъ—Барловъ изъ Новаго южнаго Уэльса!

Фредъ всталъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—предоставляю тебѣ заняться моею рѣчью. Приходи сегодня ко мнѣ обѣдать въ отель „Метрополь“, въ половинѣ восьмого. Потомъ мы, пожалуй, пройдемся.

Они пообѣдали вмѣстѣ такъ, какъ подобаетъ богатымъ людямъ, а въ частности такимъ, которые любятъ заглядывать въ рюмочку. Послѣ обѣда Фредъ взглянулъ на часы.

— Половина девятаго, Хрисъ. Въ это время мы обыкновенно пускались въ путь. Помнишь?

Изъ современной литературы.

(Впечатлѣнія читателя).

I.

Черезъ моря.

(Rydyard *Kipling*. From Sea to Sea. 2 voll. 1900. R. L. *Stevenson*. In the South Seas. 2 voll. 1901).

Путевыя замѣтки обѣихъ книгъ относятся къ одному времени (1887—89, 1888—89), написаны людьми одной націи,—между тѣмъ трудно себѣ представить большую противоположность. Въ одной англичанинъ имперіалистъ, который, хотя и заявляетъ въ эпиграфѣ своей книги „считайте меня человѣкомъ, любящимъ своихъ собратьевъ“, любитъ и настоящимъ образомъ понимаетъ только свою имперію, ея жителей и тѣхъ, кто родственъ имъ по духу, понимаетъ еще, конечно, и ту сторону, гдѣ прожилъ большую часть жизни, Индію, но вѣдь она—англійское владѣніе. Другой—прежде всего человѣкъ, для котораго и дикарь человѣкъ, котораго интересуетъ не вопросъ о возможности пріобщенія данной страны къ англійской имперіи или тѣ или другіе типы, а человѣкъ, человѣческое въ человѣкѣ. У Киплинга путевыя замѣтки, болѣе или менѣе интересныя, иногда совершенно пустыя, у Стивенсона—рядъ яркихъ картинъ отживающей жизни, картинъ, которыя память сохранитъ съ полной ясностью тогда, когда бѣглые очерки Киплинга совершенно забудутся.

Киплингъ писатель крупный и оригинальный, любимецъ значительной части англійскаго общества, настроенія которой находятъ себѣ у него яркое и красивое выраженіе, поэтому нельзя пройти молчаніемъ даже и неудачныя его произведенія, тѣмъ болѣе, что въ англійской печати и они большею частью вызываютъ только сочувственную критику. Недавно вышедшія два тома его путевыхъ замѣтокъ „Отъ моря до моря“ врядъ ли много прибавятъ къ его литературной славѣ, но они очень любопытны, какъ матеріалъ его авторской психологіи.

Сперва идетъ рядъ путевыхъ очерковъ изъ Индіи; они полны

горячей любви къ Индіи и пренебреженіемъ къ туристамъ, которые въ нѣсколько недѣль объѣзжаютъ ее и воображаютъ, что поняли эту сложную, загадочную страну. Киплингъ часто въ своихъ разсказахъ возвращается къ этой темѣ и одна изъ его любимыхъ каррикатурныхъ фигуръ—членъ парламента, побывавшій въ Индіи почти проѣздомъ и дающій совѣты индійскимъ администраторамъ. Но сквозь эту любовь къ Индіи прорывается мѣстами еще болѣе глубокая любовь къ далекой родинѣ за морями, къ дружной англійской семьѣ въ уютномъ *home*. При всей любви къ Индіи и при удивительномъ знаніи современной жизни въ ней Киплингъ, какъ это ни странно, очень мало знаетъ ея прошлое. Двѣ-три общедоступныя книжки и путеводитель, вотъ и все, что онъ знаетъ; оттого его попытки оживить иногда старину, когда чувство художника невольно переноситъ его въ прошлое при видѣ развалинъ этого великолѣпнаго прошлаго, очень слабы и неудачны. Какъ блѣдны страницы, гдѣ онъ говоритъ о раджспутанской твердынѣ Читарѣ, воспѣтой старинными пѣвцами. Вся красота этихъ преданій безумной отваги, непобѣдимой гордости, неугасаемой ненависти къ врагу, презрѣнія къ смерти у рыцарей раджспутановъ и ихъ красавицъ-женъ,—все это у Киплинга исчезло и остался сухой и скучный пересказъ учебника.

Хорошо только въ описаніи Читары посѣщеніе источника „Коровьей пасти“, Го-Мукхъ, которымъ авторъ воспользовался, какъ и разными другими путевыми впечатлѣніями въ своемъ романѣ Наулакха; замѣчательно живо переданъ ужасъ, охватившій посѣтителя въ этомъ пустынномъ мѣстѣ, полномъ тѣней прошлаго, гдѣ по гладкимъ, скользкимъ ступенямъ, невидимыя, продолжали двигаться тысячи голыхъ ногъ.

Во всѣхъ описаніяхъ страны какая-то искусственность и поспѣшность, точно эти описанія ни для него, ни для его слушателей не интересны, и только очень рѣдко, и то на одно мгновеніе, художникъ беретъ верхъ надъ торопящимся корреспондентомъ, и ярко выдвигаетъ ту или другую черточку, полную значенія и жизни. За то, какъ Киплингъ оживляется, когда ему случается встрѣтить представителей его любимой, завоевательной имперіи Англіи, когда можно поговорить объ этомъ міродержательствѣ. Онъ совершенно умиленъ встрѣчей съ двумя мальчуганами мичманами, „офицерами флота Ея Величества“, которые два раза уже были въ кругосвѣтномъ плаваніи. Для него эти два милыхъ мальчугана становятся почти символомъ, символомъ Британіи, „владычицы надъ морями“.

Потомъ идутъ опять скучныя страницы корреспонденцій—Бирма, дорога и т. п. Только въ Сингапурѣ авторъ оживаетъ—передъ его глазами встаетъ картина колоній и метрополіи, и онъ увлеченъ картиной ихъ великаго будущаго. Вотъ еслибы временно колоніи, почувствовавъ свою силу, отдѣлились, прошли

сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы, переиспытали и перестрадали бы многое и потомъ вернулись къ любящей матери—метрополіи!.. „Какая это была бы встрѣча и какой пересмотръ тарифовъ и въ концѣ—желѣзное кольцо, опоясывающее землю. Внутри его свободная торговля, внѣ его — жесточайшій протекціонизмъ. Это было бы слишкомъ большое осиное гнѣздо, чтобы державы могли его тронуть, какіе бы союзы онѣ не заключали. Мечта эта не исполнится еще скоро, но въ одинъ изъ ближайшихъ дней мы сдѣлаемъ нѣчто подобное. Перелетныя птицы изъ Канады, Борнео... Австраліи, съ сотенъ разбросанныхъ по морю островов поютъ одну и ту же пѣсню: мы еще не достаточно сильны, но придетъ день, когда мы будемъ сильны“.

„Милые люди! Вы, которые томитесь въ Индіи и проклинаете всякія правительства, повѣрьте: дивная вещь быть англичаниномъ! Доля наша досталась намъ, потому что мы достойны ея. Воистину, наслѣдіе наше хорошее“. Куда ни взглянуть на карту, всюду видны красныя границы англійскихъ владѣній или, подчеркнутыя краснымъ, угольпыя или иныя станціи. И все дальше и дальше заходитъ англійскій предприниматель, учреждаетъ компаніи, разрабатываетъ рудники, строитъ желѣзныя дороги и мосты. А потомъ явятся войска защищать англійскихъ предпринимателей, такъ что южное море станетъ англійскимъ.

Китай смущаетъ его, поражаетъ громадой почти безграничной рабочей силы и у него вырывается полушутливое: „присоединимъ къ себѣ Китай“. Но онъ чувствуетъ, что это не такъ легко и у него звучатъ уже другія ноты, настолько рѣзкія, что не знаешь, какъ даже къ нимъ относиться и насколько имъ слѣдуетъ придавать значенія. Китайцевъ надо убивать—„это не вопросъ политики, ихъ надо убивать, потому что они не похожи ни на одинъ народъ, который я знаю. Взгляните на ихъ лица. Они презираютъ насъ; это видно, и они нисколько насъ не боятся.“. Онъ идетъ на поле, гдѣ совершаются казни. „Китайцы казнятъ сотнями, и, конечно, не я скажу, что такое щедрое проливаніе крови жестоко. Опи могли бы въ одномъ Кантонѣ казнить въ годъ тысячъ десять, не мѣшая приросту населенія. Палачъ, который оказался по близости, быть можетъ ища работы, предложилъ намъ купить саблю, удостовѣряя, что она отрубила много головъ. „Оставь ее себѣ, сказалъ я, оставь ее себѣ и пусть благое дѣло продолжается“. Онъ проходитъ мимо тюрьмы—смрадной ямы, спутникъ его содрогается, а онъ говоритъ: „Это совсѣмъ, какъ и должно быть. Тѣ, кто шлютъ сюда заключенныхъ, не безпокоятся о нихъ. Заключенные ужасны и несчастны, но и имъ въ сущности, видно, нѣтъ дѣла до всего этого, и мнѣ, право, тоже нѣтъ дѣла. Они—только китайцы; если они другъ съ другомъ обращаются какъ съ собаками, то съ какой стати намъ считать ихъ человѣческими существами? Пусть гніютъ“.

На короткое время Киплингъ, къ счастью, забываетъ, что онъ англичанинъ, который долженъ завоевать всю землю, и остается художникомъ, чуткимъ къ человѣческому страданію, и картина Гонконгскихъ трущобъ, нарисованная имъ, не изгладится изъ памяти читателя: „размышленія одной ночи убѣдили меня въ томъ, что для этихъ женщинъ нѣтъ ада на томъ свѣтѣ, онѣ имѣютъ свой адъ здѣсь, въ этой жизни"; за эти слова и за страницы объ этомъ адѣ много простится Киплингу безчеловѣчныхъ страницъ, полныхъ жестокости и крови.

Описаніе Японіи совершенно неудачное. Киплингъ какъ будто все время чувствуетъ себя не въ своей тарелкѣ—съ одной стороны слишкомъ здѣсь мало цивилизаціи, съ другой—слишкомъ много тонкаго художественнаго чутья и старины, которыхъ онъ совершенно не понимаетъ. Но вотъ онъ случайно попадаетъ на ученіе, забыты политика и храмъ. Съ наслажденіемъ онъ наблюдаетъ за ученіемъ, сравнивая постоянно японскія войска съ англійскими и индійскими, которыми, нечего и говорить, онъ восхищенъ; японскія войска получаютъ его одобреніе только по отношенію къ пѣхотѣ. Настолько скучны и безцвѣтны страницы объ Японіи, что недоумѣваешь, какъ авторъ, тонкій художникъ и крупный писатель, счелъ возможнымъ спасти ихъ отъ вполнѣ заслуженнаго забвенія перепечаткою.

Америка страна родственная Киплингу и вполнѣ доступная его пониманію, оттого и описаніе ея выгодно отличается отъ описанія другихъ странъ; здѣсь же ему представляется случай помечтать о любимомъ имперіализмѣ, который и въ Америкѣ имѣетъ горячихъ приверженцевъ и уже оказалъ свое вліяніе на американскую политику. Конечно, ничего особенно новаго нѣтъ въ этихъ описаніяхъ, но многое въ нихъ живо и ярко. Снисходительно онъ относится къ самовосхваленію американцевъ, потому что онъ видитъ въ немъ, очевидно, признакъ силы, такое же у него отношеніе и къ проявленіямъ грубости и насилія—онѣ вѣдь также, въ сущности, проявленіе силы, а сила—божество, передъ которымъ Киплингъ преклоняется. Онъ прощаетъ американцамъ ихъ выраженіе вражды къ Англіи, не придавая ему особеннаго значенія: у каждаго народа долженъ быть такой врагъ по преданію—у Франціи Германія, у Англіи Россія, у Италіи Австрія. Онъ любитъ американцевъ, не смотря на всѣ ихъ недостатки, и убѣжденъ, что передъ ними великое будущее.

„Я люблю этотъ народъ и если надо подвергнуть ихъ отрицательной критикѣ, я это сдѣлаю лучше самъ. Меня тянетъ къ этому народу больше, чѣмъ къ какому бы то ни было другому, и, право, самъ не знаю отчего". Онъ признаетъ, что они самонадѣянны „почти даже болѣе, чѣмъ англичане", вульгарны, плохо уважаютъ законы и т. д., и всетаки онъ любитъ ихъ. Онъ допускаетъ, что въ нихъ очень, очень много отрицательнаго „и

всетаки они величайшій, благороднѣйшій, лучшій народъ въ мірѣ! Подождите только сто лѣтъ и посмотрите, что съ ними будетъ, когда они немного позабудутъ патріархальныя наставленія господина Георга Вашингтона. Подождите, пока Англо-Американо-Германо-Еврей—человѣкъ будущаго — будетъ совсѣмъ снаряженъ какъ слѣдуетъ". Онъ протянетъ свои длинныя, костлявыя руки Янки „изъ конца въ конецъ земли". Онъ будетъ лучшимъ писателемъ, поэтомъ, драматургомъ, особенно драматургомъ, такимъ, какого міръ никогда не видѣлъ. Въ силу своей еврейской крови—маленькой капли еврейской крови—онъ будетъ музыкантомъ и живописцемъ". Онъ создастъ вещи, которыя поразятъ изжившійся востокъ. „Онъ будетъ всѣмъ, что только доступно человѣку, и страна его будетъ владѣть міромъ... Подождите, и вы увидите. Шестьдесятъ милліоновъ людей, главнымъ образомъ, англичанъ по своимъ инстинктамъ, воспитанныхъ съ дѣтства въ убѣжденіи, что нѣтъ ничего невозможнаго, не проскальзываютъ незамѣчено черезъ вѣка, какъ русскіе крестьяне. Они непремѣнно оставятъ по себѣ слѣдъ, помните это".

Опредѣленность Киплинга въ его симпатіяхъ соотвѣтствуетъ такой же опредѣленности въ антипатіяхъ. Одна изъ подобныхъ антипатій любопытна для насъ русскихъ—это антипатія Киплинга къ Россіи. Онъ не знаетъ Россіи и не хочетъ ея знать; стоитъ только вспомнить его нелѣпый разсказъ объ англійскомъ офицерѣ, который будто бы въ Крымскую кампанію былъ взятъ въ плѣнъ и сосланъ въ Сибирь, и котораго кнутъ и насиліе превратили въ какого-то полу-звѣря. Но все, что онъ можетъ услышать дурного про Россію, все ему кажется вѣроятнымъ и всему этому онъ радуется. Въ Японіи онъ видитъ какой-то грязный, запущенный корабль, ему говорятъ, что корабль русскій, и что русскіе военные суда столь же грязны. Киплингъ ликуетъ, правда, что онъ прибавляетъ „можетъ быть это неправда", и всетаки онъ ликуетъ. Но странно, за этимъ пренебреженіемъ и этой антипатіей чувствуется какой-то, можетъ быть и безсознательный, страхъ, страхъ передъ соперникомъ въ обладаніи міромъ, во власти надъ землей, власти, которая Киплингу представляется тѣмъ, ради чего стоитъ жить.

Юношескія путевыя замѣтки Киплинга, которыя, повторимъ еще разъ, рѣшительно не стоило перепечатывать цѣликомъ, показываютъ одно—въ основныхъ своихъ взглядахъ Киплингъ почти не измѣнился, потому что авторъ этихъ замѣтокъ и авторъ стихотворенія, воспѣвавшаго высокую справедливость и необходимость южно-африканской войны—одно и тоже лицо, человѣкъ, для котораго все хорошо, что способствуетъ величію Англіи, такъ какъ Англія одна способна управлять міромъ такъ, какъ должно; для него это непреложная истина. Между тѣмъ его же соотечествен-

никъ пишетъ: *) „Да, мы можемъ распространить границы нашей имперіи такъ, что она займетъ всю землю, и все же это не излѣчитъ раны себялюбія въ ея сердцѣ. Пусть будетъ у насъ имперія, столько имперій сколько хотите, если такова наша доля, но пусть тогда высшій народъ побѣждаетъ низшій для того только, чтобъ вести его къ свѣту и къ жизни, пусть никогда не будетъ поднятъ мечъ на фетишъ сосѣда, пока поднявшіе мечъ не почувствуютъ раньше, что покончили съ своими собственными фетишами. Въ мысли о завоеваніяхъ только для лучшаго обезпеченія своего обѣда не хватаетъ лишь маленькой черточки, чтобы сдѣлать завоеванія эти столь же отвратительными, какъ пиръ людоѣдовъ. Мы не можемъ дать лучшаго, чѣмъ то, что есть у насъ самихъ, и мы должны заглянуть глубоко въ наши сердца, чтобы быть увѣренными въ томъ, что дѣйствительно годимся для высокой задачи—убивать другихъ для ихъ же блага“.

Также смотритъ на задачи Англіи авторъ книги. „Въ южныхъ моряхъ“ Стивенсонъ, прямая противоположность Киплингу по настроенію и характеру таланта; общаго у нихъ одно—оба блестящіе разсказчики. Стивенсонъ гораздо шире и образованнѣе; человѣкъ больной, онъ больше думаетъ и вдумывается въ суть вещей, чѣмъ Киплингъ, который жаждетъ дѣла, борьбы, битвъ, и какъ бы сторонится отъ болѣе глубокихъ мыслей, потому что мысль часто препятствіе дѣйствію.

Когда читаешь увлекательную книгу Стивенсона, невольно вспоминается другая книга—русской писательницы и путешественницы, теперь тоже умершей Александры Викторовны Потаниной. Въ обѣихъ книгахъ есть черта, очень рѣдкая въ описаніяхъ путешествій—индивидуализація впечатлѣній въ самой полной и сильной мѣрѣ. Въ путешествіяхъ обыкновенно встрѣчаешь типы и обобщенія, оно и понятно—то, что видитъ путешественникъ, скользитъ передъ его глазами и больше всего въ глаза ему бросаются тѣ черты, которыя повторяются, черты типичныя для народа, для племени, но не для отдѣльнаго человѣка. Нужно очень большое вниманіе, сильную любовь къ личности, чтобы умѣть выдѣлить человѣка изъ чужеземной толпы; нужно еще и чувство, что имѣешь передъ собою не чужихъ или дикарей, а родственныя существа, съ которыми можно всегда найти нѣчто общее. Стивенсонъ съ глубокимъ пониманіемъ дѣла говоритъ, что путешественнику, который не сумѣетъ своимъ отношеніемъ возбудить къ себѣ родственныя чувства обще-человѣческой связи и близость, лучше оставить всякую попытку проникнуть въ глубь человѣческой души чужого народа.

Больной Стивенсонъ въ 1888 году поѣхалъ на острова австралійскаго архипелага и оставался тамъ и слѣдующій годъ. Опи-

*) *R. Whiteing* № 5 John Street. 1899.

санію впечатлѣній этихъ странствованій и жизни на нѣкоторыхъ островахъ и посвящена его книга: „Въ южныхъ моряхъ“. Начинается путешествіе съ Маркизскихъ острововъ, затѣмъ идетъ архипелагъ Паумоту и Жильбертовы острова.

Основная нота этихъ путевыхъ очерковъ грустная—иначе и быть не могло: передъ Стивенсономъ открывался отживающій міръ, племена, обреченныя на смерть; грусть эта нашла себѣ краснорѣчивое выраженіе въ печальной туземной пословицѣ: „кораллъ растетъ, растетъ пальма, но человѣкъ уходитъ“. Почему эти люди, рослые, крѣпкіе, здоровые, вымираютъ въ этомъ чудномъ климатѣ, не терпя никакой особенной нужды? Столкновеніе съ пришельцами, европейцами и американцами, вноситъ слишкомъ быстро и слишкомъ много перемѣнъ въ ихъ первобытную, несложную жизнь, которая не можетъ выдержать этого страшнаго напора чуждыхъ ей и новыхъ жизненныхъ данныхъ, она не въ состояніи ихъ переработать съ нужною быстротою и гибнетъ. И не малая доля вины падаетъ на миссіонеровъ, католиковъ и протестантовъ, которые своею нетерпимостью и узостью разрушали сразу, вмѣсто того чтобы постепенно измѣнять, многіе изъ устоевъ туземной жизни. Конечно, и задача миссіонеровъ была не легкая, и лишь очень немногіе изъ нихъ поняли тѣ условія, въ какія ихъ ставила жизнь, и тѣмъ принесли дѣйствительно пользу, а не вредъ, какъ большинство ихъ собратьевъ; мы увидимъ дальше у Стивенсона описаніе нѣсколькихъ подобныхъ истинныхъ апостоловъ. Картина этого „ухода“ людей, которые оставляютъ за собою вѣчно растущіе кораллы и пальмы, удивительно захватывающая. Сперва нѣсколько цифръ: когда миссіонеръ епископъ Дордильонъ прибылъ на Маркизскіе острова, то въ округѣ, гдѣ онъ поселился, было нѣсколько тысячъ туземцевъ; черезъ короткое время послѣ его смерти въ той же мѣстности оставалось ихъ всего *восемь* человѣкъ. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ было четыреста человѣкъ, одна эпидемія оспы и присутствіе одной чахоточной женщины менѣе чѣмъ въ годъ низвели населеніе до одной пары, женщины и мужчины, которые бѣжали изъ этой только что создавшейся пустыни; и еще одинъ случай—въ семьѣ изъ семнадцати человѣкъ появилась въ началѣ года чахотка, а къ августу отъ всей семьи остался одинъ мальчикъ, и то онъ былъ въ отсутствіи все время, въ школѣ. Мы въ правѣ послѣ этихъ страшныхъ чиселъ сказать, что здѣсь царство умиранія.

Житель Маркизскихъ острововъ живетъ подъ постояннымъ страхомъ смерти, съ мыслью о ней онъ встаетъ, съ тою же мыслью садится за столъ, каждое мгновеніе отравлено мыслью о ней настолько, что подъ конецъ онъ начинаетъ ждать ее съ нетерпѣніемъ и охотно кончаетъ самоубійствомъ, потому что это вѣчное давленіе смерти становится невыносимымъ. И странно—эта по-

стоянная близость смерти, умиранія, труповъ близкихъ ему людей вызываетъ къ немъ какую-то особенную любовь къ погребальному обряду и особенно къ гробу. Жизнь въ этой неминуемой близости смерти, которая каждый день почти вырываетъ кого-нибудь близкаго, блекнетъ и теряетъ всякій смыслъ. Всѣ знаютъ, что всѣ обречены на близкую смерть, имъ нечего ждать, что потомки продолжатъ ихъ жизнь, передадутъ своимъ потомкамъ завѣты предковъ, ихъ языкъ, преданія, пѣсни, священные обряды. Здѣсь не будетъ потомства, потому что дѣти умрутъ на глазахъ у родителей. Пѣснь замолкаетъ, не слышно пляски, кто же захочетъ плясать, когда всюду кругомъ смерть? И день за днемъ проходитъ въ этой почти невыносимой тоскѣ постояннаго умиранія, и съ каждымъ днемъ растутъ могилы и пустѣютъ дома; и новый ужасъ является съ этими смертями—все больше и больше становится число духовъ, этихъ странныхъ существъ, которыя наполняютъ ужасами долгую ночь. Они на этой землѣ, гдѣ человѣческое мясо служило лакомой пищей, быть можетъ, сохранили обычаи предковъ, и, кто знаетъ, быть можетъ сторожатъ еще не умершихъ родичей? Надо ихъ кормить, а то они станутъ собираться вокругъ старыхъ пепелищъ и не дадутъ покоя живымъ, тѣмъ, кто еще пока живъ. И медленно догораетъ здѣсь слабый огонекъ тоскующей жизни и все тѣснѣе сдвигается вокругъ него мракъ всесильной смерти, наполненный тѣнями страшныхъ мертвецовъ. Борьбы здѣсь нѣтъ, всѣ смирились и примирились, и скоро здѣсь не будетъ никого.

„Я пошелъ однажды въ ихъ (туземныхъ друзей) логовище", говоритъ Стивенсонъ.—„Тари не было дома, сынъ его шилъ мѣшокъ, а сноха кормила грудью дѣвочку. Я усѣлся съ ними на полу и молодая женщина стала разспрашивать меня про Англію. Я старался объяснять ей все, какъ умѣлъ, клалъ кастрюлю и скорлупу кокосовыхъ орѣховъ одну на другую, чтобы представить дома и толковалъ ей словами и жестами чрезмѣрное обиліе населенія, голодовки и непрестанный трудъ. „Pas de cocotiers? Pas de popoi"?—спросила она. Я сказалъ ей, что тамъ слишкомъ холодно, разъясняя все это сложными пріемами, защищаясь отъ воображаемыхъ сквозняковъ и грѣясь у воображаемаго огня, такъ чтобы она хорошенько поняла. И она поняла меня вполнѣ, замѣтила, что все это должно быть вредно для здоровья, и нѣкоторое время сидѣла молча, раздумывая объ этой картинѣ невѣдомыхъ ей страданій. Я увѣренъ, что возбудилъ ея состраданіе, потому что мой разсказъ вызвалъ у ней наружу чувство, всегда проникающее сердце жителя Маркизскихъ острововъ. Она обратилась ко мнѣ съ грустной улыбкой, глядя на меня глазами полными тоски, говоря о гибели своего народа. „Ici pas de Kanaques", сказала она, взявъ младенца съ груди, протянула его ко мнѣ и прибавила: Tenez—младенецъ такой, какъ этотъ; потомъ

онъ умеръ. Канаки всѣ умираютъ. Потомъ ихъ нѣтъ". Улыбка и примѣръ собственнаго ребенка, приведенный этой дѣвочкой-матерью, глубоко взволновалъ меня—въ нихъ сказалось такое спокойное отчаяніе. Тѣмъ временемъ мужъ, улыбаясь, доканчивалъ свой мѣшокъ, а безсознательный младенецъ тянулся къ банкѣ съ вареньемъ, которую я принесъ, какъ дружескій даръ, въ ихъ берлогу. И я увидѣлъ передъ собой длинную вереницу вѣковъ и насъ не будетъ, какъ этихъ канаковъ — смерть приближалась, какъ приливъ, и дни были сочтены—не будетъ болѣе Беретани, и никого не будетъ болѣе изъ людей какого бы то ни было племени, не будетъ болѣе книгъ (это меня какъ-то особенно смутило), не будетъ и читателей".

Мы еще пока не вымираемъ, но и въ нашей средѣ мы можемъ пережить эти острыя, тяжелыя ощущенія, которыя такъ захватываютъ насъ у Стивенсона. Вы живете въ санаторіи для чахоточныхъ, кругомъ васъ почти только здоровыя, свѣжія лица и первое впечатлѣніе ваше свѣтлое и бодрое, вокругъ васъ какъ будто нѣтъ больныхъ. Проходитъ день, другой—и вы замѣчаете, какъ иныя мѣста за столомъ остаются пустыми, и вы слышите—у такого-то лихорадка. Потомъ вдругъ среди общей веселой болтовни вы улавливаете въ одномъ углу грустную ноту—такому-то очень худо, его сосѣди по комнатамъ перешептываются объ этомъ. И вотъ въ одно утро вы слышите—онъ умеръ. На время болтовня смолкаетъ и кто-нибудь вполголоса замѣчаетъ: „чья очередь теперь"? Пустые стулья за столомъ начинаютъ пріобрѣтать еще большее значеніе и невольно сжимается сердце, когда стулъ долго пустуетъ. Тогда вы начинаете чувствовать и понимать, что вы въ средѣ умирающихъ, которымъ только дана отсрочка—не очень длинная. И жизнь, та настоящая, большая жизнь, гдѣ люди работаютъ и живутъ, а не прозябаютъ, отходитъ куда-то далеко отъ васъ, вы перестаете прислушиваться къ ней и только думаете о днѣ, въ которомъ живете и о томъ неизвѣстномъ будущемъ, которое такъ близко для большинства окружающихъ васъ. Все становится мелкимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно важнымъ, потому что отъ приближенія къ вѣчно-неизвѣстному малое становится большимъ. Правда, знаешь, что тамъ, за стѣнами санаторіи, есть еще другая жизнь, но шаткость этой жизни, которою вы живете, заставляетъ васъ вѣрить въ призрачность и той жизни и сомнѣваться въ ней. У Канаковъ и этого сомнѣнія нѣтъ: другая жизнь, жизнь другихъ народовъ для нихъ не существуетъ, а ихъ собственная жизнь, они это слишкомъ хорошо понимаютъ, безповоротно кончается.

Надо быть очень сильнымъ человѣкомъ или очень убѣжденнымъ въ чемъ-нибудь, чтобы бороться съ этимъ приливомъ смерти, и бѣдные Канаки, съ слабой волей, безъ всякихъ интересовъ въ жизни, безъ яркой вѣры, складываютъ руки и умираютъ. Даже

сильные примѣры не дѣйствуютъ на нихъ. Среди нихъ жилъ, училъ и умеръ миссіонеръ, котораго они боготворили, монсеньеръ Дорживонъ, апостолическій викарій Маркизскихъ острововъ и епископъ Камбизополиса in partibus. Послѣднее время его жизни особенно ярко показываетъ громадную нравственную силу этого человѣка, съумѣвшаго въ полной мѣрѣ сохранить жизнь въ этомъ царствѣ смерти. Пришло время, когда глаза отказались служить. Надо было бросить и научныя работы, и житія святыхъ, которыя онъ писалъ для туземцевъ, и работы надъ ихъ языкомъ. Онъ принялся за садоводство и долгіе часы проводилъ за работой въ саду. Но слабое тѣло скоро не могло уже выносить и этого труда. Старый епископъ сталъ вырѣзывать бумажные цвѣты для украшенія своихъ церквей. И долго хранились эти цвѣты любящими руками тогда, когда сдѣлавшій ихъ лежалъ уже въ землѣ.

Епископъ былъ не одинъ, рядомъ съ нимъ такъ и видишь этого столяра-скульптора, брата Михаила, о которомъ сердечно и тепло говоритъ Стивенсонъ. Церкви, которыя онъ покрывалъ рельефами въ духѣ средневѣковыхъ церквей, живо напоминали этотъ давно отошедшій въ прошлое міръ. Здоровый, веселый и привѣтливый онъ тоже представлялъ собою жизнь въ этомъ царствѣ смерти. Но не одни только миссіонеры являются здѣсь представителями жизни, есть здѣсь еще нѣкоторые старые вожди-короли, которые не сдаются передъ неотразимо набѣгающей смертью и хотятъ жить и властвовать и чувствуютъ, что власть еще осталась имъ, власть настолько полная, насколько ея только можетъ желать человѣкъ.

„Я имѣю власть“, любимыя слова Тембинока, царя Анемамы, и когда ему говорятъ о далекихъ странахъ и объ ихъ повелителяхъ, онъ улыбается и говоритъ: *„я* имѣю *власть“*. И не только онъ ее имѣетъ, но и пользуется ею. Онъ все можетъ взять у своихъ подданныхъ, убить ихъ, когда хочетъ, онъ можетъ перестраивать жизнь на своемъ островѣ такъ, какъ хочетъ, и все это онъ дѣлаетъ и все это доставляетъ ему удовлетвореніе. Родъ свой онъ ведетъ отъ женщины знатнаго рода и акулы; правда, онъ самъ говоритъ объ этомъ преданіи: „думаю—это ложь“, и все же гордится имъ. Дѣдъ его былъ великій воинъ и жестокій, кровожадный человѣкъ—его боялись и ненавидѣли, а ему это нравилось. Онъ умеръ семидесяти лѣтъ и оставилъ двухъ сыновей. Одинъ изъ нихъ былъ царемъ, отецъ Тембинока, другой поддерживалъ своего брата на царствѣ, и тотъ даже и не подозрѣвалъ, повидимому, что обязанъ престоломъ другому. „Онъ шелъ на войну и смѣялся“, говорили про него. Все подчинялось его силѣ. Онъ расширилъ владѣнія брата и укрѣпилъ его власть, такъ что, когда на престолъ вступилъ его племянникъ, королевская власть стала властью въ полномъ смыслѣ этого слова.

Пѣсни народа полны славы Тембинока, славы и страха пе-

редъ нимъ. Тембинокъ часто даже и не вступаетъ въ словесныя объясненія съ своими подданными—онъ выходитъ изъ дворца и стрѣляетъ изъ ружья, этого достаточно, чтобы подданные поняли и шли на работу. Если онъ недоволенъ кѣмъ, онъ идетъ къ нему и въ видѣ предупрежденія стрѣляетъ въ него, но такъ, чтобы пуля пролетѣла только близь предупреждаемаго и, такъ какъ Тембинокъ прекрасный стрѣлокъ, то пули пролетаютъ очень, очень близко; когда ему это нужно, пуля и сразитъ осужденнаго, но это бываетъ рѣдко. Обо всемъ, что дѣлается въ его владѣніяхъ, царь знаетъ отъ соглядатаевъ, которые каждое утро являются къ докладу и замѣняютъ собою газеты. Живетъ Тембинокъ въ обширномъ дворцѣ, гдѣ кромѣ него нѣтъ мущинъ, все многочисленное населеніе дворца женщины, старыя и молодыя. Отношенія Тембинока къ нимъ чисто отеческія; чтобы забавлять себя и ихъ, онъ выдумалъ особую карточную игру — ему нужна была своя собственная игра, такая, въ какую не играли бы другіе, потому что онъ царь, не ровня этимъ другимъ! Часть его времени шла на составленіе дневника, иногда онъ писалъ стихи; спрошенный о содержаніи его пѣсенъ, онъ отвѣтилъ: „Милыя женщины, деревья и море. Собственно неправда, собственно ложь". Своеобразное, но не лишенное остроумія, опредѣленіе лирической поэзіи. Кромѣ поэзіи, онъ усердно занимался генеалогіей, тоже царскимъ занятіемъ по мѣстнымъ понятіямъ. Такъ протекали дни его жизни, въ сознаніи безусловной власти; такихъ, какъ онъ, не много среди его вымирающихъ родичей.

У Стивенсона очерчено еще нѣсколько туземцевъ съ той же полной индивидуализаціей, какъ и Тембинокъ, все съ тѣмъ же пониманіемъ и вниманіемъ къ *человѣку*, котораго такъ мало понималъ путешественникъ-имперіалистъ Киплингъ въ своихъ странствованіяхъ. Благо для Англіи, что рядомъ съ людьми дѣйствія и силы, Киплингами, у ней есть люди сердца и ума—Стивенсоны.

Не смотря на громадную разницу между книгами обоихъ англійскихъ писателей, у нихъ есть нѣчто общее. Обѣ книги и Стивенсона, и Киплинга какъ будто безсознательно пророческія: у Киплинга болѣе близкое, у Стивенсона болѣе далекое будущее. Дѣйствительно, всѣ великія державы заражены той лихорадкой имперіализма, о которой говоритъ съ такой страстью Киплингъ— Америка, Англія, Германія, Россія — все шире и шире раздвигаются ихъ границы и все яснѣе ихъ соперничество; кто одолѣетъ? А затѣмъ — черезъ много, много вѣковъ быть можетъ, и эти громады начнутъ исчезать и создавшіе ихъ народы начнутъ вымирать, какъ Канаки, и грустное видѣніе Стивенсона станетъ дѣйствительностью. Кто знаетъ? Человѣкъ пока еще, и быть можетъ къ счастью, мало обладаетъ даромъ предвидѣнія: сколько онъ ни старается проникнуть въ тайну невѣдомаго будущаго, она все же ему не дается, и онъ, смотря по настроенію, рисуетъ

себѣ совершенно противоположныя картины жизни своихъ далекихъ потомковъ.

II.

Изъ англійской современности.

(A. Conan Doyle. The Green Flag and ather stories. 1900*).*

Конанъ Дойлъ удивительно ярко отражаетъ въ своихъ книгахъ интересы значительной части англійской публики, и именно той, которую событія послѣднихъ лѣтъ особенно выдвинули на первый планъ. Во многомъ онъ напоминаетъ другого, гораздо болѣе крупнаго любимца англійскихъ читателей, Киплинга, напоминаетъ мѣстами даже слогомъ, выраженіями, только онъ еще менѣе общечеловѣченъ, болѣе національнъ.

Послѣдній сборникъ его разсказовъ особенно любопытенъ тѣмъ, что въ немъ собраны очерки, касающіеся именно тѣхъ сторонъ, которыя дороги бритту извѣстнаго типа: война, разбой, охота съ гончими, кулачный бой, ловкій обманъ съ патріотической или профессіональной цѣлью и т. п. Въ сущности, это все своего рода спортъ, тотъ спортъ, который, по мнѣнію Конана Дойля и многихъ другихъ англичанъ, составляетъ неотъемлемую принадлежность англичанина: „иногда грубая, иногда смѣшная любовь къ спорту до сихъ поръ одинъ изъ главныхъ источниковъ счастья нашего народа. Она лежитъ въ самой глубинѣ нашей природы, и когда эту любовь вытравятъ образованіемъ, то останется существо болѣе возвышенное, болѣе утонченное, но уже не тотъ здоровый типъ бритта, который такъ глубоко наложилъ свою печать на міръ". Такъ говоритъ Конанъ Дойлъ въ лучшемъ и самомъ характерномъ разсказѣ своей книги.

Сила, ловкость, удача—вотъ боги, которымъ молятся и герои, и толпа у Конана Дойля, какъ оно и подобаетъ истиннымъ поклонникамъ спорта. Должна течь кровь, должны быть убитые, или, по крайней мѣрѣ, избитые, для того, чтобы такіе люди могли почувствовать настоящее біеніе жизни. И вотъ книга начинается кровавой битвой между дервишами и англійскими войсками. Въ пылу битвы мятежные ирландцы, ненавидящіе отъ всего сердца своихъ начальниковъ и товарищей англичанъ, не хотятъ стрѣлять и начинаютъ отступать. Напрасно офицеры стараются остановить ихъ увѣщаніями, угрозами, мольбами, ирландцы не хотятъ сражаться и умирать за ненавистное имъ знамя. Пораженіе близко, но вожакъ ирландцевъ, рядовой Коноллн, увидѣлъ вдругъ совсѣмъ близко передъ собою арабовъ, кровожадныхъ, жестокихъ, безчеловѣчныхъ, рѣжущихъ безоружныхъ людей, и противъ нихъ честныя, родныя лица солдатъ. Въ одну минуту

онъ преобразился и понялъ, кто другъ и кто врагъ. Онъ вынимаетъ драгоцѣнное зеленое знамя Ирландіи и вокругъ него сбираются ирландцы, чтобы бороться до конца и умереть за родное знамя; и всѣ до единаго легли подъ ударами бѣшенаго врага, но участь битвы была спасена, непріятель отступилъ.

Разсказъ вполнѣ современный, хотя южно-африканская война показываетъ, что, когда врагъ не дикарь, зеленое знамя рѣдко развѣвается дружелюбно рядомъ съ англійскимъ.

Та же Африка и тѣ же дервиши являются въ другомъ разсказѣ, очень живо написанномъ, но поразительно напоминающемъ нѣкоторыя страницы изъ романа Киплинга „Свѣтъ погасъ". Здѣсь „три корреспондента" англійскихъ газетъ подвергаются нападенію дервишей. Двухъ небольшихъ выдержекъ достаточно для характеристики этихъ боевыхъ представителей англійской печати ....„Постановленія женевской конвенціи не примѣняются къ югу отъ первыхъ пороговъ; легко приготовить надлежащимъ образомъ пулю, если немного обработать ея кончикъ". Передъ стычкой двое старшихъ корреспондентовъ обучаютъ младшаго, говоря о необходимости въ иныхъ случаяхъ лгать, красть и т. д. Когда начинающій корреспондентъ нѣсколько смущенъ такой моралью, ему говорятъ: „Ну, я бы и солгалъ и укралъ бы лошадь, если-бъ могъ получить цѣлый столбецъ въ ежедневной лондонской газетѣ. А вы Скоттъ?" „На все готовъ, кромѣ убійства". „Ну, знаете, я и въ этомъ не вполнѣ на васъ положусь". „Нѣтъ, право, мнѣ кажется, я не способенъ на убійство газетчика. По моему, это нарушаетъ профессіональныя отношенія. Но если чужой станетъ между корреспондентомъ съ важными вѣстями и телеграфной проволокой, тогда—берегись"...

Три разсказа переносятъ насъ на море и немного отзываются стариной—морскіе разбойники, таинственный сундукъ, убивающій людей, благодаря необыкновенно замысловатому замку. Крови, обмана и насилія здѣсь довольно, чтобы удовлетворить самыхъ требовательныхъ читателей.

Но главный и безспорно лучшій по живописи и жизненности разсказъ, изъ котораго мы выше привели мнѣніе автора объ англійскомъ спортѣ, передаетъ намъ картину кулачнаго боя. Робертъ Монтгомери, бѣдный студентъ-медикъ, нанялся на лѣто въ помощники къ доктору, чтобы какъ нибудь просуществовать на каникулахъ и скопить еще кое что на будущій учебный годъ. Но денежныя дѣла его плохи, заемъ у доктора не удается, и ему все яснѣе становится, что надо бросить университетъ, хотя остался только годъ до окончанія курса.

Монтгомери былъ не глупъ, но такихъ, какъ онъ, на жизненномъ рынкѣ много, онъ былъ очень силенъ, правда, но кому нужна сила? На этотъ товаръ, разсуждаетъ онъ, покупателей нѣтъ. Судьба, однако, взялась ему доказать, что онъ ошибается.

Когда онъ сидѣлъ, погруженный въ свои мрачныя мысли и въ приготовленіе лѣкарствъ, отъ него вдругъ грубо потребовали заказанное лѣкарство. Требовалъ здоровенный парень, который, повидимому, былъ готовъ постоять за свое требованіе крѣпкими кулаками. Напряженные нервы молодого медика не выдержали, и онъ побилъ парня. Оказалось, что побитый долженъ былъ вскорѣ выступить въ кулачномъ бою противъ знаменитаго бойца „Крокслеевскаго мастера“. Столкновеніе парня съ медикомъ сдѣлало его неспособнымъ къ бою, но за то навело его сторонниковъ на мысль искать въ Монтгомери нужнаго имъ бойца. Молодой медикъ сначала смущенъ предложеніемъ выступить въ подобной роли, но обѣщанная награда въ сто фунтовъ, которая дастъ ему возможность кончить курсъ, рѣшаетъ дѣло, и онъ начинаетъ готовиться къ бою. Настаетъ великій день, и Монтгомери ѣдетъ, привѣтствуемый кликами своихъ сторонниковъ, углекоповъ, такъ какъ онъ боецъ угольной копи. Его противникъ—испытанный, старый боецъ, но Монтгомери не падаетъ духомъ: „ему казалось, что онъ точно рыцарь безъ благородныхъ побужденій, который ѣдетъ на корыстный турниръ, и все же въ этой борьбѣ было нѣчто рыцарское. Онъ долженъ былъ бороться за другихъ, также какъ и за себя. Онъ потерпитъ, быть можетъ, пораженіе отъ недостатка силы или умѣнья, но никогда не отъ недостатка мужества, такъ поклялся онъ въ глубинѣ души“. Приготовленія къ бою, характеристика толпы, судей, участниковъ—мастерская.

Выкликаютъ бойцовъ: „Монтгомери — Креггсъ“ и бой начинается. Съ самаго начала чувствуешь, какъ симпатіи автора на сторонѣ Монтгомери, который для него типъ истаго англичанина: любитель спорта, храбрый, настойчивый, не признающій себя побѣжденнымъ, хотя и жестоко избитый; но симпатія къ одному изъ бойцовъ не лишаетъ автора безпристрастія, а только оживляетъ разсказъ. Условія боя: двадцать круговъ по три минуты, съ роздыхами въ одну минуту. Первый кругъ только выясняетъ характеръ бойцовъ — это сила противъ подвижности. Кругъ за кругомъ проходитъ съ перемѣннымъ счастіемъ; прошло девять круговъ, и вдругъ Монтгомери замѣтилъ, что противникъ его какъ будто усталъ и какъ будто ему свело ногу; онъ кинулся бѣшено на него и черезъ одно мгновеніе, попавшись въ ловушку, устроенную опытнымъ противникомъ, лежалъ безъ сознанія на землѣ, въ судорожныхъ подергиваніяхъ. Онъ чувствовалъ, что надо встать, иначе все кончено, встать, пока еще не прошли десять секундъ, онъ слышалъ голосъ счетчика: разъ—два—три—четыре—пять, онъ уперся на руку, шесть—семь, онъ всталъ на колѣни, совсѣмъ обезсилившій, но съ твердымъ намѣреніемъ подняться, восемь — онъ стоитъ, и противникъ свирѣпо накидывается на него и колотитъ его обѣими руками. „Зрители,

удерживая дыханіе, наблюдали эти страшные удары и предчувствовали жалкій конецъ, особенно жалкій, когда рѣшительный, но беззащитный человѣкъ не хочетъ признать себя побѣжденнымъ". И тутъ, какъ во снѣ, полусознательно, онъ вспомнилъ, что ему было сказано сыномъ крокслеевскаго мастера, ненавидѣвшимъ отца: мастеръ не видѣлъ ничего лѣвымъ глазомъ; Монтгомери отклонился влѣво и ударъ пришелся только по плечу. Мастеръ сдѣлалъ быстрый оборотъ и накинулся опять на противника. Монтгомери опять отклонился влѣво. Но мастеръ былъ опытнѣе его и страшный ударъ въ лицо опрокинулъ его; теперь все было кончено, ему уже не подняться, онъ это чувствовалъ.

Откуда-то издалека до него доносился голосъ счетчика: разъ— два — три — четыре— пять — шесть... „Время", произнесъ судья. „Тогда сдержанная до сихъ поръ страсть толпы прорвалась. Сторонники мастера испустили громкій вздохъ разочарованія, сторонники Монтгомери вскочили на ноги съ ревомъ восторга. Еще не все для нихъ потеряно. Еще бы четыре секунды и ихъ боецъ проигралъ, а теперь—у него цѣлая минута, чтобы оправиться. Судья боя осмотрѣлся съ довольнымъ лицомъ и смѣющимися глазами. *Онъ любилъ эту грубую игру, эту школу скромныхъ героевъ* и ему пріятно было вступиться какъ Deus ex machina въ такую минуту. Монтгомери облили водой, дали ему немного водки, и, когда прошла минута, онъ могъ уже стоять, хотя и былъ еще очень слабъ. Онъ продолжалъ теперь борьбу, избѣгая по возможности ударовъ противника, выжидая, пока вернутся силы. Когда онъ почувствовалъ, что нѣсколько оправился, то повелъ борьбу такъ, какъ его научилъ его же противникъ: онъ представился болѣе усталымъ и болѣе слабымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, и далъ противнику утомиться ударами, отъ которыхъ самъ увертывался. Не опасаясь явно ослабѣвшаго Монтгомери, крокслеевскій мастеръ на минуту опустилъ руку, и въ то же мгновеніе на него опустилась рука Монтгомери: „это былъ великолѣпный ударъ, прямой, отчетливый, рѣзкій". Мастеръ упалъ и не могъ встать— онъ лежалъ на спинѣ и только судорожно вздрагивалъ и ноги его подергивало... Восемь—девять—десять, сказалъ счетчикъ— ревъ толпы провозгласилъ пораженіе крокслеевскаго мастера. Монтгомери стоялъ полуошеломленный, глядя на большого, лежавшаго передъ нимъ человѣка. „Онъ съ трудомъ могъ понять, что все кончено".

То же впечатлѣніе у васъ; настолько была жива эта сцена, настолько ярко вы видѣли толпу, слышали глухіе удары кулаковъ въ перчаткахъ, напряженно слѣдили за минутами и секундами, что трудно вѣрится, что все кончено, и что вы читали просто описаніе безобразнаго побоища, гдѣ толпа рукоплескала въ изступленіи тому, какъ одинъ человѣкъ билъ другого въ этой „школѣ скромныхъ героевъ".

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что тема его разсказовъ, война и спортъ, приноравливаютъ ихъ къ нашему времени. Прочитавъ и продумавъ такіе мастерскіе по формѣ разсказы, какъ „Крокслеевскій мастеръ", мы можемъ только радоваться тому, что все же и на родинѣ г. Конана Дойля, они приноравлены ко вкусамъ лишь одной части читателей, и что въ Англіи не мало людей, которые думаютъ, что грубая сила, хитрость и ловкость, не стѣсняющіяся средствами для достиженія цѣли, вовсе уже не завидныя качества.

III.

Размышленія пессимиста.

(Challemel-Lacour. Etudes et réflexions d'un pessimiste. Paris. 1901).

„Онъ ненавидѣлъ книгопечатаніе и не думалъ, чтобы въ немъ было спасеніе человѣчества. Онъ не раздѣлялъ справедливаго восторга, который должны возбуждать въ людяхъ благодѣянія этого дивнаго изобрѣтенія, считая его началомъ упадка, такъ какъ оно открыло собою печальнѣйшій и жалчайшій вѣкъ—бумажный вѣкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ печатаютъ, говорилъ онъ, мы только и дѣлаемъ, что пишемъ другъ на друга толкованія. Въ этихъ словахъ, заимствованныхъ имъ у Монтэня, онъ выражалъ свое пренебреженіе къ нашей литературѣ изъ вторыхъ рукъ, къ той полунаукѣ и къ тому скудоумію, которыя находятъ себѣ выраженіе въ современномъ обиліи книгъ".

Изъ бумагъ этого ненавистника печатнаго слова, который былъ министромъ и потомъ президентомъ французскаго сената, извѣстнаго политическаго дѣятеля Франціи, Шалльмель-Лакура, напечатаны теперь „Очерки и размышленія пессимиста". Жаль, что издатели любопытной рукописи покойнаго, хорошо его лично знавшіе, не сообщили хотя бы нѣкоторыхъ подробностей относительно его жизни, не дали намъ канвы, въ которую мы могли бы вплести „размышленія пессимиста".

Но и безъ примѣчаній чувствуется, что эти размышленія, записанныя, повидимому, еще въ 1861—1869 годахъ, плоть отъ плоти, кость отъ кости писавшаго. Въ предисловіи, составленномъ какъ бы отъ лица какого-то друга воображаемаго автора книги, сказано, что она предназначалась къ изданію, „чтобы засвидѣтельствовать его искренность". И дѣйствительно, при каждомъ словѣ чувствуется эта искренность, потребность говорить только то, что думаетъ и чувствуетъ авторъ. Эта любовь къ правдѣ и есть собственно ключъ къ пессимизму Шалльмель-Лакура. Правда, что онъ говоритъ и о прелести самообмана, который даетъ силу, вѣру, счастіе, но это только, чтобы не сму-

щать тѣхъ, кто не можетъ вынести безотраднаго свѣта истины. Ему кажется, что, только пока скользишь по поверхности вещей, готовый быть обманутымъ призрачною внѣшностью, можно видѣть хорошее, вѣрить въ какое-то улучшеніе человѣчества и міра; когда проникнешь въ глубь, раскроешь причины, побужденія, то добро и свѣтъ поблекнутъ, и останется только признать, что въ сущности все дурно, печально, сѣро. И всетаки, думаетъ онъ, надо жить и работать, какъ будто ничего не было изъ того, до чего довело насъ изслѣдованіе самой сути вещей. Переданы эти мысли, можетъ быть и не очень новыя, такъ изящно, и человѣкъ, который ихъ высказывалъ, былъ настолько выше средняго уровня, что на нихъ безусловно стоитъ остановиться, потому что онѣ невольно заставляютъ многое передумать и перечувствовать.

Начинается книга нѣсколько искусственнымъ введеніемъ мнимаго издателя, который говоритъ, что его другъ, авторъ „размышленій“ (настоящій авторъ) сошелъ съ ума. Уже давно замѣчали въ немъ странности и, наконецъ, не осталось сомнѣнія въ томъ, что онъ душевно больной. Доказательствъ тому достаточно: онъ былъ искрененъ и нелицепріятенъ, умъ его не хотѣлъ подчиняться никакимъ условнымъ формамъ, онъ избѣгалъ людей, не восхищался тѣмъ, чѣмъ восхищаются всѣ; наконецъ, онъ былъ пессимистъ. И вотъ послѣ него остались записки, еще лишній разъ потверждающія, что авторъ былъ сумасшедшій. У него была странная манія считать цѣлый рядъ людей „людьми серьезными“, какъ онъ выражался, и относиться къ нимъ съ отвращеніемъ. Странно сказать, въ этотъ разрядъ серьезныхъ людей онъ включалъ самыхъ разнообразныхъ представителей рода человѣческаго: достаточно было для этого, чтобы данный человѣкъ былъ убѣжденъ въ пользѣ и достоинствахъ своихъ дѣлъ и произведеній. Особенно доставалось отъ него писателямъ, которые, по его словамъ, считали себя учителями человѣчества и священнослужителями. Но такъ какъ сумасшедшіе постоянно противорѣчатъ себѣ, то и для него существовали исключенія—онъ утверждалъ, напримѣръ, и какъ человѣкъ широко начитанный потверждалъ свои слова обильными ссылками, что такіе великіе писатели, какъ Данте, Шекспиръ, Вольтеръ, Гете, всегда смотрѣли очень легко на свою писательскую дѣятельность, такъ напр., Шекспиру просто нужны были деньги, а Вольтеръ и Гете понимали, что сна, ѣды, прогулокъ и разговоровъ съ дураками не хватитъ на двадцать четыре часа, и потому они всѣ писали, не мечтая вовсе о безсмертіи. Послѣднее время онъ, впрочемъ, сталъ лучше относиться къ литераторамъ; это какъ разъ совпало съ оживленнымъ обсужденіемъ вопроса объ авторскихъ правахъ. Теперь, такъ полагалъ бѣдный сумасшедшій, литераторы бросили свое „серьезничаніе“, разсужденія о пророческой миссіи и тому подобное, они открыто

признали, что имъ просто нуженъ кусокъ хлѣба и нѣкоторыя удобства для семьи, и, такимъ образомъ, они сразу уничтожили категорію „серьезныхъ литераторовъ“. Онъ самымъ неосторожнымъ образомъ открыто заявлялъ себя пессимистомъ и утверждалъ, что въ пессимизмѣ спасеніе. Весьма сомнительно въ виду всего этого, чтобы онъ когда либо поправился и былъ выпущенъ изъ сумасшедшаго дома, куда его помѣстили заботливые друзья.

Первый очеркъ, озаглавленный „Разсужденія о болѣзни и здоровьи, преимущество первой надъ вторымъ, доказанное на знаменитомъ примѣрѣ“, начинается съ парадокса: только больные видятъ истину; извѣстно, что передъ смертью наблюдается особенная ясность и глубина ума; болѣзнь какъ бы преддверіе смерти, отчего тогда болѣзни и не быть началомъ просвѣтленія? Чѣмъ больше страданій, тѣмъ больше истины. Доказательствомъ этому служитъ жизнь Леопарди, великаго итальянскаго поэта и пессимиста. И вотъ шагъ за шагомъ развертывается передъ нами жизнь полная страданій и страстнаго исканія истины и выраженія этой истины, горькой и безотрадной. „Языкъ человѣческій, возникшій изъ грезъ дѣтства или созданный легковѣріемъ, не способенъ передавать истины. Это, повидимому, хорошо поняли богословы, поэты, философы, дипломаты, потому что они употребляютъ слово только, чтобы воспроизводить сновидѣнія, самообманъ, выдумки, самовозвеличенія первыхъ вѣковъ. Леопарди посмѣлъ сдѣлать слово орудіемъ правды—смертельная смѣлость“. Но этотъ искатель правды во чтобы то ни стало, боровшійся столь мужественно со всякимъ самообманомъ, открывавшій за всѣми мнимыми правдами, въ которыя вѣритъ толпа, лежащую въ основѣ ихъ ложь, не могъ отказаться, отрицать одно—любовь. Онъ любилъ, и какъ ни горька была эта „чаша безсмертія“ для него, такъ горька, что онъ назвалъ женщину „звѣремъ безъ сердца“, онъ любилъ, „и память объ этой любви пережила все въ его душѣ, и оттого она и осталась благоуханной навсегда“. Для него „любовь—сонъ, исчезающій съ появленіемъ дня, но сонъ столь сладкій, что люди, только чтобы сохранить его, согласились бы съ радостью на вѣчную ночь. Увы, древніе идолы исчезли, пыль ихъ обломковъ покрывается землею, по которой мы ходимъ; цѣли, которыя нѣкогда могли увлекать молодость, сгинули въ буряхъ жизни; прекраснѣйшія мечты, затасканныя по перекресткамъ въ позорныхъ лицедѣйствахъ, стали предметомъ насмѣшки. Любовь—одно, что осталось для тѣхъ, кто входитъ въ этотъ опустошенный міръ“.

И вотъ нашелся человѣкъ, который занесъ руку и на любовь. „Сумасшедшій пессимистъ“ встрѣтился съ нимъ во франкфуртской пивной; онъ понялъ тогда, что „у самаго смѣлаго поэта не хватитъ мужества прикоснуться къ святому святыхъ и что для оскверненія его нужна рука философа“. Философъ, съ которымъ

судьба свела въ пивной будущаго государственнаго человѣка, былъ тогда уже извѣстенъ всей мыслящей Европѣ—это былъ Шопенгауеръ. Шалльмель-Лакуръ посвятилъ ему впослѣдствіи статью, открывшую нѣмецкаго философа французамъ *), и встрѣча, которую онъ имѣлъ съ нимъ, оставила, повидимому, неизгладимые слѣды на французскомъ пессимистѣ. Рѣчь Шопенгауера, приведенная пространно въ „размышленіяхъ пессимиста" и вкратцѣ въ статьѣ о Шопенгауерѣ, не представляетъ ничего новаго и есть собственно краткое изложеніе нѣкоторыхъ изъ его основныхъ взглядовъ. Шалльмель пробуетъ возражать противъ мрачнаго пессимизма философа ссылкою на любовь и получаетъ отвѣтъ: „Любовь это зло. Волненіе, которое восхищаетъ васъ, глубина, молчаніе—это только созерцаніе генія рода". И затѣмъ онъ разбиваетъ одну за другой мечты молодого слушателя о любви. Все, что кажется столь свѣтлымъ и прекраснымъ, въ основѣ одно—стремленіе рода продлить свое существованіе. Аскетъ, который и словомъ, и дѣломъ проповѣдуетъ безбрачіе—истинный спаситель, который стремится освободить человѣчество отъ этого позорнаго рабства. Примѣръ его могъ спасти людей, „но,—кончаетъ философъ,—женщины не захотѣли этого, вотъ почему я ихъ ненавижу".

Молодому французу нѣмецкій философъ показался пророкомъ съ его мрачной исповѣдью. Странно только, что его не удивила односторонность въ сужденіи философа—врядъ ли справедливо сваливать вину за сохраненіе рода человѣческаго на женщинъ: если бы философъ имѣлъ случай больше наблюдать ихъ, онъ бы нашелъ изъ нихъ гораздо болѣе вѣрныхъ союзницъ, чѣмъ среди мужчинъ единомышленниковъ. Намъ невольно припомнилось при этомъ рѣчь молодой дѣвушки, отказывающей любимому человѣку**).

„Видѣли вы, сказала она, портреты въ домѣ моихъ отцовъ? Смотрѣли вы на мою мать и на Фелине? Не останавливались развѣ глаза ваши на картинѣ надъ вашею кроватью? Та, съ которой писанъ этотъ портретъ, умерла вѣка тому назадъ, и она сдѣлала зло въ своей жизни. Но взгляните еще разъ на это изображеніе: это моя рука до послѣдней черточки, это мои глаза, мои волосы. Что-же мое и что-же я, если нѣтъ ни одного изгиба этого бѣднаго моего тѣла (которое вы любите и изъ-за котораго вы мечтаете, что любите меня), ни одного моего движенія, ни одного перелива моего голоса, ни одного взгляда моихъ глазъ, даже теперь, когда я говорю съ тѣмъ, кого люблю, которые не принадлежали бы уже другимъ? Другія, умершія уже вѣка тому назадъ, моими глазами привлекали другихъ мужчинъ; другіе муж-

---

*) Статья эта перепечатана въ концѣ книги; врядъ ли стоило это дѣлать, такъ какъ теперь она уже имѣетъ мало значенія (Un Bouddhiste contemporain en Allemagne. Arthur Schopenhauer).

**) *R. L. Stevenson*, Ollale.

2*

чины слышали мольбы того самаго голоса, который теперь звучитъ въ вашихъ ушахъ. На груди моей руки покойниковъ, онѣ двигаютъ мною, онѣ тянутъ меня, онѣ руководятъ мною; я игрушка, послушная ихъ власти; во мнѣ возродились черты и свойства, которыя давно уже успокоились отъ зла въ глубинѣ могилы. Любите вы меня, другъ мой, или мой родъ? Дѣвушку, которая не знаетъ и не можетъ отвѣчать за ничтожнѣйшую часть своего я? Или потокъ, котораго она преходящее русло, дерево, на которомъ она исчезающій плодъ? Родъ существуетъ, онъ древній и вѣчно юный, въ его груди вѣчная судьба; въ немъ, какъ волны на морѣ, человѣкъ слѣдуетъ за человѣкомъ съ обманчивымъ подобіемъ свободной воли, но они ничто эти люди. Мы говоримъ о душѣ человѣческой, но душа въ родѣ.

...Отцы мои восемь столѣтій тому назадъ властвовали надъ всей этой страной: они были мудры, велики, полны козней и жестоки; они были отборнымъ испанскимъ родомъ; за знаменами ихъ шли на войну войска, короли называли ихъ братьями, а народъ, когда они его вѣшали или жгли его лачуги, проклиналъ ихъ имя. Потомъ пришла перемѣна. Человѣкъ поднимается, и если онъ былъ первоначально звѣремъ, а потомъ поднялся до человѣка, то онъ можетъ и вновь спуститься до звѣрскаго состоянія. Они истомились и натянутыя струны ослабли. Они стали опускаться: умъ ихъ заснулъ, страсти прорывались только случайно и безсмысленно, какъ вѣтеръ, который носится въ горномъ ущельѣ. Красота продолжала передаваться, но безъ ума, который руководилъ ею, и безъ человѣческаго сердца; передавалось сѣмя, окутанное плотью, плоть покрывала кости, но то были плоть и кости звѣрей, а умъ ихъ былъ умъ мухи. Я говорю вамъ, какъ умѣю, но вы сами видѣли, какъ опустилось колесо судьбы моего обреченнаго на погибель рода. Я, среди этого паденія, стою, можетъ быть, на немного возвышенномъ мѣстѣ и вижу и впереди себя, и позади, вижу—и что мы потеряли, и на что осуждены въ нашемъ паденіи. И неужели я, я, которая живу чужою въ этомъ жилищѣ мертвецовъ, моемъ тѣлѣ, ненавидя пути его—неужели я опять оживлю его?.. Неужели я передамъ этотъ проклятый сосудъ человѣческій потомству, наполню его новой жизнью, какъ свѣжимъ ядомъ, и брошу его какъ огонь въ лицо потомкамъ? Нѣтъ, я поклялась, родъ мой исчезнетъ съ лица земли"...

Другія проявленія пессимизма Шалльмель-Лакуръ разсматриваетъ, освѣщая ихъ ссылками на взгляды Шекспира, Шелли, Байрона, Свифта, Паскаля, Шанфора, Гейне.

Шекспиръ, по его мнѣнію, смотритъ съ безстрастной, безотрадной высоты на человѣческую жизнь, потому что онъ видитъ: во первыхъ, что самый сильный, самый могущественный человѣкъ подъ давленіемъ того, что зовется судьбою, т. е. соединенія законовъ естественныхъ, соціальныхъ и пси-

хическихъ, то же, что хлѣбное зерно, растирамое жерновомъ; во-вторыхъ, „что, если есть страсть въ человѣкѣ, она становится для него всѣмъ—и руководящимъ провидѣніемъ, и обманывающей его любовницей, и совѣтникомъ, и тиранномъ его порабощающимъ“; въ третьихъ, что человѣкъ, у котораго нѣтъ страстей—ничто, самое жалкое и презрѣнное существо, упавшее ниже звѣря. Между тѣмъ, есть еще люди, которые думаютъ, что Шекспиръ съ улыбкою смотрѣлъ на жизнь! Они это думаютъ, потому что такъ думать удобно и спокойно. Они обставили свою жизнь мелочными удобствами, успокоились и провозгласили, что ихъ среда совершенство. Это самодовольное совершенство, обладающее многовѣковой свободой, громаднѣйшими богатствами и іоркской ветчиной, называется Англіей.

Когда въ ней появляется геніальный человѣкъ „онъ плюетъ на нее“, и она спѣшитъ отъ него отречься, преслѣдуетъ его, пока онъ живъ, а когда онъ умретъ, она кичится его славою Потому ея геніи такъ бурны и такъ полонъ возмущенія ихъ пессимизмъ. Проклятые, отвергнутые за то, что осмѣлились бросить горькую правду въ лицо успокоившимся на лицемѣрной лжи лицемѣрамъ, они порвали связь съ обществомъ и его установленіями, отказались отъ сказочной жизни полной радостей и почета, чтобы обличать ложь человѣческой жизни—одинъ изъ нихъ утонулъ въ волнахъ итальянскаго моря, другой погибъ въ далекой Греціи. Шелли и Байронъ!

„У воротъ Іерусалима стоитъ мрачное зданіе, къ которому вѣрующій мусульманинъ приближается со страхомъ. Это могила Давида. Говорятъ, что царь-пѣвецъ бесѣдуетъ здѣсь съ патріархами; никто не можетъ войти сюда, увидѣть царя и остаться живымъ. Когда старое зданіе грозитъ разрушеніемъ, власть взываетъ къ вѣрующимъ и обѣщаетъ тому, кто рѣшится проникнуть въ гробницу, вѣчное блаженство и—смерть. Страшное испытаніе, гдѣ вѣрующій отдаетъ на погибель и вѣру, и жизнь. Но есть испытаніе еще страшнѣе,—когда кто осмѣлится внести свѣточъ въ подземелья человѣческой вѣры и нравственности.“ Возмездіе за это—гибель и проклятіе, и что найдетъ человѣкъ такою страшною цѣною? Ничто. Искатели правды, безотрадной и жестокой, Шелли и Байронъ, ничего не убоялись и претерпѣли все. Какъ не понять, что отвернувшись отъ этой жизни, они нашли какое то подобіе счастья въ мірѣ своей фантазіи? Въ мірѣ, „гдѣ люди не носятъ личины, не боятся смерти, умѣютъ молча страдать и ждать, виновные или невинные, но всегда мягкіе и неодолимые, послѣдняго часа.“ Они могли, но не захотѣли принять участіе въ гражданской жизни ихъ великой страны, потому что стояли выше этой жизни. Но если они не узнали ее, то узналъ ее еще раньше ихъ другой великій писатель, узналъ и проклялъ, и возненавидѣлъ эту часть жизни, какъ возненавидѣли они *всю* жизнь.

Дѣтямъ дарятъ на праздники невинную, прелестную, забавную книжку—свифтовскаго Гулливера. Какая насмѣшка! Тотъ, кто написалъ эту книгу, родился съ умомъ смѣлымъ, способнымъ понять все прекрасное; онъ могъ создать великое,—но онъ бросился въ водоворотъ гражданской жизни, который разбилъ его и пришибъ, оставивъ „карликомъ, вращающимъ могучею, гнѣвною рукою палицу Геркулеса.“

„Есть двоякаго рода знатоки человѣческой природы: геніи созерцатели, взирающіе на нее сверху, почти не приходя въ соприкосновеніе съ нею, и люди, которыхъ случайности жизни бросали изъ стороны въ сторону и которые, благодаря этому, узнали жизнь собственнымъ опытомъ, такъ сказать во всѣхъ ея мелочахъ. У первыхъ пессимизмъ рождаетъ спокойную созерцательность, у вторыхъ онъ превращается въ мизантропію. Свифтъ—мизантропъ.“

Испытавшій гражданскую жизнь своихъ дней, перешедшій отъ одной партіи къ другой, онъ заглянулъ въ самую глубь тайниковъ партійной жизни и то, что онъ тамъ нашелъ, было ужасно и что еще ужаснѣе—все, что онъ говоритъ о партіяхъ своей страны и своего времени, въ сущности вѣрно для всѣхъ странъ и для всѣхъ народовъ, измѣнились только формы. Сколько ихъ, начинающихъ политическую жизнь умными, благородными, полными высокихъ мечтаній, возвышеннаго честолюбія; прочтите Свифта и вы узнаете, чѣмъ они становятся. Тутъ у Шалльмель-Лакура идутъ строки, полныя личной горечи: „надо войти въ эту борьбу партій, если хочешь еще жить общею жизнью и участвовать въ томъ, что еще осталось въ наши дни отъ жизни дѣйствія... О, еслибъ можно было остаться достаточно юнымъ, я чуть не сказалъ достаточно наивнымъ, чтобъ не видѣть всѣхъ жалкихъ сторонъ партійной жизни и всегда любить слѣпо свою партію, относиться довольно равнодушно къ истинѣ и умѣть всегда молчать о ней. Или, по крайней мѣрѣ, еслибъ возможно было, чтобъ, выйдя изъ всѣхъ этихъ испытаній, человѣкъ имѣлъ силу глядѣть на нихъ, какъ философъ или какъ поэтъ, съ величавымъ спокойствіемъ Гоббса или Мильтона. Быть можетъ, сонъ его тогда былъ бы крѣпче и онъ могъ бы въ сорокъ лѣтъ заснуть, не смотря на стукъ колесъ, и не надо было бы перебирать всѣ эти грустныя вещи, чтобы занять безсонныя ночи.“

Гдѣ же выходъ, за что ухватиться, когда все измѣняетъ? И онъ вспоминаетъ Паскаля, который считалъ, что „судьба человѣка—учиться съ трудомъ тому, что безполезно, вѣчно оставаться въ невѣдѣніи и даже не подозрѣвать, что онъ не знаетъ того единаго, что заслуживаетъ быть узнаннымъ“; думалъ такъ и все-таки былъ счастливъ. Что же служило для него источникомъ счастья? Вѣра, но увы это была вѣра, которую не получаетъ вся-

кій, кто хочетъ, ея можно было сподобиться, но добиться ея нельзя было. Здѣсь значитъ не исходъ. Да въ сущности исхода настоящаго и нѣтъ—остается одно, продолжать жить и дѣйствовать, не смотря ни на что. Тѣмъ и привлекательны и достойны такіе люди, какъ Шанфоръ; „я люблю скептиковъ, такихъ какъ Шанфоръ, которые дѣйствуютъ, какъ будто вѣрятъ". Краткимъ очеркомъ личности Шанфора въ сущности заканчиваются размышленія, потому что замѣтки о Гейне и поддѣлка подъ Раблэ гораздо болѣе блѣдны.

Шалльмель-Лакуръ не любитъ особенно, какъ мы видѣли въ началѣ, печатной бумаги, оттого его выборъ писателей пессимистовъ не великъ, но онъ совершенно достаточенъ для него: тѣ немногіе мыслители и поэты, которыхъ онъ выбралъ, съ полною убѣдительностью и всесторонне доказали ему старую давно извѣстную истину другого стариннаго пессимиста: „суета суетъ и все суета". Но ее, думаетъ французскій пессимистъ и общественный дѣятель, надо сохранить въ своемъ сердцѣ и жить и работать, какъ будто бы все было важно и не было „суеты суетъ". Конечно, ничего особенно новаго нѣтъ во всѣхъ этихъ размышленіяхъ Шалльмель-Лакура, и его характеристики великихъ умовъ, которыхъ онъ беретъ себѣ въ союзники, нѣсколько односторонни и пристрастны, но есть что-то глубоко привлекательное въ картинѣ внутренняго міра общественнаго дѣятеля нашихъ дней. Рядомъ съ шумною жизнью суетливаго рабочаго дня идетъ другая жизнь тихой, безсонной ночи въ уединеніи рабочей комнаты. Здѣсь идетъ провѣрка той первой жизни, попытка остаться вѣрнымъ правдѣ, стараться вникнуть мыслителемъ въ то, во что не могъ вникнуть дѣятелемъ. И какъ мучительны иногда эти часы провѣрки, потому что такъ часто они разбиваютъ все, что создавалось долгою, трудною работою и, что еще мучительнѣе, они разбиваютъ то, что надо будетъ продолжать завтра при свѣтѣ дня и при свѣтѣ этой провѣрки. Хотѣть правды и создавать ложь! И невольно рука протягивается къ книгѣ; столько жило и дѣйствовало людей, и какъ нибудь же они это примиряли? Изъ безчисленныхъ книгъ берутся тѣ, гдѣ можно найти мысли разочарованныхъ людей, можетъ быть, провѣркѣ удастся найти ошибки въ ихъ безотрадныхъ разсужденіяхъ, и одна за другою читаются эти книги и тяжелой вереницей проходятъ эти чужія „провѣрки". Онѣ только дополняютъ картину собственной провѣрки, да какъ иначе и быть? Вѣдь только, когда изъ страха передъ тѣмъ, что можешь найти, не доходишь до конца, покажется, что есть стороны жизни, которыя выдержатъ ножъ анализа. За правдой скрыто страданіе, какъ и за страданіемъ скрыта правда. Правда дороже всего, а правды можно добиться только доходя до глубины вещей, и правда эта очень часто некрасива и всегда почти безотрадна—въ этомъ

Шалльмель-Лакуръ былъ убѣжденъ. Можетъ быть, здѣсь и была его ошибка, можетъ быть, правда не всегда *въ концѣ* изслѣдованія и, можетъ быть, иногда правда и прекрасна, и радостна?

Сергѣй Ольденбургъ.

Замѣтка о новомъ учебникѣ русской исторіи.

Н. Рожковъ. **Учебникъ русской исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. М., 1901.**

Имя г. Рожкова небезъизвѣстно въ кругу спеціалистовъ по русской исторіи. Года два тому назадъ онъ выпустилъ въ свѣтъ большое изслѣдованіе по исторіи землевладѣнія въ московскомъ государствѣ, обратившее на себя вниманіе спеціальной критики. Въ числѣ другихъ критиковъ и намъ приходилось на страницахъ „Русскаго Богатства“ указывать на это изслѣдованіе, какъ на цѣнное пріобрѣтеніе русской исторической науки. Теперь авторъ его выступилъ съ новымъ трудомъ, уже не спеціально ученаго, а научно-педагогическаго характера. Издавая свой „учебникъ русской исторіи“, г. Рожковъ, несомнѣнно, шелъ на встрѣчу давно назрѣвшей потребности. Существующія и распространенныя у насъ школьныя руководства по русской исторіи въ громадномъ большинствѣ случаевъ либо уже устарѣли, либо имѣютъ весьма мало общаго съ научной исторіей, и это обстоятельсто не мало содѣйствуетъ тому, что между послѣдней и исторіей, какъ предметомъ преподаванія въ средней школѣ, на дѣлѣ лежитъ глубокая пропасть. Приблизить школьное преподаваніе къ дѣйствительному содержанію науки—необходимо, и скорѣе всего это можетъ быть достигнуто, конечно, усиліями самихъ ученыхъ спеціалистовъ. Въ виду этого предпринятая г. Рожковымъ попытка дать въ формѣ учебника популярное изложеніе русской исторіи способна вызвать серьезный интересъ, тѣмъ болѣе, что его учебникъ по своему плану и содержанію далеко уклоняется отъ господствующихъ въ этой области шаблоновъ. По словамъ автора, „цѣль историческаго образованія,—безразлично, въ средней или высшей школѣ или дома,—заключается въ томъ, чтобы ознакомиться въ цѣльномъ и связномъ изложеніи съ процессомъ развитія явленій общественной жизни, разумѣя подъ послѣднимъ не событія или прагмати-

ческіе факты, а состоянія или культурныя явленія" (3). Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этимъ принципомъ онъ и построилъ свой учебникъ, удѣливъ въ немъ прагматической исторіи лишь ничтожное мѣсто сравнительно съ культурной. Весь учебникъ его раздѣленъ на семь главъ. Въ первой изъ нихъ авторъ говоритъ о природѣ и населеніи восточно-европейской равнины въ IX в. по Р. Х., а въ шести слѣдующихъ излагаетъ исторію кіевской Руси, удѣльнаго пеірода, западной и юго-западной Руси въ XVI—XVII вв., московскаго государства, „новой крѣпостной Россіи", какъ онъ опредѣляетъ время съ начала XVIII до половины XIX в. и, наконецъ, новѣйшаго періода, отъ реформъ имп. Александра II до нашихъ дней. Внутри каждаго изъ этихъ шести отдѣловъ авторъ придерживается одного и того же опредѣленнаго порядка, разсматривая сперва характеръ хозяйства въ данномъ періодѣ, затѣмъ спеціальный составъ общества, состояніе государства, его управленіе и законодательство, положеніе церкви и, наконецъ, внѣшнюю политику.

Ранѣе, чѣмъ обратиться къ разбору фактическаго содержанія, вложеннаго авторомъ въ эти рамки, мы считаемъ небезполезнымъ сдѣлать еще одно предварительное замѣчаніе. Г. Рожковъ предназначаетъ свой учебникъ одновременно для употребленія въ средней школѣ и для самообразованія. Онъ даже печатаетъ на обложкѣ своей книги слова: „для самообразованія" особо крупнымъ шрифтомъ, какъ бы указывая этимъ на ея преимущественную цѣль. Несомнѣнно, вполнѣ возможны учебники, одновременно преслѣдующіе обѣ указанныя задачи, но, конечно, не всякій типъ учебника одинаково годенъ для этого. По мнѣнію г. Рожкова, учебникъ долженъ стоять въ тѣсной связи съ совершающейся подъ руководствомъ преподавателя классной работой учениковъ и содержаніе учебника „должно состоять, во первыхъ, въ сжатой и точной формулировкѣ обобщеній, явившихся результатомъ школьной работы, и, во вторыхъ, въ минимальномъ, необходимомъ лишь для ясности, количествѣ хорошо подобранныхъ и кратко намѣченныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ эти обобщенія". Слѣдуя этой мысли, самъ г. Рожковъ „менѣе всего стремился замѣнить своимъ учебникомъ преподавателя, на долю котораго приходится, напротивъ, усиленная и непрерывная работа" (4). Но тѣмъ самымъ онъ, очевидно, сдѣлалъ свой учебникъ непригоднымъ для цѣлей самообразованія, при которомъ знакомство съ учебникомъ не предваряется работою преподавателя. Дѣйствительно, уже одна чрезмѣрная краткость изложенія въ связи съ постояннымъ стремленіемъ автора избѣжать фактическихъ сообщеній, ограничиваясь лишь обобщающими формулами, лишаютъ книгу г. Рожкова возможности явиться сколько нибудь пригоднымъ пособіемъ для самообразовательнаго чтенія. Съ другой стороны, стараніе автора подогнать свой учебникъ исключительно къ ин-

тересамъ средней школы въ современномъ ея видѣ отозвалось и съуженіемъ содержанія книги. „Въ текстъ учебника,—говоря словами самого его автора,—внесено изложеніе только процессовъ экономическаго, соціальнаго и политическаго развитія Россіи; исторія христіанской догматики и ересей, равно какъ и исторія литературы, не вошли въ учебникъ, такъ какъ то и другое служатъ предметомъ особаго изученія на урокахъ Закона Божія и русской словесности“ (5). Для книги, предназначенной, по плану автора, служить пособіемъ при самообразованіи, подобный мотивъ едва-ли могъ имѣть значеніе. Но слѣдуетъ прибавить, что г. Рожковъ не ограничился исключеніемъ изъ своего учебника исторіи литературы и христіанской догматики. Онъ также исключилъ изъ своего изложенія и вообще исторію умственнаго развитія, равно какъ и всю исторію нравовъ. Чѣмъ вызвано это исключеніе,—авторъ уже не объясняетъ.

Но отъ того, чего не даетъ книга г. Рожкова, намъ пора перейти къ тому, что она даетъ. Ограничивъ свою задачу изложеніемъ экономическаго, соціальнаго и политическаго развитія Россіи, г. Рожковъ въ этихъ рубрикахъ сообщаетъ болѣе общія и болѣе согласованныя съ научной литературой свѣдѣнія, нежели тѣ, какія можно встрѣтить въ большинствѣ распространенныхъ у насъ школьныхъ руководствъ. При этомъ его изложеніе, вначалѣ очень краткое, постепенно, по мѣрѣ приближенія къ новымъ временамъ, становится подробнѣе, хотя неизмѣнно сохраняетъ конспективный характеръ, а временами переходитъ даже въ простую номенклатуру. Прямыхъ фактическихъ ошибокъ въ немъ немного, но вполнѣ уберечься отъ нихъ г. Рожковъ все же не съумѣлъ. Такъ, напримѣръ, онъ внесъ въ свою книгу весьма сомнительный фактъ покупки Иваномъ Калитою Бѣлозерска, Галича и Углича (29). Еще болѣе странно читать въ учебникѣ, составленномъ спеціалистомъ, утвержденіе, будто польское liberum veto представляло собою „право каждаго шляхтича объявить недѣйствительными всѣ постановленія сейма, если онъ съ ними былъ несогласенъ“ (86). Предварительную цензуру г. Рожковъ опредѣляетъ, какъ совершаемую „до выхода въ свѣтъ“ изданія, и въ этомъ видитъ ея отличіе отъ цензуры, установленной при императорѣ Александрѣ II для столичныхъ газетъ и журналовъ (100). Какъ извѣстно, однако, въ Россіи всякая цензура, а не только предварительная, имѣетъ мѣсто до выхода изданія въ свѣтъ. Но, повторяемъ, подобныхъ ошибокъ въ изложеніи фактовъ у г. Рожкова встрѣчается немного. Фактическая сторона исторіи и вообще, впрочемъ, играетъ въ его изложеніи весьма невидную и подчиненную роль и является даже, пожалуй, черезчуръ отодвинутою на заднiй планъ въ ущербъ содержательности учебника. Соотвѣтственно этому и ея недочеты имѣютъ мало важности въ книгѣ г. Рожкова. Важнѣе въ послѣдней не-

дочеты другого рода. Выдвигая на первый планъ не прагматическую, а культурную исторію, авторъ, естественно, долженъ былъ обратить большое вниманіе на разъясненіе своимъ читателямъ общихъ понятій, входящихъ въ составъ послѣдней. При этомъ такія разъясненія далеко не всегда оказываются у него вполнѣ удачными. На первыхъ же страницахъ своей книги г. Рожковъ даетъ такое опредѣленіе системъ земледѣльческаго хозяйства: „когда пріемы и средства (хозяйства) несложны, когда хозяйство не требуетъ большого труда и значительнаго капитала, то система хозяйства называется экстенсивной; когда же необходимы большой трудъ и значительный капиталъ, то система хозяйства носитъ названіе интенсивной“ (12). Политико-экономы и сельскіе хозяева едва-ли согласятся съ такимъ опредѣленіемъ экстенсивнаго и интенсивнаго земледѣлія. Въ свою очередь юристы и соціологи врядъ-ли будутъ удовлетворены тѣмъ опредѣленіемъ государства, какое даетъ своимъ читателямъ г. Рожковъ. „Государствомъ, говоритъ онъ, называется такой общественный союзъ, который основанъ на началѣ власти или господства, или, иначе, государство—это общественный союзъ господства“. „Древнѣйшее государство, непосредственно продолжаетъ онъ, есть союзъ личнаго, а не общественнаго господства“. Итакъ, древнѣйшее государство не было государствомъ? Г. Рожковъ какъ бы не замѣчаетъ этого вывода и безжалостно ставитъ читателю новую загадку. „Главное значеніе въ русскомъ государствѣ IX — XII вв., говоритъ онъ, принадлежало вѣчу или собранію всѣхъ свободныхъ людей въ городѣ“ (17). Какимъ образомъ собраніе всѣхъ свободныхъ людей служило органомъ „союза личнаго господства“,— этого авторъ уже не разъясняетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него, повидимому, совершенно ускользаетъ то обстоятельство, что три его опредѣленія, поставленныя рядомъ, взаимно уничтожаютъ одно другое. Не говоримъ уже о томъ, что и опредѣленіе вѣча, какъ „собранія всѣхъ свободныхъ людей“, а не однихъ только главъ семей, неправильно. Такою же неудовлетворительностью и неполнотою страдаютъ и многія объясненія, даваемыя авторомъ явленіямъ спеціально русской исторіи. Такъ, онъ говоритъ о происхожденіи помѣстья, но относительно вотчины довольствуется опредѣленіемъ ея характера, ничего не говоря объ условіяхъ ея возникновенія (25—6). Его объясненіе измѣненій въ податной системѣ московскаго государства, вплоть до реформы Петра В., настолько неясно и сбивчиво, что его врядъ-ли будетъ въ состояніи понять не только ученикъ, но и преподаватель, незнакомый съ спеціальными трудами по этому вопросу; преподавателю же, знакомому съ такими трудами, придется совершенно отбросить объясненіе г. Рожкова. Говоря о церковныхъ партіяхъ въ московской Руси XV—XVI вв., авторъ довольствуется лишь результатами ихъ ученій, не восходя къ источнику послѣднихъ

(37—8). Подобнымъ же образомъ, объясняя расколъ, онъ видитъ его причину исключительно въ томъ, что „многіе приверженцы старины не признавали новыхъ книгъ правильными" и „увлекли за собою часть духовенства и народа, вообще тяготившагося своимъ положеніемъ вслѣдствіе утвержденія крѣпостнаго права и злоупотребленій со стороны воеводъ и другихъ властей" (62). Подобныхъ примѣровъ неполнаго объясненія фактовъ можно было бы привести изъ книги г. Рожкова еще не мало, но мы ограничимся лишь однимъ. Поясняя замѣну въ Судебникѣ Ивана III денежныхъ пеней за уголовныя преступленія казнями и тѣлесными наказаніями, онъ замѣчаетъ: „это указываетъ на то, что преступленіе перестало пониматься только какъ матеріальный вредъ, но стало признаваться вредомъ нравственнымъ" (36). Такимъ образомъ, все огрубѣніе нравовъ, сказавшееся во введеніи тѣлесныхъ наказаній, какъ бы не существуетъ для г. Рожкова и, сосредоточивая вниманіе лишь на одной сторонѣ объясняемаго имъ процесса, онъ придаетъ этому процессу исключительно прогрессивный характеръ.

Послѣднее указаніе приводитъ насъ къ новому и, быть можетъ, самому важному ряду замѣчаній. Нѣкоторая неясность теоретическихъ положеній автора и наклонность его къ поспѣшнымъ и рѣшительнымъ обобщеніямъ, отразившіяся отчасти и въ приведенныхъ уже примѣрахъ, особенно ярко сказались въ той связи, какую онъ устанавливаетъ между историческими явленіями. Но ранѣе, чѣмъ говорить объ этой сторонѣ учебника г. Рожкова, намъ надо привести объясненіе, данное ей самимъ авторомъ. „Въ учебникѣ, предназначенномъ для средней школы и первоначальнаго самообразованія,—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи,—критическое изложеніе немыслимо, здѣсь неизбѣжна догматичность. Само собой разумѣется, что при этомъ необходимо должны сказаться личныя научныя воззрѣнія составителя. Это совершенно неустранимо, такъ что авторъ не желаетъ даже и оправдываться противъ возможнаго, но не имѣющаго реальнаго значенія упрека въ субъективизмѣ" (4). Заявленіе г. Рожкова очень рѣшительно, но едва ли очень основательно. Догматичность изложенія еще не тождественна съ субъективизмомъ. Послѣдній имѣетъ въ наукѣ свои, строго опредѣленныя границы, а въ учебникѣ эти границы необходимо становятся еще болѣе тѣсными. Въ учебникѣ для средней школы, конечно, немыслимы, говоря словами г. Рожкова, „критическое изложеніе науки, разборъ чужихъ взглядовъ и обстоятельная мотивировка своихъ", но вездѣ, гдѣ составитель учебника уклоняется отъ общепринятыхъ въ наукѣ взглядовъ, онъ долженъ опираться на такую мотивировку своихъ воззрѣній, данную гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. При несоблюденіи этого правила открывается, дѣйствительно, широкій просторъ для субъективизма, легко могущаго перейти и въ полный произволъ. Г. Рожковъ

весьма мало считается съ указаннымъ соображеніемъ и благодаря этому его книга мѣстами напоминаетъ не столько догматическое изложеніе науки, сколько изложеніе догматовъ. Авторъ рѣшительно и безповоротно высказываетъ такія сужденія о характерѣ историческихъ явленій и ихъ взаимной связи, развитія которыхъ напрасно было бы искать въ научной литературѣ, и читателю предоставляется принимать эти сужденія на вѣру. Нерѣдко придавая оригинальное освѣщеніе и истолкованіе фактамъ экономической исторіи Россіи, г. Рожковъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ остальныя явленія народной жизни выводитъ непосредственно изъ состоянія народнаго хозяйства и его измѣненій. При томъ ограниченіи историческаго матеріала процессами экономическаго, соціальнаго и политическаго развитія, какое принято г. Рожковымъ въ его учебникѣ, подобное сведеніе явленій исторіи къ экономическимъ причинамъ встрѣчаетъ, конечно, нѣсколько меньше затрудненій, нежели въ томъ случаѣ, когда оно примѣняется ко всѣмъ безъ исключенія сторонамъ народной и государственной жизни. Но, съ одной стороны, г. Рожковъ, излагая общій ходъ русской исторіи, не всегда умѣлъ удержаться въ тѣхъ рамкахъ, какія онъ себѣ поставилъ, а съ другой,—онъ, даже и оставаясь въ этихъ рамкахъ, нерѣдко покупаетъ строгое и послѣдовательное проведеніе указаннаго взгляда цѣною чисто догматическихъ утвержденій, плохо согласованныхъ съ научной литературой и выражающихъ лишь его личные взгляды. Въ результатѣ вмѣсто дѣйствительнаго объясненія историческихъ явленій читатель учебника г. Рожкова нерѣдко получаетъ краткія, но бездоказательныя и мало понятныя формулы, причемъ частое повтореніе въ этихъ формулахъ слова „необходимость“ отнюдь не способствуетъ уясненію закономѣрности историческаго процесса, вскрывая лишь въ авторѣ нѣкоторую наклонность къ фатализму. Для иллюстраціи сказаннаго мы позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ. Говоря о разселеніи славянъ по восточно-европейской равнинѣ, г. Рожковъ рѣшительно утверждаетъ, что въ это время землею владѣли отдѣльныя семьи на началахъ вольнаго захвата (12—13). Едва ли бы, однако, ему удалось доказать это утвержденіе передъ судомъ сколько-нибудь строгой исторической критики. „Отсутствіе сословій и неопредѣленное, неразвитое, безпорядочное государственное устройство“ кіевскаго періода, по его словамъ, были „слѣдствіями господства въ народномъ хозяйствѣ добывающей промышленности и скотоводства, не требующихъ сложной организаціи хозяйства, не пріучающихъ къ порядку“ (19). Наоборотъ, переходъ къ земледѣлію самъ по себѣ явился, по мнѣнію автора, причиною того распредѣленія земельной собственности, которое присуще было восточнымъ и западнымъ русскимъ землямъ въ XIII—XV вв. (25—26). Зарожденіе крѣпостничества въ Западной Руси XV в. объясняется „зарожденіемъ денежнаго

хозяйства при господствѣ земледѣлія“: „землевладѣльцамъ выгодно имѣть барскую запашку, потому что появляется хлѣбный рынокъ, а такъ какъ денегъ еще слишкомъ мало, чтобы можно было платить вольнонаемнымъ рабочимъ, то необходимъ крѣпостной трудъ“ (26). „Московскіе князья, замѣчаетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ, объясняя возвышеніе Москвы, были прекрасными хозяевами, что было необходимо при господствѣ земледѣлія въ народномъ производствѣ“ (31). Остается спросить, для кого это было необходимо. Но еще болѣе удивительно другое утвержденіе автора, что „для большей прочности политической уніи Польши съ Литовской Русью необходима была унія церковная“ (42). Какъ извѣстно, именно эта церковная унія послужила одной изъ главныхъ причинъ, оторвавшихъ южную Русь отъ Польши, но г. Рожковъ въ увлеченіи прямолинейной идеей необходимости, порождаемой экономическимъ развитіемъ, не замѣчаетъ такихъ мелочей. Мы долго не кончили бы, если бы вздумали перечислить всѣ подобныя утвержденія автора, не находящія себѣ опоры въ научной литетатурѣ, а подчасъ стоящія и въ прямомъ противорѣчіи съ нею. Поэтому мы удовольствуемся лишь двумя примѣрами, которые могутъ показать, какъ рѣшительно идетъ г. Рожковъ по пути объясненія всѣхъ явленій изъ одного самодовлѣющаго экономическаго процесса и какъ легко готовъ онъ въ этихъ объясненіяхъ удовлетвориться голой формулой, лишенной всякаго живого содержанія. Объясняя возникновеніе крѣпостного права въ Россіи одними чисто экономическими причинами, онъ въ послѣднихъ находитъ и чрезвычайно простую разгадку того факта, что въ Западной Европѣ крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, а въ Россіи онъ оказался прикрѣпленнымъ къ личности землевладѣльца. Дѣло въ томъ, что „на западѣ Европы въ XII—XIII вв. зародилось денежное городское хозяйство, т. е. хозяйство съ мѣстнымъ небольшимъ рынкомъ, и необходимо было обезпечить для каждаго небольшого района постоянный и опредѣленный составъ и рабочихъ, и покупателей“, а „въ Россіи XVI в. не было такой изолированности, особности рынковъ вслѣдствіе множества рѣчныхъ путей и удобства саннаго пути зимой и здѣсь, напротивъ, необходимо было постоянное передвиженіе рабочихъ и покупателей“ (49). Въ представленіи автора крѣпостное право со всѣми его характерными отличіями выросло, такимъ образомъ, изъ одного интереса землевладѣльцевъ, безъ участія всякихъ другихъ силъ. При этомъ онъ какъ бы забываетъ и то, что крѣпостное право при своемъ возникновеніи въ Россіи было направлено какъ разъ противъ „постояннаго передвиженія рабочихъ“, и то, что въ XVI в. крѣпостное право далеко еще не было прикрѣпленіемъ крестьянина къ личности землевладѣльца. Въ другомъ случаѣ, говоря о секуляризаціи монастырскихъ именій при Екатеринѣ II, авторъ поясняетъ этотъ фактъ тѣмъ, что „денежное

хозяйство, требующее свободы перехода земли отъ одного владѣльца къ другому, повело къ уничтоженію монастырской вотчины", и оставляетъ читателя въ полномъ недоумѣніи, какъ эта формула можетъ быть примѣнена къ данному случаю (67-8). При такихъ условіяхъ преподаватель, который рѣшился бы руководиться при своихъ занятіяхъ учебникомъ г. Рожкова и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовалъ бы вполнѣ правильному совѣту автора насчетъ собственной „усиленной и непрерывной работы", оказался бы въ трудномъ и странномъ положеніи, такъ какъ въ результатѣ этой работы ему пришлось бы постепенно отбрасывать главныя положенія учебника. Но таковъ естественный результатъ чрезмѣрнаго субъективизма автора, положившаго въ основаніе учебника такую теорію, которая не только не является общепризнанной въ наукѣ, но съ точки зрѣнія которой содержаніе послѣдней ни разу не было систематически изложено.

Нашъ отчетъ о книгѣ г. Рожкова разросся до болѣе значительныхъ размѣровъ, чѣмъ мы сами ожидали. Надѣемся, читатель извинитъ насъ въ виду интереса той попытки, разбору которой посвящена настоящая замѣтка. Попытку эту, на нашъ взглядъ, приходится признать рѣшительно неудавшеюся. Объ этомъ, намъ кажется, стоитъ пожалѣть и стоитъ пожелать, чтобы г. Рожковъ возобновилъ ее. У него, несомнѣнно, есть данныя для рѣшенія трудной задачи, за которую онъ взялся, но именно въ виду трудности и важности этой задачи къ ней необходимо приступать съ большею осторожностью и обдуманностью.

В. Мякотинъ.

Новыя книги.

П. П. Гнѣдичъ. Купальные огни. Романъ. Спб. 1901.

Читатель, вѣроятно, помнитъ въ романѣ „Война и миръ" описаніе одного торжественнаго именинного обѣда у графа Ростова. Въ числѣ обѣдавшихъ находилась гувернантка съ хозяйскими дѣтьми, которая безпрестанно съ безпокойствомъ озиралась вокругъ себя и, если кто нибудь заговаривалъ съ нею или съ ея питомцами, немедленно принимала такой видъ, какъ будто защищалась отъ оскорбленій. Никто изъ гостей и не думалъ, разумѣется, оскорблять ни ее, ни дѣтей, но бѣдная гувернантка не могла справиться съ своей ажитаціей и до конца обѣда все только тре-

вожилась неизвѣстно за кого и обижалась неизвѣстно за что. Да, именно *бѣдная* гувернантка, жалкая въ своей мнительности, несчастная отъ своей безпричинной подозрительности. Она заслуживаетъ состраданія, потому что она всего въ какихъ нибудь двухъ шагахъ стоитъ отъ той черты, за которой начинается уже настоящая душевная болѣзнь, извѣстная подъ именемъ маніи преслѣдованія.

Въ литературѣ нашей существуетъ цѣлая группа писателей (къ счастью, не очень многочисленная), живѣйшимъ образомъ напоминающихъ эту гувернантку, эскизно, но въ высшей степени мастерски, обрисованную Толстымъ. По внѣшности судя, казалось бы, этимъ господамъ нечего безпокоиться, не на что сердиться: работаютъ они, обыкновенно, въ богатыхъ газетахъ и журналахъ, такъ что гонорары, надо полагать, получаютъ не малые, имѣютъ свой—и вовсе не малочисленный—кругъ читателей и даже почитателей, которые усердно раскупаютъ ихъ произведенія въ отдѣльныхъ изданіяхъ, пользуются вообще успѣхомъ и извѣстностью—и тѣмъ не менѣе они недовольны, а отъ недовольства—раздражительны и мнительны. Отчего это? По нашему мнѣнію, отъ рѣзкаго несоотвѣтствія между ихъ силами и ихъ претензіями. Эти силы, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, могутъ быть дѣйствительно очень значительны и даже громадны, но онѣ имѣютъ свой предѣлъ, тогда какъ шальнымъ претензіямъ никакого предѣла не полагается. Вотъ, наприм., Достоевскій. Безъ сомнѣнія, это былъ яркій первоклассный талантъ, но неужели онъ не былъ смѣшенъ и страненъ, когда, по разсказу Панаева, требовалъ отъ Некрасова, издателя „Петербургскаго Сборника“, чтобы его, еще въ рукописи нашумѣвшая повѣсть „Бѣдные люди“ была помѣщена въ „Сборникѣ“ непремѣнно или въ самомъ началѣ или въ самомъ концѣ и при томъ для вящаго отличія отъ другихъ статей „Сборника“, была обведена черной узорчатой каймой? Панаевъ добродушно посмѣялся впослѣдствіи надъ этой претензіей начинавшаго писателя:

Будешь ты доволенъ мною,
Поступлю я какъ подлецъ:
Обведу тебя каймою.
Помѣщу тебя въ конецъ.

Такъ будто бы *пропѣлъ* издатель „Сборника“ (т. е. Некрасовъ), хлопая Достоевскаго по плечу. Или вотъ другой примѣръ, гораздо болѣе мелкій, но за то гораздо болѣе свѣжій. Когда умеръ Данилевскій, историческій романистъ, господамъ Мордовцеву и Саліасу равный, въ газетахъ, какъ водится, появились о немъ разныя замѣтки, воспоминанія, и въ „Новостяхъ“ было разсказано, что Данилевскій былъ недоволенъ одной критической о его произведеніяхъ статьей, несуразный авторъ которой сравнивалъ его со Львомъ Толстымъ. Дѣйствительно, обидно: Григорій Дани-

левскій и Левъ Толстой! „Мировичъ“ и „Война и миръ“! Если это не было со стороны Данилевскаго простымъ маневромъ, которымъ онъ хотѣлъ маскировать свое восхищеніе, то что же это, какъ не манія величія, отъ которой только шагъ до маніи преслѣдованія: вспомните только гоголевскаго Поприщина. Онъ ужъ сшилъ себѣ изъ своего вицъ-мундира мантію, достойную короля испанскаго, а его бьютъ палкой и капаютъ ему на темя холодную воду. Конечно, это происки Пальмерстона, который поклялся въ вѣчной къ нему, Поприщину, ненависти и, вотъ, вредитъ и вредитъ.

Г. Гнѣдичу тоже мерещится, что ему кто-то вредитъ, и вредитъ, главнымъ образомъ, кажется, русская критика, которая относится къ нему отнюдь не какъ къ королю, а видитъ въ немъ обыкновеннаго титулярнаго совѣтника. На рубль амбиціи, на грошъ аммуниціи—эта поговорка довольно вѣрно характеризуетъ писателей того типа, къ которому мы относимъ г. Гнѣдича. Не надо только понимать ее въ буквальномъ смыслѣ. Аммуниція Достоевскаго была богата и блестяща, но такъ какъ онъ требовалъ себѣ почестей, подобающихъ развѣ Юлію Цезарю или Наполеону I, то пропорція остается правильной. Точно также и у г. Гнѣдича: его аммуниція стоитъ не грошъ, а, по крайней мѣрѣ, полтинникъ, но такъ какъ онъ обнаруживаетъ амбиціи на цѣлую сторублевку, то пропорція опять сохраняется—въ сторублевкѣ какъ разъ столько рублей, сколько въ полтинникѣ грошей. Всѣ стихіи художественнаго таланта имѣются у г. Гнѣдича, но въ такихъ количествахъ, которымъ красная цѣна именно всего только пятьдесятъ копѣекъ. Вотъ, напр., образчики юмора г. Гнѣдича: „...коверъ, висѣвшій на стѣнѣ и изображавшій русскую пляску, причемъ лицо плясавшей дѣвушки болѣе напоминало карту Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ существо, созданное по образу и подобію божію“ (108). „Губернаторъ былъ такъ мягокъ и сладокъ, что казался разведеннымъ на малиновомъ сиропѣ и ему особенно былъ тяжелъ Невмятулинъ (одинъ изъ главныхъ героевъ романа, писатель), отъ котораго отдавало крутой кашей съ лукомъ“ (114). „Бѣлуновъ пошелъ въ ходъ въ послѣднее время и даже какъ будто разыгрывалъ въ московскихъ кружкахъ какую то роль. Въ училищѣ звали его „шибсомъ“ (?) и щелкали его по носу. Именно поэтому онъ и сталъ теперь, по слухамъ, держать носъ насколько можно выше“ (229). Не менѣе силенъ г. Гнѣдичъ и по части глубокомыслія, къ которому онъ питаетъ такую же склонность, какъ и къ юмору. Но склонность склонностью, амбиція амбиціей, однако, г. Гнѣдичъ какъ будто самъ чувствуетъ, что онъ не очень силенъ въ этой области и потому изобрѣлъ пріемъ, который заранѣе ограждаетъ автора отъ всякихъ нареканій. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что персонажи романа преглубокомысленно о чемъ нибудь разсуждаютъ на цѣломъ десяткѣ страницъ и въ за-

ключеніе кто нибудь изъ нихъ и брякнетъ: „ахъ, какую чепуху мы городимъ!" Такъ, на стр. 730 нѣкто завершаетъ свои умныя рѣчи такимъ восклицаніемъ: „съ чего это я философствую предъ вами? И философствую-то по дѣтски, какъ недоучившійся семинаристъ", а на стр. 736 другой нѣкто справедливо замѣчаетъ: „сколько мы съ вами вздора наговорили,—весело сказалъ онъ. Забудьте, пожалуйста, про нашъ разговоръ". Вотъ какой удобный пріемъ! Читатель, быть можетъ, самъ только что хотѣлъ замѣтить о *глупомъ философствованіи*, но его съ *веселымъ юморомъ* предупреждаетъ авторъ и говоритъ: забудьте, пожалуйста. Забыть мы, конечно, забудемъ, но всетаки недоумѣваемъ: вы-то, г. Гнѣдичъ, зачѣмъ такъ тщательно записываете глупости, которыя сами же просите поскорѣй забыть?

Разумѣется, это только façon de parler автора. Въ глубинѣ души г. Гнѣдичъ убѣжденъ, что его герои философствуютъ не глупо, а очень даже умно, говорятъ не вздоръ, а новую и оригинальную правду. Мы заключаемъ это изъ того, что когда г. Гнѣдичъ философствуетъ непосредственно отъ своего лица, онъ оказывается ничуть не выше своихъ философствующихъ персонажей, но нигдѣ не спохватывается и не говоритъ: „какой я вздоръ пишу! Забудьте, читатель, пожалуйста". Нѣтъ, онъ философствуетъ вполнѣ серьезно и даже не безъ самодовольствія, философствуетъ, напр., въ такомъ родѣ: „Въ ребяческіе годы такъ ясна связь человѣка съ природой. Гейне говоритъ, что ребенокъ потому такъ любитъ деревья, что помнитъ яснѣе, чѣмъ взрослый то время, когда самъ былъ деревомъ. Потомъ, съ годами, эта связь распадается и много лѣтъ нужно, чтобъ, совершивъ огромный кругъ, человѣкъ снова вернулся къ своему первоисточнику (т. е. къ дереву)? Часто бываетъ, что земное странствіе оканчивается прежде, чѣмъ этотъ кругъ бываетъ пройденъ,—и новаго соединенія съ своимъ началомъ (съ деревомъ?) такъ и не происходитъ. Но еще чаще бываетъ, что человѣкъ вдругъ начинаетъ понимать, что онъ и природа—звено неразрывное" (382—83). Вотъ какое глубокомысліе!

Нервная раздражительность и какое-то странное озлобленіе мѣшаетъ г. Гнѣдичу и логично разсуждать, и спокойно писать. Озлобленіе это направлено не только противъ критиковъ и рецензентовъ (что ужъ мы! Мы тѣ, которыхъ въ литературѣ никто не любитъ и все бездарное клянетъ!), но и вообще противъ литераторовъ. Вотъ, напр., какъ живописуетъ г. Гнѣдичъ одинъ юбилейный обѣдъ въ честь какого-то издателя. „Тотчасъ же приступили къ закускѣ. Татары-касимовцы давно ужъ не видѣли у гостей такой прожорливости. Они, какъ саранча, накинулись на все, что было поставлено на столѣ, безъ всякаго разбора.—Касимовцы сразу почувствовали презрѣніе къ обѣдающимъ" (271). Презрѣніе это отъ всего сердца раздѣляетъ и г. Гнѣдичъ.

Да и какъ не презирать? Юбиляръ-издатель „ежеминутно подносилъ руку къ тому карману, гдѣ у него лежалъ бумажникъ, и удостовѣрялся—тутъ ли онъ,—не вытащили ли его какъ-нибудь“. Это напечатано на стр. 278. Господинъ литераторъ Гнѣдичъ! Неужели перечитывая эти строки, вы не краснѣли отъ стыда за самого себя?

Однако замѣтитъ намъ читатель, вы говорите только о частностяхъ, хотя и характерныхъ для автора. Но въ чемъ сюжетъ и въ чемъ идея романа? И что означаетъ собою самое заглавіе романа—„Купальные огни“? Купальные огни, отвѣтимъ мы, это тѣ костры, которые раскладываются въ деревняхъ въ ночь на Ивана Купала. Какъ предметы неодушевленные, они ровно никакой роли въ романѣ не играютъ, и почему авторъ назвалъ ихъ именемъ свое произведеніе, намъ неизвѣстно. Что же касается сюжета и идеи романа г. Гнѣдича, то мы не говоримъ о нихъ потому, что въ романѣ змѣинаго шипа сколько угодно, но идеи въ этомъ шипѣ нѣтъ ровно никакой, какъ нѣтъ и сюжета. Это не романъ, а беллетристическій пасквиль—вотъ нашъ окончательный выводъ.

Ф. К. Поповъ. Сборникъ стихотвореній «Въ часы досуга». Варшава. 1901 г.

Сказать, что г. Поповъ хорошій поэтъ, значило-бы сильно погрѣшить противъ истины.

Офицеры должны избѣгать
Осложнять пустяки непремѣнно
И къ дуели тогда прибѣгать,
Когда честь пострадала навѣрно,—

—пишетъ онъ на первой-же страницѣ сборника своихъ стихотвореній, украшеннаго затѣйливой виньеткой, съ крылатымъ амуромъ въ уголкѣ. Въ рукахъ у амура книга, на обложкѣ которой написано: „поэзія“. Въ сущности, однако, было-бы правильнѣе украсить виньетку болѣе воинственными символами, а въ руки амура (если ужъ онъ неизбѣженъ) дать воинскій уставъ, такъ какъ почти вся книжка стиховъ нашего автора является своего рода попыткой стихотворнаго комментарія къ уставу. Такъ, на стр. 12-й мы находимъ поученіе солдату:

Ничего не долженъ скрыть,
Ссоры, драки избѣгай,
Не старайся грѣхъ прикрыть,
Полицейскимъ помогай!

На стр. 28-й рисуется идеальная гауптвахта:

Лампы, стекла не разбиты,
Все блестѣло чистотой;
Арестованные сыты,
И у двери—часовой!

За то на стр. 41 мы видимъ печальныя послѣдствія слабаго надзора за арестованными:

Очень вѣрная картинка,
Фактъ печальный на лицо,
Арестованный, какъ дымка,
Скрылся, выйдя на крыльцо.

Польза гимнастики для солдата изображается на стр. 63 слѣдующимъ образомъ:

Солдатъ машины не боится
И силой очень дорожитъ...
Какую пользу получаетъ,
Ему извѣстно ужъ давно.
Онъ мускулъ сильно укрѣпляетъ,
Когда работаетъ умно.

Темпераментъ у автора повидимому очень впечатлительный: всѣ служебныя событія производятъ на него дѣйствіе сильное, граничащее съ энтузіазмомъ.

Такъ, когда на смотру

Нашъ милѣйшій генералъ
На рысяхъ къ намъ подъѣзжалъ,

и затѣмъ

Въ краткой рѣчи сильну мысль
Намъ сказалъ нашъ Гостомыслъ,

то авторъ исполняется увѣренности, что

Дольше память сохранитъ,
Этотъ случай, чѣмъ гранитъ.
Наши дѣти помнить будутъ
И тѣхъ внуки не забудутъ.

Изъ заглавія этого стихотворенія видно, что оно посвящено прощанію съ начальникомъ 10-й пѣхотной дивизіи (въ чинѣ генералъ-лейтенанта). Понятно, что, когда муза г-на Попова касается, напримѣръ, военнаго министра—ея полетъ поднимается еще выше. Кромѣ того, авторъ оптимистъ, и все рисуетъ въ болѣе или менѣе розовыхъ краскахъ...

Прекрасная винтовка
Системы Мосина:
Ну, что за изготовка,
Въ три линіи она.

Превосходны также и консервы:

Не прошло и полчаса,
Какъ консервъ ужъ ѣли,
Слышны были голоса,
Какъ его хвалили...

Начальники ласковы, смотры сходятъ отлично. Вообще, хотя и нельзя отрицать, что размѣръ и риѳмы у г-на Попова нѣсколько

сбиваются съ ноги и ведутъ себя порой, какъ новобранцы на инспекторскомъ смотру,—но... вѣдь это только „досуги“. На настоящихъ же смотрахъ, навѣрное, все сходитъ благополучно. Это видно даже по чисто дѣловому общему тону сборника. Ни одного чувствительнаго стихотворенія, ни одного локона, ни одной женской улыбки, ни одного любовнаго вздоха. На всемъ протяженіи сборника, если и есть разговоръ о любви, то развѣ только о любви къ начальникамъ. Философствуетъ авторъ преимущественно о дисциплинѣ или о вредѣ для офицера азартныхъ игръ, а мечта... Когда

Вернувшись съ бала, на разсвѣтѣ
Поручикъ крѣпкимъ сномъ заснулъ...

то и тутъ ему приснилась не „она“, не ея глазки, или ротикъ, или улыбка, а... прибавка къ жалованію:

Приказъ нежданно вдругъ придетъ,
Съ прибавкой всѣ повеселѣютъ...

Неужто, въ самомъ дѣлѣ,—приходитъ невольно вопросъ,—армейская муза нашихъ дней стала такъ сурово-благонравна, такъ служебно-прозаична и такъ похожа на „приказъ по баталіону“?

Русская Лира. Сборникъ произведеній художественной лирики. Собралъ и составилъ **М. Л. Б.** Спб. 1901.

Вотъ и еще одинъ сборникъ избранныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Какими же принципами руководился его составитель? Въ книгѣ нѣтъ предисловія, и читатель можетъ лишь гадательно судить объ нихъ. Что г-ну М. Л. Б. совершенно чужды историко-литературныя задачи, видно уже изъ того, что имъ удалены съ поля зрѣнія читателя — Батюшковъ, Жуковскій, Рылѣевъ, Хомяковъ, М. Л. Михайловъ, Щербина, Курочкинъ и многое множество другихъ общеизвѣстныхъ поэтовъ, хотя, съ другой стороны, не забыты и такія сомнительныя величины, какъ Бенедиктовъ, гг. Абрамовичъ, Буренинъ, Случевскій, Цертелевъ и т. п. Хронологія также находится въ полномъ пренебреженіи: стихотворенія каждаго поэта въ живописномъ безпорядкѣ разбросаны по всей книгѣ, разбитой на девять отдѣловъ. Почему именно на девять, а не на семь, не на пятнадцать? Ужъ не потому ли, что древними насчитывалось девять музъ?..

Чѣмъ же, однако, отличается одна муза г-на М. Л. Б. отъ другой? Къ сожалѣнію, и на этотъ вопросъ не легко отвѣтить. Отдѣлъ второй имѣетъ, напр., два эпиграфа: „Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея я безмятежно расцвѣталъ“ и „Любви всѣ возрасты покорны“. Читаемъ стихи этого отдѣла и, къ удивленію, находимъ „Птичку“ Туманскаго, „Нелюдимо наше море“ Языкова и „Бѣсы“ Пушкина... Въ отдѣлѣ третьемъ, съ эпиграфомъ

изъ Пушкина „Мнѣ скучно, бѣсъ“, неожиданно оказываются стихотворенія Лермонтова „Нѣтъ, я не Байронъ“ и „Не вѣрь себѣ“, въ мотивахъ которыхъ все, что угодно, кромѣ „скуки“... Не подлежитъ, такимъ образомъ, сомнѣнію, что единственными критеріями „Русской Лиры“ были личный произволъ и личный художественный вкусъ г. М. Л. Б.—Само собой разумѣется, что будь составленъ именно такого рода сборникъ какимъ-нибудь великимъ человѣкомъ вродѣ, напр., Льва Толстого, онъ былъ бы въ высшей степени любопытенъ, но хрестоматія, изданная простымъ смертнымъ (вѣдь подъ литерами М. Л. Б., думаемъ, не скрывается великаго человѣка) можетъ имѣть значеніе и успѣхъ въ томъ только случаѣ, если предѣлы субъективнаго съужены въ ней до nec plus ultra, и образцы выбраны толково, умѣло, въ согласіи съ установившимися въ критикѣ взглядами на поэзію вообще и на каждаго поэта въ частности. Къ сожалѣнію, въ „Русской Лирѣ“ слишкомъ много случайнаго, произвольнаго, прямо даже капризнаго... Мы упомянули о странномъ подборѣ поэтовъ (пропущенъ Жуковскій!), но слѣдуетъ отмѣтить еще и другой недостатокъ, свойственный, впрочемъ, и другимъ подобнымъ сборникамъ (гг. Сальникова, Бончъ-Бруевича и др.),—говоримъ о количественной несоразмѣрности выбранныхъ образцовъ: изъ Полежаева, Плещеева, Добролюбова, Жемчужникова, Никитина, Надсона г. М. Л. Б. беретъ одно, два, много—пять стихотвореній, а, напр., изъ г. Минскаго—одиннадцать, изъ Апухтина—десять, изъ Фета—даже девятнадцать. Объяснить ли столь явное предпочтеніе однихъ поэтовъ другимъ пренебреженіемъ къ поэзіи такъ называемыхъ гражданскихъ мотивовъ? Но, вотъ, изъ Майкова мы находимъ въ сборникѣ 28 образцовъ, между тѣмъ, какъ изъ Тютчева и Полонскаго, — казалось бы, столь же усердныхъ служителей чистаго искусства, — всего по 10. Неужели же въ такой пропорціи находятся художественныя достоинства этихъ поэтовъ?...

Правда, не цифрою и не вѣсомъ оцѣнивается золото поэзіи. Естественно также, что въ новѣйшее время, съ развитіемъ литературы и стихотворной техники, даже и второстепенный, сравнительно, поэтъ способенъ написать большее количество безукоризненныхъ съ внѣшней стороны и небезынтересныхъ по содержанію стихотвореній, нежели иной выдающійся представитель начальнаго періода литературы (для примѣра назовемъ, хотя бы, г. Фофанова и Баратынскаго); но для соблюденія правильной исторической перспективы необходимо, по крайней мѣрѣ, оговорить это обстоятельство при составленіи избранной хрестоматіи.

Посмотримъ далѣе, насколько безупреченъ выборъ, дѣлаемый г-номъ М. Л. Б. изъ каждаго отдѣльнаго поэта. Въ книгѣ его, дѣйствительно, найдется немало превосходныхъ стихотвореній, подлинныхъ жемчужинъ русской лирики, и помѣщеніе ихъ дѣ-

лаетъ честь составителю, но тѣмъ прискорбнѣе, что среди этихъ жемчужинъ попадаются нерѣдко и простые горшечные черепки... Такъ, стихотвореніе г. Фофанова „Это не женщина“, съ его каламбурными рифмами вродѣ „эдема намъ“ и „демономъ“,—сплошная риторика (между тѣмъ, пропущена такая прелестная вещица, какъ „Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ“). Обращаютъ затѣмъ на себя вниманіе стихи г. Буренина. Читатель помнитъ, конечно, пушкинскаго „Сѣятеля“:

Свободы сѣятель пустынный
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды!

И г. Буренинъ, въ свою очередь, пишетъ:

Я въ нѣдрахъ почвы благотворной
Желѣзомъ острымъ борозду
Провелъ рукой, въ трудѣ упорной,
И въ землю смѣло бросилъ зерна
И благодати ждалъ труду.

Не подражательность формы, присущая г. Буренину, останавливаетъ наше вниманіе въ данномъ случаѣ, но латинское изреченіе вспоминается: quod licet Iovi... Это г-нъ-то Буренинъ животворныя зерна бросалъ въ землю, да еще и „смѣло“ бросалъ?! Это его-то „труду“ надо было ждать „благодати“?!

И что-жъ? Упалъ засохшій колосъ,—

съ горечью жалуется благородный другъ графа Алексиса Жасминова, —

Не блещетъ нива красотой,
Ничто не оживитъ безплодной!..

И эту стихотворную жалобу-пародію г. М. Л. Б. включаетъ въ число безсмертныхъ образцовъ „Русской Лиры“, той самой „Лиры“, правъ на которую не признаетъ за Жуковскимъ и Михайловымъ... Богъ ему судья!..

Выборъ изъ Надсона сдѣланъ довольно-таки странно. Правда, все это очень красивыя, поэтическія вещи („Жалко стройныхъ кипарисовъ“, „Закралась въ уголъ мой тайкомъ“, „Мнѣ снилось вечернее небо“, „Пишу вамъ изъ глуши“), но гдѣ же тутъ Надсонъ, этотъ пѣвецъ „нашихъ дней, ихъ раздумья, тревогъ и сомнѣній“?

Въ числѣ стихотвореній Тютчева, въ общемъ представленныхъ хорошо, попадается такая неважная пьеска, какъ

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, мáкушку (sic!) свою,—

и въ то же время нѣтъ: „Эти бѣдныя селенья".

Поэтъ Языковъ въ одномъ изъ образцовъ приглашаетъ друзей „пьянствовать о имени своемъ":

Все тлѣнъ и мигъ! Блаженъ, кому съ друзьями
Свою весну пропировать дано,
Кто видитъ міръ туманными (т. е. пьяными) глазами
И любитъ жизнь за пѣсни и вино!

„Все тлѣнъ и мигъ" — оно, конечно, такъ; но для чего же „русскую лиру"-то срамить подобными стихами?!

Павелъ Россіевъ. Общіе знакомые. Очерки и разсказы. Москва, 1901.

„А это что поезія"?—спросилъ одинъ изъ „общихъ знакомыхъ" другого.—„Поезія-что? Ну, одно слово, поезія... Поезія, такъ она и есть поезія". Этотъ отвѣтъ совсѣмъ не удовлетворилъ бы насъ, какъ и вопрошавшаго, если бы мы не прочли книжки г. Павла Россіева и въ точности не узнали бы, что такое истинная „поезія". Вотъ ея образцы: „Молодая, стройная, какъ украинская дивчина, береза, взбѣжавъ на пригорокъ, свѣсилась своими густыми вѣтвями надъ оврагомъ, точно прислушиваясь къ шуму ручья, бѣгущаго на днѣ его; другая, извиваясь, какъ ужъ, своимъ упругимъ стволомъ, тянется къ первой; третья совсѣмъ нависла надъ оврагомъ" и т. д., словомъ: „*Тутъ—березы, тамъ березы; спереди и сзади... Это березовая роща*"... Мы взяли это съ первой страницы, а такихъ художественныхъ перловъ не оберешься во всѣхъ разсказцахъ этой претенціозной книжонки. И не только въ описаніяхъ природы, но и въ обрисовкахъ и характеристикахъ лицъ и событій. Описывая какого-нибудь изъ „общихъ знакомыхъ", г. Россіевъ сразу даетъ портретъ: „Что за славный старикъ былъ! Роста небольшого, глазки сѣрые, предобрые, сморщенное лицо не больше печенаго яблока". И только: не много, но сильно! Или еще лучше: „Онъ былъ очень и очень либералъ"! Или вотъ, душевное состояніе слушателя во время пѣнія цыганки Заиры: „Чѣмъ-то новымъ, сладкимъ вѣяло въ душу и закрадывалось въ сердце... Хотѣлось безконечно смотрѣть въ бездонные, чертовски-очаровательные, жгучіе, какъ песокъ Сахары, глаза Заиры и ласкать и цѣловать и любить ее"... Г. Россіевъ большой любитель пѣнія, поэтому онъ угощаетъ имъ насъ обязательно чуть ли не въ каждомъ разсказѣ во всѣхъ видахъ: и solo (какой-то „знакомый" острить: „ну и солоно"!), и дуэтами, и хоромъ. Эта страсть не обходится даромъ, и ей приносятся даже жертвы: въ разсказѣ „Иванъ Саввичъ и Бычекъ" второй изъ этихъ героевъ погибаетъ въ разгаръ хорового торжества отъ зависти, натуги или перепоя,— не разберешь. Въ разговорахъ, пикировкахъ и спорахъ этихъ своихъ героевъ авторъ старается сохранить „индивидуальный колоритъ", для чего Бычокъ, напр., къ каждому слову прибавляетъ

„Тшь, поди вотъ!"; другой не произноситъ буквы р и говоритъ: „ни черлта"! или „чудеса въ рлѣшетѣ", третій сюсюкаетъ и почему-то придерживается еврейской дикціи. Большинство употребляетъ такія слова, какъ, напр., „индея" (вмѣсто идея), „пессимизьма" (пессимизмъ) или выраженія вродѣ: „Попомните мое слово, что, какъ зачнуть пороть мужиковъ, и *матеріальность увеличится*, и *подъемъ нравственной пищи*". Всѣ сюсюкаютъ, кривляются, угодничаютъ, пресмыкаются, юродствуютъ и третируются самимъ авторомъ болѣе или менѣе слащаво. И всѣ одинаково неестественны. Нѣтъ, въ персонажахъ г-на Павла Россіева мы рѣшительно не узнаемъ „общихъ", будто-бы, знакомыхъ и думаемъ, что автору лучше было бы оставить эти знакомства „про себя".

К. Кузьминскій. А. С. Пушкинъ, его публицистическая и журнальная дѣятельность. Москва 1901.

Хорошая студенческая работа, не вносящая ничего новаго въ характеристику Пушкина, но удачно и основательно оттѣняющая нѣкоторыя черты его жизни и воззрѣній. И раньше это было въ общихъ чертахъ извѣстно, но здѣсь опредѣляется съ особенной ясностью: поэтъ не переставалъ быть общественнымъ дѣятелемъ и видѣть въ общественной работѣ средоточіе своей дѣятельности. Въ интересномъ „Московскомъ Вѣстникѣ" его участіе выразилось только стихотвореніями; это еще не была та живая журнальная работа, о которой издавна мечталъ и говорилъ поэтъ. Настоящую и ожесточенную борьбу съ „литературной монополіей" знаменитаго журнальнаго тріумвирата—Греча, Булгарина, Сенковскаго—онъ повелъ въ „Литературной газетѣ". Но и этотъ невинный органъ, гдѣ поэтъ въ сущности только готовился развернуть свое публицистическое дарованіе, былъ вскорѣ придушенъ; поводомъ послужило помѣщеніе стиховъ Казиміра Делавиня, обращенныхъ къ дѣятелямъ іюльскаго переворота, но настоящей причиной закрытія была именно полемика съ булгаринской „Сѣверной Пчелой", состоявшей подъ покровительствомъ графа Бенкендорфа. Уже и раньше, когда „Литературная газета" вскользь замѣтила, что сообщенія въ газетѣ Булгарина ложны, возмущенный шефъ жандармовъ просилъ главнаго начальника цензурнаго вѣдомства сдѣлать внушеніе цензору, пропустившему замѣтку; всесильный патронъ „Сѣверной Пчелы" объяснилъ при этомъ, что свѣдѣнія въ ней помѣщаются по его „приказанію" и что „Литературная газета" своимъ обвиненіемъ подрываетъ правительственный престижъ и тѣмъ нарушаетъ общественное спокойствіе. Главный редакторъ газеты, баронъ Дельвигъ, оставленный „въ сильномъ подозрѣніи" и потрясенный выговоромъ Бенкендорфа, заболѣлъ и умеръ. „Закрытіе газеты, очевидно, застало Пушкина врасплохъ, такъ какъ въ черновыхъ его тетрадяхъ

найдено много проектовъ полемическихъ статей, критическихъ опытовъ и пр. Видно, Пушкинъ серьезно готовился къ роли публициста и журнальнаго дѣятеля".

Затѣмъ начинаются хлопоты о своемъ журналѣ; благонамѣренное прошеніе, гдѣ поэтъ обѣщаетъ „строго соображаться съ рѣшеніями цензора", оставлено безъ удовлетворенія—и это понятно: Пушкинъ имѣлъ наивность въ просьбѣ къ Бенкендорфу указать на то, что монополія „Сѣверной Пчелы" вредна. Монополія торжествуетъ, „Булгаринъ и Гречъ не перестаютъ терроризовать русскую литературу"—и поэтъ выступаетъ противъ нихъ въ „Телескопѣ", въ образѣ Ѳеофилакта Косичкина.

Наконецъ, Пушкинъ, достаточно доказавшій свой оффиціальный патріотизмъ „Бородинской годовщиной", получаетъ разрѣшеніе издавать газету, и даже политическую,—но онъ отказался навсегда отъ мысли воспользоваться этимъ разрѣшеніемъ. „Онъ видѣлъ, что въ Россіи того времени для него это было совершенно невозможно. Ограничиться ролью журналиста, подобнаго Булгарину, онъ не могъ". Пришлось удовлетвориться журналомъ—и при томъ чисто литературнымъ. Булгаринъ не замедлилъ откликнуться доносомъ: „*Литературный* журналъ подъ заглавіемъ „Современникъ", по мнѣнію дѣятельнаго редактора „Сѣверной Пчелы", долженъ былъ явиться по направленію продолженіемъ „Литературной газеты", которая, какъ извѣстно, была прекращена за нежелательное направленіе". Пушкинъ съ полнымъ достоинствомъ отвѣтилъ, что вполнѣ признаетъ справедливость объявленія, напечатаннаго въ „Сѣверной Пчелѣ": „Современникъ" по духу своей критики, по многимъ именамъ сотрудниковъ, въ немъ участвующихъ, по неизмѣнному образу мнѣнія о предметахъ, подлежащихъ его суду, будетъ продолженіемъ „Литературной газеты". Когда доносъ не удался, полились крокодиловы слезы объ упадкѣ таланта поэта, ставшаго журналистомъ. Съ изданіемъ „Современника"—соболѣзновалъ Сенковскій — Россія лишается великаго поэта, который „добровольно отрекается отъ своего произведенія, и съ священныхъ высотъ Геликона, гдѣ онъ прежде, по счастливому выраженію Проперція, musarum choris implicuit manus, постепенно нисходитъ къ нижнимъ областямъ горы, къ литературѣ болѣе и болѣе блѣдной и безплодной". Сенковскій пытается даже отклонить поэта отъ журнальной полемики, „самаго низкаго и отвратительнаго рода прозы, послѣ риѳмованныхъ пасквилей". Онъ почелъ бы себя счастливымъ, если бы его слова удержали Пушкина отъ этой постыдной дѣятельности. Приблизительно то-же говорила „Сѣверная пчела", сожалѣшая о томъ, что „князь мысли сталъ рабомъ толпы" и т. п. Бѣлинскій встрѣтилъ „Современникъ" вполнѣ сочувственно, лишь съ нѣкоторыми сомнѣніями. Но Пушкинъ принималъ незначительное участіе въ своемъ литературномъ трехмѣсячникѣ—быть можетъ, именно потому, что узкая

програма обязывала его оставаться въ тѣсныхъ предѣлахъ литературныхъ вопросовъ. При жизни его „Современникъ" издавался всего одинъ годъ.

Журнальная дѣятельность—не изъ яркихъ цвѣтковъ въ славѣ Пушкина; но въ ней, и еще больше въ порываніяхъ къ ней выразилось яснѣе то, что оставалось бы сомнительнымъ въ прочей дѣятельности поэта: онъ считалъ себя рожденнымъ именно для житейскихъ треволненій, и тѣмъ охотнѣе брался за метлу полемики, что зналъ, какъ мало это вредитъ его великому дарованію. Онъ не сказалъ всего, что хотѣлъ—и, быть можетъ, не только въ поэзіи „унесъ съ собой нѣкоторую великую тайну". Это характерно для Пушкина. Къ какой бы области его дѣятельности мы ни обратились, онъ всегда оказывается новѣе и многообразнѣе, чѣмъ мы ожидали.

Фогтъ и Кохъ. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. привать-доцента А. Л. Погодина. Изданіе товарищества «Просвѣщеніе». Спб. 1901.

Совмѣстный трудъ двухъ бреславльскихъ профессоровъ, не такъ давно вышедшій въ оригиналѣ и уже удостоившійся русскаго перевода, представляетъ собой послѣднее слово историко-литературныхъ изученій въ Германіи и охватываетъ всю исторію нѣмецкой литературы отъ древнѣйшаго миѳа и ритуальнаго хора вплоть до самой животрепещущей современности — послѣднихъ драмъ Гауптмана и Зудермана, послѣднихъ стихотвореній Детлевъ фонъ-Лиліенкрона. Это основательный, полный и прекрасно иллюстрированный компендій, очень пригодный для справокъ и общей оріентировки, не свободный, однако, отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, которые мы указывали въ отзывѣ о сжатомъ обзорѣ исторіи нѣмецкой литературы второго изъ авторовъ, и которые въ болѣе обширномъ трудѣ, лежащемъ предъ нами, выступаютъ съ большей рѣзкостью. Авторовъ интересуетъ чисто литературное развитіе, но особенное вниманіе они удѣляютъ элементамъ общественной и политической жизни, особенно росту національнаго сознанія въ нѣмецкомъ народѣ и его литературѣ. Точка зрѣнія авторовъ такова, что русскій переводчикъ нашелъ нужнымъ, по его заявленію, сдѣлать въ послѣдней главѣ нѣсколько „выпусковъ" (т.-е. пропусковъ). Но хуже того, что возможно было пропустить, оказывается, на нашъ взглядъ, то, чего нельзя было вытравить; дѣло не въ томъ, что нѣсколько мѣстъ въ изложеніи развитія новѣйшей литературы „иногда страдаютъ шовинизмомъ, совершенно чуждымъ русской публикѣ", а въ томъ, что вся книга отравлена духомъ національзма, да еще боевого, наступательнаго, полнаго самодовольства и нетерпимости. Это отражается и на подборѣ фактовъ, и на отношеніи къ отдѣльнымъ литературнымъ явленіямъ, и на личныхъ характеристикахъ, и на оцѣнкахъ произведеній. Въ этой обширной

исторіи литературы, гдѣ говорится о всякихъ прошлыхъ и современныхъ второстепенностяхъ, не нашлось мѣста даже для упоминанія К.-Э. Францоза, Захеръ-Мазоха; о Бисмаркѣ говорится: „Политическое краснорѣчіе ни въ германскомъ рейхстагѣ, ни въ отдѣльныхъ ландтагахъ не дало образцовъ, которые могли бы занять мѣсто рядомъ съ англійскими; единственное исключеніе составляютъ богатыя образами и сравненіями рѣчи перваго канцлера имперіи. Сборникъ ихъ представляетъ въ исторіи литературы могучій памятникъ желѣзнаго основателя и вождя имперіи".

Есть, однако, основаніе думать, что автора прельстили въ рѣчахъ желѣзнаго канцлера не ихъ „образы и сравненія", но ихъ политическое направленіе; иначе почему даже не упомянуты рѣчи столь блестящихъ ораторовъ, какъ Евг. Рихтеръ и Бебель? О рѣчахъ Лассаля тоже ни звука; онъ названъ только въ качествѣ агитатора и автора неудачной трагедіи. Такихъ примѣровъ множество, и перломъ ихъ, какъ и слѣдовало ожидать, является отношеніе автора къ Гейне, характеристика котораго составлена изъ уклончивыхъ комплиментовъ и дрянныхъ намековъ. Да и вся „молодая Германія" встрѣчаетъ въ авторѣ, поневолѣ признающемъ ея литературное значеніе, весьма несочувственное отношеніе. „Все важнѣйшее, сдѣланное тѣми или другими членами этой школы, стоитъ въ самой слабой связи, или даже вовсе не стоитъ въ связи съ молодой Германіей, какъ одной цѣльной школой. О тѣсной личной дружбѣ, объ общихъ принципахъ ея членовъ, о всемъ томъ, что такъ сближало дѣятелей второй романтической или швабской школы, не можетъ быть и рѣчи, разъ дѣло заходитъ о Молодой Германіи. Только одна полицейская прижимка, отъ которой равно терпѣли всѣ ея члены, могла подавлять, и то несовершенно и не надолго, постоянную полемику Гейне съ Берне, Лаубе съ Гуцковымъ. *Ихъ объединяло только безусловное подчиненіе нѣмецкой литературы французской*". И авторъ сочувственно цитируетъ „искренняго и проницательнаго наблюдателя", находившаго, что „литературная партія Молодой Германіи имѣла бы гораздо больше правъ на названіе Молодой Франціи"—намекъ, имѣющій рѣшающее значеніе для „патріотическаго" историка литературы.

Мы указываемъ эти и подобныя вещи не для того, чтобы предостеречь отъ нихъ читателя—онъ и самъ съ ними справится,—но для характеристики книги. Не справедливо было бы однако этимъ ограничивать всю характеристику: книга имѣетъ достоинства, которыя мы указали въ началѣ. Изъ нея можно многое узнать; особенно интересенъ обзоръ новой нѣмецкой литературы, столь популярной на родинѣ и столь мало извѣстной у насъ. Случайно мы упомянули одно имя—лирика Детлева фонъ-Лиліенкрона; такихъ именъ много. Цѣлый рядъ романовъ—напр. „Zwischen Himmel und Erde" Отто Людвига, „Ekkehard" Шеффеля, „Auch Einer" Фишера—при всемъ ихъ разнообразіи—принадлежать уже

почти къ классическимъ произведеніямъ нѣмецкой литературы; у насъ о нихъ не имѣютъ понятія. О Гамерлингѣ еще немного знаютъ, его выдающаяся послѣдовательница, авторъ замѣчательной „современной эпопеи“ „Робеспьеръ“, вѣнская поэтесса Марія делле-Граціэ едва ли извѣстна даже по имени. Но исторія, конечно, не сборникъ свѣдѣній; важны нестолько факты, которые здѣсь сообщаются и о которыхъ можно бы узнать какъ нибудь инымъ путемъ: важна ихъ группировка,—та историческая перспектива, въ которой все получаетъ надлежащее мѣсто. Какъ жаль, что правильность этой перспективы такъ часто нарушаютъ въ этой книгѣ соображенія внѣ-литературныя и внѣ-историческія.

Мы не имѣли возможности сличить переводъ съ оригиналомъ, но многое въ немъ показалось намъ страннымъ. Переводчикъ очень добросовѣстенъ и остороженъ, но нѣмецкій языкъ ему знакомъ меньше, чѣмъ можно было бы ожидать; онъ охотно вноситъ иногда въ обиходъ свою терминологію, не всегда удачную; такъ онъ слишкомъ легко переноситъ къ намъ нѣмецкія слова, каковы напр.: *шпрухъ*, *лейхъ мейстерскія пѣсни*, и даже (нѣсколько разъ) *швенки*, образованные почему-то не отъ единственнаго Schwank, а отъ множественнаго Schwänke. Не принято у насъ также перебой согласныхъ (т.-е. собственно звуковъ—Lautwerschiebung) называть *перегласовкой* звуковъ, а слово *прѣдность* намъ кажется неологизмомъ, едва ли имѣющимъ надежды на прочное существованіе въ языкѣ. Ziemlich gut значитъ не *чрезвычайно хорошо*, а только *довольно хорошо*; слово welscher, значеніе котораго извѣстно переводчику, никакъ нельзя переводить *волошскій*, хотя бы и сопровождая это поясненіемъ—*итальянскій или французскій*; у насъ есть для этого болѣе подходящее названіе *романскій*. Не годится ставить въ ковычки безъ всякаго объясненія непереводимыя нѣмецкія выраженія, притворяясь, что они оттого станутъ понятны: ужъ если переводчикъ не смогъ объяснить, что такое „Butzenscheibenlyrik“—такъ остроумно обозвалъ Поль Гейзе новѣйшія воспроизведенія средневѣковыхъ поэтическихъ формъ—то читатель этого, конечно, не пойметъ; дѣло просто: Butzenscheiben это стеклянные кружки, характерные для старинныхъ расписныхъ оконъ. Konterfei—отъ французскаго contrefait—значитъ *портретъ* и потому „als ich in Conterfeyhen wardt“ не годится переводить—*когда я былъ въ Контерфейенѣ*; могутъ спросить, что это за мѣсто, а на такой вопросъ переводчику, пожалуй, не удастся отвѣтить. Равнымъ образомъ—въ той же фразѣ Ганса Сакса—„nach Boetischer art“ (на современномъ литературномъ языкѣ—nach poetischer Art) никакъ нельзя перевести *по манерѣ Бетишера*: приблизительно это значитъ просто „поэтически“, „какъ поэтъ“. Намъ кажется, что господинъ Бетишеръ и городъ Контерфейенъ г. Погодина имѣютъ такое же право на непреходящую всероссій-

скую извѣстность, какъ и знаменитые Дойенъ д'Аге покойнаго Краевскаго и Ботшафтеръ г. Гнѣдича.

Сборникъ статей 1899 — 1900 гг. Александра Новикова. Спб. 1901.

Въ книгѣ собрано до 50 газетныхъ статей и замѣтокъ, помѣщенныхъ авторомъ за указанные въ заголовкѣ годы въ „Новомъ Времени", „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", „Россіи" и можетъ быть другихъ газетахъ. Темы, затрагиваемыя г. Новиковымъ, довольно разнообразны. Наибольшее число статей посвящено имъ деревнѣ, деревенскимъ заработкамъ и дворянству; наряду съ ними читатель встрѣтитъ статьи о народномъ образованіи, по вопросамъ внѣшней политики, о дуэляхъ, о русскомъ языкѣ, о коронныхъ судьяхъ, о желѣзнодорожныхъ магистраляхъ и т. д. Написанныя на очередныя газетныя темы, многія изъ этихъ статей уже утратили интересъ современности. Но и за всѣмъ тѣмъ книга г. Новикова имѣетъ извѣстное значеніе. Важны не мысли, защищаемыя въ книгѣ: онѣ не отличаются ни особою глубиною, ни особою оригинальностью. Подъ часъ самому автору то, что онъ говоритъ, кажется „слишкомъ избитымъ". Что для деревни нужны хорошія школы и хорошіе законы, что дворянскимъ правамъ должны соотвѣтствовать опредѣленныя обязанности, что намѣренія правительствъ нерѣдко расходятся съ желаніями народовъ, что практикуемая помѣщиками система отработковъ равносильна кулачеству и т. д.—все это труизмы, много уже разъ повторявшіеся въ прессѣ. Книга имѣетъ всетаки значеніе показателя: не кабинетнымъ путемъ, а непосредственнымъ знакомствомъ „съ внутренними неоффиціальными сторонами деревенской жизни" бывшій земскій начальникъ пришелъ къ горькому убѣжденію, что „нѣтъ того насилія, которое не можетъ быть учинено на рубежѣ двадцатаго вѣка надъ русскимъ крестьяниномъ". Г-на Новикова, бывшаго предводителя, трудно заподозрить въ предвзятости, когда онъ утверждаетъ, что въ наше время многіе „подъ девизомъ дворянства защищаютъ свои высокія мѣста, свои выгодныя жалованья, свою пользу въ хозяйственныхъ отношеніяхъ съ крестьянами, свои получки изъ дворянскаго банка за счетъ водки, растлѣвающей крестьянъ". Утвержденіе, что отработочная система, какъ ростовщическая, разорительна для крестьянъ, пріобрѣтаетъ особую цѣну въ устахъ человѣка, который „самъ выдаетъ (подъ отработки) ежегодно тысячу пятирублевокъ, приносящихъ ему столько же десятирублевокъ". Любопытно, что эти ничуть недвусмысленныя мысли высказываются человѣкомъ, который по основнымъ своимъ воззрѣніямъ продолжаетъ оставаться еще на „томъ берегу". Послѣднее обстоятельство нерѣдко дѣлаетъ его непослѣдовательнымъ, что

особенно замѣтно при логикѣ, которая ему свойственна, а его рѣчь фальшивой, что особенно ощутительно при искренности тона, которымъ проникнута книга. Понимая, напримѣръ, какъ мало привилегіи дворянства оправдываются современною ролью его въ государственной жизни, онъ не рѣшается однако отнестись къ этимъ привилегіямъ отрицательно и ограничивается вздохами по былому девизу „noblesse oblige“. Настаивая на неотложной необходимости закона для деревни, онъ склоненъ представлять себѣ этотъ законъ въ видѣ „X тома“, а „законы о начальствѣ“ отодвигаетъ на задній планъ. Но кто же будетъ писать и выполнять этотъ X томъ? Не тѣ же ли люди, которые уже зарекомендовали себя „кулачествомъ власти“? Между тѣмъ авторъ не только не задумывается надъ этимъ, но и не замѣчаетъ имъ же самимъ приводимыхъ фактовъ, изъ которыхъ явствуетъ, что источникъ произвола не столько въ отсутствіи закона, сколько въ отсутствіи гарантій его соблюденія. Еще фальшивѣе звучитъ рѣчь автора въ тѣхъ случаяхъ, когда свою, хотя и скромную, но честную программу онъ старается связать съ такими лицами, актами и институтами, которые являлись и являются ея злѣйшими врагами.

Противорѣчіе между основными и прикладными, такъ сказать, убѣжденіями автора опредѣляетъ и позицію его, какъ журналиста, — позицію, хотя, быть можетъ и оригинальную, но безусловно фальшивую. Выступая уже не первый годъ въ качествѣ публициста, г. Новиковъ продолжаетъ держать себя въ прессѣ, какъ случайный гость, желающій высказаться въ незнакомомъ обществѣ и какъ бы не знающій, что говорятъ и будутъ говорить по тому же вопросу другіе въ той же компаніи. Происходитъ это, конечно, не изъ-за наивности... Для человѣка, который извѣстную ему правду обѣщаетъ отстаивать до гробовой доски, такая позиція едва ли удобна. Едва ли удобно, напримѣръ, бороться съ произволомъ въ органѣ, въ которомъ г. Сигма воспѣваетъ этому произволу гимны. Эти неудобства уже испытаны г. Новиковымъ. Со многими лицами, съ которыми онъ началъ бесѣду, какъ съ единомышленниками по основнымъ вопросамъ, ему уже пришлось придти въ столкновеніе изъ-за постулатовъ, къ которымъ привела его жизнь, а съ нѣкоторыми, какъ, напримѣръ, съ г. Бодиско изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ или съ г. Мещерскимъ изъ „Гражданина“—начатую полемику онъ вынужденъ былъ закончить формальнымъ разрывомъ. Рано или поздно г. Новикову придется точнѣе опредѣлить свое мѣсто въ журналистикѣ и, конечно, лучше если онъ это сдѣлаетъ сознательно, а не подъ давленіемъ лишь обстоятельствъ.

Дѣйствія Нижегородской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи.—Сборникъ статей, сообщеній, описей и документовъ. Томъ IV. Нижній-Новгородъ. 1900.

Изъ нашихъ губернскихъ архивныхъ коммиссій пока лишь немногія успѣли придать сколько-нибудь широкую постановку порученному имъ дѣлу и, не ограничиваясь собираніемъ и храненіемъ историческихъ матеріаловъ, перешли къ болѣе или менѣе систематическому изслѣдованію и изданію ихъ. Въ ряду такихъ коммиссій Нижегородская занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Съ 1895 года она выработала для своихъ изданій опредѣленную программу и въ настоящее время передъ нами уже третій (по общему счету—четвертый) томъ „Сборника", выходящаго по этой программѣ и заключающаго въ себѣ статьи и изслѣдованія историческаго и археологическаго характера, описи архивовъ, матеріалы и, наконецъ, указатели къ ранѣе вышедшимъ изданіямъ. Изъ семи статей, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ „Сборника", нѣкоторыя имѣютъ серьезный историческій интересъ. Такова, прежде всего, статья г. Звѣздина: „Нижегородскій секретный совѣщательный комитетъ по дѣламъ о раскольникахъ и его дѣятельность". Подобные комитеты основывались въ наиболѣе зараженныхъ расколомъ губерніяхъ въ силу высочайшаго повелѣнія отъ 3 ноября 1838 г. и, состоя изъ мѣстнаго архіерея, губернатора, вице-губернатора, предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ, управляющаго удѣльной конторой и жандармскаго штабъ-офицера, носили совѣщательный характеръ, имѣя своею цѣлью внесеніе единства въ распоряженія о раскольникахъ. Согласно высочайшему повелѣнію отъ 9 марта 1840 г. губернаторамъ предоставлялось всѣ слѣдствія по раскольническимъ дѣламъ до передачи ихъ въ судебныя мѣста представлять на разсмотрѣніе этихъ комитетовъ. Послѣдніе „должны были давать дальнѣйшее движеніе судебнымъ порядкомъ только тѣмъ слѣдствіямъ, по коимъ обнаружено явное нарушеніе существующихъ законовъ, сопровождаемое вредными послѣдствіями; тѣ же слѣдствія, къ коимъ привлечены одни лишь давнишніе раскольники и такіе, кои не замѣчены и не изобличены ни въ какихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ, ни въ совращеніи православныхъ, ни даже въ публичномъ отправленіи богослуженія и другихъ требъ, и вообще всѣ случаи, подходящіе подъ правила терпимости, и доносы, ведущіе къ обремененію дѣлопроизводствомъ присутственныхъ мѣстъ и стѣсненію прикосновенныхъ людей безъ важныхъ послѣдствій, сами бы собою прекращали, не представляя въ министерство внутреннихъ дѣлъ". Въ Нижнемъ Новгородѣ такой комитетъ былъ основанъ въ 1851 г. и просуществовалъ, повидимому, до 1869 г., причемъ, однако, сколько-нибудь энергичную дѣятельность онъ проявилъ лишь въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ своего существованія. Посвященная изслѣ-

дованію этой дѣятельности статья г. Звѣздина, вмѣстѣ съ напечатанною имъ же во второмъ отдѣлѣ „Сборника“ обстоятельною описью журналовъ комитета, содержитъ въ себѣ не мало любопытныхъ данныхъ для характеристики, какъ взглядовъ правительства и администраціи въ половинѣ XIX вѣка на расколъ, такъ отчасти и быта самого раскола этой поры. Между прочимъ, и историки нашей литературы найдутъ для себя въ статьѣ г. Звѣздина небезъинтересный матеріалъ, касающійся В. И. Даля. Послѣдній былъ въ 50-хъ годахъ управляющимъ удѣльной конторой въ Нижегородской губерніи и, въ качествѣ члена названнаго комитета, высказывалъ въ немъ порою довольно суровыя по отношенію къ раскольникамъ мнѣнія. Другія статьи „Сборника“ носятъ болѣе спеціальный характеръ. Въ небольшой замѣткѣ г. Савельева: „Три проекта объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ“ излагается содержаніе проектовъ, представленныхъ тремя нижегородскими помѣщиками уѣздному предводителю дворянства въ 1858 г. и ярко обрисовывающихъ взглядъ мѣстнаго дворянства въ моментъ, непосредственно предшествовавшій реформѣ. Даже въ наиболѣе благопріятномъ для крестьянъ проектѣ проводится та мысль, что „обязательный надѣлъ земли долженъ быть весьма умѣренный и разсчитанный на силы слабаго крестьянина, единственно какъ средство привязать его къ мѣстности“, такъ какъ „сильный и денежный всегда имѣютъ возможность нанять за ту же цѣну у помѣщика“ (14). Авторы же двухъ другихъ проектовъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ стремились къ сохраненію всего существа крѣпостного права, вплоть до права помѣщика сдавать крестьянъ въ рекруты и ссылать въ другія губерніи. Въ свое время нижегородскій губернаторъ, А. Н. Муравьевъ, упрекалъ большинство мѣстнаго губернскаго комитета въ томъ, что „комитетскимъ положеніемъ крѣпостное право уничтожается лишь въ актахъ и оставляется со всѣми своими послѣдствіями на дѣлѣ“. Разборъ названныхъ проектовъ приводитъ г. Савельева къ справедливому заключенію, что „этотъ горькій упрекъ долженъ относиться не къ одному комитету въ лицѣ большинства его членовъ, но и къ дворянамъ, въ комитетѣ не участвовавшимъ“ (21). Замѣтка г. Смирнова („О подложномъ фабрикантѣ Пушниковѣ“) содержитъ въ себѣ частную, но не лишенную интереса иллюстрацію одного изъ любопытныхъ моментовъ въ исторіи русской фабрики XVIII столѣтія. Значительныя привилегіи, дарованныя фабрикантамъ Петромъ I, вызвали, между прочимъ, появленіе т. н. „подложныхъ“ фабрикантовъ, заводившихъ фиктивныя фабрики ради пользованія соединенными съ ними льготами. Въ своей замѣткѣ г. Смирновъ и разсказываетъ на основаніи архивныхъ документовъ исторію одного изъ такихъ подложныхъ фабрикантовъ второй четверти XVIII вѣка въ Ниж-

немъ Новгородѣ. Остальныя статьи въ „Сборникѣ“ имѣютъ либо узко-спеціальный, либо чисто мѣстный интересъ. Такова посвященная вопросамъ церковной археологіи статья свящ. Добровольскаго о „Чиновникѣ“ Нижегородскаго Спасскаго каѳедральнаго собора, таковы же замѣтки г. Мельникова по исторіи окрестностей Н. Новгорода и г. Агафонова—„Къ біографіи В. А. Сбоева“, бывшаго въ 40-хъ годахъ профессоромъ казанскаго университета. Сюда же, наконецъ, приходится отнести и статью г. Звѣздина о родовомъ имѣніи А. С. Пушкина въ Нижегородской губерніи и о пребываніи въ немъ поэта въ 30-хъ годахъ, не вносящую ничего новаго въ біографію Пушкина.

Во второмъ отдѣлѣ „Сборника“, кромѣ упомянутой уже описи журналовъ секретнаго комитета по дѣламъ о раскольникахъ, помѣщены еще три описи архивныхъ дѣлъ XVIII вѣка. Изъ нихъ особенно цѣнною является напечатанная г. Снѣжневскимъ опись журналамъ нижегородскаго намѣстническаго правленія за 1784—1787 гг., заключающая въ себѣ большое количество самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній о провинціальной жизни этой эпохи. Двѣ другія описи трактуютъ о дѣлахъ, имѣющихъ спеціальное отношеніе къ городскому быту. Г. Мельниковъ напечаталъ опись дѣлъ арзамасскаго городского магистрата 1789—90 гг. о выборахъ на общественныя должности, В. Г. Короленко—продолженіе составленной имъ и начатой печатаніемъ еще въ предыдущемъ томѣ „Сборника“ описи дѣлъ балахнинскаго магистрата. Эта послѣдняя опись составлена съ рѣдкою обстоятельностью, доходящей до того, что описаніе документовъ и дѣлъ подчасъ смѣняется въ ней изслѣдованіемъ ихъ. Если такой пріемъ и трудно вообще рекомендовать при составленіи архивныхъ описей, то въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ можетъ все же имѣть въ умѣлыхъ рукахъ большую цѣну, и на этотъ разъ мы имѣемъ дѣло именно съ такимъ случаемъ. Минуя третій отдѣлъ „Сборника“, въ которомо помѣщено нѣсколько не представляющихъ большого значенія документовъ XVII, XVIII и XIX вв., отмѣтимъ еще двѣ библіографическія работы, составляющія четвертый его отдѣлъ: это, именно,—составленный В. И. Снѣжневскимъ алфавитный указатель (именной и предметный) къ первымъ 15 выпускамъ „Дѣйствій Нижегородской архивной коммиссіи“ и небольшой посмертный трудъ покойнаго А. С. Гацискаго: „Нижегородское содержаніе Древней Россійской Вивліоѳики“. Какъ видно уже и изъ этого, по необходимости бѣглаго обзора, настоящій томъ „Сборника“ Нижегородской коммиссіи можетъ разсчитывать на вниманіе къ себѣ не только со стороны лицъ, интересующихся исторіей нижегородскаго края.

С. Ф. Либровичъ. Царь въ плѣну. Спб. 1901.

Г. Либровичъ задался цѣлью собрать имѣющіяся въ исторической литературѣ свѣдѣнія о пребываніи въ польскомъ плѣну царя Василія Шуйскаго. Какъ извѣстно, Шуйскій послѣ своего низложенія и постриженія въ монашество былъ выданъ московскими боярами гетману Жолкѣвскому и отвезенъ въ Польшу, гдѣ и умеръ. Тѣло его было похоронено сперва въ мѣстѣ его заключенія—Гостынскомъ замкѣ, потомъ перенесено въ Варшаву, а въ 1635 г. по просьбѣ царя Михаила Федоровича отослано Владиславомъ VI въ Москву. Позднѣе, въ 1647 г., въ Москву отослана была и надгробная плита, положенная кор. Сигизмундомъ III въ варшавской усыпальницѣ Шуйскаго, а въ 1703 г. Петръ В. увезъ изъ Варшавы и картину художника Долабелла, изображавшую представленіе Шуйскаго Сигизмунду. Наконецъ, въ наши дни на мѣстѣ бывшей усыпальницы Шуйскаго въ Варшавѣ построено зданіе первой гимназіи и при немъ православная церковь, при чемъ самая усыпальница осталась, однако, въ нереставрированномъ видѣ. Пересказъ этихъ фактовъ и составляетъ содержаніе книги г. Либровича. Нѣсколько труднѣе опредѣлить то значеніе, которое она можетъ имѣть въ литературѣ. Она не представляетъ собою самостоятельнаго изслѣдованія, и самъ авторъ оговаривается, что онъ „не имѣлъ въ виду составить ученую монографію". Говоря его словами, онъ хотѣлъ лишь „очертить въ популярной формѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ смутнаго времени". Но именно съ этой точки зрѣнія его книга едва-ли имѣетъ большую цѣну. Прежде всего нельзя назвать удачнымъ уже самый выборъ трактуемой въ ней темы для популярнаго очерка. Пребываніе Василія Шуйскаго въ польскомъ плѣну было лишь небольшимъ и въ значительной мѣрѣ случайнымъ звеномъ въ длинной цѣпи событій смутнаго времени и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо „однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ" этой эпохи. Въ сущности, это обстоятельство отмѣчаетъ и самъ г. Либровичъ, указывая на то, что Шуйскій былъ низложенъ совершенно независимо отъ Польши и въ моментъ своего плѣненія былъ уже не царемъ, а простымъ монахомъ. Если бы авторъ сколько-нибудь послѣдовательно развилъ эту мысль, онъ неизбѣжно пришелъ бы къ выводу о сравнительно небольшомъ значеніи самаго факта плѣна Шуйскаго. Взамѣнъ того, онъ увлекся чисто внѣшнимъ эффектомъ картины „царя въ плѣну" и сошелъ съ указаннаго ему научной литературой правильнаго пути. Между тѣмъ и данныя, какими мы располагаемъ для возстановленія этой, не совсѣмъ точно озаглавленной г. Либровичемъ, картины, крайне скудны и носятъ скорѣе археологическій, чѣмъ историческій характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, гдѣ былъ заключенъ и похороненъ Шуйскій, какую плиту надъ нимъ положили и куда ее отослали, но намъ совершенно неизвѣстно, какъ онъ жилъ въ Польшѣ.

Г. Либровичъ не съумѣлъ чѣмъ-либо восполнить этотъ недостатокъ прямыхъ источниковъ и оживить мертвенность изображаемой имъ картины. Его изложенiе, не свободное отъ попытокъ риторическаго краснорѣчiя, вмѣстѣ съ тѣмъ безжизненно и сухо, какъ и передаваемыя въ немъ свѣдѣнiя оффицiальныхъ источниковъ. Правда, авторъ пытается еще увеличить интересъ этихъ свѣдѣнiй своими общими разсужденiями, но послѣднiя сводятся исключительно къ банальнымъ замѣчанiямъ о характерахъ Шуйскаго и Сигизмунда III и къ произвольнымъ и мало любопытнымъ гипотезамъ о томъ, что было бы, если бы Сигизмундъ отпустилъ своего сына на московское царство. Въ концѣ концовъ самою цѣнною, пожалуй, частью въ книгѣ г. Либровича являются приложенные къ ней рисунки, имѣющiе отношенiе къ Шуйскому и его эпохѣ. Такихъ рисунковъ въ книгѣ сорокъ и исполнены они довольно хорошо. Нельзя не замѣтить только, что и въ ихъ выборѣ ярко сказался диллетантизмъ автора. Наряду съ воспроизведенiемъ старыхъ портретовъ Шуйскаго и его современниковъ, снимками съ медалей и гравюръ XVII вѣка и т. п., г. Либровичъ счелъ нужнымъ воспроизвести и фантастическiя картины современныхъ намъ художниковъ, вплоть до рисунковъ „Нивы“. Если это и дѣлаетъ его коллекцiю болѣе полной, то во всякомъ случаѣ не увеличиваетъ ея достоинства.

Д-ръ Габерландтъ — Народовѣдѣнiе. Переводъ съ нѣмецкаго **Э. Гюнсбурга, съ 192 рисунками.** С.-Петербургъ. Изданiе **В. И. Губинскаго,**—1901.

Сознаемся—мы не могли прочесть этой книги, хотя въ ней всего 126 страницъ. Нѣмецкаго подлинника этого сочиненiя Габерландта мы не читали, а переводъ на столько плохъ, что по нему невозможно составить себѣ понятiя о книгѣ.

По наружному осмотру это одинъ изъ краткихъ, популярныхъ компендiумовъ народовѣдѣнiя, вродѣ книжки Шурца, вышедшей въ 1895 году въ хорошемъ переводѣ Д. Коропчевскаго. Подобныя книжки, по своей дешевизнѣ и краткости, никогда не лишнiя и въ болѣе богатой литературѣ, чѣмъ наша, но въ такомъ видѣ, въ какомъ выпущена разбираемая нами книжка, ею пользоваться нельзя.

Переводчикъ плохо владѣетъ обоими языками, путаетъ термины и прямо таки перевираетъ ихъ. И не читавши подлинника, нельзя предполагать, чтобы вѣнскiй антропологъ, авторъ многихъ спецiальныхъ работъ въ этой отрасли, могъ сказать, что головной указатель представляетъ собою отношенiе между длиною и высотою черепа. Никто не видывалъ еще въ русской литературѣ термина „млекопитающiеся“, и ни нѣмецкое Säugethiere, ни латинское mamalia такъ не переводилъ никто. Различiе между терми-

нами „культура“ и „цивилизиція“ совершенно неизвѣстно переводчику, и онъ замѣняетъ одно слово другимъ какъ разъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ подобная замѣна крайне неудобна. Возьмемъ хоть бы примѣръ на стр. 5, гдѣ рѣчь идетъ о законѣ постепеннаго развитія человѣчества и о томъ, что развитіе это шло не одинаково у различныхъ народовъ, при чемъ одни достигли высшихъ ступеней культуры, другіе остановились на первоначальныхъ ея стадіяхъ: „Дѣйствительно, мы можемъ установить поразительное совпаденіе древнѣйшихъ условій быта нашихъ *культурныхъ* народовъ съ *цивилизаціей* современныхъ народовъ, живущихъ въ первобытномъ состояніи“.... Всякій, знакомый съ значеніемъ словъ культура и цивилизація, непремѣнно переставилъ бы подчеркнутыя слова; но нашъ переводчикъ, не зная русскаго языка и общепринятыхъ терминовъ, не стѣсняется создавать свои: „Въ своей *прогулкѣ* по землѣ, народовѣдѣніе встрѣчаетъ народы на самыхъ различныхъ ступеняхъ культуры. Отъ наименѣе развитыхъ *народныхъ* формъ дикихъ лѣсныхъ веддъ *) на Цейлонѣ, оно поднимается до великихъ культурныхъ націй Европы“ и т. д. (стр. 4). Народныя формы,—изобрѣтеніе переводчика: до сихъ поръ говорили о *бытовыхъ* формахъ, культурныхъ формахъ.

На стр. 3 читаемъ: „этотъ первый періодъ народовѣдѣнія прошелъ, въ этой борьбѣ за вновь открытыя области, въ кровавыхъ завоеваніяхъ и ужасающихъ опустошеніяхъ“.—Вѣдь народовѣдѣніе наука, она ни съ кѣмъ не дралась и не воевала. Чего добраго, г. переводчикъ и экзекуціи графа Вальдерзее поставитъ на счетъ народовѣдѣнію.—Вотъ тоже хорошая фраза: „необходимо было обнять взоромъ весь населенный земной шаръ, что достигнуто лишь въ послѣднія десятилѣтія почти въ полной мѣрѣ — прежде чѣмъ описательное народовѣдѣніе не получило возможности изобразить пеструю народную жизнь земли и ея многоступенную культурную лѣстницу“ (стр. 3).

Глава о собственности и правѣ начинается слѣдующими словами: „народовѣдѣніе обнаруживаетъ, начиная съ первоначальной жизненной ступени, вверхъ своеобразное, двойное поведеніе людей въ нравственномъ отношеніи“. „Между собою, въ менѣе или болѣе обширномъ сообществѣ, къ которому они принадлежатъ и которому обязаны, это другіе люди, *чѣмъ* внѣ этого общества, въ сношеніяхъ съ чужеродцами и съ бѣлыми“ (стр. 44). На той-же 44 стр. узнаемъ: „*неправо* (новое слово вмѣсто несправедливость) внутри племени ведетъ къ развитію суда, формою мщенія между иноплеменниками является *кровавое междоусобіе*“.

О языкѣ (стр. 50): „языкъ (т. е. даръ слова) присущъ всему человѣчеству, на сколько мы можемъ прослѣдить развитіе послѣдняго. Глубочайшіе корни его не доступны нашимъ *предположеніямъ*;

*) *Ведды*—лѣсной народъ внутренняго Цейлона.

въ лучшемъ случаѣ они (должно быть корни, а не предположенія, а впрочемъ, не знаемъ?) открываются для нашихъ чувствованій при внимательномъ наблюденіи надъ жизнью животныхъ, напр., человѣкообразныхъ обезьянъ".—Даже подписи подъ рисунками (очень плохими, къ слову сказать) безтолковы: напр., между типами разныхъ народовъ мы открываемъ „змѣйнаго индѣйца", „лошадинаго тунгуса"...

Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. Шіиты въ Карабахѣ. Батчи и опіумоѣды въ Средней Азіи. Оберъ-Амергау въ горахъ Баваріи. **Разсказы художника В. В. Верещагина**—съ рисунками. Москва. 1900 г.

Настоящіе „разсказы" художника В. В. Верещагина по своимъ литературнымъ достоинствамъ нисколько не превышаютъ изданныхъ имъ раньше „Листковъ изъ записной книжки", о которыхъ въ свое время былъ данъ отзывъ на страницахъ „Русскаго Богатства" *). Мы недоумѣваемъ, почему на этотъ разъ художникъ Верещагинъ назвалъ *разсказами* свои дорожные черновые, случайные, отрывочные и мимолетные наброски развлекающагося туриста, заѣзжавшаго, между прочимъ, и въ Закавказье, и въ Среднюю Азію, и въ Баварскія горы. Новые „разсказы" нашего знаменитаго художника опять таки все тѣ-же разрозненные „листки изъ записной книжки", заполненной безъ особаго выбора фактовъ торопливой рукой досужаго автора, у котораго было слишкомъ много разнообразныхъ путевыхъ впечатлѣній и вовсе не было ни охоты, ни, пожалуй, умѣнья вдуматься поглубже въ смыслъ изображаемаго и придать случайнымъ наброскамъ настоящую литературную обработку. Отмѣтимъ нѣкоторыя частныя особенности разсматриваемыхъ „разсказовъ. Сообщая черты изъ жизни русскихъ сектантовъ или „сектаторовъ", какъ называетъ ихъ авторъ, г. Верещагинъ все время держится какого-то высокомѣрно-презрительнаго тона, который производитъ довольно непріятное впечатлѣніе. О духоборахъ г. Верещагинъ разсказываетъ, что они корыстны, что на собраніяхъ „мужчины становятся съ одной стороны, а жонки съ другой" (9 стр.), что только „запѣвалы слѣдятъ за словами псалмовъ, а остальные вторятъ воемъ" (11 стр.) и что псалмы духоборовъ „неудобны къ печати". Столь же суровъ отзывъ нашего автора о молоканахъ, которые, будто бы, очень кляузны и употребляютъ втихомолку табакъ и водку.—Извѣстную секту „прыгуновъ" г. Верещагинъ также почему-то причисляетъ къ молоканамъ. Очень характерно для авторской манеры художника Верещагина нижеслѣдующее мѣсто изъ описанія бдѣнія прыгуновъ: ...„Дѣтина мой,—пишетъ авторъ на стр. 34,—не только не упалъ, но еще началъ выкидывать

*) См. «Рус. Бог.» 1899 г. № 1-й.

ногами и всѣмъ тѣломъ разные фокусы. Скоро все собраніе заходило,—стонъ пошелъ по хатѣ: скаканье, топанье, взвизгиванье бабъ, руками всѣ размахиваютъ, лица пресвирѣпыя. Я сжался въ уголокъ (sic), просто страшно сдѣлалось, кажется, вотъ-вотъ сейчасъ пришибутъ... Наконецъ, какой-то расходившійся сшибъ кулакомъ свѣчу со стола, въ избѣ сдѣлалось темно... впрочемъ, огонь показался сейчасъ же".

Присутствуя неоднократно среди сектантовъ и даже бесѣдуя съ ними, авторъ, казалось бы, долженъ хорошо ознакомиться съ своеобразными чертами ихъ быта, но этого знакомства не видно изъ „разсказовъ" г. Верещагина. Вообще — ничего, кромѣ чертъ, всѣмъ давно извѣстныхъ и чисто внѣшнихъ, г. Верещагинъ подмѣтить не успѣлъ. И до него мы знали, что прыгуны прыгаютъ, на моленіяхъ молоканъ и духоборовъ поютъ гимны, и т. д. — и по прочтеніи его книги ничего новаго мы не узнали... Впрочемъ, быть можетъ, отчасти виновато здѣсь и то незавидное положеніе, въ которомъ очутился нашъ авторъ среди сектантовъ. „Послѣдніе (духоборы) такъ, кажется, и остались увѣрены, пишетъ онъ, что мое пребываніе у нихъ имѣло цѣлью тайные розыски и въ перспективѣ—ссылку на Амуръ".

Жаль, что авторъ не сумѣлъ вывести ихъ изъ этой печальной увѣренности. Съ внѣшней стороны книжка г. Верещагина издана вполнѣ удовлетворительно, а рисунки самого автора служатъ, разумѣется, ея главнымъ украшеніемъ.

П. Г. Мижуевъ. Образованіе во Франціи. Низшее, среднее и высшее. С. Петербургъ 1901 г.

Въ послѣднюю четверть минувшаго столѣтія Франція, какъ извѣстно, сдѣлала значительные успѣхи въ дѣлѣ народнаго образованія, въ особенности же начальнаго. Г. Мижуевъ весьма обстоятельно знакомитъ насъ съ историческимъ ходомъ школьнаго прогресса во Франціи и сообщаетъ не мало интересныхъ подробностей изъ жизни французской школы, которыя могутъ быть поучительны также и для насъ. Трудъ г. Мижуева интересенъ въ особенности потому, что авторъ не ограничивается изображеніемъ современнаго состоянія французской школы, а знакомитъ своихъ читателей съ тѣмъ длиннымъ путемъ, который привелъ эту школу къ ея настоящему положенію.

Въ періодъ дореволюціонный начальныя французскія школы представляли зрѣлище довольно таки печальное. Онѣ наполовину принадлежали духовенству, и всякій встрѣчный могъ занимать въ нихъ учительское мѣсто: стоило только выдержать чрезвычайно простое испытаніе у лица, назначеннаго для этого епископомъ въ каждой епархіи. Только съ тѣхъ поръ, когда эти примитивныя школы были снесены бурнымъ потокомъ революціи, начальное

образованіе во Франціи пошло впередъ гигантскими шагами. И если среднія французскія школы еще и понынѣ не освободились изъ подъ вліянія клерикализма, то низшія совершенно свободны отъ этого вліянія.

Еще въ 1882 г. въ основу организаціи низшихъ французскихъ школъ вошли три основные принципа, господствующіе и понынѣ: *безплатность* обученія, *обязательность* и—какъ выражается г. Мижуевъ—*свѣтскость* начальныхъ школъ, т. е. отсутствіе въ школахъ преподаванія Закона Божія, подобно тому, какъ это дѣлается въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ качествѣ показателя отличнаго состоянія низшаго образованія во Франціи, можетъ служить число учительскихъ семинарій, которыхъ авторъ насчитываетъ тамъ 200 слишкомъ на населеніе, не достигающее 40 милліоновъ. Для соблюденія такой же точно пропорціи на наше 130-милліонное населеніе *потребовалось бы 600 учительскихъ семинарій, тогда какъ у насъ ихъ имѣется на лицо всего 60.*—Меньшими подробностями отличаются очерки г. Мижуева, посвященные развитію средняго и высшаго образованія во Франціи, но все же и они вполнѣ обстоятельны и содержатъ много статистическаго матеріала, представленнаго, правда, въ сыромъ видѣ. Знакомитъ насъ авторъ также и со спеціальными учебными заведеніями Франціи. Изъ всего сказаннаго видно, что трудъ г. Мижуева заслуживаетъ полнаго вниманія и выходитъ какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ вопросы воспитанія и обученія стали очередными вопросами нашего времени.

Вполнѣ доступная цѣна (1 рубль), несомнѣнно, поможетъ широкому распространенію этого полезнаго изданія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Литературно-художественный сборникъ. Петерб. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Карлинъ. Дикари. Изъ жизни обитателей Одесскаго порта. Изд. Г. В. Свистунова Одесса. 1901. Ц. 35 к.

В. Янчевецкій. Записки пѣшехода. Ревель. 1901.

Ѳ. Павловъ. За десять лѣтъ практики (Отрывки воспоминаній, впечатлѣній и наблюденій изъ фабричной жизни). Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1901. Ц. 50 к.

А. С. Ловенгардтъ. Въ осенней мглѣ. Очерки и разсказы. Одесса. 1901. Ц. 50 к.

Къ свѣту! Сборникъ статей свящ. ***Г. Петрова.*** Москва. 1901. Ц. 20 к.

Н. Ломакинъ. Изъ жизни мужчинъ. Москва. 1901. Ц. 50 к.

Божьи дѣти. Сборникъ. Составилъ ***Ч. Вѣтринскій***. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва. 1901. Ц. 7 к.

Вл. Гольденбергъ. Слишкомъ поздно и др. разсказы. Кіевъ. 1901. Ц. 1 р.

Чему быть—того не миновать и др. разсказы. ***К. К. -скаго***. Изд. А. Л. Трунова. Петерб. 1901. Ц. 80 к.

Оповидання про жыття кобзаря. ***Ол. Кукулевскаго***. Кіевъ. 1901. Ц. 2 к.

Е. Воскресенскій. Замѣтки о преподаваніи русскаго языка въ начальной школѣ. Изд. К. И. Тихомірова. Москва. 1901. Ц. 35 к.

Новѣйшіе иностранные писатели. Серія I, вып. II. Петерб. 1901. Цѣна серіи (10 вып.) 2 р.

Georges Pellissier. Le mouvement littéraire contemporain. Paris. 1901.

М. Чайковскій. Жизнь Петра Ильича Чайковскаго. Вып. VII. Москва. 1901. Ц. 40 к.

Больтонъ Кингъ. Исторія объединенія Италіи. Т. I. Изд. С. Скирмунта. Москва. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

А. Ѳ. Летцъ. Исторія бурскаго народа. Ташкентъ. 1901. Ц. 1 р. 35 к.

А. Бёклей. Жизнь и ея дѣти. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1901. Ц. 2 р.

І. Нусбаумъ. Основы біологіи. Изд. А. Ю. Маноцковой. Москва. 1901. Ц. 80 к.

В. Вартаньянцъ. Антропологическая философія. II. Миртовъ и субъективный методъ въ соціологіи. Тифлисъ. 1901. Ц. 25 к.

А. Богдановъ. Познаніе съ исторической точки зрѣнія. Петерб. 1901. Ц. 1 р.

Фридрихъ Іодль. Давидъ Юмъ, его жизнь и философія. Изд. А. Ю. Маноцковой. Москва. 1901. Ц. 1 р. 20 к.

В. Д. Катковъ. Наука и философія права. Берлинъ. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Талмудъ. Мишна и Тосефта. Критич. перев. ***Н. Переферковича***. Томъ III. Изд. П. П. Сойкина. Петерб. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Д-ръ Л. Штейнъ. Къ аграрному вопросу. Изд. А. Ю. Маноцковой. Москва. 1901. Ц. 75 к.

Кн. ***Г. М. Тумановъ***. Земельные вопросы и преступность на Кавказѣ. Петерб. 1901. Ц. 60 к.

М. Н. Волынскій. Всесословная волость, какъ судебно-административная и земская единица. Петерб. 1901. Ц. 75 к.

А. А. Зубрилинъ. Способы улучшенія крестьянскаго хозяйства въ нечерноземной полосѣ. Изд. И. И. Горбунова-Посадова. Москва. 1901. Ц. 1 р. 10 к.

Ив. Котляревскій. Кредитныя товарищества. Петерб. 1901. Ц. 15 к.

В. В. Усовъ. Культура болотъ, луговодство и полевое хозяйство. Петерб. 1901. Ц. 1 р.

Труды опытныхъ лѣсничествъ. Изд. лѣсного департ. м-ва земледѣлія и госуд. имущ. Петерб. 1901.

М. Г. Бланкъ. Сахарная нормировка и вывозная премія. Петерб. 1901.

Б. И. Воротынскій. Исторія въ наукѣ и въ жизни. Казань. 1901. Ц. 35 к.

Ив. Кондорскій. О значеніи психическихъ факторовъ въ дѣлѣ возникновенія и теченія болѣзней. Курскъ. 1901. Ц. 15 к.

Врачъ Н. Тезяковъ. Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Воронежъ. 1901. Ц. 50 к.

В. Рахмановъ. Физическіе способы лѣченія. Москва. 1901. Ц. 75 к.

Ясли-пріюты для дѣтей въ деревняхъ. ***А. И. Шингарева***. Воронежъ. 1901. Ц. 5 к.

Тридцатилѣтіе дѣятельности Черниговскаго городскаго общ. управленія 1870—1901. Черниговъ. 1901.

Отчетъ семейно - педагогическаго кружка въ г. Казани. Казань. 1901.

Отчетъ 1-ой безплатной Виленской читальни-библіотеки за 1900 г. Вильна. 1901.

Отчетъ о дѣятельности коммиссіи по устройству народныхъ чтеній въ Екатеринославѣ за 1900 г. Екатеринославъ. 1901.

Отчетъ Нижегородской городской общ. библіотеки за 1900 г. Нижній-Новгородъ. 1901.

А. Е. Алекторовъ. Указатель книгъ журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900. Ц. 6 р. 15 к.

Карманный «Весь Петербургъ». Изд. О. С. Іодко. Петерб. 1901. Ц. 20 к.

Наша текущая жизнь.

«Міръ Божій», май и іюнь. — «Вѣстникъ Европы», май и іюнь. — «Русская Мысль», апрѣль, май и іюнь.—«Жизнь», апрѣль (Новая философія гг. Струве и Бердяева, или метафизика противъ эволюціоннаго позитивизма.—Г. Милюковъ о реформѣ Петра и русскомъ дворянствѣ.—Низкія истины г. Вересаева и возвышающій обманъ его коллегъ.—«Спиритуалистическій» романъ г. Альбова.—«Семья Варавиныхъ», или борьба либеральныхъ отцовъ и авторитарныхъ дѣтей. — Разгромъ «Жестокихъ» г. Боборыкинымъ.—Проза и поэзія г. Горькаго.—До пріятнаго разговора, князь!).

Позволю себѣ начать съ конца, т. е. изъ двухъ лежащихъ сейчасъ предо мной книжекъ „Міра Божія", майской и іюньской, остановлюсь прежде всего на послѣдней. Меня очень заинтересовали въ ней двѣ родственныя по духу статьи выдающихся представителей нашего „критическаго" марксизма: это, съ одной стороны, разсужденія „На разныя темы" г. Струве, а съ другой—„Борьба за идеализмъ" г. Бердяева. Интересны эти статьи не сами по себѣ, а какъ симптомъ теперешняго настроенія довольно большой части нашей молодежи, какъ знаменія времени. Въ этомъ смыслѣ онѣ гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ то показаться иному читателю.

Г. Струве такъ начинаетъ свою статью:

Какъ бы пишущему эти строки ни хотѣлось, чтобы въ нашей литературѣ упразднилась возможно скорѣе всякая ненужная полемика, но ему приходится по неволѣ полемически говорить по адресу тѣхъ, съ кѣмъ онъ въ настоящее время считалъ бы излишнимъ вести прямой споръ *).

Вотъ именно это самое состояніе духа испытываю и я, въ этомъ самомъ положеніи нахожусь и я. Да, страстно желалось бы оставить всякіе не только „прямые", но и косвенные споры съ людьми, въ родѣ г. Струве или г. Бердяева, съ которыми есть нѣкоторые общіе—и далеко не второстепенные — пункты соціальнаго міровоззрѣнія. И „настоящее время", а въ еще большей степени ближайшее будущее заставитъ, вѣроятно, каждаго изъ насъ, возможныхъ союзниковъ въ борьбѣ за общій идеалъ противъ нашихъ общихъ же враговъ, — заставитъ, говорю я, насъ семь разъ примѣрить прежде, чѣмъ отрѣзать, и семь разъ повернуть кончикомъ пера прежде, чѣмъ бросить оскорбительный отзывъ или просто рѣзкій эпитетъ по адресу людей, которые все же

*) Стр. 12.

ближе, нежели кто бы то ни было изъ сторонниковъ иного соціальнаго идеала, стоятъ къ намъ, нашимъ стремленіямъ, нашимъ историческимъ задачамъ, да отчасти и нашимъ пріемамъ ихъ рѣшенія.

Но именно въ виду этой самой возможности совмѣстной дѣятельности чувствуешь потребность объясниться... Если въ моихъ объясненіяхъ съ г. Струве и г. Бердяевымъ и будетъ поэтому полемика, то въ ней во всякомъ случаѣ будетъ отсутствовать по возможности тотъ элементъ личной раздражительности, на который не безъ основанія жалуется г. Струве, говоря о „нетерпимости отродоксальнаго марксизма". Я умѣю ненавидить идейныхъ враговъ, умѣю любить идейныхъ друзей, вѣроятно, не меньше, чѣмъ любой „ортодоксъ". Но надо же соблюдать извѣстные оттѣнки въ этой любви и этой ненависти; и если писатели, о которыхъ я поведу сейчасъ рѣчь, извѣстными сторонами своего міровоззрѣнія и своей дѣятельности, по моему убѣжденію, сильно вредятъ нормальному развитію и торжеству общаго мнѣ съ ними соціальнаго идеала, то все же, говоря вообще, они идутъ въ направленіи къ этому идеалу и не должны быть смѣшиваемы съ прямыми противниками общественно-прогрессивнаго міровоззрѣнія.

Не буду говорить о полемикѣ г. Струве противъ ортодоксальнаго марксизма: по скольку „критика" будитъ мысль людей, застывшихъ на формулѣ, она можетъ только заслуживать одобренія. Не буду брать на себя и защиты субъективнаго метода г. Михайловскаго, метода, будто бы упраздненнаго самимъ творцомъ въ февральской книжкѣ „Русскаго Богатства", если вѣрить торжествующимъ заявленіямъ г. Струве: мнѣ нечего играть роль сторожа на территоріи г. Михайловскаго, который съумѣетъ самъ дать надлежащій отпоръ тѣмъ, кто заходитъ охотиться на его владѣніяхъ. Могу лишь увѣрить г. Струве, что если кто упразднилъ свой прежній методъ, то это „критическіе" марксисты, отказавшіеся отъ своего недавняго догматическаго богословія.

Перехожу прямо къ тому, что касается меня или, вѣрнѣе, тѣхъ пунктовъ въ одной изъ моихъ статей о г. Струве, на которые считаетъ теперь нужнымъ отвѣчать этотъ авторъ. Пункты эти, дѣйствительно, таковы, что только надлежащій отвѣтъ на нихъ можетъ устранить мои сомнѣнія и огорченія по поводу, повторяю, симпатичнаго мнѣ въ общемъ г. Струве, который продолжаетъ меня подкупать своимъ правдоискательствомъ, своею искренностью, своею логическою смѣлостью.

Пунктъ первый: въ декабрьской книжкѣ прошлаго года я замѣтилъ, что и

увлеченіе (г. Струве) идеалистической философіей отражаетъ печальное состояніе умовъ господствующихъ классовъ, которые повсюду теперь предпочитаютъ трезвой критической мысли и положительной наукѣ—гашишъ метафизики и сверхъ-чувственныхъ фантазій.

И вотъ г. Струве, окончательно изведшій изъ темницы ортодоксальнаго марксизма свою душу и благожелательно заботящійся о спасеніи моей, констатируетъ по этому поводу „съ немалымъ огорченіемъ“ (эквивалентомъ моего собственнаго огорченія, еще раньше высказаннаго), что такое мое „открытіе“ относится, молъ, къ области „наиболѣе сомнительныхъ идей марксизма“, и что я „вдохновляюсь“ здѣсь „самимъ Марксомъ или Энгельсомъ“. А между тѣмъ, предостерегаетъ меня г. Струве,

умный и прямо геніальный человѣкъ былъ Марксъ, но всетаки ни ему, ни кому иному не удавалось и не удастся связать иначе, какъ бѣлыми нитками и грубыми декретами, метафизическое творчество съ «состояніемъ умовъ господствующихъ классовъ». Или это просто тавтологическій оборотъ (упоеніе гашишемъ метафизики выражаетъ печальное состояніе умовъ господствующихъ классовъ — что же кромѣ печальнаго состоянія можетъ вообще означать склонность къ «гашишу»?), въ которомъ высказывается личное отношеніе г. Подарскаго къ метафизическому умозрѣнію, или это соціологическое обобщеніе, стоящее вполнѣ на уровнѣ знаменитаго истолкованія Энгельсомъ, Бернштейномъ и другими неокантіанства, какъ философскаго міровоззрѣнія склоняющейся къ упадку буржуазіи, какъ какого то философскаго Katzenjammer'а господствующихъ классовъ. Конечно, поскольку въ философскомъ творчествѣ принимаютъ участіе по преимуществу члены «господствующихъ» классовъ, оно отражаетъ собой состояніе ихъ «умовъ», но для меня между понятіемъ «классъ» и понятіемъ «философское творчество» лежитъ столь большое разстояніе, и притомъ не пустое, а наполненное самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, что я не въ силахъ вовсе мыслить себѣ одно понятіе—какъ субъектъ, другое—какъ предикатъ такого сужденія, которое могло бы претендовать на какой-либо человѣческій смыслъ. И когда у меня—согласно принятому и одобренному трафарету—возникаетъ въ головѣ вопросъ, какой классъ повиненъ въ метафизикѣ Спинозы или Фихте, то я—скажу безъ всякаго стыда—начинаю просто глупѣть отъ подобнаго вопроса. Признаюсь, что подобное же чувство оглупѣнія вызвала у меня и марксистская фраза журнальнаго обозрѣвателя «Русскаго Богатства». Кто былъ виноватъ въ моемъ плачевномъ состояніи, предоставляю рѣшить читателю *).

„Кто виноватъ“? Совсѣмъ какъ заглавіе извѣстнаго романа!.. Кто виноватъ? Во всякомъ случаѣ, не я. Вотъ, можетъ быть Бельтовъ,—не герой, конечно, только что упомянутаго романа, а тотъ, другой г. Бельтовъ, написавшій книгу „Къ вопросу“ и т. д. Могу даже сказать, я такъ мало чувствую себя ортодоксальнымъ марксистомъ, что нисколько не боюсь быть заподозрѣннымъ въ распространеніи „наиболѣе сомнительныхъ идей марксизма“ и съ истиннымъ удовольствіемъ цитирую, какъ видите, довольно длинную тираду г. Струве противъ правовѣрныхъ учениковъ Маркса. Цитирую, во-первыхъ, потому, что относительно „повинности“ того или иного класса въ какой нибудь опредѣленной метафизикѣ, напр., „Спинозы или Фихте“, былъ полонъ скептическаго сомнѣнія еще въ то время, какъ критическіе аккорды не срывались съ такою силою со струнъ тогда гораздо

*) Стр. 21—22.

болѣе марксистской, чѣмъ фихтеанской лиры г. Струве, и еще въ то время, какъ г. М. И. Туганъ-Барановскій, „мой ближайшій товарищъ по литературной дѣятельности“,—говоритъ г. Струве (стр. 19),—который „такъ же, какъ и я, никогда не былъ ортодоксальнымъ марксистомъ“, доказывалъ тѣмъ не менѣе въ полемикѣ съ г. Михайловскимъ, и доказывалъ гораздо болѣе горячо, чѣмъ убѣдительно, въ какой сильной степени идеи хотя Адама Смита обусловливаются экономическими отношеніями и интересами класса.

Цитирую, во-вторыхъ, потому, что, не будучи ни душой, ни тѣломъ виноватъ въ „оглупѣніи“ г. Струве, я въ то же время убѣжденъ—и постараюсь это сейчасъ доказать—что вовсе не надо быть марксистомъ для признанія зависимости между взглядами, чувствами, идеями и предразсудками извѣстнаго класса и его соціально-исторической судьбой. Предоставимъ ортодоксальнымъ и не ортодоксальнымъ поклонникамъ экономическаго матеріализма заниматься логическимъ и діалектическимъ гранъпасьянсомъ, пытаясь объяснить каждую философскую систему изъ „классовыхъ интересовъ“. Мы, реалисты и позитивисты, утверждаемъ лишь, что жизненныя отношенія извѣстнаго класса, а въ опредѣленныхъ рамкахъ и отдѣльнаго лица, должны отражаться въ различныхъ процессахъ его мозговой и нервной дѣятельности, въ различныхъ видахъ „творчества“: политическомъ, научномъ, эстетическомъ и т. п.; и что продукты этого разнообразнаго творчества являются въ извѣстномъ смыслѣ отраженіемъ жизни.

Грѣшный человѣкъ, но я-то испытываю не просто риторическое, а дѣйствительное чувство „оглупѣнія“, видя, что въ данный моментъ мнѣ приходится доказывать вещь, повидимому уже вошедшую теперь въ обиходъ идей и представленій человѣка, мало-мальски знакомаго съ понятіемъ причинности и законосообразности. Какой изъ историковъ культуры не старается прослѣдить вліяніе общественныхъ формъ на идеи, пріемы, навыки, мысли и чувства людей? Какой историкъ литературы не отыскиваетъ—если не всегда теоретически, то всегда фактически—взаимодѣйствія между жизнью и художественнымъ творчествомъ? И развѣ мало теперь даже историковъ философіи, въ родѣ хотя бы Виндельбанда, которые задаются цѣлью привести въ связь работу абстрактной мысли надъ созиданіемъ философскихъ системъ и политическую и культурную эволюцію различныхъ странъ? Г. Струве съ своей эрудиціей долженъ знать все это лучше меня. Но, нисколько не претендуя на такую ученость, я беру первые пришедшіе въ голову примѣры, показывающіе, что люди не до-

*) Г. Туганъ-Барановскій продолжаетъ развивать точку зрѣнія такой зависимости—правда, не съ прежней прямолинейностью—въ своихъ «Очеркахъ изъ исторіи политической экономіи», печатающихся вотъ уже въ нѣсколькихъ книжкахъ «Міра Божія».

жидались Маркса, чтобы установить зависимость между самыми, казалось бы, абстрактными продуктами человѣческой головы и потребностями данной эпохи и даннаго общества

Если бы теорема о квадратѣ гипотенузы шокировала наши привычки ума, то мы быстро отвергли бы ее. Если бы мы чувствовали потребность вѣрить, что крокодилы—боги, то завтра же, на площади, имъ воздвигли бы храмъ. Столько различныхъ религій и столько противоположныхъ философій, столько отброшенныхъ истинъ и столько упорно поддерживавшихся заблужденій показали, что установленіе и паденіе мнѣній зависятъ не отъ ихъ абсурдности или очевидности, но отъ того, насколько они подходятъ къ состоянію умовъ или же противорѣчатъ ему. Въ силу этого догмы измѣнялись сообразно вѣкамъ и народамъ. Въ томъ нѣтъ никакого оскорбленія ни для эпохи, ни для расы, если мы объясняемъ ихъ вѣрованія ихъ же основными стремленіями и общими привычками; нѣтъ никакого оскорбленія и для философской системы эклектизма объяснить ея успѣхъ геніемъ и склонностями создавшихъ ее страны и эпохи.

Эти строки писаны въ началѣ 50-хъ годовъ, стало быть, до того времени, какъ ученіе Маркса успѣло широко распространиться и сдѣлаться столь популярнымъ, писаны во всякомъ случаѣ человѣкомъ, который не имѣлъ тогда понятія о Марксѣ, да врядъ ли когда-нибудь и позже прочиталъ хоть одно слово изъ него. И, однако, связь между потребностями общества и продуктами самаго, повидимому, отвлеченнаго творчества указана въ приведенной цитатѣ какъ нельзя болѣе ясно.

Но, можетъ быть, г. Струве усматриваетъ тутъ лишь „общество", а не „господствующій классъ". Совѣтую ему въ цитированной книгѣ—онъ, конечно, знаетъ, какой—просмотрѣть хотя бы тѣ страницы, на которыхъ изображается, какъ одинъ изъ духовныхъ отцовъ французскаго эклектизма, Викторъ Кузэнъ, самымъ удачнымъ образомъ приспособлялъ эту философскую систему къ потребностямъ господствующаго класса, либеральной буржуазіи:

Видно, что г. Кузэнъ разносилъ свой эклектизмъ по скамьямъ лѣвой. Онъ изъ своихъ моральныхъ теорій выводилъ конституціонное правительство и хартію,—превосходная тактика, которая изъ системы дѣлала партію, переносила на нее расположеніе и интересъ, возбуждавшіеся либеральными мнѣніями, и должна была въ моментъ политическаго торжества превратить ее въ государственную философію.

Не мѣшаетъ, кстати, припомнить довольно пикантную подробность, словно нарочно существующую для того, чтобы снабдить насъ отвѣтомъ по адресу г. Струве, скандализированнаго моимъ мнѣніемъ насчетъ тяготѣнія отживающихъ „господствующихъ классовъ" къ гашишу метафизики. Вотъ съ какими философскими рѣчами обращался краснорѣчивый эклектикъ къ сыновьямъ буржуазіи, составлявшимъ его университетскую аудиторію:

Господа, вы горячо любите отечество. Если вы хотите спасти его, увѣруйте въ наши прекрасныя доктрины. Слишкомъ долго мы гнались за сво-

бодой по пути рабства. Мы хотѣли быть свободными, обладая моралью рабовъ. Нѣтъ, пьедесталомъ статуи свободы не можетъ быть интересъ, и не философіи сенсуалистовъ и ея мелкимъ максимамъ суждено служить созданію великихъ народовъ.

Съ другой стороны, если опять таки въ той же книгѣ г. Струве пробѣжитъ тѣ страницы, на которыхъ изображается, какъ „порядокъ" и охраняющій его „жандармъ" являлись практическимъ постулатомъ „прекрасныхъ доктринъ" эклектизма, смѣнившаго „рабскую мораль" сенсуализма и „мелкихъ максимъ интереса", то, пожалуй, онъ согласится, что и помимо Маркса были мыслители, замѣчавшіе зависимость между „сверхъ-чувственными фантазіями" и состояніемъ умовъ „господствующихъ классовъ".

Не спорю, что „господствующіе классы" обнаруживали въ нѣкоторыя послѣдующія эпохи стремленіе къ позитивизму и практическое отвращеніе къ метафизикѣ во имя осязательныхъ благъ міра. Но кратки бывали по большей части эти періоды и совпадали съ тѣми временами, когда у представителей владѣнія было спокойно на душѣ. А при малѣйшей пертурбаціи,—что случалось все чаще и чаще по мѣрѣ того, какъ третье сословіе клонилось все болѣе и болѣе къ упадку и слышало за собою гулкіе шаги своего историческаго наслѣдника, четвертаго сословія,—„господствующій классъ" все охотнѣе и продолжительнѣе прибѣгалъ къ употребленію „гашиша метафизики" и все усерднѣе рекомендовалъ это же средство для успокоенія реальныхъ и идеальныхъ потребностей настигавшихъ его массъ.

Не знаменательно ли, напр., что послѣ одного изъ такихъ „настиганій", поведшихъ къ величайшей исторической коллизіи между міромъ труда и міромъ капитала, уже цитированный мною авторъ, онъ, нанесшій такіе страшные удары метафизикѣ, бралъ подъ свое покровительство самый худшій родъ ея, католическій спиритуализмъ, и пѣлъ восторженные диѳирамбы ему:

Онъ до сихъ поръ является еще, для милліоновъ человѣческихъ существъ, духовнымъ органомъ, великою парою крыльевъ, необходимыхъ для того, чтобы поднять человѣка надъ самимъ собой, надъ его низко ползущею жизнію и его ограниченными горизонтами, чтобы довести его, путемъ терпѣнія, смиренія и надежды, до яснаго спокойствія души, чтобы вознести его за предѣлы воздержанія, чистоты и добра, до самоотверженія и жертвы. Всегда и повсюду, какъ только ослабѣваютъ эти крылья или перебиваютъ ихъ, общественная и личная нравственность падаетъ... Ни философскія основанія, ни артистическая и литературная культура, ни даже феодальная, военная и рыцарская честь, никакой кодексъ, никакая администрація, никакое правительство не въ состояніи замѣнить его (спиритуализмъ) въ этомъ дѣлѣ. Лишь онъ можетъ удержать насъ на нашей природной покатости, остановить незамѣтное сползаніе, въ силу котораго наша раса безпрерывно и всею своею первоначальною тяжестью движется назадъ къ самымъ низменнымъ сторонамъ своимъ; и старая книга, какова бы ни была ея современная оболочка, еще и по настоящее время, является самою лучшею помощницею соціальнаго инстинкта.

Теперь, мнѣ кажется, г. Струве можетъ понять, какъ, не будучи марксистомъ, но видя такія сальто-мортале и скачки отъ позитивизма къ апологіи самой грубой метафизики у выдающихся представителей буржуазіи, наблюдатель общественной жизни вынужденъ говорить о склонности господствующихъ классовъ къ „гашишу“, какъ объ отраженіи „печальнаго состоянія умовъ“ этихъ, чувствующихъ свое соціальное отмираніе, классовъ. Слѣдуетъ ли отсюда, что мы должны заподозривать каждаго отдѣльнаго мыслителя, каждаго философа въ грубой эгоистической измѣнѣ прежнимъ теоретическимъ убѣжденіямъ подъ вліяніемъ страха за карманъ? Конечно, не слѣдуетъ, хотя могутъ быть и такіе случаи. Но въ чемъ мы должны отдавать себѣ отчетъ, это въ томъ, что привилегированный классъ, взятый въ цѣломъ, не можетъ не отражать и въ своихъ идейныхъ продуктахъ тѣхъ потребностей и интересовъ, которые руководятъ его жизненною дѣятельностью.

Вольно, конечно, было ортодоксальнымъ марксистамъ свести классовую борьбу чуть не исключительно къ борьбѣ за удовлетвореніе экономическихъ потребностей и въ классовыхъ интересахъ видѣть почти единственно хозяйственные интересы: большинство возраженій дѣлаются именно противъ такихъ упрощенныхъ представленій объ обществѣ и его дѣленіяхъ. Но если видѣть въ классахъ группы лицъ, соединенныхъ самыми разнообразными потребностями, въ интересахъ же не только интересы „желудка“, а интересы власти, вліянія, сословной гордости, моды, привычекъ, то довольно трудно понять, что собственно можно возразить противъ зависимости идейныхъ созданій даннаго класса отъ его соціальной судьбы и перипетій ея. Надо ли, напр., быть марксистомъ для того, чтобы находить отголоски классовыхъ коллизій въ стихахъ аристократическаго поэта-изгнанника Ѳеогниса, жалующагося на потерю старыхъ традицій, старыхъ понятій о чистотѣ знатныхъ семей и проклинающаго богатство, которое всецѣло царитъ теперь въ его родномъ городѣ (Мегарѣ), развратило нравы и заставляетъ „человѣка изъ хорошаго рода жениться на хамкѣ, дочери хама, если только она принесетъ ему въ приданое много денегъ“?

О, конечно, философія—вещь гораздо болѣе абстрактная, чѣмъ поэзія, и потому гораздо болѣе удаленная отъ непосредственныхъ вопросовъ жизни. Мало того, печать индивидуальнаго творчества, лежащаго на данной умозрительной системѣ (впрочемъ, какъ и на художественномъ произведеніи), маскируетъ зачастую отъ насъ самымъ радикальнымъ образомъ зависимость данной философіи отъ породившей ее соціальной и интеллектуальной среды. Но вѣдь я уже сказалъ, что прослѣживать точное выраженіе „классовыхъ интересовъ“ въ отдѣльной метафизической системѣ я предоставляю ученикамъ Маркса. Приведшая же г.

Струве въ смущеніе фраза моя о гашишѣ, отражающемъ современное печальное состояніе господствующихъ классовъ, выражаетъ лишь общую и, по моему, вѣрную мысль относительно того, что соціально отмирающій и чувствующій это отмираніе классъ долженъ сознательно и безсознательно, корыстно и безкорыстно стремиться къ устроенію себѣ такихъ идейныхъ убѣжищъ, гдѣ бы онъ могъ забыться отъ зловѣщаго memento mori исторической эволюціи.

Но здѣсь я подхожу ко второму пункту нашего спора, пункту, который можетъ вызвать нежелательное для меня недоразумѣніе, и его я долженъ устранить сейчасъ же. Какъ я смотрю на „увлеченіе г. Струве элементами идейной реакціи"? Вкладываю ли я какой нибудь лично обидный для нашего автора смыслъ въ констатированіе того факта, что г. Струве такъ страстно тяготѣетъ къ метафизическому идеализму? Нисколько: я, наоборотъ, сожалѣю, что человѣкъ мыслящій и искренній подпалъ подъ вліяніе общихъ причинъ современной идейной реакціи, прокидывающейся среди господствующихъ классовъ. Я разсуждаю такъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ отмирающее третье сословіе естественно создаетъ себѣ кладбищенскую или же призрачно-возвышенную философію, четвертое сословіе полно жизни, энергіи и всѣми силами своей здоровой души стремится къ удовлетворенію своихъ человѣческихъ, и матеріальныхъ, и идеальныхъ, потребностей здѣсь, на землѣ, въ широкомъ мірѣ божіемъ, при свѣтѣ жаркаго солнца, а не томно-романтической луны. Вмѣстѣ съ великимъ „утопистомъ" оно готово провозгласить право на „сильныя и утонченныя страсти". Вліяніе его жизнерадостнаго міровоззрѣнія и его все растущей соціальной мощи на сосѣдніе классы становится, наконецъ, настолько сильно, что лучшіе элементы буржуазіи или прямо переходятъ на его сторону, или стараются совмѣстить, если можно такъ выразиться, призрачно-метафизическій культъ луны съ ярко-реальнымъ культомъ солнца.

Къ этимъ межеумочнымъ двубожникамъ и принадлежитъ г. Струве, хотя я не велъ бы съ нимъ этого разговора, если бы не надѣялся, что рано или поздно, но онъ откажется отъ метафизическаго лунатизма. Авторъ, вотъ, недоумѣваетъ, какъ это „гашишъ" можетъ сочетаться съ „филистерствомъ". Но, Богъ мой, кто же, какъ не типичный филистеръ съ необыкновеннымъ чувствомъ распространяется о всевозможныхъ идеализмахъ и въ то же время боится обнаружить настоящій, не метафизическій, а соціальный идеализмъ, рѣзко отбрасывая формы современной жизни и безповоротно стремясь къ созиданію новой жизни, безъ компромиссовъ, недомолвокъ и сожалѣній о прошломъ. Опять-таки я не хочу сказать, что г. Струве представляетъ цѣликомъ или даже главнымъ образомъ такого филистера; но у него есть филистерскіе привкусы, и съ ними ему слѣдовало бы раскви-

таться, расквитаться какъ можно скорѣе и полнѣе. Г. Струве, конечно, старается защитить себя отъ затронувшаго его упрека въ филистерствѣ и разсуждаетъ (стр. 22):

Тутъ кроется крупное недоразумѣніе, которому, казалось бы, не должно быть рѣшительно никакого мѣста послѣ опубликованія моего нѣмецкаго критическаго опыта о марксовой теоріи соціальнаго развитія и послѣ выхода въ свѣтъ книги Бердяева съ моимъ предисловіемъ.

Не буду говорить о „выходѣ въ свѣтъ книги Бердяева съ предисловіемъ“, какъ о фактѣ, доказывающемъ отсутствіе филистерства у нашего автора: о томъ писалось уже г. Михайловскимъ и, можетъ, будетъ еще писаться „Русскимъ Богатствомъ“. Но что касается до „нѣмецкаго критическаго опыта“, то, даже подъ страхомъ оказаться по отношенію къ ученому г. Петру Струве простымъ Петромъ Зудотѣшинымъ, я принужденъ сказать, что „сію рукопись читалъ, но содержаніе оной не одобрилъ“, и не одобрилъ именно за привкусы филистерства. Не вдаваясь въ частности, я остановлюсь лишь на одномъ обстоятельствѣ: критикуя марксову теорію развитія общества по обостряющимся противорѣчіямъ, г. Струве выдвигаетъ противъ нея свою собственную теорію развитія путемъ все притупляющихся и притупляющихся противорѣчій, совершенно въ духѣ буржуазныхъ апологетовъ незамѣтной и безпрепятственной эволюціи:

Прогрессъ стопою благородной
Шелъ тихо торною стезей!..

Само по себѣ такое или иное воззрѣніе на абсолютную вѣрность марксова закона Zusammenbruch'а не зачисляетъ, конечно, еще критиковъ этой формулы въ ряды филистеровъ. Но когда въ пику Марксу, который, допустимъ, преувеличивалъ всеобщность своей формулы, ея приложимость ко всѣмъ народамъ и эпохамъ, вы строите такую же абсолютную формулу исключительно „притупленнаго“ прогресса (правда, лишь для современной эпохи), то я въ правѣ счесть васъ немножко съ родни филистеру, который закрываетъ глаза на всѣмъ извѣстные историческіе факты коллизій и своему желанію мирнаго и тихаго житія придаетъ значеніе какого-то объективнаго закона эволюціи...

Хотѣлъ было я совершенно спокойно поговорить о статьѣ г. Бердяева. Но нѣтъ, чувствую, что эта задача мнѣ не по силамъ. Это не статья, а волканъ, извергающій въ честь идеализма и расплавленную лаву горячихъ чувствъ, и цѣлые глыбы булыжника, искусно направляемаго прямо въ лобъ идейнымъ друзьямъ молодого философа, и клубы трансцендентальнаго дыма... въ особенности дыма, такъ что временами и самъ волканъ заволаки-

вается туманомъ, и о его присутствіи судишь больше по взрывамъ и громамъ веліимъ и гласамъ трубнымъ: то новый Эмпедоклъ читаетъ титанамъ во чревѣ Этны лекцію о любви и ненависти, въ то время, какъ на откосѣ горы меланхолично виднѣются сандаліи или, вѣрнѣе, прозаическіе сапоги, которые г. Бердяевъ не успѣлъ еще износить, идя за гробомъ русскаго ортодоксальнаго марксизма...

Но шутки въ сторону: что прикажете сказать о такихъ, напр., разсужденіяхъ, которыя вы могли прочитать десятки и сотни разъ, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ и кружится вокругъ самой себя метафизика, и притомъ прочитать—то въ формахъ, далеко оставляющихъ за собою по граціи, силѣ и поэтичности вдохновенные, но не вдохновляющіе читателя монологи г. Бердяева (стр. 25—26):

Но есть одна идея, въ которую упирается идеалистическій взглядъ на міръ и жизнь, это идея нравственнаго міропорядка. Если наука переходитъ въ философію, то философія переходитъ въ религію. Безъ религіозной вѣры въ нравственный міропорядокъ, въ кровную связь индивидуальнаго съ всеобщимъ и неумирающее значеніе всякаго нравственнаго усилія—жить не стоитъ, такъ какъ жизнь безсмысленна и по замѣчательной французской поговоркѣ rien ne vaut la peine de rien. У многихъ живетъ суевѣрный страхъ передъ религіей, такъ какъ имъ все мерещатся ея историческія формы. Но пора признать, что религія, не смотря на текучесть своего содержанія, есть вѣчная, трансцендентальная функція сознанія и что всякое цѣльное пониманіе и отношеніе къ міру есть религія. Величественный подъемъ духа и идеалистическій энтузіазмъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что служа человѣческому прогрессу въ его современной исторической формѣ, я служу вѣчной правдѣ, что мои усилія и мои труды безсмертны по своимъ результатамъ и учитаются въ міропорядкѣ. И я думаю, что новый человѣкъ, стряхнувъ съ себя старый міръ съ его суевѣріями, проникнется новой религіей. Глубоко осмысленный и глубоко прогрессивный этическій пантеизмъ съ его вѣрой въ окончательное торжество Правды будетъ заключительнымъ аккордомъ въ идеалистическомъ міропониманіи и идеалистическомъ настроеніи. Задача борьбы за идеа...

Нѣтъ, положительно не хватаетъ терпѣнія выписывать дальше строки этой блѣдной педантической копіи съ великихъ и жизненныхъ историческихъ оригиналовъ, которые такъ же стары, какъ старъ первый сознательный порывъ человѣка къ творчеству метафизическихъ образовъ. Иди же сюда, ты, божественный поэтъ-философъ, ты, великій греческій идеалистъ, котораго мы тѣмъ съ большимъ энтузіазмомъ можемъ цитировать, что намъ не стыдно признаваться въ любви къ золотой древности теперь, когда нашихъ дѣтей не будетъ терзать схоластическій классицизмъ,—иди и покажи современнымъ выродившимся метафизикамъ, какъ звучитъ голосъ искренняго философскаго творчества!

Заглуши аккордами твоей вдохновенной лиры бренчанье ихъ трансцендентальныхъ разстроенныхъ клавикордъ! Пропой имъ

пѣсню о вѣчной красотѣ и безсмертіи созерцающаго ее любимца боговъ, ты самъ, этотъ любимецъ:

Прямой путь любви,—идешь-ли ты самъ по немъ, или тебя ведетъ другой,—это вѣчно подниматься все выше и выше отъ этихъ близкихъ красотъ къ тому далекому прекрасному и вѣчно восходить, какъ по ступенямъ, отъ одного прекраснаго тѣла къ двумъ, и отъ двухъ ко всѣмъ, и отъ всѣхъ прекрасныхъ тѣлъ къ прекраснымъ дѣяніямъ и отъ прекрасныхъ дѣяній къ прекраснымъ наукамъ, пока отъ этихъ наукъ ты не достигнешь познанія высочайшей красоты и не увидишь самого прекраснаго.

Этою-то жизнію, дорогой Сократъ,—сказала вдохновенная женщина изъ Мантинеи,—долженъ жить человѣкъ, созерцающій высшую красоту. Ибо съ тѣмъ, что ты увидишь, не сравнится ни золото, ни украшенія, ни прекрасная молодежь, одинъ видъ которой приводитъ, однако, и тебя, и многихъ другихъ въ восхищеніе и среди которой вы вѣчно хотѣли бы жить, забывая о пищѣ и питьѣ, лишь бы созерцать красоту ея. Дѣйствительно, что это будетъ за зрѣлище, если кому выпадетъ на долю видѣть само прекрасное чистымъ отъ всякой примѣси, свободнымъ отъ человѣческихъ формъ и цвѣтовъ и прочей бренной суеты,—словомъ, прекрасное въ его единой и божественной сущности! Можно ли сожалѣть о жизни человѣка, который видитъ такой предметъ и который обладаетъ имъ? И не думаешь ли ты, что человѣкъ этотъ, созерцая прекрасное настоящимъ органомъ созерцанія, будетъ лишь одинъ въ состояніи рождать не призраки добродѣтели—онъ и не касается до призраковъ—а истинную добродѣтель, до которой достигъ? Но порождая истинную добродѣтель, но воспитывая ее въ себѣ, онъ по истинѣ долженъ быть тѣмъ, кого возлюбило божество; и если кому суждено быть безсмертнымъ, то этимъ безсмертіемъ будетъ надѣленъ такой человѣкъ...

Аминь! Право, послѣ такихъ диѳирамбовъ вѣчной истинѣ и безсмертію, эхо которыхъ чаруетъ и волнуетъ васъ на протяженіи болѣе, чѣмъ двухъ тысячелѣтій, не захочешь слушать посредственной и скучной аріи г. Бердяева, который говоритъ то же самое, но другими, менѣе крылатыми и золотыми словами, и метафизическому паренью котораго не достаетъ наивности и поэтической непосредственности великаго грека. Ибо, къ несчастью, г. Бердяевъ долженъ былъ вкусить кое-что отъ современной положительной науки, и тотъ плодъ съ древа познанія добра и зла отравляетъ трансцендентальные порывы нашего „борца за идеализмъ". Благодаря этому, вы найдете въ горячей, но мало убѣдительной,—можно даже сказать, любопытной по своей неубѣдительности—статьѣ г. Бердяева явственные признаки двухъ теченій, симптомы психологической гражданской войны, которая мѣшаетъ успѣшности внѣшней кампаніи, предпринятой нашимъ авторомъ противъ „матеріализма", „позитивизма", „гедонизма" и т. п. злокозненныхъ враговъ идеалистическаго міровоззрѣнія.

Этимъ объясняется нѣкоторая странность и принужденность философскихъ аллюровъ г. Бердяева, который не можетъ всею своею юношескою горячностью замаскировать тревогу пробуждающихся у него и сейчасъ же подавляемыхъ сомнѣній. Въ этомъ же обстоятельствѣ лежитъ ключъ и къ тѣмъ оговоркамъ, которыя представляютъ забавную сторону этого турнира г. Бердяева во

славу прекрасныхъ глазъ дамы Метафизики. Не успѣетъ нашъ Баярдъ, нашъ рыцарь безъ страха и упрека занести надъ головою враговъ свой идеалистическій мечъ, какъ вдругъ его разящую руку останавливаетъ раздумье, и онъ начинаетъ объяснять читателю, куда собственно онъ намѣренъ нанести ударъ своему противнику, который, де, нѣкоторыми сторонами ему симпатиченъ и т. д.; благодаря чему всѣ эти удары и попадаютъ мимо цѣли...

Вотъ, вотъ, смотрите, онъ пустился на своемъ метафизическомъ Пегасѣ противъ грузнаго и самодовольнаго противника, на латахъ котораго написано „буржуазный, филистерскій духъ“. Вы уже мысленно видите, какъ идеалистическое лезвіе повергаетъ этого врага къ ногамъ нашего Баярда, который бросаетъ ему, завладѣвшему—о ужасъ!—сердцемъ „прогрессивной массы“, вызовъ во имя „великой работы духовнаго перерожденія“. И вдругъ... и вдругъ, совсѣмъ какъ въ Бахчисарайскомъ фонтанѣ Пушкина, въ тѣхъ стихахъ, надъ которыми добродушно посмѣивался самъ божественный поэтъ:

Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подъемлетъ саблю—и съ размаха
Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ...

и отъѣзжаетъ въ сторону, растерянно приговаривая:

Потомъ будетъ ясно, что я ничего не имѣю общаго съ реакціонными заявленіями г. Брюнетьера и т. п. о банкротствѣ науки. Позитивная реалистическая наука, принципіально чуждая всякаго романтизма, велика и безсмертна, это—главное пріобрѣтеніе XIX вѣка, это вѣчный вкладъ буржуазной эпохи въ сокровищницу человѣческаго духа и никакія посягательства на нее невозможны (стр. 3).

Получивши такимъ образомъ отъ г. Бердяева вмѣсто сокрушительнаго удара букетъ комплиментовъ, „буржуазный“, т. е., попросту сказать, научный духъ уже не безъ ироніи смотритъ на отъѣзжающаго въ сторону chevalier servant Метафизики. А chevalier servant уже снова припустилъ своего боевого коня и снова занесъ свой идеалистическій мечъ—на сей разъ надъ „матеріализмомъ“ 60-хъ годовъ. Но, опять, что за страшное зрѣлище представляетъ и этотъ эпизодъ турнира! Взгляните на полемическіе жесты нашего трансцендентальнаго героя:

Въ Россіи 60-е годы были «опорой просвѣщенія». Чернышевскій и Писаревъ—наши «просвѣтители», подъ знаменемъ матеріализма они боролись съ мракомъ дореформеннаго общества во имя свободы мысли и человѣческаго достоинства. И мы теперь должны чтить въ Чернышевскомъ и Писаревѣ не «матеріализмъ», въ которомъ не было ничего оригинальнаго и для нашего времени ничего цѣннаго, мы чтимъ ихъ «просвѣтительный идеализмъ» (прим.: У г. Волынскаго до такой степени отсутствуетъ историческое чутье и политическій тактъ, что онъ никакъ не можетъ этого понять). Наши публицисты

60-хъ годовъ боролись противъ метафизики, потому что ее защищалъ Юркевичъ и т. п., боролись противъ культа красоты, потому что за нее цѣплялось крѣпостническое дворянство со своими публицистами, беллетристами, поэтами и поэтиками. Они были исторически правы и въ ихъ матеріалистическомъ міровоззрѣніи, при всей его философской несостоятельности, была заключена огромная практическая правда (стр. 4).

Вотъ ужъ, что называется, и сѣчь, и рубить, и все мимо попадать!.. Въ самомъ дѣлѣ, каковъ выводъ изъ этой горячей тирады, которая мечется сразу по всѣмъ направленіямъ? Что „матеріалисты“ 60-хъ годовъ были глубоко правы. Постараемся же быть столь же „философски-несостоятельны“, какъ они!

Точно также, начавъ за упокой „реализма“ въ искусствѣ на стр. 5, авторъ сейчасъ же, въ примѣчаніи къ этому мѣсту, спохватывается и кончаетъ за здравіе этого направленія, говоря:

я и не думаю посягать на огромныя заслуги реализма въ искусствѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ всѣ великія художественныя произведенія—реалистичны, и искусство будущаго примыкаетъ къ реализму.

Съ другой стороны, нашъ рыцарь духа поражаетъ ударами своего Дюрандаля какъ разъ тѣхъ, кому хочетъ лишь салютовать элегантнымъ движеніемъ этого всесокрушающаго меча. Такъ, не успѣлъ онъ преклонить свои колѣна и свой клинокъ передъ „современнымъ искусствомъ съ его „декадентскими“ теченіями“, искусствомъ, которое, молъ, не смотря на „нервную развинченность“, все же

дѣлаетъ въ принципѣ прогрессивныя попытки сказать новое слово и подготовить новаго человѣка съ болѣе красивой душой, полной индивидуальныхъ настроеній и красокъ, безконечно цѣнныхъ для интимной жизни человѣческой личности (стр. 24),—

какъ вдругъ неожиданнымъ ударомъ снизу, изъ примѣчанія, онъ повергаетъ на земь только-что прославленное „новое искусство“ и не безъ основанія замѣчаетъ:

русское декаденство пока (?!! В. П.) дало совершенно мертворожденные плоды, да и вообще теперь слишкомъ часто дѣлаютъ себѣ карьеру на декадентствѣ всѣ бездарности.

Это ты сказалъ, о рыцарь духа, а не мы. Наше же дѣло лишь слѣдить за бореніями въ твоей душѣ двухъ теченій,—слѣдить и отмѣчать удары, которые, на подобіе несчастнаго рыцаря Гейне, ты направляешь въ концѣ концовъ въ собственную грудь, и по той же причинѣ, за измѣну дамы—Метафизики:

Da würden wol alle schweigen,
Nur nicht sein eigener Schmerz,
Da müsst'er die Lanze neigen
Widers eigne klagende Herz!..

Не годится вотъ только вамъ, г. Бердяевъ, скажемъ мы, пе-

реходя отъ торжественнаго „ты“ къ общественному „вы“, не годится бросать по адресу противниковъ вашей вѣроломной дамы упреки, которые или стары и давно опровергнуты, или прямо несправедливы и обнаруживаютъ въ васъ довольно неизвинительное для профессіональнаго „философа“ полузнаніе вашего же предмета. Продѣлывая, напр., въ обратномъ порядкѣ свойственную вамъ фигуру нападенія-раздумья,—на сей разъ вы начинаете съ комплимента, а кончаете ударомъ, — вы такъ изъясняетесь (стр. 14):

Въ настоящее время нельзя не быть эволюціонистомъ... Но...

— Merci, grand merci!—взываютъ къ вамъ осчастливленные этимъ отзывомъ „эволюціонисты“.

„Но“ вы не слушаете ихъ и, многозначительно поднявъ философическій перстъ, продолжаете:

...Но для того, чтобы теорія развитія пріобрѣла философскій смыслъ и значеніе, она нуждается въ переработкѣ. Научно-философская теорія развитія должна прежде всего понять то, чего не понимаютъ многіе эволюціонисты: уже Демокритъ зналъ, что nihil ex nihilo, жизнь не можетъ развиться изъ отсутствія жизни, психическое изъ отсутствія психическаго, нравственность изъ отсутствія нравственности, познаніе изъ отсутствія познанія, красота изъ отсутствія красоты. Должно быть *то, что* развивается.

Да, очевидно, мы, старики, отстали, очень отстали отъ современнаго философскаго движенія, которое, „переоцѣнивая“ разныя цѣнности, создало и новаго Демокрита, доказывающаго на основаніи формулы nihil ex nihilo, что „жизнь не можетъ развиться изъ отсутствія жизни, психическое изъ отсутствія психическаго“ и т. д. Нашъ же старый Демокритъ, о которомъ я съ товарищами читалъ у Діогена Лаертскаго на семинарской партѣ, и читалъ съ тѣмъ, чтобы въ качествѣ проходившаго курсъ „философіи“, разбивать въ семинарскихъ же сочиненіяхъ его матеріалистическія лжеумствованія,—этотъ обыкновенный, традиціонный, не „переоцѣненный“ Демокритъ ужасалъ насъ слѣдующими положеніями:

Начало всего сущаго—атомы и пустота; все же прочее существуетъ лишь во мнѣніи. Безконечны суть міры и подлежатъ рожденію и уничтоженію. Ничто не рождается изъ не сущаго и не уничтожается въ не сущемъ. Безконечны суть атомы и по величинѣ, и по численности, и всѣ вмѣстѣ несутся во вращеніи. И такъ рождаются всѣ соединенія, огонь, вода, воздухъ, земля... И солнце, и луна состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ вращающихся круглыхъ массъ, а равнымъ образомъ и душа, которая есть то же, что и разумъ...

„А равнымъ образомъ и душа“—вотъ вамъ и „психическое“, которое „не можетъ развиться изъ отсутствія психическаго“!.. Да, „многіе“, очень „многіе эволюціонисты“ не поймутъ торжествующей ссылки г. Бердяева на Демокрита, какъ не поймутъ и всей этой горячей тирады насчетъ необходимости „переработки

теоріи развитія". Съ нихъ достаточно и того, какъ г. Бердяевъ „переработалъ" великаго атомиста древности: они ограничатся тѣмъ, что улыбнутся надъ глубокомысленной формулой юнаго философа: „должно быть *то, что* развивается", улыбнутся и останутся коснѣть въ своемъ неисправленномъ и недополненномъ г. Бердяевымъ эволюціонизмѣ.

Вообще мы думаемъ, что съ критикой эволюціонизма г. „борцу за идеализмъ" не везетъ, ибо то, что пишетъ объ этомъ г. Бердяевъ, дѣлаетъ честь благородству его души, но переноситъ насъ въ блаженной памяти двадцатые годы. Помните, дорогой читатель, глубоко жизненный типъ тогдашнихъ дней, восхитительно переданный нашимъ великимъ поэтомъ?—

...Владиміръ Ленскій,
Съ душою прямо геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

Читайте теперь слѣдующія огнедышащія строки (на стр. 13, но изъ такихъ строкъ состоитъ, въ сущности, вся статья г. Бердяева):

Какъ живой человѣкъ, сознающій великую важность нравственной проблемы, вы говорите: это добро, а это зло, добро есть цѣнность, я его чувствую какъ что-то безусловно цѣнное, и я хочу служить добру и бороться со зломъ. Въ тотъ моментъ, когда вы устанавливаете самостоятельное качество добра въ вашей душѣ, признаете его абсолютную цѣнность и служите ему, вы совершаете величайшій актъ вашей жизни, истинное богослуженіе, служеніе Богу правды. Но вотъ приходитъ эволюціонистъ, зоветъ васъ назадъ къ изслѣдованію молюсковъ и предлагаетъ вамъ немедленно показать, что все, что вами переживается, какъ святыня, есть лишь полезная иллюзія въ борьбѣ за существованіе, что нравственное сознаніе разлагается на какія-то частицы, не имѣющія ничего общаго съ нравственностью, и что все это неопровержимо доказывается уровнемъ нравственныхъ идеаловъ рыбъ... Всякій общественный боецъ за справедливость является сторонникомъ «естественнаго права», онъ призываетъ къ правдѣ въ человѣческихъ отношеніяхъ, къ утвержденію вѣчныхъ правъ человѣка, онъ идеалистъ и пріемлетъ вѣнецъ за идею правды-справедливости, которая переживается имъ, какъ абсолютная цѣнность. Эволюціонистъ постарается охладить его идеалистическій призывъ къ справедливости, онъ постарается эволюціонистическимъ путемъ показать, что сознаваемое идеалистомъ-борцомъ «естественное право» человѣка, которое онъ такъ страстно желаетъ воплотить въ жизнь, есть чистѣйшая иллюзія и отъ молюсковъ она произошла такимъ-то образомъ. Только философскій идеализмъ утверждаетъ и обосновываетъ ту жажду правды и справедливости, которой наполнена жизнь практическихъ идеалистовъ,

и т. д., и т. д. и до безконечности и т. д.

Нѣтъ, знаете, прямо перо падаетъ изъ рукъ, и больно ста-

новится за „бѣдную русскую мысль". Давно-ли „ученики" видѣть ничего не хотѣли въ мірѣ, кромѣ „мѣновой цѣнности". Теперь эту цѣнность смѣнила „абсолютная цѣнность"; и снова люди ничего не хотятъ видѣть, кромѣ этой, вновь объявившейся, цѣнности, и снова, при помощи одной формулы, одного кабалистическаго слова, пытаются построить весь міръ божій со всѣмъ его великолѣпіемъ и формъ, и цвѣтовъ, и звуковъ. И насъ же, реалистовъ и эволюціонистовъ, упрекаютъ въ односторонности, мало того, прямо обвиняютъ въ томъ, что мы расхолаживаемъ порывы гг. идеалистовъ. Право, не знаешь, надо-ли серьезно возражать противъ всей этой метафизической шумихи.

Г. Бердяевъ желаетъ поразить эволюціонизмъ, бросая въ насъ молюсками... Молюски! о наивный и пылкій юноша! Мы, эволюціонисты, полагаемъ, что не только у молюсковъ нѣтъ нравственности, но что она не успѣла еще стать достояніемъ всего человѣчества. Вмѣстѣ съ однимъ замѣчательнымъ (увы! нынѣ умершимъ) русскимъ мыслителемъ, который работалъ надъ вопросами нравственности еще въ то время, какъ ваша метафизическая муза, не смотря на свои тяготѣнія къ апріорному методу, носила дѣтскія панталочики, — вмѣстѣ съ этимъ представителемъ критической мысли мы утверждали, что область морали не только не есть нѣчто прирожденное человѣку, но что далеко не всѣ люди доразвились до моральныхъ требованій, какъ далеко не всѣ люди выработали въ себѣ потребность научнаго, дѣйствительно критическаго мышленія. И примѣръ тому совсѣмъ близко, примѣръ этому—не малая часть современной, такъ называемой, русской интеллигенціи, которая, послѣ своего увлеченія „матеріализмомъ", увлекается теперь метафизической идейною реакціей, какъ это предусмотрѣлъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ Спенсеръ въ разговорѣ съ г. М. М. Ковалевскимъ (см. его „Воспоминанія" въ „Русской Мысли").

А что насчетъ расхолаживанія вашихъ идеальныхъ порывовъ нами, злокозненными позитивистами и эволюціонистами, то неужели же вамъ, несомнѣнно чуткому и благородному человѣку, не припомнились въ недавнемъ еще нашемъ прошломъ величавые образы дѣятелей, мужчинъ и женщинъ и почти дѣтей, которые были ярыми врагами всякой метафизики, но своею жизнью явили всему міру замѣчательные образцы высокой духовной мощи и красоты? Вы вотъ очень цѣните поэзію,—такъ не припомните-ли вы въ „стихотвореніяхъ въ прозѣ" одного изъ величайшихъ романистовъ нашихъ знаменитаго діалога на „Порогѣ" между „дѣвушкой... русской дѣвушкой" и невѣдомымъ „медлительнымъ, глухимъ голосомъ":

«О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь-ли ты, что тебя ожидаетъ?»

-- Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

«Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обиды,
тюрьма, болѣзнь, самая смерть?»
— Знаю.
«...Ты готова на жертву?»
— Да.
«На безыменную жертву? Ты погибнешь,—и никто... никто
не будетъ даже знать, чью память почтить.»
— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ
не нужно имени.

А теперь я попрошу сравнить величіе этого нравственнаго типа, типа, который не нуждается для жертвы ни въ какомъ предварительномъ пріемѣ метафизическаго гашиша и просто идетъ на гибель, на полную, окончательную гибель, вплоть до исчезновенія самаго воспоминанія, самаго имени; и величіе того типа современныхъ метафизиковъ, который по собственнымъ же словамъ его глашатая и представителя, г. Бердяева, способенъ, какъ мы видѣли, на „величественный подъемъ духа и идеалистическій энтузіазмъ лишь въ томъ случаѣ, если чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ, что его усилія и его труды безсмертны по своимъ результатамъ". Какъ вы думаете, читатель, на чьей сторонѣ истинное величіе духа? А вы сами, какъ полагаете, г. Бердяевъ, требующій у судьбы за свои добродѣтели немедленной платы безсмертіемъ?..

Послѣ этого вопроса,—я чувствую,—временное неудовольствіе, возбужденное во мнѣ глубоко несправедливой критикой г. Бердяева, падаетъ, и я уже безъ особаго огорченія, а скорѣе съ улыбкой констатирую нѣкоторую... примитивность, или наивность, что-ли, полемики нашего автора противъ утилитаризма, который онъ, опираясь на авторитетъ Карлейля, называетъ „свинской философіей" (стр. 10); равно какъ съ тою же улыбкою указываю читателю на разсужденія нашего новаго Ленскаго о человѣческой любви, о „любви, реализующей сродство душъ и имѣющей безусловную цѣну и значеніе" (стр. 21). Ея, этой любви, мы, эволюціонисты, не знали до г. Бердяева: на то ужъ мы „свинскіе философы"; мы понятія не имѣли объ „идеальной любви съ ея вѣчнымъ романтизмомъ, поэзіей и красотой" (стр. 22). Ибо лишь „новѣйшее искусство начинаетъ понимать идеалистическую природу любви" (ibid.); а мы, варвары, даже „не безъ гордости" говоримъ, что „красота для насъ звукъ пустой" (стр. 3)...

Хотѣлъ было я напомнить автору, что даже въ „новѣйшемъ искусствѣ", можетъ быть, не найдешь изображенія такой идеальной любви, живой примѣръ которой даютъ отношенія одного изъ теоретиковъ „свинской философіи", Джона Стюарта Милля, къ мистриссъ Тэйлоръ, которая сдѣлалась его женой послѣ двадцати лѣтъ одухотворенной, глубоко человѣческой, идейной и аффективной привязанности. Но, право, не хочется придавать черезчуръ серьезный трагическій оттѣнокъ этой части нашей литера-

турной тяжбы съ г. Бердяевымъ. Доброе сердце и юношеская импульсивность внушили нашему „борцу за идеализмъ" мысль ввести насъ во святая святыхъ, въ сокровенные изгибы возвышенной, якобы неизвѣстной намъ любви. Поблагодаримъ же молодого автора за эти старанія; но, поблагодаривъ, скажемъ, что мы не дождались его, чтобы проникнуть въ тайны этого чувства, не смотря на нашу свинософію, и восхищаться поэтическимъ изображеніемъ могучаго аффекта, не взирая на наше презрѣніе къ „пустому звуку красоты". О, г. Бердяевъ, повѣрьте, не оставались для насъ, реалистовъ и эволюціонистовъ, неизвѣстными идеализація и поэтизированіе этого чувства, не оставались хотя бы уже потому, что насъ глубоко привлекаютъ къ себѣ постепенное усложненіе и психологическая эволюція человѣческой натуры.

Вмѣстѣ съ Петраркой мы останавливались передъ своеобразными чарами любовнаго „сладкаго гнѣва, сладкой досады, сладкаго примиренія, сладкой боли, сладкаго волненія" и т. д.

Dolce ire, dolci sdegni, e dolci paci,
Dolce mal, dolce affanno, e dolce peso,
Dolce parlar e'dolcemente inteso...

Съ Байрономъ мы, въ пылу неизбѣжной идеализаціи, сравнивали любовь съ „небеснымъ свѣтомъ", который „поднимаетъ съ земли наше низменное желаніе".—

Yes, Love indeed is light from heaven;
A spark of that immortal fire
With angels shared, by Alla given,
To lift fromearth our low desire.

Мы раздѣляли съ Гейне то торжественное настроеніе, когда „сердце, какъ солнце, погружалось въ море любви"—

Mein Herz ist wie die Sonne
So flammend anzusehn,
Und in ein Meer von Liebe
Versinkt es gross und schön.

И самый искренній поэтъ Франціи—чародѣй Мюссе—далъ намъ поэтическую картину противорѣчія между тѣмъ, что вы называете „позывомъ къ вѣчной любви", и хрупкостью его конкретныхъ проявленій:

Je me dis seulement: «A cette heure, en ce lieu
Un jour, je fus aimé, j'aimais, elle était belle,
J'enfouis ce tresor dans mon âme immortelle
Et je l'emporte à Dieu!..»

Какъ видите, ничто не ново подъ луной изъ того, что вы съ такой настойчивостью развивали по поводу любви. Можетъ быть, было бы нѣсколько новѣе указать на нѣкоторыя противообщественныя стороны этого чувства и построить гипотезу относи-

тельно того, во что оно превратится въ будущемъ строѣ, основанномъ на солидарности людей-братьевъ. Но это завело бы насъ слишкомъ далеко...

Разстаюсь съ г. Бердяевымъ въ надеждѣ, что во всей предшествующей критикѣ онъ не найдетъ ничего обиднаго для себя и пойметъ, что, какъ бы сочувственно я ни относился къ нѣкоторымъ сторонамъ его общаго со мною соціальнаго идеала, я не могъ оставить безъ возраженія его метафизическую точку зрѣнія, которая представляется мнѣ очень вредною именно у насъ въ Россіи, гдѣ интеллигенція еще такъ малочисленна, здоровыя идейныя традиціи такъ еще непрочны.

Въ майской же и іюньской книжкахъ „Міра Божія" продолжаетъ свои—повторимъ еще разъ—замѣчательные „Очерки по исторіи русской культуры" г. Милюковъ, который подвергаетъ на этотъ разъ анализу характеръ реформы Петра I, обрисовываетъ оппозиціонныя противъ нея теченія среди старыхъ общественныхъ элементовъ, а также изображаетъ своеобразное преломленіе, испытанное насильно внесенной культурой на русской почвѣ. Очень хорошо обоснована и проведена г. Милюковымъ точка зрѣнія—отчасти сквозящая уже въ извѣстныхъ лекціяхъ г. Ключевскаго—на реформаторскую дѣятельность Петра, какъ на нѣчто гораздо болѣе стихійное, чѣмъ сознательное:

Это безконечное повтореніе и накопленіе опытовъ, этотъ непрерывный круговоротъ разрушенія и созиданія, и среди всего какая-то неизсякаемая жизненная сила, которую не могутъ ни сломить, ни даже остановить никакія жертвы, никакія потери, никакія неудачи,—все это такія черты, которыя напоминаютъ расточительность природы въ ея слѣпомъ, стихійномъ творчествѣ, а не политическое искусство государственнаго человѣка (май, стр. 148) *).

Любопытно вырисовывается въ изображеніи г. Милюкова психологія дворянства, протестовавшаго противъ петровскихъ преобразованій:

Итакъ, вотъ что особенно непріятно въ реформѣ для русской знати и дворянства: разореніе хозяйства, подрывъ экономическаго благосостоянія. Изъ всѣхъ мотивовъ недовольства—этотъ окажется самымъ сильнымъ и прочнымъ... Къ чему его (дворянина) никогда не удастся пріучить и противъ чего онъ всегда останется въ оппозиціи,—это европейское чувство «военной чести», воспитавшее сословный духъ европейскаго дворянства. Очень скоро послѣ Петра онъ почувствуетъ свою корпоративную силу; но онъ воспользуется ею только для того, чтобы какъ можно скорѣе развязаться съ почетною повинностью военной службы и вернуться назадъ, «домой», къ себѣ въ деревню.

---

*) Ср. г. Ключевскаго въ его литографированномъ курсѣ «Новой русской исторіи» за 1883—1884 г.: «торопливость реформы, непослѣдовательность отдѣльныхъ мѣръ, отсутствіе общаго плана... непониманіе того, что мы назвали бы народной психологіей... Петръ былъ болѣе техникъ, чѣмъ политикъ» и т. д.

Изъ всѣхъ оппозиціонныхъ стремленій петровскаго времени—это будетъ единственное, которое найдетъ твердую точку опоры въ собственной сословной силѣ и которое осуществится, благодаря этому, *вопреки* волѣ правительства (май, стр. 167).

Позволю себѣ также обратить вниманіе читателей на краткое, но очень удачное выясненіе г. Милюковымъ причинъ и послѣдствій неудавшейся попытки „старой родовой аристократической оппозиціи“ захватить въ свои руки власть при воцареніи Анны. Столкновеніе между этой знатью и вновь испеченнымъ „шляхетствомъ“ (по крайней мѣрѣ, значительною частью его) на почвѣ существенныхъ интересовъ представлено авторомъ, если и не въ совершенно новомъ, то яркомъ освѣщеніи, позволяющемъ ясно видѣть слабость пружинъ, пущенныхъ въ ходъ олигархами, къ которымъ созданное правительствомъ дворянство стало во враждебныя отношенія, надѣясь добиться реальныхъ сословныхъ выгодъ не путемъ борьбы съ центральною властью, а, наоборотъ, путемъ живого содѣйствія ей. Будущее показало, что плебейское, такъ сказать, дворянство было дальновиднѣе и разсчетливѣе аристократическаго дворянства. Дѣйствительно:

Молчавшая до сихъ поръ половина шляхетства оказалась противъ всякаго примѣненія къ Россіи теорій «естественнаго права». И она, однако же, не прочь была воспользоваться тѣми сословными льготами, которыя требовались всѣми проектами и общественными группами безъ различія: и Голицынымъ, и генералитетомъ, и конституціонной частью шляхетства. И всѣ эти требованія въ продолженіе тѣхъ же тридцатыхъ годовъ были удовлетворены правительствомъ (іюнь, стр. 271).

И опять вспоминаешь г. Ключевскаго и его взглядъ на то, какъ служилое дворянство, въ особенности гвардія, участвуетъ во всѣхъ политическихъ переворотахъ 18-го вѣка („такъ гвардія дѣлаетъ почти каждое правительство по смерти Петра до воцаренія Павла“, буквально говоритъ историкъ въ уже упомянутомъ нами „Курсѣ“ 1883—1884 г.), но участвуетъ съ тѣмъ, чтобы выжимать изъ каждаго новаго переворота соціальныя льготы и привилегіи для дворянскаго сословія,—оригинальное подтвержденіе извѣстной теоріи о зависимости между политическимъ и соціально-экономическимъ факторомъ, при чемъ здѣсь политика является чрезвычайно цѣлесообразнымъ средствомъ экономики.

Изъ другихъ статей „Міра Божія“ я укажу на окончаніе „Записокъ врача“ г. Вересаева въ майской книжкѣ и на окончаніе же „Сироты“ г. Альбова въ іюньской. Правдивые очерки г. Вересаева имѣли несомнѣнный успѣхъ среди читателей, и лучшимъ доказательствомъ тому являются нападки на автора со стороны его коллегъ—врачей, которые, очевидно, держатся въ медицинѣ знаменитаго profession de foi поэта:

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ,

стараясь, однако, примѣнять эту теорію не къ взаимнымъ отношеніямъ между собой—на то нашимъ авгурамъ не хватаетъ наивности—а къ отношеніямъ между медиками и паціентами. Забавный примѣръ могущества профессіональныхъ чувствъ и интересовъ! Г. Вересаевъ въ заключеніе совершенно резонно возражаетъ на эти притязанія врачей оставлять истину подъ спудомъ для домашняго обихода почтенной корпораціи. И сдается намъ, что истинно гуманные и хорошіе медики будутъ только рады неприкрашенному изображенію врачебнаго міра и его отношеній къ болящему человѣчеству. Г. Вересаевъ вовсе не есть измѣнникъ настоящимъ интересамъ своей корпораціи: именно въ заключительныхъ главахъ „Записокъ“ вы найдете безпристрастное изложеніе тяжести жизненныхъ условій, обрушивающихся на рядового врача, и критику несправедливыхъ притязаній публики, требующей отъ врачей подвижничества и прямо идеальной святости и безкорыстія, а въ то же время становящейся въ отношеніяхъ къ врачамъ на почву купли-продажи и безпощаднаго примѣненія принципа всеобщей конкурренціи, обрекая и самихъ медиковъ на отчаянную борьбу между собой (кстати, извѣстна ли г. Вересаеву курьезная поговорка на языкѣ кухонной средневѣковой латыни: homo homini lupus, medicus medico lupior—„человѣкъ человѣку волкъ, а врачъ врачу и того волчѣе“).

Но, конечно, и узко-профессіональнаго медика должна поразить та глубокая правдивость, та прямо захватывающая душу искренность, которая является лучшимъ достоинствомъ этихъ вообще интересныхъ и живо написанныхъ очерковъ. Насъ же, профановъ, сильно, кромѣ того, привлекаетъ въ авторѣ его общее широкое и соціально-здоровое міровоззрѣніе. Человѣкъ, который способенъ написать такую глубоко-прочувствованную картину смерти интеллигентнаго рабочаго, какую вы найдете на стр. 47—50 „Записокъ“; человѣкъ, у котораго эти подавляющія сцены современнаго общественнаго фатума вызываютъ слѣдующее заключительное размышленіе о судьбѣ всѣхъ бѣдняковъ вообще и въ томъ числѣ бѣдняковъ врачей:

Да, выходъ въ другомъ. Этотъ единственный выходъ—въ сознаніи, что мы — лишь небольшая часть одного громаднаго, не разъединимаго цѣлаго, что исключительно лишь въ судьбѣ и успѣхахъ этого цѣлаго мы можемъ видѣть и свою личную судьбу. и успѣхъ (стр. 50), —

этотъ человѣкъ заслуживаетъ нашей глубокой симпатіи. И эта, надѣюсь, общая симпатія порядочныхъ читателей достаточно вознаградитъ г. Вересаева за крики негодованія корыстныхъ или узко-профессіональныхъ товарищей автора.

Эпопея „сѣренькой жизни“ чиновника — „Сироты“ закончена

г. Альбовымъ,—можетъ быть, нѣсколько неожиданно,—сейчасъ же послѣ кульминаціоннаго по интересу пункта всей повѣсти, а именно похожденій сильно подвыпившаго героя на свадьбѣ его лучшаго и единственнаго друга, съ которымъ Альбовъ ссоритъ „Сироту“ въ апрѣльской книжкѣ, миритъ въ майской, и на свадебное торжество котораго „Сирота“ попадаетъ шаферомъ въ іюнской. Въ заключительныхъ главахъ повѣсти есть цѣлый рядъ глубоко-юмористическихъ страницъ, которыя дѣлаютъ честь изобразительному таланту автора, не смотря на нѣкоторые, очевидно, безсознательные отголоски Гоголя (напр., діалогъ „и ничего такого не спрашивалъ“ — „ничего“ между Павломъ Иванычемъ и его кухаркой, діалогъ, напоминающій знаменитый діалогъ между Подколесинымъ и Степаномъ въ „Женитьбѣ“). Этими страницами почти вполнѣ выкупается нѣсколько вялое развитіе сюжета въ предшествующихъ книжкахъ; а когда читатель доходитъ до того мѣста, гдѣ передъ болѣзненнымъ съ похмѣлья воображеніемъ „Сироты“ проходятъ прерываемыя моментами забвенія нескладныя вереницы воспоминаній о „позорной ночи“, о видѣнномъ, слышанномъ, а главное—содѣянномъ самимъ героемъ, то, право, трудно кому бы то ни было удержаться отъ искренняго и незлобиваго смѣха подъ вліяніемъ этой мастерски очерченной психологіи пьянаго. Чего стоитъ одна рѣчь „Сироты“, произнесенная въ честь новобрачныхъ и умирающая въ рыданіяхъ самого же внезапно огорчившагося оратора!..

Я думаю, эти страницы займутъ почетное мѣсто къ вакхической антологіи, и невольно приходитъ въ голову, какое странное впечатлѣніе произвела бы повѣсть г. Альбова, переведенная на одинъ изъ культурныхъ западно-европейскихъ языковъ. „Сирота“ воистину поражаетъ своимъ спиритуалистическимъ направленіемъ (не въ смыслѣ метафизики гг. Струве и Бердяева, а согласно алхимической терминологіи spiritus'а, какъ летучаго продукта возгонки): я, признаться, не подводилъ точнаго итога всего выпитаго героями повѣсти, но общее впечатлѣніе таково, что на одно членораздѣльное слово дѣйствующихъ лицъ приходится двѣ, а то и три рюмки водки, не считая прочихъ горячительныхъ питій. Недаромъ у иностранцевъ, пишущихъ критики на русскія произведенія, прорывается такъ часто нота искренняго удивленія передъ этимъ „мѣстнымъ колоритомъ“ обязательной и почти непрерывной выпивки. Любителямъ сравнительной словесности не мѣшало бы обратить вниманіе на этотъ пунктъ и опредѣлить долю истины въ этой оцѣнкѣ западно-европейцевъ. Точно-ли это уже такая бытовая деталь нашей жизни?

Романъ г. В. Я. Свѣтлова „Семья Варавиныхъ“, начавшійся въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“, уже закончился въ

іюльской. Я, признаться, ожидалъ отъ него большаго: мнѣ казалось, что это изображеніе различныхъ типовъ, выросшихъ внутри вліятельной провинціальной семьи, выльется по мѣрѣ дальнѣйшаго хода романа въ картину мѣстной „политической", если можно такъ выразиться, жизни, удаленной отъ столичныхъ центровъ Россіи. И это впечатлѣніе держалось у меня довольно долго, пока вдругъ, на послѣднихъ страницахъ іюльской книжки, авторъ не заблагоразсудилъ разрубить à la Александръ Македонскій одинъ изъ интереснѣйшихъ узловъ дѣйствія своего романа: я говорю объ административномъ столкновеніи между Варавинымъ сыномъ, типомъ властнаго губернатора изъ молодыхъ и притомъ практическаго ницшеанца (безъ Ницше теперь, вѣроятно, нигдѣ не обойдешься!), и Варавинымъ отцомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства по должности и „либераломъ 60-хъ годовъ" по убѣжденію. Г. Свѣтловъ убилъ старика параличемъ въ самый интересный моментъ, а именно, когда конфликтъ между представителемъ центральной власти и выразителемъ интересовъ земщины началъ производить сильное волненіе въ губерніи, и отецъ послалъ въ Петербургъ жалобу на сына за его умышленно рѣзкія и незаконныя дѣйствія. Читатель только что было настроился слѣдить за перипетіями этого далеко не академическаго для нашихъ дней конфликта, какъ вдругъ въ результатѣ крупнаго разговора съ сыномъ у отца,

кровь бросилась ему въ голову... Изъ устъ его раздались хрипы и какое-то невнятное бормотаніе; онъ схватился правой рукой за затылокъ, а лѣвая повисла какъ плеть. Его высокое, грузное тѣло рухнуло на полъ, какъ подкошенный стволъ, и лѣвая сторона лица страшно исказилась въ гримасу. Это былъ параличъ, который давно уже подкрадывался къ нему, какъ воръ (іюнь, стр. 587).

Въ результатѣ чего, послѣ этого скандала и преслѣдуемый враждебною все возроставшею и возроставшею „молвою„ цѣлой губерніи,

Сергѣй Петровичъ—имя ницшеанца-губернатора—вскорѣ уѣхалъ въ Петербургъ (ibid.).

Ахъ, какъ разочаровалъ насъ этотъ ударъ, который явился какъ deus ex machina и такъ не кстати оборвалъ становившійся интереснымъ романъ! Я уже, дѣйствительно, ждалъ, какъ губернаторъ-ницшеанецъ, въ качествѣ человѣка, любящаго власть и вмѣстѣ съ тѣмъ гордящагося отсутствіемъ всякихъ этихъ сантиментальныхъ идей въ политикѣ и всякой этой либеральной маниловщины, развилъ бы откровенно свою точку зрѣнія на предметъ, не удовлетворяясь тѣми рѣзкими, но отрывочными рѣчами, которыя раза два влагаетъ ему въ уста нашъ авторъ...

Нѣсколько скомканнымъ мнѣ представляется и окончаніе ро-

мана г. Боборыкина „Жестокіе“. Мы оставили этотъ романъ прошлый разъ въ мартовской книжкѣ „Русской Мысли“: въ іюньской онъ пришелъ къ преждевременному—не столько по количеству листовъ, сколько по цѣльности впечатлѣнія—концу. Мнѣ теперь кажется, что въ началѣ авторъ слишкомъ долго останавливался на второстепенныхъ деталяхъ и, не разсчитавъ внутренней пропорціи между частями, черезчуръ растянулъ завязку романа, а, почувствовавъ это, былъ вынужденъ сжать конецъ не въ мѣру удлинившихся бы иначе „Жестокихъ“. Въ романѣ есть недурныя отдѣльныя мѣста; есть умно задуманныя и успѣшно выполненныя „ситуаціи“. Но въ общемъ это произведеніе не много прибавитъ новыхъ лавровъ къ художественному вѣнку нашего плодовитаго беллетриста. Это, что называется, приличный романъ: читать можно безъ скуки, порою даже съ нѣкоторымъ интересомъ; но сила верженія, сила проникновенія этой вещи въ душу читателя очень умѣренная.

Вторую часть романа можно было бы назвать исторіей крушенія „Жестокихъ“: изъ торжествующихъ побѣдителей завязки большинство ихъ превращается въ хныкающихъ побѣжденныхъ. Ихъ ряды рѣдѣютъ, и энергія остающихся падаетъ: значитъ ли это, что нашъ чуткій романистъ подмѣтилъ въ самой жизни убыль „сверхъ-человѣческой“ мутной волны? Хотѣлось бы думать такъ. Во всякомъ случаѣ, въ романѣ художникъ расправляется съ „Жестокими“ по жестокому же. Горедливый ницшеанецъ-адвокатъ, претерпѣвъ отставку отъ дамы сердца, отправляетъ себя на тотъ свѣтъ. Дама сердца, получивъ по завѣщанію отъ обманутаго мужа на смертномъ одрѣ язвительные мемуары, вскрывающіе день за днемъ подмѣченныя умиравшимъ продѣлки супруги, зачитывается этихъ загробныхъ обличеній до истерики и въ тоже время тщетно ждетъ любви плѣнительнаго эстета Вилли. Плѣнительный эстетъ отряхаетъ съ своихъ ногъ прахъ декадентства и уходитъ изъ этого уродливаго міра, чтобы стать просто хорошимъ человѣкомъ. Генералъ Красицкій попадаетъ за крупныя мошеничества въ тюрьму. Покровительствуемая имъ артистка Русинова, послѣ кратковременнаго амура съ Вилли, остается при печальномъ интересѣ съ неудавшейся театральной антрепризой и кучей долговъ на рукахъ. Маша Долгова освобождается изъ подъ чаръ „холодка“ декадента высшей пробы Ошарина и начинаетъ тяготѣть всей душой къ Вилли, который въ ожиданіи болѣе сильнаго чувства, платитъ ей пока глубокой симпатіей. Только, кажется, одинъ бѣдный Митя, пораженный измѣной Русиновой и друга, платится смертью за столкновеніе своей кротости съ свирѣпостью „Жестокихъ“, тогда какъ станъ этихъ сверхъ-человѣковъ почти цѣликомъ разгромленъ или теряетъ своихъ представителей, перебѣгающихъ въ лагерь обыкновенныхъ порядочныхъ людей.

Изъ другихъ вещей, помѣщенныхъ въ „Русской Мысли", упомяну о небольшомъ, но очень симпатичномъ разсказѣ изъ морской жизни г. Станюковича, который искуссно противоставляетъ типъ фальшиваго „Добраго" (любезнаго по внѣшности, но безхарактернаго и равнодушнаго къ своимъ людямъ, капитана) и типъ настоящаго добраго и самоотверженнаго человѣка изъ матросовъ; и о фельетонно, но не безъ юмора написанномъ небольшомъ разсказѣ г-жи Евгеніи Ловецкой „Повезло".—Повезло, видите-ли, нѣкоему публицисту изъ раскаявшихся народниковъ, который тщетно ищетъ темы для своей статьи и находитъ ее въ разговорѣ съ крѣпостникомъ, жалующимся на лѣность и пьянство мужиковъ. Оба эти разсказа помѣщены въ майской книжкѣ.

„Трое" г. М. Горькаго остаются неоконченными: будемъ надѣяться, что повѣсть выйдетъ отдѣльнымъ изданіемъ, и читателю будетъ легче отдать себѣ отчетъ въ общемъ впечатлѣніи, оставляемомъ новымъ произведеніемъ талантливаго беллетриста. Въ тотъ моментъ, на которомъ обрывается повѣсть въ „Жизни", главный герой ея, Илья, какъ будто начинаетъ обнаруживать желаніе выскочить изъ грязи, въ которую его втаптываютъ судьба и его собственное эгоистичное желаніе жить во чтобы то ни стало „хорошо". Онъ позволяетъ себѣ завести интрижку съ бойкой и развратной бабенкой, которой оказывается его квартирная хозяйка и компаньонша по магазину: читатель, можетъ быть, еще не забылъ перваго появленія этой идиллической по внѣшности квартальничихи. Но скоро Илья разрываетъ эту претящую ему связь, и появленіе молодой интеллигентной дѣвушки—сестры служившаго у него въ магазинѣ мальчика—въ кружкѣ Ильи и его старыхъ пріятелей - босяковъ заставляетъ читателя ожидать перелома въ жизни „Троихъ". Стыдъ и раскаяніе проникаютъ въ душу Ильи; и онъ, и его товарищи ждутъ отъ барышни разрѣшенія давно волновавшихъ ихъ вопросовъ и удовлетворенія неясныхъ порывовъ къ иному, лучшему существованію. Пока на этомъ повѣсть обрывается съ обѣщаніемъ—увы!—„окончанія въ слѣдующемъ". Интересно то идеальное, почти наивно-прекрасное освѣщеніе, въ которомъ является на сей разъ у г. Горькаго человѣкъ изъ интеллигенціи: обѣщаетъ-ли это желаніе автора приняться за изображеніе интеллигентныхъ типовъ безъ того предвзятаго недовѣрія и той излишней ироніи, которыя характеризовали до сихъ поръ отношеніе нашего автора къ интеллигенціи? Если да, то отъ таланта автора можно ждать въ этой области созданія интересныхъ типовъ.

И поэзія поетъ лебединую пѣсню въ „Жизни" устами г. Горькаго: я говорю о его великолѣпныхъ бѣлыхъ стихахъ, воспѣвающихъ размѣромъ Калевалы и гейневскаго „Атта Тролля" радость

сильной и вольной птицы передъ грозой: „Пѣсня о Буревѣстникѣ“—лишь конецъ „фантазіи“, которую г. Горькій приготовилъ, насколько извѣстно, къ печати подъ заглавіемъ „Весенніе мелодіи“. Мы не нашли въ „Жизни“ начала этой „фантазіи“, начала, посвященнаго разговорамъ птицъ о веснѣ въ саду поэта; и отсутствіе „стараго воробья“, воркующихъ о любви голубей, безпокойныхъ чижей, наглыхъ синицъ и вороны съ ея вѣчнымъ крикомъ „фа-актъ“! и вліятельнаго снигиря, и „сѣраго прохвоста жаворонка“,—это отсутствіе введенія уменьшаетъ если не художественную прелесть, то полноту впечатлѣнія, производимаго граціозной „фантазіей“ г. Горькаго. Скоро-ли появится она цѣликомъ?

Читаю и восхищаюсь мыслями князя-„Гражданина“: положительно, si le prince n'existait pas il faudrait qu'on l'inventât. Мнѣ уже давно не приходилось сподрядъ читать этой интересной во всѣхъ отношеніяхъ Мещеріады. Но вотъ по долгу службы журнально-газетнаго обозрѣвателя началъ изучать коллекцію номеровъ „Гражданина“ за этотъ годъ, и уже не могу оторваться: такъ сильно удовольствіе, доставляемое княжеской литературой. Я и постараюсь пріобщить моихъ читателей къ этому гигіеническому чувству, но лишь на слѣдующій разъ, ибо о князѣ Мещерскомъ надо или говорить много, или совсѣмъ не говорить: ce cher prince gagne à etre connu! Итакъ, о другъ-читатель, до пріятнаго разговора

. . . . съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ.
Съ Его Сіятельствомъ самимъ!..

В. Г. Подарскій.

Политика.

Кризисъ либеральной партіи въ Англіи.—Департаментскіе выборы во Франціи.

I.

Кризисъ, который переживаетъ въ настоящее время либеральная партія въ Англіи, представляетъ собою самое выдающееся явленіе современной политической жизни земного міра. Мы его уже не разъ касались на этихъ страницахъ и, между прочимъ, не далѣе, какъ въ нашей прошлой хроникѣ, посвященной южноафриканскимъ, а слѣдовательно, и англійскимъ дѣламъ. Въ отчетномъ мѣсяцѣ, однако, разложеніе старой либеральной партіи сдѣ-

лало столь значительные и знаменательные шаги, что мы должны снова остановить наше вниманіе на этой эволюціи, имѣющей такое огромное значеніе и для великой націи, въ средѣ которой совершается, и для всего человѣчества, въ средѣ котораго эта нація играетъ такую блестящую роль.

Въ прошлой нашей бесѣдѣ мы остановились на томъ моментѣ, когда въ палатѣ общинъ, послѣ рѣчи лидера либеральной оппозиціи сэра Баннермана-Кемпбеля, критиковавшаго методъ веденія войны правительствомъ, часть либераловъ, около 50 числомъ, и въ томъ числѣ Аскитъ, отдѣлились отъ оппозиціи и голосовали за правительство. Это было первое явное обнаруженіе распаденія партіи, первая манифестація новыхъ либеральныхъ диссидентовъ. Отсюда мы и начнемъ изложеніе новѣйшаго фазиса этой эволюціи.

Когда дѣломъ отложенія части партіи руководятъ такіе честолюбцы, какъ Чемберленъ, то дѣло выясняется довольно скоро и разлука не заставляетъ себя ждать. Совсѣмъ иначе дѣло обстояло въ тотъ моментъ, съ котораго мы начинаемъ теперь нашу исторію. Гербертъ Генри Аскитъ представляется фигурою совсѣмъ иного сорта, болѣе искреннею и лишенною того элемента предательства, который такъ годится въ подобныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, ни Фоулеръ, ни Эдвардъ Грей, никто другой изъ либеральныхъ имперіалистовъ, кромѣ развѣ лорда Розбери, не годится въ лидеры либеральныхъ имперіалистовъ, а только и единственно—Гербертъ Аскитъ. Ему теперь сорокъ восемь лѣтъ, университетское образованіе получилъ въ Оксфордѣ, по профессіи юристъ и адвокатъ. Аскитъ выдвинулся впервые, какъ защитникъ Парнелля. Вслѣдъ за тѣмъ, избранный въ парламентъ, онъ оказался въ числѣ самыхъ горячихъ и преданныхъ сторонниковъ Гладстона, своимъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ оказавшимъ не малыя услуги либеральной партіи. Когда въ 1892 году Гладстонъ составлялъ свое послѣднее министерство, Аскитъ получилъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ и на этомъ посту провелъ не мало важныхъ реформъ по мѣстному управленію и по рабочему законодательству, связавъ свое имя съ такими актами, какъ билль объ общинномъ самоуправленіи, объ организаціи школьнаго дѣла и др. Въ 1895 году онъ вышелъ въ отставку вмѣстѣ со всѣмъ либеральнымъ министерствомъ и перешелъ въ оппозицію, гдѣ, какъ бывшій министръ, засѣдаетъ на первой скамьѣ вмѣстѣ съ другими бывшими министрами либеральныхъ кабинетовъ, бокъ о бокъ съ лидеромъ, противъ котораго именно съ этой скамьи онъ и голосовалъ въ то памятное іюньское утро, о которомъ мы говорили выше. Это было знаменательно, и консервативная печать привѣтствовала его поведеніе и поведеніе полсотни послѣдовавшихъ за нимъ товарищей съ шумною радостью, смутившею искренняго и нечестолюбиваго Аскита. Нелицемѣрно думая, что онъ не

отдѣлился отъ либеральной партіи, онъ поспѣшилъ заявить, что не должно быть и рѣчи о какомъ-либо расколѣ въ либеральной партіи, и что радость торійской прессы совершенно напрасная. Не такъ, однако, думали другіе вожди либерализма, и сэръ Баннерманъ-Кемпбель созвалъ общее собраніе всѣхъ либеральныхъ членовъ парламента для совѣщанія по вопросу о внутреннемъ строеніи партіи. Съ другой стороны, лондонскіе либералъ-имперіалисты замыслили дать банкетъ въ честь Аскита.

26 іюня (9 іюля) состоялось подъ предсѣдательствомъ Баннермана-Кемпбеля общее собраніе либеральныхъ коммонеровъ, открытое рѣчью предсѣдателя. Либеральный лидеръ выказалъ въ этой рѣчи много искусства, такта и возвышеннаго благородства, но и много оптимизма. Указавъ на печальные раздоры, возникшіе въ средѣ либеральной партіи, ораторъ отнесъ ихъ отчасти къ игрѣ личныхъ страстей и честолюбія, а затѣмъ къ разногласію по частному вопросу объ южно-африканской войнѣ. Онъ взывалъ къ единенію, указывая, какой вредъ не только партіи, но всей странѣ приноситъ слабость либеральной партіи, коренящаяся въ ея внутреннихъ раздорахъ. Увѣренный, что его товарищи сумѣютъ отложить въ сторону личные счеты и самолюбіе, онъ думаетъ, что и разногласія по вопросу о войнѣ не такъ глубоки и рѣзки, какъ принято думать подъ вліяніемъ и впечатлѣніемъ яркихъ событій. Теперь поздно и безполезно спорить: нужно ли было начинать войну? Она начата и потребовала громадныхъ жертвъ. Ее надо кончить и кончить въ соотвѣтствіи и съ интересами, и съ достоинствомъ Англіи. Въ этомъ сходятся всѣ либералы, какъ бы они ни разномыслили по вопросу о началѣ войны. Всѣ сходятся также въ томъ, что миръ противникамъ долженъ быть дарованъ почетный; что ихъ свобода и самоуправленіе должны быть гарантированы; что африкандерамъ Капа, примкнувшимъ къ бурамъ, надо даровать амнистію; и, наконецъ, что война должна быть ведена, согласно обычаямъ цивилизованныхъ народовъ. Ораторъ знаетъ, что эта программа есть программа всей либеральной партіи, которая можетъ сплотиться, не взирая на различіе въ теоретической и моральной оцѣнкѣ войны. Замѣчательно, что такимъ же оптимизмомъ отличалась и рѣчь Аскита на этомъ митингѣ. Рѣшительно протестуя противъ участія какого бы то ни было личнаго элемента въ его политическомъ поведеніи, Аскитъ настаивалъ на единствѣ либеральной партіи, находилъ разногласія преходящими, а согласіе основныхъ принциповъ устойчивымъ, при чемъ въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ охарактеризовалъ дѣятельность Беннермана-Кэмпбеля, какъ лидера въ такіе трудные дни. Впрочемъ, Аскитъ (а за нимъ и Грей) оговорился, что сохраняетъ право по вопросу о войнѣ высказывать свои мнѣнія, руководствуясь интересами страны. Тѣмъ не менѣе, его искренно выраженное желаніе сохранить единство пар-

тіи и вѣра въ возможность этого единства, вмѣстѣ съ такимъ же оптимизмомъ самого лидера, сдѣлало то, что оговорки были заслонены словами и обѣтами солидарности, и митингъ окончился *единогласнымъ* рѣшеніемъ выразить довѣріе сэру Баннерману-Кемпбелю, какъ лидеру партіи. Единство партіи казалось возстановленнымъ, и старые друзья и соратники разстались, по наружности, по прежнему друзьями и соратниками.

Однако, банкетъ въ честь Аскита всетаки готовился, чтобы отъ имени лондонскихъ либераловъ чествовать именно разрушеніе Аскитомъ солидарности. Сто четырнадцать лондонскихъ либераловъ, записавшихся на этотъ банкетъ, обратились къ графу Розбери съ письмомъ, приглашая его принять участіе въ банкетѣ. Графъ отклонилъ приглашеніе, но напечатанное имъ при этомъ письмо явилось началомъ новаго фазиса излагаемой исторіи. Приводимъ существенное изъ этого отнынѣ историческаго письма бывшаго министра-президента послѣдняго либеральнаго кабинета:

„Въ 1896 году (пишетъ высокородный авторъ письма) я оставилъ руководительство либеральною партіей не столько даже въ надеждѣ, сколько въ ожиданіи этимъ укрѣпить ея единство. Съ того времени мнѣ пришлось, не безъ сожалѣнія, выступить изъ многихъ союзовъ и обществъ, стараясь ничего не говорить и не дѣлать, что могло бы нарушить единство партіи или затруднить моихъ преемниковъ. Это была линія поведенія, простая, ясная и лояльная, которая, однако, не всѣми была понята, а отъ нѣкоторыхъ заслужила названіе таинственной. Во всякомъ случаѣ, она не вредила единству партіи.

„Наша партія, чтобы спасти аппарансы солидарности, предоставила свободу мнѣнія и свободу дѣйствія по вопросу о войнѣ. Считаю поэтому себя совершенно освобожденнымъ отъ ограниченій, мною на себя наложенныхъ пять лѣтъ тому назадъ. Не потому, однако, чтобы я желалъ возвратиться на арену политики партіи. Совсѣмъ напротивъ. Добровольно я никогда туда не возвращусь. Я полагаю, напротивъ, что внѣ этого въ политикѣ есть полезное и мало искомое положеніе для того, кто уже занималъ высокія должности, но вновь занимать ихъ не добивается. Я полагаю, стало быть, что есть положеніе, на которомъ можно высказывать все, что думаешь съ абсолютною независимостью. Слѣдовательно, я говорю исключительно отъ своего имени.

„Что въ странѣ существуетъ могучее либеральное теченіе, что эта огромная сила можетъ сосредоточить свою дѣятельность на вопросахъ внутренней политики и что она имѣетъ шансы безконечнаго развитія,—въ этомъ я безусловно убѣжденъ.

„Во всемъ, что касается внутренней политики, либералы дѣйствительно имѣютъ широкія перспективы передъ собою. И тѣмъ не менѣе, они не въ состояніи стать силою, пока не примутъ участія въ рѣшеніи имперскихъ вопросовъ, нынѣ связанныхъ съ вопросомъ

о войнѣ. Британская имперія, вся въ ея цѣломъ, приняла участіе въ этой войнѣ, а либеральная партія? Каково ея участіе? Она объявила себя нейтральною и предоставила свободу мнѣній по этимъ вопросамъ! Я заявлялъ, что это невозможное положеніе, осуждающее либеральную партію на совершенное безсиліе. Никакая партія не могла бы существовать при подобныхъ условіяхъ. Вопросы эти слишкомъ значительны. Они затрагиваютъ все человѣчество. Они принадлежатъ къ самымъ жизненнымъ и въ политическомъ, и въ либеральномъ отношеніи.

„Прежде всего, въ нравственномъ отношеніи эта война или справедлива, или несправедлива, а способъ ея веденія или корректенъ, или противорѣчитъ обычаямъ цивилизаціи. Если война несправедлива, если наши способы ея веденія противны цивилизаціи, то наше правительство и наша нація—преступники, и война должна быть остановлена, во что бы то ни стало. Если же война справедлива и ведется корректно, то наша прямая обязанность ее поддерживать всѣми своими силами и содѣйствовать ея возможно быстрому успѣху. Это—основные вопросы изъ самыхъ важныхъ и непримиримыхъ между вопросами, могущими раздѣлять партіи одну отъ другой. Какимъ же образомъ послѣ этого можетъ партія допускать, чтобы ея члены разно мыслили въ этихъ вопросахъ?

„Обратимся къ политической сторонѣ дѣла. Намъ говорятъ, будто все дѣло въ разногласіяхъ преходящихъ, которыя прекратятся вмѣстѣ съ войною, такъ что съ окончаніемъ войны совершенная солидарность воцарится въ рядахъ либераловъ. По моему, совершенно напротивъ. Тѣ, которые питаютъ подобныя иллюзіи, не знаютъ настроенія націи. Фоксъ питалъ подобныя же иллюзіи, когда сопротивлялся великой войнѣ, предпринятой англичанами противъ Франціи. Но, не смотря на его выдающіеся таланты и опытность, онъ только раздѣлилъ партію виговъ, и сорокъ лѣтъ виги были удалены отъ власти. Надо признать ту истину, что государственные дѣятели, которые отдѣляются отъ націи въ какомъ-либо крупномъ національномъ вопросѣ, напр., въ вопросѣ о войнѣ, въ которой всѣ болѣе или менѣе участвуютъ и всѣ терпятъ и страдаютъ, что эти государственные дѣятели создаютъ между собою и націею разстояніе, гораздо болѣе значительное, нежели имъ это кажется. Эти соображенія должны бы имѣть въ виду всѣ, кто, видя власть въ рукахъ своихъ противниковъ, видятъ отложенными и первостепенные вопросы внутренней политики.

„Нельзя также вопросъ считать обособленнымъ. Всѣ интересуются состояніемъ либеральной партіи. Я утверждаю, что это состояніе отнюдь не является случайностью, чѣмъ либо преходящимъ и эфемернымъ. Это старая болѣзнь. Она заключается никакъ не въ личныхъ соперничествахъ. Объясненіе личными

соперничествами предлагается совершенно искренно тѣми, кто не понимаетъ истинной причины зла, разъѣдающаго либерализмъ. Зло это имѣетъ гораздо болѣе глубокіе корни и характеръ явленія постояннаго и основного. Разногласіе не ограничивается этою войною. Оно и не кончится съ нею. Оно опирается на антагонизмъ принциповъ, на искренній, коренной и непримиримый антагонизмъ пониманія имперіи и имперской политики.

„Существуетъ школа, по моему мнѣнію, слѣпая по отношенію къ эволюціи міра, которая упорствуетъ въ своемъ инсулярномъ уединеніи. Другая школа ставитъ на первый планъ своего символа политической вѣры поддержаніе нашей свободной и благодѣтельной имперіи. Ясно, что партія не можетъ удержать въ своихъ рядахъ обѣ школы, если желаетъ сохранить какое-нибудь значеніе. Обѣ фракціи могутъ принять одно и то же имя и помѣститься на одномъ суднѣ, но судно это будетъ осуждено на неподвижность, потому что экипажъ его будетъ грести въ разныя стороны.

„Это происходитъ никакъ не отъ ошибокъ того или другого вождя. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о личной отвѣтственности. Развитіе нашей имперіи и развитіе мнѣній либеральныхъ партій въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ породили это положеніе. Этого раздѣленія нельзя было избѣгнуть. Его не можетъ устранить собраніе партіи. Чтобы либеральная партія снова стала силою, необходимо рѣшительное преобладаніе одной изъ фракцій. Это вопросъ не партійный, а національный, что только и заставило меня высказаться. Для большинства, состоящаго не изъ присяжныхъ политиковъ, представляется въ высшей степени печальнымъ видѣть во главѣ націи слабое правительство, съ еще болѣе слабою оппозиціей противъ него, и въ такое время, когда иностранная вражда и международное соперничество требуютъ отъ насъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, средствъ и способностей!

„Я думаю, что общественное мнѣніе начинаетъ сознавать серьезность переживаемаго нами кризиса, исходъ котораго можетъ имѣть безграничныя послѣдствія для всего нашего будущаго. Благопріятнаго исхода я еще не вижу. Нація дала правительству подавляющее большинство. Всѣ внутренніе вопросы пріостановлены. И всетаки оппозиція, однородная, единодушная, энергичная, даже слабая числомъ, могла бы заставить прислушиваться къ своему голосу при рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ“.

II.

Письмо графа Розбери произвело огромное впечатлѣніе. Очень осторожное и сдержанное, оно безусловно порываетъ со всѣми гладстоніанскими традиціями. Именно эти традиціи графъ называетъ школою, слѣпою по отношенію къ современности;

именно въ нихъ преемникъ Гладстона не желаетъ видѣть ничего, кромѣ инсулярнаго уединенія. Ниже мы къ этому вопросу возвратимся, а теперь дорисуемъ событія въ средѣ англійской либеральной партіи.

Мы сказали, что письмо бывшаго либеральнаго лидера произвело огромное впечатлѣніе. Опубликованное немедленно послѣ общаго собранія либеральной партіи, на которой обѣ фракціи попытались сохранить солидарность и союзъ, оно явилось рѣзкимъ dementi этимъ благороднымъ усиліямъ и огорчило, а частью и возбудило противъ себя большинство либераловъ обѣихъ фракцій. Присяжный органъ всей либеральной партіи „Daily News" въ сдержанныхъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ осудилъ письмо графа Розбери. Сѣять раздоръ, когда дѣлаются благородныя усилія для его прекращенія, не соотвѣтствуетъ положенію бывшаго лидера партіи. Настаивать на необходимости раскола партіи отнюдь не значитъ устраняться отъ партійной политики, какъ желаетъ утверждать графъ. Можно сдѣлать совершенно противоположное заключеніе. По существу поднятаго графомъ вопроса, „Daily News" раздѣляетъ оптимизмъ Беннермана и Аскита. „Ближайшая проблема, говоритъ газета, отнюдь не видна, а ея окончаніе". Приблизительно въ томъ же духѣ высказались и другіе органы либерализма. За то органы торизма встрѣтили этотъ „манифестъ" графа Розбери (какъ они его не безъ основанія называютъ) съ шумнымъ одобреніемъ. „Standart", органъ Салисбюри, находитъ, что „манифестъ" можно сравнить со взрывомъ бомбы. „Графъ Розбери, говоритъ газета, своей жестокой рукою разорвалъ покрывало иллюзій". „Standart" приглашаетъ графа продолжать начатое дѣло (мы увидимъ, что графъ послѣдовалъ этому совѣту торійской газеты). „Morning Post", органъ ортодоксальныхъ тори, привѣтствуя письмо бывшаго лидера либераловъ, замѣчаетъ, что графъ Розбери обнародованіемъ своего манифеста сдѣлалъ высокопатріотическій шагъ и заслуживаетъ благодарности отечества. „Times", наконецъ, горячо одобряя идеи, высказанныя въ манифестѣ бывшаго преемника Гладстона, рѣшительно осуждаетъ его воздержаніе отъ дѣятельной политической роли. Мы увидимъ, что „Times" слишкомъ поспѣшилъ осудить высокороднаго автора „манифеста". Графъ говорилъ о своемъ удаленіи отъ дѣлъ лишь для того, чтобы тѣмъ дѣятельнѣе принять въ нихъ участіе.

За прессою выступили со своими замѣчаніями политическіе дѣятели. Сэръ Чарльзъ Дилькъ, одинъ изъ первыхъ проповѣдниковъ идеи Greater Britain и выступившій съ этою идеей въ печати, когда никакого имперіализма не существовало, счелъ, однако, необходимымъ рѣшительно осудить демаршъ графа Розбери. Онъ нашелъ его несвоевременнымъ и въ своей категоричности неправильнымъ и вреднымъ. „Невозможно, говоритъ

Дилькъ, провести точную и ясную пограничную линію между либералами, которыхъ зовутъ имперіалистами, и тѣми, которыхъ называютъ сторонниками малой Англіи; есть члены парламента, которые примыкаютъ къ имперіалистской идеѣ и сообразно съ этою идеей подаютъ свой голосъ въ палатѣ, но которые не одобряютъ южно-африканской войны, или, по крайней мѣрѣ, не желаютъ содѣйствовать безконечному расширенію британской имперіи, и безъ того очень обширной". Сэръ Эдвардъ Грей, одинъ изъ самыхъ яркихъ имперіалистовъ между либералами, тоже поспѣшилъ высказаться неодобрительно о письмѣ, которое призвано нарушить только что установившееся соглашеніе. „Если лордъ Розбери, продолжалъ ораторъ, въ самомъ дѣлѣ желаетъ, чтобы въ либеральной партіи установилось единство взглядовъ на войну, онъ долженъ не устраняться отъ партіи, но принять дѣятельное участіе въ выработкѣ этого согласія взглядовъ. Положеніе, занятое лордомъ Розбери, невозможное и опасное". Затѣмъ заговорилъ и Аскитъ. Онъ произнесъ рѣчь на данномъ въ его честь лондонскими либеральными имперіалистами банкетѣ,—о немъ мы говорили выше, который подалъ поводъ лорду Розбери написать свой манифестъ и который состоялся 6 (19) іюля въ Лондонѣ подъ предсѣдательствомъ сэра Эдварда Грея. На банкетѣ присутствовало около четырехсотъ либеральныхъ нотаблей, въ томъ числѣ, однако, не болѣе тридцати членовъ парламента. Часть имперіалистовъ либераловъ парламента уклонилась, желая по возможности не выдѣляться изъ партіи и избѣгать такихъ манифестацій, на которыхъ не можетъ присутствовать другая фракція либеральной партіи. Аскитъ самъ долго колебался, принять-ли банкетъ, и въ концѣ концовъ его принялъ, быть можетъ, поддавшись давленію единомышленниковъ, быть можетъ, надѣясь своей рѣчью на банкетѣ внести не раздоръ, а примиреніе. Онъ началъ съ того, что въ рядахъ либеральной партіи всегда издавна существовало и существуетъ разногласіе по вопросу объ имперіи, и это ей не мѣшало и не должно мѣшать быть серьезною прогрессивною силою, однородною въ своихъ основныхъ принципахъ. „Значеніе слова *имперія* понимается каждымъ по-своему, и *имперія* для тори не то, что для насъ. Для насъ *имперія* отнюдь не представляется синдикатомъ съ цѣлью эксплуатировать всевозможныя расы земного шара. Для насъ *имперія* не является даже обществомъ взаимнаго страхованія противъ иностраннаго насилія. Великій и плодотворный опытъ федераціи свободныхъ и самоуправляющихся обществъ, — вотъ что такое *имперія*, какъ мы ее понимаемъ. И такая имперія, построенная въ широко либеральномъ духѣ, не только не противорѣчитъ, но должна содѣйствовать проведенію въ жизнь самыхъ широкихъ и плодотворныхъ соціальныхъ реформъ". Аскитъ не коснулся прямо письма графа Розбери, но

цитированное мѣсто является ему возраженіемъ. Аскитъ продолжаетъ вѣрить въ сохраненіе единства либеральной партіи, не взирая на разногласія по вопросу объ „имперіи".

Такимъ образомъ, письмо графа Розбери на первыхъ порахъ было встрѣчено несочувственно либеральными имперіалистами. Имъ такъ больно покидать знаменитыя знамена, вокругъ которыхъ они дали столько упорныхъ битвъ реакціи! Имъ такъ тяжело разставаться съ уважаемыми и частью лично любимыми товарищами! Они съ такою радостью приняли утѣшеніе единогласнаго рѣшенія общаго собранія 26 іюня! И въ этотъ моментъ выступаетъ съ своей „жестокою рукою" (по счастливому выраженію Standart'а) графъ Розбери и требуетъ отъ нихъ разрыва и съ традиціонными знаменами, и съ боевыми товарищами...

Не мудрено, если именно либеральные имперіалисты, именно Дилькъ, Аскитъ и даже Грей, поспѣшили осудить демаршъ своего единомышленника и вождя (потому что всетаки писалъ „вождь"). Съ другой стороны, подобныя же чувства вниманія къ товарищамъ и общему солидарному прошлому заставили либераловъ, вѣрныхъ старымъ традиціямъ, быть сдержанными и рѣзкими возраженіями лорду Розбери не задѣть и другихъ либеральныхъ имперіалистовъ. Баннерманъ-Кемпбель, Вильямъ Гаркортъ, Морлей, Лаусонъ промолчали. Не промолчалъ, однако, самъ графъ Розбери. Послѣ „манифеста" онъ вскорѣ самъ выступилъ, но уже съ рѣчью, которая еще рѣзче разоблачаетъ намѣренія высокороднаго политика. Конечно, онъ снова заявляетъ, что мысль возвратиться на политическое поприще менѣе всего руководитъ его демаршами. Одинокій, онъ пойдетъ своимъ путемъ безъ товарищей. Онъ стоитъ внѣ партій и прокладываетъ собственную борозду. Однако, начиная ее одинокимъ, онъ надѣется, что впослѣдствіи это одиночество исчезнетъ. Послѣ этого заявленія о своемъ личномъ положеніи, графъ переходитъ къ проблемамъ, затронутымъ въ вышеприведенномъ „манифестѣ". Мы видѣли, что такіе вожди либеральнаго имперіализма, какъ Аскитъ и Дилькъ, настаиваютъ на временномъ значеніи разногласій и на сохраненіи единенія во всемъ, что касается основныхъ принциповъ. Противъ этой иллюзіи и возстаетъ графъ Розбери прежде всего. Разногласія во взглядахъ на войну, по мнѣнію оратора, не имѣютъ характера второстепенныхъ или преходящихъ. Они основныя и обнаруживаютъ коренное и непримиримое противорѣчіе въ пониманіи задачъ и всего строя національной жизни. Поэтому, они не только не окончатся со окончаніемъ войны, напротивъ—обострятся и будутъ возобновляться съ все возрастающею силою и горечью по поводу каждаго серьезнаго вопроса, входящаго въ составъ имперіалистской программы. Онъ соглашается, что разногласія того же направленія бывали и прежде въ рядахъ либераловъ, но тогда „имперія" была еще въ зародышѣ, а имперіалистской

программы не было. И тѣмъ не менѣе пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1886 году, когда впервые изъ рядовъ либеральной партіи выступили многочисленные ея адепты, вопросъ home rule'я былъ лишь явнымъ поводомъ, а существенною стороною раскола былъ анти-имперіализмъ Гладстона и другихъ всѣхъ партій. Надо выбирать между имперіализмомъ и анти-имперіализмомъ, потому что это двѣ вполнѣ законченныя и безусловно несовмѣстимыя и непримиримыя программы.

Такова сущность рѣчи благороднаго лорда, ею дополнившаго и всесторонне уяснившаго „манифестъ". Вмѣстѣ эти два документа представляются въ самомъ дѣлѣ манифестомъ шефа партіи, но партіи, еще не образовавшейся. Программа намѣчена въ общихъ чертахъ только, но довольно ясно. Либеральная программа, какъ ее проводили Гладстонъ, Гаркортъ, Гренвиль, Морлей, Баннерманъ, Лаусонъ, самъ Розбери, уже болѣе не соотвѣтствуетъ „развитію имперіи за послѣднія 20 лѣтъ". Ея сторонники слѣпы къ эволюціи человѣчества, потому что отвергаютъ имперіализмъ, который, однако, долженъ быть поставленъ верховнымъ критеріемъ всей политической дѣятельности государственныхъ людей Англіи. Надо поэтому признать, что диссиденты 1886 года были правы, отдѣлившись отъ либераловъ, и что война въ Южной Африкѣ справедлива и ведется корректно. Правительство, однако, слабо и ничтожно. Оно богато только ошибками и промахами. Оно бездѣйствуетъ и остановило движеніе самыхъ жизненныхъ внутреннихъ вопросовъ. Это печальное положеніе вещей становится прямо опаснымъ, благодаря слабости и ничтожеству оппозиціи, вслѣдствіе ея разномыслія при упорствѣ сохранить утраченное единство. Необходима другая оппозиція, хотя бы и малочисленная, но единодушная, во-первыхъ, и отвѣчающая настроенію націи, во-вторыхъ, т. е. оппозиція имперіалистская. Таковъ смыслъ двухъ взаимно дополняющихъ другъ друга документовъ, нами здѣсь прорезюмированныхъ. Совершенно ясно, что лордъ Розбери надѣется создать подобную оппозицію, которая рано или поздно войдетъ въ прокладываемую имъ новую борозду. Элементы для такой оппозиціи намѣчены графомъ въ рамкахъ, широко открываемыхъ для всѣхъ, кто пожелалъ бы въ нихъ войти. Запоздалое хотя, но все же примирительное оправданіе либеральныхъ дезертировъ 1886 года открываетъ имъ возможность возвратиться къ новому „имперіалистскому" либерализму, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, которые не очень себя скомпрометтировали долговременнымъ союзомъ и сотрудничествомъ съ консерваторами, т. е. не вождямъ. Однако, именно вождей, всѣхъ этихъ Чемберленовъ и Гошеновъ, графу Розбери нужно менѣе всего. Отвлечь-же къ либеральному имперіализму болѣе или менѣе значительную часть либеральныхъ уніонистовъ парламента и еще болѣе значительную часть либерально-уніонистскихъ избирателей представляется задачею, кото-

рую никакъ нельзя назвать безнадежною. Для этого надо убѣдить либеральныхъ имперіалистовъ рѣшительно выступить изъ либеральной партіи, образовать самостоятельную (третью) партію въ палатѣ съ многосторонне разработанною имперіалистскою программою и изъ этой программы вычеркнуть требованіе ирландскаго home rule'я. И манифестъ, и рѣчь-программа бывшаго премьера послѣдняго либеральнаго кабинета направлены къ достиженію этихъ цѣлей. Весьма возможно, что такіе люди, какъ Аскитъ и Дилькъ, не рѣшатся сами порвать съ либеральною партіей и почти невѣроятно, чтобы они согласились вычеркнуть изъ своей программы ирландскій home rule, который вполнѣ совмѣстимъ съ имперіализмомъ, какъ его опредѣляетъ Аскитъ. Это затруднитъ эволюцію, но вѣдь можно обойтись и безъ Аскита и Дилька, какъ безъ Чемберлена и Гошена. Аскитъ и Дилькъ морально связаны прошлымъ. Чемберленъ и Гошенъ раздѣляютъ отвѣтственность торійскаго правительства. Розбери и его товарищи не должны быть отвѣтственны за дѣйствія теперешняго правительства; ихъ не должны стѣснять никакія моральныя связи и традиціи. Самого графа они, по крайней мѣрѣ, не стѣсняютъ. Съ черствостью честолюбца и съ проницательностью опытнаго дѣльца, лордъ Розбери прокладываетъ свою новую борозду и подготовляетъ сподвижниковъ изъ прошедшихъ и будущихъ дезертировъ либеральнаго знамени.

Презрительное отношеніе къ тому, что вчера исповѣдывалъ; высокомѣрное пренебреженіе къ товарищамъ; неуваженіе къ памяти наставниковъ и вождей; лицемѣрное кокетство самоустраненіемъ отъ дѣлъ при явномъ подготовленіи властнаго къ нимъ возвращенія, — все это до-нельзя шокируетъ и отталкиваетъ въ демаршахъ графа Розбери. Не менѣе возбуждаютъ противъ себя и историческія передержки, допущенныя въ своемъ манифестѣ и своей рѣчи благороднымъ лордомъ, вообще хорошо знающимъ отечественную исторію. Желая протянуть руку диссидентамъ 1886 года, графъ Розбери теперь сочиняетъ, что причиною ихъ отпаденія былъ не home rule, а главнымъ образомъ, анти-имперіализмъ большинства либеральной партіи. Кто же были эти отпавшіе „имперіалисты"? Не Брайтъ-ли, для котораго малѣйшее опасеніе возможности войны заставляло оставлять кабинетъ и переходить въ оппозицію? Не Гошенъ-ли, этотъ типичный манчестерецъ, для котораго либерализмъ сводился къ двумъ вещамъ, миру и бережливости? Не Аргайль-ли, этотъ неутомимый противникъ джингоизма Биконсфильда? Самъ Гартингтонъ, нынѣ герцогъ Девонширъ и членъ министерства, были вѣрными товарищами Гладстона, именно, въ его внѣшней политикѣ, а Чемберленъ щеголялъ своей враждою къ имперіализму. Да, наконецъ, и самъ торизмъ того времени, подъ вліяніемъ покойнаго Рандольфа Черчиля, на время отрекся отъ имперіализма, господствовавшаго при

Биконсфильдѣ. Графъ Розбери, конечно, прекрасно знаетъ все это и сознательно сочиняетъ басню о причинахъ раскола 1886 года, но этою баснею онъ думаетъ построить золотой мостъ отщепенцамъ 1886 года для соединенія съ отщепенцами 1901 года. Другою баснею онъ думаетъ напугать колеблющихся либераловъ, угрожая имъ продолжительнымъ устраненіемъ отъ дѣлъ за разномысліе съ націей въ вопросѣ о войнахъ, „въ которыхъ всѣ болѣе или менѣе участвуютъ и всѣ терпятъ и страдаютъ". Онъ цитируетъ примѣръ Фокса, возставшаго противъ войны съ французскою республикой, за что нація устранила всѣхъ отъ власти на сорокъ лѣтъ. Розбери, однако, благоразумно не цитируетъ болѣе подходящаго къ современнымъ событіямъ примѣра, какъ ранѣе французской революціи тотъ же Фоксъ съ тѣми же вигами поднялъ голосъ въ парламентѣ за возмутившихся американцевъ. Большинство возстало на это заступничество, и виговъ преслѣдовали тогдашніе джинго, какъ измѣнниковъ. Американцы, однако, продолжали борьбу на западной сторонѣ Атлантическаго океана, а на восточной сторонѣ не прекращали борьбы ихъ благородные защитники Фоксъ, Боркъ, Шериданъ и другіе, которые и успѣли довести эту борьбу до полнаго торжества, низвергли торійское министерство и заключили миръ, признавъ независимость Америки. За то, когда напуганные „ужасами революціи", Боркъ съ нѣкоторою частью виговъ отдѣлился отъ своей партіи и заключилъ союзъ съ тори, эта „унія" дѣйствительно надолго обезпечила господство тори. И теперь не вѣрность принципамъ партій, а измѣна имъ частью партіи передаетъ власть консерваторамъ. Покамѣстъ консерваторамъ, однако, а не дезертирамъ, какъ и тогда... Только будущее покажетъ, на сколько правильны иные разсчеты, питаемые лордомъ Розбери.

Какъ ни претитъ въ моральномъ отношеніи „большой выходъ" лорда Розбери, нельзя ему отказать въ одномъ. Онъ ясно видитъ неизбѣжность отпаденія либеральныхъ имперіалистовъ отъ либеральной партіи. Онъ вполнѣ сознаетъ непримиримость имперіализма съ старымъ либерализмомъ, который онъ характеризуетъ, какъ „упорство въ инсулярномъ уединеніи", „слѣпое къ эволюціи человѣчества". Эти инсулярные отшельники и слѣпцы, незнакомые съ развитіемъ человѣчества, кто они, однако? Это Морлей, Гаркортъ, Лаусонъ, Кортней, Лабушеръ, крупнѣйшіе и благороднѣйшіе умы парламента, а внѣ его Гербертъ Спенсеръ, Гаррисонъ и т. д. Вотъ они слѣпцы, невѣжды, рутинеры... Конечно, графъ Розбери настолько уменъ и образованъ, что понимаетъ, какую нелѣпую басню сочиняетъ, но эта басня можетъ произвести надлежащее впечатлѣніе на культурныхъ дикарей, которыми теперь такъ богата Англія, а если такъ, то чего церемониться съ какими-то философами и учеными? Для культурныхъ

дикарей вѣдь они звукъ пустой, эти Спенсеры, Морлеи и Гаррисоны!

Нѣтъ, никакъ не инсулярное уединеніе составляетъ девизъ либераловъ „мало-британцевъ“, но чувство солидарности со всѣмъ человѣчествомъ и вытекающее отсюда желаніе дать и другимъ жить, какъ они хотятъ. Это не уединеніе. Это общеніе, но общеніе свободное. Это не господство. Съ другой стороны, имперіализмъ есть именно господство англосаксонскаго міра надъ „низшими расами“. И не слѣпы искренніе либералы къ современной исторической эволюціи. Они ясно ее видятъ. Солидарность всего цивилизованнаго міра, по ихъ воззрѣнію, постепенно созрѣваетъ въ мукахъ этой исторической эволюціи. Солидарность англосаксонскаго міра—далѣе этого не идутъ имперіалисты, и солидарность эта надобна для господства надъ другими народами и расами. „Для насъ имперія не есть синдикатъ съ цѣлью эксплуатаціи всевозможныхъ расъ земного шара“, сказалъ Аскитъ (см. выше). „Она не есть для насъ и торговый домъ“, сказалъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Этими отрицаніями самъ Аскитъ лучше всего охарактеризовалъ, что такое „имперія“ для большинства, громаднаго большинства британскихъ имперіалистовъ. Это громадное большинство, впрочемъ, не сочиняетъ себѣ „имперію“, какъ это дѣлаетъ Аскитъ. Оно беретъ „имперію“, какъ она есть уже въ Англіи, а такая имперія, по признанію самого Аскита, есть „торговый домъ, учрежденный съ цѣлью эксплуатаціи всевозможныхъ расъ земного шара“. Сознаютъ ли неизбѣжность именно такого имперіализма Аскитъ и другіе искренніе либералы, увлекшіеся имперіализмомъ въ своемъ собственномъ освѣщеніи, предсказывать не беремся; но несомнѣнно, что тѣмъ либераламъ, которые уже теперь понимаютъ сущность имперіализма, не остается ничего, какъ бороться съ этимъ уродливымъ дѣтищемъ, послѣдышемъ капиталистической эволюціи. Борьба неизбѣжна, а слѣдовательно—и отпаденіе фракціи либеральныхъ имперіалистовъ; но кто изъ наличныхъ честолюбцевъ отъ этого выиграетъ—Чемберленъ, Розбери или нѣкій Иксъ, или только тори, или никто, а страна возвратитъ полномочія великимъ и благороднымъ умамъ, которыми должна бы гордиться?—это трудно предвидѣть. Самъ графъ Розбери, съ своей стороны, подготовляя исходъ, замѣтилъ, что *еще не видитъ исхода*. Повидимому, это было искренно сказано. Справедливо также было имъ сказано, что расколъ необходимъ въ интересахъ всей партіи, т. е. обѣихъ ея фракцій. Только возвративъ себѣ полную свободу, нынѣ ограниченную союзомъ съ либеральными имперіалистами, либералы могутъ подготовлять торжество своихъ идей.

III.

8 (21) іюля происходили по всей Франціи выборы половины членовъ генеральныхъ совѣтовъ всѣхъ департаментовъ, кромѣ Сены. Всего предстояло 1,454 избранія. Члены генеральныхъ совѣтовъ, вмѣстѣ съ членами муниципальныхъ совѣтовъ, составляютъ корпусъ сенатскихъ избирателей. Въ этомъ ихъ прямое политическое значеніе. Генеральные совѣты избираются всеобщею подачею голосовъ, вслѣдствіе чего исходъ департаментскихъ выборовъ характеризуетъ настроеніе народа. Въ этомъ ихъ косвенное политическое значеніе. Въ настоящій моментъ это послѣднее усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что департаментскіе выборы на этотъ разъ происходили за какіе-нибудь десять мѣсяцевъ передъ имѣющими быть въ маѣ 1902 года генеральными выборами въ палату депутатовъ.

Изъ числа 1455 избрано:

Республиканцевъ	умѣренныхъ	561	
»	радикаловъ	480	
»	соціалистовъ	34	
»	ralliés	54	1129
Націоналистовъ		30	
Монархистовъ		211	241
Перебаллотировокъ предстоитъ		85	
		Итого	1455

Результаты для республики самые утѣшительные. За нее высказались $^5/_6$ избирателей, но эти избиратели почти поровну раздѣляются между умѣренными и радикалами съ соціалистами, и ни одна изъ этихъ фракцій большой республиканской партіи не составляетъ сама по себѣ большинства въ странѣ. Республика стоитъ прочно, но ея развитіе и совершенствованіе тормозится этимъ несуществованіемъ прочнаго однороднаго большинства въ странѣ, а потому и въ парламентѣ. Положеніе политическое нѣсколько маскируется еще двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, въ составѣ 561 умѣренныхъ республиканцевъ имѣется неудобовыдѣляемый контингентъ мелинистовъ, риботистовъ и другихъ антиминистерскихъ республиканцевъ, составляющихъ вмѣстѣ съ ralliés элементъ переходный къ націоналистамъ и монархистамъ, прямымъ противникамъ существующаго режима. Во-вторыхъ, соціалисты выставили своихъ кандидатовъ лишь въ нѣсколькихъ крупныхъ центрахъ, а въ остальной странѣ они вотировали за министерскихъ республиканцевъ, къ какой бы фракціи они ни принадлежали. Эти голоса соціалистовъ, съ одной стороны, а съ другой—сомнительные голоса полунаціоналистовъ мелиновскаго толка увеличиваютъ собою цифру, падающую на умѣренныхъ

республиканцевъ. Часть должна быть отчислена налѣво, часть направо, но какая часть—гадать даже не возможно въ виду того, что громадное большинство избранныхъ—мѣстные нотабли, политическое прошлое которыхъ составляетъ величину, малоизвѣстную даже въ Парижѣ, не только въ Петербургѣ.

Нѣкоторымъ косвеннымъ показателемъ искомаго отвѣта можетъ служить успѣхъ на выборахъ представителей генеральныхъ совѣтовъ, такъ какъ объ нихъ уже можно сказать,—министерскіе они или антиминистерскіе (т. е. переходные къ реакціонерамъ). Всего предстояло переизбраніе сорока выбывшихъ представителей. Изъ нихъ трое не баллотировалось и трое забаллотировано, именно одинъ монархистъ (его мѣсто занялъ умѣренный республиканецъ), одинъ радикалъ (его замѣнилъ умѣренный республиканецъ антиминистерскій) и одинъ умѣренный антиминистерскій (замѣненъ радикаломъ, министерскимъ). Тридцать четыре представителя переизбрано. Изъ нихъ 20 министерскихъ, сторонниковъ всѣхъ оттѣнковъ, 12 антиминистерскихъ республиканцевъ и 2 монархиста. Въ результатѣ за министерство 21, противъ—15. Это большинство $^3/_5$ не очень расходится съ распредѣленіемъ голосовъ и въ современной палатѣ. Однако, это солидное большинство есть большинство коалиціонное, т. е. взаимно парализующее дѣятельность.

Слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ общемъ республиканцы отняли у націоналистовъ и монархистовъ 80 мѣстъ и потеряли 33, выиграли, стало быть, 47. Это измѣнило большинство въ двухъ департаментахъ. Въ одномъ націоналистско-монархистское большинство смѣнилось республиканскимъ и въ одномъ умѣренно-республиканское большинство уступило мѣсто радикальному. Изъ 87 департаментовъ европейской Франціи монархисты теперь сохраняютъ большинство только въ четырехъ (Нижней Луары, Мэна и Луары, Морбигена и Вандеи).

С. Южаковъ.

Харьковскіе крахи.

Тяжелому году, только что пережитому южно-русской промышленностью и торговлей, суждено было закончиться такимъ грандіознымъ потрясеніемъ всѣхъ нашихъ финансово-торговыхъ сферъ, близость котораго три—четыре мѣсяца назадъ, конечно, не могли бы предугадать самые завзятые скептики. Знаменитые отнынѣ въ исторіи русскихъ банковъ харьковскіе крахи представляютъ собою такое крупное, серьезное, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поучительное событіе нашей жизни, которое надолго должно остаться памятнымъ и для спеціально-заинтересованныхъ сферъ, и для большой публики. Разразившись, нежданной грозой, оно захватило массу лицъ. Нѣсколько крупнѣйшихъ коммерческихъ столповъ этою грозою были безповоротно разбиты, нѣкоторые значительно помяты; что же касается заурядныхъ обывателей, то многіе изъ нихъ разорены, и тысячи, а пожалуй, и десятки тысячъ понесли значительные убытки, и врядъ ли найдется въ Россіи много такихъ коммерческихъ учрежденій, которыя остались бы совсѣмъ не тронуты харьковской катастрофой. Она съ небывалой яркостью и выпуклостью освѣтила некрасивую изнанку нѣкоторыхъ ранѣе стоявшихъ внѣ всякихъ подозрѣній учрежденій и лицъ. По поводу дѣйствій правленій двухъ значительныхъ и одного очень крупнаго банка начато слѣдствіе, казна вынуждена была ассигновать на поддержаніе дѣлъ, съ которыми связаны интересы многихъ тысячъ россійскихъ гражданъ, свыше 12 милліоновъ прямыхъ субсидій и, кромѣ того, затратить нѣсколько милліоновъ на экстренные правительственные заказы, имѣющіе ту же цѣль; а нѣсколькимъ учрежденіямъ, кассовая наличность которыхъ могла оказаться ниже требованій по возвращенію вкладовъ, предъявленныхъ напуганною публикою, открытъ усиленный кредитъ изъ государственнаго банка, и никто не поручится, что цѣпь обрушившихся на насъ финансовыхъ несчастій уже дошла до своего конца, никто не скажетъ съ увѣренностью, что въ этой грустной исторіи поставлена послѣдняя точка. Уже и этотъ краткій перечень результатовъ харьковскихъ краховъ, я полагаю, достаточенъ для того, чтобы оттѣнить ихъ огромное общественное значеніе, но нѣкоторыя характерныя черты развитія этой печальной эпопеи это значеніе особенно подчеркиваютъ и оттѣняютъ; впрочемъ, эти характерныя черты выяснятся ниже, а теперь начнемъ по порядку.

Надо сказать, что именно намъ, жителямъ юга, быть можетъ, особенно трудно писать о событіяхъ послѣднихъ двухъ—трехъ мѣсяцевъ; они разыгрались отъ насъ слишкомъ близко; они слишкомъ непосредственно задѣли наши интересы; дѣятели, въ нихъ участвовавшіе, слишкомъ хорошо намъ знакомы, если не всѣ лично, то по достовѣрнымъ свидѣтельскимъ показаніямъ. При такихъ условіяхъ легко лишиться чувства перспективы, трудно отдѣлить общеинтересную сущность отъ имѣющихъ чисто мѣстное значеніе частностей. Постараемся же разобраться въ общихъ очертаніяхъ картины, прежде чѣмъ коснемся собственно изложенія фактовъ.

Первымъ публичнымъ симптомомъ надвигавшейся бѣды въ настоящемъ случаѣ была трагическая смерть извѣстнаго южнаго дѣльца, основателя чуть ли не десятка разныхъ крупныхъ торговыхъ промышленныхъ предпріятій и банковъ, А. К. Алчевскаго; но, какъ ни странно вспомнить объ этомъ теперь, истинный смыслъ смерти подъ колесами паровоза чуть ли не всесильнаго полъ-года назадъ финансоваго туза, которому общественное мнѣніе, всегда ослѣпляемое удачею, казалось, готово приписать геніальныя способности, былъ понятъ далеко не сразу. Первоначально у насъ на югѣ его кончина приписывалась несчастному случаю, и статьи мѣстныхъ газетъ были проникнуты горячимъ сочувствіемъ къ погибшему. Затѣмъ стали говорить о томъ, что дѣла покойнаго въ послѣднее время сильно пошатнулись, пронесся слухъ, что ему необходимо было достать передъ смертью 2 милліона; но большой публикѣ все еще и въ голову не приходилъ вопросъ о томъ, до какой степени въ личныхъ дѣлахъ Алчевскаго отражается положеніе цѣлаго ряда крупнѣйшихъ дѣлъ юга. Для того, чтобы пониманіе огромной важности переживаемаго кризиса и истиннаго характера дѣятельности скончавшагося коммерсанта начало проникать въ широкіе круги публики, понадобился цѣлый мѣсяцъ, закончившійся несостоятельностью торговаго банка; наконецъ, полная ревизія дѣлъ харьковскаго земельнаго банка не оставила уже мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Однако и теперь еще нельзя сказать, чтобы все общество ясно разобралось въ прошедшихъ передъ нимъ явленіяхъ; напротивъ, какъ это часто бываетъ, для многихъ *послѣдовательность* фактовъ какъ бы отождествилась съ *причинностью*. Едва ли я ошибусь, если скажу, что еще и до сихъ поръ найдутся люди, вѣрящіе, что виною всѣхъ бѣдъ была самая смерть Алчевскаго. Нерѣдко еще и въ настоящую минуту можно встрѣтить лицъ, которыя съ полной искренностью будутъ увѣрять васъ, что если бы покойному основателю харьковскаго земельнаго банка наканунѣ кончины удалось бы получить два милліона, то не только онъ остался бы живъ, а и всѣ лопнувшія и пошатнувшіяся теперь дѣла были бы спасены и вообще никакого кризиса не было бы. Конечно, число

такихъ наивныхъ лицъ теперь уже сравнительно не велико, но самая возможность появленія подобныхъ мнѣній, думается, показываетъ, что вопросъ, лежащій въ основѣ всѣхъ послѣднихъ южныхъ событій, вопросъ о томъ, *чѣмъ же они собственно вызваны*—еще ждетъ своего разрѣшенія. Но, разъ онъ поставленъ, вполнѣ естественно расчленить его и слѣдомъ за нимъ задаться тремя вопросами: въ какой мѣрѣ кризисъ вызванъ *общимъ положеніемъ* нашей промышленности и акціонернаго дѣла, въ какой мѣрѣ—*невольными ошибками* и въ какой—*недобросовѣстностью* руководителей отдѣльныхъ предпріятій. Собственно, въ настоящую минуту, когда судебная власть призвана разслѣдовать дѣйствія трехъ южныхъ банковъ, общественное мнѣніе юга, приписывавшее прежде всѣ крахи смерти Алчевскаго, какъ бы впадаетъ во вторую ошибку и, подъ вліяніемъ раздраженія и озлобленія, начинаетъ причину всѣхъ золъ видѣть исключительно въ недобросовѣстности руководителей нѣкоторыхъ коммерческихъ дѣлъ. Нечего и говорить, что такой взглядъ на столько же ошибоченъ и одностороненъ, какъ и первый. Я далекъ отъ мысли оправдывать правленіе харьковскаго земельнаго и другихъ банковъ. Вѣроятно, судъ отыщетъ виновныхъ; полагаю, что число ихъ не будетъ незначительно, и да понесутъ они должную кару! Но, забѣгая немного впередъ, я обращу вниманіе читателя на знаменательный отвѣтъ, данный однимъ изъ членовъ правленія Харьковскаго земельнаго банка, г. Орловымъ, во время чрезвычайнаго собранія 25 іюня на вопросъ акціонеровъ о томъ, почему земельный банкъ, вопреки, казалось бы, здравому смыслу и съ нарушеніемъ устава торговаго банка, держалъ въ послѣднемъ огромный капиталъ въ $5^1/_2$ милл. руб., когда собственный основной и резервный капиталъ торговаго банка составлялъ меньше половины этой суммы? Г. Орловъ на этотъ вопросъ замѣтилъ, что прежнимъ собраніямъ акціонеровъ правленіе докладывало о такомъ положеніи вещей, но *акціонеры никогда за него правленіе не порицали*. Я не имѣлъ въ рукахъ протоколовъ прошлыхъ акціонерныхъ собраній земельнаго банка и потому долженъ принять мнѣніе г. Орлова на вѣру; но меня, профана и диллетанта, его слова заставили глубоко задуматься. Въ самомъ дѣлѣ, если правленіе, исполнительный органъ акціонеровъ, дѣйствовало всегда съ ихъ согласія и одобренія и о своихъ дѣйствіяхъ всегда акціонерамъ докладывало, то одно ли правленіе въ такихъ дѣйствіяхъ отвѣтственно? Мнѣ могутъ возразить, что правленіе харьковскаго земельнаго банка съ ловкимъ предсѣдателемъ во главѣ, расписавъ свои акціи подставнымъ лицамъ, всегда могло создать себѣ на собраніи послушное большинство. Но развѣ подобный пріемъ употреблялся въ однихъ прошлыхъ собраніяхъ харьковскаго земельнаго банка? Развѣ неизвѣстно достовѣрно, что болѣе половины нашихъ акціонерныхъ собраній происходитъ именно

при такомъ искусственно подобранномъ большинствѣ? И развѣ то самое чрезвычайное собраніе акціонеровъ харьковскаго банка, которое столь рѣзко осудило дѣятельность стараго правленія, было не таково же? Новый владѣлецъ большей части акцій земельнаго банка, г. Рябушинскій, какъ передавала харьковская молва, еще за полмѣсяца до рѣшительнаго дня открыто говорилъ, что онъ привезетъ въ Харьковъ 24 іюня „2 вагона акціонеровъ“, а участіе въ собраніи десяти лицъ, носящихъ фамилію новаго владѣтеля харьковскаго земельнаго банка, и изумительная случайность голосованія, при которой масса серьезныхъ вопросовъ проходила *ровно 222 голосами*, право же, внушаютъ сомнѣніе относительно того, не было ли и данное собраніе также искусственно по своему составу, какъ и всѣ прошлыя собранія? Если же это предположеніе вѣрно, то не слѣдуетъ ли изъ него выводъ такого рода: чрезвычайное собраніе 25 іюня привлекаетъ къ суду старое правленіе не вслѣдствіе того, что именно въ этомъ послѣднемъ собраніи акціонерамъ стали извѣстны тѣ или иныя дѣйствія правленія,—они могли быть извѣстны и прежнимъ акціонерамъ,—а только потому, что большая часть акцій перешла изъ рукъ гг. Алчевскихъ въ новыя руки гг. Рябушинскихъ. Но, если это правда, то по неволѣ приходитъ въ голову знаменитое по своей откровенности признаніе г. Струсберга, который во время своего процесса заявилъ, что, будь онъ на мѣстѣ прокурора, то онъ могъ бы, при желаніи, привлечь къ суду всѣхъ директоровъ всѣхъ банковъ. И роковой вопросъ о томъ, что могло бы быть найдено въ другихъ учрежденіяхъ, если бы и тамъ свои гг. Рябушинскіе смѣнили бы своихъ гг. Алчевскихъ, по неволѣ встаетъ въ головѣ ошеломленнаго обывателя.

Возвращаясь къ смерти основателя харьковскаго земельнаго банка слѣдуетъ прежде всего, однако, сказать, что, конечно, не въ ней кроется причина нашихъ послѣднихъ бѣдъ. Эта причина лежитъ гораздо глубже, возникла несравненно раньше, и врядъ ли мы ошибемся, если начнемъ прежде всего искать ее въ общемъ положеніи акціонернаго дѣла за послѣдніе годы. Извѣстно, что послѣ временнаго оживленія учредительства въ семидесятыхъ годахъ у насъ наступило въ сферѣ промышленности нѣкоторое затишье, выразившееся, между прочимъ, сравнительно слабымъ приливомъ капиталовъ въ акціонерныя предпріятія. Начало девятидесятыхъ годовъ также еще не отличалось особеннымъ оживленіемъ въ этой области. Въ періодъ съ 1890 по 1895 г. ежегодная сумма прироста капиталовъ, вложенныхъ въ акціонерныя предпріятія, дѣйствующія на основаніи утвержденныхъ въ Россіи уставовъ, колебалась между 63 и 25, милліонами; но съ 1895 г. положеніе дѣлъ рѣзко мѣняется. Это былъ первый годъ, когда приростъ акціонернаго капитала поднялся до 130 милліоновъ; такое ожив-

леніе промышленности радовало дѣльцовъ, но это были еще лишь первые проблески начинавшейся горячки.

Въ 1896, 97 и 98 годахъ послѣдовательно къ акціонерному дѣлу привлекалось 232, 239, 256 милліоновъ; казалось, что быстрота развитія нашей промышленности достигла предѣла, но 1899 годъ далеко оставилъ за собою своихъ предшественниковъ, и въ продолженіи его было разрѣшено выпустить акціонернаго капитала въ общей суммѣ на *430* милліоновъ; даже 1900 годъ, когда уже чувствовалось приближеніе довольно остраго кризиса, далъ цифру въ *337* милліоновъ. Надо сказать, что въ настоящее время у насъ въ рукахъ нѣтъ еще данныхъ для того, чтобы судить, какая часть двухъ послѣднихъ суммъ была дѣйствительно реализована, но насъ въ данную минуту эта сторона дѣла и не интересуетъ. Намъ важны эти цифры только для того, чтобы наглядно показать, что въ послѣдніе годы стремленіе основывать новыя акціонерныя предпріятія возрасло сравнительно съ 1890—94 годами въ 6 или даже въ 8 разъ. Въ какой мѣрѣ эти вновь учреждаемыя въ такомъ огромномъ количествѣ дѣла были продуктомъ дѣйствительно здороваго роста промышленности, основаннаго на ростѣ народныхъ потребностей, опредѣлить трудно, но несомнѣнно, что въ значительной, а быть можетъ, и въ преобладающей степени здѣсь играло роль, съ одной стороны, грюндерство, а съ другой—разсчетъ на необычайную легкость полученія крупныхъ барышей, обезпеченныхъ огромными пошлинами и правительственными заказами. Развитіе грюндерства мы видѣли на плачевномъ положеніи многихъ предпріятій, акціи которыхъ были сбыты съ рукъ основателями по искусственно вздутымъ цѣнамъ; что же касается огромной роли въ развитіи нашей промышленности именно правительственныхъ заказовъ, то она отчетливо выяснилась во время тяжелаго положенія южнаго горнаго дѣла за прошлую зиму. Такъ или иначе, но акціонерныя предпріятія нарождались за послѣдніе годы, какъ грибы подъ теплымъ дождемъ, при чемъ, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы они всѣ осуществлялись цѣликомъ на наличныя, въ дѣйствительности собранныя деньги.

Напротивъ, кредитъ во всѣхъ видахъ и формахъ, практиковался здѣсь въ широкомъ размѣрѣ, и огромная часть акцій, представляющихъ собою складочный основной капиталъ, не только не была покрыта полнымъ рублемъ, а напротивъ, оплачивалась возможно малымъ взносомъ въ надеждѣ, что впослѣдствіи основной капиталъ будетъ пополненъ доходами самого дѣла или займами, а акціи останутся въ рукахъ основателя въ сущности за 30—25% ихъ нарицательной цѣны.

Въ этой акціонерной горячкѣ, охватившей добрую половину Россіи, горная и металлическая промышленность юга заняла одно изъ первыхъ мѣстъ. Именно, со средины девятидесятыхъ

годовъ замѣтенъ ея необычайно быстрый ростъ. Въ ряду возникшихъ въ эту эпоху на югѣ дѣлъ, разумѣется, найдется не мало и солидныхъ, серьезно-обставленныхъ, коммерчески-сильныхъ предпріятій, но рядомъ съ ними мы видимъ и значительное количество такихъ обществъ, устроители которыхъ вкладывали первоначально въ дѣло капиталъ, далеко недостаточный для правильнаго оборудованія и развитія предпріятія. Разсчетъ въ такихъ случаяхъ велся, конечно, главнымъ образомъ на будущіе займы и барыши отъ большихъ заказовъ.

Такой крупный и падкій до наживы коммерческій дѣятель, какимъ былъ покойный Алчевскій, не могъ само собой понятно, остаться въ сторонѣ отъ того общаго стремленія къ учредительству, которое охватило финансовый міръ съ 1894 г. Смѣлость, довѣріе всякихъ „сферъ" къ его будто бы необыкновеннымъ коммерческимъ способностямъ, длинный рядъ удачъ,—все это толкало его къ основанію новыхъ предпріятій въ широкихъ размѣрахъ; Чѣмъ шире, тѣмъ лучше; больше размахъ—больше кредитъ; больше кредитъ—больше барышъ. И вотъ онъ принимаетъ самое живое участіе въ учрежденіи цѣлаго ряда горныхъ и металлургическихъ дѣлъ. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ, между прочимъ, нѣкое Донецко-Юрьевское металлургическое общество, общество крупное, съ шестимилліоннымъ основнымъ капиталомъ. Первоначально, какъ и всѣ такимъ образомъ основанныя общества, оно, судя по отчетамъ, пошло бойко, стало исчислять свои дивиденды по 15—25 руб. на акцію, что составляло по 6—10% на основной капиталъ; цѣна его бумагъ на биржѣ вздувалась, на сколько возможно, и достигла чуть ли не 600 руб. Однако, когда два года назадъ на югѣ почувствовалось первое стѣсненіе въ деньгахъ, то владѣльцы этихъ бумагъ и, прежде всего, самъ основатель общества не могли нигдѣ помѣщать ихъ не только по указанной цѣнѣ, но даже по цѣнѣ вдвое низшей; большіе банки подъ залогъ ихъ выдавали лишь ничтожныя суммы или вовсе отказывались отъ ихъ пріема. Даже выхлопотанное около $1^1/_2$ лѣтъ назадъ особое разрѣшеніе закладывать нѣкоторыя южныя негарантированныя бумаги (по мѣстнымъ слухамъ,—именно тѣ бумаги, въ которыхъ особенно былъ заинтересованъ покойный Алчевскій) въ государственномъ банкѣ, въ число которыхъ вошли и донецко-юрьевскія акціи, не помогло дѣлу. Цѣна ихъ понизилась до 80—78 р. При такихъ обстоятельствахъ кредитъ общества, конечно, упалъ. А между тѣмъ, широко задуманное и, по мнѣнію спеціалистовъ, технически прекрасно обставленное предпріятіе требовало прилива средствъ; когда же острая заминка въ металлургическихъ дѣлахъ, начавшаяся съ сокращенія казенныхъ заказовъ, поставила всѣ южные заводы въ крайнее затрудненіе, молодое Донецко-Юрьевское общество, существовавшее какихъ-нибудь 5 лѣтъ, оказалось въ особенно тяжеломъ положеніи, которое, судя по даннымъ май-

скаго собранія акціонеровъ, можетъ быть въ общихъ чертахъ показано въ такихъ цифрахъ:

Капиталы запасный и основной (нарицательный) составляютъ 8 милліоновъ; долгу 11½ милліоновъ. Доходъ 1900 г. 8,416 тыс.; расходъ 9.333 тысячи. Правда, въ отчетѣ приходъ увеличенъ на 1,930 тысячъ, составляющихъ стоимость изготовленныхъ, но не проданныхъ издѣлій, и вычисленъ въ суммѣ 10.347 тысячъ; но такой разсчетъ, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія обывателя, при стѣсненномъ положеніи желѣзнаго рынка и при отсутствіи покупателей, врядъ ли можетъ быть признанъ правильнымъ. Надо сказать, что часть запасного капитала (свыше 600 тыс.) не имѣетъ формы удобореализуемыхъ цѣнностей, а вложена въ другое дѣло, опять таки въ дѣло Алчевскаго, въ Алексѣевское горнопромышленное общество.

Несомнѣнно, что Донецко-Юрьевское общество нуждалось въ деньгахъ и на развитіе дѣла, и на уплату долговъ, и... на выдачу девидендовъ, безъ которыхъ его акціи продолжали бы неуклонно падать въ цѣнѣ; очевидно и то, что о доставленіи обществу этихъ денегъ должно было хлопотать наиболѣе заинтересованное лицо—его учредитель. Мы не знаемъ въ настоящее время, въ какомъ состояніи находились и находятся всѣ другія дѣла, въ которыхъ участвовалъ Алчевскій; я остановился на Юрьевскомъ дѣлѣ лишь какъ на болѣе извѣстномъ примѣрѣ; но есть полное основаніе думать, что и кое-какія изъ прочихъ имъ созданныхъ дѣлъ переживаютъ извѣстныя затрудненія. Напримѣръ, даже Алексѣевское горнопромышленное общество, которое считалось на югѣ однимъ изъ солидныхъ предпріятій, теперь, по выясненіи всѣхъ обстоятельствъ, оказалось нуждающимся въ субсидіи, оказанной ему въ размѣрѣ шести милліоновъ.

Итакъ, Алчевскій за послѣдній годъ крайне нуждался въ деньгахъ для поддержанія затѣянныхъ имъ промышленныхъ предпріятій. Нуждался, само собой разумѣется, соотвѣтственно масштабу разсчитанныхъ на предпринимательскіе барыши дѣлъ, не въ десяткахъ или сотняхъ тысячъ, а въ цѣломъ рядѣ милліоновъ. Пока была возможность брать эти милліоны подъ залогъ принадлежавшихъ ему и его дѣламъ акцій и другихъ бумагъ въ государственномъ банкѣ или въ такихъ крупныхъ банкахъ, какъ напр., волжско-камскій, онъ бралъ тамъ; но эти банки не могли же давать безостановочно ссуды подъ негарантированныя и падающія въ цѣнѣ бумаги въ родѣ донецко-юрьевскихъ акцій; къ тому же большіе банки могли бы, при паденіи цѣны заложенныхъ бумагъ, потребовать по нимъ доплаты. Слѣдовательно, надо было искать денегъ въ другихъ мѣстахъ. Но какое же учрежденіе, въ смыслѣ кредита, могло бы быть въ данномъ случаѣ удобнѣе, чѣмъ мѣстный, основанный когда-то тѣмъ же покойнымъ дѣльцомъ харьковскій торговый банкъ, члены правленія котораго

всецѣло находились подъ вліяніемъ Алчевскаго? Отказа въ кредитѣ здѣсь никогда не бывало и прежде, а начиная съ 1896 года этотъ кредитъ, постепенно возрастая, дошелъ уже прямо до огромныхъ суммъ. Бѣда въ томъ, что торговый банкъ съ его $2^1/_4$ милліонами основного и запасного капитала, представлялъ собою, въ соотвѣтствіи съ потребностями г. Алчевскаго, слишкомъ слабый источникъ денегъ. Что нужды! Этотъ источникъ можно пополнить, пополнить тѣми средствами, которыми распологаетъ другое, наиболѣе состоятельное, дѣтище того же г. Алчевскаго—харьковскій земельный банкъ. Надо сказать, что уже давно, вѣроятно, по аналогичнымъ же теперешнему случаю мотивамъ, харьковскій земельный банкъ, —гдѣ всегда и правленіе, и большинство акціонеровъ были на столько близкими г. Алчевскому лицами, что его въ Харьковѣ въ шутку звали не земельнымъ, а *семейнымъ* банкомъ — необыкновенно симпатизировалъ банку торговому. Еще въ 1892 году земельный банкъ держалъ въ торговомъ свыше трехъ милліоновъ своихъ денегъ *), половину на *вкладахъ*, половину на *текущемъ счету*; но съ 96 года сумма *вкладовъ* земельнаго банка падаетъ до 800 тысячъ; за то текущій счетъ постепенно возрастаетъ и въ 1900 году доходитъ до 3,151 тысячи; общая же сумма средствъ земельнаго банка, хранимая въ банкѣ торговомъ, въ это время поднимается до 4 милліоновъ, а по балансу на 23 мая 1901 г. уже составляетъ 5,400 тысячъ. Надо отмѣтить, что по уставу, который, конечно, былъ извѣстенъ правленіямъ обоихъ банковъ, имѣвшихъ учредителемъ одно и то же лицо, торговый банкъ не имѣлъ права принимать отъ одного учрежденія вкладъ, который бы превышалъ 8% его основного капитала (2 мил.), или *160,000* р. Такимъ образомъ, имъ было принято отъ земельнаго банка въ 1900 г. въ 25 разъ, а въ маѣ этого года *въ 35 разъ больше,* чѣмъ слѣдовало. Но не было бы большой бѣды въ томъ, что банкъ *принялъ* денегъ больше, чѣмъ имѣлъ на то право; бѣда была въ томъ, *какъ онъ ихъ расходовалъ.* А расходовалъ онъ ихъ очень просто: передавалъ непосредственно г. Алчевскому. *Одинъ милліонъ четыреста тысячъ руб.* было выдано по личнымъ обязательствамъ г. Алчевскаго, т. е. просто подъ его векселя (говорятъ, за одною подписью), а *шесть милліоновъ двадцать девять тысячъ* было выдано ему же въ ссуду подъ негарантированныя бумаги, въ значительной степени подъ акціи того же донецко-юрьевскаго общества. Нельзя пройти молчаніемъ тотъ фактъ, что изъ дѣла выяснилось полное и безотчетное повиновеніе правленія торговаго банка покойному дѣльцу. Правленіе не только выдаетъ ему колоссальную ссуду подъ бумаги сомнительной стоимости, но даже не требуетъ отъ него доплаты разницы тогда, когда цѣнность этихъ бумагъ па-

*) Запасный и часть основного капитала.

даетъ чуть-ли не вдвое ниже выданной подъ ихъ залогъ суммы; мало того—черезъ нѣсколько времени правленіе торговаго банка подъ простую росписку возвращаетъ г. Алчевскому значительную часть его бумагъ, не требуя погашенія ссуды! Другими словами, милліоны были выданы подъ залогъ простой росписки!.. Замѣтьте, что г. Алчевскій въ послѣднее время не былъ ни предсѣдателемъ, ни членомъ правленія торговаго банка. Оффиціально онъ былъ для банка постороннимъ лицомъ. Выдача же нѣсколькихъ милліоновъ общественныхъ денегъ подъ простую росписку посторонняго дѣлу лица, какъ хотите, представляетъ собою съ точки зрѣнія обывателя что-то совершенно необычайное и, хотѣлось бы надѣяться, не каждый день встрѣчающееся!

Рядомъ съ этимъ крупнѣйшимъ злоупотребленіемъ правленіе торговаго банка совершило цѣлый рядъ болѣе или менѣе зловредныхъ нарушеній устава. Банкомъ открыты операціи, не разрѣшенныя ему по уставу. Такъ, не имѣя права перезалога процентныхъ бумагъ, онъ тѣмъ не менѣе перезаложилъ ихъ въ волжско-камскомъ банкѣ и въ конторѣ Рябушинскаго почти на 3 милліона руб.; была открыта, только подъ другимъ именемъ, воспрещенная банку онкольная операція; имъ не привлеченъ къ суду растратившій около 100,000 служащій; банкъ растратилъ фондъ пенсіонно-эмеритальной кассы своихъ служащихъ въ размѣрѣ 42,000 руб.

Само собой понятно, что при такомъ веденіи дѣла послѣ смерти Алчевскаго банкъ долженъ былъ обанкротиться. Сначала онъ попробовалъ обратиться къ г. министру финансовъ съ ходатайствомъ о поддержкѣ, но въ отвѣтъ получилъ предложеніе просить судъ объ объявленіи несостоятельности; тогда же земельному банку было предложено затребовать отъ торговаго банка всѣ свои вклады. Этимъ требованіемъ судьба торговаго банка была рѣшена быстро и безповоротно; онъ объявленъ несостоятельнымъ; позднѣе о дѣйствіяхъ его правленія начато судебное слѣдствіе.

Но, конечно, не одинъ торговый банкъ слѣпо и безпрекословно служилъ интересамъ своего основателя. Мы не ошибемся, если скажемъ, что въ этомъ отношеніи первое мѣсто безспорно принадлежитъ харьковскому земельному банку. Глядя со стороны, кажется, что его правленіе своей спеціальной задачей ставило изысканіе средствъ для поддержанія въ торговомъ банкѣ способности кредитовать г. Алчевскаго. Мало того, что для этого была совершена ничѣмъ неоправдываемая передача въ торговый банкъ всего запаснаго и части основного капитала и свободныхъ средствъ всякихъ наименованій—нѣтъ, земельный банкъ закладывалъ изъ 6—8% цѣнныя бумаги для того, чтобы вырученныя отъ залога деньги передавать торговому банку за 3%, неся, такимъ образомъ, ради удовлетворенія нуждъ своего кре-

дитующагося въ торговомъ банкѣ основателя убытокъ въ 5% годовыхъ. Но, наконецъ, и такіе рессурсы были истощены; субсидированію торговаго банка пришелъ конецъ; тогда земельный банкъ, въ лицѣ правленія, рѣшается для поддержанія своего творца на послѣднее отчаянное средство; назвать это средство его настоящимъ именемъ не рѣшился даже требовавшій на чрезвычайномъ собраніи акціонеровъ 25 іюня преданія правленія банка суду генералъ Моравскій. Оказались пущенными въ оборотъ закладные листы, внесенные въ банкъ для досрочнаго погашенія ссудъ. Объяснять значеніе этого поступка, кажется, не стоитъ. Закладной листъ только потому и имѣетъ извѣстную цѣнность, что онъ обезпеченъ тою землею, подъ залогъ которой онъ выпущенъ. Закладной листъ, внесенный въ банкъ въ досрочное погашеніе ссуды—это листъ, уже не имѣющій никакого реальнаго обезпеченія своей стоимости и потому дѣйствительно ничего не стоющій; онъ просто долженъ быть уничтоженъ, и никто другой, какъ правленіе банка обязано было слѣдить за его уничтоженіемъ; если же оно вмѣсто того, чтобы сжигать такіе листы, пускаетъ на $5^1/_2$ милліоновъ ихъ въ оборотъ, закладывая въ банкахъ и конторахъ (на 5.100 тысячъ), или даже просто оставляя въ обращеніи въ публикѣ (на 563 тыс.), то оцѣнка такихъ поступковъ, кажется, не представляетъ особаго затрудненія. Нѣкоторые органы печати высказывали мнѣнія, что, пуская въ обращеніе ничего нестоющіе закладные листы, банкъ въ сущности только велъ неразрѣшенную частнымъ банкамъ въ Россіи, но практикующуюся за границей „эмиссіонную операцію", т. е. выпускалъ въ обращеніе необезпеченные ничѣмъ, кромѣ его капиталовъ, цѣнныя бумаги, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно приравнять къ нашимъ кредитнымъ билетамъ. Но автору этихъ строкъ такое смѣшеніе понятій представляется нѣсколько страннымъ.

Эмиссіонная операція, тамъ, гдѣ банки имѣютъ на нее право, совершается открыто, подъ извѣстнымъ контролемъ и обставлена извѣстными гарантіями. Тайный выпускъ въ обращеніе закладныхъ листовъ, подлежащихъ погашенію, но имѣющихъ въ глазахъ покупателя или залогодержателя извѣстную цѣнность только потому, что предполагается, что эти листы обезпечены реальною цѣнностью — землею, — конечно, никоимъ образомъ не долженъ быть признаваемъ эмиссіонной операціей; соотвѣтствующее этому дѣйствію наименованіе можно гораздо скорѣе найти въ уложеніи о наказаніяхъ, чѣмъ среди терминовъ, употребляемыхъ въ наукѣ о финансахъ.

Само собой разумѣется, что кромѣ этихъ крупнѣйшихъ грѣховъ на правленіи земельнаго банка лежитъ нѣсколько болѣе мелкихъ: выгодный для членовъ правленія и для акціонеровъ выпускъ новыхъ акцій въ то время, когда прежніе выпуски не

были еще реализованы; расходъ около 500 тысячъ на постройку второго дома, не проведенный правильно по счетамъ; допущеніе такихъ просрочекъ во взносѣ платежей заемщиками, вслѣдствіе которыхъ *пеня*, вносимая послѣдними, составляетъ *25% чистаго дохода банка*; вѣроятный убытокъ въ 790 тысячъ на ссудахъ, выданныхъ по слишкомъ высокой оцѣнкѣ подъ городскія имущества и т. д.—но все это, сравнительно уже мелочи, совершенно блѣднѣющія передъ изложеннымъ выше.

Выяснились всѣ эти факты, только благодаря спеціальной оффиціальной ревизіи банка, результаты которой были изложены въ особомъ докладѣ чрезвычайному собранію акціонеровъ, созванному по высочайшему повелѣнію. Результаты этого собранія извѣстны: семью гг. Алчевскихъ въ харьковскомъ земельномъ банкѣ смѣнила семья гг. Рябушинскихъ, старое правленіе и ревизіонную коммиссію постановлено привлечь къ судебной отвѣтственности, къ имуществу покойнаго основателя банка рѣшено предъявить искъ, а у министра финансовъ признано необходимымъ просить ссуду въ размѣрѣ до 6 милліоновъ руб. на тѣхъ условіяхъ, которыя министръ сочтетъ нужнымъ поставить. Ходатайство это удовлетворено; но на покрытіе этой ссуды должны отчисляться прибыли банка, и до ея покрытія въ составъ правленія вводится на правахъ члена особый чиновникъ по назначенію г. министра финансовъ. По правдѣ сказать, намъ представляется нѣсколько удивительнымъ, почему послѣ всего того, что было вскрыто ревизіей, министерство финансовъ вводитъ въ правленіе банка наблюдателя лишь на опредѣленный срокъ; намъ казалось бы естественнымъ теперь, когда въ одномъ изъ земельныхъ банковъ выясненъ цѣлый рядъ такихъ неожиданныхъ и нежелательныхъ явленій, какъ выпускъ въ обращеніе на нѣсколько милліоновъ ничего нестоящихъ и подлежащихъ уничтоженію закладныхъ листовъ, поднять вопросъ о постоянныхъ наблюдателяхъ отъ министерства во всѣхъ земельныхъ банкахъ, а не только вводить временнаго наблюдателя—въ одинъ банкъ. Этотъ вопросъ, быть можетъ, является тѣмъ болѣе своевременнымъ, что одинъ изъ членовъ стараго правленія банка съ поистинѣ изумительной откровенностью заявилъ, что „пусканіе въ оборотъ подлежащихъ уничтоженію листовъ въ х. з. банкѣ случалось и раньше“. Впрочемъ, этой стороны дѣла мы коснемся еще разъ ниже, а здѣсь только отмѣчаемъ самый фактъ.

Понятно, что такія крупныя крушенія, какъ банкротство харьковскаго торговаго банка и описанная катастрофа въ банкѣ земельномъ не могли не отразиться на цѣломъ рядѣ лицъ и учрежденій. Прежде всего пострадалъ екатеринославскій коммерческій банкъ. Въ настояще время это дѣло еще не оглашено въ печати во всѣхъ подробностяхъ; но, судя по мѣстнымъ извѣстіямъ, слѣдуетъ думать, что, съ одной стороны, банкъ выдалъ значительныя

суммы подъ залогъ донецко-юрьевскихъ и другихъ малоцѣнныхъ и связанныхъ съ дѣлами Алчевскаго акцій, а съ другой—что раскрытію печальнаго состоянія кассы банка въ значительной мѣрѣ способствовалъ огромный пожаръ 12 іюня на лѣсныхъ пристаняхъ въ Екатеринославѣ, такъ какъ послѣ пожара массѣ мѣстныхъ коммерсантовъ экстренно понадобились деньги. Они бросились въ банкъ за своими вкладами, но касса банка, уже ранѣе истощенная выдачей названныхъ ссудъ, не выдержала, и банкъ долженъ былъ быть объявленъ несостоятельнымъ. Надо замѣтить, что правленіе банка не могло не предвидѣть уже заранѣе печальнаго финала, но это не мѣшало ему до послѣдней минуты принимать вклады. Въ концѣ концовъ, по газетнымъ извѣстіямъ, по поводу нѣкоторыхъ дѣйствій правленія екатеринославскаго банка также начато судебное слѣдствіе.

Но если въ перечисленныхъ трехъ банкахъ дѣла дошли до знаменательныхъ краховъ, сопровождаемыхъ такими условіями, которыя дѣлаютъ возможнымъ начало судебнаго слѣдствія относительно дѣйствій трехъ правленій, то, конечно, этимъ однимъ не исчерпывается все потрясеніе, переживаемое нашими промышленными и торговыми сферами. Пока мы не знаемъ, сколько пострадало въ этой катастрофѣ частныхъ лицъ и отдѣльныхъ коммерсантовъ; число ихъ, конечно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть незначительно; что же касается банковъ и крупныхъ промышленныхъ предпріятій, понесшихъ въ этой передрягѣ серьезные убытки отъ нѣсколькихъ тысячъ до 2 и болѣе милліоновъ, то, по сообщеніямъ прессы, имъ можно было бы составить препорядочный списокъ, куда вошли бы и такія сравнительно небольшія дѣла, какъ 2-е харьковское общество взаимнаго кредита, и такія грандіозныя предпріятія, какъ волжско-камскій коммерческій банкъ. Мы не будемъ, конечно, заниматься перечисленіемъ пострадавшихъ банковъ—этотъ вопросъ имѣетъ слишкомъ спеціальный интересъ. Намъ важно только отмѣтить, что харьковскіе крахи сильно отразились и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и, само собою разумѣется, на всемъ югѣ.

Въ критическіе моменты публику охватывала положительная паника; она бросалась въ кассы банковъ, думая тѣмъ спасти свои сбереженія, и, напримѣръ, въ первые дни по полученіи извѣстій о смерти Алчевскаго или послѣ объявленія несостоятельности торговаго банка конторы кредитныхъ учрежденій Харькова, Полтавы, Екатеринослава, Кременчуга, Таганрога и др. городовъ положительно осаждались вкладчиками. Деньги приходилось выдавать сотнями тысячъ и милліонами, и солиднымъ учрежденіямъ пришлось безъ всякихъ въ сущности реальныхъ причинъ и неожиданно для себя совершенно истощить свои кассы. Не только банки, но даже и частныя конторы (П. Д. Нововъ въ Харьковѣ) должны были обратиться за помощью къ государственному банку

и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ кажется, совершенно умѣстно эта помощь была оказана. Кромѣ того, въ самые послѣдніе дни, по распоряженію министра финансовъ, въ кассы крупныхъ петербургскихъ и московскихъ банковъ на текущіе счета было внесено 25 милліон. изъ суммъ, вырученныхъ желѣзнодорожными обществами отъ реализаціи облигаціонныхъ займовъ, и это распоряженіе, вѣроятно, должно быть поставлено въ извѣстную связь съ описываемыми событіями. Биржа оказалась въ этомъ случаѣ также необычайно чувствительна. Цѣны многихъ бумагъ значительно понизились, но охотниковъ покупать ихъ не оказывалось. Биржевые хищники, конечно, не дремали и искусно воспользовались положеніемъ для эксплуатаціи потерявшей голову публики. Наиболѣе пригодной бумагой въ этомъ отношеніи оказались акціи харьковскаго земельнаго банка. Дѣло въ томъ, что даже въ самыя критическія минуты недавно пережитыхъ дней для хладнокровнаго наблюдателя было ясно, что этотъ банкъ, понесшій несомнѣнно крупные убытки, очень далекъ отъ чего либо такого, что могло бы грозить банкротствомъ и ликвидаціей дѣлъ. Его опредѣленный доходъ совершенно обезпеченъ уплатою % по ссудамъ подъ земельныя имущества, которыхъ выдано болѣе, чѣмъ на 100 милліоновъ. Но никакія соображенія не могли удержать напуганныхъ обывателей отъ продажи этихъ акцій; бумаги, которыя 2½ мѣсяца назадъ охотно покупали по 410 руб., всѣ кинулись продавать сначала по 300 р., потомъ по 200 р.; биржа сейчасъ же, почуявъ добычу, заиграла на пониженіе, и въ періодъ времени, близкій къ собранію акціонеровъ, были проданы по 150, 140 и даже 125 р. за акцію, которая черезъ недѣлю уже снова продавалась по 180, а теперь уже ее нельзя купить за 200 даже за 220 руб. Биржевики, нажившіе въ недѣлю по 100 р. на каждой акціи, потираютъ руки и, пожалуй, втайнѣ благословляютъ виновниковъ харьковской катастрофы; обыватели же, лишившіеся кто половины, кто ¾ своихъ сбереженій, конечно, клянутъ всѣхъ заправилъ харьковскихъ банковъ и злобно радуются грядущимъ судебнымъ процессамъ. Процессы эти, несомнѣнно, раскроютъ не мало интересныхъ подробностей, характерныхъ бытовыхъ чертъ и поставятъ передъ общественнымъ мнѣніемъ нѣсколько острыхъ вопросовъ, какъ напр., вопросъ о томъ, какова роль во всѣхъ этихъ событіяхъ нѣкоего Любарскаго-Письменнаго, который одновременно состоялъ членомъ всѣхъ трехъ привлекаемыхъ къ суду правленій, а въ екатеринославскомъ банкѣ даже предсѣдательствовалъ? или какими чарами покойный Алчевскій заставлялъ правленія банковъ, ему подчиненныхъ,—я не могу подобрать другого болѣе подходящаго выраженія—совершать такія явно противорѣчащія и логикѣ, и уставу, и закону поступки, какъ обратная выдача ему на руки подъ росписку тѣхъ бумагъ, подъ которыя были выданы огромныя ссуды?

Но всѣ эти вопросы, по существу своему, все же имѣютъ ближайшее отношеніе къ личной этикѣ и къ личной отвѣтственности извѣстнаго круга дѣльцовъ, засѣдавшихъ въ разныхъ правленіяхъ и ревизіонныхъ коммиссіяхъ пострадавшихъ банковъ. Въ свое время они, вѣроятно, будутъ разслѣдованы судомъ; насъ же они въ настоящій моментъ мало интересуютъ и по отношенію къ нимъ мы можемъ ограничиться напоминаніемъ читателю того, къ сожалѣнію, кажется, неоспоримаго положенія, которое выражается немного грубоватой, но глубоко-правдивой пословицей: „было бы болото, а черти найдутся“. До тѣхъ поръ, пока отдѣльные дѣльцы имѣютъ возможность почти безконтрольно распоряжаться десятками милліоновъ акціонерныхъ капиталовъ, въ той средѣ, которая ходитъ „около денегъ“, всегда найдутся 5—6 лицъ, которыя по недомыслію, по слабости характера, или прямо по недобросовѣстности съ охотою пойдутъ на разныя, оплачиваемыя тысячами или десятками тысячъ, должности съ такимъ условіемъ, чтобы, не разсуждая, подписывать и дѣлать все то, что имъ прикажетъ подписать или сдѣлать ихъ „хозяинъ“.

Такимъ образомъ, вопросъ объ уголовной отвѣтственности разныхъ членовъ правленія—вопросъ не новый, не составляетъ особенности собственно настоящихъ событій, и, пытаясь въ нихъ разобраться, мы считаемъ за лучшее прямо признать за неправильными дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ извѣстное, вѣроятно, довольно крупное значеніе среди причинъ, вызвавшихъ послѣдніе крахи. Но эта причина, такъ сказать, внѣшняя, дѣйствущая съ извѣстною степенью постоянства во всѣхъ аналогичныхъ катастрофахъ и выражающаяся особенно ярко лишь въ послѣдній, предшествующій непосредственной развязкѣ, періодъ времени. Одною недобросовѣстностью дѣятелей можно объяснить растрату суммъ въ какомъ нибудь отдѣльномъ учрежденіи, но не катастрофу, охватившую цѣлый районъ.

Поэтому-то злоупотребленіе отдѣльныхъ лицъ и не представляется для насъ теперь особенно интереснымъ. Гораздо болѣе глубокое и существенное значеніе имѣютъ первые два изъ намѣченныхъ нами въ началѣ этой статьи вопросовъ: въ какой мѣрѣ харьковская катастрофа вызвана общимъ положеніемъ нашей промышленности и акціонернаго дѣла? И въ какой—невольными ошибками заправилъ отдѣльныхъ предпріятій?

На первую часть перваго вопроса, думается, даютъ нѣкоторый отвѣтъ приведенныя выше цифры, характеризующія развитіе акціонернаго дѣла въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе; на нашъ взглядъ онѣ съ полною ясностью показываютъ извѣстную *искусственность* въ развитіи промышленности за послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ—что за эпоху въ экономической жизни Россіи представляетъ вторая половина девятидесятыхъ годовъ? Почему именно съ этого момента ростъ акціонерныхъ промышленныхъ предпрія-

тій учетверился или упятирился? Былъ ли это рядъ необычайныхъ урожаевъ, поднявшій до высокой степени потребности и покупную способность населенія? Или эти способности возросли подъ вліяніемъ какихъ-нибудь другихъ особо-благопріятныхъ экономическихъ вліяній? Или мы пріобрѣли въ это время огромные внѣшніе рынки? Читателю извѣстно, конечно, что ничего подобнаго въ эту эпоху не случилось. Урожаи были средніе, мѣстами были недороды, новые внѣшніе рынки пріобрѣтаются постепенно и очень туго. Очевидно, что при такихъ условіяхъ затрата сотенъ милліоновъ на новыя промышленныя дѣла обусловлена иными причинами, главнѣйшими изъ которыхъ должно считать либо грюндерство съ его исключительнымъ стремленіемъ сорвать предпринимательскій барышъ, либо разсчетъ на благодатные казенные заказы и на искусственно поднятыя цѣны продуктовъ, поддерживаемыя огромными пошлинами и другими искусственными мѣрами, въ родѣ нормировки сахара.

Такое общее ненормальное положеніе промышленности служитъ, быть можетъ, вообще существеннѣйшей причиной акціонернаго ажіотажа послѣднихъ лѣтъ, но условіемъ, обыкновенно благопріятствующимъ особенному развитію этого ажіотажа, является самая форма русскихъ акціонерныхъ предпріятій. Она какъ бы спеціально приноровлена для того, чтобы дать возможность чуть ли не безконтрольно распоряжаться дѣломъ беззастѣнчивымъ дѣльцамъ, сумѣвшимъ, благодаря ли своимъ талантамъ, благодаря ли своимъ деньгамъ, стать во главѣ дѣла. Краткій срокъ отвѣтственности учредителей, крупная цѣна акцій, легкость расписыванія своихъ акцій на подставныхъ лицъ для созданія искусственнаго большинства на собраніяхъ, безправность акціонеровъ съ малымъ числомъ акцій, отсутствіе фактическаго контроля, легкость выпуска облигацій — все это дѣлаетъ форму нашихъ акціонерныхъ предпріятій прямо желанной формой для дѣльцовъ различныхъ категорій. Недостатокъ нашего акціонернаго законодательства давно сознанъ министерствомъ финансовъ, которое уже нѣсколько лѣтъ работаетъ надъ его пересмотромъ; но какъ это часто у насъ случается съ разработкой именно наиболѣе животрепещущихъ вопросовъ, дѣло затянулось на много лѣтъ Для разсмотрѣнія составленныхъ по этому поводу законопроектовъ не разъ созывались различныя коммиссіи изъ свѣдущихъ лицъ, и въ числѣ ихъ неизмѣннно присутствовалъ и покойный Алчевскій. Теперь, конечно, было бы очень поучительно узнать, какія именно мнѣнія высказывались въ этихъ совѣщаніяхъ погибшимъ коммерческимъ дѣятелемъ. Но, даже не касаясь мнѣній собственно г. Алчевскаго, было бы вообще интересно задаться вопросомъ, въ какой степени безпристрастно и согласно съ общей пользой можетъ быть въ подобномъ дѣлѣ сужденіе дѣльцовъ, заинтересованныхъ въ акціонерныхъ дѣлахъ такъ, какъ былъ заинтересо-

ванъ Алчевскій? И можетъ ли, и должно ли имѣть такое мнѣніе авторитетное значеніе въ глазахъ составителя законопроекта?

Но, впрочемъ, это въ значительной степени вопросъ посторонній; вернемся къ нашей темѣ. Конечно, никакое законодательство не въ состояніи одно само по себѣ ни уничтожить какія бы то ни было злоупотребленія, ни радикально устранить ихъ причины. Оно можетъ и должно только создать наиболѣе благопріятныя условія для борьбы съ ними и для ихъ обнаруженія. Но какими способами возможно этого достигнуть? Намъ кажется, что эти способы по существу давно извѣстны и носятъ названіе *контроля* и *гласности*. Противъ перваго въ настоящую минуту врядъ ли кто будетъ спорить. Блестящій примѣръ ревизіи харьковскаго земельнаго банка, произведенной г. Голубевымъ, который съ ясностью и наглядностью раскрылъ разныя закулисныя стороны этого предпріятія, еще слишкомъ свѣжъ у всѣхъ въ памяти. „Хорошо было бы, если бы почаще производились такія ревизіи въ разныхъ нашихъ банкахъ!"—вотъ мысль, которая за послѣдній мѣсяцъ приходила въ голову каждому мыслящему обывателю. И нѣтъ сомнѣнія, что при нашей общественной бездѣятельности, при слабомъ развитіи въ нашей публикѣ истиннаго пониманія коммерческихъ дѣлъ, при невѣжествѣ массы, въ которую, однако, проникаютъ различныя биржевыя бумаги (въ особенности закладные листы и облигаціи кредитныхъ обществъ), при беззастѣнчивости нашихъ дѣльцовъ, *фактическое* наблюденіе за дѣятельностью нашихъ банковъ является крайне желательнымъ, почти необходимымъ. Оно могло бы быть осуществлено и путемъ назначенія членовъ правленія отъ казны или и тѣмъ, и другимъ способомъ вмѣстѣ—это вопросъ подробностей. Думается, что въ этомъ отношеніи дѣйствующіе и ранѣе утвержденные уставы различныхъ обществъ не могли бы помѣшать примѣненію къ нимъ различныхъ методовъ контроля — способы наблюденія на будущее время могли бы быть установлены особымъ закономъ. Дѣятельнымъ помощникомъ такого контроля могли бы явиться *мелкіе акціонеры*, за которыми необходимо обезпечить извѣстныя права. У насъ въ большинствѣ случаевъ акціонеры, имѣющіе менѣе извѣстнаго количества акцій, прямо лишены голоса. Почему? Отвѣтъ на это можетъ быть одинъ—для крупныхъ тузовъ, ворочающихъ сотнями тысячъ и милліонами, акціонеръ, имѣющій 5—10 акцій, кажется чѣмъ-то настолько мелкимъ, что мнѣніе его не должно имѣть значенія. Можетъ быть, съ точки зрѣнія дѣльцовъ это взглядъ и правильный, но законъ, казалось бы, долженъ смотрѣть на дѣло иначе. Надо помнить, что для мелкаго акціонера его $1^1/_2$—2 тысячи руб. могутъ быть значительно дороже, чѣмъ милліоны для милліонера. Во всякомъ случаѣ, онъ внимательно отнесется къ дѣлу, въ которомъ онъ

состоитъ участникомъ, и трудно представить себѣ такой случай, когда путемъ убыточныхъ операцій и явныхъ злоупотребленій въ извѣстномъ дѣлѣ онъ могъ бы спасать или развивать съ выгодою для себя какое-либо другое дѣло. Для милліонера же такое положеніе вполнѣ возможно, какъ то ясно показала печальная связь земельнаго и торговаго банка съ Донецко-Юрьевскимъ и другими дѣлами г. Алчевскаго. Что крупные акціонеры и пайщики не всегда бываютъ внимательны къ своимъ дѣламъ, можетъ быть доказано и такими примѣрами, относящимися къ послѣднимъ тревожнымъ днямъ: въ Петербургѣ, за неприбытіемъ нужнаго числа акціонеровъ, не состоялось собраніе Донецко-Юрьевскаго общества, а въ Харьковѣ—собраніе членовъ второго общества взаимнаго кредита *).

Кромѣ того, каждому акціонеру слѣдуетъ предоставить право фактическаго ознакомленія со всѣми дѣлами общества по книгамъ и по счетамъ. Если бы даже слѣдствіемъ такого расширенія правъ акціонеровъ явились нѣкоторыя злоупотребленія въ видѣ пріобрѣтенія небольшого количества акцій шантажистами или конкуррентами для вывѣдыванія положенія дѣлъ извѣстнаго учрежденія, то такое неудобство, думается, все же принесло бы съ собой меньше вреда, чѣмъ теперешнее безправіе акціонерной мелкоты. Въ сущности, почему для *честно* ведущагося дѣла могло бы быть вредно ознакомленіе со всѣми его счетами владѣльца ограниченнаго числа акцій? Или опасаются нарушенія „коммерческой тайны“. Но, право же, представленіе о „коммерческой тайнѣ“ давно уже нуждается въ коренномъ пересмотрѣ! Слишкомъ уже часто эта „тайна“ сводится къ случаямъ, которые можно бы было сопоставить съ вышеописаннымъ выпускомъ въ обращеніе ничего нестоющихъ закладныхъ листовъ!

Что же касается *гласности*, то ее на первое время можно бы ограничить обязательнымъ допущеніемъ представителей печати на акціонерныя собранія. Въ присутствіи представителей прессы врядъ ли было бы возможно замалчиваніе непріятныхъ для заправилъ дѣла заявленій и мнѣній отдѣльныхъ акціонеровъ—случай, къ сожалѣнію, нерѣдкій въ практикѣ нашихъ акціонерныхъ собраній.

Разъ заговоривъ о печати, было бы, быть можетъ, нелишне вспомнить и о тѣхъ услугахъ, которыя она, при большемъ къ ней вниманіи, могла бы оказать дѣлу упорядоченія нашихъ акціонерныхъ предпріятій. За примѣрами ходить недалеко. Извѣ-

*) Уже заканчивая эту статью, мы прочитали сообщеніе о состоявшемся, наконецъ, собраніи второго общ. взаим. кред. въ Харьковѣ. Собраніе было бурное. Выяснено не мало интересныхъ подробностей. Убытокъ, понесенный обществомъ за послѣднее время—630,000 р.; продолженіе собранія отложено на 11 дней, въ теченіе которыхъ особая коммиссія должна обревизовать истинное положеніе дѣлъ.

стно, что именно о злоупотребленіяхъ въ Харьковскомъ земельномъ банкѣ за послѣдніе, если не ошибаемся, 5 лѣтъ дважды поднималась рѣчь въ нашей ежедневной прессѣ, и весьма возможно, что, если бы на эти статьи въ свое время посмотрѣли болѣе серьезно, то, быть можетъ, дѣла банка не приняли бы такого ненормальнаго теченія.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о третьемъ изъ поставленныхъ выше вопросовъ: въ какой мѣрѣ харьковскіе крахи могутъ быть объяснены *ошибками* руководителей потерпѣвшихъ предпріятій? Дать полный и всесторонній отвѣтъ въ этомъ случаѣ можно было бы только послѣ обстоятельнаго обслѣдованія всѣхъ дѣлъ, связанныхъ съ именемъ покойнаго Алчевскаго, и мы, конечно, не можемъ здѣсь такого отвѣта дать; но частныя ошибки, случающіяся вездѣ и всегда, какъ бы онѣ ни были важны и существенны, не могли бы сразу произвести цѣлый рядъ такихъ крупныхъ катастрофъ. Намъ кажется, что, помимо частныхъ ошибокъ, съ значительной долей вѣроятія можно указать и одну основную неправильность разсчета, которая и повлекла за собой такой печальный результатъ; эта неправильность заключается въ слѣдующемъ: горныя и металлургическія дѣла, основанныя погибшимъ предпринимателемъ, были разсчитаны не по соображенію съ дѣйствительными, естественными потребностями населенія и съ размѣрами средствъ основателя, а учреждались въ надеждѣ на искусственно вздутые запросы рынка, въ чаяніи крупныхъ казенныхъ заказовъ и въ разсчетѣ на возможность покрыть всѣ недочеты въ средствахъ неограниченнымъ кредитомъ. При первомъ затрудненіи на денежномъ и желѣзномъ рынкѣ эти предположенія оказались ошибочными. Отсюда рѣзкая нужда въ деньгахъ, обусловившая все остальное.

Итакъ, постараемся вкратцѣ резюмировать тотъ взглядъ на только что пережитую югомъ коммерческую бурю, который мы старались изложить въ настоящей статьѣ.

Чѣмъ вызваны и какъ произошли харьковскіе крахи?

Искусственно поощряемая горная и металлургическая промышленность открываютъ заманчивое поле для жаждущихъ наживы дѣльцовъ, такъ какъ сулятъ имъ огромные и грюндерскіе, и хозяйскіе барыши.

Въ надеждѣ на эти барыши извѣстный коммерсантъ и опытный предприниматель основываетъ рядъ предпріятій, разсчитанныхъ на такой сбытъ, который не обезпеченъ естественными рынками, и на приливъ такихъ средствъ, какой возможенъ лишь при спокойномъ ходѣ дѣлъ.

Первое стѣсненіе денежнаго рынка, первый промышленный кризисъ ставятъ затѣянныя дѣла въ крайне тяжелое положеніе, создаютъ огромную нужду въ деньгахъ.

Деньги берутся сначала обычными путями въ разныхъ бан-

кахъ; когда же кредитъ въ большихъ банкахъ дѣлается затруднительнымъ, приходится пользоваться уже только однимъ оставшимся источникомъ — не особенно крупнымъ, но послушнымъ предпринимателю мѣстнымъ банкомъ, въ составъ правленія котораго онъ самъ, однако, не входитъ; изъ этого банка берется все, что можно взять.

Но для того, чтобы въ этомъ банкѣ были деньги, которыя можно брать, туда приходится переводить всѣ средства изъ другого банка, изъ котораго пользоваться ими непосредственно предпринимателю оказывается неудобно, такъ какъ такое пользованіе, въ силу его прямого участія въ управленіи этимъ банкомъ, является уже дѣйствіемъ, несомнѣнно предусмотрѣннымъ уложеніемъ о наказаніяхъ.

Когда истощается этотъ подсобный источникъ, то приходится прибѣгать къ средствамъ уже прямо недозволеннымъ, которыми и пользуются до послѣдней возможности, при молчаливомъ согласіи, если хотите, при безмолвномъ пособничествѣ всѣхъ членовъ правленія.

Когда всѣ дозволенныя и недозволенныя средства исчерпаны, наступаетъ ужасная смерть предпринимателя, банкротство двухъ банковъ, судебное преслѣдованіе противъ членовъ правленій, разореніе и убытки массы лицъ; при этомъ возбужденные обыватели, указывая на отдѣльныхъ участниковъ дѣла, кричатъ: „наблюдайте за ними, контролируйте ихъ, судите ихъ, карайте ихъ! Избавившись отъ нихъ, мы избавимся на будущее время и отъ возможности повторенія такихъ вопіющихъ злоупотребленій!“

Видя послѣднее звѣно въ цѣпи событій, обыватель, оказывается, забываетъ о длинномъ рядѣ звѣньевъ предшествующихъ, а какъ только пройдетъ острое положеніе дѣла, онъ спокойно забудетъ все случившееся для того, чтобы черезъ 5, 10, 20 лѣтъ сдѣлаться жертвою новыхъ подобныхъ же „дѣятелей“.

Обыватель въ извѣстномъ смыслѣ слова, конечно, правъ въ своемъ раздраженіи, но намъ не зачѣмъ объяснять ошибочность его заключеній. Причины катастрофы лежатъ гораздо глубже, чѣмъ ему кажется, и, на нашъ взглядъ, для ихъ устраненія прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то положеніе, которое создается чрезмѣрнымъ покровительствомъ промышленности, дразнящее и возбуждающее чрезмѣрные аппетиты всякихъ грюндеровъ и крупныхъ предпринимателей; усугубить надъ господами предпринимателями фактическій контроль и продолжить срокъ и размѣры ихъ матеріальной отвѣтственности за основанныя ими предпріятія; расширить права мелкихъ акціонеровъ и обращать побольше вниманія на отзывы печати. Быть можетъ, при такихъ условіяхъ мы не будемъ имѣть такого быстраго и пышнаго расцвѣта акціонернаго дѣла, но за то и не будемъ свидѣтелями та-

кихъ печальныхъ и уродливыхъ явленій, какъ описанное выше. Самому же обывателю слѣдуетъ посовѣтовать въ мирное время побольше неослабнаго вниманія къ ходу различныхъ ростущихъ вокругъ него дѣлъ и побольше смѣлости и рѣшительности для того, чтобы онъ могъ высказывать громко и публично всѣ свои мнѣнія о нихъ.

Сѣверянинъ.

Хроника внутренней жизни.

I. По поводу новаго закона о печати.

Высочайше утвержденнымъ 4 іюня сего года мнѣніемъ государственнаго совѣта 144-я статья устава о цензурѣ, предоставляющая министру внутреннихъ дѣлъ право дѣлать повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, предостереженія, дополнена нижеслѣдующимъ постановленіемъ: „Первое предостереженіе сохраняетъ свою силу въ теченіе одного года со дня его полученія, если за этотъ срокъ не будетъ объявлено второго предостереженія. Если въ теченіе одного года повременное изданіе получитъ два предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняетъ свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ со дня объявленія изданію второго предостереженія, если за этотъ срокъ не послѣдуетъ третьяго предостереженія. По истеченіи означенныхъ сроковъ повременное изданіе освобождается отъ полученныхъ предостереженій, и слѣдующее за симъ предостереженіе вновь считается первымъ“. Дѣйствіе этого правила, согласно тому же мнѣнію государственнаго совѣта, повелѣно распространить на предостереженія, объявленныя повременнымъ изданіямъ до его утвержденія, т. е. новому закону дана обратная сила. Вслѣдствіе этого рядъ изданій освободился отъ лежавшихъ на нихъ предостереженій, а особымъ распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 12 іюня три газеты („Биржевыя Вѣдомости“, „Восходъ“ и „Русскія Вѣдомости“) и одинъ журналъ („Хозяинъ“), получившіе уже по три предостереженія, освобождены отъ дѣйствія примѣчанія къ означенной 144 статьѣ, т. е. отъ обязанности представлять свои номера, наканунѣ выпуска ихъ въ свѣтъ, для просмотра въ цензурные комитеты.

Новый законъ восполнилъ, наконецъ, давно ощущавшійся пробѣлъ въ цензурномъ уставѣ—пробѣлъ, имѣвшій тягостныя послѣдствія для печати и крайне неудобный, какъ выяснилъ опытъ,

для самой администраціи. Законъ 6 апрѣля 1865 г., предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ право дѣлать повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, предостереженія, вовсе не указалъ срока, по истеченіи котораго данное предостереженіе должно было утрачивать свое значеніе. Такъ какъ самый законъ 6 апрѣля въ сопровождавшемъ его высочайшемъ указѣ названъ временнымъ, составленнымъ лишь „впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта“, при чемъ введенная имъ система административныхъ взысканій въ правительственныхъ сферахъ разсматривалась въ то время, какъ переходная ступень къ свободѣ печати, то вполнѣ возможно, что установленію срочности не было придано тогда надлежащаго значенія и вопросъ о ней, какъ подробность, не долженствовавшая имѣть практическаго значенія, и не привлекъ къ себѣ вниманія составителей законопроекта. Возможно и то, что указанный пробѣлъ явился результатомъ простого недосмотра. По крайней мѣрѣ, въ такъ называемомъ второмъ проектѣ о книгопечатаніи министерства внутреннихъ дѣлъ, относящемся къ 1863 г., предполагалось установить срочность для предостереженій и при томъ болѣе льготную даже, чѣмъ какая дана въ настоящее время: „повременное изданіе, читаемъ мы въ этомъ проектѣ, въ теченіе одного года подвергшееся двумъ предостереженіямъ, по третьему считается прекращеннымъ, если это предостереженіе состоится въ теченіе того же самаго года или послѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ“ *).

Какъ бы то ни было, случайно или сознательно (въ виду казавшейся неважности) допущенный пробѣлъ, не смотря на всѣ ходатайства и указанія печати, оставался не восполненнымъ въ теченіе 36 лѣтъ. Онъ не былъ дополненъ даже въ 1892 г., когда понятіе о давности рецидива, еще въ 1864 году включенное въ въ уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, было распространено на уложеніе о наказаніяхъ и благами его стали пользоваться даже каторжники.

Между тѣмъ умолчаніе о срокѣ, въ теченіе котораго предосте-

---

*) Не лишне будетъ привести еще одну справку, дающую понятіе о взглядахъ правительства того времени на преступленія печати. Въ томъ же 1865 г. былъ установленъ годовой срокъ для возбужденія преслѣдованія по нарушеніямъ закона о печати, при чемъ составители закона руководились тѣмъ соображеніемъ, что срокъ давности, освобождающій преступленія и проступки слова, письма и печати отъ преслѣдованія, «по самому свойству сихъ преступленій и проступковъ долженъ быть короче общихъ сроковъ давности, установленныхъ въ общихъ уголовныхъ законахъ. Было бы крайне несправедливо, говорили составители, преслѣдовать преступленія слова, письма или печати по прошествіи долгаго времени, въ промежуткѣ котораго расположеніе умовъ и всѣ обстоятельства, условливающія значеніе высказанной мысли, могли измѣниться и дать первоначальному намѣренію автора совершенно иное толкованіе». (Цитируемъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, по «Ежегоднику Союза Русскихъ Писателей». Спб. 1900 г.).

реженія сохраняютъ свою силу, повело къ такимъ послѣдствіямъ, которыя едва ли предвидѣли составители закона 6 апрѣля 1865 г. и которыя не могли быть оправданы не только съ точки зрѣнія справедливости, но и съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Предостереженія, сдѣланныя повременному изданію, погашались только или пріостановкой изданія послѣ третьяго предостереженія или высочайшею властью. Или особая милость, или повтореніе преступленія подъ условіемъ болѣе строгой кары—другого средства избавиться отъ предостереженій,—отъ этого занесеннаго надъ изданіемъ Дамоклова меча—не было. Но и эти два средства за послѣдніе 20 лѣтъ фактически были недоступны для печати. Ей были даны двѣ амнистіи—одна въ 1867, другая въ 1877 г. Всѣ позднѣйшіе всемилостивѣйшіе манифесты никакого примѣненія къ карамъ, налагаемымъ по цензурному уставу, не имѣли. Лишь нынѣшнею весною, за 3 мѣсяца до изданія закона 4 іюня, особыми высочайшими повелѣніями были сняты предостереженія съ нѣкоторыхъ повременныхъ изданій (съ „Новаго Времени", „Гражданина", „С.-Петербургскихъ" и „Московскихъ Вѣдомостей"). Что касается другого средства, а именно пріостановки изданія по третьему предостереженію, то съ 1882 г. оно стало приводить не къ освобожденію отъ предостереженій, а къ совсѣмъ инымъ послѣдствіямъ. Въ этомъ году высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ 144 ст. цензурнаго устава, „впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ законовъ о печати", была дополнена примѣчаніемъ, согласно которому редакціи повременныхъ изданій, получившихъ третье предостереженіе, по истеченіи срока пріостановки и по возобновленіи обязаны представлять нумера ихъ для просмотра въ цензурные комитеты, не позже одиннадцати часовъ вечера, наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ, при чемъ цензорамъ предоставлено право задерживать выпускъ этихъ нумеровъ, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Срочность или безсрочность этого обязательства предоставлена ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Во всѣхъ случаяхъ примѣненія этого примѣчанія, предусмотрѣнная въ немъ кара назначалась безсрочно и оказывалась столь тяжелой, что изъ подвергшихся ей изданій три четверти прекратились, не доживъ до новаго закона съ его обратной силой. Большинство ихъ даже не возобновлялось послѣ наложенія кары.

Считавшіяся безсрочными предостереженія оставались на изданіи, не смотря на перемѣны, которыя происходили вокругъ нихъ и въ нихъ самихъ. То, что признавалось „вреднымъ направленіемъ", какъ, напримѣръ, критическое отношеніе къ классической системѣ, при измѣнившихся взглядахъ правительства, переставало считаться вреднымъ, но данныя за него предостереженія оставались. Измѣнялся составъ редакціи и сотрудниковъ повре-

меннаго изданія, измѣнялось его направленіе, но сдѣланныя за прежнее направленіе предостереженія тяготѣли угрозой и надъ новымъ. Перемѣнялись оффиціальные редакторы и издатели, въ лицѣ которыхъ были объявлены предостереженія, послѣднія всетаки сохраняли свою силу. Предостереженія переходили вмѣстѣ съ изданіемъ по наслѣдству и по духовному завѣщанію, при продажѣ по вольной цѣнѣ и съ аукціона. Помимо очевидной несправедливости и цѣлаго ряда юридическихъ несообразностей, проистекавшихъ изъ этого порядка, постепенно онъ привелъ къ отрицанію самой системы предостереженій, невозможности для правительства пользоваться ею. Передъ изданіемъ новаго закона и предшествовавшимъ ему снятіемъ предостереженій съ четырехъ упомянутыхъ изданій, положеніе дѣлъ, созданное постепенно накоплявшимися предостереженіями, было таково: всѣ важнѣйшіе литературно-политическіе органы подъ двумя или тремя предостереженіями; всѣ они, не исключая „Московскихъ Вѣдомостей", „Гражданина" и „Новаго Времени", оффиціально значились упорствующими „во вредномъ направленіи". По отношенію къ изданіямъ, получившимъ по три предостереженія при дѣйствіи изложеннаго уже нами примѣчанія къ 144 ст. уст. о ценз., дальнѣйшія предостереженія были безцѣльны и, какъ таковыя, уже не могли имѣть мѣста. Что касается изданій, имѣвшихъ по два предостереженія, то примѣненіе къ нимъ третьяго было бы равносильно переводу ихъ въ первую категорію и по существу, въ виду сопряженнаго съ третьимъ предостереженіемъ, кромѣ пріостановки изданія, подчиненія послѣдняго карательной цензурѣ, являлось бы столь тяжкимъ наказаніемъ, что предъ назначеніемъ его неизбѣжно должно было останавливаться министерство внутреннихъ дѣлъ, разъ оно не ставило своей цѣлью полное уничтоженіе безцензурной печати. Предостереженія представлялось возможнымъ дѣлать лишь новымъ изданіямъ, которыя очень быстро такимъ путемъ переводились въ разрядъ „упорствующихъ" и, если ихъ не постигало окончательное прекращеніе, пополняли собою одну изъ двухъ только-что указанныхъ категорій. По отношенію же къ старымъ, уже прошедшимъ стадіи двухъ предостереженій, изданіямъ министерство внутреннихъ дѣлъ оказывалось лишеннымъ возможности пользоваться одной изъ самыхъ легкихъ по смыслу закона, а на дѣлѣ обратившейся въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ формъ взысканія. Законъ 4 іюня вернулъ до извѣстныхъ предѣловъ системѣ административныхъ каръ утраченную ею эластичность и тѣмъ открылъ возможность болѣе свободнаго пользованія ею...

Въ настоящее время трудно учесть тѣ тягостныя послѣдствія, которыми сказался для періодической печати своевременно не замѣченный, такъ долго не восполнявшійся и лишь новымъ закономъ устраненный пробѣлъ въ законодательствѣ. Трудно дать

даже статистическую справку о томъ, сколько напрасныхъ пріостановокъ на время и прекращеній навсегда потерпѣли повременныя изданія,—напрасныхъ въ томъ смыслѣ, что ихъ не было бы, если бы срочность предостереженій даже въ теперешней, не особенно льготной ея формѣ была бы установлена своевременно. Еще труднѣе учесть время въ томъ же смыслѣ напрасно проведенное теперешними и уже прекратившимися изданіями подъ предостереженіями и подъ наложенной въ видѣ кары цензурой, т. е. въ состояніи отбывающихъ безсрочное наказаніе. Если трудно учесть то, что поддается цифровому выраженію, то уже совершенно невозможно опредѣлить размѣры тѣхъ нравственныхъ послѣдствій, какими сказались на нашей журналистикѣ долгими годами и даже цѣлыми десятилѣтіями тяготѣвшія на ней предостереженія. Каждое предостереженіе, приближая получившее его изданіе къ временной пріостановкѣ, къ подчиненію цензурѣ и даже къ окончательному, быть можетъ, прекращенію, несомнѣнно заставляло его понижать тонъ по вопросамъ, казавшимся почему либо щекотливыми, воздерживаться отъ высказыванія сужденій, если они могли не понравиться начальству, отъ котораго зависѣла дальнѣйшая кара, и вообще въ дѣло, требующее прежде всего искренности и гражданской доблести, вносить изворотливость и трепетъ. Чѣмъ дольше оставалось предостереженіе на изданіи, тѣмъ дольше продолжался періодъ его обезцвѣченнаго и придавленнаго состоянія. Работа въ такомъ изданіи была столь тягостной, что редакціи и сотрудники бывали рады—и психологически это вполнѣ понятно—даже третьему предостереженію и сопровождавшей его болѣе суровой карѣ, разъ послѣдняя обѣщала освободить ихъ отъ предостереженій и отъ связанной съ ними необходимости безсрочно работать подъ страхомъ ежедневно могущей разразиться грозы. Не можетъ быть поэтому никакихъ сомнѣній, что срочность предостереженій, введенная своевременно, пока законъ 6 апрѣля дѣйствовалъ въ первоначальной своей редакціи, не только устранила бы обусловленныя умолчаніемъ о ней несообразности, но и явилась бы очень важной льготой для печати.

Установленная закономъ 4 іюня мѣра не потеряла характера льготы и теперь. Но со времени высочайшаго указа отъ 6 апрѣля 1865 г. юридическое положеніе печати успѣло существенно измѣниться... Еще рѣзче эта перемѣна сказалась въ административной практикѣ по дѣламъ печати. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ законодательныхъ и административныхъ нормъ, регулирующихъ наше журнальное дѣло, измѣнилось и значеніе предостереженій въ общей системѣ взысканій, которымъ подлежитъ печать. По закону 1865 г. система предостереженій была не только основной, но и единственной, въ порядкѣ которой могли быть наложены административныя кары на повременныя изданія. Теперь и цензурный уставъ, и въ особенности административная

практика располагаютъ цѣлымъ рядомъ иныхъ формъ воздѣйствія на печать, вовсе не связанныхъ съ системой предостереженій. Поэтому, чтобы уяснить значеніе закона 4 іюня и степень того вліянія, которое онъ можетъ оказать на журнальное дѣло, мы должны вопросъ о срочности предостереженій разсмотрѣть въ связи съ этими иными формами административнаго воздѣйствія на прессу.

Надѣемся, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы расширимъ даже эти рамки и по поводу частнаго вопроса текущей жизни скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ положеніи русской періодической печати. Этотъ вопросъ давно уже не затрогивался на страницахъ „Русскаго Богатства", хотя онъ не переставалъ и не перестаетъ быть однимъ изъ самыхъ злободневныхъ и самыхъ важныхъ вопросовъ нашей внутренней жизни.

Для многихъ и многихъ уже лицъ въ наши дни книга, журналъ, газета служатъ предметомъ непосредственнаго, такъ сказать, потребленія, для однихъ—предметомъ своего рода роскоши, источникомъ болѣе или менѣе часто испытываемаго, болѣе или менѣе высоко цѣнимаго удовольствія, для другихъ—предметомъ необходимости, средствомъ удовлетворенія сдѣлавшихся уже насущными морально-интеллектуальныхъ или дѣловыхъ потребностей. Кругъ такихъ лицъ, у которыхъ печатное слово вошло въ обиходъ повседневной жизни, растетъ въ наше время съ поразительною быстротою. По сравненію, однако, съ главною массою населенія—непросвѣщенною и даже безграмотною—численность ихъ приходится считать пока ничтожною. И если бы всѣ задачи печати сводились къ обслуживанію горсти людей, имѣющихъ съ нею непосредственное общеніе, то вопросъ о ея положеніи мы, можетъ быть, и не рѣшились бы считать особо важнымъ и настоятельно неотложнымъ. Но эта функція не составляетъ не только исчерпывающей, но и главной задачи печати. Не умственной только аристократіи, не образованному лишь обществу призвана служить она, а всему народу.

Печатное слово—это самое надежное средство для распространенія истины и самое могучее орудіе для завоеванія справедливости. Не столь важны при этомъ техническія особенности печати, дающія ей возможность пользоваться всею суммою знанія, которою располагаетъ въ данный моментъ человѣчество, и дозволяющія всякую мысль быстро дѣлать достояніемъ массы, сколько внутренняя тенденція, свойственная печатному слову,—служить правдѣ. Дѣло въ данномъ случаѣ не въ личномъ составѣ дѣятелей печати, среди которыхъ можно встрѣтить людей самаго разнообразнаго умственнаго и нравственнаго ценза, а въ основныхъ свойствахъ публичнаго слова. Единственная сила, которою рас-

полагаетъ оно,—это сила убѣжденія, а убѣдить въ чемъ либо ближняго можно не иначе, какъ аппелируя къ его уму и его совѣсти. Къ доводамъ истины и справедливости поэтому неизмѣнно обращается печать и только въ нихъ однихъ лежитъ прочный залогъ ея вліянія.

Это не значитъ, конечно, что все „что напечатано, то правда". Въ печатное слово можетъ облечься и искреннее заблужденіе, и завѣдомая ложь, и самая черная неправда. Однако тяготѣющая надъ печатью необходимость служить правдѣ столь неотвратима, что даже злѣйшіе враги послѣдней, появляясь на печатной аренѣ, вынуждены заявлять себя покорными ея слугами. И они, дѣйствительно, служатъ ей, служатъ вопреки своимъ намѣреніямъ и своимъ желаніямъ, служатъ уже тѣмъ, что пріучаютъ голову и сердце своего читателя работать надъ проблемами общаго блага, котораго нѣтъ и не можетъ быть внѣ истины и справедливости. Маска лицемѣрія, какъ бы тщательно ни прикрывали они ею свои вожделѣнія, слишкомъ замѣтна и потому ничуть не страшна при яркомъ свѣтѣ публичности. Изобличенная же ложь и не поддержанная насиліемъ неправда лишены всякаго обаянія для публики. Вотъ почему печатное слово, по существу публичное и само по себѣ свободное отъ насильническихъ атрибутовъ, мы считаемъ самымъ надежнымъ слугою истины и справедливости.

Служа правдѣ, печать служитъ прежде всего и больше всего самымъ темнымъ и самымъ бѣднымъ классамъ населенія,— тѣмъ классамъ, интересы которыхъ находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ охраняемыми кн. Мещерскимъ привилегіями. Для невѣжественной и забитой массы печать является у насъ не только важнѣйшимъ, но подчасъ и единственнымъ истолкователемъ ея нуждъ и самымъ надежнымъ ея предстателемъ.

И если мы назвали вопросъ о положеніи печати важнымъ, то не потому, что онъ важенъ для насъ, ея дѣятелей, у которыхъ всякое напоминаніе о немъ отзывается нестерпимою болью въ сердцѣ; и не потому только, что онъ важенъ для нашихъ читателей, непосредственно заинтересованныхъ въ качествѣ читаемыхъ ими произведеній, но и потому, что онъ важенъ для тѣхъ, интересами которыхъ мы стремимся, по мѣрѣ своихъ силъ и въ предѣлахъ доступной для насъ возможности, освѣщать всѣ текущія явленія жизни.

Вернемся, однако, къ юридическимъ нормамъ, сильнѣе, чѣмъ что либо другое опредѣляющимъ положеніе повременной печати и возможность выполненія ею своихъ задачъ.

Повременныя изданія дѣлятся на двѣ, далеко не равноправныя, категоріи: на изданія, выходящія съ разрѣшенія предварительной цензуры, и на изданія, освобожденныя отъ нея. По цен-

зурному уставу, безъ предварительной цензуры повременныя изданія могутъ выходить повсемѣстно, если они получили на это разрѣшеніе отъ министра внутреннихъ дѣлъ. При опубликованіи закона 1865 г. всѣмъ газетамъ и журналамъ, выходящимъ въ то время въ столицахъ, было предоставлено право воспользоваться преимуществами безцензурнаго выхода на основаніи простого заявленія объ этомъ со стороны редакцій. Столичная печать широко воспользовалась этимъ правомъ и первое время могла въ массѣ своей считаться свободной отъ предварительной цензуры. Съ теченіемъ времени разрѣшенія на выходъ безъ предварительной цензуры стали даваться все съ большими и большими затрудненіями и въ настоящее время въ столицахъ можно насчитать не мало не только журналовъ, но и газетъ, каждый выпускъ которыхъ появляется въ публику не иначе, какъ съ отмѣткой: „дозволено цензурой". Распространенное въ публикѣ представленіе о столичной прессѣ, какъ о безцензурной, нельзя поэтому не назвать устарѣвшимъ и не отвѣчающимъ дѣйствительности.

Что касается провинціальной печати, то она съ самого начала была поставлена въ болѣе стѣснительныя условія, чѣмъ столичная, при чемъ эта неравноправность мотивировалась въ то время „отсутствіемъ такихъ существенныхъ условій, какъ правильно устроенные суды и органы преслѣдованія." „Правильные суды" послѣ того были введены повсемѣстно, и въ другихъ органахъ преслѣдованія недостатка въ настоящее время провинція не ощущаетъ. Самое обращеніе правительства къ судебнымъ учрежденіямъ по дѣламъ о преступленіяхъ печати почти вовсе вышло изъ практики и какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ замѣнилось мѣрами административнаго воздѣйствія. Измѣнились и общія условія провинціальной жизни, измѣнился культурный ея уровень, измѣнилась и сама областная пресса, неизмѣримо выросшая и возмужавшая. Однако стѣснительныя условія, въ которыхъ она находится, не были измѣнены въ сторону облегченія. Провинціальная печать, какъ была съ самого начала, такъ и сейчасъ остается подцензурной. Допускаемый закономъ и для провинціи выходъ повременныхъ изданій безъ предварительной цензуры разрѣшается крайне рѣдко. Въ настоящее время изъ всей массы провинціальныхъ изданій безъ предварительной цензуры выходятъ лишь двѣ частныхъ газеты: „Кіевлянинъ" и „Южный Край".

Для читателя, незнакомаго съ интимной стороной журнальной работы, можетъ быть, не совсѣмъ ясна разница въ положеніи подцензурной и безцензурной печати, и потому не лишнее будетъ остановиться на этомъ предметѣ.

Изъятыя отъ предварительной цензуры повременныя изданія прежде выпуска ихъ въ свѣтъ обязательно представляются въ цензурные комитеты, а именно: выходящія не менѣе одного раза въ недѣлю одновременно съ приступомъ къ окончательному пе-

чатанію соотвѣтствующаго нумера, а выходящія въ свѣтъ рѣже одного раза въ недѣлю—за четыре дня до его выпуска. При этомъ главному совѣту по дѣламъ печати и цензурнымъ комитетамъ предоставлено право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ сочиненія, которое будетъ признано ими особо вреднымъ, а по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, комитетъ министровъ можетъ воспретить вовсе выпускъ такого сочиненія и постановить объ отобраніи его у издателей. Независимо отъ этого, если въ задержанномъ сочиненіи или нумерѣ повременнаго изданія усматривается преступленіе, то противъ виновныхъ можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе. Не лишне при этомъ замѣтить, что принципъ предварительнаго ареста по отношенію къ произведеніямъ печати, изъятымъ отъ предварительной цензуры, внесенъ въ цензурный уставъ особымъ закономъ 12 декабря 1866 г., а право окончательно воспрещать обращеніе и отбирать напечатанныя изданія, принадлежавшее по закону 6 апрѣля 1865 г. лишь суду, предоставлено администраціи еще позже, закономъ 7 іюня 1872 года.

Каковы бы ни были, однако, условія, въ которыхъ находятся изданія, выходящія безъ предварительной цензуры, положеніе ихъ всетаки несравненно лучше положенія подцензурныхъ изданій. Лучше, прежде всего, съ технической стороны, которая особенно важна въ газетномъ и журнальномъ дѣлѣ. По цензурному уставу статья для періодическаго изданія можетъ быть просматриваема цензоромъ въ теченіе срока, въ который положено программою выходить каждой книжкѣ или листу этого изданія, т. е. статья для еженедѣльнаго изданія можетъ быть задержана недѣлю, для мѣсячнаго — мѣсяцъ и т. д. Фактически задержка цензурою статей нерѣдко много превосходитъ этотъ максимально-предѣльный срокъ. Еще недавно газеты обратили вниманіе на мелкій, но характерный фактъ: одна изъ провинціальныхъ газетъ извѣстіе отъ 22 февраля помѣстила лишь въ номерѣ отъ 13 мая и извѣщала читателей о событіяхъ, происшедшихъ въ апрѣлѣ, какъ о предстоящихъ. Правда, эти извѣстія касались вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ, но и независимо отъ содержанія статей и замѣтокъ, задержка нерѣдко происходитъ просто въ силу невозможности для цензора, особенно провинціальнаго, обремененнаго зачастую другими обязанностями, своевременно выполнить всю лежащую на немъ работу. Легко понять, какъ тяжело проистекающее отсюда невольное запаздываніе для періодическаго изданія, однимъ изъ непремѣнныхъ достоинствъ котораго должна быть своевременность даваемыхъ имъ извѣстій и отзывовъ. Между тѣмъ, это неудобство подцензурнымъ изданіямъ приходится испытывать не только по отношенію къ отдѣльнымъ фактамъ и статьямъ, но и по отношенію ко всему сообщаемому ими матеріалу. Такъ, почти всѣ подцензурныя газеты составляются

и набираются съ вечера, не позже указаннаго цензоромъ часа, тогда какъ статьи для безцензурныхъ изданій составляются и набираются въ теченіе всей ночи. Этимъ, однако, не ограничиваются техническія неудобства, проистекающія отъ подчиненія повременнаго изданія предварительной цензурѣ. Въ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ по самому свойству ихъ нерѣдко требуются измѣненія и дополненія въ самую послѣднюю минуту, но они невозможны, разъ статья просмотрѣна цензоромъ, такъ какъ всякое измѣненіе потребовало бы новаго цензурнаго просмотра и, стало быть, повлекло бы новую задержку.

Эти техническія неудобства, проистекающія отъ подчиненія повременныхъ изданій предварительной цензурѣ, кажутся, однако, ничтожными въ сравненіи съ тѣми неудобствами по существу, которыя имъ приходится испытывать. Безцензурное изданіе можетъ быть задержано и уничтожено, по закону, лишь въ виду „особаго вреда", который можетъ проистечь отъ распространенія его въ публикѣ. Какъ ни растяжимо это понятіе объ „особомъ" вредѣ, однако оно всетаки заключаетъ въ себѣ нѣкоторую гарантію, что изданіе не будетъ задержано изъ-за какого либо неважнаго или могущаго не понравиться какому либо отдѣльному лицу мѣста. Еще большую гарантію для безцензурнаго изданія представляетъ то, что вопросъ о задержкѣ и уничтоженіи его проходитъ рядъ инстанцій, изъ которыхъ нѣкоторыя коллегіальны, и восходитъ до одного изъ высшихъ правительственныхъ установленій. Между тѣмъ, подцензурное изданіе со стороны своего содержанія находится въ полной зависимости отъ отдѣльнаго чиновника, ничѣмъ не стѣсненнаго въ своемъ правѣ пользоваться красными чернилами. Отдѣлъ цензурнаго устава, содержащій въ себѣ „Правила въ руководство цензурѣ", составленъ въ такихъ общихъ выраженіяхъ, которыя не даютъ въ большинствѣ случаевъ достаточно точныхъ указаній цензору и не представляютъ изъ себя ровно никакихъ гарантій для печати. По свойственной каждому человѣку психологіи, цензоръ, конечно, больше заботится о томъ, чтобы уберечь свои интересы, чѣмъ чужіе, ему ввѣренные. Отвѣтственный передъ начальствомъ за порученное ему дѣло, онъ склоненъ почти всегда вычеркивать скорѣе больше, чѣмъ меньше необходимаго. Всякое сомнительное мѣсто, которое въ безцензурномъ изданіи прошло бы незамѣченнымъ, въ подцензурномъ, несомнѣнно, будетъ вычеркнуто. Мы не говоримъ уже о тѣхъ личныхъ взглядахъ и даже симпатіяхъ и антипатіяхъ, которыя неизбѣжно вносятся при этомъ въ дѣло, особенно провинціальными цензорами, непосредственно связанными съ тою жизнью, которую отражаетъ повременное изданіе. Нѣтъ ничего мудренаго поэтому, что многіе факты изъ дѣятельности цензуры, особенно провинціальной, при взглядѣ на нихъ съ общегосударственной или правовой точки зрѣнія, кажутся анекдотическими.

Необходимо, наконецъ, будетъ отмѣтить, что предварительная цензура тяжело сказывается и на матеріальныхъ интересахъ изданій и ихъ сотрудниковъ. Мы разумѣемъ не то, что успѣхъ такихъ изданій среди публики уменьшается, а вполнѣ поддающуюся учету затрату денегъ и труда. Цензору статьи повременныхъ изданій доставляются въ послѣдней корректурѣ. Послѣ просмотра нерѣдко требуется новая типографская работа и новая корректура. Ту и другую приходится оплачивать. Оплачивается наборъ и того, что вычернуто и что вовсе не появится въ печати,—а это въ общемъ составляетъ не малую сумму. Не оплачивается лишь трудъ сотрудниковъ забракованныхъ цензоромъ статей. Каждая цензорская выкидка—для нихъ вычетъ и подъ часъ очень чувствительный изъ заработка.

Говоря о цензурѣ, надо прибавить, что нѣкоторые отдѣлы повременныхъ изданій, какъ подчиненныхъ предварительной цензурѣ, такъ и изъятыхъ изъ нея, подлежатъ еще цензурѣ спеціальной. Такъ, напримѣръ, объявленія во всѣхъ изданіяхъ подлежатъ цензурѣ полиціи, объявленія о врачебныхъ, косметическихъ и тому подобныхъ средствахъ—цензурѣ врачебной, отчеты о земскихъ, дворянскихъ, думскихъ и сословныхъ собраніяхъ—цензурѣ градоначальниковъ и губернаторовъ и т. д. Въ практикѣ же, особенно же печати провинціальной, установился еще обычай гранки представленныхъ въ цензуру статей отправлять на просмотръ въ многоразличныя учрежденія, прямо или косвенно заинтересованныя въ предметѣ оглашенія.

Изложенными мѣрами далеко не исчерпываются средства, которыми располагаетъ цензурный уставъ для предупрежденія распространенія въ публикѣ нежелательныхъ или признаваемыхъ вредными статей и извѣстій. Не останавливаясь на болѣе мелкихъ постановленіяхъ, укажемъ здѣсь одно, имѣющее крайне важное значеніе для интересовъ гласности и свободы сужденія. „Если по соображеніямъ высшаго правительства, говорится въ 140 ст. цензурнаго устава, найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность чрезъ главное управленіе по дѣламъ печати, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ". Это постановленіе введено въ цензурный уставъ закономъ 16 іюня 1873 г. Непрерывно слѣдующіе ограничительные циркуляры за протекшіе годы накопились въ столь значительномъ числѣ, что руководство имъ представляетъ неимовѣрныя трудности даже въ техническомъ отношеніи, такъ какъ часто трудно бываетъ сказать, о чемъ можно и о чемъ нельзя говорить. Эти затрудненія до послѣднихъ лѣтъ испытывали лишь безцензурныя изданія, но два года тому назадъ обязательство руководиться подобными циркулярами возложено также на

подцензурныя газеты. Понятно поэтому, почему одной изъ самыхъ первыхъ просьбъ, заявленныхъ редакторами провинціальныхъ изданій во время послѣдней поѣздки начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, явилось ходатайство о пересмотрѣ циркуляровъ и объ отмѣнѣ тѣхъ изъ нихъ, которые даже съ точки зрѣнія правительства утратили всякое значеніе.

По закону 1865 г. административнымъ взысканіямъ подлежала только безцензурная печать и только по системѣ предостереженій. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было право дѣлать повременнымъ изданіямъ, изъятымъ отъ предварительной цензуры, предостереженія съ указаніемъ на статьи, подавшія къ сему поводъ. Третье предостереженіе пріостанавливало продолженіе изданія на срокъ, по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, не свыше, однако, 6 мѣсяцевъ. Если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ, независимо отъ пріостановки изданія, признавалъ нужнымъ вовсе прекратить его, то онъ входилъ объ этомъ съ представленіемъ въ первый департаментъ сената. Административнымъ взысканіямъ по указанной системѣ повременныя изданія, по смыслу закона, подвергались лишь за „вредное направленіе“; поддающіеся болѣе точной квалификаціи проступки печати подлежали судебному преслѣдованію.

Система предостереженій сохраняетъ свою силу и теперь съ двумя, однако, существенными измѣненіями, введенными особымъ положеніемъ комитета министровъ въ 1882 г. Во-первыхъ, послѣ третьяго предостереженія и временной пріостановки, освобождавшей до 1882 г. подвергшееся ей изданіе отъ лежавшихъ на немъ предостереженій, теперь оно подчиняется описанной уже нами карательной цензурѣ. Во-вторыхъ, вопросъ о совершенномъ прекращеніи изданія разрѣшается теперь не сенатомъ, а особымъ совѣщаніемъ изъ четырехъ министровъ, при чемъ редакторъ и издатель воспрещеннаго изданія могутъ быть навсегда лишены права быть редакторами и издателями.

Кромѣ описанныхъ каръ, опирающихся въ той или иной мѣрѣ на постановленія цензурнаго устава, административная практика знаетъ еще и другія. Такъ, повременнымъ изданіямъ очень часто воспрещается розничная продажа, при чемъ каждое такое распоряженіе сопровождается ссылкою на 178 ст. цензурнаго устава. Этой статьею, помѣщенною въ отдѣлѣ о книжной торговлѣ, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право указывать мѣстнымъ полицейскимъ начальствамъ, при выдачѣ ими дозволеній на розничную продажу, какія книги и отдѣльные нумера повременныхъ изданій не должны быть допускаемы къ розничной продажѣ.

Если мы возвратимся теперь къ закону 4 іюня, то должны будемъ признать, что значеніе дарованнаго имъ облегченія замѣтно умаляется тѣмъ рядомъ наслоеній, которымъ подвергся восполняемый этимъ закономъ законодательный актъ 1865 г....

Новый законъ нельзя, однако, непривѣтствовать. Привѣтствовать его нужно не только за облегченія—а ихъ уже давно не получала печать,—но и за ту форму, въ которой онъ проведенъ. Новый законъ утвержденъ въ формѣ „мнѣнія государственнаго совѣта", т. е. проведенъ установленнымъ для законовъ порядкомъ, тѣмъ порядкомъ, которымъ давно уже не разсматривались законы о печати. Намъ остается пожелать, чтобы въ томъ же порядкѣ и въ направленіи облегченій, въ которыхъ такъ нуждается печать, состоялся, наконецъ, и общій пересмотръ цензурнаго устава, необходимость каковаго давно уже признана правительствомъ. Черезъ два года русская повременная печать будетъ праздновать двухсотлѣтній юбилей своего существованія. Двухвѣковая служба—это не только громадная заслуга, но и вполнѣ достаточный стажъ, чтобы устранить, наконецъ, подозрительное отношеніе къ печати. Пора же, въ самомъ дѣлѣ, покончить съ вопросомъ о томъ, добрую или злую силу она изъ себя представляетъ.

II. Опять тучи!.. Опять крахи!..

„Отсутствіе своевременной тучи на небѣ или, наоборотъ, обиліе несвоевременныхъ тучъ,—сказалъ два года тому назадъ г. министръ финансовъ,—нынѣ являются главными опредѣлителями сельскаго благосостоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣра жертвъ со стороны казны для возстановленія нарушеннаго равновѣсія, хотя бы въ самыхъ скромныхъ предѣлахъ человѣческаго существованія" *). И вотъ тучи опять своевременно отсутствовали на небѣ и опять несвоевременно появились. Вотъ уже два мѣсяца почти, какъ газеты переполнены этими прискорбными извѣстіями о тучахъ и о томъ, какъ скверно опредѣлили они предстоящіе размѣры сельскаго благосостоянія. Пагубное вліяніе засухи, продолжавшееся во многихъ мѣстахъ всю вторую половину мая и большую часть іюня, усилили чрезвычайные ливни и градобитія, какими отличался конецъ послѣдняго мѣсяца, а затѣмъ всякіе черви и мошки. По своей интенсивности и по размѣрамъ охваченной площади недородъ текущаго года грозитъ не уступить неурожаямъ 1898 и даже 1891 годовъ. По газетнымъ извѣстіямъ **)—случайнымъ и отрывочнымъ,—трудно, особливо въ на-

*) Изъ рѣчи министра финансовъ, сказанной 1 марта 1899 года въ коммиссіи по упорядоченію хлѣбной торговли.

**) Говоря о газетныхъ извѣстіяхъ, не лишнимъ представляется упомянуть, что телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства въ послѣднее

стоящее время, нарисовать достаточно полную и точную картину. Можно сказать только, что онъ охватилъ почти всю юговосточную часть Россіи, а также часть центральной и южной, а именно цѣликомъ или отчасти губерніи: Таврическую, Екатеринославскую, Донскую обл., Курскую губ., Тамбовскую, Пензенскую, Саратовскую, Самарскую, Симбирскую, Нижегородскую, Вятскую, Пермскую, Оренбургскую, Уфимскую и, вѣроятно, нѣкоторыя другія, лежащія между ними или примыкающія къ нимъ. Кромѣ этой сплошной полосы, извѣстія о недородѣ приходятъ изъ многихъ мѣстъ Сибири, Средней Азіи и нѣкоторыхъ лежащихъ особнякомъ мѣстностей Европейской Россіи. Въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ губерній недородъ получился полный, т. е. и озимого, и ярового, и травъ, и овощей; въ другихъ—частичный, т. е. озимого или раннихъ, или позднихъ посѣвовъ; въ однѣхъ мѣстностяхъ онъ оказался сплошнымъ, въ другихъ—пестрымъ. Какъ бы то ни было, общіе размѣры недорода приходится считать громадными. Если же принять во вниманіе, что во многихъ изъ названныхъ мѣстъ благосостояніе сельскаго населенія въ конецъ расшатано предыдущими голодовками, а нѣкоторыя губерніи, какъ, напримѣръ, Таврическую, неурожай посѣщаетъ третій годъ подъ рядъ, то не трудно предвидѣть и послѣдствія несвоевременнаго появленія тучъ на небѣ. Очевидно, мы стоимъ опять лицомъ къ лицу съ жгучимъ вопросомъ о поддержаніи равновѣсія, „хотя бы въ самыхъ скромныхъ предѣлахъ человѣческаго существованія“. Вопросъ этотъ придется разрѣшать по отношенію къ милліонамъ и, можетъ быть, десяткамъ милліоновъ людей. Съ вопросомъ этимъ нельзя медлить, такъ какъ признаки предстоящаго голода уже налицо: цѣны на хлѣбъ быстро поднялись, цѣна на скотъ рѣзко упала, отъ безкормицы во многихъ мѣстахъ начался уже падежъ скота, а въ Хвалынскомъ уѣздѣ уже появилась цынга...

На сколько можно считать обезпеченнымъ въ настоящее время

время рисуютъ положеніе дѣлъ въ болѣе утѣшительномъ свѣтѣ, чѣмъ частныя корреспонденціи газетъ. Для характеристики сообщаемыхъ агентствомъ свѣдѣній не безъинтересно, однако, привести слѣдующую отповѣдь, сдѣланную ему «Ураломъ». «Нѣсколько дней тому назадъ, читаемъ мы въ этой газетѣ, во всѣхъ русскихъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ мѣстныхъ, было помѣщено телеграфное сообщеніе Россійскаго агентства изъ Челябинска о благопріятномъ урожаѣ хлѣбовъ въ Камышловскомъ и другихъ уѣздахъ Пермской губерніи, гдѣ, по самымъ точнымъ свѣдѣніямъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи, ожидается почти навѣрняка полный неурожай всякихъ хлѣбовъ и гдѣ на поляхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, нынѣ выпущена скотина, лишенная какихъ бы то ни было кормовыхъ травъ. Такая небрежность агента или самого агентства положительно непростительна и легко можетъ ввести въ заблужденіе многихъ иногороднихъ лицъ, близко заинтересованныхъ состояніемъ урожая въ разныхъ мѣстахъ имперіи и принужденныхъ, въ силу стеченія печальныхъ обстоятельствъ, вѣрить на слово разной неправдѣ, распускаемой по лицу Россіи единственнымъ телеграфнымъ бюро».

удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса—сказать трудно. Трудно сказать даже, дѣлается ли что-нибудь для этого или нѣтъ. Въ годы прежнихъ недородовъ въ іюлѣ во многихъ мѣстностяхъ экстренныя земскія собранія успѣвали уже выяснить приблизительные размѣры предстоявшей нужды. Въ настоящемъ году земскихъ собраній нигдѣ не сзывалось. Съ 1 іюля дѣло продовольственной помощи отъ земскихъ учрежденій перешло въ вѣдѣніе правительственныхъ установленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ его окутала канцелярская тайна. Этимъ, конечно, и нужно объяснить почти полное отсутствіе въ печати свѣдѣній о ходѣ продовольственной кампаніи. Мы желали бы вѣрить, что она идетъ вполнѣ успѣшно и что новыя продовольственныя учрежденія лучше справятся съ нелегкой задачей, выпавшей на ихъ долю, чѣмъ справлялись съ нею земскія учрежденія: отъ болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія ея зависитъ, вѣдь, не только благосостояніе, но и самое существованіе многихъ и многихъ людей.

Но сколь бы ни казались цѣлесообразными новыя продовольственныя учрежденія, какъ бы много ни проявляли они энергіи и преданности дѣлу и, даже, какъ бы щедро при новой системѣ ни оказалось правительство въ своихъ ассигновкахъ,—напередъ можно сказать, что безъ широкаго и ничѣмъ не стѣсненнаго общественнаго содѣйствія борьба съ тяжкими послѣдствіями недорода вполнѣ успѣшной быть не можетъ. Въ этомъ свидѣтельствуетъ не только первый опытъ прежнихъ продовольственныхъ кампаній, но и рядъ мелкихъ, изо дня въ день повторяющихся и потому, казалось бы, особенно убѣдительныхъ фактовъ.

При такомъ бѣдствіи, какъ неурожай на пространствѣ цѣлаго ряда губерній, нужды, обыкновенно, бываетъ такъ много, она такъ разнообразна и неотложна, и вмѣстѣ съ тѣмъ при всей своей остротѣ иногда такъ малозамѣтна, что нужно очень большое количество глазъ, чтобы хорошо разсмотрѣть ее, нужно очень много головъ, чтобы обдумать наилучшіе способы помочь ей, нужно, наконецъ, очень много рукъ, чтобы осуществить ихъ. И все это нужно дѣлать спѣшно, такъ какъ каждый часъ промедленія несетъ съ собою не только лишнія страданія, но и лишнія смерти. Вотъ почему печать каждый разъ передъ началомъ продовольственной кампаніи упорно и настойчиво твердитъ о необходимости дать широкій просторъ гласности и призвать къ участію въ борьбѣ съ голодомъ всѣ общественныя силы. Въ настоящемъ году эта необходимость особенно велика. Новая продовольственная организація будетъ дѣйствовать впервые. Не говоря объ основныхъ началахъ, на которыхъ она построена, возможно и даже вѣроятно, что въ ея механизмѣ есть не мало недостатковъ, которые обнаружатся только на практикѣ. Чтобы они не могли погубить все дѣло помощи, крайне важно не только своевременно ихъ выяснить и обсудить, но и быстро восполнить

обусловленные ими недочеты. А этого можно достигнуть не иначе, какъ при посредствѣ общества и печати.

Какъ пройдетъ начавшаяся продовольственная кампанія со стороны общественнаго въ ней участія, явится ли она счастливымъ исключеніемъ или представитъ копію предыдущихъ и даже превзойдетъ ихъ въ отношеніи всякихъ ограничительныхъ мѣръ,— ничего опредѣленнаго въ настоящее время сказать, конечно, нельзя.

Бѣда не приходитъ одна. Это повѣрье, имѣющее по отношенію къ частной жизни мистическій оттѣнокъ, въ жизни народной полно реальнаго и почти рокового значенія. Съ хроническимъ кризисомъ, который переживаетъ сельское населеніе, наша журналистика давно уже ставитъ въ связь настроенія въ торгово-промышленной области. Эти настроенія за послѣдніе годы, привели также къ кризису и также къ хроническому. Нѣкоторыя острыя проявленія его намъ неоднократно уже приходилось отмѣчать въ хроникѣ. И въ настоящій разъ бесѣду о недородѣ мы должны прервать разсказомъ о крахахъ въ торгово-промышленной сферѣ.

Опять крахи!.. Еще такъ недавно мы должны были говорить о грандіозныхъ крахахъ, связанныхъ съ именами сначала фонъ-Дервиза, потомъ Мамонтова. Крахи, вѣдь, всегда бываютъ именованные: это не то, что голодъ, тифъ, безработица, безпорядки, жертвы которыхъ только Ты, Господи, вѣси. Крахи послѣдняго времени связались съ именемъ Алчевскаго. Въ настоящемъ мѣстѣ, мы лишь въ самыхъ сжатыхъ чертахъ передадимъ сущность бѣды, разразившейся въ области торговли и промышленности *). Впрочемъ, это столь „обыкновенная исторія“, что усвоеніе ея, какъ бы кратко она ни была изложена, не затруднитъ читателя.

Если бы годъ-два тому назадъ мы спросили,—что такое Алчевскій,—намъ бы отвѣтили, что это замѣчательный человѣкъ по уму, энергіи и честности. Говоря прозой, Алчевскій былъ видный дѣлецъ въ области кредита и горнопромышленности и такъ же оживлялъ Югъ Россіи, какъ Мамонтовъ въ свое время „оживлялъ“ Сѣверъ. Пользуясь своимъ вліяніемъ и связями и, можетъ быть, чрезмѣрно довѣряя благопріятной экономической конъюнктурѣ или вѣря въ спасительность и непрерывность казенныхъ заказовъ, онъ учреждалъ одно предпріятіе за другимъ, не жалѣя ни своихъ, ни чужихъ денегъ. Два мѣсяца тому назадъ, Алчевскій былъ раздавленъ поѣздомъ желѣзной дороги. Это обстоятельство въ связи съ циркулировавшими уже слухами

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ статьѣ «Харьковскіе крахи», помѣщенной въ этомъ №.

хозяйствѣ. Таковы, казалось бы, естественные выводы, къ которымъ долженъ былъ привести поставленный авторомъ діагнозъ.

Но логика г. Кашкарова, какъ и всякая логика на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, ведетъ совсѣмъ въ иную сторону и приводитъ все къ тому же единоспасающему выводу: дворянамъ нужно вернуть ихъ помѣстья, дворянъ нужно снабдить за казенный счетъ оборотными средствами и средствами пропитанія, дворянамъ надо дать возможность „нравственнаго вліянія на близкое имъ по духу крестьянство, что составляетъ ихъ драгоцѣнное наслѣдственное достояніе, перешедшее къ нимъ отъ родителей вмѣстѣ съ землей“. Авторъ излагаетъ и планъ, осуществленіе котораго приведетъ къ этой цѣли. „Нынѣ чиновники, живущіе въ сельскихъ мѣстностяхъ и не имѣющіе никакого вліянія на возстановленіе плодородія отечественныхъ полей, говоритъ г. Кашкаровъ, получаютъ въ каждомъ уѣздѣ казеннаго содержанія ежегодно около пятидесяти тысячъ рублей“.

«Вотъ разсчетъ, поясняетъ г. Кашкаровъ, содержанія уѣздныхъ чиновниковъ: семь земскихъ начальниковъ 13.200 руб., уѣздный членъ окружнаго суда 3.300, городской судья—2.200, пять становыхъ приставовъ— 8.000, тремъ судебнымъ слѣдователямъ—7.500, чинамъ акцизнаго вѣдомства—8.000, податному инспектору, инспектору народныхъ училищъ и исправнику—8.000 р. (Въ этотъ счетъ не вошли секретари и канцеляріи уѣздныхъ присутствій, казенные агрономы и лѣсничіе). Членамъ и предсѣдателямъ земскихъ управъ— 5.000 руб.

„Если бы всѣ эти уѣздныя должностныя лица, продолжаетъ онъ, назначались изъ помѣстныхъ дворянъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, то ежегодно большая часть получаемаго ими содержанія тратилась бы производительно и составляла бы столь необходимый въ сельскомъ нашемъ хозяйствѣ оборотный его капиталъ“. Стоитъ только осуществить этотъ планъ, и отечество будетъ спасено. Мы можемъ оставить въ сторонѣ тѣ благотворныя, обѣщаемыя авторомъ, послѣдствія, которыя проистекутъ при этомъ „для упроченія законности въ сельскихъ мѣстностяхъ и для охраненія нравственности народа и его вѣры“. Для насъ важны въ данномъ случаѣ экономическіе его результаты. А они несомнѣнны. „Мѣстная почва, поясняетъ авторъ, благодаря оборотнымъ денежнымъ средствамъ и потребленію на мѣстѣ большей части получаемыхъ отъ земли и отъ мѣстной службы доходовъ, истощалась бы несравненно менѣе, чѣмъ теперь“. Авторъ не замѣчаетъ даже, что его проектъ, если его изложить болѣе вульгарнымъ языкомъ, сводящійся въ сущности къ выселенію дворянъ изъ городовъ въ деревни въ цѣляхъ удобренія, имѣетъ для первенствующаго сословія оскорбительный смыслъ. Авторъ думаетъ даже, что осуществленіе этого проекта начато уже, а именно въ 1889 г.—учрежденіемъ земскихъ начальниковъ. И онъ ждетъ лишь продолженія „мудраго внутренняго преобразованія“...

Этотъ планъ уврачеванія экономическихъ невзгодъ Россіи при посредствѣ поголовнаго обращенія помѣстныхъ дворянъ въ чиновниковъ въ цѣляхъ собственнаго ихъ прокормленія и унавоживанія полей, столь нелѣпъ и въ то же время онъ такъ хорошо вскрываетъ истинныя задачи экономической программы, выставляемой нашими охранителями, программы, стремящейся интересы небольшой группы выдать за интересы народа, что мы смѣло можемъ, не подвергая его никакой критикѣ, продолжать наше изложеніе.

Другая программа несравненно серьезнѣе, дѣльнѣе и глубже. Сводится она къ освобожденію Россіи отъ исключительнаго подчиненія тучамъ, къ „созданію крѣпкой національной промышленности" и къ поднятію такимъ образомъ страны „на уровень самодовлѣющей хозяйственной единицы". Главнымъ средствомъ, выдвигаемымъ для достиженія этой цѣли, является покровительство крупной капиталистической промышленности, осуществляемое, съ одной стороны, высокимъ таможеннымъ тарифомъ, а съ другой— раздачей казенныхъ заказовъ и всякаго рода преміями, льготами и субсидіями. Защитники этой системы хорошо сознаютъ, что „мы проходимъ такимъ путемъ дорогую школу", что „покровительственная система ложится тяжестью на все населеніе", удорожая всѣ продукты для потребителей и заставляя ихъ изъ своихъ скудныхъ средствъ въ то время, какъ самимъ ѣсть нечего,—выплачивать баснословные подъ часъ барыши капиталистамъ. Не менѣе тяжело, конечно, ложится на государственныхъ плательщиковъ, иными словами, на то же населеніе и широко практикуемая министерствомъ система непосредственнаго воспособленія за счетъ государственныхъ средствъ. Интересы потребителей и плательщиковъ приносятся такимъ образомъ въ жертву вполнѣ сознательно. Такъ же сознательно, можетъ быть, приносятся на алтарь національной промышленности и интересы непосредственно участвующихъ въ ней рабочихъ, которымъ до сего времени, какъ уже приходилось указывать намъ, не открыто „легальное поле для взаимнаго состязанія на полѣ отечественной промышленности съ умѣлымъ и хорошо вооруженнымъ противникомъ". Такъ или иначе, интересы народа — трудящихся массъ и при этой программѣ оказываются всецѣло заслоненными интересами небольшой группы представителей капитала.

Средства, предпринятыя для подъема промышленности, оказались достаточными, чтобы въ сравнительно короткій срокъ вызвать къ жизни массу новыхъ предпріятій чисто капиталистическаго типа и создать картину небывалаго промышленнаго и торговаго оживленія. Еще два года тому назадъ казалось возможнымъ публично говорить о „крупныхъ результатахъ", достигнутыхъ благодаря описанной системѣ, и о близкомъ концѣ дорогой выучки, такъ какъ „многія отрасли промышленности сдѣлали огромные успѣхи и

они у всѣхъ на виду". Эти успѣхи, какъ засвидѣтельствовали послѣдовавшіе крахи, оказались, однако, очень непрочными. Обѣдненіе трудящагося населенія, за счетъ котораго создавались они, лишило промышленность той почвы, изъ которой она могла бы черпать питательные соки. Потребность въ покровительствѣ, въ казенныхъ заказахъ, въ субсидіяхъ не только не уменьшилась, но вмѣстѣ съ ростомъ промышленности и ослабленіемъ внутренняго рынка еще увеличилась.

И теперь, въ виду появленія всякаго рода тучъ, болѣе чѣмъ когда либо умѣстенъ вопросъ, хватитъ ли государственныхъ средствъ для удовлетворенія этой потребности и можно ли всѣ разсчеты строить на томъ, что „ёнъ достанетъ"?.. Отвѣтъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть только отрицательный.

Гдѣ же всетаки выходъ? Выходъ, мы думаемъ, можетъ быть только одинъ: вмѣсто интересовъ сельскаго хозяйства, промышленности, торговли, подъ видомъ каковыхъ въ дѣйствительности обслуживаются, какъ мы имѣли случай убѣдиться, интересы лишь маленькихъ группъ населенія, цѣлью всей экономической политики необходимо ясно и опредѣленно поставить интересы трудящихся массъ. Только въ ихъ благополучіи лежитъ залогъ процвѣтанія страны. И только это можетъ избавить родину отъ скопившихся надъ нею невзгодъ...

Редакторы-Издатели: ***Вл. Г. Короленко.*** ***Н. К. Михайловскій.***

Дозв. ценз. 27 іюля 1901 г. Типографія. Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.

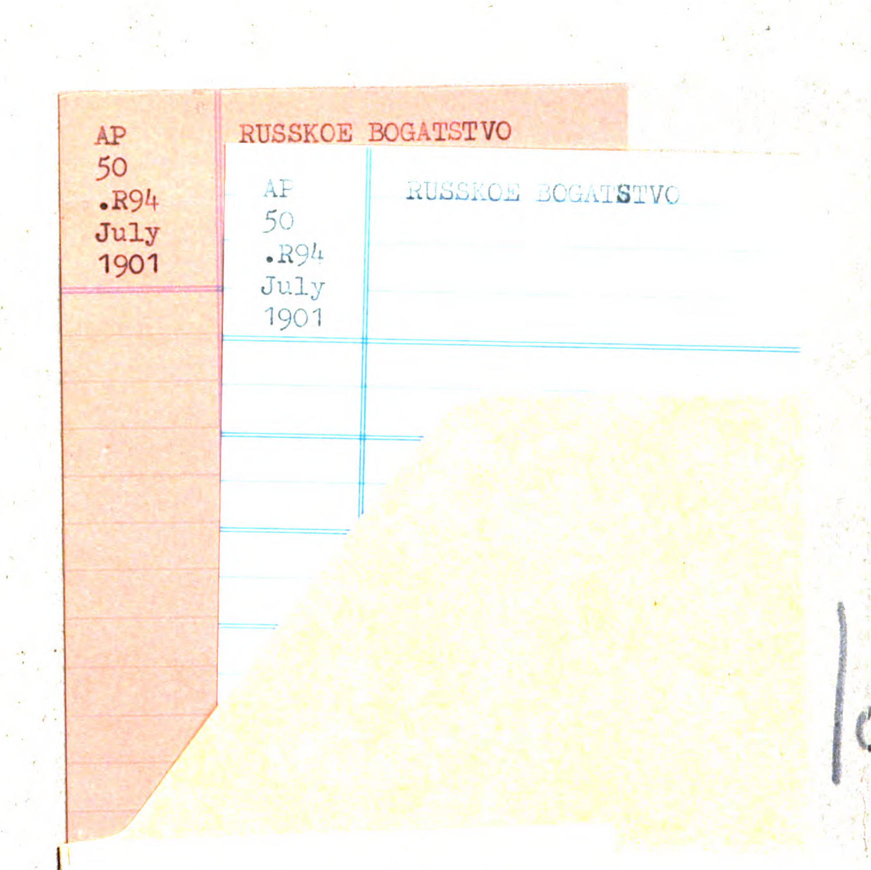

Отъ конторы редакціи.

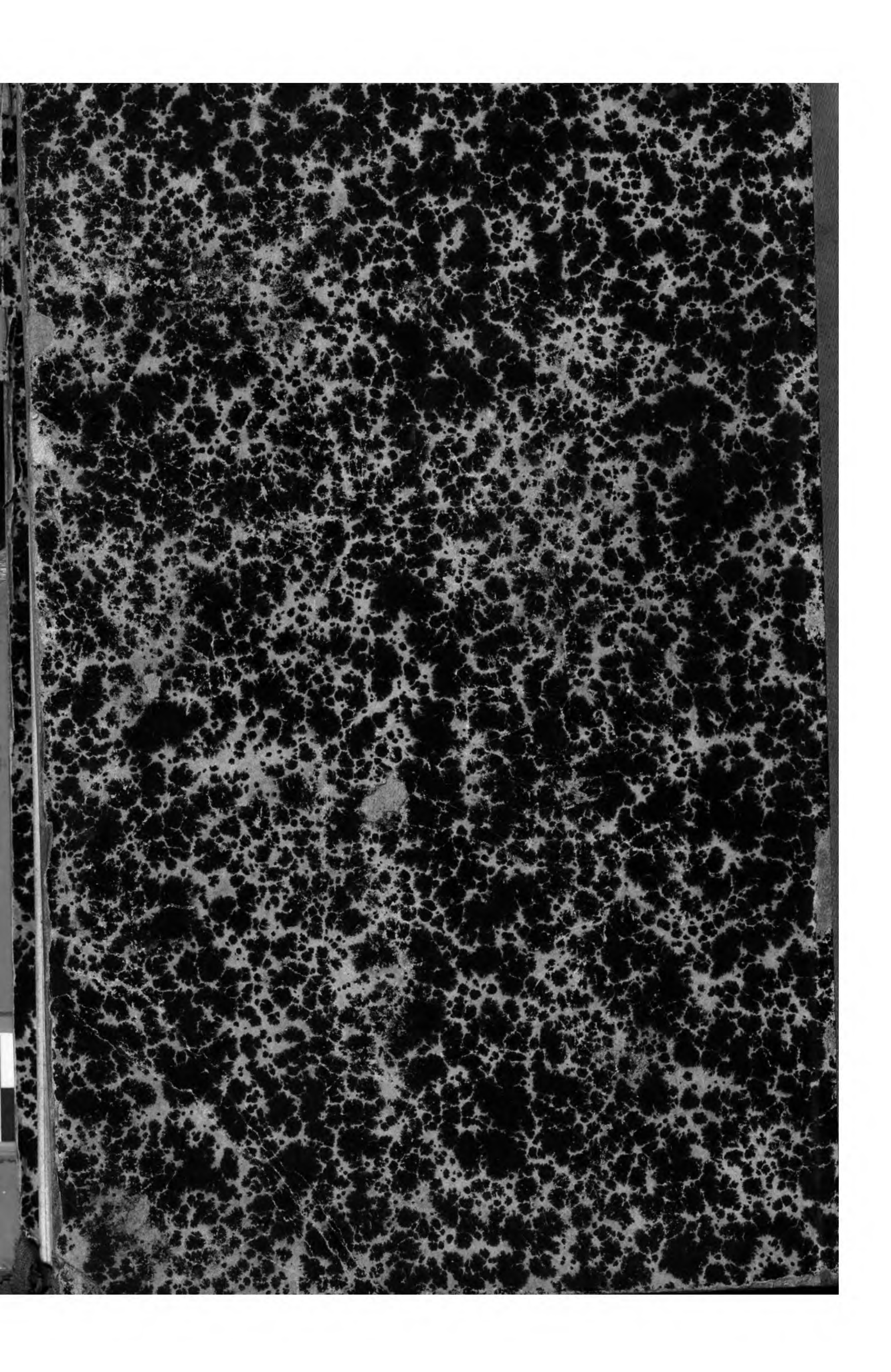
Контора редакціи доводитъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ, выписывающихъ журналъ съ разсрочкою подписной платы, что въ іюлѣ истекаетъ срокъ для окончательнаго разсчета за журналъ, и покорнѣйше проситъ при высылкѣ денегъ сообщать № своей подписки, означенный на печатномъ адресѣ, или прилагать самый адресъ.

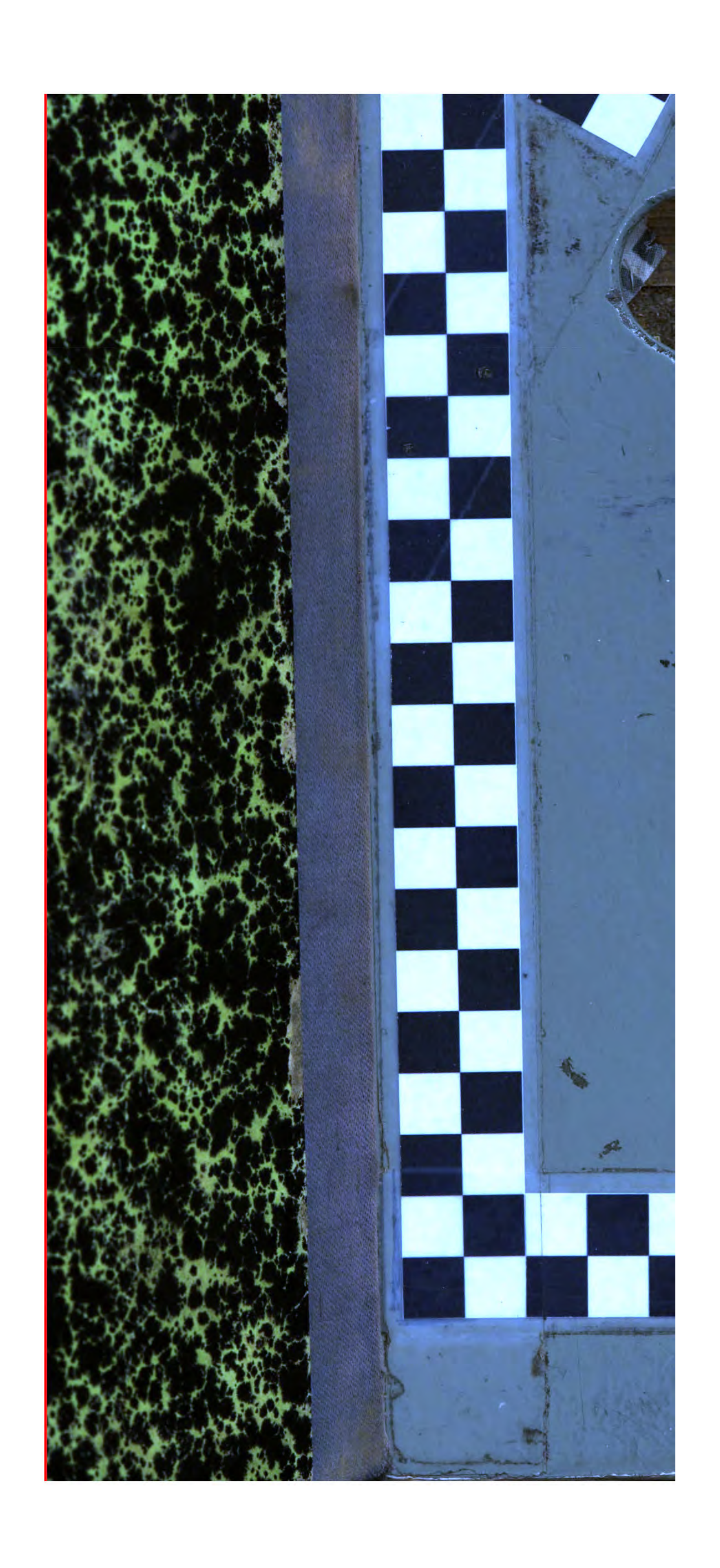
Лицамъ, не приславшимъ къ выходу іюльской книжки полной доплаты до подписной суммы 9 руб., **ВЫСЫЛКА ЖУРНАЛА БУДЕТЪ ПРЕКРАЩЕНА**.

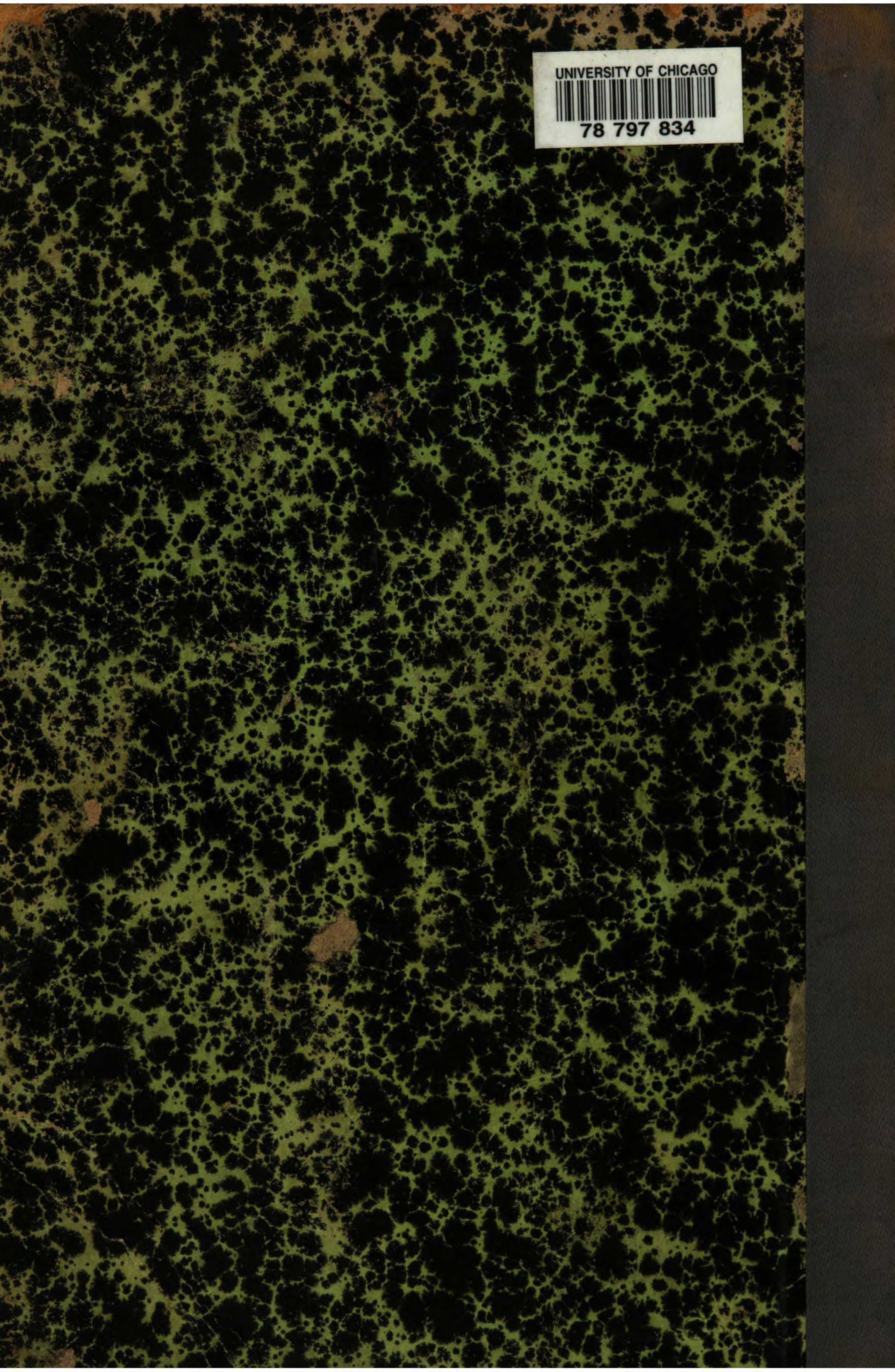
Подписчики, **живущіе въ Москвѣ**, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ и расходовъ по пересылкѣ денегъ, могутъ вносить доплаты въ отдѣленіе нашей конторы (Никитскія ворота, д. Гагарина), обязательно представляя печатный адресъ, по которому высылается журналъ изъ Петербурга.

AP
50
.R94
July
1901
RUSSKOE BOGATSTVO

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 797 834